

צריך עיון
ФЕСТИВАЛЬ
МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ
FESTIVAL
OF JEWISH TEXTS & IDEAS

ФЕСТИВАЛЬ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ «ОТ ПАПИРУСА
ДО САМИЗДАТА» / "FROM POPYRUS TO SAMIZDAT"
ESHKOLOT'S JEWISH TEXTS & IDEAS FESTIVAL

ПРОЕКТ «ЭШКОЛОТ»: ИДЕИ НА ПРОБУ /
ESHKOLOT: A TASTE OF IDEAS

/ **АНТОЛОГИЯ ТЕКСТОВ** К ФЕСТИВАЛЮ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ «ОТ ПАПИРУСА ДО САМИЗДАТА»

/ **READER** FOR "FROM POPYRUS TO SAMIZDAT" ESHKOLOT'S JEWISH TEXTS & IDEAS FESTIVAL

www.eshkolot.ru

«ЭШКОЛОТ» / ESHKOLOT

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, МАРТ 7-10, 2013 / SAINT PETERSBURG, MARCH 7-10, 2013

ФЕСТИВАЛИ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ ПРОВОДЯТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

THE ROTHSCHILD FOUNDATION (HANADIV) EUROPE И ФОНДА AVI CHAI /

THE ESHKOLOT FESTIVALS ARE SUPPORTED BY THE ROTHSCHILD FOUNDATION

(HANADIV) EUROPE AND THE AVI CHAI FOUNDATION

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

/ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «ДРЕВНОСТЬ: ЦИКЛ РАССКАЗОВ ОБ ИОСИФЕ» / BIBLICAL PERIOD: STORIES OF JOSEPH TRACK 3

ВІВЛІА НЕВРАІСА STUTTGARTENSIA, GENESIS 37–50 /	5
БИБЛИЯ, СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД, БЫТИЕ 37–50 / RUSSIAN SYNODAL BIBLE, GENESIS 37–50	32
БИБЛИЯ, СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД РБО, БЫТИЕ 37–50 / THE BIBLE SOCIETY IN RUSSIA TRANSLATION, GENESIS 37–50	47
ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО БИБЛЕИСТИКЕ (СОСТ. И. ТАНТЛЕВСКИЙ) / VISUAL MATERIALS IN BIBLE STUDIES (COMPILED BY IGOR TANTLEVSKY)	65

/ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «СРЕДНИЕ ВЕКА: РАССКАЗЫ ИММАНУИЛА РИМСКОГО» / MIDDLE AGES: IMMANUEL OF ROME TRACK 83

ИММАНУИЛ РИМСКИЙ / IMMANUEL OF ROME	85
ЙЕХУДА АЛ-ХАРИЗИ / JUDAH AL-HARIZI	134
ШЛОМО ИБН ГАБИРОЛЬ / SOLOMON IBN GABIROL	144
ШЕМУЭЛЬ ИБН НАГРЕЛА ХА-НАГИД / SAMUEL HA-NAGID	146
МОШЕ ИБН ЭЗРА / MOSES IBN EZRA	147
ТОДРОС АБУЛАФИЯ / TODROS ABULAFIA	148
ПЕТРАРКА / PETRARCA	150
OFILIUS SERGIANUS	151
ДЖОН ДОНН / JOHN DONNE	152
РУСТИКО ДИ ФИЛИППО / RUSTICO DI FILIPPO	153
ДЖАУФРЕ РЮДЕЛЬ, СЕНЬОР БЛАЙИ / GEOFFROI RUDEL DE BLAYE	154
БЕРТРАН ДЕ БОРН / BERTRAN DE BORN	156
ГВИДО КАВАЛЬКАНТИ / GUIDO CAVALCANTI	158
МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ / MARGUERITE DE NAVARRE	161
ИЕГУДА ГАЛЕВИ / JUDAH HALEVI	165
ПРИПИСЫВАЕТСЯ ПЕТРУ ДАМИАНИ / ASCRIBED TO PETRUS DAMIANI	167
КАТУЛЛ / CATULLUS	168
ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ / DANTE ALIGHIERI	170

/ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «ИДИШЛАНД: ПОЭЗИЯ И ИСКУССТВО ИДИШСКИХ МОДЕРНИСТОВ» / YIDDISHLAND: YIDDISH MODERNISTS TRACK 171

ЛЕВ КВИТКО / LEIV KVITKO	173
ДОЙВБЕР ЛЕВИН / DOYVBER LEVIN	192
ИЦИК КИПНИС / ITZIK KIPNIS	221
МАНИ ЛЕЙБ / MANI LEIB	249
КАДЯ МОЛОДОВСКАЯ / KADIA MOLODOWSKY	268
СТИХИ О МЕСТЕЧКЕ / POEMS OF THE SHTETL	293

/ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «САМИЗДАТ: НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» / SAMIZDAT: UNOFFICIAL LENINGRAD LITERATURE TRACK 297

ЛЕОНИД АРОНЗОН / LEONID ARONZON	299
ИОСИФ БРОДСКИЙ / JOSEPH BRODSKY	302
ЕЛЕНА ШВАРЦ / ELENA SHVARTS	310
АЛЕКСАНДР РИВИН / ALEXANDER RIVIN	319
СЕРГЕЙ СТРАТАНОВСКИЙ / SERGEY STRATANOVSKY	326
АЛЕКСАНДР МИРОНОВ / ALEXANDER MIRONOV	330
МИХАИЛ ГЕНДЕЛЕВ / MIKHAIL GENDELEV	331
АРЬЕ РОТМАН / ARYE ROTMAN	333
ОЛЕГ ЮРЬЕВ / OLEG YURIEV	334

Фестивали медленного чтения проводятся при поддержке
The Rothschild Foundation (Hanadiv) Europe и The Avi Chai /
The Eshkolot festivals are supported by The Rothschild Foundation
(Hanadiv) Europe and The Avi Chai

www.eshkolot.ru

/ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ
«ДРЕВНОСТЬ: ЦИКЛ РАССКАЗОВ ОБ ИОСИФЕ»

בְּנֵי-צִבְעוֹן וְאֵתָּהּ וְעֵנָה הוּא עֵנָה אֲשֶׁר מָצָא אֶת-הַיָּמִם^ב בַּמִּדְבָּר
 25 בָּרְעִתוֹ אֶת-הַחֲמָרִים לְצִבְעוֹן אָבִיו: 25 וְאֵלֶּה בְּנֵי-עֵנָה וְדָשֵׁן
 26 וְאֵת־לִבְמָה בַת-עֵנָה: 26 וְאֵלֶּה בְּנֵי דִישֹׁן חֲמֹדֵן וְאִשְׁבֵּן וְיִתְרֵן וְיֶכָרֵן:
 27 אֵלֶּה בְּנֵי-אֶצֶר בְּלֶתֶן וְזַעֲנוּב וְעֵקֶן:^א 28 אֵלֶּה בְּנֵי-דִישֹׁן עוּץ וְאָרֹן:
 29 אֵלֶּה אֱלוֹפֵי הַחֲרִי אֱלוֹף לְוֹטֵן אֱלוֹף שׁוֹבֵל אֱלוֹף צִבְעוֹן אֱלוֹף
 30 עֵנָה: 30 אֱלוֹף דִּישֹׁן אֱלוֹף אֶצֶר אֱלוֹף דִּישֹׁן אֵלֶּה אֱלוֹפֵי הַחֲרִי
 31 לְאֱלֹפֵיהֶם^א בְּאֶרֶץ שַׁעִיר: פ 31 וְאֵלֶּה הַמְּלָכִים אֲשֶׁר מָלְכוּ
 32 בְּאֶרֶץ אֲדוּם לַפְּנֵי מֶלֶךְ-מֶלֶךְ^א לַבְּנֵי יִשְׂרָאֵל:^א 32 וַיְמַלֶּךְ בְּאֲדוּם
 33 בְּלַע בֶּן-בְּעוֹר וְשֵׁם עִירוֹ דְּנֶהֱבָה: 33 וַיָּמָת בְּלַע וַיְמַלֶּךְ תַּחְתָּיו יוֹבָב
 34 בֶּן-זֶרַח מִבְּצֻרָה: 34 וַיָּמָת יוֹבָב וַיְמַלֶּךְ תַּחְתָּיו חֲשֵׁם מֵאֶרֶץ הַתִּימָנִי:
 35 וַיָּמָת חֲשֵׁם וַיְמַלֶּךְ תַּחְתָּיו הֶדֶד בֶּן-בְּרֹד הַמִּכְּהָ אֶת-מִדְיָן בְּשֹׁדָה
 36 מוֹאָב וְשֵׁם עִירוֹ עֵוִית: 36 וַיָּמָת הֶדֶד וַיְמַלֶּךְ תַּחְתָּיו שִׁמְלָה מִמְּשֻׁרָקָה:
 37 וַיָּמָת שִׁמְלָה וַיְמַלֶּךְ תַּחְתָּיו שָׂאוּל מִרְחֻבּוֹת הַנֶּהָר: 38 וַיָּמָת שָׂאוּל
 39 וַיְמַלֶּךְ תַּחְתָּיו בְּעַל חֲנָן בֶּן-עַכְבּוֹר: 39 וַיָּמָת בְּעַל חֲנָן בֶּן-עַכְבּוֹר
 וַיְמַלֶּךְ תַּחְתָּיו הַדָּר^א וְשֵׁם עִירוֹ פְּעוֹ וְשֵׁם אִשְׁתּוֹ מְהִישְׁבָּאֵל בַּת-מִטְרָד
 40 בְּתַ^א מִי^ב זָהָב: 40 וְאֵלֶּה שְׂמוֹת אֱלוֹפֵי עֵשׂוֹ לְמִשְׁפַּחְתָּם
 41 לְמִקְמֹתָם בְּשִׁמְתָם אֱלוֹף תַּמְנֵעַ אֱלוֹף עֲלֹנָה אֱלוֹף יִתְתָּ:^א 41 אֱלוֹף
 42 אֵת־לִבְמָה אֱלוֹף אֵלֶּה אֱלוֹף פִּינֹן: 42 אֱלוֹף קִנְזֵן אֱלוֹף תִּימָן אֱלוֹף
 43 מִבְּצֹר: 43 אֱלוֹף מְגִדְיָאֵל אֱלוֹף עִירָם אֵלֶּה אֱלוֹפֵי אֲדוּם לְמִשְׁבְּחָתָם^א
 בְּאֶרֶץ אַחֲזֹתָם הוּא עֵשׂוֹ אָבִי אֲדוּם: פ קנ"ג^א
 37 וַיָּשָׁב יַעֲקֹב בְּאֶרֶץ מִנְּוֵרֵי אָבִיו בְּאֶרֶץ כְּנָעַן: 2 אֵלֶּה א
 תְּלִדוֹת יַעֲקֹב יוֹסֵף בֶּן-שִׁבְעָה עָשָׂרָה שָׁנָה הָיָה רַעֲה אֶת-אָחִיו בְּצֹאֵן
 וְהוּא נָעַר אֶת-בְּנֵי בְלָתָה וְאֶת-בְּנֵי זִלְפָּה נְשֵׁי אָבִיו וַיָּבֵא יוֹסֵף אֶת-
 3 דִּבְתָם רַעֲה אֶל-אָבִיהֶם: 3 וַיִּשְׂרָאֵל אֶת־יוֹסֵף מִכָּל-בְּנָיו כִּי-

ל"י. ב"ג. חס ול בליש
 ל. י"ז. ר"פ בתור וכל
 תלדות דכות ב מ ד.
 י"ג. ד בתור
 י"ז. ר"פ בתור וכל תלדות
 דכות ב מ ד. י"ג. ל. ג.

ד בתור
 ה חס בליש.
 י"ז. ר"פ בתור וכל תלדות
 דכות ב מ ד.

ל שם אנש. ו ססוק
 ושם ושם. ל. י"ג. ב.

ב בתור מילין. י"ג. ב בתור.

ב חד מל וחד חס. י"ג. ב.

ב. ל. חס

ב. ד. ר"פ

ב. כ. כ. י"ג. פסוק את את ראת את

י. נא. יח מנה בתור

ל. ג. ד.

11 Ch 1,40. 12 Nu 6,5. 13 Mm 267. 14 Mm 984. 15 Mm 4007. 16 Mm 268. 17 Mm 269.
 18 Mm 270. 19 Mm 4008. 20 Neh 12,27. 21 Mm 3024. 22 Summa sec Or, sed vere 153 vv, cf Mp sub loco.
 Cp 37 1 Ez 21,17. 2 Mm 48. 3 Mm 271. 4 Mm 639. 5 Mm 1078.

24^a I c pc Mss μ Vrs איה cf I Ch 1,40 || ^b prp המים cf S || 26^a I c μ S דישון? cf
 I Ch 1,41 || 27^a μ Mss בלען || ^b ווען || ^c I Ch 1,42 יעקן || 30^a I ל'אל' || 31^{a-a}
 2 Mss & ביש' || 39^a mlt Mss μ S הוד cf I Ch 1,50 || ^{b-b} prp ממי || ^c & (S) vlov, I
 frt בן || 40^a & Mss Iεθep, I frt יתר || 43^a μ למשפחתם.

23 אתו מידם להשיבו אל-אביו: 23 ויהי כאשר-בא יוסף אל-אחיו

ויפשיטו את-יוסף^a את-כתנתו^a את-כתנת הפסים אשר עליו: 23 ב. 23

24 ויקחוהו וישלכו אתו הברה והבור רק אין בו מים: 25 וישבו

ב חס. 23. ל. 24. ב. 25.

מג. ל. חס. 20. בטע וכל מלכים ויחזק דכות ב מ ב

לאכל-לחם וישאו עיניהם ויראו והנה ארתת ישמעאלים באה

ב. ח. ב ובחרו לישג. 27. ב. ל. ומל. ל. ומל. כח. 28.

מזלעד ונמליהם נשאים נכאת וצרי ולט הולכים להוריד מצרימה:

26 ויאמר יהודה אל-אחיו מה-בצע כי נהרג את-אחינו וכפינו את-

דמו: 27 לכו ונמכרנו לישמעאלים וידנו אל-תהי-בו כי-אחינו

28 בשרנו^b הוא וישמענו אחיו: 28 ויעברו אנשים מדינים סחרים וימשכו

29 ויעלו את-יוסף מן-הבור וימכרו את-יוסף לישמעאלים בעשרים

30 כסף ויביאו את-יוסף מצרימה: 29 וישב ראובן אל-הבור והנה

30 אין-יוסף בבור ויקרע את-בגדיו: 30 וישב אל-אחיו ויאמר הילד

31 איננו ואני אנה אני-בא: 31 ויקחו את-כתנת יוסף וישחטו שעיר עזים

32 ויטבלו את-הכתנת בדם: 32 וישלחו את-כתנת הפסים ויביאו^a אל-

33 אביהם ויאמרו זאת מצאנו הכר-נא הכתנת בנה הוא אם-לא: 33 ב. 30. 1. ס"ם

33 ויכירה ויאמר כתנת בני^a תיה רעה אכלתהו טרף טרף יוסף: 33 ל. ד. 1.

34 ויקרע יעקב שמלתיו וישם שק במתניו ויתאבל על-בני ימים

35 רבים: 35 ויקמו כל-בניו וכל-בנותיו לנחמו וימאן להתנחם ויאמר

36 כי-ארד אל-בני אבלי שאלה ויבך אתו אביו: 36 והמדנים^a מכרו

אתו אל-מצרים לפוטיפר סריס פרעה שר הטבחים: 36 ב. פ.

38 ויהי¹ בעת^o ההוא וירד יהודה מאת אחיו ויט עד-איש²

[1] 38

3 ויקחה ויבא אליה: 3 ותהר ותלד בן ויקרא⁴ את-שמו ער: 4 ותהר

5 עוד ותלד בן ותקרא את-שמו אונן: 5 ותסף עוד ותלד בן ותקרא⁵

6 את-שמו שלה והיה^a בכזיב^b בלדתה אתו: 6 ויקח יהודה אשה לער

22 S 15,32. 23 Mm 277. 24 Jer 41,9. 25 Mm 278. 26 Mm 279. 27 Mm 4121. 28 Mm 84. 29 Jer 38,13. 30 Ex 28,39. Cp 38 1 Mm 1947. 2 Mm 3180. 3 Mm 280. 4 Mm 215.

23 a-a > 35 || 27 a 3 + τούτοις || b 1 c μ35υ || 32 a prp || 33 a μ35 || 36 a 1 frt והמדנים cf 28 || Cp 38,1 a 1 אל? || 2 a 3 suff f cf 6; 1 ושממה בת? cf 12 || 3 a 1 c nonn Mss μ3' ותק' cf 4.5 || 5 a 3 αυτη δè ην, 1 והיא || b μ בכובה cf 1 Ch 4,22.

7 בְּכוֹרוֹ וְשָׁמָּה תִּמְרוּ: 7 וַיְהִי עַר בְּכוֹר יְהוּדָה רָע בְּעֵינֵי יְהוָה וַיִּמְתְּהוּ 7
 יְהוָה: 8 וַיֹּאמֶר יְהוּדָה לְאוֹנָן בֵּא אֶל-אִשְׁתִּי אַחִיד וַיְבַם אִתָּהּ וְהָקָם
 9 זָרַע לְאַחִיד: 9 וַיִּגְדַע אוֹנָן כִּי לֹא לוֹ יְהִיָה הַזָּרַע וְהָיָה אִם-בָּא אֶל-
 אִשְׁתִּי אָחִיו וְשָׁחַת אֶרְצָה לְבִלְתִּי נָתַן-זָרַע לְאַחִיו: 10 וַיִּרַע בְּעֵינֵי
 יְהוָה אֲשֶׁר עָשָׂה וַיָּמָת נָם-אִתּוֹ: 11 וַיֹּאמֶר יְהוּדָה לְתָמָר כְּלָתוֹ שְׁבִי
 אֵלַימָנָה בֵּית-אָבִיךָ עַד-יִגְדַּל שְׁלָה בְנֵי כִּי אֹמַר פֶּן-יָמוּת נָם-הוּא
 כְּאָחִיו וְתִלְדָּךְ תִּמְרוּ וְתִשָּׁב בֵּית אָבִיךָ: 12 וַיִּרְבּוּ הַיָּלָמִים וְתָמָר
 בַּת-שׁוּעַ אִשְׁת־יְהוּדָה וַיִּנָּחַם יְהוּדָה וַיַּעַל עִלָּה-גִּזְוֵי צֹאנוֹ הוּא וְחִירָה
 רַעָהוּ הָעֶדְלָמִי תִמְנַתָּה: 13 וַיִּגְדַּל לְתָמָר לֵאמֹר הִנֵּה חָמִיד עִלָּה
 תִמְנַתָּה לָנוּ צֹאנוֹ: 14 וְתָסַר בְּגֵדֵי אֶלְמָנוּתָהּ מֵעַלֶיהָ וְתָכַסּ בַּצְּעִירָה
 וְתִתְעַלֶּף וְתִשָּׁב בְּפֶתַח עֵינָיִם אֲשֶׁר עַל-הַדָּרֶךְ תִמְנַתָּה כִּי רָאָתָה כִּי-
 גִדַּל שְׁלָה וְהוּא לֹא-נִתְנָה לוֹ לְאִשָּׁה: 15 וַיִּרְאָה יְהוּדָה וַיַּחְשְׁבֶהָ לְזוֹנָה
 כִּי כִסְתָה פָנֶיהָ: 16 וַיֵּשֶׁת אֵלֶיהָ אֶל-הַדָּרֶךְ וַיֹּאמֶר הֲבֵא אָבוֹא אֵלַיךָ
 כִּי לֹא יָדַע כִּי כְלָתוֹ הוּא וְהֹאמֶר מַה-תִּתֶּן-לִּי כִּי תָבוֹא אֵלַי:
 17 וַיֹּאמֶר אָנֹכִי אֲשַׁלַּח גִּדֵי-עֵזִים מִן-הַצֹּאן וְהֹאמֶר אִם-תִּתֶּן עֶרְבוֹן
 עַד שְׁלַחְךָ: 18 וַיֹּאמֶר מִנָּה הָעֶרְבוֹן אֲשֶׁר אֶתֶּן-לְךָ וְהֹאמֶר תִּתְּמָךְ
 וּפְתִילֶךָ וּמִטְּףֶךָ אֲשֶׁר בְּיָדְךָ וַיִּתֶּן-לָהּ וַיָּבֵא אֵלֶיהָ וַתַּהַר לוֹ: 19 וַתִּקֶּם
 וְתִלְדָּךְ וְתָסַר צְעִיפָהּ מֵעַלֶיהָ וְתִלְבַּשׁ בְּגֵדֵי אֶלְמָנוּתָהּ: 20 וַיִּשְׁלַח
 יְהוּדָה אֶת-גִּדֵי הָעֵזִים בְּיַד רַעָהוּ הָעֶדְלָמִי לְקַחַת הָעֶרְבוֹן מִיַּד הָאִשָּׁה
 וְלֹא מִצָּאָהּ: 21 וַיִּשְׁאַל אֶת-אִנְשֵׁי מִקְמֹהָ לֵאמֹר אֵיךְ הִקְדַּשְׁתָּ הוּא
 בְּעֵינָיִם עַל-הַדָּרֶךְ וַיֹּאמְרוּ לֹא-הִיָּתָה בְּזָה קְדֻשָּׁה: 22 וַיִּשָּׁב אֶל-
 יְהוּדָה וַיֹּאמֶר לֹא מִצָּאָתִיָּה וְנָם אִנְשֵׁי הַמָּקוֹם אָמְרוּ לֹא-הִיָּתָה בְּזָה
 קְדֻשָּׁה: 23 וַיֹּאמֶר יְהוּדָה תִּקַּח-לָהּ פֶּן נִהְיָה לְבוֹז הִנֵּה שְׁלַחְתִּי הַגִּדֵי
 הַזֶּה וְאִתָּה לֹא מִצָּאָתָה: 24 וַיְהִי כִּמְשָׁלֵשׁ חֳדָשִׁים וַיִּגְדַּל לִיהוּדָה

ג מל"ט. ט. לז בחור" כל חס ב מ ה מל

ו"דגש ב מנה בסוף ה"ל קט"ו

לז בחור

ה"י

י"ב. ב

כ"ה

ל. י"ב. כח. ה וכל על הדרך דכות"ל

ג. ג. ג. ב. ג.

ד. ב. ב. כט

ט"ו

יא בטע"ו. ט

י"ב. ב

ל. ג. וחד מן ב בחור בלוש

י"ו

ז

כ"ג

י"ב. ב. כ"ד

⁹ Mm 281. ⁶ Mp sub loco. ⁷ Cf Mm 2137. ⁸ Mm 3644 et Mp sub loco. ⁹ Mm 282. ¹⁰ Lv 14, 48. ¹¹ Mm 283. ¹² Mm 140. ¹³ Mm 2228. ¹⁴ Mm 3032. ¹⁵ Jes 1, 21. ¹⁶ Mm 425. ¹⁷ Mm 284. ¹⁸ Ex 17, 5. ¹⁹ Mm 285. ²⁰ Mm 3605.

9^a sic L, mlt Mss Edd לא || 12^a l אלא? || 14^a l c μστ ותתכס || b-b > SV cf Jub 41, 14 || c-c S(V) bplst 'wrht' db'wrht', prp על-ראש ד' cf ט"ו || 16^a sic L, mlt Mss Edd ל sine dageš || 18^a ut 16^a || b ut 16^a || 21^a l c μστP המקום ut 22? || b μ ההיא || c > SV cf 14^{b-b} || d-d S(τP) djtb' bplst 'wrht' = V quae sedebat in bivio cf 14^{c-c} || 24^a prb l c μ לשת-.

11 ^aלהיות עמה: 11 ויהי פתיום הנה ויבא הביתה לעשות מלאכתו ^{ד וכל עזרא דכות' 15}
 12 ואין איש מאנשי הבית שם בבית: 12 ותתפשטו בבגדו לאמר שכבה ^{17. ל. ב.}
 13 עמי ויעזב בגדו בידה וינס ויצא החוצה: 13 ויהי כראותה כי עזב ^{18. ל ומל}
 14 בגדו בידה וינס החוצה: 14 ותקרא לאנשי ביתה ותאמר להם ^{19. 20. וכל נביא דכות ב מ א}
 לאמר ראו הביא לנו איש עברי לצחק בנו בא אלי לשכב עמי ^{1. ה סת רב קמ}
 ואקרא בקול גדול: 15 ויהי כשמעו כי הרימתי קולי ואקרא ויעזב ²
 בגדו אצלי וינס ויצא החוצה: 16 ותנח בגדו אצלה עד בוא אדניו ^{19. 20. 21. כל וכל שמואל וכותב דכות ב מ ה}
 אל ביתו: 17 ותדבר אליו פדברים האלה לאמר בא אלי העבד ³
 העברי אשר הבאת לנו לצחק בי: 18 ויהי כהרימי קולי ואקרא ⁴
 ויעזב בגדו אצלי וינס החוצה: 19 ויהי כשמע אדניו את דברי ^{18. 19}
 אשתו אשר דברה אליו לאמר פדברים האלה עשה לי עבדך ^{19. 20}
 ויחר אפו: 20 ויקח אדני יוסף אתו ויתנהו אל בית הסהר מקום ^{20. 21}
 אשר אסורי המלך אסורים ויהי שם בבית הסהר: 21 ויהי יהודה ^{אסירי ק}
 את יוסף ויט אליו חסד ויתן חנו בעיניו שר בית הסהר: 22 ויתן שר ^{ל. ל. ס בתור}
 בית הסהר ביד יוסף את כל האסירים אשר בבית הסהר ואת ^{ל סס י תנינ}
 כל אשר עשיל שם הוא תנה עשה: 23 אין שר בית הסהר ראה ^{24. 25}
 את כל מאומה בידו באשר יהודה אתו ואשר הוא עשה יהודה ^{הי. 20. ב}
 מצליח: ^ס

40 ¹ ויהי אחר הדברים האלה חטאו משקה מלך מצרים ¹⁴
 והאפה לאדניהם למלך מצרים: ² ויקצף פרעה על שני סריסיו ^{ט סס ב' מנה בליש}
 על שר המשקים ועל שר האופים: ³ ויתן אתם במשמר בית שר ^{ב. 1. סת}
 הטבחים אל בית הסהר מקום אשר יוסף אסור שם: ⁴ ויפקד שר ¹⁵
 הטבחים את יוסף אתם וישרת אתם ויהיו ימים במשמר: ⁵ ויחלמו ¹⁶
 חלום שניהם איש חלמו בלילה אחד איש כפתרון חלמו המשקה ¹⁷

¹⁵ Mm 288. ¹⁶ Mm 1557. ¹⁷ Mm 289. ¹⁸ Mm 290. ¹⁹ Mm 4261. ²⁰ Mm 3718. ²¹ Mm 169. ²² Mm 291.
²³ Mm 3310. ²⁴ Ho 3,4. ²⁵ Mm 2386. Cp 40 ¹ Mm 3117. ² Mm 3059. ³ Mm 292. ⁴ Mm 3975.

10 ^{a-a} > 10⁶⁶k, dupl? || 12 ^a > pc Mss || 13 ^a nonn Mss μϞ + ויצא ut 12. 15 cf 18 ^a ||
 15 ^a בידי μ cf 12 || ^b cf 12 ^a || 18 ^a pc Mss Ϟ5 + ויצא cf 13 ^a || 19 ^a sic L, mlt Mss
 Edd הָה || 22 ^a μ האסורים cf 20 || Cp 40,3 ^a sic L, mlt Mss Edd הַט' || 4 ^a l frt 'במ'.

41 וַיְהִי מִקֵּץ שְׁנַתִּים יָמִים וּפְרָעָה חָלַם וְהִנֵּה עֹמֵד עַל-סוּרֵי פְרֶשֶׁת הַיָּאֵר: ² וְהִנֵּה מִן-הַיָּאֵר עֹלֹת שֶׁבַע פָּרוֹת יָפוֹת מְרֹאָה וּבְרִיאת בָּשָׂר וּתְרַעֲנָה בְּאֶחָיו: ³ וְהִנֵּה שֶׁבַע פָּרוֹת אַחֲרוֹת עֹלֹת אַחֲרֵיהֶן מִן-הַיָּאֵר רָעוֹת מְרֹאָה וְדַקּוֹת בָּשָׂר וְתַעֲמֻדְנָה אֶצֶל הַפָּרוֹת עַל-שִׁפְת הַיָּאֵר: ⁴ וְהִתְקַלְנָה הַפָּרוֹת רָעוֹת הַמְרֹאָה וְדַקּוֹת הַבָּשָׂר אֶת שֶׁבַע הַפָּרוֹת יִפֹּת הַמְרֹאָה וְהַבְּרִיאת וַיִּקְרַן פְּרָעָה: ⁵ וַיִּישָׁן וַיִּחְלֶם שְׁנִית וְהִנֵּה אֶשְׁבַּע שִׁבְלִים עֹלֹת בְּקִנְיָה אֶחָד בְּרִיאות וְטָבוֹת: ⁶ וְהִנֵּה שֶׁבַע שִׁבְלִים דַּקּוֹת וּשְׂדוּפֹת קָדִים צְמֻחוֹת אַחֲרֵיהֶן: ⁷ וְתַבְלַעְנָה הַשִּׁבְלִים הַדַּקּוֹת אֶת שֶׁבַע הַשִּׁבְלִים הַבְּרִיאות וְהַמְלֵאות וַיִּקְרַן פְּרָעָה וְהִנֵּה חֲלוֹם: ⁸ וַיְהִי בַבֶּקֶר וַתִּפְעַם רוּחוֹ וַיִּשְׁלַח וַיִּקְרָא אֶת-כָּל-חֲרָטְמֵי מִצְרַיִם וְאֶת-כָּל-חֲכַמֶיהָ וַיִּסְפֹּר פְּרָעָה לָהֶם אֶת-חֲלֹמוֹ וְאֵין-פּוֹתֵר אוֹתָם לְפְרָעָה: ⁹ וַיַּדְבֵּר שֵׁן הַמִּשְׁקִים אֶת-פְּרָעָה לֵאמֹר אֶת-חֲטָאִי אֲנִי מוֹזְכִיר הַיּוֹם: ¹⁰ פְּרָעָה קָצַף עַל-עַבְדֵי וַיִּתֵּן אֹתִי בְּמִשְׁמֹר בַּיִת שֵׁן הַטְּבָחִים אֹתִי וְאֶת שֵׁן הָאֲפִים: ¹¹ וַנְּחַלְמָה חֲלוֹם בְּלֵילָה אֶחָד אֲנִי וְהוּא אִישׁ כְּפַתְרוֹן חֲלֹמוֹ חֲלֹמוֹ: ¹² וְשֵׁם אֹתָנוּ נֶעַר עַבְדֵי עָבַד לְשֵׁן הַטְּבָחִים וְנִסְפַר-לּוֹ וַיִּפְתֹּר-לָנוּ אֶת-חֲלֹמֹתֵינוּ אִישׁ כְּחֲלֹמוֹ פְּתָר: ¹³ וַיְהִי כַּאֲשֶׁר פָּתַר-לָנוּ כֵּן הָיָה אֹתִי הַשִּׁיב עַל-כַּפְּי וְאֹתוֹ תִּלָּה: ¹⁴ וַיִּשְׁלַח פְּרָעָה וַיִּקְרָא אֶת-יוֹסֵף וַיְרִיצֵהוּ מִן-הַבּוֹר וַיַּגְלֵחֵהוּ וַיַּחַלֵּף שְׂמֹלֹתָיו וַיָּבֵא אֵל-פְּרָעָה: ¹⁵ וַיֹּאמֶר פְּרָעָה אֶל-יוֹסֵף חֲלוֹם חֲלֹמֹתֵי וּפְתָר אֵין אֹתוֹ וְאֲנִי שָׁמַעְתִּי עֲלֶיךָ לֵאמֹר תִּשְׁמַע חֲלוֹם לְפְתָר אֹתוֹ: ¹⁶ וַיַּעַן יוֹסֵף אֶת-פְּרָעָה לֵאמֹר בְּלַעְדֵי אֱלֹהִים יַעֲנֶה אֶת-שְׁלוֹם פְּרָעָה: ¹⁷ וַיַּדְבֵּר פְּרָעָה אֶל-יוֹסֵף בְּחֲלֹמֵי הַנְּגִי עֹמֵד עַל-שִׁפְת הַיָּאֵר: ¹⁸ וְהִנֵּה מִן-הַיָּאֵר עֹלֹת שֶׁבַע פָּרוֹת בְּרִיאות בָּשָׂר וַיִּפֹּת תָּאֵר וּתְרַעֲנָה בְּאֶחָיו: ¹⁹ וְהִנֵּה שֶׁבַע-פָּרוֹת אַחֲרוֹת עֹלֹת אַחֲרֵיהֶן דְּלוֹת וְרָעוֹת תָּאֵר מְאֹד וְדַקּוֹת בָּשָׂר לֹא-רָאִיתִי כְתֻנָּה בְּכָל-אֶרֶץ

Cp 41 ¹ Mm 565. ² Mm 297. ³ Mm 1949. ⁴ Mm 298. ⁵ Mm 1935. ⁶ Mm 2675. ⁷ Mm 292. ⁸ Mm 3975. ⁹ Mm 1998. ¹⁰ Mm 299. ¹¹ Mm 1017. ¹² Cf Da 12, 8 et Mp sub loco. ¹³ Mm 300.

Cp 41, 3 ^a 1 c pc Mss ׀ וּרְקוֹת cf 19.20.27 ׀ 4 ^a ut 3 ^a ׀ 8 ^a חֲלֹמֵי ׀ ^b & aúró, 1 ׀ 9 ^a 1 c ׀ 10 ^a 1 c ׀ אֶתְּ ׀ 13 ^a frt ins ׀ פְּרָעָה ׀ 14 ^a 1 ׀ וַיַּגְלֵחֵהוּ ׀ 16 ^a 2 ׀ בְּלַעְדֵי אֱלֹהִים לֹא יַעֲנֶה ׀ 19 ^a mlt Mss ׀ וְדַקּוֹת.

20 מִצְרַיִם לָרֹעַ: 20 וַתֹּאכְלֶנָּה הַפְּרוֹת הַרְקוֹת וְהַרְעוֹת אֶת שִׁבְעַת
 21 הַפְּרוֹת הַרְאֲשֹׁנוֹת הַבְּרִיאֹת: 21 וַתִּבְאֶנָּה אֶל־קַרְבָּנָה וְלֹא נֹדַע כִּי־
 22 בָּאוּ אֶל־קַרְבָּנָה וּמֵרֵאֵיהֶן רָע פֶּאֶשֶׁר בַּתְּחִלָּה וְאִיקָן: 22 וְאָרְאָה
 23 בַּחֲלֹמִי וְהִנֵּה שְׁבַע שַׁבְּלִים עֹלֹת בְּקַנְיָה אֶחָד מִלֵּאֵת וְשָׁבוֹת: 23 וְהִנֵּה
 שְׁבַע שַׁבְּלִים צְנֻמוֹת דְּקוֹת שְׂדֵפוֹת קָדִים צְמֻחוֹת אַחֲרֵיהֶם: 23
 24 וַתִּבְלַעַן הַשַּׁבְּלִים הַדְּקוֹת אֶת שִׁבְעַת הַשַּׁבְּלִים הַטְּבוֹת וְאָמַר אֶל־
 25 הַחֲרָשִׁים וְאִין מִנִּיד לִי: 25 וַיֹּאמֶר יוֹסֵף אֶל־פֶּרְעָה חֲלוֹם פֶּרְעָה
 26 אֶחָד הוּא אֶת אֲשֶׁר הָאֱלֹהִים עֲשָׂה הַגִּיד לְפֶרְעָה: 26 שְׁבַע פְּרֹתֶיךָ
 הַטְּבוֹת שְׁבַע שָׁנִים הֵנָּה וְשִׁבְעַת הַשַּׁבְּלִים הַטְּבוֹת שְׁבַע שָׁנִים הֵנָּה חֲלוֹם
 27 אֶחָד הוּא: 27 וְשִׁבְעַת הַפְּרוֹת הַרְקוֹת וְהַרְעוֹת הָעֹלֹת אַחֲרֵיהֶן שְׁבַע
 שָׁנִים הֵנָּה וְשִׁבְעַת הַשַּׁבְּלִים הַרְקוֹת שְׂדֵפוֹת הַקָּדִים יִהְיוּ שְׁבַע שָׁנִים
 28 רָעָב: 28 הוּא הַדְּבָר אֲשֶׁר דִּבַּרְתִּי אֶל־פֶּרְעָה אֲשֶׁר הָאֱלֹהִים עֲשָׂה
 29 הָרְאָה אֶת־פֶּרְעָה: 29 הִנֵּה שְׁבַע שָׁנִים בָּאוֹת שְׁבַע נְדוּל בְּכָל־אֶרֶץ
 30 מִצְרַיִם: 30 וְקָמוּ שְׁבַע שָׁנִים רָעָב אַחֲרֵיהֶן וְנִשְׁכַּח כָּל־הַשִּׁבְעַת בְּאֶרֶץ
 31 מִצְרַיִם וְכֹלָה הָרָעָב אֶת־הָאֶרֶץ: 31 וְלֹא־יִוָּדַע הַשִּׁבְעַת בְּאֶרֶץ מִפְּנֵי
 32 הָרָעָב הַהוּא אַחֲרֵי־כֵן כִּי־כָבֵד הוּא מְאֹד: 32 וְעַל הַשָּׁנֹת הַחֲלוֹם
 אֶל־פֶּרְעָה פִּעַמִּים כִּי־נִכּוֹן הַדְּבָר מֵעַם הָאֱלֹהִים וּמִמֶּהָר הָאֱלֹהִים
 33 לַעֲשׂוֹתוֹ: 33 וְעַתָּה יִרְאֵה פֶּרְעָה אִישׁ נָבוֹן וְחָכֵם וַיִּשִׂיתָהוּ עַל־אֶרֶץ
 34 מִצְרַיִם: 34 יַעֲשֶׂה פֶּרְעָה וַיִּפְקֹד פְּקָדִים עַל־הָאֶרֶץ וְחִמְשֵׁי אֶת־
 35 אֶרֶץ מִצְרַיִם בְּשִׁבְעַת שָׁנֵי הַשִּׁבְעַת: 35 וַיִּקְבְּצוּ אֶת־כָּל־הַשָּׁנִים
 הַטְּבוֹת הַבָּאֹת הָאֵלֶּה וַיִּצְבְּרוּ־בָר תַּחַת יַד־פֶּרְעָה אֶכֶל בְּעָרִים
 36 וְשִׁמְרוּ: 36 וְהָיָה הָאֶכֶל לְפִקְדוֹן לְאֶרֶץ לְשִׁבְעַת שָׁנֵי הָרָעָב אֲשֶׁר תִּהְיֶינָה
 37 בְּאֶרֶץ מִצְרַיִם וְלֹא־תִכָּרֵת הָאֶרֶץ בְּרָעָב: 37 וַיִּיטֵב הַדְּבָר

ל . 1 ב מל וחד חס¹⁴
 ו רל בתור . ה ד חס
 וחד מל¹⁵ . ב ובפסוק
 ב ובפסוק . ד¹⁶ . ט¹⁷
 וכל אמירה יצר לשון
 עשייה ועין דכות ב מ¹⁸
 ל . 19 ס בעינ וכל קריא
 דכות ב מ א²⁰ ן
 חס
 ל ר"פ בתור וחד מן ח
 ססוק מן ד מילין דמיון
 ותלת משני . ל חס
 ד חס¹⁹ . ד חס¹⁸
 ל . 21 ב מל וחד חס
 וחד מן ד חס בליש
 ל . ל
 ל ר"פ בתור²² . ל . ב²³ . יח
 ל . 24 . 25 מנה בתור
 ל . 26 . 27 חס²⁷ . ה . ד . ל
 ל . 28 . 29 ב מל וב חס²⁹ . ל
 ל . 30 . 31 חס³¹ . 32 . 33 חס³³ . ד . ל
 ל . 34 . 35 חס³⁵ . 36 . 37 חס³⁷ . ל

14 Mm 303. 15 Mm 301. 16 Mm 302. 17 Mm 824. 18 Mm 298. 19 Mp sub loco. 20 Cf Gn 41, 6. 21 וחד אין מניד L || 22^a f r t p r שניית שניית cf ט || 23^a l c nonn Mss 'וש' cf מ || ^b C mlt Mss μC^{1P} הן - || 24^a sic L, mlt Mss Edd 'הש' || 26^a l c μC ut 27 || 27^a C(S) ai λεπταί = הדקות || ^b cf 24^a || ^c l c μCSCC¹ הדקות || ^d cf 23^a || 31^a l c μC יקבד (hpgr)? || 34^a μ ריעש cf ט || ^b C kai ἀποπεμπτωσάτωσαν, prp ויחמשו || 35^a ins וייתנו? cf 48.

בְּעֵינַי פֶּרְעָה וּבְעֵינַי כָּל־עַבְדָּיו: ³⁸ וַיֹּאמֶר פֶּרְעָה אֶל־עַבְדָּיו הֲנִמְצָא ^לסָמָן
כֹּזֵה אִישׁ אֲשֶׁר רוּחַ אֱלֹהִים בּוֹ: ³⁹ וַיֹּאמֶר פֶּרְעָה אֶל־יוֹסֵף אַחֲרָי
הוֹדִיעַ אֱלֹהִים אוֹתָךְ אֶת־כָּל־זֹאת אֵין־נִבּוֹן וְחָכֶם כְּמוֹךָ: ⁴⁰ אֲתָה
תִּהְיֶה עַל־בֵּיתִי וְעַל־פִּיךָ יִשְׁקֶן כָּל־עַמִּי רַק הַכֶּסֶּא אֲנִי מְמַדָּ:
⁴¹ וַיֹּאמֶר פֶּרְעָה אֶל־יוֹסֵף רְאֵה נָתַתִּי אֶתְךָ עַל כָּל־אֶרֶץ מִצְרָיִם:
⁴² וַיֹּסֶר פֶּרְעָה אֶת־טַבַּעְתּוֹ מֵעַל יָדוֹ וַיִּתֵּן אֶתָּה עַל־יַד יוֹסֵף וַיִּלְבַּשׁ
אֹתוֹ בְּגָדֵי־שֵׁשׁ וַיַּשֶּׂם רֶבֶד הַזָּהָב עַל־צְוָאָרוֹ: ⁴³ וַיִּרְכַּב אֹתוֹ
בְּמִרְכָּבַת הַמִּשְׁנָה אֲשֶׁר־לוֹ וַיִּקְרָאוּ לְפָנָיו אַבְרָהָם וְנָתַן אֹתוֹ עַל כָּל־
אֶרֶץ מִצְרָיִם: ⁴⁴ וַיֹּאמֶר פֶּרְעָה אֶל־יוֹסֵף אֲנִי פֶרְעָה וּבִלְעָדֶיךָ לֹא־
יָרִים אִישׁ אֶת־יָדוֹ וְאֶת־רִגְלוֹ בְּכָל־אֶרֶץ מִצְרָיִם: ⁴⁵ וַיִּקְרָא פֶּרְעָה
שֵׁם־יוֹסֵף אֶצְפַּנֵּת פַּעַנֵּת וַיִּתֵּן־לוֹ אֶת־אֲסֹנַת בַּת־פּוֹטִי פָּרַע פְּהֵן אֵן
לְאִשָּׁה וַיֵּצֵא יוֹסֵף עַל־אֶרֶץ מִצְרָיִם: ⁴⁶ וַיּוֹסֶף בֶּן־שָׁלְשִׁים שָׁנָה
בְּעָמְדוֹ לְפָנָי פֶּרְעָה מִלֶּךְ־מִצְרָיִם וַיֵּצֵא יוֹסֵף מִלְּפָנָי פֶּרְעָה וַיַּעֲבֹר
בְּכָל־אֶרֶץ מִצְרָיִם: ⁴⁷ וַתַּעַשׂ הָאֶרֶץ בְּשֶׁבַע שָׁנֵי הַשְּׁבַע לַקְּמָצִים:
⁴⁸ וַיִּקְבֹּץ אֶת־כָּל־אֶכָּל וְשֶׁבַע שָׁנִים אֲשֶׁר הָיָה בְּאֶרֶץ מִצְרָיִם וַיִּתֵּן
אֶכָּל בְּעָרִים אֶכָּל שְׂדֵה־הָעִיר אֲשֶׁר סְבִיבֹתֶיהָ נָתַן בְּחוֹקָה: ⁴⁹ וַיִּצְבֹּר
יוֹסֵף בָּר כַּחֲוֹל הַיָּם הַרְבֵּה מְאֹד עַד כִּי־חָדַל לְסַפֵּר כִּי־אֵין מִסְפָּר:
⁵⁰ וַיּוֹסֶף יְלֵדָה שְׁנַי בָּנִים בְּטָרַם תְּבוֹא שְׁנַת הָרָעָב אֲשֶׁר יִלְדָה־לוֹ
אֲסֹנַת בַּת־פּוֹטִי פָּרַע פְּהֵן אֵון: ⁵¹ וַיִּקְרָא יוֹסֵף אֶת־שֵׁם הַבְּכוֹר
מְנַשֶּׁה כִּי־נִשְׁנִי אֱלֹהִים אֶת־כָּל־עַמְלִי וְאֶת כָּל־בֵּית אָבִי: ⁵² וְאֶת
שֵׁם הַשֵּׁנִי קָרָא אֶפְרַיִם כִּי־הִפְרִנִי אֱלֹהִים בְּאֶרֶץ עֲנִי: ⁵³ וַתִּחַלְּינָה
שְׁבַע שָׁנֵי הַשְּׁבַע אֲשֶׁר הָיָה בְּאֶרֶץ מִצְרָיִם: ⁵⁴ וַתִּחַלְּינָה שְׁבַע שָׁנֵי
הָרָעָב לְבוֹא פֶּאֶשֶׁר אָמַר יוֹסֵף וַיְהִי רָעַב בְּכָל־הָאֲרָצוֹת וּבְכָל־אֶרֶץ
מִצְרָיִם הָיָה לֶחֶם: ⁵⁵ וַתִּרְעַב כָּל־אֶרֶץ מִצְרָיִם וַיִּצְעַק הָעָם אֶל־

לג בחור . 1 . ל
ה . ח וכל שמואל דכות
ב ב ה רוח ייג
41 מל בליש 24 . ד .
יא ר"ס ד מנה בחור
ל . ב חד קמ וחד פת 25
פד לג מנה בחור
ל וחם . ה
ל . ל 27 וחד מן 27
מל בליש
ל . ל . ב כת חרתין מילין .
ל . ל . ב כת חרתין מילין .
28 29 מנה ר"ס
יה . ל
ל . ל . ב כת חרתין מילין . ג מל .
ד' מל בחור וכל נ"ך
דכות ב ב א
ל . ט . 24
ל
ל מל בחור . ה

³³ Mp sub loco. ³⁴ Mm 541. ³⁵ Prv 24, 26. ³⁶ Mm 2613. ³⁷ Mm 307. ³⁸ Mm 1858. ³⁹ Mm 308. ⁴⁰ Dt 33, 13.
⁴¹ Mm 1146. ⁴² Mm 309.

40 ^a prp יִשְׁקֶן; ὁ ὑπακούσεται, prp יִקְשֹׁב; S nsb djn' = יִשְׁפֹּט || 42 ^a מ || 43 ^a pc Mss
מִסְפָּר || ^b α' γονατίζειν ὡς ... genuflecterent || 45 ^{a-2} ὁ ψονθομφανιχ = 'פצנת פ' ||
46 ^a sic L, mlt Mss Edd וַיַּעֲבֹר || 48 ^{a-2} I c מִסְפָּר הָיָה הָרָעָב || 50 ^a מ ||
Vrs ילדי || 51 ^a ? נשני I || 53 ^a nonn Mss מ היי .

פָּרַעַה לְלֶחֶם וַיֹּאמֶר פָּרַעַה לְכָל־מִצְרַיִם לָכוּ אֵל־יוֹסֵף אֲשֶׁר־יֹאמַר
 56 לָכֶם תַּעֲשׂוּ: 56 וְהָרַעַב הָיָה עָלַי כָּל־פְּנֵי הָאָרֶץ וַיִּפְתַּח יוֹסֵף אֶת־כָּל־
 57 אֲשֶׁר בְּהֵם^a וַיִּשְׁבְּרֵם לְמִצְרַיִם וַיַּחְזֹק הָרַעַב בְּאָרֶץ מִצְרַיִם: 57 וְכָל־
 47 הָאָרֶץ^a בָּאוּ מִצְרַיִמָּה לְשֹׁבֵר אֵל־יוֹסֵף כִּי־חָזַק הָרַעַב בְּכָל־הָאָרֶץ:
 42 1 וַיֵּרָא יַעֲקֹב כִּי יֵשֶׁבֶר בְּמִצְרַיִם וַיֹּאמֶר יַעֲקֹב לְבָנָיו לָמָּה
 2 תִּתְרָאוּ: 2 וַיֹּאמֶר הִנֵּה שָׁמַעְתִּי כִּי יֵשֶׁבֶר בְּמִצְרַיִם רְדוּ־שָׁמָּה לִי
 3 וְשִׁבְרוּ־לָנוּ מִשֶּׁם וְנִחַיָּה וְלֹא נָמוּת: 3 וַיֵּרְדוּ אֲחֵי־יוֹסֵף עֲשָׂרָה לְשֹׁבֵר
 4 בָּר מִמִּצְרַיִם: 4 וְאֶת־בְּנֵי־מִן אֲחֵי יוֹסֵף לֹא־שָׁלַח יַעֲקֹב אֶת־אֲחָיו
 5 כִּי אָמַר פֶּן־יִקְרָאנוּ אֶסּוֹן: 5 וַיָּבֹאוּ בְנֵי יִשְׂרָאֵל לְשֹׁבֵר בְּתוֹךְ הַבָּאִים
 6 כִּי־הָיָה הָרַעַב בְּאָרֶץ כְּנָעַן: 6 וַיִּזְכֹּר הוּא הַשְּׁלִיט עַל־הָאָרֶץ הוּא^a
 הַמְשַׁבֵּיר לְכָל־עַם הָאָרֶץ וַיָּבֹאוּ אֲחֵי יוֹסֵף וַיִּשְׁתַּחֲוּוּ־לוֹ אַפְסִים אַרְצָה:
 7 וַיֵּרָא יוֹסֵף אֶת־אֲחָיו וַיִּכְרָם וַיִּתְנַבֵּר אֲלֵיהֶם וַיַּדְבֵּר אֲתָם קְשׁוֹת
 8 וַיֹּאמֶר אֲלֵהֶם מֵאֵין בָּאתֶם וַיֹּאמְרוּ מֵאָרֶץ כְּנָעַן לְשֹׁבֵר־אֶכֶל: 8 וַיִּכַּר
 9 יוֹסֵף אֶת־אֲחָיו וְהֵם לֹא־הִכְרָהוּ: 9 וַיִּזְכֹּר יוֹסֵף אֶת הַחֲלֻמוֹת אֲשֶׁר
 חָלַם לָהֶם וַיֹּאמֶר אֲלֵהֶם מְרַגְלִים אַתֶּם לָרְאוֹת אֶת־עֲרֹנוֹת הָאָרֶץ
 10 בָּאתֶם: 10 וַיֹּאמְרוּ אֵלָיו לֹא אֲדַע וְעַבְדִּי^a בָּאוּ לְשֹׁבֵר־אֶכֶל:
 11 כִּלְנוּ בְּנֵי אִישׁ־אֶחָד גִּחְנוּ^a כְּנֵים אֲנַחְנוּ לֹא־הָיוּ עַבְדֵיךָ מְרַגְלִים:
 12 וַיֹּאמֶר אֲלֵהֶם לֹא כִי־עֲרֹנוֹת הָאָרֶץ בָּאתֶם לָרְאוֹת: 13 וַיֹּאמְרוּ
 שְׁנַיִם עָשָׂר עַבְדֵיךָ^a אֲחִים אֲנַחְנוּ בְּנֵי אִישׁ־אֶחָד^b בְּאָרֶץ כְּנָעַן וְהִנֵּה
 14 הִקְטַן אֶת־אֲבִינוּ הַיּוֹם וְהָאֶחָד אֵינְנוּ: 14 וַיֹּאמֶר אֲלֵהֶם יוֹסֵף הוּא^a
 15 אֲשֶׁר דִּבַּרְתִּי אֲלֵכֶם לֵאמֹר מְרַגְלִים אַתֶּם: 15 בְּזֹאת תִּבְחַנּוּ תִי פָרַעַה
 16 אִם־תִּצְאוּ מִזֶּה כִּי אִם־בָּבֹא אֲחִיכֶם הִקְטַן הִנֵּה: 16 שְׁלְחוּ מִכֶּם אֶחָד^b
 וַיִּקַּח אֶת־אֲחִיכֶם וְאֲתָם הֵאסְרוּ וַיִּבְחַנּוּ דְבַר־יְכֶם הַאֲמַת אֲתִכֶם וְאִם־
 17 לֹא תִי פָרַעַה כִּי מְרַגְלִים אַתֶּם: 17 וַיֹּאסֹף אֲתָם אֶל־מִשְׁמַר שְׁלֹשֶׁת

46 ה. ה. ר"ס בסיס. ה.
 47 ה.
 48 מל.
 49 מל.
 50 מל.
 51 מל.
 52 מל.
 53 מל.
 54 מל.
 55 מל.
 56 מל.

43 Mm 3073. 44 Mm 2928. 45 Mm 432. 46 Mm 310. 47 Mm 84. 48 Mm 311. Cp 42 1 Mm 471 ב. 2 Mm 312. 3 Mm 262. 4 Mm 1858. 5 Mm 308. 6 Mm 250. 7 Hi 2,12. 8 Mm 1024. 9 Mm 743. 10 Mm 2069. 11 Mm 2346. 12 Mm 4234.

56 a-a μ + בר; prb l אצרות בר l טS || b וישבר l cf μ^{Mss} et 42,6 || 57 a l c μS || 3 a mit Mss || Cp 42,1 ט ραθυμείτε, prp תאחרו; S(τ') tdhlwn = תיראו || 6 a l c μSτ' || 10 a μ^{Mss}τS ע' || 11 a μ אנו || 13 a ins הדיבר ut 41,28? || 14 a ins הדיבר ut 41,28?

יָמִים: ¹⁸ וַיֹּאמֶר אֲלֵהֶם יוֹסֵף בֵּינוֹם הַשְּׁלִישִׁי זֹאת עֲשׂוּ וְחָיו אֶת-סֹ
הָאֱלֹהִים אֲנִי יֹרָא: ¹⁹ אִם-כִּנְיָם אַתֶּם אֲחֵיכֶם אֲחֹדֶה יֵאָסֵר בְּבַיִת ¹⁹
מִשְׁמַרְכֶּם וְאַתֶּם לָכוּ הִבִּיאוּ שֹׁבֵר רַעְבּוֹן בְּתֵיכֶם: ²⁰ וְאֶת-אֲחֵיכֶם
הַקָּטָן תִּבְיֵאוּ אֵלַי וַיֹּאמְרוּ דְבַרְיֶכֶם וְלֹא תִמּוּתוּ וַיַּעֲשׂוּ-כֵן: ²¹ וַיֹּאמְרוּ ²¹
אִישׁ אֶל-אָחִיו אֲבֹלֵ אֲשֶׁמָּיִם אֲנַחְנוּ עַל-אָחֵינוּ אֲשֶׁר רָאִינוּ צָרָתָה נִפְשׁוּ
בְּהִתְחַנְּנוּ אֵלֵינוּ וְלֹא שָׁמַעְנוּ עַל-כֵּן בָּאָה אֵלֵינוּ הַצָּרָה הַזֹּאת: ²² וַיַּעַן ²²
רְאוּבֵן אֶתֶם לֹאמֹר הֲלוֹא אָמַרְתִּי אֲלֵיכֶם לֹאמֹר אֶל-תִּחַטְּאוּ בְּיַד ²³
וְלֹא שָׁמַעְתֶּם וְגַם-דָּמּוּ הַנֶּה נִדְרָשׁ: ²³ וְהֵם לֹא יָדְעוּ כִּי שָׁמַע יוֹסֵף כִּי
הַמְּלִיץ בֵּינֵהֶם: ²⁴ וַיִּסָּב מִעֲלֵיהֶם וַיִּבֶךְ וַיֵּשֶׁב אֲלֵהֶם וַיְדַבֵּר אֲלֵהֶם
וַיִּקַּח מֵאֲתָם אֶת-שְׁמֹעוֹן וַיֵּאָסֵר אֹתוֹ לְעֵינֵיהֶם: ²⁵ וַיֵּצֵא יוֹסֵף וַיִּמְלְאוּ ²⁵
אֶת-כְּלֵיהֶם בָּרֶךְ וּלְהָשִׁיב כֶּסֶפֵיהֶם אִישׁ אֶל-שִׁקּוֹ וְלָתֵת לָהֶם צִדָּה
לְדַרְךָ וַיַּעֲשֵׂה לָהֶם כֵּן: ²⁶ וַיֵּשְׂאוּ אֶת-שִׁבְרָם עַל-חַמְרֵיהֶם וַיֵּלְכוּ ²⁶
מִשָּׁם: ²⁷ וַיִּפְתַּח הָאָחֹד אֶת-שִׁקּוֹ לָתֵת מִסָּפּוֹא לְחַמְרוֹ בַּמָּלֹן וַיֹּרָא ²⁷
אֶת-כֶּסֶפוֹ וְהִנֵּה הוּא בְּפִי אִמְתַּחְתּוֹ: ²⁸ וַיֹּאמֶר אֶל-אָחִיו הוֹשֵׁב
כֶּסֶפִי וְגַם הַנֶּה בְּאִמְתַּחְתִּי וַיֵּצֵא לָבָם וַיִּחְרְדוּ אִישׁ אֶל-אָחִיו לֹאמֹר
מַה-זֹּאת עָשָׂה אֲלֵהִים לָנוּ: ²⁹ וַיָּבֹאוּ אֶל-יַעֲקֹב אֲבִיהֶם אַרְצָה ²⁹
כָּנְעַן וַיִּגִּדּוּ לוֹ אֶת כָּל-הַקְּרֹת אֲתָם לֹאמֹר: ³⁰ דָּבַר הָאִישׁ אֲדֹנָי
הָאָרֶץ אֲתָנוּ קָשׁוֹת וַיִּתֵּן אֲתָנוּ כַּמְרֹגְלִים אֶת-הָאָרֶץ: ³¹ וַנֹּאמֶר אֵלָיו
כִּנְיָם אֲנַחְנוּ לֹא הָיִינוּ מְרֹגְלִים: ³² שְׁנַיִם-עָשָׂר אֲנַחְנוּ אַחִים בְּנֵי אָבִינוּ
הָאָחֹד אֵינָנוּ וְהַקָּטָן הַיּוֹם אֶת-אָבִינוּ בְּאָרֶץ כְּנָעַן: ³³ וַיֹּאמֶר אֵלֵינוּ
הָאִישׁ אֲדֹנָי הָאָרֶץ בְּזֹאת אֲדַע כִּי כִנְיָם אַתֶּם אֲחֵיכֶם הָאָחֹד הַנִּיחֹ
אֵתִי וְאֶת-רַעְבּוֹן בְּתֵיכֶם קָחוּ וְלָכוּ: ³⁴ וְהִבִּיאוּ אֶת-אֲחֵיכֶם הַקָּטָן
אֵלַי וְאֲדַעָה כִּי לֹא מְרֹגְלִים אַתֶּם כִּי כִנְיָם אַתֶּם אֶת-אֲחֵיכֶם אֲתָן
לָכֶם וְאֶת-הָאָרֶץ תִּסְחְרוּ: ³⁵ וַיְהִי הֵם מְרִיקִים שִׁקְיָהֶם וְהִנֵּה-אִישׁ

¹⁸ Mm 313. ¹⁴ Mm 314. ¹⁵ Mm 76. ¹⁶ Mm 658. ¹⁷ וחד ראשמים Esr 10,19. ¹⁸ Mm 27. ¹⁹ Mm 1629. ²⁰ Mm 564. ²¹ Mm 4083. ²² Mm 601. ²³ Mm 315. ²⁴ Mm 77. ²⁵ Mm 316. ²⁶ Mm 317. ²⁷ Mm 291. ²⁸ Mm 593. ²⁹ Mm 961. ³⁰ Mm 2574.

19^a מ' || 21^a ב' || עליו מ' || 25^a prp למלא || 27^a א' || 30^a + εν φυλακῆ cf 40,3 || 28^a + Mm 564 || 30^a + Mm 564 || 32^{a-a} invers || 33^a + Mm 564 || 34^a || 35^a ||

32 וַיִּשְׁמוּ לוֹ לְבָדוֹ וְלָהֶם לְבָדָם וְלַמִּצְרָיִם הָאֲכָלִים אֹתוֹ לְבָדָם כִּי
 לֹא יוּכְלוּן הַמִּצְרָיִם לֶאֱכֹל אֶת־הָעֲבָרִים לֶחֶם כִּי־תוֹעֲבָה הוּא
 לְמִצְרָיִם^א: 33 וַיָּשָׁבוּ לְפָנָיו הַבָּכָר כִּבְכָרְתּוֹ וְהַצָּעִיר כִּצְעָרְתּוֹ וַיִּתְמָהוּ
 34 הָאֲנָשִׁים אִישׁ אֶל־רֵעֵהוּ: 34 וַיֵּשֶׂא מִשָּׂאת מֵאֵת פָּנָיו אֲלֵהֶם וַתָּרֵב
 מִשָּׂאת בְּנֵימָן מִמִּשָּׂאת כָּלֶם חָמֵשׁ יָדוֹת וַיִּשְׁתּוּ וַיִּשְׁכְּרוּ עִמּוֹ:
 1 44 וַיֵּצֵאוּ אֶת־אֲשֶׁר עַל־בֵּיתוֹ לֵאמֹר מַלְאֵא אֶת־אֲמֹתַחַת הָאֲנָשִׁים אֲכָל
 2 כְּאֲשֶׁר יוּכְלוּן שָׂאת וְשִׁים כֶּסֶף־אִישׁ בְּפִי אֲמֹתַחְתּוֹ: 2 וְאֶת־נְבִיעֵי
 נְבִיעֵי הַכֶּסֶף תָּשִׂים בְּפִי אֲמֹתַחַת הַקָּטָן וְאֵת כֶּסֶף שִׁבְרוֹ וַיַּעַשׂ כַּדְבָר
 3 יוֹסֵף אֲשֶׁר דִּבֶּר: 3 הַבָּקָר אֹזֵר וְהָאֲנָשִׁים שְׁלָחוּ הַמָּה וַחֲמֹרֵיהֶם:
 4 הֵם יֵצְאוּ אֶת־הָעִיר לֹא הִרְחִיקוּ וַיּוֹסֶף אָמַר לְאֲשֶׁר עַל־בֵּיתוֹ קוּם
 רִדְף אַחֲרַי הָאֲנָשִׁים וְהַשְׁנֹתֶם וְאֲמַרְתֶּם אֲלֵהֶם לָמָּה שַׁלַּמְתֶּם רְעֵה תַחַת
 5 טוֹבָה: 5 הֲלֹא^א זֶה^ב אֲשֶׁר יִשְׁתָּה אֲדֹנָי בּוֹ וְהוּא נִחַשׁ יִנְחַשׁ בּוֹ הֲרַעַתְתֶּם
 6 אֲשֶׁר עָשִׂיתֶם: 6 וַיִּשְׁגַּם וַיְדַבֵּר אֲלֵהֶם אֶת־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה: 7 וַיֹּאמְרוּ
 אֵלָיו לָמָּה יְדַבֵּר אֲדֹנָי כַּדְּבָרִים הָאֵלֶּה חֲלִילָה לְעַבְדֶּיךָ מַעֲשֹׂוֹת
 8 כַּדְּבָר הַזֶּה: 8 תֵּן כֶּסֶף^א אֲשֶׁר מִצְאָנוּ בְּפִי אֲמֹתַחְתֵּינוּ הִשִּׁיבְנוּ אֵלֶיךָ
 9 מֵאֶרֶץ כְּנָעַן וְאִיךָ נִגְנַב מִבֵּית אֲדֹנֶיךָ כֶּסֶף אִו זָהָב: 9 אֲשֶׁר יִמְצָא אֹתוֹ
 10 מֵעַבְדֶּיךָ וּמֹתָ^א וְגַם־אֲנַחְנוּ נִהְיֶה לְאֲדֹנֶי לְעַבְדִּים: 10 וַיֹּאמֶר גַּם־עַתָּה
 כַּדְּבָרֵיכֶם כִּן־הוּא אֲשֶׁר יִמְצָא אֹתוֹ יִהְיֶה־לִּי עֹבֵד וְאַתֶּם תִּהְיוּ נְקִיִּם:
 11 וַיִּמָּהְרוּ וַיּוֹרְדוּ אִישׁ אֶת־אֲמֹתַחְתּוֹ אֶרְצָה וַיִּפְתְּחוּ אִישׁ אֲמֹתַחְתּוֹ:
 12 וַיִּחַפְּשׂ בְּנֹדוֹל הַחֹל וּבְקָטָן כִּלְיָהּ וַיִּמְצָא הַנְּבִיעַ בְּאֲמֹתַחַת בְּנֵימָן:
 13 וַיִּקְרָעוּ שִׁמְלֹתָם וַיַּעֲמִסוּ אִישׁ עַל־חֲמֹרוֹ וַיָּשָׁבוּ הָעִירָה: 14 וַיָּבֹא
 יְהוּדָה וְאָחִיו בֵּיתָה יוֹסֵף וְהוּא עוֹדְנוֹ שֵׁם וַיִּפְּלוּ לְפָנָיו אֶרְצָה:
 15 וַיֹּאמֶר לָהֶם יוֹסֵף מָה־הַמַּעֲשֶׂה הַזֶּה אֲשֶׁר עָשִׂיתֶם הֲלֹא יָדַעְתֶּם
 16 כִּי־נִחַשׁ יִנְחַשׁ אִישׁ אֲשֶׁר כָּמֹנִי: 16 וַיֹּאמֶר יְהוּדָה מַה־נֹּאמַר לְאֲדֹנָי
 מַה־נְּדַבֵּר וּמַה־נִּצְטַדֵּק הָאֱלֹהִים^ב מִצָּא אֶת־עֵינֵי עַבְדֶּיךָ הַנְּנוּ עַבְדִּים

כִּבֹּ וְכָל דִּיָּה וְעוֹרָא
 דְּכֹת בִּמְהַ חָס בְּלִישׁ
 יֵב מִל בַּתוֹרָה

³⁹Mm 1053. ⁴⁰1 R 5,10. ⁴¹Mm 326. Cp 44 ¹Mm 321. ²Mm 211. ³Jdc 7,15. ⁴Mm 1858. ⁵Mm 27. ⁶Mm 2694. ⁷Mm 3765. ⁸Mm 1972. ⁹Mm 11. ¹⁰Mm 327.

32 ^a frt I למצרים || Cp 44,5 ^a ὁ pr ἵνα τί ἐκλέψατέ μου τὸ κόνδυ τὸ ἀργυροῦν cf 5V ||
^b ט' + kljd' = הנביע || 8 ^a I c μῦσσετ' הכ' cf 43,21.22 || 9 ^a μ יומת || 16 ^a μ Vrs
 ומה || ^b μῦ' וה'.

17 לְאֲדֹנָי גַם־אֲנַחְנוּ גַם־אֲשֶׁר־נִמְצָא הַנְּבִיעַ בְּיָדוֹ: 17 וַיֹּאמֶר חֲלִילָה לִּי מַעֲשׂוֹת זֹאת הָאִישׁ אֲשֶׁר נִמְצָא הַנְּבִיעַ בְּיָדוֹ הוּא יְהִי־לִי עֶבֶד וְאַתֶּם עֲלֹי לְשָׁלוֹם אֶל־אֲבִיכֶם: 18 וַיֵּשֶׁ אֵלָיו יְהוֹדָה וַיֹּאמֶר^[א] פֶּרֶשׁ בֵּי אֲדֹנָי יַדְבַּר־נָא עִבְדְּךָ דָּבָר בְּאָזְנֵי אֲדֹנָי וְאֶל־יַחַד אִפְּךָ בְּעִבְדְּךָ כִּי כְמוֹד כְּפָרְעָה: 19 אֲדֹנָי שְׂאֵל אֶת־עִבְדִּי לֵאמֹר הֲיִשְׁלַחְכֶם אָב אוֹ־אָח: 20 וַנֹּאמֶר אֶל־אֲדֹנָי יֵשׁ־לָנוּ אָב זָקֵן וַיֵּלֶד זָקִים קָטָן וְאָחִיו מֵת וַיּוֹתֵר הוּא לְבָדוֹ לְאִמּוֹ וְאָבִיו אֶהְבּוֹ: 21 וַתֹּאמֶר אֶל־עִבְדֶּיךָ הוֹרְדוּהוּ אֵלָי וְאֲשִׁמָּה עֵינֵי עָלָיו: 22 וַנֹּאמֶר אֶל־אֲדֹנָי לֹא־יִוָּכַל הַנְּעַר לַעֲזֹב אֶת־אָבִיו וְעַזֵּב אֶת־אָבִיו וּמָת: 23 וַתֹּאמֶר אֶל־עִבְדֶּיךָ אִם־לֹא יֵרֵד אַחֲיֶכֶם הַקָּטָן אִתְּכֶם לֹא תִסְפּוּן לְרֹאוֹת פְּנֵי: 24 וַיְהִי כִּי עָלִינוּ אֶל־עִבְדְּךָ אָבִי וַנִּגְדַּל־לּוֹ אֶת דְּבַרֵי אֲדֹנָי: 25 וַיֹּאמֶר אָבִינוּ שָׁבוּ שְׂבָרוּ־לָנוּ מַעֲשֵׂ־אָכֶל: 26 וַנֹּאמֶר לֹא נוֹכַל לְרַדֵּת אִם־יֵשׁ אָחִינוּ הַקָּטָן אֶתְנוּ וַיֵּרְדוּ כִּי־לֹא נוֹכַל לְרֹאוֹת פְּנֵי הָאִישׁ וְאָחִינוּ הַקָּטָן אֵינְנו אֶתְנוּ: 27 וַיֹּאמֶר עִבְדְּךָ אָבִי אֵלֵינוּ אַתֶּם יְדַעְתֶּם כִּי שְׁנַיִם יָלְדָה־לִּי אֲשֶׁתַּי: 28 וַיֵּצֵא הָאֶחָד מֵאֹתִי וְאָמַר אֶךְ שָׂרְף טָרַף וְלֹא רֵאִיתִיו עַד־הַנּוֹה: 29 וּלְקַחְתֶּם גַּם־אֶת־זֶה מֵעַם פְּנֵי וְקַבְּלוּהוּ אִסּוֹן וְהוֹרְדְתֶם אֶת־שִׁבְתִּי בְרַעַה שְׂאֵלָה: 30 וְעַתָּה כְּבֹאִי אֶל־עִבְדְּךָ אָבִי וְהַנְּעַר אֵינְנו אֶתְנוּ וּנְפָשׁוּ קְשׁוּרָה בְּנַפְשׁוֹ: 31 וְהָיָה כִּרְאוֹתוֹ כִּי־אֵין הַנְּעַר וּמָת וְהוֹלִידוּ עִבְדֶּיךָ אֶת־שִׁבַת עִבְדְּךָ אָבִינוּ בְּיָנוּן שְׂאֵלָה: 32 כִּי עִבְדְּךָ עָרַב אֶת־הַנְּעַר מֵעַם אָבִי לֵאמֹר אִם־לֹא אָבִיאֲנוּ אֵלֶיךָ וְחִטָּאתִי לְאָבִי כָל־הַיָּמִים: 33 וְעַתָּה יִשְׁבֹּ־נָא עִבְדְּךָ תַּחַת הַנְּעַר עֶבֶד לְאֲדֹנָי וְהַנְּעַר יַעַל עִם־אָחִיו: 34 כִּי־אֵיךְ אֶעֱלֶה אֶל־אָבִי וְהַנְּעַר אֵינְנו אִתִּי פֶן אֲרָאָה בְּרָע אֲשֶׁר יִמְצָא אֶת־אָבִי: 45 וְלֹא־יָכֹל יוֹסֵף לְהִתְאַפֵּק לְכָל הַנּוֹצְבִים עָלָיו וַיִּקְרָא הוֹצִיאוּ כָל־אִישׁ מֵעָלָי וְלֹא־עָמַד אִישׁ אִתּוֹ בְּהִתְוַדַּע יוֹסֵף אֶל־אָחִיו: 2 וַיִּתֵּן אֶת־קָלוֹ בְּבִכְי וַיִּשְׁמְעוּ מִצְרַיִם 2

11 Mm 328. 12 Gn 4, 23. 13 Okhl 70. 14 Mm 3056. 15 Mm 329. 16 Mm 2501. 17 Mm 430. 18 Mm 916. 19 Mm 2088. 20 וחד יצא אחד 2 R 4, 39. 21 Mm 330. 22 Mm 331. 23 Mm 2191 contra textum. Cp 45 1 Mm 1363. 2 Mp sub loco.

24 * 2Mss μϞS אבינו || 31 * ins c μϞ אָתְנִי || 32 * אביו μ

- 3 וַיִּשְׁמַע^א בֵּית פַּרְעֹה: 4 וַיֹּאמֶר יוֹסֵף אֶל-אָחָיו אֲנִי יוֹסֵף הָעוֹד אָבִי
 4 חַי וְלֹא-יָכְלוּ אָחָיו לַעֲנוֹת אֹתוֹ כִּי נִבְהָלוּ מִפָּנָיו: 4 וַיֹּאמֶר יוֹסֵף אֶל-
 אָחָיו וְשׂוּ-נָא אֵלַי וַיִּגְשׂוּ וַיֹּאמֶר אֲנִי יוֹסֵף אֶחֱיָכֶם אֲשֶׁר-מָכַרְתֶּם אֹתִי
 5 מִצְרַיִמָּה: 5 וְעַתָּה אֶל-תַּעֲצָבוּ וְאֶל-יִחַר בְּעֵינֵיכֶם כִּי-מָכַרְתֶּם אֹתִי
 6 הַנְּהָ כִּי לְמַחְזָה שָׁלַחֲנִי אֱלֹהִים לְפָנֵיכֶם: 6 כִּי-זֶה שְׁנַתִּים הָרַעֲב
 7 בְּקֶרֶב הָאָרֶץ וְעוֹד חָמֵשׁ שָׁנִים אֲשֶׁר אֵין-חָרִישׁ וְקִצִּיר: 7 וַיִּשְׁלַחֲנִי
 אֱלֹהִים לְפָנֵיכֶם לָשׂוּם לָכֶם שְׂאֵרִית בְּאָרֶץ וּלְהַחְיִיתָ לָכֶם לְפָלִיטָה^א
 8 גְּדֹלָה: 8 וְעַתָּה לֹא-אַתֶּם שָׁלַחְתֶּם אֹתִי הַנְּהָ כִּי הָאֱלֹהִים וַיְשִׁימֵנִי
 9 לְאָב לְפַרְעֹה וּלְאֶדוֹן לְכָל-בֵּיתוֹ וּמִשָּׁל בְּכָל-אֶרֶץ מִצְרָיִם: 9 מִהָרֹדֶן
 וְעַלֹּו אֶל-אָבִי וְאָמַרְתֶּם אֵלָיו כֹּה אָמַר בְּנֵךְ יוֹסֵף שָׁמְנִי אֱלֹהִים לְאֶדוֹן
 10 לְכָל-מִצְרָיִם רְדָה אֵלַי אֶל-תַּעֲמֹד: 10 וַיִּשְׁבַּת בְּאָרֶץ-גִּשְׁן וְהָיִיתָ
 קָרוֹב אֵלַי אַתָּה וּבְנֵיךָ וּבְנֵי בְנֵיךָ וְצִאֲנֶךָ וּבָקָרְךָ וְכָל-אֲשֶׁר-לָךְ:
 11 וְכִלְכַּלְתִּי אִתְּךָ שָׁם כִּי-עוֹד חָמֵשׁ שָׁנִים רָעֵב פֶּן-תּוֹרֶשׂ אֶתָּה
 12 וּבֵיתְךָ וְכָל-אֲשֶׁר-לָךְ: 12 וְהַנְּהָ עֵינֵיכֶם רְאוֹת וְעֵינֵי אָחִי בְּנִימִן כִּי-
 13 פִי הִמְדַּבֵּר אֵלֵיכֶם: 13 וְהַנְּדַתֶּם לְאָבִי אֶת-כָּל-כְּבוֹדִי בְּמִצְרָיִם וְאֵת
 14 כָּל-אֲשֶׁר רְאִיתֶם וּמִהַרְתֶּם וְהוֹרַדְתֶּם אֶת-אָבִי הַנְּהָ: 14 וַיִּפֹּל עַל-
 15 צִוְּאָרֵי בְּנֵימִן-אָחָיו וַיִּבֶךְ וּבְנֵימִן בָּכָה עַל-צִוְּאָרָיו: 15 וַיִּנָּשֶׁק לְכָל-
 16 אָחָיו וַיִּבֶךְ עֲלֵיהֶם וְאֶחָדֵי כֹן דָּבָרוּ אִתּוֹ אֹתוֹ: 16 וְהִקְלָ נִשְׁמַע
 בֵּית פַּרְעֹה לֵאמֹר בָּאוּ אֲחֵי יוֹסֵף וַיִּיטֵב בְּעֵינֵי פַרְעֹה וּבְעֵינֵי עַבְדָּיו:
 17 וַיֹּאמֶר פַּרְעֹה אֶל-יוֹסֵף אָמַר אֶל-אָחִיךָ זֹאת עָשׂוּ טַעֲנוּ אֶת-
 18 בְּעֵרְכֶם וּלְכוּ-בָאוּ אֶרְצָה כְּנַעַן: 18 וּקְחוּ אֶת-אֲבִיכֶם וְאֶת-בְּתִיכֶם
 וּבָאוּ אֵלַי וְאֶתְנֶה לָכֶם אֶת-טוֹב אֶרֶץ מִצְרָיִם וְאֶכְלוּ אֶת-חֶלֶב הָאָרֶץ:
 19 וְאֶתָּה צִוִּיתָהּ זֹאת עָשׂוּ קְחוּ-לָכֶם מֵאֶרֶץ מִצְרָיִם עֲגֹלוֹת לְטַפְּכֶם
 20 וּלְנִשְׁיָכֶם וּנְשֹׂאתֶם אֶת-אֲבִיכֶם וּבְאֵתָם: 20 וְעֵינֵיכֶם אֶל-תַּחֲסוּ עַל-
 21 כְּלֵיכֶם כִּי-טוֹב כָּל-אֶרֶץ מִצְרָיִם לָכֶם הוּא: 21 וַיַּעֲשׂוּ-כֵן בְּנֵי יִשְׂרָאֵל

³Mm 84. ⁴Mm 3160. ⁵Gn 8,22. ⁶Mm 2068. ⁷Mm 1580. ⁸Mm 332. ⁹Ez 32,19. ¹⁰Mm 1823. ¹¹Prv 20,13. ¹²Mm 262. ¹³Mm 333. ¹⁴Mm 334. ¹⁵Mm 675 contra textum. ¹⁶Mm 3894. ¹⁷Mm 77. ¹⁸Mm 3926. ¹⁹Mm 335. ²⁰Lv 16,25 וְדָר וְאֵת חֶלֶב²⁰. ²¹Am 5,26. ²²Mm 2804.

Cp 45,2 ^a Ⓢ pass, 1 וַיִּשְׁמַע || 6 ^a sic L, mlt Mss Edd 'צ- || 7 ^a 1 c Ⓢ || 10 ^a Ⓢ Γεσμ 'Αραβίας cf Neh 6,1 || 11 ^a 1 תורש (a רוש)? || 19 ^a 1 אַתֶּם cf Ⓢ.

וַיִּתֵּן לָהֶם יוֹסֵף עֲגָלוֹת עַל־פִּי פָרְעָה וַיִּתֵּן לָהֶם צֹדָה לַדֶּרֶךְ: ²² לְכֻלָּם
 נָתַן לְאִישׁ חֲלָפוֹת שְׂמֹלֹת וּלְבְנֵימֶן נָתַן שְׁלֹשׁ מֵאוֹת כֶּסֶף וְחָמֵשׁ חֲלָפֹת
 שְׂמֹלֹת: ²³ וּלְאָבִיו שָׁלַח כְּזֹאת עֲשָׂרָה חֲמֹרִים נְשָׂאִים מִטּוֹב מִצְרַיִם
 וְעֶשֶׂר אֶתְנֵת נְשָׂאת בָרָ וְלַחֵם וּמְזֹון לְאָבִיו לַדֶּרֶךְ: ²⁴ וַיִּשְׁלַח אֶת־
 אָחִיו וַיֵּלְכוּ וַיֹּאמֶר אֲלֵהֶם אֶל־תְּרַגְזוּם בַּדֶּרֶךְ: ²⁵ וַיַּעֲלוּ מִמִּצְרַיִם
 וַיָּבֹאוּ אֶרֶץ כְּנָעַן אֶל־יַעֲקֹב אָבִיהֶם: ²⁶ וַיִּגְדּוּ לוֹ לֵאמֹר עוֹד יוֹסֵף
 חַי וְקַי־הוּא מִשָּׁל בְּכָל־אֶרֶץ מִצְרַיִם וַיִּפְגַּע לְבֹו כִּי לֹא־הָאֱמִין לָהֶם:
²⁷ וַיַּדְבֵּרוּ אֵלָיו אֵת כָּל־דְּבָרֵי יוֹסֵף אֲשֶׁר דִּבֶּר אֲלֵהֶם וַיֵּרָא אֶת־
 הָעֲגָלוֹת אֲשֶׁר־שָׁלַח יוֹסֵף לְשֵׂאת אֹתוֹ וַתְּחִי רוּחַ יַעֲקֹב אָבִיהֶם:
²⁸ וַיֹּאמֶר יִשְׂרָאֵל רַב עוֹד־יוֹסֵף בְּנֵי חַי אֵלְכֶה וְאֶרְאֶנּוּ בְּטָרִם אָמוֹת:
 46 ¹ וַיִּסַּע יִשְׂרָאֵל וְכָל־אֲשֶׁר־לוֹ וַיָּבֹא בְּאֶרֶץ שֶׁבַע וַיִּזְבַּח
 זִבְחִים לַאלֹהֵי אָבִיו יַצְחָק: ² וַיֹּאמֶר אֲלֵהִים לְיִשְׂרָאֵל בְּמִרְאֵת
 הַלַּיְלָה וַיֹּאמֶר יַעֲקֹב וַיַּעֲקֹב וַיֹּאמֶר הַנָּנִי: ³ וַיֹּאמֶר אָנֹכִי הָאֵל אֱלֹהֵי
 אָבִיךָ אֶל־תִּירָא מִרְרָה מִצְרִימָה כִּי־לָגִוי גָּדוֹל אֲשִׁימְךָ שָׁם: ⁴ אָנֹכִי
 אֶרְדַּ עִמָּךְ מִצְרִימָה וְאָנֹכִי אֲעַלֶּךָ גַּם־עֲלֶה וַיֹּסֵף יִשְׁתַּחֲוֶה עַל־
 עֵינָיו: ⁵ וַיָּקָם יַעֲקֹב מִבְּאֵר שֶׁבַע וַיִּשְׂאוּ בְנֵי־יִשְׂרָאֵל אֶת־יַעֲקֹב
 אָבִיהֶם וְאֶת־טַפָּם וְאֶת־נְשֵׂיהֶם בְּעֲגָלוֹת אֲשֶׁר־שָׁלַח פָּרְעָה לְשֵׂאת
 אֹתוֹ: ⁶ וַיִּקְחוּ אֶת־מִקְנֵיהֶם וְאֶת־רְכוּשָׁם אֲשֶׁר רָכְשׁוּ בְּאֶרֶץ כְּנָעַן
 וַיָּבֹאוּ מִצְרִימָה יַעֲקֹב וְכָל־זֶרְעוֹ אִתּוֹ: ⁷ בָּנָיו וּבָנֵי בָנָיו אִתּוֹ בְּנִתָּיו
 וּבָנוֹת בָּנָיו וְכָל־זֶרְעוֹ הֵבִיא אִתּוֹ מִצְרִימָה: ⁸ וְאֵלֶּה שְׁמוֹת
 בְּנֵי־יִשְׂרָאֵל הַבָּאִים מִצְרִימָה יַעֲקֹב וּבָנָיו בְּכֹר יַעֲקֹב רְאוּבֵן: ⁹ וּבְנֵי
 רְאוּבֵן חֲנוּךְ וּפְלֹוא וְחֶצְרוֹן וְכַרְמִי: ¹⁰ וּבְנֵי שִׁמְעוֹן יִמְוָאֵל וַיְמִין
 וְאֶהֱרָ וַיְכִין וְצַחֲרִי וְשָׂאוּל בֶּן־הַכְּנַעֲנִית: ¹¹ וּבְנֵי לֵוִי גֵרְשׁוֹן קַהֲתָה
 וּמֵרָרִי: ¹² וּבְנֵי יְהוּדָה עֵר וְאוֹגֵן וְשֵׁלָה וּפְרִזִּי וְגֵרָח וְלֵמַת עֵר וְאוֹנָן

²²Mm 319. ²⁴Mm 336. ²⁵Mm 337. ²⁶Mm 335. ²⁷Mm 338. ²⁸Mm 59. ²⁹Mm 195. ³⁰Mm 2025.
 Cp 46 ¹Mm 339. ²Mm 5. ³Mm 340. ⁴Mp sub loco. ⁵Mm 84. ⁶Mm 341. ⁷Mm 1858. ⁸Mm 2737.
⁹Mm 410.

24 ^a || אֶת־ Cp 46,2 ^a Vrs sg, l frt || 9 ^a || אֶרְצָה מִ || Seb nonn Mss || 25 ^a || תְּרַגְזוּ מִ || 24 ^a ||
 mlt Mss || ח' || 10 ^a > Nu 26,12 et I Ch 4,24 || ^b || וְצַחֲרִי מִ || Nu 26,13 et I Ch 4,24
 וְק' || 11 ^a || וְגֵרָח || mlt Mss ||

- 13 בָּאָרֶץ כְּנָעַן וַיְהִי בְנֵי־פָרֶץ חֲצֹרֹן וְחַמוּל^א: 13 וּבְנֵי יִשְׁשַׁכָּר^א תּוֹלַע >
- 14 וּפְנֵחַ וְיֹזֵבֶד וְשִׁמְרוֹן: 14 וּבְנֵי זְבוּלֹן סָרַד וְאֵלֹן וַיְחַלְאֵל: 15 אֵלֶּה | ^{ל וחס' 10. ט' כח כן וכל כתיב דכות ב מ א}
- 15 בְּנֵי לֵאָה אֲשֶׁר יָלְדָה לְיַעֲקֹב בְּפֶתֶן אֲרָם וְאֵת דִּינָה בְתוּרָה כָּל־נַפְשׁ >
- 16 בְּנָיו וּבְנוֹתָיו שְׁלֹשִׁים וְשֵׁשׁ: 16 וּבְנֵי גָד צַפְלִיֹן^א וְחַנִּי שׁוּנִי^ב וְאַצְבֹּן^ג עָרִי >
- 17 וְאֲרוּרִי וְאַרְאֵלִי: 17 וּבְנֵי אֲשֶׁר יִמְנָה וַיְשׁוּהָ וַיִּשְׁנִי^א וּבְרִיעָה וְשֶׁרַח >
- 18 אַחֲתָם וּבְנֵי בְרִיעָה חֶבֶר וּמְלִכִיאֵל: 18 אֵלֶּה בְנֵי זְלֶפְחָה אֲשֶׁר־נָתַן >
- 19 לְבֶן לְלֵאָה בְתוּרָה וַתֵּלֶד אֶת־אֵלֶּה לְיַעֲקֹב שֵׁשׁ עֶשְׂרֵה נַפְשׁ: 19 בְּנֵי >
- 20 רְחֵל אֲשֶׁת יַעֲקֹב יוֹסֵף וּבְנָמֹן: 20 וַיִּוְלַד לְיוֹסֵף בְּאָרֶץ מִצְרַיִם אֲשֶׁר >
- יָלְדָה־לוֹ אִסְנָת בַּת־פּוֹטִי פְרַע כֶּתֶן אֵן אֶת־מְנַשֶּׁה וְאֶת־אֶפְרַיִם: ^{1. כח תרתין מילין. ב. ח. ט. ב.}
- 21 וּבְנֵי בְנָמֹן בְּלַע וּבְכֹר וְאִשָּׁבֵל^א גֵּרָא וְנַעֲמָן^ב אֲחִי וְרֵאֵשׁ מִפְּיִם >
- 22 וְחַפְּיִם^ב וְאַרְדֵּי^ג: 22 אֵלֶּה בְנֵי רְחֵל אֲשֶׁר יָלְדָה לְיַעֲקֹב כָּל־נַפְשׁ >
- 23 אַרְבַּעַה עָשָׂר: 23 וּבְנֵי־דָן חַשִׁים^ב: 24 וּבְנֵי נַפְתָּלִי יַחְזָאֵל וְנוּנִי וַיִּצָּר >
- 25 וְשִׁלֹּם^א: 25 אֵלֶּה בְנֵי בְלֵחָה אֲשֶׁר־נָתַן לְבֶן לְרְחֵל בְתוּרָה וַתֵּלֶד אֶת־ >
- 26 אֵלֶּה לְיַעֲקֹב כָּל־נַפְשׁ שִׁבְעָה: 26 כָּל־הַנַּפְשׁ הַבָּאָה לְיַעֲקֹב מִצְרַיִמָּה >
- 27 יִצְחָק יָרְכוּ מִלֶּבֶד נָשִׁי בְנֵי־יַעֲקֹב כָּל־נַפְשׁ שְׁשִׁים וְשֵׁשׁ: 27 וּבְנֵי יוֹסֵף >
- אֲשֶׁר־יָלְדָה־לוֹ בְּמִצְרַיִם נַפְשׁ שְׁנַיִם כָּל־הַנַּפְשׁ לְבֵית־יַעֲקֹב הַבָּאָה >
- 28 מִצְרַיִמָּה שִׁבְעִים: ^פ וְאֶת־יְהוּדָה שָׁלַח לְפָנָיו אֶל־יוֹסֵף >
- 29 לְהוֹרֹתָ^א לְפָנָיו גִּשְׁנָה וַיָּבֵאוּ^ב אֶרְצָה גִּשֶׁן: 29 וַיֵּאָסֶר יוֹסֵף מִרַבְּבֹתָיו >
- וַיַּעַל לְקַרְאֵת־יִשְׂרָאֵל אָבִיו גִּשְׁנָה וַיֵּרָא אֵלָיו וַיִּפֹּל עַל־צַוְּאָרְיוֹ וַיִּבְכֶּ: ^{25. ב.}
- 30 עַל־צַוְּאָרְיוֹ עוֹד: 30 וַיֵּאמֶר יִשְׂרָאֵל אֶל־יוֹסֵף אֲמוֹתָה הַפַּעַם אַחֲרַי >
- 31 רְאוּתִי אֶת־פָּנֶיךָ כִּי עוֹדָה חַי: 31 וַיֵּאמֶר יוֹסֵף אֶל־אָחִיו וְאֶל־בְּנֵי >
- אָבִיו אֵעֵלָה וְאֲנִידָה לְפָרְעָה וְאֲמַרְהָ אֵלָיו אַחֲרַי וּבֵית־אָבִי אֲשֶׁר >

¹⁰ Mm 331. ¹¹ Mm 218 contra textum. ¹² Mm 3941. ¹³ L 1 erasum, וחד אצבון 1 Ch 7, 7. ¹⁴ Mm 342. ¹⁵ Mm 343. ¹⁶ Mm 750. ¹⁷ Mm 344. ¹⁸ Mm 84. ¹⁹ Mm 345. ²⁰ Mm 1227. ²¹ Ps 42, 10. וחד אומר

12 ^a μS || וְחַמוּל || 13 ^a sic L, mlt Mss יִשׁ || ^b μS || וְפָנֵחַ cf 1 Ch 7, 1 || ^c 1 || וְיֹזֵבֶד cf μS et Nu 26, 24 1 Ch 7, 1 || 16 ^a μS || וְשִׁמְרוֹן cf Nu 26, 15 || ^b pc Mss μS || וְשִׁמְרוֹן || ^c frt 1 c μS || וַיְחַלְאֵל || 17 ^a 1 prb || וַיִּשְׁנִי || 21 ^a Ⓞ + ἐγένοντο δὲ υἱοὶ Βαλα cf 1 Ch 8, 3, ins || וַיְהִי בְנֵי || אֲרוּרִי || Nu 26, 17 אָדָר || 1 Ch 8, 3 || 22 ^a 1 c mlt Mss μS || יָלְדָה || 23 ^a Seb || וּבְנֵי || ^b Ⓞ Ασομ = חָשׁוּם; frt 1 sec Nu 26, 42 || שְׁשִׁים || 24 ^a μ et 1 Ch 7, 13 || וְשִׁלֹּם || 27 ^a cf 35, 26^a || 28 ^a μS || לְהֵרָאוֹת Ⓞ συναντήσαι αὐτῶ = לְהִקְרוֹת cf v || ^b μS v ||

13 בְּרִכְיוֹ וַיִּשְׁתַּחֲוֶה לְאֶפְרַיִם אֶרְצָה: 13 וַיִּקַּח יוֹסֵף אֶת־שְׁנֵיהֶם אֶת־אֶפְרַיִם 15
 בְּיָמֵינוּ מִשְׁמָאל יִשְׂרָאֵל וְאֶת־מְנַשֶּׁה בְּשִׂמְאֵלוֹ מִיַּמִּין יִשְׂרָאֵל וַיִּגְשׁוּ^א 17
 אֵלָיו: 14 וַיִּשְׁלַח יִשְׂרָאֵל אֶת־יָמֵינוּ וַיִּשֶׁת׃ עַל־רֹאשׁ אֶפְרַיִם וְהוּא 14
 הַצֶּעִיר וְאֶת־שִׂמְאֵלוֹ עַל־רֹאשׁ מְנַשֶּׁה שְׂכָל אֶת־יָדָיו כִּי מְנַשֶּׁה 15
 הַבְּכוֹר: 15 וַיְבָרֶךְ אֶת־יוֹסֵף וַיֹּאמֶר 15
 הָאֱלֹהִים אֲשֶׁר הִתְהַלְכוּ אֲבֹתַי לִפְנֵי אֲבֹתְכֶם וַיִּצְחָק 16
 הָאֱלֹהִים הַרְעָה אֹתִי מֵעוֹדִי עַד־הַיּוֹם הַזֶּה:
 הַמַּלְאָךְ הַנֶּאֱלָל אֹתִי מִכָּל־רֵעַ יְבָרֶךְ אֶת־הַנְּעָרִים 16
 וַיִּקְרָא בָהֶם שְׁמֵי וְשֵׁם אֲבֹתִי אֲבֹתְכֶם וַיִּצְחָק 17
 וַיֹּדְעוּ לְרַב בְּקָרֵב הָאָרֶץ:
 17 וַיִּרְא יוֹסֵף כִּי־יִשְׁוֶת אָבִיו יַד־יָמֵינוּ עַל־רֹאשׁ אֶפְרַיִם וַיִּרַע בְּעֵינָיו 17
 וַיִּתְמַךְ יַד־אָבִיו לְהִסִּיר אֹתָהּ מֵעַל רֹאשׁ־אֶפְרַיִם עַל־רֹאשׁ מְנַשֶּׁה:
 18 וַיֹּאמֶר יוֹסֵף אֶל־אָבִיו לֹא־כֵן אָבִי כִּי־זֶה הַבְּכוֹר שֵׁם יָמֵינוּ עַל־
 19 רֹאשׁוֹ: 19 וַיִּמָּאֵן אָבִיו וַיֹּאמֶר יִדְעָתִי בְנֵי יַדְעָתִי גַם־הוּא יִהְיֶה־לְעַם
 20 וְגַם־הוּא יִגְדֵל וְאוֹלָם אֲחִיו הַקָּטָן יִגְדֵל מִמֶּנּוּ וְזָרְעוֹ יִהְיֶה מְלֹא־
 20 הַנְּזִים: 20 וַיְבָרְכֶם בַּיּוֹם הַהוּא לְאֲמוֹר
 בְּךָ יְבָרֶךְ יִשְׂרָאֵל לְאֲמוֹר
 יִשְׁמְךָ אֱלֹהִים כְּאֶפְרַיִם וְכַמְנַשֶּׁה:
 21 וַיִּשֶׂם אֶת־אֶפְרַיִם לִפְנֵי מְנַשֶּׁה: 21 וַיֹּאמֶר יִשְׂרָאֵל אֶל־יוֹסֵף
 הִנֵּה אֲנִי מֹת וְהָיָה אֱלֹהִים עִמָּכֶם וְהִשִּׁיב אֶתְכֶם אֶל־אֶרֶץ אֲבֹתֵיכֶם:
 22 וְאֲנִי נָתַתִּי לָךְ שְׂכָם אַחֲרָיִךְ עַל־אֲחִיךָ אֲשֶׁר לָקַחְתִּי מִיַּד הָאֲמֹרִי
 בְּחַרְבֵי וּבְקִשְׁתֵּי: 22
 49^(מ) 1 וַיִּקְרָא יַעֲקֹב אֶל־בָּנָיו וַיֹּאמֶר
 הֲאִסְפוּ וְאֲנִידָה לָכֶם אֶת אֲשֶׁר־יִקְרָא אֶתְכֶם בְּאַחֲרֵית הַיָּמִים:

184 מל בתור וכל ב"ך
דכות ב מ א צא

הי ר"פ מיוחד 20

ה. 21

1 ומל 22

יט 23

24 24

1 מל 26

ב ח 28

פד לג מנה בתור

27

10 ר"פ ב כה 28

ל 29

15 Mm 963. 16 Mm 1473. 17 Mm 356. 18 Mm 3666. 19 Mm 1146. 20 Mm 944. 21 Mm 1806. 22 Mm 2737.
 23 Mm 436. 24 Mm 357. 25 Mm 970. 26 Mm 358. 27 Mm 359. 28 Mm 187. 29 Ps 44, 7. וחד בקשתי 29

12^a Ms μϞϚϞ^p - תו || ^b 1? לו אפים cf ϞϚ et 42,6 || 13^a Ϟ(SV) + αὐτούς, ins אתם cf 10 || 14^a μϞ + יד cf 17 || 15^{a-b} Ϟ αὐτούς || 16^a μ המלך || 20^a Ϟ(Ϟ^p) ἐν ὕμῳ || ^b ϞϚ pass = יברך vel potius יברך || ^c prp ומ' || 22^a μ^{Mss} אחת.

28 כָּל־אֱלֹהֵי שְׁבַטֵי יִשְׂרָאֵל שָׁנִים עָשָׂר וְזֹאת אֲשֶׁר־דִּבֶּר לָהֶם אָבִיהֶם²⁸ כה
 29 וַיְבָרֶךְ אוֹתָם אִישׁ אֲשֶׁר²⁹ כְּבִרְכָתוֹ בִּרְךָ אִתָּם: וַיֵּצֵאוּ אוֹתָם וַיֹּאמֶר²⁹ ה בתור . לט טל בתור . יב . לט טל בתור
 אֱלֹהִים אֲנִי נְאֻמָּה אֶל־עַמִּי³⁰ קָבְרוּ אֹתִי אֶל־אֲבֹתִי אֶל־הַמַּעְרָה אֲשֶׁר³⁰ ג ג סת וחד קמ . ד³⁰
 בַּשָּׂדֶה עֶפְרוֹן הַחֲתִי: ³⁰ בַּמַּעְרָה אֲשֶׁר בַּשָּׂדֶה הַמְּכַפְלָה אֲשֶׁר עַל־³⁰ ד חס³⁰
 פְּנֵי־מִמְרָא בְּאֶרֶץ כְּנָעַן אֲשֶׁר קָנָה אֲבֹתָהֶם אֶת־הַשָּׂדֶה מֵאֵת עֶפְרוֹן³⁰
 הַחֲתִי לְאַחֲזֵת־קֶבֶר: ³¹ שָׁמָּה קָבְרוּ אֶת־אֲבֹתָהֶם וְאֵת שָׂרָה אֲשֶׁתּוֹ³¹ ה ר"ס³¹ . ל
 שָׁמָּה קָבְרוּ אֶת־יַצְחָק וְאֵת רַבֵּקָה אֲשֶׁתּוֹ וְשָׁמָּה קָבְרָתִי אֶת־לֵאָה:³¹ ל ה
³² מִקְנֵה הַשָּׂדֶה וְהַמַּעְרָה אֲשֶׁר־בּוֹ מֵאֵת בְּנֵי־חֵת: ³³ וַיְכַל יַעֲקֹב לְצַנֹּת³² י בתור
 אֶת־בָּנָיו וַיֹּאמְרָם רְגִלְיוֹ אֶל־הַמַּטֶּה וַיִּגְוַע וַיֹּאמְרָם אֶל־עַמּוּי:³³ ד בתור . כ ה טנה בתור³³ . ז ה טלעיל וב טלרע
 50 ¹ וַיִּפֹּל יוֹסֵף עַל־פְּנֵי אָבִיו וַיִּבֶךְ עָלָיו וַיִּשְׁק־לוֹ: ² וַיֵּצֵאוּ יוֹסֵף⁵⁰
 אֶת־עַבְדָּיו אֶת־הַרְפָּאִים לְחַנֹּט אֶת־אָבִיו וַיַּחְנְטוּ הַרְפָּאִים אֶת־
 יִשְׂרָאֵל: ³ וַיִּמְלְאוּ־לוֹ אַרְבַּעַיִם יוֹם כִּי כֵן יִמְלְאוּ יַמֵּי הַחַנְטִים וַיִּבְכּוּ³
 אֹתוֹ מִצָּרִים שִׁבְעִים יוֹם: ⁴ וַיַּעֲבְרוּ יַמֵּי בְּכִיתוֹ וַיְדַבֵּר יוֹסֵף אֶל־בֵּית⁴
 פְּרַעֲה לֵאמֹר אִם־נָא מִצָּאתִי חַן בְּעֵינֶיכֶם דַּבְּרוּ־נָא בְּאָזְנֵי פְרַעֲה
 לֵאמֹר: ⁵ אָבִי הַשְּׂבִיעֵנִי לֵאמֹר הִנֵּה אָנֹכִי מֵת בְּקִבְרֵי אֲשֶׁר כָּרַתִּי⁵
 לִי בְּאֶרֶץ כְּנָעַן שָׁמָּה תִקְבְּרֵנִי וְעַתָּה אֵעֲלֶה־נָא וְאֶקְבְּרָה אֶת־אָבִי
 וְאֲשׁוּבָה: ⁶ וַיֹּאמֶר פְּרַעֲה עֲלֶה וְקָבַר אֶת־אָבִיךָ כַּאֲשֶׁר הַשְּׂבִיעֵךָ:⁶
⁷ וַיַּעַל יוֹסֵף לְקַבֵּר אֶת־אָבִיו וַיַּעֲלוּ אֹתוֹ כָּל־עַבְדָּי פְּרַעֲה זְקַנֵּי בֵיתוֹ⁷
 וְכָל־זְקַנֵּי אֶרֶץ־מִצְרָיִם: ⁸ וְכָל־בֵּית יוֹסֵף וְאָחָיו וּבֵית אָבִיו רַק טַפָּם⁸
 וְצִאֲנָם וּבְקִרָם עָזְבוּ בְּאֶרֶץ נֶשֶׁן: ⁹ וַיַּעַל עִמּוֹ נָם־רַכָּב נָם־פָּרָשִׁים וַיְהִי⁹
 הַמַּחֲנֶה כָּבֵד מְאֹד: ¹⁰ וַיָּבֹאוּ עַד־נֶרְן הָאֲטֹד אֲשֶׁר בְּעֶבֶר תִּירְהֹן¹⁰
 וַיִּסְפְּדוּ־שָׁם מִסֹּפֶד גָּדוֹל וְכָבֵד מְאֹד וַיַּעַשׂ לְאָבִיו אָבֵל שְׁבַעַת יָמִים:¹⁰
¹¹ וַיֵּרָא יוֹשֵׁב־הָאֶרֶץ הַכְּנַעֲנִי אֶת־הָאָבֵל בְּנֶרְן הָאֲטֹד וַיֹּאמְרוּ אָבֵל־¹¹
 כָּבֵד זֶה לְמִצְרָיִם עַל־כֵּן קָרָא שְׁמֹהוּ אָבֵל מִצְרָיִם אֲשֶׁר בְּעֶבֶר
 תִּירְהֹן: ¹² וַיַּעַשׂוּ בָנָיו לּוֹ כֵּן כַּאֲשֶׁר צִוָּם: ¹³ וַיִּשְׂאוּ אֹתוֹ בָּנָיו אֶרְצָה¹²
¹³

²⁸ Mm 364. ²⁹ Mm 365. ³⁰ Mm 2922. ³¹ Mm 4234. Cp 50 Thr 3,15. ² Mm 366. ³ Mm 1447. ⁴ Mm 160. ⁵ Mm 367. ⁶ Mm 77.

28 ^a > pc Mss 5S; I prb איש || 29 ^a עמי I 33 || ^b | ע? || Cp 50,5 ^a μϞ^A ¹¹ + אָבֵל = Πένθος ^b Ϟ(Ϟ) || 11 ^a μϞS || כאשר השביעני + ^b μ || 16 ex, לפני מותו

כָּנְעַן וַיִּקְבְּרוּ אֹתוֹ בְּמִעְרַת שְׂרָה הַמְּכַפְלָה אֲשֶׁר קָנָה אַבְרָהָם אֶת־
 14 הַשְּׂדֵה לְאַחֲזַת־קֶבֶר מֵאֵת עַפְרָן הַחֹתֵן עַל־פְּנֵי מִמְרָא: 14 וַיֵּשֶׁב
 יוֹסֵף מִצְרַיִמָּה הוּא וְאֶחָיו וְכָל־הָעֲלִים אִתּוֹ לְקַבֵּר אֶת־אָבִיו אֲחֵרֵי
 15 קִבְּרוּ אֶת־אָבִיו: 15 וַיִּרְאוּ אֶחָיו־יוֹסֵף כִּי־מָת אָבִיהֶם וַיֹּאמְרוּ
 לוֹ יִשְׁטַמְנוּ יוֹסֵף וְהַשֵּׁב יָשִׁיב לָנוּ אֵת כָּל־הַרְעָה אֲשֶׁר גִּמְלָנוּ אֹתוֹ:
 16 וַיִּצְוֶה אֶל־יוֹסֵף לֵאמֹר אֲבִיךָ צִוָּה לִפְנֵי מוֹתוֹ לֵאמֹר: 17 כֹּה־
 תֹאמְרוּ לְיוֹסֵף אֲנָא שָׂא נָא פִּשְׁעֵךָ וְחַטָּאתֶךָ כִּי־רָעָה גִמְלִיךָ
 וְעַתָּה שָׂא נָא לִפְשַׁע עַבְדֵי אֱלֹהֵי אָבִיךָ וַיִּבְכֶּךָ יוֹסֵף בְּדַבְרָם אֵלָיו:
 18 וַיִּלְכוּ גַם־אֶחָיו וַיִּפְּלוּ לִפְנָיו וַיֹּאמְרוּ הִנְנּוּ לְךָ לַעֲבָדִים: 19 וַיֹּאמֶר
 20 אֲלֵהֶם יוֹסֵף אֶל־תִּירְאוּ כִּי הִתַּחַת אֱלֹהִים אָנִי: 20 וְאַתֶּם חַשְׁבַּתֶּם עָלַי
 רָעָה אֱלֹהִים חֲשַׁבָה לְטֹבָה לְמַעַן עֲשֶׂה כִּי־זֶה הָיָה לְהַחְיִית עִם־רַב:
 21 וְעַתָּה אֶל־תִּירְאוּ אֲנִי אֲכַלְכֵּל אֶתְכֶם וְאֶת־טַפְכֶּם וַיִּנְחֵם אוֹתָם
 22 וַיִּדְבֶּר עַל־לֵבָם: 22 וַיֵּשֶׁב יוֹסֵף בְּמִצְרַיִם הוּא וּבֵית אָבִיו וַיְחִי
 23 יוֹסֵף מֵאָה וָעֶשֶׂר שָׁנִים: 23 וַיֵּרָא יוֹסֵף לְאַפְרַיִם בְּנֵי שְׁלֹשִׁים גַּם בְּנֵי
 24 מְכִיר בֶן־מְנַשֶּׁה יְלָדוֹ עַל־בְּרֵכֵי יוֹסֵף: 24 וַיֹּאמֶר יוֹסֵף אֶל־אֶחָיו
 אֲנִי מָת וְאֱלֹהִים פָּקֹד יִפְקֹד אֶתְכֶם וְהָעֵלָה אֶתְכֶם מִן־הָאָרֶץ הַזֹּאת
 25 אֶל־הָאָרֶץ אֲשֶׁר נִשְׁבַּע לְאַבְרָהָם לְיִצְחָק וְלִיעֲקֹב: 25 וַיִּשְׁבַּע יוֹסֵף
 אֶת־בְּנֵי יִשְׂרָאֵל לֵאמֹר פָּקֹד יִפְקֹד אֱלֹהִים אֶתְכֶם וְהָעֵלְתֶם אֶת־
 26 עַצְמוֹתַי מִזֶּה: 26 וַיָּמָת יוֹסֵף בֶּן־מֵאָה וָעֶשֶׂר שָׁנִים וַיַּחְנְטוּ אֹתוֹ וַיִּשֶׂם
 בָּאָרוֹן בְּמִצְרַיִם: 26

סכום הפסוקים של ספר
 אלף וחמש מאות
 ושלושים וארבעה:
 אך לד'²⁶
 וחציו ועל־חרבך²⁶
 וסדרים מה

⁷Mm 365. ⁸Mm 84. ⁹Mm 1965. ¹⁰Mm 1444. ¹¹Mm 1685. ¹²Mm 368. ¹³Mm 369. ¹⁴Mm 327. ¹⁵Mm 370. ¹⁶Mm 1222. ¹⁷Mm 3631. ¹⁸2 S 12, 24. ¹⁹Mm 371. ²⁰Mm 388. ²¹Mm 79. ²²Mm 1273. ²³Mm 3723. ²⁴Mp sub loco. ²⁵Gn 27, 40, cf Mp sub loco.

14 ^a > * > dl? || 15 ^a V(S) *timentes* = leg נ' || 16 ^a Θ(S) *kai παρεγένοντο* cf 18, prp
 וַיִּשְׁבּוּ || 18 ^a prp וַיִּבְכּוּ || 20 ^a μ Vrs וְהָאָרֶץ || 23 ^a μΘΣΣΣ' בָּנִים || ^b μ בימי || 25 ^a
 nonn Mss μ Vrs + אֶתְכֶם || 26 ^a l c μ וַיִּשֶׂם.

земле обладания их. Вот Исав, отец Идумеев.

37 Иаков жил в земле странствования отца своего [Исаака], в земле Ханаанской. **2** Вот житие Иакова. Иосиф, семнадцати лет, пас скот [отца своего] вместе с братьями своими, будучи отроком, с сыновьями Валлы и с сыновьями Зелфы, жен отца своего. И доводил Иосиф худые о них слухи до [Израиля] отца их. **3** Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его, — и сделал ему разноцветную одежду. **4** И увидели братья его, что отец их любит его более всех братьев его; и возненавидели его и не могли говорить с ним дружелюбно. **5** И видел Иосиф сон, и рассказал [его] братьям своим: и они возненавидели его еще более. **6** Он сказал им: выслушайте сон, который я видел: **7** вот, мы вяжем снопы посреди поля; и вот, мой сноп встал и стал прямо; и вот, ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу. **8** И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать над нами? неужели будешь владеть нами? И возненавидели его еще более за сны его и за слова его. **9** И видел он еще другой сон и рассказал его [отцу своему] братьям своим, говоря: вот, я видел еще сон: вот, солнце и луна и одиннадцать звезд поклоняются мне. **10** И он рассказал отцу своему и братьям своим; и побранил его отец его и сказал ему: что это за сон, который ты видел? неужели я и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли? **11** Братья его досадовали на него, а отец его заметил это слово.

12 Братья его пошли пасти скот отца своего в Сихем. **13** И сказал Израиль Иосифу: братья твои не пасут ли в Сихеме? пойдя, я pošлю тебя к ним. Он отвечал ему: вот я. **14** [Израиль] сказал ему: пойдя, посмотри, здоровы ли братья твои и цел ли скот, и принеси мне ответ. И послал его из долины Хевронской; и он пришел в Сихем.

15 И нашел его некто блуждающим в поле, и спросил его тот человек, говоря: чего ты ищешь? **16** Он сказал: я ищу братьев моих; скажи мне, где они пасут? **17** И сказал тот человек: они ушли отсюда, ибо я слышал, как они говорили: пойдём в Дофан. И пошел Иосиф за братьями своими и нашел их в Дофане. **18** И увидели они его издали, и прежде нежели он приблизился к ним, стали умышлять против него, чтобы убить его. **19** И сказали друг другу: вот, идет сновидец; **20** пойдём теперь, и убьём его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его; и увидим, что будет из его снов. **21** И услышал *сие* Рувим и избавил его от рук их, сказав: не убьём его. **22** И сказал им Рувим: не проливайте крови; бросьте его в ров, который в пустыне, а руки не налагайте на него. *Сие говорил он* [с тем намерением], чтобы избавить его от рук их и возвратить его к отцу его. **23** Когда Иосиф пришел к братьям своим, они сняли с Иосифа одежду его, одежду разноцветную, которая была на нем, **24** и взяли его и бросили его в ров; ров же тот был пуст; воды в нем не было. **25** И сели они есть хлеб, и, взглянув, увидели, вот, идет из Галаада караван Измаильтян, и верблюды их несут стираксу, бальзам и ладан: идут они отвезти это в Египет. **26** И сказал Иуда братьям своим: что пользы, если мы убьём брата нашего и скроем кровь его? **27** Пойдём, продадим его Измаильтянам, а руки наши да не будут на нем, ибо он брат наш, плоть наша. Братья его послушались **28** и, когда проходили купцы Мадиямские, вытащили Иосифа из рва и продали Иосифа Измаильтянам за двадцать сребреников; а они отвели Иосифа в Египет. **29** Рувим же пришел опять к рову; и вот, нет Иосифа во рве. И разодрал он одежды свои, **30** и возвратился к братьям своим, и сказал: отрока нет, а я, куда я денусь? **31** И взяли одежду Иосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью;

32 и послали разноцветную одежду, и доставили к отцу своему, и сказали: мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда, или нет. **33** Он узнал ее и сказал: *это* одежда сына моего; хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф. **34** И разодрал Иаков одежды свои, и возложил вретище на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни. **35** И собрались все сыновья его и все дочери его, чтобы утешить его; но он не хотел утешиться и сказал: с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю. Так оплакивал его отец его. **36** Мадиянитяне же продали его в Египте Потифару, царедворцу фараонову, начальнику телохранителей.

38 В то время Иуда отошел от братьев своих и поселился близ одного Одолламитянина, которому имя: Хира. **2** И увидел там Иуда дочь одного Хананеянина, которому имя: Шуа; и взял ее и вошел к ней. **3** Она зачала и родила сына; и он нарек ему имя: Ир. **4** И зачала опять, и родила сына, и нарекла ему имя: Онан. **5** И еще родила сына [третьего] и нарекла ему имя: Шела. Иуда был в Хезиве, когда она родила его. **6** И взял Иуда жену Иру, первенцу своему; имя ей Фамарь. **7** Ир, первенец Иудин, был неугоден пред очами Господа, и умертвил его Господь. **8** И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней, как деверь, и восстанови семя брату твоему. **9** Онан знал, что семя будет не ему, и потому, когда входил к жене брата своего, изливал [семя] на землю, чтобы не дать семени брату своему. **10** Зло было пред очами Господа то, что он делал; и Он умертвил и его. **11** И сказал Иуда Фамари, невестке своей [по смерти двух сыновей своих]: живи вдовою в доме отца твоего, пока подрастет Шела, сын мой. Ибо он сказал [в уме своем]: не умер бы и он подобно братьям его. Фамарь пошла и стала жить в доме отца своего.

12 Прошло много времени, и умерла дочь Шуи, жена Иудина. Иуда, утешившись,

пошел в Фамну к стригущим скот его, сам и Хира, друг его, Одолламитянин. **13** И уведомили Фамарь, говоря: вот, свекор твой идет в Фамну стричь скот свой. **14** И сняла она с себя одежду вдовства своего, покрыла себя покрывалом и, закрывшись, села у ворот Енаима, что на дороге в Фамну. Ибо видела, что Шела вырос, и она не дана ему в жену. **15** И увидел ее Иуда и почел ее за блудницу, потому что она закрыла лице свое. [И не узнал ее.] **16** Он поворотил к ней и сказал: войду я к тебе. Ибо не знал, что это невестка его. Она сказала: что ты дашь мне, если войдешь ко мне? **17** Он сказал: я пришлю тебе козленка из стада [моего]. Она сказала: дашь ли ты мне залог, пока пришлешь? **18** Он сказал: какой дать тебе залог? Она сказала: печать твою, и перевязь твою, и трость твою, которая в руке твоей. И дал он ей и вошел к ней; и она зачала от него. **19** И, встав, пошла, сняла с себя покрывало свое и оделась в одежду вдовства своего. **20** Иуда же послал козленка чрез друга своего Одолламитянина, чтобы взять залог из руки женщины, но он не нашел ее. **21** И спросил жителей того места, говоря: где блудница, которая была в Енаиме при дороге? Но они сказали: здесь не было блудницы. **22** И возвратился он к Иуде и сказал: я не нашел ее; да и жители места того сказали: здесь не было блудницы. **23** Иуда сказал: пусть она возьмет себе, чтобы только не стали над нами смеяться; вот, я посылал этого козленка, но ты не нашел ее. **24** Прошло около трех месяцев, и сказали Иуде, говоря: Фамарь, невестка твоя, впала в блуд, и вот, она беременна от блуда. Иуда сказал: выведите ее, и пусть она будет сожжена. **25** Но когда повели ее, она послала сказать свекру своему: я беременна от того, чьи эти вещи. И сказала: узнавай, чья эта печать и перевязь и трость. **26** Иуда узнал и сказал: она правее меня, потому что я не дал ее Шеле, сыну моему. И не познавал ее

более. **27** Во время родов ее оказалось, что близнецы в утробе ее. **28** И во время родов ее показалась рука [одного]; и взяла повивальная бабка и навязала ему на руку красную нить, сказав: этот вышел первый. **29** Но он возвратил руку свою; и вот, вышел брат его. И она сказала: как ты расторг себе преграду? И наречено ему имя: Фарес. **30** Потом вышел брат его с красной нитью на руке. И наречено ему имя: Зара.

39 Иосиф же отведен был в Египет, и купил его из рук Измаильтян, приведших его туда, Египтянин Потифар, царедворец фараонов, начальник телохранителей. **2** И был Господь с Иосифом: он был успешен в делах и жил в доме господина своего, Египтянина. **3** И увидел господин его, что Господь с ним и что всему, что он делает, Господь в руках его дает успех. **4** И снискал Иосиф благоволение в очах его и служил ему. И он поставил его над домом своим, и все, что имел, отдал на руки его. **5** И с того времени, как он поставил его над домом своим и над всем, что имел, Господь благословил дом Египтянина ради Иосифа, и было благословение Господне на всем, что имел он в доме и в поле [его]. **6** И оставил он все, что имел, в руках Иосифа и не знал при нем ничего, кроме хлеба, который он ел.

Иосиф же был красив станом и красив лицом. **7** И обратила взоры на Иосифа жена господина его и сказала: спи со мною. **8** Но он отказался и сказал жене господина своего: вот, господин мой не знает при мне ничего в доме, и все, что имеет, отдал в мои руки; **9** нет больше меня в доме сем; и он не запретил мне ничего, кроме тебя, потому что ты жена ему; как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом? **10** Когда так она ежедневно говорила Иосифу, а он не слушался ее, чтобы спать с нею и быть с нею, **11** случилось в один день, что он вошел в дом делать дело свое, а никого из домашних тут в доме не было; **12** она схватила его за одежду

его и сказала: ложись со мной. Но он, оставив одежду свою в руках ее, побежал и убежал вон. **13** Она же, увидев, что он оставил одежду свою в руках ее и побежал вон, **14** кликнула домашних своих и сказала им так: посмотрите, он привел к нам Еврея ругаться над нами. Он пришел ко мне, чтобы лечь со мною, но я закричала громким голосом, **15** и он, услышав, что я подняла вопль и закричала, оставил у меня одежду свою, и побежал, и убежал вон. **16** И оставила одежду его у себя до прихода господина его в дом свой. **17** И пересказала ему те же слова, говоря: раб Еврей, которого ты привел к нам, приходил ко мне ругаться надо мною [и говорил мне: лягу я с тобою], **18** но, когда [услышал, что] я подняла вопль и закричала, он оставил у меня одежду свою и убежал вон. **19** Когда господин его услышал слова жены своей, которые она сказала ему, говоря: так поступил со мною раб твой, то воспылал гневом; **20** и взял Иосифа господин его и отдал его в темницу, где заключены узники царя. И был он там в темнице.

21 И Господь был с Иосифом, и простер к нему милость, и даровал ему благоволение в очах начальника темницы. **22** И отдал начальник темницы в руки Иосифу всех узников, находившихся в темнице, и во всем, что они там ни делали, он был распорядителем. **23** Начальник темницы и не смотрел ни за чем, что было у него в руках, потому что Господь был с *Иосифом*, и во всем, что он делал, Господь давал успех.

40 После сего виночерпий царя Египетского и хлебодар провинились пред господином своим, царем Египетским. **2** И прогневался фараон на двух царедворцев своих, на главного виночерпия и на главного хлебодара, **3** и отдал их под стражу в дом начальника телохранителей, в темницу, в место, где заключен был Иосиф. **4** Начальник телохранителей приставил к ним Иосифа, и он служил им. И пробыли они под

стражею несколько времени.

5 Однажды виночерпию и хлебодару царя Египетского, заключенным в темнице, виделись сны, каждому свой сон, обоим в одну ночь, каждому сон особенного значения. **6** И пришел к ним Иосиф поутру, увидел их, и вот, они в смущении. **7** И спросил он царедворцев фараоновых, находившихся с ним в доме господина его под стражею, говоря: отчего у вас сегодня печальные лица? **8** Они сказали ему: нам виделись сны; а истолковать их некому. Иосиф сказал им: не от Бога ли истолкования? расскажите мне. **9** И рассказал главный виночерпий Иосифу сон свой и сказал ему: мне снилось, вот виноградная лоза предо мною; **10** на лозе три ветви; она развилась, показался на ней цвет, выросли и созрели на ней ягоды; **11** и чаша фараонова в руке у меня; я взял ягод, выжал их в чашу фараонову и подал чашу в руку фараону. **12** И сказал ему Иосиф: вот истолкование его: три ветви — это три дня; **13** через три дня фараон вознесет главу твою и возвратит тебя на место твое, и ты подашь чашу фараонову в руку его, по прежнему обыкновению, когда ты был у него виночерпием; **14** вспомни же меня, когда хорошо тебе будет, и сделай мне благодеяние, и упомяни обо мне фараону, и выведи меня из этого дома, **15** ибо я украден из земли Евреев; а также и здесь ничего не сделал, за что бы бросить меня в темницу. **16** Главный хлебодар увидел, что истолковал он хорошо, и сказал Иосифу: мне также снилось: вот на голове у меня три корзины решетчатых; **17** в верхней корзине всякая пища фараонова, изделие пекаря, и птицы [небесные] клевали ее из корзины на голове моей. **18** И отвечал Иосиф и сказал [ему]: вот истолкование его: три корзины — это три дня; **19** через три дня фараон снимет с тебя голову твою и повесит тебя на дереве, и птицы [небесные] будут клевать плоть твою с тебя. **20** На третий день, день рождения фа-

раонова, сделал он пир для всех слуг своих и вспомнил о главном виночерпии и главном хлебодаре среди слуг своих; **21** и возвратил главного виночерпия на прежнее место, и он подал чашу в руку фараону, **22** а главного хлебодара повесил [на дереве], как истолковал им Иосиф. **23** И не вспомнил главный виночерпий об Иосифе, но забыл его.

41 По прошествии двух лет фараону снилось: вот, он стоит у реки; **2** и вот, вышли из реки семь коров, хороших видом и тучных плотью, и паслись в тростнике; **3** но вот, после них вышли из реки семь коров других, худых видом и тощих плотью, и стали подле тех коров, на берегу реки; **4** и съели коровы худые видом и тощие плотью семь коров хороших видом и тучных. И проснулся фараон, **5** и заснул опять, и снилось ему в другой раз: вот, на одном стебле поднялось семь колосьев тучных и хороших; **6** но вот, после них выросло семь колосьев тощих и иссушенных восточным ветром; **7** и пожрали тощие колосья семь колосьев тучных и полных. И проснулся фараон и *понял, что* это сон. **8** Утром смутился дух его, и послал он, и призвал всех волхвов Египта и всех мудрецов его, и рассказал им фараон сон свой; но не было никого, кто бы истолковал его фараону. **9** И стал говорить главный виночерпий фараону и сказал: грехи мои вспоминаю я ныне; **10** фараон прогневался на рабов своих и отдал меня и главного хлебодара под стражу в дом начальника телохранителей; **11** и снился нам сон в одну ночь, мне и ему, каждому снился сон особенного значения; **12** там же был с нами молодой Еврей, раб начальника телохранителей; мы рассказали ему сны наши, и он истолковал нам каждому соответственно с его сновидением; **13** и как он истолковал нам, так и сбылось: я возвращен на место мое, а тот повешен. **14** И послал фараон и позвал Иосифа. И поспешно вывели его из темницы. Он остригся и переменял одежду свою и

пришел к фараону. **15** Фараон сказал Иосифу: мне снился сон, и нет никого, кто бы истолковал его, а о тебе я слышал, что ты умеешь толковать сны. **16** И отвечал Иосиф фараону, говоря: это не мое; Бог даст ответ во благо фараону. **17** И сказал фараон Иосифу: мне снилось: вот, стою я на берегу реки; **18** и вот, вышли из реки семь коров тучных плотью и хороших видом и паслись в тростнике; **19** но вот, после них вышли семь коров других, худых, очень дурных видом и тощих плотью: я не видывал во всей земле Египетской таких худых, как они; **20** и съели тощие и худые коровы прежних семь коров тучных; **21** и вошли *тучные* в утробу их, но не приметно было, что они вошли в утробу их: они были так же худы видом, как и сначала. И я проснулся. **22** Потом снилось мне: вот, на одном стебле поднялись семь колосьев полных и хороших; **23** но вот, после них выросло семь колосьев тонких, тощих и иссушенных восточным ветром; **24** и пожрали тощие колосья семь колосьев хороших. Я рассказал это волхвам, но никто не изъяснил мне. **25** И сказал Иосиф фараону: сон фараонов один: что Бог сделает, то Он возвестил фараону. **26** Семь коров хороших, это семь лет; и семь колосьев хороших, это семь лет: сон один; **27** и семь коров тощих и худых, вышедших после тех, это семь лет, также и семь колосьев тощих и иссушенных восточным ветром, это семь лет голода. **28** Вот почему сказал я фараону: что Бог сделает, то Он показал фараону. **29** Вот, наступает семь лет великого изобилия во всей земле Египетской; **30** после них настанут семь лет голода, и забудется все то изобилие в земле Египетской, и истощит голод землю, **31** и приметно будет прежде изобилие на земле, по причине голода, который последует, ибо он будет очень тяжел. **32** А что сон повторился фараону дважды, *это значит*, что сие истинно слово Божие, и что вскоре Бог исполнит сие. **33** И ныне

да усмотрит фараон мужа разумного и мудрого и да поставит его над землею Египетскою. **34** Да повелит фараон поставить над землею надзирателей и собирать в семь лет изобилия пятую часть [всех произведений] земли Египетской; **35** пусть они берут всякий хлеб этих наступающих хороших годов и соберут в городах хлеб под ведение фараона в пищу, и пусть берегут; **36** и будет сия пища в запас для земли на семь лет голода, которые будут в земле Египетской, дабы земля не погибла от голода.

37 Сие понравилось фараону и всем слугам его. **38** И сказал фараон слугам своим: найдем ли мы такого, как он, человека, в котором был бы Дух Божий? **39** И сказал фараон Иосифу: так как Бог открыл тебе все сие, то нет столь разумного и мудрого, как ты; **40** ты будешь над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой; только престолом я буду больше тебя. **41** И сказал фараон Иосифу: вот, я поставляю тебя над всею землею Египетскою. **42** И снял фараон перстень свой с руки своей и надел его на руку Иосифа; одел его в виссонные одежды, возложил золотую цепь на шею ему; **43** велел везти его на второй из своих колесниц и провозглашать пред ним: преклоняйтесь! И поставил его над всею землею Египетскою. **44** И сказал фараон Иосифу: я фараон; без тебя никто не двинет ни руки своей, ни ноги своей во всей земле Египетской. **45** И нарек фараон Иосифу имя: Цафнаф-панеах, и дал ему в жену Асенефу, дочь Потифера, жреца Илеопольского. И пошел Иосиф по земле Египетской. **46** Иосифу было тридцать лет от рождения, когда он предстал пред лице фараона, царя Египетского. И вышел Иосиф от лица фараонова и прошел по всей земле Египетской. **47** Земля же в семь лет изобилия приносила *из зерна* по горсти. **48** И собрал он всякий хлеб семи лет, которые были [плодородны] в земле Египетской, и по-

ложил хлеб в городах; в *каждом* городе положил хлеб полей, окружающих его. **49** И скопил Иосиф хлеба весьма много, как песку морского, так что перестал и считать, ибо не стало счета.

50 До наступления годов голода, у Иосифа родились два сына, которых родила ему Асенефа, дочь Потифера, жреца Илиопольского. **51** И нарек Иосиф имя первенцу: Манассия, потому что [говорил он] Бог дал мне забыть все несчастья мои и весь дом отца моего. **52** А другому нарек имя: Ефрем, потому что [говорил он] Бог сделал меня плодовитым в земле страдания моего.

53 И прошли семь лет изобилия, которое было в земле Египетской, **54** и наступили семь лет голода, как сказал Иосиф. И был голод во всех землях, а во всей земле Египетской был хлеб. **55** Но когда и вся земля Египетская начала терпеть голод, то народ начал вопиять к фараону о хлебе. И сказал фараон всем Египтянам: пойдите к Иосифу и делайте, что он вам скажет. **56** И был голод по всей земле; и отворил Иосиф все житницы, и стал продавать хлеб Египтянам. Голод же усиливался в земле Египетской. **57** И из всех стран приходили в Египет покупать хлеб у Иосифа, ибо голод усилился по всей земле.

42 И узнал Иаков, что в Египте есть хлеб, и сказал Иаков сыновьям своим: что вы смотрите? **2** И сказал: вот, я слышал, что есть хлеб в Египте; пойдите туда и купите нам оттуда хлеба, чтобы нам жить и не умереть. **3** Десять братьев Иосифовых пошли купить хлеба в Египте, **4** а Вениамина, брата Иосифова, не послал Иаков с братьями его, ибо сказал: не случилось бы с ним беды. **5** И пришли сыны Израилевы покупать хлеб, вместе с другими пришедшими, ибо в земле Ханаанской был голод. **6** Иосиф же был начальником в земле той; он и продавал хлеб всему народу земли. Братья Иосифа пришли и поклонились ему лицом до

земли. **7** И увидел Иосиф братьев своих и узнал их; но показал, будто не знает их, и говорил с ними сурово и сказал им: откуда вы пришли? Они сказали: из земли Ханаанской, купить пищи. **8** Иосиф узнал братьев своих, но они не узнали его. **9** И вспомнил Иосиф сны, которые снились ему о них; и сказал им: вы соглядатаи, вы пришли высмотреть наготу* земли сей. **10** Они сказали ему: нет, господин наш; рабы твои пришли купить пищи; **11** мы все дети одного человека; мы люди честные; рабы твои не бывали соглядатаями. **12** Он сказал им: нет, вы пришли высмотреть наготу земли сей. **13** Они сказали: нас, рабов твоих, двенадцать братьев; мы сыновья одного человека в земле Ханаанской, и вот, меньший теперь с отцом нашим, а одного не стало. **14** И сказал им Иосиф: это самое я и говорил вам, сказав: вы соглядатаи; **15** вот как вы будете испытаны: *клянусь жизнью фараона, вы не выйдете*

*Слабые места.

отсюда, если не придет сюда меньший брат ваш; **16** пошлите одного из вас, и пусть он приведет брата вашего, а вы будете задержаны; и откроется, правда ли у вас; и если нет, *то клянусь жизнью фараона, что вы соглядатаи.* **17** И отдал их под стражу на три дня. **18** И сказал им Иосиф в третий день: вот что сделайте, и останетесь живы, ибо я боюсь Бога: **19** если вы люди честные, то один брат из вас пусть содержится в доме, где вы заключены; а вы пойдите, отвезите хлеб, ради голода семейств ваших; **20** брата же вашего меньшого приведите ко мне, чтобы оправдались слова ваши и чтобы не умереть вам. Так они и сделали. **21** И говорили они друг другу: точно мы наказываемся за грех против брата нашего; мы видели страдание души его, когда он умолял нас, но не послушали [его]; за то и постигло нас горе сие. **22** Рувим отвечал им и сказал: не говорил ли я вам: не грешите против отрока? но вы не послушались; вот, кровь его взыска-

ваются. **23** А того не знали они, что Иосиф понимает; ибо между ними был переводчик. **24** И отошел от них [Иосиф] и заплакал. И возвратился к ним, и говорил с ними, и, взяв из них Симеона, связал его пред глазами их. **25** И приказал Иосиф наполнить мешки их хлебом, а серебро их возвратить каждому в мешок его, и дать им запасов на дорогу. Так и сделано с ними. **26** Они положили хлеб свой на ослов своих, и пошли оттуда. **27** И открыл один из них мешок свой, чтобы дать корму ослу своему на ночлеге, и увидел серебро свое в отверстии мешка его, **28** и сказал своим братьям: серебро мое возвращено; вот оно в мешке у меня. И смутилось сердце их, и они с трепетом друг другу говорили: что это Бог сделал с нами? **29** И пришли к Иакову, отцу своему, в землю Ханаанскую и рассказали ему всё случившееся с ними, говоря: **30** начальствующий над тою землею говорил с нами сурово и принял нас за соглядатаев земли той. **31** И сказали мы ему: мы люди честные; мы не бывали соглядатаями; **32** нас двенадцать братьев, сыновей у отца нашего; одного не стало, а меньший теперь с отцом нашим в земле Ханаанской. **33** И сказал нам начальствующий над тою землею: вот как узнаю я, честные ли вы люди: оставьте у меня одного брата из вас, а вы возьмите хлеб ради голода семейств ваших и пойдите, **34** и приведите ко мне меньшего брата вашего; и узнаю я, что вы не соглядатаи, но люди честные; отдам вам брата вашего, и вы можете промышлять в этой земле. **35** Когда же они опорожняли мешки свои, вот, у каждого узел серебра его в мешке его. И увидели они узлы серебра своего, они и отец их, и испугались. **36** И сказал им Иаков, отец их: вы лишили меня детей: Иосифа нет, и Симеона нет, и Вениамина взять хотите, — все это на меня! **37** И сказал Рувим отцу своему, говоря: убей двух моих сыновей, если я не приведу его к тебе; отдай его на мои руки; я возвращу его тебе. **38** Он ска-

зал: не пойдет сын мой с вами; потому что брат его умер, и он один остался; если случится с ним несчастье на пути, в который вы пойдете, то сведете вы седину мою с печалью во гроб.

43 Голод усилился на земле. **2** И когда они съели хлеб, который привезли из Египта, тогда отец их сказал им: пойдите опять, купите нам немного пищи. **3** И сказал ему Иуда, говоря: тот человек решительно объявил нам, сказав: не являйтесь ко мне на лице, если брата вашего не будет с вами. **4** Если пошлешь с нами брата нашего, то пойдём и купим тебе пищи, **5** а если не пошлешь, то не пойдём, ибо тот человек сказал нам: не являйтесь ко мне на лице, если брата вашего не будет с вами. **6** Израиль сказал: для чего вы сделали мне такое зло, сказав тому человеку, что у вас есть еще брат? **7** Они сказали: расспрашивал тот человек о нас и о родстве нашем, говоря: жив ли еще отец ваш? есть ли у вас брат? Мы и рассказали ему по этим вопросам. Могли ли мы знать, что он скажет: приведите брата вашего? **8** Иуда же сказал Израилю, отцу своему: отпусти отрока со мною, и мы встанем и пойдём, и живы будем и не умрем и мы, и ты, и дети наши; **9** я отвечаю за него, из моих рук потребуешь его; если я не приведу его к тебе и не поставлю его пред лицом твоим, то останусь я виновным пред тобою во все дни жизни; **10** если бы мы не медлили, то уже сходили бы два раза. **11** Израиль, отец их, сказал им: если так, то вот что сделайте: возьмите с собою плодов земли сей и отнесите в дар тому человеку несколько бальзама и несколько меду, стираксы и ладану, фиштакков и миндальных орехов; **12** возьмите и другое серебро в руки ваши; а серебро, обратно положенное в отверстие мешков ваших, возвратите руками вашими: может быть, это недосмотр; **13** и брата вашего возьмите и, встав, пойдите опять к человеку тому; **14** Бог же Всемогущий да даст вам

найти милость у человека того, чтобы он отпустил вам и другого брата вашего и Вениамина, а мне если уже быть бездетным, то пусть буду бездетным. **15** И взяли те люди дары эти, и серебра вдвое взяли в руки свои, и Вениамина, и встали, пошли в Египет и предстали пред лице Иосифа. **16** Иосиф, увидев между ними Вениамина [брата своего, сына матери своей], сказал начальнику дома своего: введи сих людей в дом и заколи что-нибудь из скота, и приготовь, потому что со мною будут есть эти люди в полдень. **17** И сделал человек тот, как сказал Иосиф, и ввел человек тот людей сих в дом Иосифов. **18** И испугались люди эти, что ввели их в дом Иосифов, и сказали: это за серебро, возвращенное прежде в мешки наши, ввели нас, чтобы придрататься к нам и напасть на нас, и взять нас в рабство, и ослов наших. **19** И подошли они к начальнику дома Иосифова, и стали говорить ему у дверей дома, **20** и сказали: послушай, господин наш, мы приходили уже прежде покупать пищи, **21** и случилось, что, когда пришли мы на ночлег и открыли мешки наши, — вот серебро каждого в отверстии мешка его, серебро наше по весу его, и мы возвращаем его своими руками; **22** а для покупки пищи мы принесли другое серебро в руках наших, мы не знаем, кто положил серебро наше в мешки наши. **23** Он сказал: будьте спокойны, не бойтесь; Бог ваш и Бог отца вашего дал вам клад в мешках ваших; серебро ваше дошло до меня. И привел к ним Симеона. **24** И ввел тот человек людей сих в дом Иосифов и дал воды, и они омыли ноги свои; и дал корму ослам их. **25** И они приготовили дары к приходу Иосифа в полдень, ибо слышали, что там будут есть хлеб. **26** И пришел Иосиф домой; и они принесли ему в дом дары, которые были на руках их, и поклонились ему до земли. **27** Он спросил их о здоровье и сказал: здоров ли отец ваш старец, о котором вы говорили? жив ли еще он?

28 Они сказали: здоров раб твой, отец наш; еще жив. [Он сказал: благословен человек сей от Бога.] И преклонились они и поклонились. **29** И поднял глаза свои [Иосиф], и увидел Вениамина, брата своего, сына матери своей, и сказал: это брат ваш меньший, о котором вы сказывали мне? И сказал: да будет милость Божия с тобою, сын мой! **30** И поспешно удалился Иосиф, потому что воскипела любовь к брату его, и он готов был заплакать, и вошел он во внутреннюю комнату и плакал там. **31** И умыв лице свое, вышел, и скрепился и сказал: подавайте кушанье. **32** И подали ему особо, и им особо, и Египтянам, обедавшим с ним, особо, ибо Египтяне не могут есть с Евреями, потому что это мерзость для Египтян. **33** И сели они пред ним, первородный по первородству его, и младший по молодости его, и дивились эти люди друг пред другом. **34** И посылались им кушанья от него, и доля Вениамина была впятеро больше долей каждого из них. И пили, и довольно пили они с ним.

44 И приказал [Иосиф] начальнику дома своего, говоря: наполни мешки этих людей пищею, сколько они могут нести, и серебро каждого положи в отверстие мешка его, **2** а чашу мою, чашу серебряную, положи в отверстие мешка к младшему вместе с серебром за купленный им хлеб. И сделал тот по слову Иосифа, которое сказал он. **3** Утром, когда рассвело, эти люди были отпущены, они и ослы их. **4** Еще не далеко отошли они от города, как Иосиф сказал начальнику дома своего: ступай, догоняй этих людей и, когда догонишь, скажи им: для чего вы заплатили злом за добро? [для чего украли у меня серебряную чашу?] **5** Не та ли это, из которой пьет господин мой и он гадает на ней? Худо это вы сделали. **6** Он догнал их и сказал им эти слова. **7** Они сказали ему: для чего господин наш говорит такие слова? Нет, рабы твои не сделают такого дела. **8** Вот, серебро, найденное нами в

отверстия мешков наших, мы обратно принесли тебе из земли Ханаанской: как же нам украсть из дома господина твоего серебро или золото? **9** У кого из рабов твоих найдется [чаша], тому смерть, и мы будем рабами господину нашему. **10** Он сказал: хорошо; как вы сказали, так пусть и будет: у кого найдется [чаша], тот будет мне рабом, а вы будете не виноваты. **11** Они поспешно спустили каждый свой мешок на землю и открыли каждый свой мешок. **12** Он обыскал, начал со старшего и окончил младшим; и нашлась чаша в мешке Вениаминовом. **13** И разодрали они одежды свои, и, возложив каждый на осла своего ношу, возвратились в город. **14** И пришли Иуда и братья его в дом Иосифа, который был еще дома, и пали пред ним на землю. **15** Иосиф сказал им: что это вы сделали? разве вы не знали, что такой человек, как я, конечно угадает? **16** Иуда сказал: что нам сказать господину нашему? что говорить? чем оправдываться? Бог нашел неправду рабов твоих; вот, мы рабы господину нашему, и мы, и тот, в чьих руках нашлась чаша. **17** Но [Иосиф] сказал: нет, я этого не сделаю; тот, в чьих руках нашлась чаша, будет мне рабом, а вы пойдите с миром к отцу вашему. **18** И подошел Иуда к нему и сказал: господин мой, позволь рабу твоему сказать слово в уши господина моего, и не прогневайся на раба твоего, ибо ты то же, что фараон. **19** Господин мой спрашивал рабов своих, говоря: есть ли у вас отец или брат? **20** Мы сказали господину нашему, что у нас есть отец престарелый, и [у него] младший сын, сын старости, которого брат умер, а он остался один от матери своей, и отец любит его. **21** Ты же сказал рабам твоим: приведите его ко мне, чтобы мне взглянуть на него. **22** Мы сказали господину нашему: отрок не может оставить отца своего, и если он оставит отца своего, то сей умрет. **23** Но ты сказал рабам твоим: если не придет с вами меньший брат

ваш, то вы более не являетесь ко мне на лице. **24** Когда мы пришли к рабу твоему, отцу нашему, то пересказали ему слова господина моего. **25** И сказал отец наш: пойдите опять, купите нам немного пищи. **26** Мы сказали: нельзя нам идти; а если будет с нами меньший брат наш, то пойдём; потому что нельзя нам видеть лица того человека, если не будет с нами меньшего брата нашего. **27** И сказал нам раб твой, отец наш: вы знаете, что жена моя родила мне двух сынов; **28** один пошел от меня, и я сказал: верно он растерзан; и я не видал его донныне; **29** если и сего возьмете от глаз моих, и случится с ним несчастье, то сведете вы седину мою с горестью во гроб. **30** Теперь если я приду к рабу твоему, отцу нашему, и не будет с нами отрока, с душою которого связана душа его, **31** то он, увидев, что нет отрока, умрет; и сведут рабы твои седину раба твоего, отца нашего, с печалью во гроб. **32** Притом я, раб твой, взялся отвечать за отрока отцу моему, сказав: если не приведу его к тебе [и не поставлю его пред тобою], то останусь я виновным пред отцом моим во все дни жизни. **33** Итак пусть я, раб твой, вместо отрока останусь рабом у господина моего, а отрок пусть идет с братьями своими: **34** ибо как пойду я к отцу моему, когда отрока не будет со мною? я увидел бы бедствие, которое постигло бы отца моего.

45 Иосиф не мог более удерживаться при всех стоявших около него и закричал: удалите от меня всех. И не оставалось при Иосифе никого, когда он открылся братьям своим. **2** И громко зарыдал он, и услышали Египтяне, и услышал дом фараонов. **3** И сказал Иосиф братьям своим: я — Иосиф, жив ли еще отец мой? Но братья его не могли отвечать ему, потому что они смутились пред ним. **4** И сказал Иосиф братьям своим: подойдите ко мне. Они подошли. Он сказал: я — Иосиф, брат ваш, которого вы продали в Египет; **5** но теперь не печальтесь и не

жалейте о том, что вы продали меня сюда, потому что Бог послал меня перед вами для сохранения вашей жизни; **6** ибо теперь два года голода на земле: [остается] еще пять лет, в которые ни орать, ни жать не будут; **7** Бог послал меня перед вами, чтобы оставить вас на земле и сохранить вашу жизнь великим избавлением. **8** Итак не вы послали меня сюда, но Бог, Который и поставил меня отцом фараону и господином во всем доме его и владыкою во всей земле Египетской. **9** Идите скорее к отцу моему и скажите ему: так говорит сын твой Иосиф: Бог поставил меня господином над всем Египтом; приди ко мне, не медли; **10** ты будешь жить в земле Гесем; и будешь близ меня, ты, и сыны твои, и сыны сынов твоих, и мелкий и крупный скот твой, и все твое; **11** и прокормлю тебя там, ибо голод будет еще пять лет, чтобы не обнищал ты и дом твой и все твое. **12** И вот, очи ваши и очи брата моего Вениамина видят, что это мои уста говорят с вами; **13** скажите же отцу моему о всей славе моей в Египте и о всем, что вы видели, и приведите скорее отца моего сюда. **14** И пал он на шею Вениамину, брату своему, и плакал; и Вениамин плакал на шее его. **15** И целовал всех братьев своих и плакал, обнимая их. Потом говорили с ним братья его.

16 Дошел в дом фараона слух, что пришли братья Иосифа; и приятно было фараону и рабам его. **17** И сказал фараон Иосифу: скажи братьям твоим: вот что сделайте: навьючьте скот ваш [хлебом] и ступайте в землю Ханаанскую; **18** и возьмите отца вашего и семейства ваши и придите ко мне; я дам вам лучшее [место] в земле Египетской, и вы будете есть тук земли. **19** Тебе же повелеваю сказать им: сделайте сие: возьмите себе из земли Египетской колесниц для детей ваших и для жен ваших, и привезите отца вашего и придите; **20** и не жалеете вещей ваших, ибо лучшее из всей земли Египетской дам вам.

21 Так и сделали сыны Израилевы. И дал им Иосиф колесницы по приказанию фараона, и дал им путевой запас, **22** каждому из них он дал перемену одежд, а Вениамину дал триста сребреников и пять перемен одежд; **23** также и отцу своему послал десять ослов, навьюченных лучшими *произведениями* Египетскими, и десять ослиц, навьюченных зерном, хлебом и припасами отцу своему на путь. **24** И отпустил братьев своих, и они пошли. И сказал им: не ссорьтесь на дороге. **25** И пошли они из Египта, и пришли в землю Ханаанскую к Иакову, отцу своему, **26** и известили его, сказав: Иосиф [сын твой] жив и теперь владычествует над всею землею Египетскою. Но сердце его смутилось, ибо он не верил им. **27** Когда же они пересказали ему все слова Иосифа, которые он говорил им, и когда увидел колесницы, которые прислал Иосиф, чтобы везти его, тогда ожил дух Иакова, отца их, **28** и сказал Израиль: довольно [сего для меня], еще жив сын мой Иосиф; пойду и увижу его, пока не умру.

46 И отправился Израиль со всем, что у него было, и пришел в Вирсавию, и принес жертвы Богу отца своего Исаака. **2** И сказал Бог Израилю в видении ночном: Иаков! Иаков! Он сказал: вот я. **3** Бог сказал: Я Бог, Бог отца твоего; не бойся идти в Египет, ибо там произведу от тебя народ великий; **4** Я пойду с тобою в Египет, Я и выведу тебя обратно. Иосиф своею рукою закроет глаза твои.

5 Иаков отправился из Вирсавии; и повезли сыны Израилевы Иакова отца своего, и детей своих, и жен своих на колесницах, которые послал фараон, чтобы привезти его. **6** И взяли они скот свой и имущество свое, которое приобрели в земле Ханаанской, и пришли в Египет, — Иаков и весь род его с ним. **7** Сынов своих и внуков своих с собою, дочерей своих и внучек своих и весь род свой привел он с собою в Египет.

8 Вот имена сынов Израилевых, пришед-

ших в Египет: Иаков и сыновья его. Перенец Иакова Рувим. **9** Сыны Рувима: Ханох и Фаллу, Хецрон и Харми. **10** Сыны Симеона: Иемуил и Иамин, и Огад, и Иахин, и Цохар, и Саул, сын Хананеянки. **11** Сыны Левия: Гирсон, Кааф и Мерари. **12** Сыны Иуды: Ир и Онан, и Шела, и Фарес, и Зара; но Ир и Онан умерли в земле Ханаанской. Сыны Фареса были: Есром и Хамул. **13** Сыны Иссахара: Фола и Фува, Иов и Шимрон. **14** Сыны Завуллона: Серед и Елон, и Иахлеил. **15** Это сыны Лии, которых она родила Иакову в Месопотамии, и Дину, дочь его. Всех душ сынов его и дочерей его — тридцать три. **16** Сыны Гада: Цифион и Хагги, Шуни и Эцбон, Ери и Ароди и Арели. **17** Сыны Асира: Имна и Ишва, и Ишви, и Бриа, и Серах, сестра их. Сыны Брии: Хевер и Малхиил. **18** Это сыны Зелфы, которую Лаван дал Лии, дочери своей; она родила их Иакову шестнадцать душ. **19** Сыны Рахили, жены Иакова: Иосиф и Вениамин. **20** И родились у Иосифа в земле Египетской Манассия и Ефрем, которых родила ему Асенефа, дочь Потифера, жреца Илиопольского. **21** Сыны Вениамина: Бела и Бехер и Ашбел; [сыны Белы были:] Гера и Нааман, Эхи и Рош, Муппим и Хуппим и Ард. **22** Это сыны Рахили, которые родились у Иакова, всего четырнадцать душ. **23** Сын Дана: Хушим. **24** Сыны Неффалима: Иахцеил и Гуни, и Иецер, и Шиллем. **25** Это сыны Валлы, которую дал Лаван дочери своей Рахили; она родила их Иакову всего семь душ. **26** Всех душ, пришедших с Иаковым в Египет, которые произошли из чресл его, кроме жен сынов Иаковлевых, всего шестьдесят шесть душ. **27** Сынов Иосифа, которые родились у него в Египте, две души. Всех душ дома Иаковлева, перешедших [с Иаковым] в Египет, семьдесят [пять]. **28** Иуду послал он пред собою к Иосифу, чтобы он указал *путь* в Гесем. И пришли в землю Гесем. **29** Иосиф запряг колесницу свою и выехал навстре-

чу Израилю, отцу своему, в Гесем, и, увидев его, пал на шею его, и долго плакал на шее его. **30** И сказал Израиль Иосифу: умру я теперь, увидев лице твое, ибо ты еще жив. **31** И сказал Иосиф братьям своим и дому отца своего: я пойду, извещу фараона и скажу ему: братья мои и дом отца моего, которые были в земле Ханаанской, пришли ко мне; **32** эти люди пастухи овец, ибо скотоводы они; и мелкий и крупный скот свой, и все, что у них, привели они. **33** Если фараон призовет вас и скажет: какое занятие ваше? **34** то вы скажите: *мы*, рабы твои, скотоводами были от юности нашей донныне, и мы и отцы наши, чтобы вас поселили в земле Гесем. Ибо мерзость для Египтян всякий пастух овец.

47 И пришел Иосиф и известил фараона и сказал: отец мой и братья мои, с мелким и крупным скотом своим и со всем, что у них, пришли из земли Ханаанской; и вот, они в земле Гесем. **2** И из братьев своих он взял пять человек и представил их фараону. **3** И сказал фараон братьям его: какое ваше занятие? Они сказали фараону: пастухи овец рабы твои, и мы и отцы наши. **4** И сказали они фараону: мы пришли пожить в этой земле, потому что нет пажити для скота рабов твоих, ибо в земле Ханаанской сильный голод; итак позволь поселиться рабам твоим в земле Гесем. **5** И сказал фараон Иосифу: отец твой и братья твои пришли к тебе; **6** земля Египетская пред тобою; на лучшем месте земли посели отца твоего и братьев твоих; пусть живут они в земле Гесем; и если знаешь, что между ними есть способные люди, поставь их смотрителями над моим скотом. **7** И привел Иосиф Иакова, отца своего, и представил его фараону; и благословил Иаков фараона. **8** Фараон сказал Иакову: сколько лет жизни твоей? **9** Иаков сказал фараону: дней странствования моего сто тридцать лет; малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет

жизни отцов моих во днях странствования их. **10** И благословил фараона Иаков и вышел от фараона. **11** И поселил Иосиф отца своего и братьев своих, и дал им владение в земле Египетской, в лучшей части земли, в земле Раамсес, как повелел фараон. **12** И снабжал Иосиф отца своего и братьев своих и весь дом отца своего хлебом, по потребностям каждого семейства.

13 И не было хлеба по всей земле, потому что голод весьма усилился, и изнурены были от голода земля Египетская и земля Ханаанская. **14** Иосиф собрал все серебро, какое было в земле Египетской и в земле Ханаанской, за хлеб, который покупали, и внес Иосиф серебро в дом фараонов. **15** И серебро истощилось в земле Египетской и в земле Ханаанской. Все Египтяне пришли к Иосифу и говорили: дай нам хлеба; зачем нам умирать пред тобою, потому что серебро вышло у нас? **16** Иосиф сказал: пригоняйте скот ваш, и я буду давать вам [хлеб] за скот ваш, если серебро вышло у вас. **17** И пригоняли они к Иосифу скот свой; и давал им Иосиф хлеб за лошадей, и за стада мелкого скота, и за стада крупного скота, и за ослов; и снабжал их хлебом в тот год за весь скот их. **18** И прошел этот год; и пришли к нему на другой год и сказали ему: не скроем от господина нашего, что серебро истощилось и стада скота нашего у господина нашего; ничего не осталось у нас пред господином нашим, кроме тел наших и земель наших; **19** для чего нам погибать в глазах твоих, и нам и землям нашим? купи нас и земли наши за хлеб, и мы с землями нашими будем рабами фараону, а ты дай нам семян, чтобы нам быть живыми и не умереть, и чтобы не опустела земля. **20** И купил Иосиф всю землю Египетскую для фараона, потому что продали Египтяне каждый свое поле, ибо голод одолевал их. И досталась земля фараону. **21** И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого. **22** Только

земли жрецов не купил [Иосиф], ибо жрецам от фараона положен был участок, и они питались своим участком, который дал им фараон; посею и не продали земли своей. **23** И сказал Иосиф народу: вот, я купил теперь для фараона вас и землю вашу; вот вам семена, и засевайте землю; **24** когда будет жатва, давайте пятую часть фараону, а четыре части останутся вам на засеяние полей, на пропитание вам и тем, кто в домах ваших, и на пропитание детям вашим. **25** Они сказали: ты спас нам жизнь; да обретем милость в очах господина нашего и да будем рабами фараону. **26** И поставил Иосиф в закон земле Египетской, даже до сего дня: пятую часть давать фараону, исключая только землю жрецов, которая не принадлежала фараону.

27 И жил Израиль в земле Египетской, в земле Гесем, и владели они ею, и плодились, и весьма умножились. **28** И жил Иаков в земле Египетской семнадцать лет; и было дней Иакова, годов жизни его, сто сорок семь лет. **29** И пришло время Израилю умереть, и призвал он сына своего Иосифа и сказал ему: если я нашел благоволение в очах твоих, положи руку твою под стегно мое и клянись, что ты окажешь мне милость и правду, не похоронишь меня в Египте, **30** дабы мне лечь с отцами моими; вынесешь меня из Египта и похоронишь меня в их гробнице. *Иосиф* сказал: сделаю по слову твоему. **31** И сказал: клянись мне. И клялся ему. И поклонился Израиль на возглавие постели*.

48 После того Иосифу сказали: вот, отец твой болен. И он взял с собою двух сынов своих, Манассию и Ефрема [и пошел к Иакову]. **2** Иакова известили и сказали: вот, сын твой Иосиф идет к тебе. Израиль собрал силы свои и сел на постели. **3** И сказал Иаков Иосифу: Бог Всемогущий явился мне в Лузе, в земле Ханаанской, и благо-

*По переводу 70-ти: на верх жезла его.

словил меня, **4** и сказал мне: вот, Я распложу тебя, и размножу тебя, и произведу от тебя множество народов, и дам землю сию потомству твоему после тебя, в вечное владение. **5** И ныне два сына твои, родившиеся тебе в земле Египетской, до моего прибытия к тебе в Египет, мои они; Ефрем и Манассия, как Рувим и Симеон, будут мои; **6** дети же твои, которые родятся от тебя после них, будут твои; они под именем братьев своих будут именоваться в их уделе. **7** Когда я шел из Месопотамии, умерла у меня Рахиль [мать твоя] в земле Ханаанской, по дороге, не доходя несколько до Ефрафы, и я похоронил ее там на дороге к Ефрафе, что ныне Вифлеем. **8** И увидел Израиль сыновей Иосифа и сказал: кто это? **9** И сказал Иосиф отцу своему: это сыновья мои, которых Бог дал мне здесь. [Иаков] сказал: подведи их ко мне, и я благословлю их. **10** Глаза же Израилевы притупились от старости; не мог он видеть ясно. Иосиф подвел их к нему, и он поцеловал их и обнял их. **11** И сказал Израиль Иосифу: не надеялся я видеть твое лицо; но вот, Бог показал мне и детей твоих. **12** И отвел их Иосиф от колен его и поклонился ему лицом своим до земли. **13** И взял Иосиф обоих [сыновей своих], Ефрема в правую свою руку против левой Израиля, а Манассию в левую против правой Израиля, и подвел к нему. **14** Но Израиль простер правую руку свою и положил на голову Ефрему, хотя сей был меньший, а левую на голову Манассии. С намерением положил он так руки свои, хотя Манассия был первенец. **15** И благословил Иосифа и сказал: Бог, пред Которым ходили отцы мои Авраам и Исаак, Бог, пасущий меня с тех пор, как я существую, до сего дня, **16** Ангел, избавляющий меня от всякого зла, да благословит отроков сих; да будет на них наречено имя мое и имя отцов моих Авраама и Исаака, и да возрастут они во множество посреди земли. **17** И увидел Иосиф, что

отец его положил правую руку свою на голову Ефрема; и прискорбно было ему это. И взял он руку отца своего, чтобы переложить ее с головы Ефрема на голову Манассии, **18** и сказал Иосиф отцу своему: не так, отец мой, ибо это — первенец; положи на его голову правую руку твою. **19** Но отец его не согласился и сказал: знаю, сын мой, знаю; и от него произойдет народ, и он будет велик; но меньший его брат будет больше его, и от семени его произойдет многочисленный народ. **20** И благословил их в тот день, говоря: тобою будет благословлять Израиль, говоря: Бог да сотворит тебе, как Ефрему и Манассии. И поставил Ефрема выше Манассии. **21** И сказал Израиль Иосифу: вот, я умираю; и Бог будет с вами и возвратит вас в землю отцов ваших; **22** я даю тебе, преимущественно пред братьями твоими, один участок, который я взял из рук Аморреев мечом моим и луком моим.

49 И призвал Иаков сыновей своих и сказал: соберитесь, и я возвещу вам, что́ будет с вами в грядущие дни; **2** сойдите и послушайте, сыны Иакова, послушайте Израиля, отца вашего.

3 Рувим, первенец мой! ты — крепость моя и начаток силы моей, верх достоинства и верх могущества; **4** но ты бушевал, как вода, — не будешь преимуществовать, ибо ты взошел на ложе отца твоего, ты осквернил постель мою, [на которую] взошел.

5 Симеон и Левий братья, орудия жестокости мечи их; **6** в совет их да не внидет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава моя, ибо они во гневе своем убили мужа и по прихоти своей перерезали жилы тельца; **7** проклят гнев их, ибо жесток, и ярость их, ибо свирепа; разделю их в Иакове и рассею их в Израиле.

8 Иуда! тебя восхвалят братья твои. Рука твоя на хребте врагов твоих; поклонятся тебе сыны отца твоего. **9** Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонил-

ся он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его? **10** Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов. **11** Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей; моет в вине одежду свою и в крови гроздов одеяние свое; **12** блестящи очи [его] от вина, и белы зубы [его] от молока.

13 Завулон при берегу морском будет жить и у пристани корабельной, и предел его до Сидона.

14 Иссахар осел крепкий, лежащий между протоками вод; **15** и увидел он, что покой хорош, и что земля приятна: и преклонил плечи свои для ношения бремени и стал работать в уплату дани.

16 Дан будет судить народ свой, как одно из колен Израиля; **17** Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад. **18** На помощь твою надеюсь, Господи!

19 Гад, — толпа будет теснить его, но он оттеснит ее по пятам.

20 Для Асира — слишком тучен хлеб его, и он будет доставлять царские яства.

21 Неффалим — теревинф рослый, распускающий прекрасные ветви*.

22 Иосиф — отрасль плодоносного *дерева*, отрасль плодоносного *дерева* над источником; ветви его простираются над стеною; **23** огорчали его, и стреляли и враждовали на него стрельцы, **24** но тверд остался лук его, и крепки мышцы рук его, от рук мощного *Бога* Иаковлева. Оттуда Пастырь и твердыня Израилева, **25** от Бога отца твоего, *Который* и да поможет тебе, и от Всемогущего, *Который* и да благословит тебя благословениями небесными свыше, благословениями бездны, лежащей долу, благословениями сосцов и утробы, **26** благословени-

*По другому чтению: Неффалим — серна стройная; он говорит прекрасные изречения.

ями отца твоего, которые превышают благословения гор древних и приятности холмов вечных; да будут они на голове Иосифа и на темени избранного между братьями своими.

27 Вениамин, хищный волк, утром будет есть ловитву и вечером будет делить добычу.

28 Вот все двенадцать колен Израилевых; и вот что сказал им отец их; и благословил их, и дал им благословение, каждому свое. **29** И заповедал он им и сказал им: я прилагаюсь к народу моему; похороните меня с отцами моими в пещере, которая на поле Ефрона Хеттеянина, **30** в пещере, которая на поле Махпела, что пред Мамре, в земле Ханаанской, которую [пещеру] купил Авраам с полем у Ефрона Хеттеянина в собственность для погребения; **31** там похоронили Авраама и Сарру, жену его; там похоронили Исаака и Ревекку, жену его; и там похоронил я Лию; **32** это поле и пещера, которая на нем, куплена у сынов Хеттеевых. **33** И окончил Иаков завещание сыновьям своим, и положил ноги свои на постель, и скончался, и приложился к народу своему.

50 Иосиф пал на лице отца своего, и плакал над ним, и целовал его. **2** И повелел Иосиф слугам своим — врачам, бальзамировать отца его; и врачи набальзамировали Израиля. **3** И исполнилось ему сорок дней, ибо столько дней употребляется на бальзамирование, и оплакивали его Египтяне семьдесят дней. **4** Когда же прошли дни плача по нем, Иосиф сказал придворным фараона, говоря: если я обрел благоволение в очах ваших, то скажите фараону так: **5** отец мой заклил меня, сказав: вот, я умираю; во гробе моем, который я выкопал себе в земле Ханаанской, там похорони меня. И теперь хотел бы я пойти и похоронить отца моего и возвратиться. [Слова Иосифа пере-сказали фараону.] **6** И сказал фараон: поиди и похорони отца твоего, как он заклил тебя.

7 И пошел Иосиф хоронить отца своего. И пошли с ним все слуги фараона, старейшины дома его и все старейшины земли Египетской, **8** и весь дом Иосифа, и братья его, и дом отца его. Только детей своих и мелкий и крупный скот свой оставили в земле Гесем. **9** С ним отправились также колесницы и всадники, так что сонм был весьма велик. **10** И дошли они до Горен-гаатада при Иордане и плакали там плачем великим и весьма сильным; и сделал *Иосиф* плач по отце своем семь дней. **11** И видели жители земли той, Хананеи, плач в Горен-гаатаде, и сказали: велик плач этот у Египтян! Посему наречено имя [месту] тому: плач Египтян, что при Иордане. **12** И сделали сыновья *Иакова* с ним, как он заповедал им; **13** и отнесли его сыновья его в землю Ханаанскую и похоронили его в пещере на поле Махпела, которую купил Авраам с полем в собственность для погребения у Ефрона Хеттеянина, пред Мамре.

14 И возвратился Иосиф в Египет, сам и братья его и все ходившие с ним хоронить отца его, после погребения им отца своего. **15** И увидели братья Иосифовы, что умер отец их, и сказали: что, если Иосиф возненавидит нас и захочет отмстить нам за всё зло, которое мы ему сделали? **16** И послали они сказать Иосифу: отец твой пред смертью своею завещал, говоря: **17** так скажите Иосифу: прости братьям твоим вину и грех их, так как они сделали тебе зло. И ныне прости вины рабов Бога отца твоего. Иосиф плакал, когда ему говорили это. **18** Пришли и сами братья его, и пали пред лицом его, и сказали: вот, мы рабы тебе. **19** И сказал Иосиф: не бойтесь, ибо я боюсь Бога; **20** вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей; **21** итак не бойтесь: я буду питать вас и детей ваших. И успокоил их и говорил по сердцу их.

22 И жил Иосиф в Египте сам и дом отца его; жил же Иосиф всего сто десять лет. **23** И видел Иосиф детей у Ефрема до третьего рода, также и сыновья Махира, сына Манассиина, родились на колени Иосифа. **24** И сказал Иосиф братьям своим: я умираю, но Бог посетит вас и выведет вас из земли сей в землю, о которой клялся Аврааму, Исааку и Иакову. **25** И заклеял Иосиф сынов Израилевых, говоря: Бог посетит вас, и вынесите кости мои отсюда. **26** И умер Иосиф ста десяти лет. И набальзамировали его и положили в ковчег в Египте.

¹⁵ Вот кланы потомков Исава. Потомки Элифаза, Исавова первенца: клан Темана, клан Омара, клан Цефо, клан Кеназа, ¹⁶ клан Корея, клан Гатама и клан Амалека. Это кланы Элифазовы, потомки Ады, они живут в эдомской земле. ¹⁷ Потомки Реуэла, Исавова сына: клан Нахата, клан Зераха, клан Шаммы и клан Миззы. Это кланы Реуэловы, потомки Исава от Басемат, они живут в эдомской земле. ¹⁸ Потомки Исава от Оголивами: клан Иеуша, клан Ялама и клан Корея. Это кланы Оголивами, Исавовой жены, дочери Аны. ¹⁹ Таковы потомки Исава (он же Эдом) и их кланы.

²⁰ Сыновья Сеира-хоррея, жившие в этой стране: Лотан, Шовал, Цивеон, Ана, ²¹ Дишон, Эцер и Дишан. Это кланы хорреев, потомков Сеира, жившие в стране эдомской. ²² Сыновья Лотана: Хори и Хемам. Сестру Лотана звали Тимна. ²³ Сыновья Шовала: Аван, Манхат, Гевал, Шеф и Онан. ²⁴ Сыновья Цивеона: Айя и Ана (тот самый Ана, который нашел в пустыне источник, когда пас ослон своего отца Цивеона). ²⁵ Дети Аны: Дишон и Оголивама, дочь Аны. ²⁶ Сыновья Дишона: Хемдан, Эшбан, Итран и Керан. ²⁷ Сыновья Эцера: Билхан, Зааван и Акан. ²⁸ Сыновья Дишана: Уц и Аран. ²⁹ Таковы кланы хорреев: клан Лотана, клан Шовала, клан Цивеона, клан Аны, ³⁰ клан Дишона, клан Эцера и клан Дишана. Это перечень хоррейских кланов, живших в земле Сеир.

³¹ Вот цари, которые правили в Эдоме, еще до того как появились цари у израильтян. ³² Сперва правил в Эдоме Бела, сын Бебра, его столица звалась Динхава. ³³ Когда Бела умер, его сменил Иовав, сын Зераха из Боцры. ³⁴ После смерти Иовава воцарился

Хушам из страны потомков Темана.

³⁵ После смерти Хушама воцарился Хадаа, сын Бедая (тот самый, который разбил мидьянитян на моавских равнинах), его столица звалась Авит.

³⁶ После смерти Хадаа воцарился Самла из Масреки. ³⁷ После смерти Самлы воцарился Саул из Реховота-Приречного. ³⁸ После смерти Саула воцарился Баал-Ханан, сын Ахбора. ³⁹ После смерти Баал-Ханана, сына Ахборова, воцарился Хадар, его столица звалась Пау, а его женой была Мехетавель, дочь Матред, дочери Ме-Захава.

⁴⁰ Вот Исавовы кланы, их семейства, селения и имена. Клан Тимны, клан Альбы, клан Иетета, ⁴¹ клан Оголивами, клан Эльи, клан Пинона ⁴² клан Кеназа, клан Темана, клан Мивцара, ⁴³ клан Магдизла и клан Ирама. Таковы кланы Эдома и их селения в стране, которой они владеют. Прародитель эдомитян — Исав.

37 А Иаков поселился в Ханаане — в стране, где прежде жил его отец.

¹ Вот рассказ про род Иакова. Иосифу было семнадцать лет. Он пас овец вместе с братьями — помогал сыновьям Валлы и Зелфы — и ябедничал на них отцу. ² Иосиф родился у Иакова уже на склоне лет, так что Иаков любил его больше, чем прочих сыновей, даже подарил ему цветную рубашку. ³ Когда братья увидели, что отец любит Иосифа больше, чем их, они так возненавидели Иосифа, что не могли даже разговаривать с ним по доброму.

⁴ Как-то раз Иосифу приснился сон. Он рассказал его братьям — и те возненавидели его еще сильнее. ⁵ «Послушайте, — сказал он, — что мне приснилось! ⁶ Будто мы вяжем снопы

в поле и мой сноп стал прямо, а ваши снопы окружили его и поклонились ему!»⁸ Братья ответили: «Так ты, значит, царствовать над нами собрался? Начальником быть над нами?» И возненавидели его еще больше — и за сны его, и за рассказы.⁹ А Иосифу снова приснился сон, и он снова рассказал его братьям: «А я видел во сне, будто солнце, и луна, и одиннадцать звезд поклонились мне!»¹⁰ Когда он рассказал этот сон отцу и братьям, то отец отругал его: «Что за сны тебе снятся? Получается, что мы все — и я, и твоя мать, и твои братья — придем и падем тебе в ноги?»¹¹ Братья разозлились на Иосифа, но отец запомнил его рассказ.

¹²Как-то раз братья Иосифа ушли пасти отцовских овец в окрестностях Шехема. ¹³Израиль сказал Иосифу: «Твои братья пасут скот под Шехемом. Давай я и тебя к ним пошлю». — «Я готов», — ответил Иосиф отцу. ¹⁴«Сходи, — сказал тот, — посмотри, как у них там дела, что со скотом. Вернешься и расскажешь мне». Отец простился с Иосифом, и, оставив Хевронскую долину, Иосиф пошел в Шехем. ¹⁵Там ему встретился какой-то человек. «Что ты здесь ищешь?» — спросил он у Иосифа, бродившего по полю. ¹⁶«Я иду своих братьев, — ответил Иосиф. — Скажи мне, где они пасут скот?» — ¹⁷«Они отсюда ушли, — сказал ему тот, — я слышал, как они говорили, что пойдут в Дотан».

Иосиф пошел за братьями — и нашел их в Дотане. ¹⁸Те уже издали заметили Иосифа и, пока он приближался, сговорились его убить. ¹⁹«Вот и наш сновидец! — сказали они друг другу. — ²⁰Убьем его, бросим в яму и скажем, будто звери его загрызли. Вот и поглядим, как сбун-

дутся его сны!»²¹ Рувим это услышал и спас Иосифа. «Не надо его убивать, — сказал Рувим. — ²²Зачем проливать кровь? Чем убивать его своими руками, бросьте его лучше вон в ту яму посреди пустыни». (На самом деле он хотел спасти Иосифа и вернуть его отцу.)

²³Как только Иосиф подошел к братьям, они сорвали с него цветную рубаху, ²⁴схватили его и бросили в яму. Яма была пустая; воды в ней не было. ²⁵Только братья сели за еду, как увидели, что со стороны Галаада показался караван измаильтян — их верблюды везли в Египет благовонные смолы, ладан и бальзам. ²⁶Иуда сказал: «Какой нам прок убивать брата? Придется скрывать пролитую кровь. ²⁷Лучше продадим его измаильтянам, и наши руки будут чисты. Ведь он нам все-таки брат, родная плоть». Братья согласились. ²⁸Когда мидьянские купцы подошли ближе, то братья вытащили Иосифа из ямы и продали измаильтянам за двадцать шекелей серебра, а те повели его в Египет.

²⁹Рувим вернулся, подошел к яме — Иосифа нет! И в знак скорби он разорвал свои одежды. ³⁰«Мальчика нет! — сказал Рувим, вернувшись к братьям. — А я? Куда мне деваться теперь?»³¹ Братья взяли рубаху Иосифа, зарезали козла и выпачкали рубаху в крови козла. ³²Потом принесли ее отцу и сказали: «Вот что мы нашли! Посмотри — это рубаха твоего сына?»³³ Увидел Иаков и закричал: «Рубаха моего сына! Его звери загрызли! Растерзали, растерзали Иосифа!»³⁴ И, разорвав свои одеж-

37:28 ...двадцать шекелей серебра... — Двадцать шекелей стоил раб-подросток (Лев 27:5).

ды, с одним лишь куском грубой ткани на бедрах, Иаков оплакивал сына много дней подряд.³⁵ Сыновья и дочери пришли к нему, чтобы утешить, но Иаков не желал утешиться. «Нет! — говорил он. — Буду оплакивать сына! С плачем сойду к сыну, в Шеол!» И продолжал оплакивать Иосифа.³⁶ А мидьянитяне тем временем отвели Иосифа в Египет и продали Потифáру — то был сановник фараона, начальник стражи.

38 В ту пору Иуда, оставив братьев, поселился рядом с одним адулламитом, по имени Хира.² Там ему приглянулась дочь некоего Шуа, ханаанея. Иуда взял ее в жены, лег с ней,³ она забеременела и родила сына — Иуда дал ему имя Эр.⁴ Она снова забеременела, родила второго сына и дала ему имя Онán.⁵ Затем родила еще одного и назвала его Шелá (это было в Кезíве).⁶ В жены своему первенцу Эру Иуда взял девушку по имени Тамáр,⁷ но Эр был негоден Господу и Господь умертвил его.⁸ Иуда сказал Онану: «Живи со вдовой брата. заменишь брата, дашь ему потомство». Но Онан знал, что дети, рожденные Тамар, не будут считаться его детьми, а потому всякий раз, когда ложился с ней, изливал семя на землю, чтобы не зачинать детей для брата.⁹ Неудобно было Господу,

что он так поступал, за это Господь и его умертвил.¹⁰ Иуда сказал Тамар: «Пока мой сын Шела еще не подрос, иди живи вдовой у своих родителей». (А сказал он так, потому что подумал: «Как бы еще и младший не умер, вслед за старшими!») И Тамар вернулась в родительский дом.

¹² Прошло много времени. Умерла дочь Шуа, жена Иуды. Когда траур кончился, Иуда вместе со своим приятелем Хирой-адулламитом пошел в Тимнó, на стрижку своих овец.¹³ Когда Тамар узнала, что ее свекор пошел на стрижку овец в Тимну,¹⁴ она сняла с себя вдовьи одежды, закрыла лицо покрывалом и села, закутавшись, у входа в Эна́им, что лежит на пути в Тимну. (Ведь она видела, что хотя Шела подрос, ее так и не берут ему в жены.)¹⁵ Взглянув на Тамар, Иуда принял ее за продажную женщину, так как ее лицо было скрыто покрывалом.¹⁶ Он подошел к ней — она сидела на обочине дороги — и сказал: «Я с тобой лягу». Ведь он не знал, что это его невестка! А та спросила: «А что ты мне дашь, если ляжешь со мной?» —¹⁷ «Я pošлю тебе козленка», — ответил он. Но она сказала: «Пока не прислал, оставь залог». —¹⁸ «Какой залог ты хочешь?» — спросил Иуда. Она ответила: «Твою печать на шнурке и посох, который у тебя в руках». Он дал ей все, что она просила, переспал с ней, и Тамар зачала от него ребенка.¹⁹ Потом встала, ушла, сняла с лица покрывало и вновь надела свои вдовьи одежды.

²⁰ Когда Иуда послал своего приятеля-адулламита с козленком, чтобы получить обратно залог, тот, сколько ни искал, не мог ее найти²¹ и стал спрашивать у местных жителей: «Где блудница, что сидела при дороге в Эна́име?» Но ему отвечали: «Не

37:35 *Шеол* — царство мертвых. 38:8 По обычаям древних израильтян, если женатый мужчина умирал бездетным, его вдова должна была жить с братом усопшего (Втор 25:5). Дети от этого брака считались родными детьми усопшего. 38:18 *Печатью* скреплялись договоры (ср. Иер 32:44), поэтому богатые люди носили печать с собой. Множество печатей III–I тыс. до н. э., обычно цилиндрических, с отверстием для шнурка, найдено археологами на Ближнем Востоке.

было там никакой блудницы». ²¹ Он вернулся к Иуде и сказал: «Я ее не нашел. А местные люди говорят, что там и не было никакой блудницы». ²² Иуда ответил: «Пусть лучше остаются эти вещи при ней, не будем себя позорить. Я посылаю ей козленка, а ты не можешь ее найти!»

²³ Месяца через три Иуде сказали: «Согрешила Тamar, твоя невестка, и теперь беременна». — «Возьмите ее и сожгите на костре», — распорядился Иуда. ²⁴ Но когда Тamar повели на казнь, она попросила передать своему свекру: «Я беременна от того, кому принадлежат вот эти вещи. Узнаешь, — спросила она, — эту печать со шнурком и посох?» ²⁵ Иуда узнал. «Правда на ее стороне, — сказал он. — Все из-за того, что я не отдал ее моему сыну Шеле». Больше Иуда с нею не спал.

²⁶ Тamar пришло время рожать, и оказалось, что у нее близнецы. ²⁷ Когда начались роды и наружу высунулась ручка, то повивальная бабка повязала на нее алую ниточку и сказала: «Этот вышел первым». ²⁸ Но ребенок втянул ручку обратно и на свет появился его брат. «Как это ты прорвался?» — спросила повивальная бабка; младенца назвали Пáрецем. ²⁹ За ним появился на свет и другой, с алой ниточкой на руке. Его назвали Зéрахом.

39 Иосифа привели в Египет, и там египтянин по имени Потифар — сановник фараона, начальник стражи — купил его у измаильтян. ¹ Господь был с Иосифом, и удача сопутствовала ему. Иосиф жил в доме хозяина, ² и египтянин увидел, что Господь с Иосифом — ведь во всем, что бы Иосиф ни делал, Господь ему помогал. ³ Иосиф понравился

египтянину, стал его слугой, а потом хозяин поручил Иосифу управлять домом и отдал под его начало все, чем владел. ⁴ С тех пор, благодаря Иосифу, благословение Господне пребывало на всем, что принадлежало египтянину — и в доме, и в поле. ⁵ Все, чем владел, передал хозяин под начало Иосифу — теперь вся забота египтянина была лишь есть да пить.

Иосиф был красив и лицом, и станом. ⁶ Жена господина обратила на него свои взоры и сказала: «Ложись со мной». ⁷ Но Иосиф отказался, ответив ей так: «Господин отдал под мое начало все, чем владеет, а сам уже ни за чем в доме не смотрит. ⁸ Я в этом доме распоряджаюсь с ним наравне. Нет для меня ничего запретного — кроме тебя: ты жена его. Как же могу я сделать такое зло, так согрешить перед Богом?» ⁹ День за днем она его уговаривала, но Иосиф не соглашался лечь с нею.

¹⁰ И вот однажды, когда Иосиф вошел в дом господина, чтобы выполнить свою работу, а в доме никого не было, ¹¹ она схватила его за одежду и опять сказала: «Ложись со мной». Оставив свою одежду у нее в руках, Иосиф бросился прочь и выбежал из дома. ¹² Она увидела, что Иосиф убежал, а его одежда у нее в руках, ¹³ позвала слуг и сказала: «Смотрите: этого еврея привели сюда, чтоб он надругался над нами! Он явился и хотел меня изнасиловать! Я закричала. ¹⁴ Он услышал, что я кричу и зову на помощь, выскочил прочь — даже одежду свою оставил — и убежал из дома!» ¹⁵ Она держала одежду Иосифа при себе, пока не вернулся муж, ¹⁶ и повторила мужу то же самое: «Явился ко мне раб-еврей — ты привел его сюда, чтоб он надругался над нами!» ¹⁷ Я стала кричать и звать

на помощь. А он даже одежду свою оставил и убежал из дома!»¹⁹ Услышав рассказ жены — вот, мол, что твой раб хотел со мной сделать — господин Иосифа пришел в ярость.²⁰ Он велел схватить Иосифа и бросить в тюрьму — туда, где содержались узники царя.

Так Иосиф оказался в тюрьме.²¹ Но Господь был с ним и явил ему Свою милость: Иосиф понравился начальнику тюрьмы.²² Тот отдал под начало Иосифу всех узников в тюрьме. Иосиф отвечал за все,²³ а начальник тюрьмы мог уже ни о чем не беспокоиться — ведь Господь был с Иосифом и помогал ему во всех его делах.

40 Спустя некоторое время после этих событий царский виночерпий и царский пекарь провинились перед своим владыкой, царем египетским.¹ Разгневался фараон на своих приближенных — главного виночерпия и главного пекаря —² и велел посадить их в темницу при доме начальника стражи, в ту самую темницу, где сидел Иосиф.³ Начальник стражи назначил Иосифа прислуживать им. Прошло время,⁴ и как-то ночью обоим заключенным — и царскому виночерпию, и царскому пекарю — приснились сны. Каждому приснился свой сон, со своим значением.⁵ Иосиф пришел к ним наутро и увидел, что они взволнованы.⁶ «Что вас заботит?» — спросил Иосиф. И приближенные фараона, заключенные вместе с Иосифом в доме его господина,⁷ ответили: «Мы видели сны, а толкователей здесь нет». Иосиф сказал: «Толкования — от Бога. Поведайте мне ваши сны».

⁸ И главный виночерпий рассказал: «Мне снилось, будто передо мной — виноградная лоза.⁹ На ней три по-

бега. Они стали расти, появились цветы, показались гроздья, созрели ягоды.¹⁰ А в руке у меня — кубок фараона. Я сорвал гроздья, выжал сок в кубок и поднес фараону». —¹² «Вот истолкование твоего сна, — сказал ему Иосиф. — Три побега — это три дня.¹³ Пройдет три дня, и фараон тебя вновь возвысит: вернет тебя на твое прежнее место и ты снова, как раньше, будешь подавать ему кубок.¹⁴ Но окажи услугу: когда счастье улыбнется тебе, то не забудь, вспомни обо мне в разговоре с фараоном, освободи меня отсюда!¹⁵ Ведь меня похитили из еврейской земли! Да и здесь я не сделал ничего такого, чтобы бросать меня в темницу!»

¹⁶ Главный пекарь увидел, что толкование благоприятно, и сказал Иосифу: «А мне снилось, будто у меня на голове три корзины;¹⁷ в верхней — всякие лакомства, какие пекут для фараона, и птицы клюют из этой корзины». —¹⁸ «Вот истолкование твоего сна, — сказал ему Иосиф. — Три корзины — это три дня.¹⁹ Пройдет три дня — фараон и тебя возвысит: ты будешь висеть на виселице и птицы будут клевать твое тело».

²⁰ А через три дня у фараона был день рождения, и он устроил пиршество для своих приближенных. Двоих возвысил он в тот день на глазах у всех: главного виночерпия и главного пекаря.²¹ Главного виночерпия — на его прежнее место, чтобы вновь подавал фараону кубок.²² А главного пекаря — на виселицу: все, как предсказывал Иосиф.²³ Но главный виночерпий забыл и про Иосифа, и про его просьбу.

41 Прошло два года, и фараону приснился сон: будто бы стоит он над Нилом,¹ а из Нила выходят

семь коров. Красивые, упитанные, они пасутся в прибрежных зарослях. ³Следом выходят из Нила другие семь коров, хилые и тощие, становятся с ними рядом — ⁴и вот, эти хилые и тощие коровы съедают коров красивых и упитанных! Фараон проснулся. ⁵А когда снова уснул, то увидел другой сон: семь колосьев выросли на одном стебле, хорошие, налитые. ⁶Следом из земли выросли семь колосьев пустых, сожженных суховеем — ⁷и вот, эти пустые колосья поглотили семь налитых колосьев, полных зерном! Фараон проснулся. Таков был его сон.

⁸Наутро, встревоженный, он созвал всех египетских магов и мудрецов, рассказал им свое сновидение, но никто не мог его истолковать. ⁹Тогда сказал фараону главный виночерпий: «Вспоминаю я свой былой грех! ¹⁰Как-то раз прогневался фараон на рабов своих — и велел заключить меня в дом начальника стражи, вместе с главным пекарем. ¹¹Однажды ночью нам обоим приснились сны, каждому — свой сон, со своим значением. ¹²А при нас был слуга, еврей, раб начальника стражи. Мы рассказали ему наши сны, и он истолковал их нам — каждому сказал, что значит его сон. ¹³Как говорил он нам, так и вышло: меня вернули на прежнее место, а того, другого, повесили».

¹⁴Фараон послал за Иосифом. Его поспешно вывели из темницы, побрили, переодели, и он предстал перед фараоном. Фараон сказал: ¹⁵«Я видел сон, но никто не может истолковать его. А ты, говорят, как услышишь сон — сразу его истолковываешь». ¹⁶Иосиф ответил: «Не я — Бог даст истолкование на благо фараону». ¹⁷И фараон рассказал Иосифу: «Мне снилось, будто стою я на берегу Нила,

¹⁸а из Нила выходят семь коров. Упитанные, красивые, они пасутся в прибрежных зарослях. ¹⁹А следом за ними из Нила выходят другие семь коров, тощие, хилые, кожа да кости — я нигде в Египте не видывал таких хилых коров. ²⁰И эти коровы, тощие и хилые, съедают семь упитанных коров! ²¹Те исчезли у них в животах, но не было заметно, чтобы животы наполнились: коровы остались такими же тощими, как и прежде. И я проснулся. ²²А потом я видел другой сон: семь колосьев выросли на одном стебле, хорошие, полные зерна. ²³А за ними следом поднялись семь колосьев тощих, пустых, сожженных суховеем — ²⁴и эти тощие колосья без остатка поглотили семь хороших колосьев! Я поведал свои сны магам, но они мне ничего не объяснили».

²⁵И сказал фараону Иосиф: «Это не два сна, а один. Бог открывает фараону, что Он намерен сделать. ²⁶Семь хороших коров означают семь лет, и семь хороших колосьев — это тоже семь лет. Так что это один и тот же сон. ²⁷А что за ними следом вышли семь коров худых и скверных — это следующие семь лет. И семь пустых колосьев, сожженных суховеем, означают то же самое — семь лет голода. ²⁸Как я уже говорил фараону: Бог показывает фараону, что Он намерен сделать. ²⁹Наступают семь лет изобилия по всей египетской земле, ³⁰но за ними идут семь лет голода — такого, что все прежнее изобилие исчезнет без следа. Голод опустошит страну, ³¹от бывшего изобилия и следа не оставит — таким сильным будет этот голод. ³²А дважды этот сон при-

41:14... *побрили*... — Египетские мужчины брили бороду, усы и голову.

снился потому, что это все Богом уже решено, и Он скоро исполнит Свое решение.

³³ Так пусть же фараон выберет человека мудрого и проницательного и поставит его управлять Египтом. ³⁴ И пусть по всей стране фараон назначит чиновников, чтобы в грядущие семь лет изобилия взимать с народа пятую часть урожая ³⁵ и собирать зерно в городах, в царские закрома. ³⁶ Тогда в стране будут запасы на семь лет голода, который наступит в Египте, — и страна переживет этот голод!»

³⁷ Слова Иосифа пришлись по душе фараону и его приближенным. ³⁸ «Другого такого человека не найти, — сказал фараон своим приближенным. — В нем дух Божий!» ³⁹ Потом он обратился к Иосифу: «Раз Бог открыл тебе все это, значит нет никого мудрее и проницательней тебя. ⁴⁰ Отныне ты будешь править моими владениями и народ мой будет тебя слушаться. Лишь царским саном я буду выше тебя. ⁴¹ Смотри, — сказал фараон Иосифу, — я делаю тебя правителем всего Египта!» ⁴² Он снял свой перстень с печаткой и надел его Иосифу. Он облачил Иосифа в одежды из тончайшего льна и возложил ему на шею золотую цепь. ⁴³ Он дал Иосифу колесницу, предназначенную для второго человека в государстве, — и перед Иосифом, когда он ехал, несся крик: «Аврэх!».

Так фараон сделал Иосифа правителем всего Египта. ⁴⁴ «Вот моя воля, воля фараона, — сказал он Иосифу. — Отныне без твоего ведома по всей египетской земле никто шага не посмеет ступить, рукой не шевельнет!» ⁴⁵ Фараон нарек Иосифу новое имя, Цафна́т-Пане́ах, и отдал ему в жены Аснáт, дочь Пóти-Пéры,

гелиópolisкого жреца. И отправился Иосиф управлять Египтом. ⁴⁶ Тридцать лет было Иосифу в ту пору, когда он стал служить фараону, царю египетскому. Вышел Иосиф от фараона и отправился в путь, чтобы объехать египетскую землю.

⁴⁷ В течение семи плодородных лет земля давала обильные урожаи. ⁴⁸ Все зерно, которое в эти годы собирали в Египте, Иосиф распределял по городам: в каждый город — урожай с окрестных полей. ⁴⁹ Он собрал зерна, что песка морского — столько, что и считать перестал: не счесть.

⁵⁰ В это время, еще до наступления голода, Аснат, дочь гелиópolisкого жреца Потти-Перы, родила Иосифу двоих сыновей. ⁵¹ Первенцу Иосиф дал имя Манассия, что означало: «Бог дал мне забыть и все мои горести, и отчий дом мой». ⁵² А второго назвал Ефрэм, что означало: «Сделал меня Бог плодоносным в земле страданий моих».

⁵³ Семь плодородных лет в Египте подошли к концу. ⁵⁴ Настали, как и предсказывал Иосиф, семь лет голода. Этот голод поразил все страны, но в Египте повсюду были запасы зерна. ⁵⁵ Когда настал голод и египтяне стали просить у фараона хлеба, фараон сказал: «Идите к Иосифу и делайте, что скажет Иосиф». ⁵⁶ Во всем мире был голод. Иосиф открыл житницы и стал продавать египтянам зерно (голод в Египте становился все сильнее). ⁵⁷ Из соседних стран тоже шли за зерном в Египет, к Иосифу, так как голод свирепствовал по всей земле.

42 Узнав, что в Египте есть зерно, Иаков сказал сыновьям: «Что смотрите друг на друга?» ² И продолжал: «Говорят, в Египте есть зерно.

Отправляйтесь туда и купите зерна, чтобы нам не умереть с голода». ³И десять братьев Иосифа отправились в Египет за зерном. ⁴Только Вениамина, его родного брата, Иаков от себя не отпустил: как бы с ним не стряслось беды.

⁵Сыновья Израиля оказались в толпе просителей, пришедших в Египет за зерном — ведь от голода страдал весь Ханаан. ⁶А правителем страны, куда они пришли, был Иосиф — он и занимался продажей зерна. Братья подошли и простерлись перед ним ниц. ⁷Он посмотрел на них и узнал, но притворился чужим и сурово спросил их: «Откуда пришли?» — «Из Ханаана, за зерном», — ответили те. ⁸(Иосиф узнал своих братьев, но они-то его не узнали!)

⁹Вспомнил Иосиф свои сны про них и сказал: «Вы лазутчики. Пришли разведать, где наша страна уязвимее всего». — ¹⁰«Нет, господин! — отвечали они. — Мы, рабы твои, пришли за зерном. ¹¹Мы все братья, дети одного отца, люди честные! Мы, рабы твои, никогда лазутчиками не были!» — ¹²«Нет, — сказал Иосиф, — вы пришли разведать, где наша страна уязвимее всего». — ¹³«Нас, рабов твоих, двенадцать братьев, — отвечали они. — Мы все дети одного отца, из Ханаана. Младший сейчас с отцом. А одного из нас уже нет». — ¹⁴«Ну вот, — сказал Иосиф, — я же говорил: вы лазутчики. ¹⁵Но мы вас проверим. Клянусь жизнью фараона: пока ваш младший брат не придет, вас отсюда не выпустят. ¹⁶Пошлите за ним кого-нибудь одного, а остальные пока будут под стражей — вот и посмотрим, правдивы ли ваши рассказы. А если нет — значит, вы лазутчики. Клянусь жизнью фараона!» ¹⁷И Иосиф посадил их на три дня в тюрьму.

¹⁸На третий день он сказал им: «Сделаете, как я скажу, — и будете жить, ибо я боюсь Бога. ¹⁹Если вы и вправду честные люди, пусть кто-нибудь один останется в тюрьме, а остальные отвезут зерно для своих голодающих семей ²⁰и вернуться ко мне с младшим братом. Если ваши слова подтверждаются, то вы не умрете».

Они подчинились. ²¹«Это нам возмездие за брата! — говорили они между собой. — Ведь мы видели его горе, но не сжалились, как он нас ни умолял. Вот теперь и к нам пришло горе!» ²²А Рувим добавил: «Разве не говорил я вам: „Не делайте мальчику зла“? Но вы не слушали. А теперь мы расплачиваемся за его кровь».

²³Не знали братья, что Иосиф понимает их разговор, — ведь Иосиф говорил с ними через переводчика. ²⁴А Иосиф отошел в сторону и заплакал. Потом вернулся и снова говорил с ними, а потом выбрал Симеона и велел связать его на глазах у братьев. ²⁵Потом распорядился наполнить им вьюки зерном, каждому положить обратно в мешок его серебро и дать еды на дорогу. Так и было сделано. ²⁶Братья нагрузили зерно на ослов и отправились домой.

²⁷Ночью, на привале, один из них развязал мешок, чтобы задать корм ослу, и увидел свое серебро — вот оно, сверху! ²⁸«Мое серебро снова у меня! — сказал он братьям. — Вот оно, сверху!» Сердце у них упало. Задрожав, они стали спрашивать друг у друга: «Что же это такое творит с нами Бог?»

²⁹Вернувшись в Ханаан, к отцу, братья рассказали ему все, что с ними приключилось: ³⁰«Человек, который правит в той земле, говорил с нами сурово и принял нас за лазутчиков. ³¹Мы сказали, что мы люди честные,

а не лазутчики, ³² что нас двенадцать братьев, все дети одного отца, что одного брата уже нет, а младший сейчас с отцом, в Ханаане. ³³ Но он ответил нам: „Я проверю, правду ли вы сказали: задержу одного из вас, а остальные пусть отвезут зерно своим голодающим семьям ³⁴ и возвращаются ко мне с младшим братом. Вот тогда я поверю, что вы не лазутчики, а честные люди — и брата вашего отпущу, и разрешу вам свободно странствовать по всей нашей земле“.

³⁵ Они стали выкладывать вещи из мешков, и у каждого в мешке оказался кошель с серебром. Увидев это, и братья, и отец пришли в ужас. ³⁶ «Вы отнимаете у меня сыновей одного за другим, — сказал им Иаков. — Иосифа нет. Симеона нет. Вениамина забираете. Все беды на меня!» ³⁷ Рувим ответил отцу: «Двух сыновей моих можешь убить, если я не приведу Вениамина обратно. Доверь его мне — и я верну его». — ³⁸ «Нет, — сказал Иаков, — не пойдет с вами мой сын. Его брат мертв, Вениамин один у меня остался. Что если в пути с ним случится беда? По вашей вине я, седой старик, от скорби сойду в Шеол!»

43 Но голод становился все сильнее. ² Когда зерно, привезенное из Египта, кончилось, отец сказал им: «Привезите еще хоть немного зерна!» ³ Иуда ответил: «Тот человек предупредил нас строго-настрого, чтобы мы без младшего брата ему и на глаза не показывались. ⁴ Если ты его с нами отпустишь, то мы пойдем за зерном для тебя. ⁵ А если не отпустишь, зачем нам и идти, раз тот человек велел нам без брата и на глаза ему не показываться». — ⁶ «Ну зачем навлекли вы на меня это несчастье, — сказал Изра-

иль, — зачем проговорились, что у вас есть еще один брат?» ⁷ Они ответили: «Тот человек обо всем расспрашивал: о нас самих, о наших родных, жив ли наш отец, есть ли у нас еще братья. Он спрашивал, мы отвечали. Кто же мог знать, что он прикажет, чтобы мы привели к нему младшего брата?»

⁸ И сказал Иуда своему отцу Израилю: «Отпусти его со мною, и мы пойдем. И тогда все выживут, спасутся от голодной смерти — и мы, и ты сам, и наши дети. ⁹ Я головой тебе ручаюсь, что он вернется. С меня и спросишь: если не приведу его к тебе обратно, то до конца дней буду перед тобой виновен. ¹⁰ А ведь если б мы не медлили, мы б уже два раза сходили туда и обратно!» — ¹¹ «Ну что ж, — сказал Израиль, — тогда сделайте вот что: наполните свои мешки всем, чем богата наша земля — бальзамом, медом, ладаном, благовонными смолами, фисташками, миндалем — и отвезите этому человеку в дар. ¹² Серебра с собой возьмите вдвое больше — чтобы вернуть то, что вам положили в мешки; они там, похоже, ошиблись. ¹³ Берите Вениамина с собой и ступайте опять к этому человеку. ¹⁴ Пусть Бог Всесильный сделает его милостивым к вам, чтобы он отпустил и того брата, и Вениамина! А что до меня — коль суждено мне терять детей, так значит суждено».

¹⁵ Братья приготовили дары, серебра взяли вдвое больше, чем в прошлый раз, и, придя в Египет, предстали перед Иосифом — на этот раз вместе с Вениамином. ¹⁶ Когда Иосиф увидел, что с ними Вениамин, то сказал своему управляющему: «Отведи этих людей ко мне в дом. Забей, сколько нужно, скота и приготовь еды — сегодня в полдень они будут обедать со мною».

¹⁷Выполняя распоряжение Иосифа, управляющий повел братьев к нему в дом. ¹⁸Но по дороге, испугавшись, братья стали говорить друг другу: «Нас туда ведут из-за серебра, которое тогда оказалось у нас в мешках! Они на нас нападут, набросятся на нас, захватят нас в рабство и заберут наших ослов!» ¹⁹И на пороге дома они обратились к управляющему: ²⁰«Позволь сказать, господин наш! Мы уже приходили сюда один раз за зерном. ²¹А ночью, на привале, по дороге обратно, мы открыли наши мешки, и у каждого в мешке, сверху, оказалось его серебро — ровно столько, сколько он заплатил. Мы это серебро принесли обратно. ²²И еще принесли серебра, чтобы купить зерно. А кто тогда подложил нам серебро в мешки, мы не знаем». — ²³«Успокойтесь, — сказал им управляющий, — не бойтесь. Наверно, ваш Бог — Бог вашего отца — тайно положил это вам в мешки. Ваше серебро я тогда получил сполна!» Он вывел к ним Симеона, ²⁴пригласил их всех в дом Иосифа, принес им воды вымыть ноги и задал ослам корма. ²⁵Братья разложили свои дары, чтобы в полдень встретить Иосифа: им уже сказали, что они будут там обедать. ²⁶Когда Иосиф вернулся домой, они поднесли ему дары и пали перед ним ниц, ²⁷а он приветствовал их и спросил: «Как поживает ваш старец-отец, о котором вы мне рассказывали? Жив ли он?» — ²⁸«Отец наш, раб твой, жив и здравствует», — ответили братья и, поклонившись, простерлись перед ним на земле.

²⁹Иосиф посмотрел на Вениамина, своего родного брата. «Так это, — сказал он, — и есть ваш младший брат, о котором вы говорили мне?» И промолвил: «Да будет Бог милостив к тебе, сынок!» ³⁰Сердце его

сжалось от любви к брату, он едва не разрыдался, поспешно ушел в другую комнату и там заплакал. ³¹Потом умылся, вновь вышел к гостям и, взяв себя в руки, приказал подать еду. ³²Иосифу подавали отдельно, гостям отдельно, египтянам отдельно (египтяне не едят вместе с евреями, чтобы не оскверниться). ³³Братья расселись перед Иосифом по порядку, от старшего к младшему, и в изумлении переглядывались. ³⁴А Иосиф посылал им кушанья со своего стола — причем Вениамину впятеро больше, чем остальным. И пили они, и пировали вместе с Иосифом.

44 Иосиф сказал своему управляющему: «Наполни их мешки зерном, сколько смогут увезти. И каждому в мешок, сверху, положи обратно его серебро. ²А в мешок младшего, вместе с серебром, положи еще и мою серебряную чашу». Управляющий сделал, как приказал Иосиф. ³Едва рассвело, гостей отпустили домой, вместе с их ослами. ⁴Братья вышли из города, но не успели еще далеко уйти, как Иосиф сказал управляющему: «Скорей, догони их! А догонишь, скажи: „Зачем вы оплатили злом за добро? ⁵Зачем украли у меня серебряную чашу? Ведь господин мой пьет из этой чаши и гадает по ней. Худое дело вы сделали!“»

⁶Управляющий догнал их и сказал, что было велено. ⁷Братья ответили: «Зачем ты, господин наш, говоришь такое? Не могли мы, рабы твои, такого сделать. ⁸Ведь даже серебро, которое оказалось у нас в мешках, мы

44:5 ...гадает по ней. — В древности были распространены гадания по движению капель на дне чаши или по поведению предметов, брошенных в жидкость.

привезли тебе обратно — из Ханаана! Так неужели мы стали бы красть у твоего господина серебро или золото? *Да если у кого из нас найдется украденное, пусть его казнят, а мы все останемся у господина нашего в рабах». — ¹⁰ «Пусть будет, как вы сказали, — ответил управляющий, — но рабом станет лишь тот, у кого найдется украденное, а остальные с миром пойдут домой».

¹¹ Братья поспешно опустили свои мешки на землю и развязали их. ¹² Управляющий обыскал всех по порядку — от старшего к младшему — и чаша нашлась у Вениамина. ¹³ Братья разорвали свои одежды в знак скорби, вновь навьючили ослов и вернулись в город.

¹⁴ Иосиф был дома, когда пришли Иуда и братья. Они пали перед ним ниц, ¹⁵ а Иосиф сказал им: «Как могли вы это сделать? Неужели не знаете, что такие люди как я искусны в гадании?» — ¹⁶ «Что можем мы сказать господину нашему? — промолвил Иуда. — Что возразить? Чем оправдаться? Бог обличает нашу вину. Отныне мы рабы господина нашего — и тот, у кого нашлась чаша, и все остальные». — ¹⁷ «Нет, — сказал Иосиф, — не сделаю я такого! У кого нашлась чаша, тот и станет моим рабом, а вы с миром возвращайтесь к отцу».

¹⁸ Тогда Иуда сказал, подойдя к Иосифу: «Господин мой! Разреши мне, рабу твоему, говорить с тобой. Не гневайся, господин мой, на раба своего. Ведь ты — что фараон!

¹⁹ Ты, господин мой, спрашивал нас, рабов своих, есть ли у нас отец и есть ли у нас еще братья. ²⁰ Мы отвечали тебе, господину нашему, что отец жив, но уже стар, и что есть у него еще младший сын. Это дитя его старости. Он один остался в живых из детей

своей матери — его брат умер. Отец любит его. ²¹ И ты велел нам, рабам своим, привести к тебе нашего младшего брата. ²² Мы сказали тебе, господину нашему, что нельзя ему покидать отца: отец не переживет разлуки. ²³ Но ты сказал нам, рабам своим, чтобы без младшего брата мы больше и на глаза тебе не показывались.

²⁴ Когда мы вернулись домой, к нашему отцу, рабу твоему, мы передали ему твои слова, господин мой. ²⁵ А когда отец снова велел нам привезти немного зерна, ²⁶ мы отвечали, что без младшего брата не пойдём, что без него нам нельзя тебе и на глаза показываться. ²⁷ И наш отец, раб твой, сказал нам так: «Сами знаете: двух сыновей родила мне жена. ²⁸ Один пропал. Его растерзали звери, — подумал я. С тех пор я его не видел. ²⁹ Теперь вы и второго забираете. А если и с ним случится беда? По вашей вине я, седой старик, от горя сойду в Шеол!» ³⁰ Так разве могу я, — спросил Иуда, — вернуться домой, к отцу, рабу твоему, без сына, к которому он так привязан? ³¹ Отец увидит, что его с нами нет, — и умрет. И наш отец, раб твой, седой старик, по нашей вине от скорби сойдет в Шеол! ³² Я, раб твой, головой поручился отцу, что брат вернется: если не приведу его домой, то до конца дней буду виновен перед отцом. ³³ Так пусть же я, раб твой, здесь и останусь вместо него! А он пусть возвращается с братьями. ³⁴ Не могу я вернуться домой без него и видеть горе отца!»

45 Иосиф был уже не в силах сдерживаться при посторонних. «Выйдите все!» — закричал Иосиф. И никого не было рядом, когда Иосиф открыл своим братьям, кто он. ² Но рыдал он так громко, что египтя-

Бытие 45:3–46:3

59

не слышали, и слух долетел до двора фараона. ³«Я Иосиф, — сказал он братьям. — Что с отцом?» А те, ослонев, не в силах были вымолвить ни слова.

⁴«Подойдите», — сказал Иосиф. И братья подошли. «Это я, Иосиф, — сказал он им, — ваш брат, которого вы продали в Египет. ⁵Но не мучьтесь, не терзайте себя за это. Ведь Бог послал меня сюда, чтобы спасти вам жизнь. ⁶Вот уже два года, как длится голод, и еще пять лет не будет ни пахоты, ни жатвы. ⁷Бог послал меня сюда прежде вас, чтобы ваш род уцелел на земле — уцелел и стал многочисленным. ⁸Не вы — Бог отправил меня сюда и сделал так, что я стал фараону отцом — господином над всем, что ему принадлежит, и правителем всей земли египетской.

⁹Спешите к отцу, скажите ему: „Так говорит твой сын Иосиф: Бог сделал меня правителем всего Египта. Не медли, приходи ко мне. ¹⁰Ты поселишься вблизи от меня, в земле Гóшен, вместе с сыновьями и внуками, вместе со всеми стадами и со всем своим добром. ¹¹Там я устрою твою жизнь так, чтобы ни тебе, ни твоей семье, ни твоему скоту ни в чем не терпеть нужды — потому что впереди еще пять лет голода“».

¹²«Смотрите же! — воскликнул Иосиф. — Смотри, Вениамин, брат мой! Ведь это я, я говорю с вами! ¹³Расскажите отцу, как велик я и славен в Египте. Расскажите про все, что вы видели здесь и скорее приводите сюда отца!» ¹⁴Он обнял Вениамина, своего брата, и зарыдал — и Вениамин рыдал, обнимая его. ¹⁵Потом, рыдая, Иосиф расцеловал остальных братьев — и начались разговоры.

¹⁶Весть о том, что к Иосифу пришли братья, долетела и до двора фа-

раона. Фараон и его приближенные были рады, ¹⁷и фараон сказал Иосифу: «Вели братьям навьючить своих ослов и идти в Ханаан, ¹⁸чтобы привести сюда отца и свои семьи. Я дам им все самое лучшее, что есть в Египте, — пусть наслаждаются изобилием нашей страны! ¹⁹Вели им взять в Египте повозки для детей и женщин; и пусть они с собою привезут отца. ²⁰А об оставленном имуществе им горевать не стоит: у них будет все самое лучшее, что есть в Египте!»

²¹Так и сделали сыновья Израиля. Иосиф дал им повозки, как и велел фараон, а также еды на дорогу ²²и каждому — новую одежду. Вениамину он дал триста шекелей серебра и пять новых одежд. ²³Отцу он послал на десяти ослах все, чем богата египетская земля, а на десяти ослицах — зерно, хлеб и прочее продовольствие на дорогу. ²⁴«Идите, не бойтесь», — сказал он братьям на прощание. ²⁵Они покинули Египет и вернулись в Ханаан к отцу.

²⁶«Иосиф жив, — сказали они Иакову, — он теперь правит всем Египтом». Замерло у Иакова сердце: не мог он поверить. ²⁷Но сыновья пересказали ему слова Иосифа, он увидел своими глазами повозки, которые Иосиф прислал, чтобы забрать его, — и, воспрянув духом, ²⁸Израиль сказал: «Довольно! Так Иосиф, мой сын, жив?! Пойду, увижу его перед смертью!»

46 Израиль собрал все свое добро и отправился в путь. Придя в Беэр-Шеву, он принес жертву Богу своего отца Исаака — ¹и Бог позвал его в ночном видении: «Иаков, Иаков!» — «Да», — ответил Израиль. ²Бог сказал: «Я Бог, Бог отца твоего. Не бойся, иди в Египет: там Я произ-

веду от тебя великий народ. ⁴Я Сам пойду с вами в Египет, Я Сам и выведу вас оттуда. Иосиф своею рукою закроет тебе глаза». ⁵И Иаков оставил Безр-Шеву.

На повозках, которые им дал фараон, сыны Израилевы везли Иакова, детей и женщин; ⁶они гнали перед собой свои стада и везли добро, что назвали в Ханаане. Так Иаков вместе со всем своим потомством переселился в Египет: ⁷сыновою, внуков, дочерей, внучек — весь свой род он привел в Египет.

⁸Вот имена сынов Израилевых, переселившихся в Египет. Иаков и его сыновья. Первенец Иакова — Рувим. ⁹Сыновья Рувима: Ено́х, Паллу́, Хецро́н и Карми́. ¹⁰Сыновья Симеона: Иему́эл, Ями́н, О́хад, Яхи́н, Цо́хар и Сау́л, сын ханаанеянки. ¹¹Сыновья Левия: Гершо́н, Кеха́т и Мерари́. ¹²Сыновья Иуды: Эр, Онáн, Ше́ла, Па́рец и Зе́рах. Эр и Онан умерли еще в Ханаане, а у Парца родились сыновья Хецро́н и Хаму́л. ¹³Сыновья Иссахара: Толá, Пувва́, Ио́в и Шимро́н. ¹⁴Сыновья Завулона: Се́ред, Элб́н и Яхле́эл. ¹⁵Это сыновья Иакова от Лии, родившиеся в Паддан-Араме, как и его дочь Дина. Всего, с сыновьями и дочерьми, — тридцать три человека.

¹⁶Сыновья Гада: Цифио́н, Хагги́, Шун́и, Эцбо́н, Эри́, Ароди́, Арели́. ¹⁷Сыновья Асира: Имна́, Ишва́, Ишви́ и Бериа́. Их сестра — Се́рах. Сыновья Берии: Хе́вер и Малки́эл. ¹⁸Это потомки Иакова от Залфы, которую Лаван дал в служанки своей дочери Лии, — шестнадцать человек.

¹⁹Сыновья Иакова от Рахили: Иосиф и Вениамин. ²⁰В Египте Аснат, дочь гелиопольского жреца Потиперы, родила Иосифу сыновою Манассию и Ефрема. ²¹Сыновья Ве-

ниамина: Бе́ла, Бе́хер, Ашбе́л, Гера́, Наама́н, Эхи́, Рош, Муппим́, Хуппим́ и Ард. ²²Это потомки Иакова от Рахили — четырнадцать человек.

²³Сыновья Дана: Хушим́. ²⁴Сыновья Неффалима: Яхце́эл, Гун́и, Ие́цер и Шилле́м. ²⁵Это потомки Иакова от Валлы, которую Лаван дал в служанки своей дочери Рахили, — семь человек.

²⁶Общее число пришедших в Египет с Иаковом — его прямые потомки, не считая снох, — шестьдесят шесть человек. ²⁷У Иосифа в Египте еще до этого родились двое. Всего род Иакова, переселившийся в Египет, состоял из семидесяти человек.

²⁸А Иуду, меж тем, Иаков послал вперед, к Иосифу, чтобы Иосиф встречал их в Гошене. Они пришли в Гошен. ²⁹Иосиф велел запрячь свою колесницу и поехал в Гошен, навстречу своему отцу Израилю. Он предстал перед отцом, обнял его и долго плакал в его объятиях. ³⁰И промолвил Израиль: «Теперь, когда я увидел тебя живым, мне можно и умереть». ³¹Иосиф сказал своим братьям и всему своему роду: «Я иду сказать фараону, что ко мне из Ханаана пришли братья и весь мой род, ³²что они пастухи, пасут овец, что привели с собой скот, мелкий и крупный, и привезли свое добро. ³³А вы, когда фараон спросит, чем вы занимаетесь, ³⁴отвечайте так: „Мы, рабы твои, пастухи с детства, как и отцы наши“. Тогда вас оставят в земле Гошен, потому что всех, кто пасет овец, египтяне считают оскверненными».

47 Придя к фараону, Иосиф сказал: «Пришли из Ханаана мой отец и мои братья, вместе со стадами скота, мелкого и крупного, и со сво-

им добром. Сейчас они в земле Гошен». ²Иосиф представил фараону пятерых из братьев. ³Фараон спросил, чем они занимаются, и те отвечали: «Мы, рабы твои, пасем овец, как и отцы наши». ⁴И еще сказали: «Мы пришли в эту землю как переселенцы. Нам, рабам твоим, негде пасти скот, ведь в Ханаане сейчас сильный голод. Позволь нам, рабам твоим, поселиться в земле Гошен».

⁵Фараон сказал Иосифу: «К тебе пришли отец и братья — ⁶так посели их в лучших краях нашей земли: вся страна египетская перед тобою. Пусть живут в земле Гошен. И если ты знаешь среди них подходящих людей, то поставь их смотреть за моими стадами».

⁷Затем Иосиф представил фараону своего отца Иакова. Иаков благословил фараона, ⁸и тот спросил: «Сколько же тебе лет?» — ⁹«Сто тридцать лет я прожил на свете, — отвечал Иаков. — Это немного, и трудными были эти годы. Им не сравниться с годами, которые прожили на свете мои прародители». ¹⁰И, вкось благословив фараона, Иаков удалился.

¹¹Иосиф, как и повелел ему фараон, поселил отца и братьев в лучшем краю Египта, в области Раамсес, и наделил их там землей. ¹²И отцу, и братьям, и всему своему роду Иосиф выдавал зерно, каждому по числу детей в его семье.

¹³А в стране уже не осталось зерна — так силен был голод, поразивший и Египет и Ханаан. ¹⁴Продавая зерно их жителям, Иосиф собрал в казну фараона все серебро, какое только было в земле египетской и в земле ханаанской. ¹⁵Когда ни в Египте ни в Ханаане серебра уже не осталось, египтяне пришли к Иосифу и сказали: «Дай нам зерна! Не-

ужели нам умирать у тебя на глазах? Серебро кончилось». — ¹⁶«Если кончилось серебро, — отвечал Иосиф, — то приводите сюда свой скот, буду менять зерно на скот». ¹⁷Они пригнали свои стада, и Иосиф стал менять зерно на скот: на лошадей, овец, коз, коров, ослов. В том году он давал им зерно в обмен на скот, ¹⁸а на следующий они пришли к нему с такими словами: «Не скрыть нам от тебя, господин наш, что и серебро наше, и скот наш — все к тебе перешло. Нечего нам тебе предложить, кроме наших тел и нашей земли. ¹⁹Неужели нам погибать у тебя на глазах, вместе с нашей землей? Возьми и нас, и наши земли в обмен на зерно — и мы будем, вместе с нашей землей, рабами фараона. Только дай семян, чтобы нам остаться в живых, а земле не прийти в запустение».

²⁰Так Иосиф скупил для фараона все земли в Египте. Египтяне, все до одного, продали ему свои поля — так силен был голод. Вся земля стала собственностью фараона, ²¹а египтян по всей стране — от края до края — Иосиф сделал рабами фараона. ²²Только земли жрецов Иосиф не смог скупить — жрецы были у фараона на содержании и за счет этого кормились, а потому и не стали продавать свои земли.

²³Иосиф сказал египтянам: «Теперь, когда я купил для фараона и ваши поля, и вас самих, возьмите семена и засейте землю. ²⁴Отныне пятую часть урожая вы будете отдавать фараону, а четыре пятых оставлять на

47:11. . . в области Раамсес... — При Раамсесе Втором (1290–1224 гг. до н. э.) в восточной части Дельты, на месте города Такиса, была возведена новая столица — Пер-Раамсес (видимо, давняя имя и окрестной территории).

семена и на пропитание — себе, домашним и детям». ²⁵ Египтяне отвечали: «Ты спас нам жизнь! Ты милостив к нам, господин наш. Отныне мы рабы фараона». ²⁶ Закон, установленный Иосифом, соблюдается в Египте и поныне: фараону отдают пятую часть урожая. Только земледельцы жрецов не перешли к фараону.

²⁷ Израильяне поселились в Египте, в земле Гошен. Там они владели землями, там стали они плодovitы и многочисленны.

²⁸ Семнадцать лет провел Иаков в Египте, а всего он прожил сто сорок семь лет. ²⁹ Когда пришла ему пора умирать, он позвал Иосифа и сказал: «Окажи милость, поклянись мне, коснувшись бедра моего, что ты не забудешь выполнить мою просьбу: не хорони меня в Египте!» ³⁰ Когда я отойду к предкам, то увези меня из Египта и похорони меня в усыпальнице моих предков». — «Я сделаю, как ты сказал», — отвечал Иосиф. ³¹ «Поклянись», — сказал Иаков. Иосиф поклялся, и Иаков, лежавший на постели, склонил голову.

48 Некоторое время спустя, узнав, что отец болен, Иосиф привел к нему своих сыновей, Манассию и Ефрема. ¹ «Пришел твой сын, Иосиф», — сказали Иакову. Тот собрался с силами, сел на постели ² и обратился к Иосифу: «Некогда, в Лузе, в земле ханаанской, мне явился Бог Всесильный. Он благословил меня ³ и сказал: „Я сделаю твой род плодovitым и многочисленным, произведу от тебя множество народов, а эту землю навеки

отдам твоим потомкам“. — ⁴ И вот, теперь, — сказал Иаков Иосифу, — я усыновляю обоих твоих сыновей, которые родились в Египте до моего прихода. Теперь Ефрем и Манассия будут моими, наравне с Рувимом и Симеоном. ⁵ А сыновья, родившиеся у тебя после, — те твои, но причтены будут к родам своих братьев и получают наследство из их доли. ⁶ А моя Рахиль, — сказал Иаков, — умерла в пути, когда я возвращался из Паддана, в Ханаане, неподалеку от Эфраты. Там я и похоронил ее — у дороги на Эфрату (что ныне называется Вифлеем)...»

⁷ И, посмотрев на детей Иосифа, Израиль спросил его: «Кто это?» — ⁸ «Это мои сыновья, — ответил Иосиф, — которых здесь даровал мне Бог». — «Подведи их ко мне, — сказал Израиль, — чтобы я их благословил». ⁹ Старость помрачила глаза Израиля — он ничего не видел. Иосиф подвел к нему детей; Израиль расцеловал их, обнял ¹⁰ и сказал Иосифу: «Я и тебя-то уж не надеялся увидеть, а вот, Бог дал мне увидеть и твоих детей». ¹¹ Иосиф взял своих детей — они были на коленях у Израиля — и поклонился отцу до земли.

¹² Когда Иосиф подвел своих сыновей к Израилю, то Ефрем был справа от него (от Израиля по левую сторону), а Манассия слева (от Израиля по правую сторону). ¹³ Но Израиль возложил правую руку на голову Ефрема, младшего, а левую — на голову Манассии, старшего, так что руки его скрестились. ¹⁴ И благословил Израиль Иосифа такими словами: «Бог — пред лицом Его жили отцы мои, Авраам и Исаак! — Бог, пастырь мой всегда и доныне, ¹⁵ Ангел, избавлявший меня от всякого зла, — да благословит отроков! К роду моему они

48:12 Посадив внуков на колени, Иаков совершил обряд усыновления (ср. 30:3; 50:23).

принадлежат, к роду отцов моих — Авраама и Исаака. Многочисленно будет на земле их потомство».

¹⁷ Увидел Иосиф, что свою правую руку отец возложил на Ефрема, и, приняв это за ошибку, взял руку отца, чтобы переложить ее с Ефрема на Манассию. ¹⁸ «Не так, отец, — сказал Иосиф. — Вот первенец, возложи на него правую руку». — ¹⁹ «Я знаю, — ответил Израиль, — я знаю, сынок. От него тоже произойдет великий народ. И все же младший брат превзойдет его и даст начало множеству племен».

²⁰ Вот слова, которыми Израиль благословил их в тот день: «Благословением вы станете для израильтян. Они будут говорить, благославляя друг друга: „Да сделает тебя Бог подобным Ефрему и Манассии!“» Так поставил он Ефрема впереди Манассии.

²¹ Потом Израиль сказал Иосифу: «Я скоро умру. Но Бог будет с вами и вернет вас в землю ваших отцов. ²² А тебе я даю горный кряж — Шехем: ты будешь выше, чем братья. Я отбил его у амореев мечом и стрелами».

49 Созвал Иаков своих сыновей:

- «Соберитесь: я скажу вам,
что вас ждет в грядущем.
² Сойдитесь, слушайте,
сыны Иакова, —
Израиля слушайте, отца своего!
³ Рувим, мой первенец, моя мощь,
первый плод моей силы мужской,
всех он выше —
само могущество!
⁴ Безудержный, как воды,
больше первым не будешь ты,
раз возлег на постель отца —
попрал, осквернил мое ложе!

- ⁵ Симеон и Левий, братья,
чьи ножи — оружие жестокости!
⁶ Не участник я их замыслов,
к их ватаге я непричастен.
Прогневаются — убивают людей,
потешаются — калечат быков.
⁷ Проклят гнев их, что так жесток,
и их ярость, что столь свирепа!
Средь сынов Иакова разметаю их,
рассею средь сынов Израилевых!
⁸ Иуда, братья восхвалят тебя!
Твоя рука — на загривке врагов,
пред тобою склонятся
братья твои.
⁹ Ты как лев молодой, Иуда, —
над добычей вздымаешься,
сын мой.
Словно лев в засаде
к земле припал —
кто осмелится
льва потревожить?
¹⁰ Не выпадет жезл из рук Иуды,
правителя посох у ног его.
Время придет — он получит дань
и народы ему покорятся.
¹¹ Для осла у него привяжь —
виноградная ветвь,
винная лоза — ослиатам привяжь.
Одежды свои он полощет в вине,
свои ризы —
в крови виноградной.
¹² А глаза его — темнее вина,
молока белее зубы его.
¹³ Завулон будет жить
на морском берегу,
где корабли пристают.
И граница его — у Сидона.

49:7 ...*рассею средь сынов Израилевых!* — Племя Левия не имело собственной территории. Племя Симеона, согласно Нав 19:1-9, владело отдельными селениями на территории племени Иуды. 49:13 ...*у Сидона*. — Нередко название города Сидон служило обозначением всей Финикии (с которой граничила территория племени Завулона).

- ¹⁴Иссахар — это крепкий осел,
что разлегся среди вьюков;
¹⁵он увидал, что покой хорош,
что прекрасна эта земля,
и подставил спину под ношу,
подневольным стал.
¹⁶Дан будет править
народом своим:
это тоже одно
из племен Израиля.
¹⁷Да будет Дан змеей на дороге,
ядовитой змеей при пути.
Ужалит коня в ногу —
и всадник падет навзничь.
¹⁸(Спаси, Господи!
На Тебя надеюсь!)
¹⁹Налетят на Гада грабители —
по пятам полетит он грабить их.
²⁰У Асира обильна пища,
царские яства поставляет он.
²¹Неффалим — это вольная лань,
что рождает
прекрасных детенышей.
²²Иосиф — лоза плодовая,
плодовая лоза у источника.
Ее ветви обвили стену.
²³Нападали на него,
враждовали с ним,
воевали с ним искусные лучники.
²⁴Но тугим непрестанно
был лук его,
ведь источник силы рукам его —
руки Крепкого, Бога Иаковлева,
и имя Пастыря, Скалы Израиля!
²⁵Он — твой отчий Бог,
Он поможет тебе,
Он — Всесильный,
Он благословит тебя.
Благословенья высокого неба,
благословения глубокой бездны,
благословенья сосцов и утробы,
²⁶благословенья цветов и колосьев,
благословения древних гор,
щедрый дар вечных холмов —
главу Иосифа да осенят —
темя избранника среди братьев.

²⁷Вениамин — это хищный волк:
утром жертву свою грызет,
вечером разрывает добычу».

²⁸Таковы двенадцать израильских
племен — и благословения, которые
им дал отец. Каждому племени —
свое благословение.

²⁹Иаков сказал сыновьям: «Скоро
мне уходить к предкам. Похороните
меня рядом с моими предками, в пе-
щере, что на поле Эфрона-хетта. ³⁰Эта
пещера — на поле Махпела, рядом
с Мамре, в земле ханаанской, а поле
Авраам купил у Эфрона-хетта как
место для погребения. ³¹Там похо-
ронены и Авраам с Саррой, и Исаак
с Ревеккой, там я и Лию похоронил.
³²И поле, и пещера, что на нем, купле-
ны у хеттов». ³³Дав сыновьям такой
наказ, Иаков лег на постель и скон-
чался, и отошел к предкам.

50 Иосиф припал к телу отца и,
рыдая, целовал лицо усопше-
го. ²Своим рабам-врачам он велел на-
бальзамировать тело Израиля. ³Со-
рок дней, как положено, врачи баль-
замировали тело, и семьдесят дней
египтяне оплакивали усопшего. ⁴Ког-
да время траура кончилось, Иосиф
попросил приближенных фараона:
«Сделайте милость, скажите фарао-
ну, что мой отец взял с меня клятву:
когда он умрет, я должен похоронить
его в Ханаане, в усыпальнице, кото-
рую он заранее приготовил для себя.
Я прошу позволения пойти и похоро-
нить отца — а потом вернуться». ⁵И фа-
раон разрешил: «Иди и похорони
отца. Выполни клятву».

⁶Иосиф отправился хоронить от-
ца, и с ним пошли все вельможи фа-
раона, и все старшие сановники,
и все старейшины земли египет-
ской, ⁷и вся семья Иосифа, и все его

братья, и весь его род — в земле Гошен остались только их дети и скот. ⁹И колесницы сопровождали его, и конница, и великое множество народа. ¹⁰Дойдя до Горен-Атада, что за Иорданом, они подняли там великий и горький плач — семь дней оплакивали они Иосифова отца. ¹¹Ханааней, жившие в той земле, увидели траур в Горен-Атаде и воскликнули: «Как горько плачут египтяне!» (Потому-то и называется это место за Иорданом Авел-Мидраим.)

¹²Сыновья выполнили волю отца: ¹³принесли его тело в Ханаан и похоронили в пещере на поле Махпела, что некогда было куплено Авраамом у Эфрона-хетта как место для погребения — неподалеку от Мамре. ¹⁴После похорон Иосиф, его братья и все сопровождавшие вернулись в Египет.

¹⁵Теперь, после смерти отца, братья Иосифа задумались: «А что если Иосиф по-прежнему зол на нас и захочет отплатить за горе, которое мы ему причинили?» ¹⁶И они велели передать Иосифу: «Перед смертью отец завещал ¹⁷сказать тебе: „Прошу тебя, прости братьям их грех, их вину — то зло, которое они тебе причинили“.

Так прости же нас, ведь мы рабы твоего отчего Бога!» Иосиф плакал, слушая эти слова.

¹⁸Братья пришли, простерлись перед ним на земле и сказали: «Отныне мы твои рабы!» — ¹⁹«Не бойтесь, — ответил Иосиф. — Разве я Бог? ²⁰Вы замыслили против меня зло, а по Божьему промыслу оно обернулось добром: скольким людям это спасло жизнь! ²¹Не бойтесь. Я буду заботиться и о вас и о ваших детях». Этими словами он успокоил и утешил их.

²²Так Иосиф поселился в Египте вместе со всем своим родом. Он прожил сто десять лет; ²³ему довелось увидеть своих правнуков — внуков Ефрема — и взять на колени новорожденных детей Махира, сына Манассии.

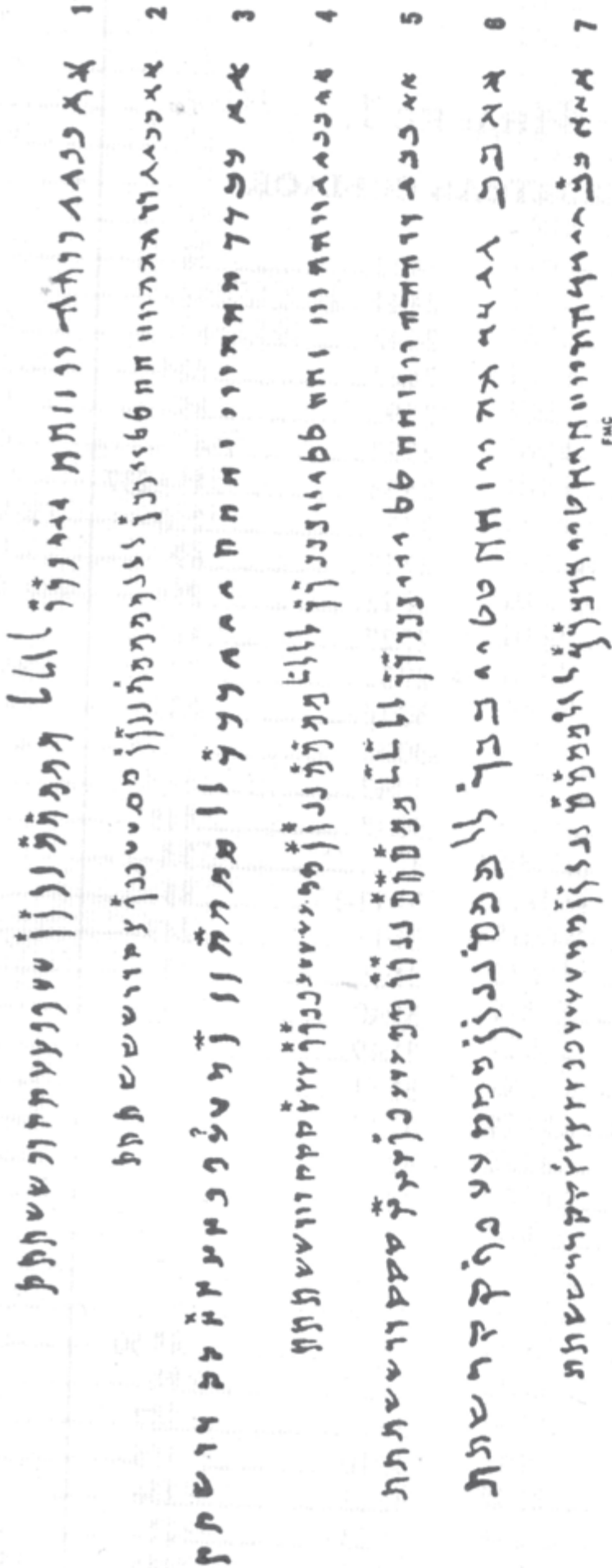
²⁴«Я скоро умру, — сказал Иосиф братьям. — Но настанет день, когда Бог вспомнит о вас и уведет вас отсюда в ту землю, которую Он поклялся отдать Аврааму, Исааку и Иакову». ²⁵И Иосиф взял с сынов Израилевых клятву, что когда Бог вспомнит о них, они унесут с собой из Египта его останки. ²⁶Иосиф умер в возрасте ста десяти лет. Его останки набальзамировали и положили в гроб, в Египте.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО БИБЛЕИСТИКЕ (СОСТ. И. ТАНТЛЕВСКИЙ)

Возникновение и эволюция алфавитного письма

Латинский алфавит	A B G D E F Y Z H I K L M N O P Q R S T
Названия греческих букв	alpha beta gamma delta epsilon (digamma) upsilon zēta eta thēta iota kappa lambda mu nu xi omicron pi (san) (koppa) rhō sigma tau
Классическое греческое письмо (Афины; V в. до н. э.)	A B Γ Δ Ε Υ Ζ Η Θ Ι Κ Λ Μ Ν Ξ Ο Γ Ρ Ω Τ
Ранний греческий алфавит (VIII в. до н.э.)	A B Γ Δ Ε Ζ Η Θ Ι Κ Λ Μ Ν Ξ Ο Γ Μ Ϟ Ρ Σ Τ
Названия еврейских букв	'alep bêt gîmel dāleṭ hē waw zayin hêt têt yôḡ kâḡ lāmed mēm nûn sāmek 'ayin pē' sadē qôḡ rēs šîn taw
Еврейское «квадратное» письмо	א ב ג ד ה ו ז ח ט י כ ל מ נ ס ע פ צ ק ר ש ת

Архаичные документы из Элефантины (V в. до н.э.)	א ב ג ד ה ו ז ח ט י כ ל מ נ ס ע פ צ ק ר ש ת
Палеоеврейское письмо	א ב ג ד ה ו ז ח ט י כ ל מ נ ס ע פ צ ק ר ש ת
Силоамская надпись (к. VIII в. до н.э.)	א ב ג ד ה ו ז ח ט י כ ל מ נ ס ע פ צ ק ר ש ת
Финикийский алфавит (к. 1000 г. до н. э.)	א ב ג ד ה ו ז ח ט י כ ל מ נ ס ע פ צ ק ר ש ת
Прото-ханаанское письмо	א ב ג ד ה ו ז ח ט י כ ל מ נ ס ע פ צ ק ר ש ת
Прото-синайское письмо	א ב ג ד ה ו ז ח ט י כ ל מ נ ס ע פ צ ק ר ש ת

Line 1. The classical Aramaic cursive of the late Persian Empire. From Papyrus Luparensis, *CIS (pars secunda)* I:1, 146 A, B, Tab. xvii. Ca. 375-350 B.C. A script of this character was the proto-type of the formal Jewish hand.

Line 2. An Aramaic vulgar cursive of the early third century B.C. from Egypt.

Line 3. An Archaic proto-Jewish hand of the mid-third century B.C. From an unpublished manuscript of Exodus from Qumrān (4QEx^a). The script includes letter forms which ultimately evolve into the early Jewish cursive character.

Line 4. The proto-Jewish formal hand of the late third century B.C.

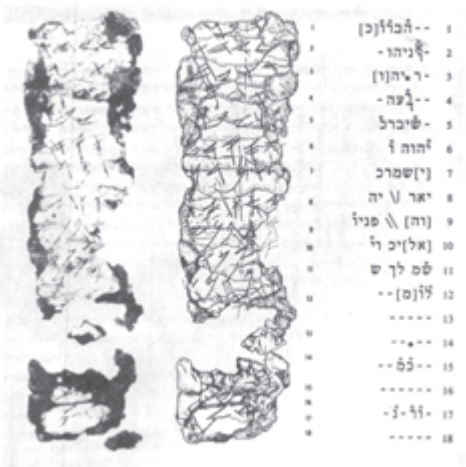
Line 5. The proto-Jewish formal hand of ca. 200-175 B.C. From an unpublished manuscript of Jeremiah from Qumrān (4QJer^a).

Line 6. An Archaic or early Hasmonaean semiformal script of ca. 175-125 B.C.

Line 7. An Archaic or early Hasmonaean semiformal script of ca. 175-125 B.C.

Originally all scripts were traced from photographs of natural size with the exception of line 2, traced from a reduced photograph.

Священническое благословение из Кетеш Хиннома (ок. 650–600 гг. до н. э.), формулировка которого несколько отличается от масоретской

Масоретский текст Числ. 6:24–26 может быть переведен следующим образом:

Да благословит тебя ГОСПОДЬ и сохранит тебя!
 Да призрит на тебя ГОСПОДЬ светлым Ликом Своим
 и помилует тебя!
 Да обратит ГОСПОДЬ Лик Свой на тебя
 и даст тебе мир!

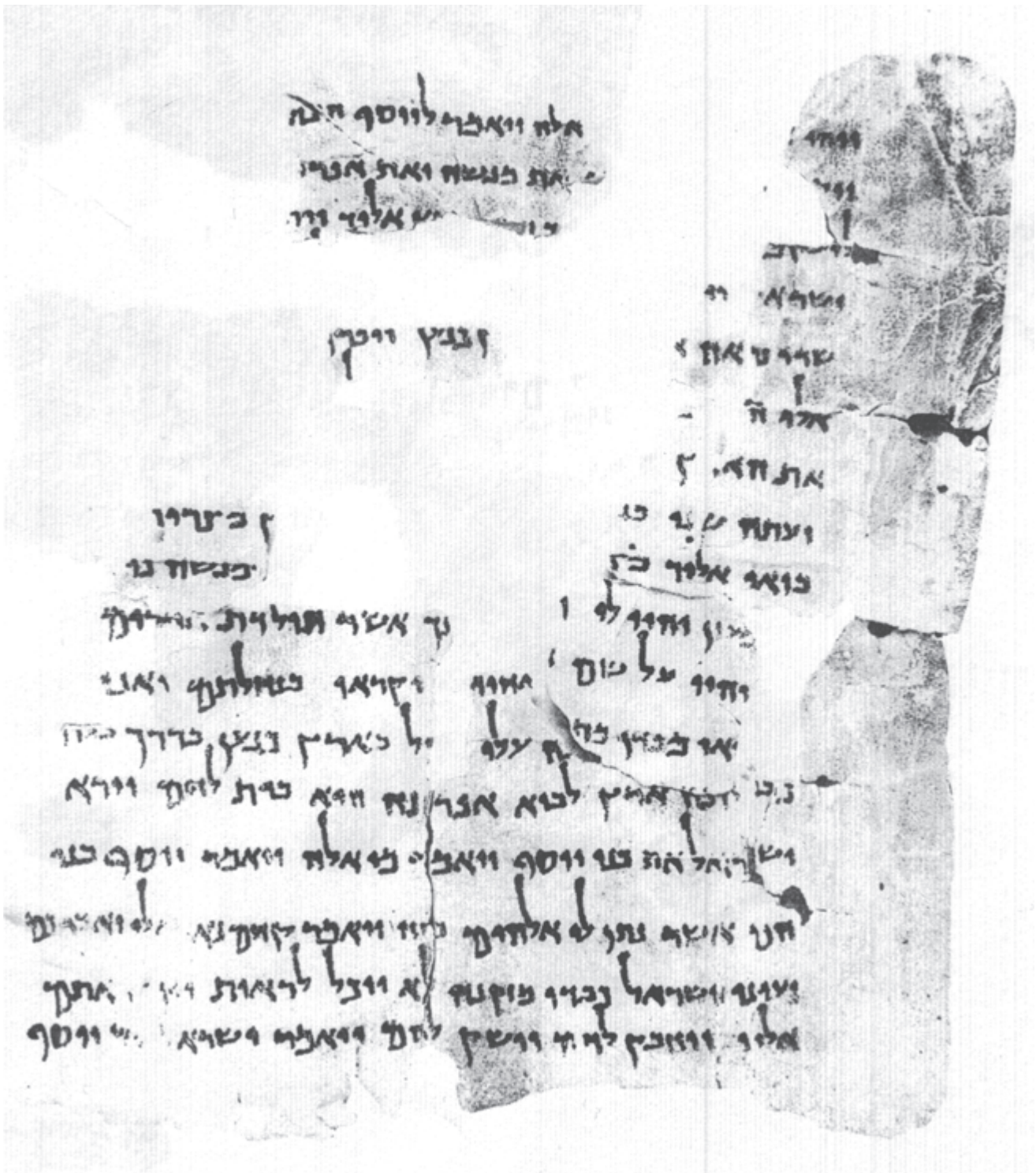
Текст свитка II содержит сокращенную версию этого благословения: здесь отсутствуют слова יְהוָה (и «помилует тебя»; ст. 25) и יְהוָה יְפַנֵּי אֱלֹהֵיךָ («да обратит ГОСПОДЬ Лик Свой на тебя»; ст. 26).

Медный свиток из пещеры № 3 Кумрана

Наиболее крупный из дошедших до нас фрагментов «Истории Иосифа» (Быт. 48:1-11; середина I в. до н. э.; Кумран, 4QGen^a)

1	וַיְהִי אֲחֵרַי (י) הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה וַיֹּאמֶר לְיוֹסֵף הִנֵּה [אֲבִיךָ חַלְהָ]	1
2	וַיִּקַּח אֶת שְׁנֵי בָנָיו עִמּוֹ אֶת מְנַשֶּׁה וְאֶת אֶפְרַיִם ² [וַיִּגְדַּל]	2
3	לְיַעֲקֹב [וַיֹּאמֶר הִנֵּה בְנִי יוֹסֵף בָּא אֵלַיךָ וַיִּתְחַזַּק]	3
4	יִשְׂרָאֵל וַיֵּשֶׁב עַל הַמִּטָּה ³ וַיֹּאמֶר יַעֲקֹב אֵל [לְיוֹסֵף אֵל]	4
5	שְׂדֵי נֹרְאָה אֵלַי בְּלוֹז (ה) בְּאֶרֶץ כְּנַעַן וַיְבָרֶךְ [אֹתִי ⁴ וַיֹּאמֶר]	5
6	אֵלַי הַנְּנִי מִפֶּרֶךְ וְהִרְבִּיתֶךָ וְנִתְתִּיךָ [לְקַהֵל עַמִּים וְנִתְתִּיךָ]	6
7	אֶת הָאָרֶץ [הַזֹּאת לְזֵרַעְךָ אַחֲרֶיךָ אַחֲזֹת עוֹלָם]	7
8	⁵ וְעַתָּה שְׁנֵי בְנֵיךָ הַנּוֹלָדִים לְךָ בְּאֶרֶץ מִצְרַיִם [עַד]	8
9	בּוֹאֵי אֵלַיךָ מִצְרַיִם לִי הֵם אֶפְרַיִם וּמְנַשֶּׁה כֹּחַ [אֲבוֹנִי]	9
10	[וְ(כ)ש] מִעֹנֵן יֵהְיוּ לִי ⁶ [וְ(מֹלֶדֶת)ךָ אֲשֶׁר הוֹלַדְתָּ אֲחֵרַיִם]	10
11	[לְךָ] יֵהְיוּ עַל שֵׁם אֲחִיהֶם [יִקְרְאוּ בְּנַחֲלָתָם ⁷ וְאֵנִי]	11
12	[בְּבֹאֵי מִפְדָּן מִתָּה עֲלַי [ר]חֵל בְּאֶרֶץ כְּנַעַן בְּדֶרֶךְ בְּעוֹד]	12
13	כְּבָרְתָה אֶרֶץ לְבוֹא אֶפְרַתָּה הִיא בֵּית לֶחֶם ⁸ וַיִּרְא	13
14	יִשְׂרָאֵל אֶת בְּנֵי יוֹסֵף וַיֹּאמֶר מִי אֵלֶּה ⁹ וַיֹּאמֶר יוֹסֵף בְּנֵי	14
15	הֵם אֲשֶׁר נָתַן לִי אֱלֹהִים בְּזֹה וַיֹּאמֶר קַחם נָא אֵלַי וְאֲבָרְכֶם	15
16	¹⁰ וְעֵינֵי יִשְׂרָאֵל כִּבְדוּ מִזְקְנָה לֹא יוּכַל לִרְאוֹת וַיִּגַּשׁ אֹתָם	16
17	אֵלָיו וַיַּחֲבֹק לָהֶם וַיִּשָּׂק לָהֶם ¹¹ וַיֹּאמֶר יִשְׂרָאֵל אֵלָּהּ יוֹסֵף	17

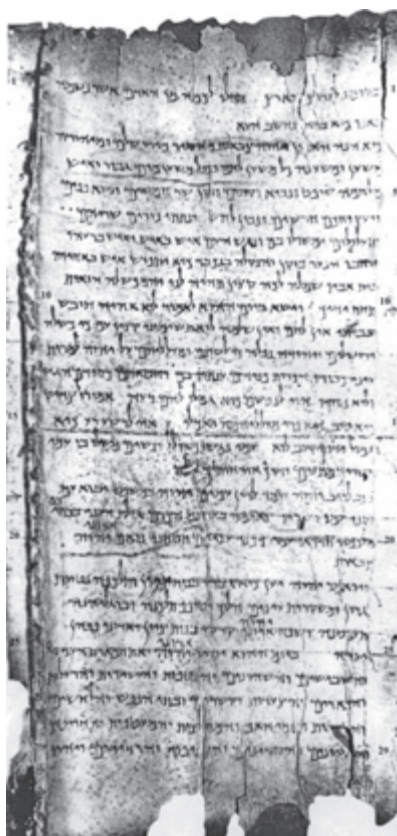
Portions of Gen 48:1-11 are preserved from this manuscript, which is written in : late Hasmonaean formal hand dating from about the middle of the first century BCE.

The manuscript has the following seven orthographic variations from $\Pi\omega$:

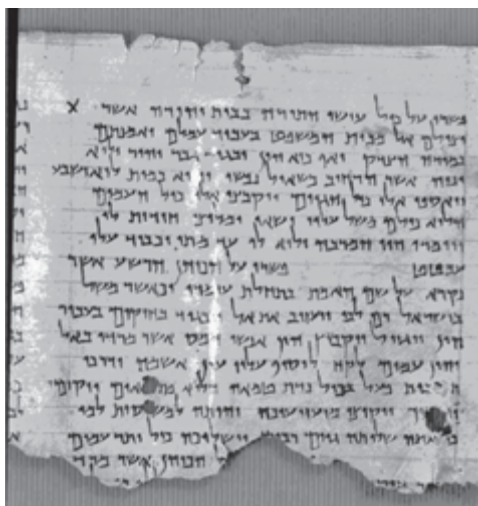
48:3	(5)	$\Pi\omega$ שרדי] שרדי $\Pi\omega$ ^{ap}
48:5	(9)	$\Pi\omega$ באי] באי
48:7	(12)	$\Pi\omega$ בבאי] [בב]אי
48:7	(13)	$\Pi\omega$ לבא] לבוא
48:7	(13)	$\Pi\omega$ אפרח] אפרחה (see VAR.)
48:10	(16)	$\Pi\omega$ יכל] יוכל
48:10	(16)	$\Pi\omega$ ויניש] ויניש $\Pi\omega$ ^{ap}

There is an error in Gen 48:6 (line 10); 4QGen^f reads אחרים. The reading is clear in the manuscript, but it is an obvious mistake for אחריהם.

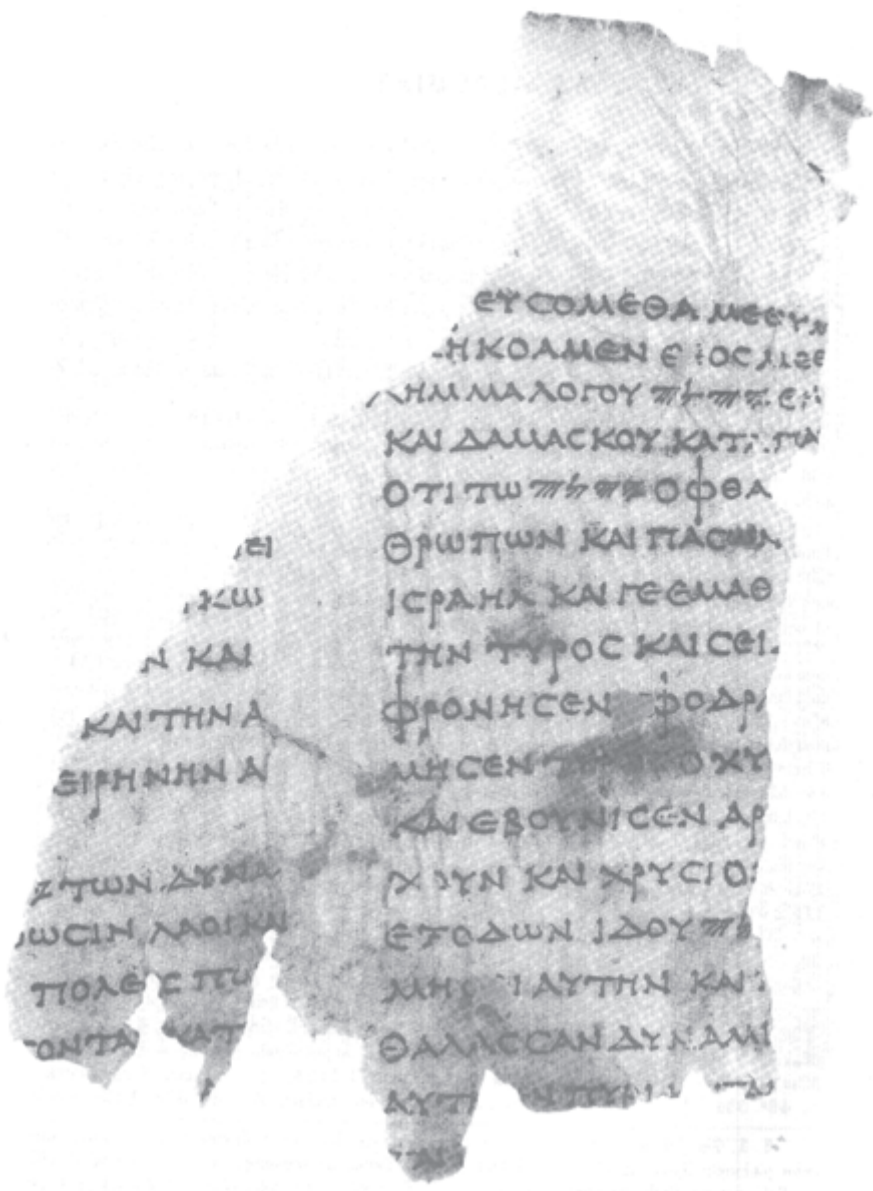
Фрагмент свитки Исаяи из Кумрана (1QIs^a); 2:21–3:24 (II в. до н. э.)

Кумранский Комментарий на Аввакума, кол. 8. (вероятно, начало I в. до н. э.)

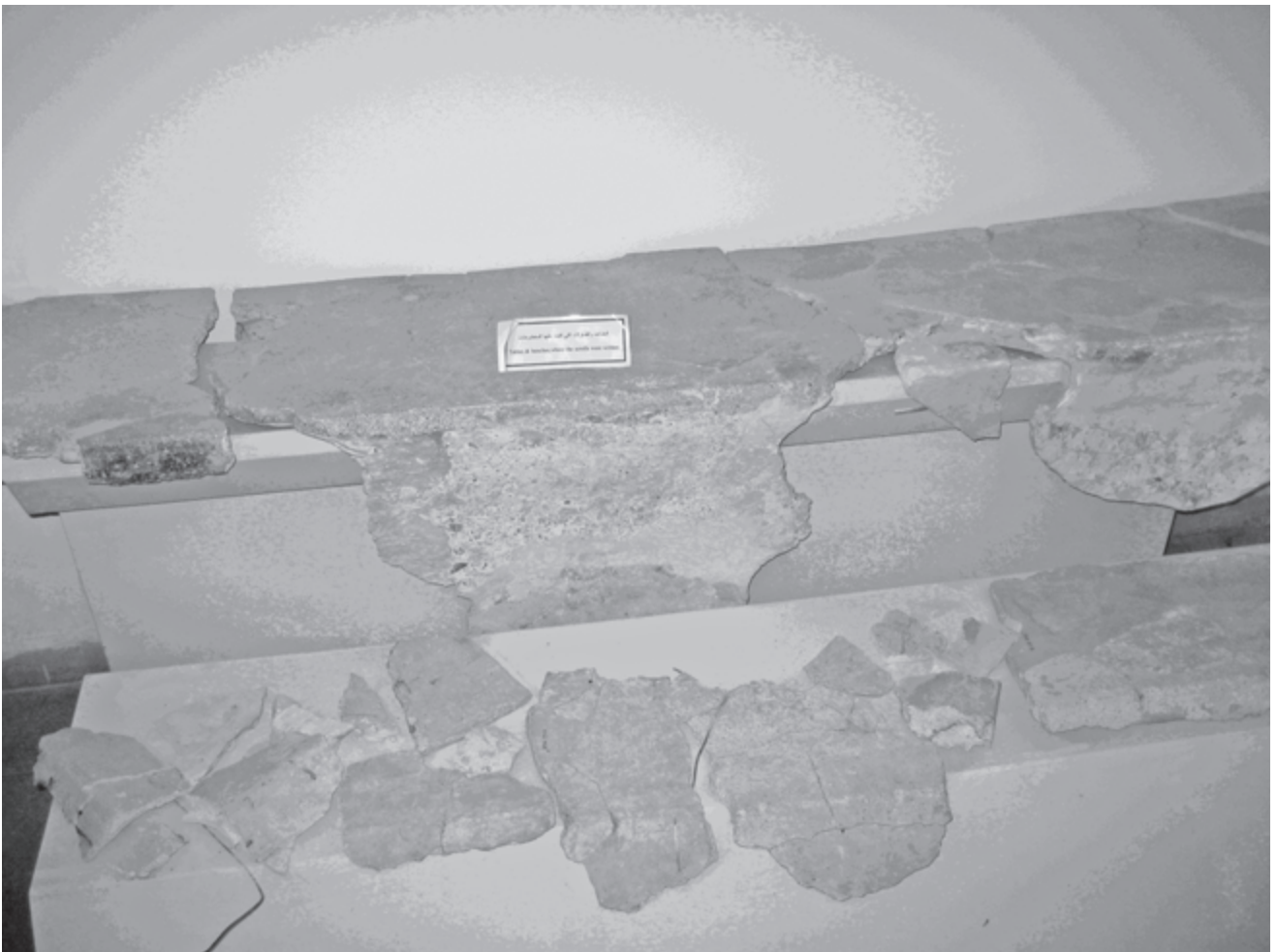
Фрагмент греческого свитка Малых пророков из Нахал-Хевр (8Hev Twelve Minor Prophets Greek); I в. н. э. (Зах. 8:19–9:5)

Кумранские сосуды, в которых помимо продуктов хранили также свитки (в больших кувшинах) и монеты (в малых сосудах)

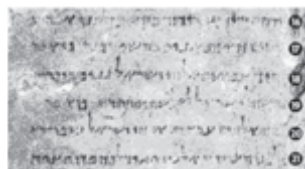
Фрагменты скамей и столов, на которых переписывались рукописи

Медная чернильница, обнаруженная в Кумране

«Видение Гавриила», записанное чернилами на камне (конец I в. до н. э.–начало I в. н. э.)

16. [ו]החסידין עבדי דוד בקש מן לפני אמ/פרים
17. [ ] שים האות אני מבקש מן לפני כי אמר
18. [י]הוה צבאות אלהי ישראל גני..וכרי.
19. קדשה לישראל לשלשת ימין תדע כי אמר
20. יהוה אלהים צבאות אלהי ישראל נשבר הרע
21. מלפני הצדק שאלני ואגיד לכה מה הצמח

«Ковровая» страница из Петербургского Пятикнижия 929 г.

Иллюстрации, релевантные библейской «истории Иосифа»

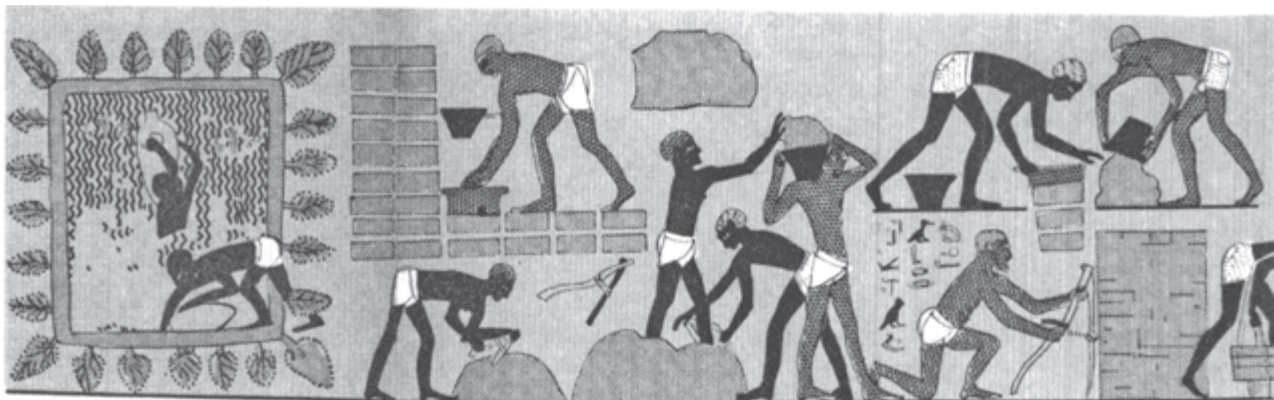
Прорисовка настенной фрески в гробнице Хнум-хотепа в Бени-Хасане (ок. 1890 г. до н. э.), на которой изображен приходящий из страны Шуту, т. е. сутиев, в Египет аморейский караван с различными товарами и оружием. Во главе каравана стоял некий Авишар, один из правителей чужеземных стран (гиксос)

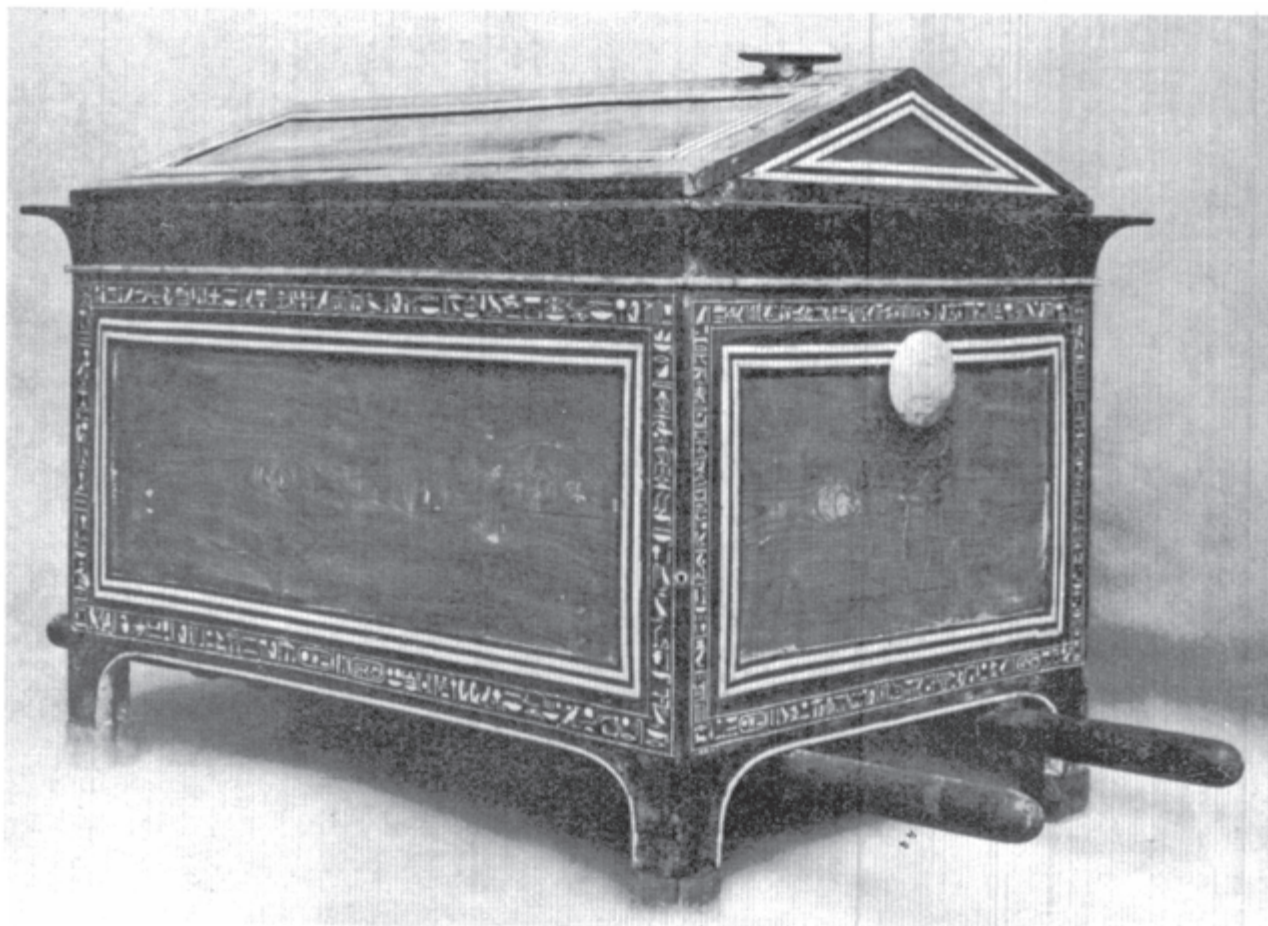
Фараон Эхнатон и его жена Нефертити, прогуливающиеся в саду

Мумия фараона Рамсеса II

Производство кирпичей в Египте. Настенное изображение в гробнице визиря Рехмира (ок. 1460 г. до н. э.). Ср. Исх. 1:14

Ларец из кедрового дерева, принадлежавший фараону Тутанхамону. Возможно, он схож по форме с библейским Ковчегом Завета

Гробница Иосифа. 1839 г.
Рисунок Давида Робертса

Гробница Иосифа.
Фото начала 1900-х гг.

Традиционная локализация гробницы патриархов — «пещеры в поле Махпелы» — в Хевроне. Согласно *Быт.*, гл. 23, 25:9–10, 35:27–29, 49:29–32, 50:13, в этой родовой гробнице были погребены Авраам, Исаак и Иаков, а также Ревекка и Лея. Согласно традиции, зафиксированной в апокрифических «Завещаниях двенадцати патриархов», здесь были погребены и сыновья Иакова-Израиля, включая Иосифа (ср., однако, *И. Нав.* 24:32; «Книгу Юбилеев» 46:9–10; ср. также *Деян.* 7:15–16)

Сооружение, окружающее погребения патриархов, было возведено, вероятнее всего, при иудейском царе Ироде (37–4 гг. до н. э.)

Пещера (цистерна) у внешней стены гробницы

/ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ
«СРЕДНИЕ ВЕКА: РАССКАЗЫ ИММАНУИЛА РИМСКОГО»

ИММАНУИЛ РИМСКИЙ (1261—1328)

Махберет 2

Перевод Шломо Крола

Сказал Иммануэль сочинитель: | вот, я поведал, как отчую обитель | оставил я по воле Бога
превозносимого, | и как рок привел меня в дом князя, светоча негасимого, | что ведом в Иудее
и в Израиле велико имя его, | дабы он посадил меня со щедрыми, со щедрыми народа своего. |
и наслаждались мы дружбой радостной, | и говорили о поэзии сладостной, | и о стихах высоких, | красе
странблизких и далеких. | и все видевшие нас, к нам прибегали, | ибо то, о чем им не сказывали —
видели, и то, о чем не слыхивали — постигали. | и добром поминали нас все поэты, что были в те
времена, | и носили нас на руках, и поднимали на рамена, | их уста до небес наше величие возводили, |
и наш престол они выше Божьих звезд утвердили. | и щедрые из народов к нам притекали, | ибо от
наших речей себе взять алкали, | и, когда снисходил на них дух наш — прорицали и пророчества их не
исякали. | и устами своими они славу нам воздали, | говоря, что увидели в нас то, чего ни в ком не
видали. и был день, и вышли мы к старейшинам, что у врат. | а там князья и вельможи сидят, |
и разумных сердцем мудрецов отряд. | И, когда они увидели нас издалека, | мы же к ним не
приблизились пока, | ликованье слетело с их языка, | и смех исполнил уста их, и радость их была велика. |
и сказали: “Приидите в весельи, о учености столпы, | несущие с собою мудрости снопы! | Как почтенно
сие собрание совета и суда, | коли первых среди поэтов привела удача сюда!” Слова их исполнили наши
сердца гордостью за нашу славу, | ибо рок нас возвысил над сими мужами по праву. | и поклонились мы
им по нашему благородству и доброму нраву. | и сказали мы друг другу: сделаем себе имя | новыми
песнями и реченьями пред ними, | и загадками сладкими, да будут они наследием для нас, | дабы
узнали сии мужи, сколь наша слава над ними превознеслась! и было, когда мы сели во главе сего вече, |
и вот, толпа женщин проходила недалече, | и во главе | шли госпожи две | в одеяниях цариц: пурпур
и виссон, на главах — большие венцы из золота, | и одеянье золотыми уборами украшено богато. | и одна
— вся вселенная красую ее полна, | и когда бы жила во дни Ноя — взошла бы в ковчег она, | словно
изделе из сапфира и словно сами небеса ясна, | и прелесть ее поражает всех тех, кто на нее глядят, |
и мы с изумлением вперяли взгляд. | Исполнясь духа ее, могли бы пророчествовать Эльдад и Мейдад.
а вторая — негодование, ярость и бедствие — ее черты, | они чернее самой черноты, | она в гнев
шествует по земле, а они кричат: “Мы нечисты, нечисты!” | И, увидев ее издали, думал я поклониться
пред лицом госпожи, | но как подошла, сказал я себе: “Уж лучше плач скорбный сложи.” | “Да
сокрушится мышца ее!”, — сказали все мужи. | Такого ужаса не найдешь, хоть обойди все египетские
рубежи. | Ее черты безобразием поражали, | и у кого был сладкий смех на устах, в гортани его
удержали, | ибо возросло в очах у старцев горе, | при виде прѳклятой, умащенной благовониями,
в богатом уборе, | в украшениях из золота и лазори. | “Побить ее камнями”, — говорили все, друг другу
вторя, — | “ибо если она будет жить, вернет мироздание в хаос вскоре. | Бывало ли что-нибудь такое?
Слыхивал ли кто-то о таком позоре?” | и сказал весь народ, который при воротах, и старейшины, что
были там: | “Сия рождена в наказание за грехи, что сотворил Иеровоам. | Так не возвратимся в дома

наши, | пока не закончится стихотворный бой, | и о сих госпожах, одной и другой, | мы не скажем речей, в коих высокий слог и строй." | и сказал я князю почтенному, благообразному: | "О двух госпожах расскажем вместе по-разному. | Один из нас будет славить прекрасную, | а другой — бранить ужасную. | и поплывем во хвале и в хуле, покуда не разверзнутся все хляби слога и все окна поэзии не отворятся, | покуда пред нами все дщери пения не умолкнут и не покорятся." | и сказал князь: "Поелику прелестную жену дал тебе рок в своем благоволеньи, | да будет задачей тебе — красавицы восхваленье. | а прѡклятой придется заняться мне, | и воздать хулу сей безобразной жене, | и принести ей жертву на чуждом огне." | и понравилась всем слушавшим речь такая, | и приклонили они к нам уши свои, нашим речам вникая, | и начал я красавицу хвалить, | а князь начал, насыщая речь поношением и бранью, безобразную хулить.

И ответствовал я, и сказал: Тамар посмотрит на небо — и сведет с небес воинство светил, | посмотрит на землю — и пробудит мертвецов из могил.

И сказал князь: Брия гадюку убьет взглядом, | сам черт убежал бы, окажись он с ней рядом.

И ответствовал я, и сказал: Тамар — не поддается описанию ее краса. | и если бы встретили ее ангелы Божьи, сказали бы: "Воспарим вместе на небеса!"

И сказал князь: Брия сгодится во время сбора винограда, | для того, чтобы прицепить ее к дереву, чтоб отпугивала волков от сада.

И ответствовал я, и сказал: Тамар — если бы ангелы ее увидели, | выставили бы на знамя свое в утешенье тем, кого рок или люди обидели.

И сказал князь: Брия — удивляюсь я, как не посадили ее в клетку и не поставили на столпе, | чтобы выставлять ее вместо обезьяны на потеху толпе.

И ответствовал я, и сказал: Тамар скажет, увидев солнца восход: | "Плешивый идет! Плешивый идет!"

И сказал князь: Брия — если бы, когда отец мой умер, я знал о ней, | представил бы ее, чтобы боль моя стала сильнее.

И ответствовал я, и сказал: Тамар прелестью прорвала все пределы, | и, если бы увидели ее ангелы, то забрали бы в горнего Храма приделы.

И сказал князь: Брия — давно убил бы ее рок громовым раскатом и стрелой огневою, | лишь для того, чтобы в день гнева увеличивала скорбь, оставил ее живою.

И ответствовал я, и сказал: Тамар посмотрит из окна, | и скажет: "Солнце, в Гивоне остановись, и в Аялоне — луна!"

И сказал князь: Брия — если бы мне случилось в новолетье на нее посмотреть, | я бы остерегся, чтоб не застигла меня беда и мне не умереть.

И ответствовал я, и сказал: Тамар красотой своей превзошла всякую меру | и прелестью посрамит Юпитер и Венеру.

- И сказал князь: Брия — если бы я вспомнил о ней, когда с ланью на ложе зелени находился, | во всю ту ночь я бы не наслаждался.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар взяла у красоты от ее наилучших украшений | и вершины — у ее высочайших возвышений.
- И сказал князь: Брия — если бы все женщины были, как она, | то и заповедь о наготы была бы не нужна.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — великолепа ее статья. | Все светила померкнут — а она будет блистать.
- И сказал князь: Брия, если бы оказалась на небесах, | охватил бы всех ангелов страх.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — по красоте, величию и благонравью, ей равных нет. | Убывает луна — но не убудет очей ее свет.
- И сказал князь: Брия — удивительно, как не ставят ее пред собой иудеи, читая плач о разрушенном Иерусалиме, | и как черти до сих пор не посадили ее царствовать над ними.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — основания ее вырезаны из драгоценных камней. | Хотел бы я быть блохой и умереть меж ногтей у ней.
- И сказал князь: Брия сотворена лишь для того, чтобы, глядя на нее, людей брала тоска | и чтобы когти ее разрывали бедняка.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — о, как хотел бы я под ногами ее быть пылью земною, | или ослом, чтобы она узами любви правила мною.
- И сказал князь: Брия — сомневаюсь я, что иудеи увидят Мессию в ее годы. | и как это земля не сделала из-за нее бесплодными все народы?
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — рок не придумал большей радости, чем на нее взирать, | и страшнее, чем разлукой с ней, не может покарать.
- И сказал князь: Брия испугает и смутит всякого, кто бросит на нее взгляд. | Даже молча, она говорит: "Вот, я иду в ад!"
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — вышел я в полночь раз и два раза, | чтобы посмотреть, есть ли среди звезд столь прекрасные, как два ее глаза.
- И сказал князь: Брия — стыд для всего своего народа. | и как возможно поминать имя Божье вблизи эдакого уроды?
- И отвечивал я, и сказал: Я изумился, как это солнечный свет без причины померкнуть мог, | пока не увидел Тамар, стоящую на распутье дорог.
- И сказал князь: Пред мерзостью Брии любая мерзость мала, | и описать ее бессильна брань и хула.
- И отвечивал я, и сказал: Если бы даже видели мы Тамар в месяц лишь раз, | и то поклонились бы Господу со всем благоговением, что есть у нас.

- И сказал князь: Брия всю мерзость и весь позор стяжала. | Рот ее — как посудина, полная кала.
- И отвечивал я, и сказал: Я изумился, взглянув на небо и в нем Венеру не найдя, | пока не увидел Тамар, что предстала пред Венерой, ее устыдя.
- И сказал князь: Если бы Брия была во дни Иегошуа, ее бы пригнали, | чтобы она встала для проклятия на Эйвале.
- И отвечивал я, и сказал: Если бы Тамар была в выси небосвода, | не служили бы солнцу и луне народы.
- И сказал князь: Если бы я был первосвященником в Израиле, то свершил бы над Брией очищенье | и отослал бы ее в пустыню для отпущенья.
- И отвечивал я, и сказал: Когда бы мог я мечтать о том, чтобы Тамар после смерти моей меня возлюбила, | сказал бы тогда: "Лучше жизни — могила!"
- И сказал князь: Брия — не ангел и не дух бесплотный ее изображал, | ибо всякий, кто видел ее — от страха дрожал.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — подруга красоты неземной, | если бы увидело солнце ее, не соединилось бы с луной.
- И сказал князь: Брия — создали ее злые духи | в день пораженья великого и разрухи.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — если бы жила в моисеевы времена — | долей Моисея была бы она.
- И сказал князь: Брия — в день мрака мать ее понесла, | когда была тьма, туча и мгла.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — если бы знал ее Аарон, то, право, | ее восхотел бы, а не Элишеву, дочь Аминадава.
- И сказал князь: Я видел, как Брия пронзила мне почки своей стрелой. | Не буду бранить ее, чтобы не преуменьшить срама ее своею хулой.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — совершенство красоты и радость любого государства. | Если бы жила она во дни Шломо — не венчал бы он Батию на царство
- И сказал князь: Брия — блажен, кто умрет в день ее смерти, | ибо, хлопоча о ней, оставят его в покое черти.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — нега времени, с ней ничто не сравнимо. | Знал бы о ней Бецалель — по образу ее сделал бы херувима.
- И сказал князь: Уродства Брии устанет перечислять язык. | Клянусь жизнью, узрели бы ее мертвецы — сбежали бы из гробов в тот же миг.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар скрывает солнце своими очами, | как солнце скрывает звезды своими лучами.

- И сказал князь: Скажу я: "Боже! Умертви Брию, а меня оживи, | или оживи ее, а меня умертви!"
- И отвечивал я, и сказал: Тамар у времени — ожерелье его чела | и от светильника Бецалея она стебель и ветви взяла.
- И сказал князь: Боже, от Брии, что Ты во вражду мне восставил, избави меня и оборони! | а нет — так в книге, что Ты начертал, имя мое зачеркни.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — прекраснейший плод урожая и отборнейший нард всего света. | я бы обнял ее, даже если бы держал в руках скрижали завета.
- И сказал князь: Клянусь жизнью, Брию родили не муж и жена, | а из плесени, вони и мерзости она рождена.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — у нее, а не у Бат-Шевы, жены Урии, красота, | и у ее речей, а не у речей Исаяи, чистота.
- И сказал князь: Говорит время при жизни Брии: "Родилась она мне на беду", | а по смерти ее скажет: "Бог положил конец моему стыду!"
- И отвечивал я, и сказал: Если бы Тамар была среди ангелов горних, они всю страсть свою бы | устремили к ней и не приняли бы заповедь "Не сотвори прелюбы".
- И сказал князь: Брия — удивляюсь я, как может мир вынести сей ужас и страх | и как сможет земля после смерти принять ее прах.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — словно в шесть дней творения Богом сотворена. | Она — от Господа и диво в наших очах она.
- И сказал князь: Не знаю, слышен ли во дни Брии смех в какой-нибудь сороне земли | и есть ли мир вблизи или вдали.
- И отвечивал я, и сказал: Если бы ученику художника нужен был один миг, чтобы изобразить все сущее в мире, | то для того, чтобы изобразить одну Тамар, и мастеру нужно было бы четыре.
- И сказал князь: Брия рождена лишь для того, чтобы питаться мертветчиной | и быть для сынов народа своего стыда причиной.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — влюбленные пойдут по пути ее и к свету ее огней, | как-будто тогда, на Синае, заповедано им о ней.
- И сказал князь: Брия навеет печаль и тоску своим взором | даже тем кто будет возвеселен арфой и киннором.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — если бы влюбленные лишились ее, они бы всех своих чаяний лишились. | Обожествили бы они ее, когда бы Бога не страшились.
- И сказал князь: Брия, выходя — "Бегите, братья", — говорит |, — "ибо не может остаться в живых, кто меня узрит".

- И отвечал я,
и сказал: Тамар — если бы горные ангелы не надеялись, что к ним вознесется ее душа, | спустились бы вниз на землю, с нею рядом быть спеша.
- И сказал князь: Брия, если бы не носила человеческое платье, | за летучую мышшь ее мог бы принять я.
- И отвечал я,
и сказал: Тамар — если бы привиделась она Амнону в час, когда охватила его дрема, | не стал бы он болен из-за Тамар, сестры Авшаломы.
- И сказал князь: Удивляюсь я, как Брия может быть среди девиц? | Ведь место ей среди крыс, черепах и мокриц.
- И отвечал я,
и сказал: Тамар — если бы в Египте была женщина такой же красоты и благонравия во время оно, | египетские вельможи не взяли бы Сарру для фараона.
- И сказал князь: Кто услышит смех из уст Брии — тот должен скорбеть и рыдать, | ибо он смерти обречен, и даже если он медлит, она будет его ждать.
- И отвечал я,
и сказал: Тамар — не может муж умереть, пока она жива, | и не сможет жить, когда она будет мертва.
- И сказал князь: Если у времени есть срамные части, то Брия — его перед и зад, | а если есть у времени вонь — Брия его вонь и смрад.
- И отвечал я,
и сказал: Если бы Иосиф увидел Тамар, — "За тобой побегу!", — сказал бы он, | и не оставил бы одежду в руке ее, и не побежал бы вон.
- И сказал князь: Брия — как пес, не раскрывающий рта, | потому что будет она поражена поражением жестоким, за то, что нечиста.
- И отвечал я,
и сказал: Тамар — сиянием ее Кима посрамлена, | и стыдится солнце, и краснеет луна.
- И сказал князь: Если бы Брия жила в норах земли и в ущельях скал, | тогда бы вид ее нетопырей испугал.
- И отвечал я,
и сказал: Тамар — если бы ей была подобна Дева, что в небесах, | солнце не покидало бы Деву, чтобы пребывать в Весах.
- И сказал князь: Брия — если бы сняла она свою багряницу, | облачилось бы небо во мрак, а земля надела бы власяницу.
- И отвечал я,
и сказал: Тамар — если бы сотворил ее на небе Бог, Властитель мира, | стали бы ангелы ссориться из-за нее, и не было бы в горних высотах мира.
- И сказал князь: Брия выйдет замуж разве что если слепой возьмет ее в жены, | а коль будет муж ее зряч, значит, в день свадьбы он был слепотой пораженный.
- И отвечал я,
и сказал: Тамар — блажен, кто живет в одно время с ней, | а пережить ее — нет кары страшней.

- И сказал князь: Брия — порок ее больше всех других пороков, | не удивительно, что во дни ее не бывает видений у пророков.
- И отвечивал я, и сказал: Тамар — мы были в Эдеме, в саду Божиим, при ее появлении. | Она покинула нас — а мы до сих пор в изумлении.
- И сказал князь: Слышал я, что Мессия скрывается от Брии, объят страхом вящим, | и град его закрыт и замкнут перед входящим и выходящим.
- И отвечивал я, и сказал: В каждом роду есть чудо, а Тамар — чудо нашего времени она. | Подобной не видали наши отцы и отцы отцов в их времена.
- И сказал князь: Доколе мы будем изрекать хулу и срам? | Сбежим, а то Брия вернется на погибель нам.
- И отвечивал я, и сказал: Тяжко мне прекратить красавицы восхваленье, | ибо от страдания, причиненного Брией, она — бальзам и исцеленье.
- И сказал князь: Хорошо ты сказал, ибо если бы Тамар не была бальзамом для нашего страданья, | вовеки не прошли бы дни рыданья.

И было, когда услышал наши речи народ, | все воздали величию нашему почет, | говоря: "Кто бы поверил, что взойдет | такое благословение от сих высот?" | и сказали: "Ваши речи все пределы красоты превзошли. | Благословенны вы Господом, Творцом неба и земли. | Мы слышали слухом уха о красоте вашего слога, | но не думали, что мудрость ваша столь премнога. | Лишь вам дана прекрасной речи улада, | вы дошли до крайнего пристанища ее и до роши ее сада, | и стали другие поэты пред вами — подобье разрушенного града, | ни у кого, кроме вас, нет и наполовину столь высокого лада." | и сказали нам старейшины и вельможи те: | "Неужели вы об этих госпожах стихи не сложите?" и обратился ко мне князь, и сказал: "Ты стихи о любви сотвори, | и сладостные слова для них подбери | и вместе с красавицей в вышние сферы воспарь, | а проклятой придется заняться мне, | и сложить стихи в хулу столь безобразной жене, | каковую не увидишь и в страшном сне. | и было, когда услышал я слова князя, положил я стрелы песен на тетиву | и возложил венец красавице на главу.

И произнес я возвышенную речь, и сказал:

Вот лань, перед которою светила
Склонились — их затмила серна эта,
И потому, не только из-за солнца —
Из-за нее скажу: "Создатель света"!

И было, когда слетели сии стихи с моего языка, | и сказал князь: "Ужели подумал ты, что задача твоя столь легка? | Встань и сложи песню под стать той, чья краса так велика, | а я о том, как разделаться с безобразной, подумаю пока. | Услышав его слова, я тотчас, без промедленья | сочинил песнь красавице в прославление.

И произнес я возвышенную речь, и сказал:

Все лани рождены на свет в позоре,
Из капли мутной, в пору темноты,
И оттого, в подполье суеты
Они — пыль на весах и капля в море.

Но эта серна создана в лазори
Небес, со всею ратью высоты,
Посланье Бога нам — ее черты
И чудеса в ее чудесном взоре.

Не назову я плоть ее — скудель:
То не скудель любой земной юницы,
Но — высшей формы суть — вот имя ей.

Я песнь, которой не было досель
Пою прорвавшей прелестью границы,
Величьем непостижной для людей.

И было, когда я изрек слова песни сей до конца, и по их завершеньи, | и сказал князь: дал ты сердцу моему утешенье. | Жизнью клянусь, твои стихи мне по нраву. | а ныне — мой черед устроить безобразной расправу.

И произнес он возвышенную речь, и сказал:

Вот пламенем пожженная рабыня
В виссоне и короне с жемчугами.
Что вышла мне навстречу для препоны,
Проклятье праху под ее ногами!

И было, едва стихи его перестали течь, | вспомнил он о позоре той, над коей рок занес свой меч | и которую Шаддай повелел заклятью обречь, | чья кожа черна, как печь. | и встал он посреди общества и в гневе, что стал еще сильней его жечь, | возвысил голос и произнес возвышенную речь:
Дух образов! Когда ты начертил
Дочь Гершома — позору несказанну
Весь мир подверг; собрав изъян к изъяну,
Ты в ней свой сон ужасный воплотил.

Уродство все в нее одну вместил.
Сову ль хотел создать, иль обезьяну?
Что видел ты во сне? Быть может, спяну
Ты этот стыд и срам наворотил?

О херувим, быть может, в ночь зачатъя
 Стило твое похитил некий враг
 И ты творил дочь Гершома лопатой?

А может, это было звезд проклятье,
 И стали рядом Скорпион и Рак
 В хвосте Змеи, в зенит тогда подъятой?

И было, когда услышали князья наши стихи и наше повествованье, | исполнил смех их уста, а язык их —
 песнь ликованья. | а остальной народ, стоявший в собрание, | послушав наше пенье, | пал на колени, |
 и пали все на лица свои в восторге и удивленьи, | а потом все разошлись и пошли в свои места, |
 передавая хвалу нам из уст в уста, | и говорили лишь о красоте наших стихов и рассказов, | и исполнил
 смех их уста, а язык их — песнь ликованья. | а остальной народ, стоявший в собрание, | послушав наше
 пенье, | пал на колени, | обвязали шею ожерельем из наших рубинов и топазов, | и прославляли Бога,
 создателя мудрости и ума. | и разошелся народ, все в свои дома.

מחברת שניה

אמר עמואל המחבר.
 הנה נא הואלתי לדבר.
 כְּאֶשֶׁר הִתְעוּ אוֹתִי אֱלֹהִים מִבֵּית אָבִי.
 וְנַחֲנִי הַזְמַן בֵּית הַשָּׁר נֵר הַמַּעֲרָבִי.
 הַנוֹדֵעַ בִּיהוּדָה וּבִישְׂרָאֵל גְּדוֹל שְׁמוֹ.
 לְהוֹשִׁיבֵי עִם נְדִיבִים עִם נְדִיבֵי עַמּוֹ.
 הֵייוּ מִתְעַלְסִים בְּאֶהָבִים.
 וּמְדַבְּרִים מֵאֲדוֹת הַשִּׁירִים הָעֲרָבִים.
 וְהַמְלִיצוֹת הַנְּמֻרָצוֹת.
 אֶשֶׁר חָם צָבִי לְכָל הָאֲרָצוֹת.
 וְכָל רוֹאֵינוּ.
 יִרְצוּן וְיִכּוֹנְנוּ.
 כִּי אֶשֶׁר לֹא סִפֵּר לָהֶם רְאוֹ וְאֶשֶׁר לֹא שָׁמְעוּ הַתְּבוֹנָנוּ.
 הֵיוּ מְשׁוֹרְרֵי הַזְמַן לְטוֹבָה יִזְכְּרוּנוּ.
 יִשְׂאוּנוּ עַל כְּתֵף יִסְבְּלוּנוּ.
 הֵעִלוּ בְּפִיהֶם לְשָׁמַיִם שִׂיאָנוּ.
 וּמִמַּעַל לְכוֹכְבֵי אֵל יִשִּׁימוּ כִסְאָנוּ.
 וְנְדִיבֵי עַמִּים נֶאֱסָפוּ.
 וְלִשְׂאֵת מִדְּבָרוֹתֵינוּ נִכְסְפוּ.
 וַיְהִי כְּנוֹחַ עֲלֵיהֶם רוּחֵנוּ וַיִּתְנַבְּאוּ וְלֹא יִסְפוּ.
 הֵעִלוּ עַל שְׁפָתָם תְּהַלְתָּנוּ.
 אָמְרוּ כִּי רְאוּ בְנוֹ אֶשֶׁר לֹא רְאוּ בְּזוֹלָתָנוּ.
 וַיְהִי הַיּוֹם עֲלֵינוּ הַשְּׁעָרָה אֵל הַזְּקֵנִים.
 וְהֵנָּה שֵׁם עֲדַת שָׂרִים וְקִצִּינִים.
 וְחִבְרַת חֲכָמֵי לֵבָב וְנִבְוִיִּים.
 וְכִרְאוֹתֵם אוֹתָנוּ מִכְּחוּק.
 בְּטָרֶם נִקְרַב אֲלֵיהֶם נִמְלֵא פִיהֶם שְׁחוּק.
 וּפְעָרוּ פִיהֶם לְבִלִי חוּק.
 וַיֵּאמְרוּ בּוֹא יְבוֹאוּ בְּרִנְנָה.
 נוֹשְׂאֵי אֱלֻמוֹת הַתְּבוֹנָה.
 מִה נִכְבְּד הַיּוֹם זֶה הַמוֹשֵׁב וְחֵין עֲרֹכּוּ.
 אַחֲרַי אֶשֶׁר הַמְזַל הֵבִיא רְאֵשֵׁי הַמְשׁוֹרְרִים עַד כּוֹ.
 וְכִשְׁמַעְנוּ דְּבָרֵיהֶם צָמְחָה בְּלִבָּנוּ גְּאֻנָּה.
 כִּי נִתְּנָם הַזְמַן לְפָנֵינוּ לְרֵאֻנָּה.

וְהַשְׁתַּחֲוִינוּ אֲלֵיהֶם בְּמוֹסָר וּבַעֲנָה.
 וְנֹאמַר אִישׁ אֶל אַחֵיו נַעֲשֵׂה לָנוּ שֵׁם.
 בְּשִׁירִים וּבַמְלִיצוֹת נַחֲדָשׁם.
 וּבַחֲדוּת נִכְבְּדוֹת הָיוּ לָנוּ לְמוֹרָשָׁה וִירֻשָׁנוּם.
 לְמַעַן יִדְעוּ כִּי קִדְשָׁנוּם.
 וְיִהְיֶה בְּשִׁבְתָּנוּ בְּרֹאשׁ הַחֲבוּרוֹת.
 וְהִנֵּה חֲבֵרַת נָשִׁים עוֹבְרוֹת.
 וּבְרֹאשׁם שְׂתִים גְּבִירוֹת.
 בְּלְבוּשׁ מְלָכוֹת תִּכְלַת נְחוּר וְעֹטְרַת זָהָב גְּדוּלָה בְּרֹאשָׁם.
 וְעֵדֵי זָהָב עַל לְבוּשָׁם.
 הָאֲחֹת מְלָאָה הַעוֹלָם בְּזִפְיָה זָהָר.
 וְלוֹ הִיְתָה בִּימֵי נַח עֲשָׂאָה לְתַבָּה צָהָר.
 וְהָיָה כְּמַעֲשֵׂה לְבַנְתֵּי הַסְּפִיר וּכְעֶצֶם הַשָּׁמַיִם לְטָהָר.
 נְשָׂאָה חוֹן בְּעֵינֵי הַרְוֵאִים.
 וְהִיְיָנוּ לָהּ מִשְׁתָּאִים.
 וְלוֹ הָיוּ בְּמַחְנֶה אֶלְדָּד וּמִיַּד הָיוּ בְּרוּחָה מִתְנַבְּאִים.
 וְהַשְׁנִית עֲבָרָה וְזָעַם וְצָרָה.
 חֲשַׁךְ מִשְׁחֹר תִּצְרָה.
 בְּזָעַם תִּצְעַד אַרְץ וְטִמְאָה טִמְאָה יִקְרָא.
 וְכִרְאוֹתַי אוֹתָהּ מִכְּחוּק חֲשִׁבְתִּי לְכָרַע.
 וְכֹאשֶׁר קִרְבְּתִי אֵלֶיהָ אֲמַרְתִּי עַת לְקַרַע.
 וְהִזְקַנִּים וְכָל הָעָם אָמְרוּ שֶׁבַר זָרוּע.
 לֹא רְאוֹתַי כְּמוֹהָ בְּכָל אַרְץ מְצָרִים לָרַע.
 וַיִּתְמָהוּ הָאֲנָשִׁים אִישׁ אֶל רֵעֵהוּ.
 וְאִישׁ יִמְתִּיק בְּפִיו שְׂחוּק בְּתוֹךְ חֶכְו וּמְנַעְהוּ.
 כִּי גָדַל הַפֶּאֶב מֵאֵד בְּעֵינֵי הַזְּקִנִים.
 בְּרֹאוֹתֶם הָאֲרוּרָה בְּמַרְקָחוֹת וּזְנִים.
 וְכָלִים מִפְּלִים שׁוֹנִים.
 וַיֹּאמְרוּ כָל הַעֲדָה לְרָגֶם אוֹתָהּ בְּאֲבָנִים.
 כִּי אָמְרוּ אִם תִּחְיֶה זֹאת תִּחְזִיר הַעוֹלָם לְתוֹהוּ.
 הַנְּהִיָה כְּדָבָר הַגְּדוֹל הַזֶּה אוֹ הַנִּשְׁמַע כְּמוֹהוּ.
 וַיֹּאמְרוּ הַזְּקִנִים וְכָל הָעָם זֹאת נוֹלְדָה עַל חֲטָאֵת יִרְבָּעִים.
 לֹא נָשׁוּב אֶל בְּתִינוּ עַד חִלְיִים נִגְבֵּר.
 וְעַל אוֹדוֹת הַגְּבִירוֹת נִדְבָר.
 וְשִׁירִים וּמְלִיצוֹת עֲלֵיהֶם נִחְבָּר.
 וְנֹאמְרָה אֶל הַשֵּׁר הַנִּכְבָּד וְהָאִים.
 בְּשִׁתִּים תִּתְחַתֵּן בִּי הַיּוֹם.
 אֶחָד מִמֶּנּוּ יִשְׁבַּח הַהַדוּרָה.
 וְהַשְּׁנִי יִגְנָה הַכְּעוּרָה.
 וְנִפְלִיג בְּשִׁבַּח וּבִגְנוּת.
 עַד יִבְקְעוּ כָּל מַעֲיָנוֹת הַשֵּׁר וְאַרְבוֹת הַמְּלִיצָה תִּפְתַּחְנָה.
 עַד אֲשֶׁר לִנְגָדוּ כָּל בְּנוֹת הַשֵּׁר תִּשְׁחַנָּה.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: אַחֲרַי אֲשֶׁר חֲנָנְךָ הַזְּמַן אֲשֶׁת חוֹן.
 לְשִׁבַּח הִיָּה תִבְחָן.
 וְאֲנִי אֶפְקֹד הָאֲרוּרָה.
 וְאֲשִׁים פְּנֵי לְגִנוֹת הַכְּעוּרָה.
 וְאֶקְרִיב לְפָנֶיהָ אֵשׁ זָרָה.
 וַיִּטְבוּ בְּעֵינֵי הַשׁוֹמְעִים דְּבָרֵינוּ.
 וַיִּטּוּ אֲזִנֵיהֶם לִשְׁמַע מֵאֲמָרֵינוּ.
 וְאֶחָד לְהַלֵּל הִפָּה.
 וְהַשֵּׁר הַחַל לְגִנוֹת הַכְּעוּרָה וְלִהְשִׁבְעָה חֲרָפָה וּגְדוּפָה.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה תִּשָּׂא עֵינֶיהָ הַשְּׁמִימָה וְתוֹצִיא צְבָאִים בְּמִסְפָּר.
 וְאֶל אַרְץ תְּבִיט וְתִקְיָץ יִשְׁנֵי אֲדַמַּת עֶפְרָי.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה תִּהְרָג הָאֲפַעָה בְּעֵינֶיהָ.
 וְלוֹ רָאָה אוֹתָהּ הַשֵּׁטָן בְּרַח מִפְּנֵיהָ.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה לְסַפֵּר הוֹדָה לְאֵינוּ.

וְלוֹ פָּנְעָה בְּבִנֵי אֱלִים יֹאמְרוּ לָהּ: הֲנֵנוּ וְעֲלֵינוּ.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה טוֹבָה בִּימֵי כְּבוֹרֵי עֲנָבִים.
 לְתוֹלְתָהּ עַל הָאֵילָן לְהַבְרִיחַ הַזָּאֲבִים.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה אֵלּוֹ יְדַעוּהָ הַמְּלָאָכִים.
 הַעֲמִידוּהָ עַל גַּס לְהַחֲיוֹת הַנְּשׁוּכִים.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה תִּמְרָה אֲנִי אֵיךְ
 לֹא יִקְשְׁרוּהָ הַשָּׂרִים עַל הַמִּשְׁקוּף.
 לְשַׁחֵק בָּהּ לְדַמְיוֹן הַקּוּף.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה תֹּאמַר לְשִׁמְשׁ הַזֹּרֵחַ.
 עֲלֵה קֶרֶחַ עֲלֵה קֶרֶחַ.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה אֵלּוֹ זְכֵרְתִיָּהּ בְּמִיתַת אָבִי.
 שׁוֹיְתִיָּהּ לְנִגְדֵי לְעוֹרֵר כְּאָבִי.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה פִּרְעָה בְּגוֹל הַיְפֵי פִּרְץ.
 אֵלּוֹ יְדַעוּהָ בְּנֵי אֱלִים לֹא הִנִּיחוּהָ בְּאֶרֶץ.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה כְּבֹר הַמִּיתָה הַזְּמַן בְּחָץ בְּרַק וְקוֹל רַעַם.
 לוֹלִי הַשְּׂאִירָה לְעוֹרֵר הָאֲבָל בַּעַת הַזָּעַם.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה תִּשְׁקִיף מִן הַחֲלוֹן.
 וְתֹאמַר: שִׁמְשׁ בְּגִבְעוֹן דָּוִם וְזֶרַח בְּעֵמֶק אֲזִלוֹן.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה אֵלּוֹ רְאוֹתֶיהָ בְּרֹאשִׁית הַשָּׁנָה נִבְעַתִּי.
 פֶּן תִּדְבַקְנִי הַרְעָה וּמְתִי.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה בְּזִפְיָה תִּחְזַק כָּל בְּדָק.
 וְתַחֲפִיר בְּעֵינֶיהָ נִגְהָ וְצָדֵק.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה אֵלּוֹ זְכֵרְתִיָּהּ
 בְּהִיוֹתִי עִם יַעֲלָה עַל עֶרֶשׁ רַעֲנָה.
 לֹא תִהְיֶה לִי כָּל הַלְּלוּהָ עֲדָנָה.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה לְקַחְהָ מִן הַהַדוּרִים צְבִי תִפְאָרְתֶם.
 וּמְהַמְעֵלוֹת הַרְמוֹת צִמְרָתֶם.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה לֹו הָיוּ כְּמוֹהָ כָּל הַצְּבִיּוֹת.
 לֹא הִצְרַךְ לְהַצְטוּוֹת עַל הַעֲרִיּוֹת.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה יִפְיָה נֶאֱדָר.
 יִקְדְּרוּ הַמְּאֹרוֹת וְהִיא לֹא תִקְדָּר.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה לֹו תִהְיֶה נְתוּנָה בְּגִלְגָּלִים.
 מִשְׁתָּהּ יִגְרוּ אֱלִים.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה גְּבָרָה בְּיָפִי וּבְמַעֲלָה וּבְמוֹסָר.
 תִּחְסַר הִרְחַם וְהִיא לֹא תִחְסַר.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה תִּמְהַתִּי אֵיךְ לֹא יִחְזִיקוּהָ
 הַיְהוּדִים לְפָנֶיהֶם בְּקִרְאָם אֵיכָה.
 וְאֵיךְ לֹא הַסְּפִימוּ הַשָּׂדִים לְהַמְלִיכָהּ.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה עַל אֲבָנֵי חוֹן הַטְּבָעוּ אֲדִנְיָהּ.
 בְּחַרְתִּי הַיּוֹת פִּרְעֹשׁ וְלָמוֹת בֵּין צִפְרָנִיָּהּ.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה לֹא נִבְרָאֵת רַק לְהַעֲצִיב הַרְוֵאִים.
 וְלִהְפִיל בְּעַצוּמִיָּה חֲלָקָאִים.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה מִי יִתְנַנֵּי עֶפְרָ וְתִדְרַכְנִי.
 אוֹ חֲמוֹר וּבַעֲבוֹתוֹת אֶהְבֶּה תִמְשַׁכְנִי.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה תִּמְהַתִּי אִם יִצְפוּ הַיְהוּדִים לְמַשִּׁיחָם בְּחִיָּהּ.
 וְאִם לֹא תִשְׁכַּל הָאֶרֶץ בְּיָמֶיהָ גוֹיָהּ.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה אֵין טוֹב בְּזִמְן כְּרֹאוֹת הוֹדָה.
 וְלֹא נִמְצָא עֲנִשׁ כְּפִרוּדָהּ.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה תִּפְחִיד הַרְוֵאִים וְתוֹבִישׁ מְבֹטָן.
 וְתֹאמַר וְאִם תִּחְרִישׁ הַיָּה אֲנִכִּי יִצְאֵתִי לְשִׁטָּן.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: תִּמְרָה יִצְאֵתִי בְּחֻצוֹת לִילָה פַעַם וּפַעַמִּים.
 לְרֹאוֹת אִם יֵשׁ לָנוּ תְּמוּרַת עֵינֶיהָ בְּכּוֹכְבֵי הַשָּׁמַיִם.
 וַיֹּאמְרָה הַשֵּׁר: בְּרִיעָה חֲרָפַת כָּל אֲמַתָּהּ.
 וְתִמְיָה לִי אִם יִזְכְּרוּ הַשֵּׁם לְעַמְתָּהּ.
 וְאֶעֱנֶה נֹאמֵר: נִפְלְאוֹתֵי בְּרֹאוֹתֵי הַשֵּׁטָן קוֹדֵר לֹא סָבָה מִחִיָּבַת.
 עַד רְאוֹתֵי תִמְרָה בֵּית נְתִיבוֹת נִצְבַת.

וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : בְּרִיעָה תִּמְה אֲנִי אִם הַעוֹלָם יִסְבְּלָנָה .
 וְאִם הָאָרֶץ אַחֲרֵי מוֹתָה תִּקְבְּרָנָה .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר אֵלּוּ בְּרָאָה בְּשֵׁשֶׁת יָמֵי בְּרֵאשִׁית אֱלֹהֵינוּ .
 מֵאֵת יְיָ הִיְתָה זֹאת הִיא נִפְלְאוֹת בְּעֵינֵינוּ .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : תִּמְה אֲנִי אִם יִמְצֵא בְּזִמְן בְּרִיעָה שְׁחוֹק .
 וְאִם יֵשׁ שְׁלוֹם לְקָרוֹב וְלָרְחוֹק .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : אֵלּוּ נִמְצְאוּ כָּל הַנִּמְצָאוֹת עַל יַד הַתְּלָמִיד בְּעֵת הַזִּמְן .
 תִּהְיֶה בְּרִיאַת תִּמְר בְּשֵׁשֶׁת עֵתוֹת עַל יַד הָאֱמֹן .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : לֹא נִבְרָאת בְּרִיעָה רַק לְטָרֶף טָרֶף .
 וְלִהְיוֹת לְבָנֵי עַמָּה לְשֵׁם חֶרֶף .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר וְלָכוּ הַחוֹשְׁקִים לְאוֹרָה וַיְכַוְּנוּ דָרְךְ אֵלֶיהָ .
 כְּאֵלּוּ אֲזַ מְסִינֵי נִצְטוּוּ עֲלֶיהָ .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : בְּרִיעָה תַעֲוֹרֵר בְּפָנֶיהָ הָאֵבֶל .
 כְּאֲשֶׁר יַעֲוֹרוּ הַשָּׁשׁוֹן הַכְּפוֹר וְהַנְּבֵל .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר תֵּאבֵד תִּקְנוֹת הַחוֹשְׁקִים לוֹ אֲבָדוּהָ .
 וְלוֹלֵא יִרְאֵת יְהוָה עַל פְּנֵיהֶם עֲבָדוּהָ .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : בְּרִיעָה תֵאמֵר מְדֵי צִאתָה בְּרַחוּ אַחֵי .
 כִּי לֹא יִרְאֵנִי הָאֲדָם נָחִי .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר לוֹלֵי קוּוּ מְלֶאכִי רוּם לְרֵאוֹת צִלְמָה .
 יִרְדוּ בְּאָרֶץ לִשְׁכֹן בְּאֲדָמָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : בְּרִיעָה לוֹלֵי בְּמַעֲלֵיָה תִתְחַלֵּף .
 לֹא הַכְּרִיתִיהָ מִן הָעֵטֶלֶף .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר לוֹ רָאָה אוֹתָה אֲמַנּוֹן בְּחֹלוֹם .
 לֹא הִתְחַל עַל תִּמְר אַחוֹת אֲבִשְׁלוֹם .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : תִּמְה אֲנִי אֵיךְ בְּרִיעָה בֵּין הַגְּבִירוֹת תִּתְנַצֵּב ,
 וְלֹא תִשְׁכַּן עִם הַחֵלֶד וְהַעֲכָבֵר וְהַצֵּב .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר אֵלּוּ הִיְתָה בְּמִצְרַיִם אִשָּׁה בְּפִנֵּה וּבְמוֹסָרָה .
 לֹא הִלְלוּ הַשָּׂרִים לְפָרְעָה שָׂרָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : הַשׁוֹמֵעַ מִפִּי בְּרִיעָה שְׁחוֹק ? תֵּאבֵל וַיִּבְכֶּה .
 כִּי הוּא מַעֲתֵד לְמוֹת וְאִם יִתְמַהֲמַה לוֹ יַחֲפָה .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר אֲתִמָּה אִם יָמוֹת גָּבֵר בְּעוֹד בַּחַיִּים חִיְתָה .
 אוֹ אִם יַחֲיֶה אֲדָם אַחֲרֵי מוֹתָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : אִם לִזְמַן עָרְוָה בְּרִיעָה עָרְוָתוֹ .
 וְאִם בְּזִמְן בְּאִשָּׁה הִיא בְּאִשׁוֹ וְצַחֲנָתוֹ .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : אֵלּוּ רָאָה יוֹסֵף תִּמְר אֲמֵר אַחֲרַיְךְ אַרוּצָה .
 וְלֹא עֵזֵב בְּגָדוֹ בְּגָדָה וַיִּנָּס וַיִּצֵּא הַחוּצָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : בְּרִיעָה כְּכֹלֵב לְשׁוֹנָה תִּחְרֹץ .
 בַּעֲבוּר טְמֵאָה תִּחַבֵּל וְחַבֵּל נִמְרָץ .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר לִפְנֵי יַפְעָתָה בּוֹשָׁה כִּימָה .
 וְחִפְרָה הַלְבָנָה וּבוֹשָׁה הַחֲמָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : אֵלּוּ תִשְׁכַּן בְּרִיעָה בְּחוּרֵי עֶפְרַיִם .
 אַחְזָה רַעְדָה עֲטֹלְפִים .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר לוֹ הִיְתָה כְּתַבְנִיתָה בְּתוֹלָה אֲשֶׁר בְּשָׂמִים .
 לֹא נִסַּע הַשָּׁמֶשׁ לְעוֹלָם מִבְּתוֹלָה לְמֵאֲזָנִים .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : בְּרִיעָה לוֹ הַפְּסִיטוּיָה בְּגָדֵי רַקְמָתָה .
 תִּלְבִּישׁ שָׂמִים קִדְרוֹת וְתִשֵּׂים הָאָרֶץ שֶׁק כְּסוֹתָה .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר לוֹ עֲשֵׂאָה בְּשָׂמִים אֵל עֵילוֹם .
 וְרִיבּוֹ עֲלֶיהָ וְלֹא הִיָּה בְּמִרוֹמֵי שְׁלוֹם .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : לֹא נִשְׂאת בְּרִיעָה לוֹלֵי הִיּוֹת אִישָׁה עֵנֵר .
 וְאִם אֵין זֶה נֶאֱמַר כִּי הִכָּה בְּסַנְרֵר .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר הַנֶּפֶשׁ אֲשֶׁר תִּהְיֶה בַּחַיִּים בְּעוֹדָה אֲשֶׁרֶיהָ .
 וְהַעֲנֵשׁ הַרֵב לְנֶפֶשׁ תִּשְׂאֵר בַּחַיִּים אַחֲרֶיהָ .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : בְּרִיעָה גְנוּתָה כָּל גְנוּת פָּרֶץ .
 וְאֵין לְתִמָּה אִם אֵין בַּחֲזִיָּה חֲזוֹן נִפְרָץ .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר הֵינּוּ בְּעַת בּוֹאָה בְּעֵדן גֹּן אֱלֹהִים .
 וְשִׁבְנוּ לְהִיּוֹת אַחֲרַיְךְ תִּמְהִים .

וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : כְּלִמַּת בְּרִיעָה עַל כָּל כְּלָמָה עוֹדָפָה .
 וְלֹא תִסְפִּיק בְּעֵדָה חֶרְפָּה וּגְדוּפָה .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : אֵלּוּ לֹא רֵאִינוּ תִמְר רַק פְּעַם אֶחָד בְּחַדְשׁ .
 הַשְּׁתַּחֲוִינוּ לַיְיָ בְּהַדְרַת קִדְשׁ .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר בְּרִיעָה כָּל דָּפִי וְכָל חֶרְפָּה אוֹגְרַת .
 וּפִיָּה כְּפִי חֲזִיר וְכִצּוֹאָה עוֹבְרַת .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : נִפְלְאוֹתֵי הַבְּבִיטִי הַשָּׁמַיִם וְנִגְהָ אֵינְנָה .
 עַד רֵאִיתִי תִמְר בְּפָנֶיהָ תִשְׂאָנָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : אֵלּוּ הִיְתָה בְּרִיעָה בִּימֵי יְהוֹשֻׁעַ תּוֹבֵל .
 לְעַמֵּד עַל הַקְּלָלָה בְּהַר עֵיבֵל .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : אֵלּוּ הִיְתָה תִמְר בְּשָׂמִים נְתוּנָה .
 לֹא עָבְדוּ הָאֲמוֹת הַשָּׁמֶשׁ וְהַלְבָנָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : אֵלּוּ הֵייתִי כִהֵן גְּדוֹל בְּיִשְׂרָאֵל שְׁלַחְתִּי .
 בְּרִיעָה הַמְדַבְּרָה לְעִזְאֵזֵל בְּיַד אִישׁ עֵתִי .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : לוֹ קוֹיְתִי לְמִצּוֹא בְּתִמְר אַחֲרַי מוֹתֵי מֵאֲוִי .
 אֲמַרְתִּי טוֹב מוֹתֵי מַחְיֵי .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : בְּרִיעָה לֹא צִיָּרָה מְלֶאכֵד וְלֹא שֶׁכַּל נִפְרָד .
 כִּי כָּל רוֹאִיָּה יִשֵּׁם וַיִּחְרַד .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר הִיְתָה עִם הַיְפִי בְּאֲמָנָה .
 אֵלּוּ יַדְעָה הַשָּׁמֶשׁ לֹא הִתְחַבֵּר לְלִבָּנָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : בְּרִיעָה עֲשׂוּ אוֹתָה בְּנֵי אֱלִים .
 בְּיוֹם הַרְג רַב בְּנִפְל מְגִדְלִים .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר אֵלּוּ הִיָּה מִשָּׁה בְּזִמְנָה .
 לְמִשָּׁה הִיְתָה לְמָנָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : בְּרִיעָה נִתְעַבְּרָה אִמָּה בְּיוֹם אֶפְל .
 חִשְׁךְ עָנָן וְעַרְפֵּל .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר אֵלּוּ יַדְעָה אַחֲרַי לָה הַתְּנַדָּב .
 וְלֹא לָקַח אֶת אֱלִישִׁבַע בַּת עַמִּינָדָב .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : רֵאִיתִי בְּרִיעָה וְהִבִּיאָה בְּכִלְיוֹתַי בְּנֵי אֲשֻׁפְתָה .
 לֹא אֲסַפֵּר בְּגִנוּתָה פֶן אֶקַּל מִחֶרְפְּתָה .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר כְּלִילַת יָפִי וּמִשׁוֹשׁ כָּל קַרְיָה .
 לוֹ הִיְתָה בִּימֵי שְׁלֹמֹה לֹא הִמְלִיךְ בְּתִיָּה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : הִמַּת עִם בְּרִיעָה בְּיוֹם אֶחָד אֲשֶׁרִיו .
 כִּי מִטְרַדַּת הַשָּׁטָנִים עֲלֶיהָ יִשׁוּבוּן מִדְּלַק אַחֲרָיו .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר עֵדן הַזִּמְן וְאֵין זוֹלָתָה .
 לוֹ יַדְעָה בְּצִלְאֵל עֲשָׂה הַכְּרוּבִים כְּתַבְנִיתָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : בְּבְרִיעָה מוֹמִים תִּלְאָה כָּל לְשׁוֹן לְסַפְרָם .
 חֵי אֲנִי אִם יִרְאוּהָ הַמַּתִּים ? בְּרַחוּ מִקְבָּרָם .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר תַּעֲלִים הַשָּׁמֶשׁ מְדֵי צִאתָה .
 כְּאֲשֶׁר תַּעֲלִים הַשָּׁמֶשׁ אוֹר הַכּוֹכָבִים בְּיַפְעָתָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : אִמֵּר אֵלֵי הִמַּת בְּרִיעָה וְהַחֲיִינִי .
 אוֹ הַחֲיֶיהָ וְהַמִּיתִנִּי .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר עֲטַרְת זִמְנָה .
 וְגִנְבָה מִמְנוֹרַת בְּצִלְאֵל יִרְכָה וְקָנָה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : גִּאֲלֵנִי אֵל מִבְּרִיעָה לִימִינִי הַצְּבָת .
 וְאִם אֵין מַחְנֵי נֹא מִסַּפְרַךְ אֲשֶׁר כְּתַבְתָּ .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר מִפְרֵי מַגְדֵי וּמִבְּחַר נִכְדֵי .
 אַחְבַּקְנָה וְלוֹ לוחוֹת הַבְּרִית עַל שְׁתֵּי יָדַי .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : חֵי אֲנִי לֹא נוֹלְדָה בְּרִיעָה מֵאִישׁ וְאִשָּׁה .
 רַק מֵעַפְרוֹשׁ וְצַחֲנָה וּבְאִשָּׁה .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : תִּמְר יִפְיָה וְלֹא יָפִי בַת שֶׁבַע אֲשֶׁת אוֹרְיָה .
 וְצַחוֹת אֲמַרְיָה וְלֹא דַבְּרֵי יִשְׁעִיָּה .
 וַיֹּאמֶר הַשֵּׁר : יֵאמֵר הַזִּמְן בַּחֲזִי בְּרִיעָה נוֹלְדָה לְתוֹגְתִי .
 וּבְמוֹתָה יֵאמֵר : אֲסַף אֱלֹהִים אֶת חֶרְפְּתִי .
 וְאֵעַן נֹאמֵר : לוֹ הִיְתָה תִמְר בֵּין מְלֶאכִי רוּם נִפְשָׁם אוֹתָה תִשְׂאָף .
 וְלֹא קָבְלוּ עֲלֵיהֶם מִצְנוֹת לֹא תִנְאָף .

וַיֹּאמֶר הַשָּׁר: שְׁמַעְתִּי כִּי מְשִׁיחַ מִפְּחַד בְּרִיעָה נִחְבָּא.
 וַעֲבָדוּ סוּגָרָת וּמִסְגָּרָת מִפְּנֵיהֶ אֵין יוֹצֵא וְאֵין בָּא.
 וְאַעֲבֹד נְאֻמָּר: בְּכָל דּוֹר פְּלִיאָה וְתִמְרָה פְּלִיאָת זְמַנְנוּ.
 אֲשֶׁר לֹא רָאוּ אַבּוֹתֵינוּ וְאִבּוֹתֵינוּ.
 וַיֹּאמֶר הַשָּׁר: עַד מַתִּי נִהְיָה מְחַרְפִּים וּמְקַלְלִים.
 נְנוּס פֶּן בָּשׁוּב בְּרִיעָה תְּשִׁימְנוּ חֲלָלִים.
 וְאַעֲבֹד נְאֻמָּר: כִּבְד עָלַי לְהַחְרִישׁ מִהַדְרַת הַיָּפָה.
 כִּי הִיא צָרִי לְנִשְׁכֵּת בְּרִיעָה וּתְרוּפָה.
 וַיֹּאמֶר הַשָּׁר: טוֹב דְּבַרְתָּ כִּי לֹלֵא הִיְתָה תִּמְרָה צָרִי לְנִשְׁכֵּתֵנוּ.
 לֹא יַעֲבָרוּ לְעוֹלָם יָמַי בְּכִיָּתְנוּ.
 וַיְהִי כְּשִׁמוּעַ הָעָם אֶת מְלִיצָתְנוּ.
 הִלְלוּ וַפְּעַתְנוּ.
 וַיֹּאמְרוּ מִי הָאֵמִין לְשִׁמוּעַתְנוּ.
 כִּי תִהְיֶה הַיּוֹם בְּרַכָּה סְבִיבוֹת גְּבוּעוֹתֵינוּ.
 וַיְבָרְכוּ אוֹתְנוּ וַיֹּאמְרוּ: פְּרַצְתֶּם.
 בְּגָבוֹל הַמְּלִיצוֹת פְּרַחְךָ.
 בְּרוּכִים אַתֶּם לִי עוֹשֵׂה שְׁמַיִם וְאָרֶץ.
 לְשִׁמְעַע אֶזְרוֹן שְׁמַעְנוּ יְפִי מְלִיצָתְכֶם.
 וְהִנֵּה לֹא הִגַּדְנוּ הַחֲצִי מִמְּרִבֵּית חֲכַמְתְּכֶם.
 לְכֶם לְבַדְכֶם נִתְּנָה הַמְּלִיצָה.
 וּבְאַתֶּם יַעַר כְּרַמְלָה וּמְלוֹן קֶצֶה.
 וְתַחֲיֵי מְלִיצַת כָּל מְלִיץ עִיר פְּרוּצָה.
 וְלֹא הִגִּיעַ זֹלַתְכֶם אֶל הַמְּחַצָּה.
 וַיֹּאמְרוּ לָנוּ הַיְזָקִים וְהַחֲזוּרִים.
 הֲלֹא תַחֲבָרוּ עַל הַגְּבִירוֹת שִׁירִים.
 וַיִּפֶן הַשָּׁר אֵלָי וַיֹּאמֶר: חֲבַר שִׁיר בְּדַבְּרֵי אֶהְבּוֹת.
 וּבְמַלּוֹת עֲרָבוֹת.
 וְשִׁים הַיָּפָה בְּגִלְגַּל עֲרָבוֹת.
 וְאַנִּי אֶפְקֹד הָאָרוּרָה.
 וְאַחֲבַר שִׁיר לְגִנֹּת הַפְּעוּרָה.
 אָרוּרָה הָאֲדָמָה בְּעַבּוּרָה.
 וַיְהִי כְּשִׁמְעֵי דְבַרֵּי הַשָּׁר כּוֹנְנֵתִי מִיְתְּרֵי שִׁירֵי עַל יָתֵר.
 וְאַשִּׁים עַל רֹאשׁ הַיָּפָה כְּתֵר.
 וְאַשָּׂא מְשָׁלִי וְאֹמֶר:
 רָאוּ יַעֲלֶה אֲשֶׁר שָׁמַשׁ וְסִהַר
 שְׂחוּחַ הַלְכוֹת נִגְדָה וְקִדְרוֹת
 וְלָכֵן לֹא לְאוֹר חֲמָה לְבַד אֶף
 לְאוֹרָה אֲמָרָה יוֹצֵר מְאוֹרוֹת.
 וַיְהִי כְּשִׁלְמֵי הַשִּׁירָה הַמְּהֻלָּלָה.
 וַיֹּאמֶר הַשָּׁר מֵאֵד יִצְאָתָּ בְּנִקְלָה.
 קוּם חֲבַר שִׁיר לְפִי מִהֻלָּלָה.
 כִּי דַעְתִּי לַעֲשׂוֹת עִם הַפְּעוּרָה כְּלָה.
 וְכְשִׁמְעֵי דְבַרֵּי הַשָּׁר חֲשַׁתִּי וְלֹא הִתְמַהֲמַהֲתִי.
 וְלַחֲבַר שִׁיר לְפָאֵר הַיָּפָה כְּמַהֲתִי.
 וְאַשָּׂא מְשָׁלִי וְאֹמֶר:
 כָּל-יַעֲלוֹת מִן-הַרְקֵק נִבְרָאוּ
 בֵּין הַשְּׁמֵשׁוֹת עַל-יְדֵי הַדַּחֵק
 עַל-כֵּן כְּמוֹ-מֵר מְדִלִי וְכַשְׁחֵק
 הַמָּה בְּמַחְתָּרַת זְמַן נִמְצָאוּ
 אֲדָם מְעַשֵׂי עֶפְרָה אֶמֶת יִצְאוּ
 עִם כָּל-צְבָא מְרוֹם וְאֵילֵי שַׁחֵק
 מִכְּתָב אֱלֹהִים הִיא וְלֹא עַל-מַחֵק
 עַל-כֵּן פְּלִיאּוֹת יַעֲלֶה נִפְלָאוּ
 לֹא אֶקְרָאָה עֲצָמוֹת צְבָהָה חֲמֹר

כִּי-לֹא כַחֲמֹר יַעֲלוֹת הָאָרֶץ
 הוּא אֲדָם שְׁמוֹ נוֹשָׂא לְצִוְרָה כְּמָה

אֲשִׁיר בְּשִׁיר חֲדָשׁ וְאֶגְזֹר-אֲמָר
 כִּי-בְגָבוֹלִים פְּרָצָה הִיא פְּרַחְךָ
 כִּי מַעֲלָתָהּ מֵאַנּוּשׁ נַעֲלָמָה.

וַיְהִי אַחֲרַי אֲמַרִי הַשִּׁירָה עַד תִּקְמָה.
 וַיֹּאמֶר הַשָּׁר נִתְּתָה בְּלִבִּי נַחֲמָה.
 חִי אֲנִי כִּי שִׁירְךָ בָּא לְיָדִי וְהִנְאֻנִי.
 אַחֲנֶה דַעֵי אֶף אֶף אֲנִי.

וַיִּשָּׂא מְשָׁלוֹ וַיֹּאמֶר:
 רָאוּ שְׂפַחָה שְׂרַפְתָּ אֵשׁ כְּסוּחָה,
 בְּתַכְרִיךְ בּוּץ וְעַל רֹאשָׁה עֲטָרָה
 אֲשֶׁר יִצְאָה כְּהַיּוֹם לִי לְשִׁטּוֹן
 אָרוּרָה הָאֲדָמָה בְּעַבּוּרָה.

וַיְהִי הוּא טָרָם כְּלָה לְדַבֵּר הַשִּׁירָה.
 זָכַר חֲרַפְתָּ הָאָרוּרָה.
 וְאַתָּה אֲשֶׁר שָׂדֵי לָהּ הַמֵּר.
 וְעוֹרָה אֲשֶׁר פִּתְנוֹר נִכְמָר.
 וַיִּקָּם מִתּוֹךְ הַעֲדָה וּבַחֲמַת רוּחַ הַתְּמַרְמָר.
 וַיִּשָּׂא אֶת קוֹלוֹ וַיֹּאמֶר:

שְׁכַל מְצִיר יוֹם אֲשֶׁר צִיָּרָתָּ
 בַּת-גְּרֵשִׁים כָּל הַיְקוּם הַכְּלָמָת
 יַעַן בְּגִשְׁמָה כָּל גְּנוּת הַשְּׁלָמָת
 כִּי בָּא חֲלוּם הַבּוֹז וְאַתָּה פְּתִירָתָּ

אוֹלֵי לִקְבָץ כָּל גְּנוּת נִדְרָתָּ
 אוֹ לַעֲשׂוֹת יְנִשׁוּף וְקוּף יִזְמָת
 מָה הַחֲלוּם הַזֶּה אֲשֶׁר חֲלָמָת
 אִם רוּחַ סָרָה וְאִם שְׁכָרָתָּ

הִגַּד כְּרוֹב מִמְּשַׁח הָאֵם הַשְּׁרָד
 אוֹ הַמְּחוּגָה מִמְּדָן גְּנָבוֹ
 וַתַּעֲשֶׂה בַּת-גְּרֵשִׁים בְּרַחַת

אוֹ פְּעָלוֹ בְּהַ כּוֹכְבֵי רוּם מְרָד
 סַרְטוֹן וְעַקְרָב אִם אֲזִי נִצְבוֹ
 בְּזָנַב תְּלִי בַּמַּעֲלָה צְמַחֲתִי?

וַיְהִי כְּשִׁמוּעַ הַשָּׁרִים הַשִּׁירִים וְאוֹדוֹתֵיהֶם.
 נִמְלָא שְׂחוּק פִּיהֶם.
 וַיִּתֵּר הָעָם אֲשֶׁר בְּרַגְלֵיהֶם.
 כָּרְעוּ עַל בְּרַכְיֵיהֶם.
 וַיִּרְנוּ וַיִּפְלוּ עַל פְּנֵיהֶם.
 וְאַחֲרַי כֵּן נִפְרְדוּ הַקְּהָלוֹת.
 וְכָל הָעָם מְסַפְּרִים מִמְּנוֹ תַהֲלוֹת.
 וּמְדַבְּרִים רַק מְאוֹדוֹתֵינוּ.
 וְעוֹנֵדִים עַל גְּרַגְרוֹתָם טוֹרֵי לְשִׁמְנוֹ וּפְטוֹדוֹתֵינוּ.
 וַיְהִלְלוּ הָאֱלֹהִים אֲשֶׁר כָּל חֲכָמָה וּבִינָה מְאוֹתוֹ.
 וְכָל הָעָם שָׁב לְבֵיתוֹ.

Махберет 3*Перевод Шломо Крола***И это свиток страсти**

Сказал Иммануэль сочинитель: Когда мы пришли назад после сражения, я и князь благой, | был я привязан узами любви к той госпоже дорогой, | думал лишь о ней одной, ни об одной другой. | Мощно и грозно было мое желанье, | весь день мучило меня своею дланью. | и как увидел князь, что я в силосе ее заточен, | и что в тенета ее завлечен, | сказал мне: "Нынче страсть свою ты останови, | услышь мое слово и в лоне его улови. | Знай же, сия госпожа недостойна твоей любви. | Однако, есть у нее красавица сестра, как говорится, | сохранился вкус и запах не изменился у девицы. | Прекрасна разумом и скромна, | юна, прекрасна видом, дева и мужа не знала она, | приятна для глаз и вожделенна, ибо умна, | благонравьем и великолепьем над всеми госпожами вознесена, | светла, как солнце, прекрасна, как луна, | в стихотворстве легка и слогом ясна, | превыше злата и серебра ее цена. | и обратилась она вспять от страсти и от дружества и от наслажденья, | и пасет между лилиями назорейства и уединенья. | Постылы ей влюбленные и сыны Велиала, | и пред мужем никогда колен не склоняла, | и не преклонялась пред лицом Ваала, | и устами не лобызала его уста, | в шатре своем без него обитает, чиста. | Благословения свыше небеса ей дали, | а у суеты она не взяла даже нитки и ремня от сандалий, | лишь хлеб для пропитанья и платье для покрова, | а страсть уздою смирила сурово. | Честь ее, слава и великолепие достигли небесного порога, | она — заглавье и венец на столпах стихов и высокого слога, | в устах ее златой язык, славящий Бога, | и из моря вожделенья на сушу назорейства — ее дорога. | Всякий поэт пред ней — как будто в подполье вор, | и по сравнению с ней, их речь — лепет и на чужом языке разговор. | Сосуд манны — сия юница, | ничто на свете с ней не сравнится. | Сражались из-за нее отвешивающие серебро, потрясающие златой мощной, | хотели взять ее в жены властвующие над страной, | и всяк выходящий из врат городских, совершил бы обрезание, согласись она стать его женой, | и когда бы не захотелось ей пребывать в своем шатре одной, | свернулось бы небо, как свиток, и все воинство его пало бы во прах земной. | Когда бы ты увидел ее, пал бы в изумлении пред ее лучами, | потерял бы разум от того, что увидел очами." и было, когда услышал я сие, мысли мои взволновались тотчас, | сон убежал от моих глаз, | и, от услышанного ушами, страсть в душе поднялась. | Страсть моя пылала как огонь, что в костях моих был заключен, | и, как вода, изливался мой стон, | и всеселье мне не было в сладость, | и во вздохи превратилась моя радость, | и перестал я питаться, и есть перестал, | покуда в глазах князя глупцом не стал. и сказал князь: "Неужели ты по глупости своей возжелал царства небесного, о коем всюду слух идет? | Кто вознесется в небо и к нам его сведет? | Оставь это, брат, дабы не срамиться, | и впредь не говори мне более об этой юнице!" И, с трепетом в душе, сказал я князю тогда, а из ока моего изливалась вода: | о князь, доблестный рыцарь, коим община горда, | покажи мне, где обитает сия звезда. | Вот тебе порукой моя честь, | и то дружество, что меж нами есть, | что хотя бы лань вознеслась на небосклон, | и выше Божьих звезд вознесла свой трон, | туда прикажу я вознестись моей мольбе, | и слезами своими сведу ее к себе. | Ибо стихи мои словно молнии летают | и, словно сияющая медь, блистают, | и речь, как меч, пробивает в сердцах красавиц течь, | способна замок сердца рассечь, | и, войдя в сердце, жечь, как печь.

И произнес я возвышенную речь, и сказал:

Пусть мне любой пиита подчинится,
В устах моих напевов вереница,
Чудесною моей, неслыханной досель,
Поэзией любой воспламенится.
Прекрасный мой напев вселяет в сердце страсть
И от него волнуются юницы,
Красавицы, его услышав, обомрут
Иль захотят с любимым соединиться,
Когда царицы песнь услышат уст моих,
Со мной на ложе лягут, как блудницы,
А коли в горе я печально запою,
Вселенная от горя затемнится,
Все реки изольют слезу и все ручьи,
И вся земля, и светочи денницы,
Коль дар я попрошу у подлого скупца,
Не обделит меня его десница,
Услышав песнь мою, все побегут за мной
Во все пределы и за все границы,
С ней будут веселы, с ней будут тосковать,
С ней — жать, с ней — сеять милости пшеницу,
Поэзии моей сосцы накормят всех,
Ее лозою всякий опьянится,
Жемчужины стихов вычерпываю я,
Да ни одна в пучине не хранится.
Кореевых сынов земля б не пожрала,
Когда б у них была моя цевница,
Когда бы жили днесь Асаф или Эйман —
Им предо мной пришлось бы преклониться,
И не радели бы они в саду стихов,
Чтоб древо их могло укорениться.
Давид и Йедутун, что вам киннор и песнь?
Я стих сложу, что вам и не приснится!
Косноязычен был стих той поры, и шел,
Как будто бы слепы его зеницы,
А я по высотам поэзии вперед
Иду, и мной любой певец пленится.
Устанет, упадет, кто, по моим стопам,
Моих высот достигнуть соблазнится,
Поэтому скажу тем, кто стремятся ввысь:
Друзья, спуститесь, пусть вам высь не мнится,
Должны вы покориться, отстраниться,
Вот стих мой — вам со мною не сравниться!

И, услышав, удивился князь стихам, что от уст моих слетели, | и сказал: Подобных им красотою не видел я доселе. | Если увидеть сиянье лани желаешь ты в самом деле, | знай, что изо дня в день в дом молитвы выходит она из кельи, | встань рано, и там увидишь блеск и славу газели. Услышав сие, я утешился и сердце смирил, | и стражу утреннюю предварил, | и сел у врат, | и разум мойтрепетом объят, | и в сердце, как в лесу, пламена горят, | в предвкушеньи красавицы, что пройдет наконец, | и я увижу, впрямь ли она, как сказывали, красы венец, | и правда ли то, что я слышал о лани. | Еще чуть-чуть, и вот, сильный шум, как бы шум в стане, | ибо все влюбленные ждали, когда она пройдет, | и встал, и поклонился весь народ. | и поднял я очи, и чудная красота стала мне видна: | вот, толпа женщин, и среди них одна — | светла, как солнце, прекрасна, как луна, | и ангелами ее света была душа моя поражена, | и осветил меня блеск, что излучала она, | и зажег в моем сердце любви пламена, | и оттого сия местность Таавера наречена, | ибо возгорелся во мне огонь желанья | и солнцем правды назвал я ее сиянье. | и сказал я, возвысив свой глас, | с пылающим сердцем и со слезами, текущими из глаз: | "Благословен твой Творец, ибо утверждена на сапфирах ты, | и украшена рубинами невиданой чистоты, | посрамили твои очи светила высоты. | Не рассказали мне и наполовину твоей красоты! | Умру сейчас, увидев твои черты." и сказала дева: "Проклят грядущий! Иди прочь, пустобрех! | Речи твои — великий грех. | в них суета и зло большое." | и унижила меня своею душою. и сказал я сердцу своему: Преклони свой небосвод, | пусть ветер твой повеет на сад с высот | и сад твой ароматы изольет, | и вслед за тобой, запоет твои песни и стихи весь твой народ, | ибо сорвешь ты желанный во все дни твои плод. | и восстал я, легкий, быстрый, речь как мечь творя, | и в ней серне все желания души моей говоря, | и что кровь сердца моего, стремящегося к ее любви — на стене ее алтаря, | и сплел песню новую, в коей речений золотые слитки, | и написал все это в книжном свитке, | и послал свиток в руке отрока юного годами, чей знатен род, | от семени царей и благородных господ, | и вложил речь в его уста, говоря: Пойди к госпоже и так объяви: | "Глава поэтов нашего времени сложил свиток, в коем признается тебе в любви, | и если ты не знаешь, о прекраснейшая из женщин, кто прислал тебе письмо, | то знай: это вождь воинства страсти, Иммануэль, сын Шломо."

И вот слова речений и стихов, что в его длани | послал я прекрасной лани:

Поелику молчание порождает смерть, не будет молчать тот, чья душа умна. | и поелику сокрытие тайны — причина страдания, умным будет открыта она. | и поелику великодушие для услады | ставит преграды, | то низость — не большая вина. | и поелику в покое — | для тела зло лихое, | то лучше мира — война. | и поелику скромность нрава | для близости отравя, | то наглость нам в утешенье дана. | Не буду ждать, пока не отчаюсь, и тосковать, | но возьму копьё слога и отправлюсь воевать. | Явил мне рок твое сияние, о лань, и я взалкал, как воды в жару. | Поразила меня твоя красота, пробила в сердце моем дыру. | Коль оживишь меня — буду жить, а коль умертвишь — умру. | в сердцах влюбленных утвержден твой трон, | пребывая на земле, ты стопами попираешь небосклон, | ты восседаешь над кругом вече, | шествуешь на небесах небес слога и речи, | несут тебя славы рамена | и высшей хвалы спина. | Благословен твой Создатель, благословен твой Творец, | водрузивший на знамя твой венец, | ибо свет твой, о прекрасная, велик, | и за ним пойдет всякий народ и всякий язык. | Рок сделал тебя единственной во вселенной: | благословен твой разум и ты благословенна! | Ужели тебе не открылось страданье влюбленных и множество бед | тех, что идут с хвалою на устах тебе вослед, на твой свет? | Если не открылось — позор твоему уму, | а если открылось, не смилостивись почему? | Отчего избавить их, ты не избавила — не пойму, | чаянья их сокрушая, | надежды их разрушая, | воздаяния их лишая? | Узнали мы твои пути и дела, | и что страсть недостойного тебя, тебе не мила, | и ищешь ты херувима помазанного, чтобы распростер над тобою крыла. | Дщерь именитая! Вот, единственное солнце излучает свой свет | и все народы идут ему вослед, | и из лучей его, часть твердь небесную облекли, | другие же

льнут к навозу земли, | великому и малому светит оно с вышины | пред ним слуга и господин его равны, | оно непосрамит надежд ни ангела, ниже сатаны. | о неправедный рок! в совет мудрецов ты не вхож. | Делить добычу учил тебя кто ж? | Ведь тобою Аш, Кесиль и Кима прелести лишены, | ты снял украшения с солнца и луны, | у звезд небесных и светил забрал ты свеченье | и украшенья — у небесного ополченья, | и запечатлел их в свете лица газели, | и все великолепии собрал в ее теле. | Другим не оставишь для пропитания, ужели? | Проклят небрежный в Божьем деле. | и если за провинности народа и за прегрешенья | откажет лань влюбленным в утешенья | и не услышит их прошенья, | то тебе, о рок, это будет в поношенья. | а когда бы соизволил ты разделить всю красу среди газелей, | чтобы влюбленные не только на одну газели, | или, взяв такую же глину, | создал бы такой же образ и картину, | а затем, судил бы сему диву кончину, | или взял бы у нее залог, что был ей дан, | или превратил бы ее сиянье в обман, | то был бы спасен оставшийся стан. Дщерь именитая! Возжелала природа показать в тебе, какова ее краса, | и чтобы блеск величия ее отразили твои очеса, | чтобы видели народы и страны ее знаменья и чудеса, | и выбрала она из цветов ее красивого убранства главные, | и из красот своих — красные наряды и вершины гордости славные, | и сложила их в одно своею дланью, | создав образ твой себе во свидетельство и в исповеданье. | и взяла она от сиянья солнца и от красы луны, | и у снега от его белизны, | и от алости половинок граната и розовых лепестков, | и от стройности пальмы, и от очей голубков, | и от пурпура взяла совершенство, | и от нектара, сотового меда и манны — блаженство, | и дала тебе очи, как голубки в долине, | и шею — как столп Давидов, сооруженный на вершине, | и как половинки граната — две щеки, | и губы — как розовые лепестки, | и сиянье — как сиянье солнца, восходящего на небеса, | и красу, что словно месяца краса, | и вкус твой — как вкус манны, | и волосы твои — как пурпур багряный, | и небо твоё слаще вина, | коего сладость в гроздьях сохранена, | и словно пальма ты стройна, | и мандрагоры страсти твоей благовоны, как мед, | и светочи твои посрамили солнца восход, | говоря: "Плешивый идет, плешивый идет!" и вот, милая, что корысти в том, что глава твоя — словно Кармель, | и что ты — всех влюбленных цель, | коль ты не дашь жизнь огорченным душой и свет страдальцу, о газель? | Что корысти в том, что руки твои — слитки золота червонного, | коль ими ты не обнимешь влюбленного? | и что корысти очам твоим голубиным как молнии сверкать, | если не для того, чтобы сердца оленей привлекать? | и что корысти в пурпуре твоих волос — а царя, плененного ими, нет? | и в сиянии блеска твоего — и никто не видит сей свет? | и в розах ланит — и никто не сорвет сей цвет? | и что корысти в том, что алы твои уста — | и никому не доступна их красота? | и что уст нектар и небо медовая сладость, | коль в темнице и за жерновами первенец — страсть? | и что сотовый мед твоих уст, и некому их лобзать? | и без милого друга какая в жизни благодать? | и что корысти в двух персях твоих, | коль возлюбленный не почитет меж них? | и что в том, что ноздри твои источают яблочный аромат, | коль влюбленные где-то под кустом сидят? | и что корысти в том, что как ожерелье — бедр твоих округленье, | коль не сделаешь ты на них лежбище оленья? | и что корысти в том, что живот твой — ворох пшеницы, | коль ты — в Гильгале, а влюбленный в Шиттими томится, | обречен на убиение, готовится к смерти в темнице? | Иль ангелам горним нежностью твоей упиваться? | Иль воинству небесному тебя добиваться? | Не желают близости с тобою Божьи сыны, | и воды ласки твоей совсем не нужны | Божьим сынам — | дай воды нам! Милая! Что еще мне сказать? Вот, попал я к любви во власть, | придавила она меня, заставив к ногам твоим пасть | и поведать о себе, как меня мучит страсть. | Истощила жизнь моя в печали, | от молчания кости мои обветшали, | мои слезы все земли оросили | и после меня, холмы дождя не просили. | Обратился я к морю, | ища утешения горю, | старался — и не нашел. | и оттого к тебе, с надеждой и верой в сердце, пришел, | с духом унылым и со склоненной душой | дабы молить тебя о милости большой. | о мандрагоре страсти молю влюбленно | и о гранате твоего лона. | Из-за тебя, прекрасной лани, | да будет мир в твоём стане, | душа моя стала душой любовью больного, | от коего тебе и принесено сие слово, | и не отойдет жезл страсти

от его чрева, | и не оставит своей ярости и гнева, | доколе не свершатся намерения сердца его и не смилостивится над ним дева.

И произнес я возвышенную речь, и сказал:

Сказали лани грозной небеса:
О полно тебе, полной благодати,
Очами затмевать небесны рати,
Ведь посрамила нас твоя краса,

И горних звезд мы слышим голоса:
"Мы алчем в сей сокровищной палате
Блестать!" Не зря строитель этой стати
Усердно зиждил эти очеса!

И возроптали светочи денницы,
Рекли Кесиль, Кима и Аш: "О как
Хотим сиять мы на лице юницы!
Ведь сей удел и сладостен, и благ!
А небо зря величием хвалится:
Лишь днем сиянье в нем, а ночью — мрак."

И пришел отрок во дворец газели, | и нашел ее запертой и замкнутой в келье, | в ризы назорейства облеченной, | от нечистоты мирской отреченной. | И, взяв свиток своею дланью, | она прочитала сие посланье. | и было, когда прочитала она свиток, наполнился гневом ее взор, | и сказала: "Пославшему сие посланье — стыд и позор!" | И, подумав немного, сказала она: | "Вот казнь еще одна, | коей пославшего сие письмо я решила обречь, | и не помогут ему стихи и высокая речь." | И, взяв большой свиток и чернила, | написала письмо и отроку вручила, | и сказала: "Мой ответ передай, | пусть прочтет его негодай."

И вот слова сего письма, | написанного стихами и слогом изящным весьма:
Я скрываюсь в сени моего чертога, | сквозь решетку смотрю за окно, не схожу с порога, | надо мною витает дух Бога, | а в сердце моем масть мудрости курится, | око похоти я замкнула, и открыла разума зеницы, | он же свободен от суда страсти и от его темницы. | Чашу прощанья с любовью я выпила до дна | и стала очам моим мудрость видна, | опостытели мне прелести мирские, важна мне душа моя одна, | и я не велела страсти, чтобы мне на сердце приходила она. | и вот, о князь, рука твоя простерта ко мне ныне, | и пальцы ее сплели стихи, чтоб разметать меня как вихрь в пустыне, | чтобы за оленями пошла серна, | чтобы облачилась в одежды скверны. | Бросаются и нападают стихи, сплетенные тобой, | поднимаются в гору и рвутся в бой, | и говорят: "Мы — посланцы отца всех тех, кто влюблен, | да не будет посланник заповеди оскорблен." | Прочитала я их — усладили меня как полынь они, | и возгорелись во гневем моем огни. | и ныне скажи, о вождь, воинством влюбленных управляющий, | страсть разрушенную восстанавливающий, | что сделают мне песни твои, осадившие меня тьмой своих полков, | голос на меня возвышающие до облаков? | а сердце мое, как гора Сион, не сдвинется во веки веков! | Дуб, на который ты оперся, может лишь плод лжи породить, | пытаешься ты над змеем, коего не заклясть на страсть, заклинанья твердить, | ибо нога моя не спешит по тропе лукавства ходить. | Обратишься ты налево иль направо, | никакой тебе пользы не будет, право. | Что пользы трудиться на

ветер? Лишь будет душе тяжелее, | ибо сердце моепосмеивается над пыткой влюбленных, вовсе их не жалея. | я сделала его как алмаз, крепче, чем скала, | дабы я уйти от тебя в укрепление могла, | укротить дух князей и посрамить гордыню их чела. | и любовь сердце мое не взрастило, | и к гордым свой взор не обратило. | и ныне вот на небесах Свидетель и Очевидец есть, | что сладкие плоды мои тебе не съесть, | и ласки моей тебе не обрести. | Так не надсмехайся надо мной и оставь в покое | лань, отвергшую вожделение людское, | оставившую мир и страданье мирское, | составившую заговор против суеты, | облачившуюся в ризы чести и доброты. | Кто тебе здесь и что нашел ты здесь вдруг? | Иди себе да смотри вокруг, | исцели свой недуг, | избавься от мук. | Мысли мои не обратит в бегство дщерь лука и не пронзит медный лук, | ибо я очистила их от порока земного, | омыла ноги от него — как же замараю их снова? | Слово влюбленных мою душу не воспламенило, | сердце свое я страстью не осквернила, | нечистоту ее с нечистотой женщины в месячных я сравнила, | а сердце свое святым, как Синай, возомнила, | ибо его Божье присутствие осенило. | и ныне, отчего в душе твоей печаль возросла | и мысль твоя от блуда понесла: | восхотеть лань и говорить к сердцу газели, | на которой не работали доселе, | и поставить стопу | на очень узкую тропу | меж греха и зла | ради той, что под ярмом не была? | и коль твои мысли и чувства пылают, как огни, | и как лампы горят они, | пойдй себе и для блуда блудницу найди, | и черенки наслаждения там насади, | и туда колесницы похвальбы своей для поношения дома Господнего приведи. | и как мое сердце лишилось ума | и не запретило мне внимать словам твоего письма, | и как неразумно поступила я сама, | что взялась письмо твое читать | прежде, чем рассмотрела печать, | и прочитала твои письмена, | и открылась мне твоя вина. | Горе мне, ибо мне примнилось, | словно я устами осквернилась, | посланье твое читая, | словно в словах твоих испачкала уста я. | За это, да простит Господь Своей рабыне, | и да не возбудит всей ярости Своей ныне. | и еще, не верь суете заблуждения и мерзкому вареву суеты, | что я ответила тебе, так как в моих очах дорог ты. | Только чтобы не возгордился ты предо мной и не сказал: я ее сильней, | влек ее и одержал победу над ней; | и дабы ты узнал, что у меня стрела разума, дабы сладострастникам печень прободать, | и пламенем гнева им за нечестье воздать, | так что оставь такие мысли твои: успеха тебе не видать.

И произнесла она возвышенную речь, и сказала:

Прочтя твой свиток, поняла, олень, я:
Ты речью чист, а сердцем — не таков.
Иначе, ты не плел бы льстивых ков,
Ведь я отвергла страстные томленья,

Отстала от вершащих преступленья,
И меч мой их разить всегда готов,
Ведь истине — погибель от грехов,
И благочестью — смерть от вожделенья.

Я серн за прегрешения корю,
Я их страстям даю испить отравы,
Толкую им о Господе всегда.

"Беспечные, дрожите!" — говорю, —
"Коль будем мы пред Господом неправы —
Как сможем оправдаться в день суда?"

И было, когда я получил ее ответ, изумился ее посланью, | и стихам, и речам, написанным ланью, | и слогу ее, текущую потоком чистым и свободным, | и сначала благословил ее именем Господним, | и почел за ничто свои стихи и слова, | и чуть не пошатнулись ноги мои и стопы не подскользнулись едва. | и встал я среди соседей своих в изумленьи, | и чувства мои, и мои разуменья, | не сподобились от Господа виденья. и когда увидел князь, что дух мой огорчен, | и что бледны мои щеки, и взор помрачен, | широко уста свои растворил | и в гневе своем мне говорил: | "Ты подверг сегодня всех влюбленных стыду! | Что это за сон, который видел ты на свою беду? | Ведь ты же говорил, мол, я ее одолею, | а нынче нем, как рыба и подобен дуралею. | о как этот срам, как этот стыд перенести! | Хоть бы ты молчал, чтоб за умного сойти!"

Когда услышал я это, покрыла лицо мое краска стыда, | из глаз моих потоком потекла вода, | и предал я сердце мое, чтобы найти путь и овладеть газелью, | и поставил ее целью | для стрел моих притч и песен ликованья | ибо разгневалась она на меня и дошло до меня ее негодование. | и написал я книжный свиток, и послал госпоже опять: | может быть, на сей раз, смогу ее сердце завоевать.

И вот, что было в том посланьи, | которое отправил я прекрасной лани:

Я сердцем трепещу, о лань, красавица,
Течет любви моей слеза горючая,
Твой гнев и твой укор меня разят в упор,
Стрелю смертною мне сердце мучая.
Смягчись, ведь скажут, что убила женщина
Меня, не воина рука могучая.

Робея и страшась, | жизни не рад, от мира отрешась, | истомил я ожиданием очи, стало больно взгляду, | ибо душу мою страсть взяла в осаду, | и внушил я сердцу своему отречение, | и как огонь разгорелось влечение, | пожрали меня стрелы тревог | и я истомился, сдерживаясь, и не мог, | моими очами потоки посрамлены, | и встали воды подобьем стены, | и пришли, и черпали, и наполнили сосуд, | и рок произнес надо мною свой суд. | и вот, на горе благовещает | твое письмо, что все прекрасное воплощает, | язык златой в себя вмещает, | миррой разума обольщает. | Возвеселили мое сердце его колокола, | возбудили томление благовонные масла. | Когда взломал я письма сего замки, | мирра капала с перстов моих, мирра текла с руки. | и я в крайнее пристанище и в рощу сада его пришел, | и обличенье открытое там нашел, | уста его исполнены негодования, язык пышет жаром. | За что же, о княгиня над сернами, ты предала карам | и поразила народы во гневе яром | неотвратимым ударом? | Кому же, как не тебе, влюбленному руку подать, | и кто, oprичь тебя, изольет на него благодать? | От кого, oprичь тебя будет на него елей радости ниспадать? | Как промолчишь в это время, о ясная, как дневное светило, | когда кровь влюбленных из земли возопила? | Вот, они говорят: Сделала тщетной надежду нашу дева | и мы в нашей страсти как увядшее дерево. | о прекраснейшая из радостей, своему духу благородному сжалиться повели, | и ныне душу страдальца возвесели, | и в умершего из-за любви | вдохни жизнь и его оживи. | Дщерь именитая! Почто ты скрываешься в тайном месте, мечта моя, | в палатах палат себя тая? | Походи по улицам, иди во все края! | Что тебе здесь и кто тебе здесь, что ты в сей могиле себя схоронила? | Возведи очи твои, посмотри вокруг: всюду юноши, полные пыла, | из-за тебя они поднимут крыла и обновятся их сила, | и станом встанут вокруг тебя рядом. | а коль не посмотришь ты на них благосклонным взглядом, | кто милостью их оделит, | кто рану их исцелит? | Из очей их вода течт, | как будто дождь или потоки вод, | а они жаждут воды дружбы твоей, страдают, |

совершенно разрушены, рыдают, | и если ты не отрешь слезу с их ланит, | разве сердце их, несмотря на твердость их рук, устоит? | Кто же им будет утешеньем в их боли | и кто избавит их от скорбной доли? | Прекраснейшая из женщин, иди себе по следам ланей, что издавна были перед тобой, | и глаз их сжалился над влюбленными и прислушались оне к голосу их, | а лестницей между влюбленными и сернами всегда был стих: | не было еще серны, не стоявшей в их совете, | которая была бы неприступна для них и которую не покорили стихи эти. | Так было с того дня, в который сотворил Бог человека на свете! | Спроси и рассуди: как жены персидские и мидийские в святости ходили, | и благочестие свое — блюдили! | и дочери Моава и Аммона, | и лани из Дамаска и из Но-Аммона, | да и все, как ныне, так и во время оно. | а теперь скажи, где красавицы Шарухена града, | и где серны из Эльтолада? | и где те астарты из Вассана, | что хотели быть чистыми и святыми без изъяна, | которые сердце свое как алмаз укрепили, а пользы не принесли, | и спасти себя — не спасли, | и были уловлены в собственной яме, | и влюбленные попрали их ногами.

И хоть дочери Сиона и Иерусалима были высокомерны, | а также и града Сепарваима серны, | но ходили, подняв шею, с обольщением во взгляде, | и не отказывали милым своим в усладе, | и добивавшимся их — в заслуженной награде. | А потому, о лань, даже если ты вознесешься на небосклон | и выше звезд Божиих вознесешь свой трон, | и свяжешь в узел созвездье Кима, и будешь выводить созвездия, каждое в свой черед, | все равно я выставлю войско и оно тебя в осаду возьмет, | туда прикажу я вознестись своей мольбе | и слезами своими сведу тебя к себе. | Иль ты не знала доселе, | не слыхала ужели, | что мужи придут в логовища львов | и выманят львиц силой своих слов, | и сведут вниз голубиц, что в своей гордыне | взлетели на столп Давидов, сооруженный на вершине, | выловят рыбу в морской пучине | и руку прострут к речной стремнине, | поймают аиста под небесами; | а пренебрегшие их словесами | запутаются в сети, что скрыли сами.

Лилия долины, саронский нарцисс! | Не будь подобна тем, кто от глупцов родились, | тем, кто страсть свою в избранное место не вручают | и наслаждений не получают, | а лишь святыми и чистыми казаться чают, | а сами ищут через сводню хромых и незрячих, | дабы, утаив свой замысел, избавиться от похоти огней горячих. | Не так, о сестра! Но из оленей прекраснейшего избери | и к лучшей кисти кипера длань прости, | и возьми в добычу ласку его, насладись любовью его сполна, | он утолит твой огонь, а ты — его пламена, | и будет он вокруг тебя как стена. | и вот, в доме влюбленных я — глава, | ибо страсть воздвигают из развалин мои слова. | и чтобы ты не сказала: я сердце свое как башню укрепила | и войско влюбленного от него отступило, | поклянись своей любовью к тебе, о милая в моих очах, | что, хоть ты презрела мое письмо, не посеяла в сердце моем страх, | отказала мне в страсти моей, а я не зачах, | но сказал: Есть мне еще надежда, ибо сие — обычай всех дев: | в устах у них — открытый гнев, | а внутри — любви и милости посев. | Как весьма приятен мне твой отказ | и как слова твои пришлись в пору как раз! | Клянись верой, сердце влюбленного не смутят такие слова, | ибо по закону благонравия, должна ты отказаться сперва. | Жив завет! Если бы сразу ты отдала мне свою страсть, не так возрадовался бы дух мой. | я же иду к твоей любви по стезе не прямой, | и из того узнаю, что дух благородный пламена любви в твое сердце вложит, | и что благородна ты, а мне только благородная быть по нраву может. | и с твердой уверенностью в сердце я встану, чтобы рану страсти моей к тебе излечить, | и знаю, что не останусь в стыде и смогу любовь твою получить. | и потому я взял из жемчужин слов чистую речь, | чтобы венцом главу твоей славы облечь. | Будь добра в величьи своей красоты, | прости ко мне скипетр своей доброты, | даже если речи мои недостойны твоей высоты, | ведь нет такой низости, кою твое благородство не могло бы победить, | и нет наглости, кою твоя кротость не могла бы упредить, | и нет греха, от коего милость твоя не могла бы освободить, | посему надеюсь на ответ благосклонный и что ты не будешь меня строго судить | или на молчаливое согласие в знак того, что я смог тебе угодить.

А с тобою, о лань, да будет великий мир, покуда луна не затмится | от оленя, который страстью к тебе томится, | и в место твоей любви спешит и стремится, | возьмется в любви своей за полу желанья твоего, | и не отпустит, покуда ты не благословишь его.

И произнес я возвышенную речь, и сказал:
Скажи, о ангел образов, ужели
Ты мог от всех занятий отстраниться
И храм построить? Ведь сия юница —
Обитель Бога в совершенном теле!

Ты тайны заключил свои в газели,
В ней достояние твое хранится;
Ей форму придала твоя десница,
И мы, узрев ее, тебя воспели.

Премудры сонмы неба, что подвигли
Тебя создать столь дивное обличье,
Их славы отпечаток в мире этом,

Ведь мы, узрев красавицу, постигли
Их мощь, познали горнее величье,
Озарены ее сиянья светом.

И было, когда увидела госпожа, как я твердолюб, | и сказала: "Опять мне досада! Ах, как хочу я, чтоб | меня оставил в покое сей остолоп. | Клянусь жизнью, в этот раз изведает он стыда | и не захочет видеть меня более никогда." | и излила весь свой гнев в свитке письма, | и послала мне, и ответила сурово весьма.

И вот слова посланья, | отправленного мне ланью:

Презренному всеми, рабу господ, | коего поносит весь народ, | загадками и притчами наполнившему рот, | кои суть множества суетных мечтаний плод, | глумящемся — и никто его не уймет! | Почто ты разгневал меня и побудил ответить на твои реченья? | Ведь сердце мое отступилось от тебя и в нем лишь ненависть и презренье! | Что тебе до меня, что пришел ты вступить со мною в бой? | а сердце мое клялось и не раскается, и не смягчится мольбой, | жестоко оно и не смилуется над тобой, | я сделала его твердым, как железный столп, с места не сдвинешь, потратишь зря силы лишь, | даже если ты воду из скалы гранита источишь, | дабы ты узнал, что Кальмо не Каркемиш. | и не получишь ты ничего из того, чем я от рока наделена, | и не пить тебе моего млека и вина, | и, будь ты печатью на деснице моей, я бы сорвала ее, ибо мне ненавистна она. | и чем смиренней будешь ты, тем буду более жестоковыйна и хладна, | словно зимние времена, | и не опущу я правду мою, и буду тверда, | и меч мой тяжелый занесен над сладострастниками всегда. | и ныне, мои слова отвратят твое желанье, | дабы ты более не приносил тщетного закланья, | ибо мой дух как каменная твердыня крепок и суров, | раскрывает уста для побоища, выкрикивает военный зов, | не исторгнутся столпы его во веки веков, | и узы его во время войны с влюбленными не падут, | и все верви его не прейдут. | и гора, упав, разрушится, и скала сдвинется и встанет в месте другом, | а сердце мое навсегда останется твоим врагом, | до той поры, когда ты вознесешься в вихре на небо или когда, | проведешь по морю свои колесницы и по пустыне свои

суда. | и как это духом опьянения наполнил нутро твое рок, | и страстью сердце твое зажег, | чтобы ты мне письмами своими докучал, | посольством злых сил и начал, | что вылетают и прилетают, ко мне спеша, | а я не так думаю и не так мыслит моя душа, | коей листы не увянут и даст она плод в свой срок, | железо и медь — ее замок, | нет столь отважного, который потревожит ее устои, | и дочь лука не обратит ее в бегство, и сын беззакония не лишит покоя, | не проплывет в нее корабль и не войдет судно большое.

Что вам до меня, о влюбленные, мужи проклятья, | лисята, разоряющие сад, вас не желаю знать я. | Что совращаете вы меня поменять небесное на земное, | почтенное на срамное, | доброе на дурное, | мудрость на глупость, | разум на тупость, | истинное на ложное, | благочестивое на безбожное, | здоровое на зараженное, | чистое на прокаженное, | серафима на Асмодея, | ангела на лицемера и злодея, | ясность на туман, | правду на обман, | кротость на дерзость, | приятное на мерзость, | благородное на грязное, | прекрасное на безобразное, | и то, что вечно, на то, что прекращается | и в чемдела правых извращаются. | Уклонитесь от пути моего, с дороги моей сойдите, | докучными речами меня не изводите. | Почто вы вместилище сердца моего крушите | и грех и беззаконие вершите? | Не прикасайтесь! Прочь, прочь спешите! | Я сказала: "Не преступайте противу слова моего" — а вы преступили. | Очень худо вы поступили! | и я пойду против вас, и не возрастет, | на земле бесплодной вашего семени плод. | Так не будьте же упрямы, как мятежный род. | я не нарушу завета и не перемену своего слова, | что сердце мое разрушит вашу страсть, да не построится снова, | от шума песен ваших отвернется сурово, | не уступит их множеству и не содрогнется от их зова.

Непокорный сын, обольстила сердце твое гордыня, | ты живешь в расселинах скал, на надменности вершине, | всех ланей отдаешь на поношенье и позор ныне, | и сказал ты: "На множестве моих колесниц | вознесся я к вершинам девиц, | спешу от вершин Аманы к гнезду орлиц, | и с вершин Сенира и Хермона — к подножью логова львиц, | открою потаенные места юниц, | ибо мудрость и славу умножил я превыше всех границ, | и соберу всех ланей наподобии оставленных в гнездах яиц. | Их всех я подцеплю на свою уду | и в сети стиха их всех приведу, | и уничтожу их корни и ветви, ничто их не излечит, | и ни одна не взмахнет крылом, и, раскрыв уста, не защебечет." | и возгордилось сердце твое, в нем чванство одно. | Но скажи: неужто Каркемиш — как Кально? | и Лод — как Оно? | и как крапива — виноград? | и Хамат — как Арпад? | и Дамаск — как Шомрон? | и Аят — как Мигрон? | и Эльтолад — как Хецрон? | и Цоан — как Хеврон? | и Лод — как Иерусалим? | ИЭглаим — как Беер-Элим? | а ты судишь всех ланей мерою сходною, | как сытую, так и голодную, | как ту, что по кривой стезе зашла далёко, | так Рахель и Лею без порока, | как ту, что оступается всегда, | так ту, что духом тверда. | и потому, клянусь Тем, в Ком надежда моя заключена, | Коего воле воля моя подчинена, | и служенью Коему жизнь моя посвящена, | что ты встретил лань, которая не попадет в твои тенета, | и встретил серну, в коей не обретешь славы и почета, | дабы ты знал, что есть у реки верховья, | а есть у реки низовья, | и что лани не однородны, | и еврейские женщины с египетскими несходны | ибо в нашем сердце чистота и нет в нем скверны, | и ночь и день несоразмерны, | а наше сердце оставило суету и истине верно, | и, презрев страсть, прильнули к твердыне убежища праведные серны, | забыли мы юности стыд, образумившись, били по бедру рукой, | и в страсти нет нам части и доли никакой, | и не утолит нашу страсть грешник, хромец и слепец, | как, видимо, у матери твоей, чей сын для добродетели — мертвец, | или у твоей сестры, что глупа, как и ты, глупец. | Ты же, глупец презреннейший на свете, | удали от меня свою арфу и песни эти, | и впредь не говори мне более об этом предмете.

И произнесла возвышенную речь, и сказала:

Твердят мне, что сурова я весьма,
Презревши страсть безмозглых дураков;
Но неужели рок судил мне быть
Возлюбленной баранов и быков?!

И, увидев сии яблоки золотые и серебряный их узор, | и что она жестоковейна до сих пор, | и изливает на меня брань и позор, | и сказал я: Клянусь жизнью, что я ее уловлю | ибо в этот раз отложу ее страх и речь ее остановлю, | и пошлю ее сердцу все, что язвит меня, | и возожгу у ней внутри языки огня. | и написал я книжный свиток, и излил все чувства, что мученью меня обрекли, | и сказал: иди, мой слог, и если тоска на сердце лани — ее утоли, | а если доброе расположение — развесели.

И вот письмо, слово в слово, | что госпоже я отправил снова:

Воспрянь, слава моя, воспрянь под звуки киннора и тимпана, | бей иевусея, поражай непрестанно, | ты была отличным кипарисом страсти на ребрах Ливана, | что тебе до моря, что ты побежала, и обратилась вспять от Иордана? | Так ударь по притолоке, чтобы потряслись косяки! | Праздны вы, праздны, моей мысли полки, | ибо обратились вы вспять, как лук неверный. | Войдите в жребий мой, будем воевать с серной! | Жестоковейна, отвергла мою страсть, | и позор — наследия моего часть. | На нее по жребию, не дайте ей пролить мою кровь, | покуда не сдастся она и не принесет в землю восхваления мою любовь!

Дщерь именитая! От славы рока ты наделена | и его сияния полна, | ибо в дар от руки его тебе доля дана, | не для того, чтобы сердце твое утучнело и брыкаться стало, | и чтобы ты истребила народов немало, | и кабы знал рок, что ты сердце ожесточишь, руку сожмешь и страждущего опечалишь, | не одарил бы прелестью тебя, одну тебя лишь, | и не вместил бы всю славу твою в одно твое тело, | и не наделил бы тебя красотой без предела. | Как он согрешил, какой ему упрек, | что без скудости красотой наделить тебя мог, | но не наделил тебя милостью нечестивый рок, | и дух твой страждущего презрел и бедным пренебрег, | и к влюбленным, идущим верно по пути страсти к тебе, оказался жесток. Прекраснейшая из женщин! Истомились мы, удерживая страсть, что нас извела, | и ноша любви к тебе для уставших мыслей так тяжела, | ибо чисто твое сияние и твой почет | узами любви нас к себе влечет. | Клянусь жизнью, что те, кто кадили богине неба, не видели твоего лица, | и величия твоего не оспорит никто, кроме, разве, скопца, | и те, кто, не желая тебя, на свете жили, | когда б узнали тебя, тебе бы служили. Увы тебе, о сердце необрезанное, почто жалость запираешь? | Увы тебе, жестокое, за что безжалостно караешь? | Одесную режешь, а ошую пожираешь, | ибо влюбленных ты смертью поражаешь | и самый их образ уничтожаешь, | их кровью землю напояешь и слезы их умножаешь. | Увы, о жестокая, как милость в тебе не пробудится? | Ведь ты убила чистые души — как в сердце твоём жалость не угнездится? | и ныне простерта рука твоя — как сердце твое не устыдится? | Дщерь именитая! Это ль путь благонравия и благочестиво ль то, что ты положила: | упорствовать в мятеже и лишать жизни все, что бы ни жило? | Клянусь жизнью, когда бы показали тебе страсть, ей бы ты служила, | словно ожерельем, ею бы шею окружила, | чествованием и почитанием ее бы ублажила. | и когда показал бы тебе рок влюбленного с возлюбленной в шатре своем, | пала бы ты наземь, пораженная копьем, | и как олененок помчалась бы оленям навстречу, | расталкивая всех в бока и в плечи, | и вздохнула бы: "Как много времени без желанья могло пропасть!", | и захотела бы одиночество свое проклясть, |

и взмолилась бы, чтобы добычей твоею была страсть. | Клянусь страстью и ее гордыней, | коя в сердце моем раскинула шатры свои ныне, | и помазала меня более всех елеем своей благодатью, | и вручила знамя свое в мою правую, а щит свой в мою левую руку: | пусть она будет тебе порука, | что когда бы ты вняла гласу моему и послушалась моего слога, | сказала бы: все несчастья мои и дом отца моего забыла я по воле Бога; | и если бы увидела ты видения страсти — смотрела бы в изумленьи, | и сошла бы с ума от этого виденья. | И если бы ты могла с влюбленными на их ступенях пребывать, | и узрела бы их благодать, | то положила бы их на сердце твое, как печать. | и если бы увидела ты, как слипаются в любви и сладости, | и если бы узрела соединение и его радости, | удивилась бы ты, как души их не умрут во младости. | и станут влюбленные вождельем сердца твоего и вершиной его сласти, | и будут радость его и счастье, | и съешь ты сердце влюбленного в груди его, испеченное на огне страсти, | и голову его, и ноги, и прочие части. | и скажешь: как во лжи я была тверда! | Ибо как дым исчезли дни мои навсегда | и пропали мои прежние года. | и как дым исчезли дни мои навсегда | и примешь от нашей страсти вдвое, и, наслаждаясь, | как дым исчезли дни мои навсегда | и отдашь на лоне нашем больше в семь раз, | и станут нам ласки твои и газелей как как дым исчезли дни мои навсегда | и насущного хлеба клас | и скажете вы милым: "покройте нас", и влюбленным: "падите на нас"! | и не думай, о серна, что из-за твоего отказа пыл мой умолк и зачах. | Только буду терпеть и стенать со слезами в очах, | и схвачу любовь твою за край одеянья, | и каждый день буду надеяться на твое благодеянье. и ныне, о серна! Вот, сердце мое от рева волн и валов твоих бежит вспять, | и от стука колесниц твоих, от звука колес, коих не сосчитать, | и убегает от тебя — к тебе опять! | Мой единственный град убежища — сердца твоего глубина, | я избрал ее своим укрытием и мой оплот она, | и если кто жертвенника рог ухватил дланью, | дочь именитая! Неужели пригостишь ему в сердце своем закланье? | и если нас возьмут на смерть от твоего алтаря, | разве не пропадет вся твоя непорочность зря? | и теперь, вот, я клянусь тебе всеми, кто влюблен, | от малого до большого, о прекраснейшая из жен, | что не сниму с тебя осаду до конца времен, | и если далеко за ворота Иерусалима ты меня уведешь, | туда я пойду, куда ты пойдешь, | и, пока с тобой не соединюсь, не предамся покою, | и силы свои удвою, | сокрушу медные двери рукою, | и где ты умрешь, там и я умру и покроюсь землею, | ибо уста Господни говорят с тобою!

И произнес я возвышенную речь, и сказал:

Подумала в сердце газель, что должна быть
 Она как из света свитая, святая.
 Уму ее всякий дивится. Девица
 К влюбленным презренье питая, пытая,
 Смеется, взмывая горе, об их горе,
 Стена между нами литая. Летая
 Услышь мое пенье, внимли моей пени,
 Смотри, пред тобой без щита я, считая,
 Что сердце мое — как твое, а враждебным
 Тебе — разорву и у стаи уста я.
 Коль будешь жестока, тогда искупленьем
 Вине твоей стану, и ста я, истая,
 Коль будешь, о серна, ты блага — ты благо
 Свершишь! Рану мне залатай, золотая!
 Мой жалобный стих говорю я газели:
 Ужели тебе не чета я? — читая,

Тебе, белизною сравнимой с одною
 Луною, пою, о мечта, я, мечтаю,
 О милости. Что же бежишь ты, любовью
 Мне сердце мое оплетая, плутая?
 Останься же, лань! я — желанья обитель
 И в ней обитая, любовь обретая,
 Носи одеянья благого деянья,
 Величием блистая, хвалой возрастая!

И было, когда увидела госпожа в том свитке | высоких речей золотые слитки, | и сладостным песням внял
 ее слух, | не поднялся против меня ее дух, | и возгорелся огонь страсти в ней, | потока горячей серы
 сильней, | и нет избавленья от этих огней, | так, что пламена желания ей сердце раскалили, | и вспышки
 его почти ее спалили, | великие воды любовь бы не погасили, и реки ее бы не залили, | и своими глазами
 посрамила потоки она, | и встали воды как стена, | и пришли, и черпали, и наполнили сосуд, | ибо страсть
 произнесла над нею свой суд. | и говорила она: "Заставив влюбленных страдать, я свершила
 преступление, | а я прекрасна, привлекательна и любезна для вожделья, | о, горе мне! душа моя
 изнаывает в исступленьи!" | и взмолилась к отроку, и сказала: "Передай князю, что написал сии
 письмена, | что из-за него в душе моей буря сильна." | и взяла книжный свиток, и в нем написала она |
 чистым слогом все, чем душа ее полна, | ибо сердце ей распалили страсти пламена, | и оплакала она
 прошедшие времена, | когда для приступов влюбленных была она неприступная стена.

И вот ее речи прекрасные, | и стихи ее страстные:

Близости меня книги обучали, | что юные олени мне вручали, | слышала я вопли их печали, | видела
 слезы, что они источали. | Коль буду молчать — на мне прегрешенье. | Возжелаю любви, да будет мне
 в утешенье! | о если бы я прежде такие речи изрекла, | прежде, чем кровь на землю истекла! | Спешите
 и сходитесь, все влюбленные, ко мне, | и погасите мое сердце, пылающее в огне, | как будто гроза по
 весне, | помилуйте, помилуйте, ибо тяжко мне сие бремя влачить, | дайте мне бальзам любви, дабы
 меня излечить! | Скорее, покажите мне страсти восторг, ведь вы говорил, что чудесен он, | и сказывали,
 что приятен и силен, | ибо в сердце моем от вашего огня и зажигательных стрел пламень зажжен, |
 а коли нет — вы соглядатаи, жив фараон! | Кто предал меня на разоренье и грабителям во власть? | Кто
 сомкнул мои глаза и накрыл пеленою главу, чтоб не видела страсть? | и с пеленою я стала ходить, ибо не
 вкусила страсть. | и прошли мои дни во гневорока, | и не вкусила я манны, и не раскрыла око. | Кто за
 пропавшие дни даст мне возмещение? | и кто воздаст мне за упущенье? | Где найду я для себя утешенье |
 за дней моей юности лишенье? | Ушедшие дни возможно ль вернуть? | и есть ли надежда для
 будущности какой-нибудь? | Где же после этого надежды сии суть? | я выйду и за любовью отправлюсь
 в путь. | и на кого мне жаловаться: я сама душе своей скорбь причинила, | увидеть страсть я не мнила, |
 отняла ее блеск, ее венец повергла наземь и осквернила. | Звали меня влюбленные — я не внимала, |
 рассказывали чудеса о днях юности — я не понимала, | из лука гордыни выпустила стрел немало, |
 истребила стены страсти и укрепленья, | умерщвляла без сожаленья, | как удалю беззаконие и очищусь
 от преступленья? | Не поверю, что есть искупление. | Кто сжалится надо мной — ведь я была зла. | Кто
 будет милостив ко мне — ведь я не была. | и кто мне жестокость мою в грех не вменит, | воздаст добром
 за зло, отрет мне слезы с ланит? | а я отяготила уши, чтобы не слышать — кто же слух к воплю моему
 преклонит? | а если мне спасенья не дадут олени прекрасные, | или милостью обойдут любовники
 страстные, | на что же мне взирать, как уповать на спасенье? | Наказание мое велико, так что нет мне
 избавленья! и как моему лицу не побледнеть от стыда? | Ведь я пред влюбленными была жестока

и горда | и не возгорелась во мне жалость никогда, | и, не уважив лица оленей, принесла немало вреда. |
и вот, олененок стремился к моей любви, словно к источнику лань младая, | и взалкал моего дружества,
словно от жажды страдая, | и тщетна надежда его, ибо была горда я. | Он меня позвал, а я не заметила, |
он мне говорил, а я не ответила. | и вот, ныне протянул он руку свою чрез замок, | заставил меня
отступить, раскинул сеть для моих ног. | Гордыня моя, будь проклята ты, | что возмутила душу мою,
полную доброты, | осквернила союз страсти и его сиянье, | посрамила надменность вельмож желанья. |
Мой дух ожесточился и закрыл мой слух, | покуда все влюбленные не испустили дух.
Вернитесь, вернитесь, влюбленные, гнев свой на вас не изолюю сейчас, | грядущие во имя Господне,
благословляю вас, | не истреблю вас на этот раз. | Приди, о благословенный Господом, | чье
происхождение знатно, | о времени венец, о сад, насаженный приятно, | сотворенный искусным
художником, тело твое статно, | ты — сосуд манны, что сладка и благодатна, | держащийся Бога,
благословенный многократно! | Зачем стоишь ты вне, | когда утеснилось в теснине любви сердце во
мне, | и смятено смятением страсти к тебе, зане | приняла я вдвое от страсти твоей из твоей руки. |
в свете правды твоей из пагубы рока меня извлеки. | Как испрошу я милости твоей — и недостойна я, |
иль понадеюсь на твое воздаяние — а не воздавала рука моя? | Как буду искать ястрасти твоей
и несравненного сиянья, | иль возжелаю любви твоей — и больше, чем можно вынести мое наказание? |
и что мне сказать, о совершенства печать? | Как могла я пред лицом страсти твоей в одежды суровости
себя облачать, | и, в прежние дни, пахать на хребте страсти и длинные борозды на ней отмечать, |
обнажать вослед ее сверкающий меч и блестящим копьем ее встречать? | и ты обратил мое сердце
вспясть и заставил себя привечать. | Не знала я страсти — от тебя мне стала ведома она, | пресытил ты
меня горестью, возжег во мне пламена, | сражена моя душа, тобой сражена! | Во все оставшиеся мне дни
буду я в имени твоём благословенна, | и мысль моя будет выкликать пред тобой: "Преклоните колена!" |
Увы, о дни, что без сладости текли, подобно воде, | и отправились с горы Шефер, и расположились
станом в Хараде! | Кто из укрепления страсти привел меня на окольный путь | и сказал мне: "Отныне
о сладости забудь?" | Кто замкнул мою страсть на замок | и пустыми прорицаньями соблазнить меня
смог? | Кто замкнул мне глаза, чтобы я не видела страсти высот, | чтобы не видела ее величье и почет? |
Кто обложил меня осадой горечи и забот? | Кто наставил меня в гордыне и зле, | чтобы я страсть предала
хуле? | Кто в дом земляной меня опустил? | Кто средь назореев меня поместил, | что не знают пути
любви ее ученья, | и не избавили души моей от пламени влеченья, | да умрут они в мученьи! | Таковы
в доме их мои двадцать лет, | и не сорвали они моих ланит лилейный цвет, | и наслажденья мне нет. | Мы
предваряли рассвет и зывали, | наши очи слезу проливали, | а сердца томились и изнывали. | и страсть
— в наших очах была ничто она, | и с песнями не пили мы вина. | Тяжко было нам из-за нашего труда |
и ласк моих никто не искал никогда. | Распустилась моя виноградная лоза — и нет срывающего, | созрели
на ней ягоды — и нет выжимающего, | цвет на гранате моего сада распустился, | а никто за ветви пальмы
моей не ухватился, | меж собой говорили, что я — западня, | никто не искал и не желал меня. |
и подумала я в сердце своем, и нахожу, | что средь скорпионов я сию. | Сокрою от них свой лик, не
покажу своих очей, | ничего не хочу ни от них, ни от богатства их, ни от их речей. | Спешите,
о влюбленные, скорей, | ибо вы — венец дней. | в красу облачены, гордостью украшены вы, |
украшениями вашей выи и главы. | о вы, манну ядущие, | столпы, в надежном месте сущие! | Послушайте
меня и вкушайте, да будут благи ваши души, туком насладясь, | ибо кому же есть и кому же
наслаждаться, кроме вас? | Клянусь заветом! Если бы вы только о нашей тайне проведать могли, | что
страсть и любовь огонь в нашем сердце зажгли, | и если бы в вашей страсти вы были скоры, | прознали
бы мы и помчались вслед за оленятами в горы, | и в львиные жилища, | и в барсовы логовища, | как
охотник гонит куропатку, по горам рыща. Возлюбленный, страсть моя к тебе в душе моей сохранена, |
и душа моя доброты и милости полна, | в ней же страсть к тебе заключена, | внутри ее пылают любви
пламена, | ты влечешь ее к себе и тебе подвластна она. | Пусть придет влюбленный в сад ее и вкусит

плодов моих сладость, | там отдам я тебе ласк моих радость, | не буду вопрошать и не буду искушать, |
 свершай со мной все, что захочется тебе свершать. | Душа моя только тобою живет, | положил ты
 намеренье — пришел его черед! | и на пути твоём да воссияет свет, как душа, что любовью больна, |
 и влаги близости с тобой жаждет она, | пылает, стремится, мятется, ярится, | пока не взойдет, как сиянье,
 правда ее, и спасенье ее как светоч возгорится.

И произнесла она возвышенную речь, и сказала:

Друг, страсти меч прости! Мечи
 В меня стрелу! Кто лань любил
 В мечте лишь — только мучил зря,
 Тот не добыл, кто не добил!

И было, когда уши мои вняли тому, что отрок изрек, | и когда очи увидели госпожи прекрасный слог, |
 ниспослал на меня дух свой Господь Бог. | Быстро и легко, всюю душею своею веселясь, я к князю потек, |
 а в руке моей от госпожи сей развернутый листок, | и сказал я: "О князь, не был я глупцом, когда дал тебе
 зарок, | ибо борьбою сильной боролся я и превозмог | госпожу, чью славу возвысил рок. | и вначале
 восстала она на меня, но ослабил я гнева ее поток, | и сплелась любовь ее с моей, как венок, | и она
 источает млеко и мед, и плодов ее урожай премног."

И произнес я возвышенную речь, и сказал:

Как счастлив я! Назначен день,
 Когда я серну обниму;
 Она сулит мне мед из сот:
 Как трепет сердца я уйму?
 Вступив в покой ее любви,
 Как устоять мне? Не пойму!
 Что мне до бед? Пусть прочь идут,
 Коль мед любви ее приму!
 Мое наследье, жребий мой,
 Рок дал ее мне одному!
 Глава веселья моего
 И счастье дому моему!
 Забуду грусть, лобзая грудь,
 И прогоню из сердца тьму.
 Не Дора град — лобзаний сок
 Мне дорог — рад я лишь ему!

И когда услышал сие князь, поднялся, как дым, его гнев, | и зарычал он, как ревуший на добычу лев, |
 и в устах его — жар огня, | что нельзя сдержатъ, внутри храня, | и сказал он: "Проклято сердце негодяя —
 меня, | что молчал я до сих пор, | и кость от кости моей ввел в позор, | и плоти от плоти моей посрамил
 взор. | Лань сия, что в сеть твою пала, | и в ловушку твою попала — | в народе моем рождена, | сестра
 мне — дочь моего отца, но не дочь моей матери она. | и думал я в сердце, что в сеть твою она не
 угодит, | и что будешь ты обращен назад, поношеньем покрыт, | вознестись до того, чего не достичь,
 возмечтав. | и сказал я в сердце своем: Сей глупец не успокоится, устав, | и понесет на себе грех многих,

за преступников ходатаем став! | Однако теперь, когда захотелось серне | блеск свой помрачить
и предать скверне, | скорей беги, не стой, | яко почтен я пред тобой, | и произнеси притчи свои, и стихи
сложи, | говоря, что напевы твои были ради испытания госпожи. | и укрепи ее в назорействе, в завет
коего вступила она, | и в коем она возвращена. | и будешь благословен, если ты сделаешь так, | а нет —
знай, что благоволение мое отступило от тебя и я тебе враг!"

Когда услышал я речь князя о госпоже, испытал я унижение и позор, | я был постыжен, я был смущен, как
пойманный в подкопе вор, | и сказал я: "Прошу тебя, о князь, грех мой, пожалуйста, на сей раз прости, |
и негодование свое, и ярость на меня не обрати, | ибо вот, Страшным и Грозным клянусь, о княже, | что
об этом донине я не слыхивал даже. | и вот, я поспешу и исполню завет твой истово, | обо в очах моих
твой завет дороже злата червонного чистого." | и встал я легко и скоро, и сложил мощные реченья, | а
в них собраны назидательные поученья | о том, что я вышел, дабы быть ей препоной, | и пришел ради
испытания госпожи оной, | дабы такие слова произнести, | что сбили бы ее с назорейского пути |
и заставили за юношами пойти.

И вот, что содержала грамота сия, | кою госпоже отправил я:

Сей день сотворил Господь, великий и превознесенный, | возрадуемся и возвеселимся в оный! | Как
долго мы, дабы открыть тайну ланей, томились и страдали! | Только этого дня и ждали мы, дождались,
увидали! | в сей день отделили мы святое от того, что не свято, | в сей день открылись нам в песке
сокровища из злата, | в сей день глас испытанья разрешил ланей от бремени и обнажил леса, | в сей день
открылись тайны священные и чистые чудеса, | в сей день открыл я ланей стыд, | в сей день секрет львиц
мною открыт! | Борьбою сильною боролся я с ними — и превозмог, | нырял глубоко я в хитрости поток, |
и то, что не надеялся увидеть, показал мне рок, | так, что я с тайны чистоты и нечистоты пелену совлек, |
и поверг во прах газелей рог, | отнял блестящих и венец их поверг в песок. | Кто бы поверил, что давшую
святости и чистоты зарок | сумеет найти искусный стрелок, | и будет ей сладко взойти к нему на порог, |
и падет в сеть, как птицы, попавшие в силок? | Благословен владычествующий вечно в могуществе своем
и взирающий на народы Бог, | ибо сколько серн, кои пред страстью голову не склонили, | коих призывы
влюбленных не привлекли и не соблазнили, | кои сердца мужей святых пленили, | тайно в чертоге
влюбленных блудили, | и те входили в их чрево, и неведомо было, что входили. | Кто бы поверил, что
лань, чья слава столь велика, | станет добычей моего силка? | Как в мудрости своей не нашла она
подмоги? | Вчера ее речи к влюбленным были строги, | а ныне изменилась она и дух ее в тревоге, |
илишай расцвел на ее этроге. | Скажи, о лань! Что это ты возомнила, | когда святыням назорейством
изменила | и, вослед влюбленным пойдя, себя осквернила, | договорившись с теми, с кем любишь
лежать, ложе свое распространила? | Кто бы поверил, что ты с небес разума падешь, | ибо, отвратившись
от него, ты обнажишься и взойдешь? | Увы, железный столп и медная стена! | Как не было от тебя ни
помощи, ни пользы, но ты посрамлена? | Увы, о мудрости море! Как воды твои осушились до дна! | Как
не выдержала ты испытанья, когда я тебя искушал? | Как сердцем не догадалась, что я испытанье
свершал? | Скажи, о лань, что тебе так мило? | Что это за мечта, что твой разум затмила, | коль ты в стыд
привела сегодня ланей и сиянье львиц посрамила? | Ты слышала от меня слухом уха греховную ложь, |
так неужели в оплату ей ты мудрость свою принесешь? | Безумная, ты имя свое осквернила ни за грош! |
Ах, как поступок твой постыден, как нехорош! | Вот, думал я, что падающего восставит твое слово — |
а ты причтешься к слугам слагателя притчей любого, | и на хребте твоём может пахать певец любой, |
говорящий устами, кивающий головой. | Еще вчера еще вчера по народам слава твоя неслась, | а сегодня
станешь ты посмеянием и поруганием для живущих вокруг нас. | Вспомнят, что ты с Богом боролась
и человек одолевала, | и против влюбленных воевала, | и у потока Керит себя скрывала, | а ныне
презрела клятву и союз разорвала. | Прежде была в твоей вере твоего спасения сила, | и ты изрекала мне

проклятия и страшные клятвы произносила, | что ты прилепилась к назорейскому пути, | дабы за юношами не идти. | Где твои клятвы, коих было не счесть, | коль ты пресытилась стыдом, променяв на него честь, | когда вздумала в болото страсти влезть, | и в блуде ненасытном насыщение обрести?! | Вчера ополчение разума твоего ополчением Маханаима, | а ныне скажут: Гомер, дочь Дивлаима. | Скажут: где блудница, что была у Эйнаима? | Была ты величем дев доныне, | великая в народах, над областями княгиня. | я расставил сети для тебя, и ты, о лань, в ней застряла. | Разве нет у тебя разума, иль советника ты потеряла? | Как могла ты платье страсти надеть, а плащ духовности совлечь | и выйти на войну против назорейства, и в одной руке твоей копье, а в другой меч? | Где венец аскезы божественной той? | Где песнь высшей сущности святой? | Как променяла ты вечное на то, что пройдет, | и с древа жизни сорвала лист, а не плод? | я вышел ради искушенья, | для поруганья ланей и для пристыженья, | и от кого им ждать милости и прощенья? | Ибо вы привлекаете справа и отвергаете слева, | с необрезанным сердцем, полны вы похоти и гнева, | и если на вид свята и чистадева, | блудом беременно ее чрево. | и если сердце разумное сияет, разгоняя тьму, | надменный кошунник — имя сердцу тому, | и если разум в облаках ярким светом сверкает, | страсть, как туча, его облакает. | Скажи, о лань, смогу ль я быть уверен в ком-то впредь, | после того, как ты заслонила сердце, чтобы не разуместь, | и и стала ты местом, где расстилают силки и сеть? | а ты взошла на высоту разума и пленила плен в горней вышине, | и возросла к югу и к прекрасной стране, | так как же славу свою ты положила на рог оленя, о лань, ответствуй мне, | и дщери ее разбежались и в плен попали оне? | и говорили о тебе серны в глазах моих: "Вот, | сия есть отара дорогая, нашей прелести плод, | сия утешит нас от нашей работы, трудов и невзгод, | сия есть столп, стоящий в твердом месте, на нем повесим мы наш почет, | в сей найдем поддержку от забот! | Сия есть гордость времени, величья его венки, | лучшее из его украшений, славы его цветки, | облечена в крепость и красоту, величем горда, | и страх пред влюбленными не коснется главы ее никогда. | Не слушает глас заклинателя, не сойдет с пути, | и не внемлет влюбленным, что хотят ее обрести, | совещаются уловить ее в сети, | и за змеями не станет она идти. | в мудрой душе своей себе сделала трон | и тайны Колесницы — столпы, на коих держится он. | Любви и совершенства она полна, | в ней прелесть явлена и воплощена, | будет вождем нашим до самой смерти она! | Как прекрасна она и благочинна! | Разум — следствие, она — причина! | Она — простоты и назорейства образец, | пойдите и посмотрите, дщери сионские, на ее венец, | коим увенчана сия красивая и нежная жена, | что лилиями назорейства окружена." | Так и так говорили серны о тебе единожды и дважды, | ине один день, и не два дня, а многожды. | а теперь, что скажешь, когда они услышат о посрамлении твоём вести, | о твоей мерзости, непотребстве и нечестьи? | и как твоя скорбная душа оправдает сей блуд | в день, когда она предстанет на суд? | Неужели тебе между женщинами позора не будет? | Неужели оне тебя не осудят? | Ведь ты сделала тщетной их надежду, | и квашня вины твоей завязана в твою одежду. | Вернись, вернись, о лань, обет назорейства блюди, | и к идолу страсти не приходи, | и не будь с мужем и не блуди. | и коль встретится тебе муж — не привечай, | и коль влюбленный пожелает тебе мира — не отвечай, | и живи под кровом Всевышнего, под сенью Шаддая покойся, | и воздаяния за праведность свою удостойся, | и удались от угнетения, и не бойся. | Кротости: "дай!" — скажи, | и назорейству: "не удержи!" | Ибо смиренного узрит Возвышенный Святой | и над тобой воссияет Господь, и слава Его явится над тобой!

И было, когда закончил я слагать сие послание |, составленное из поучения и назидания, | отправил я его в руке отрока во дворец в столице, | где было жилище юницы.

И было, когда увидала госпожа сии назиданья и поученья, | а в них любовь сокрыта, а открыто обличенье, | сказала: "Сие меч поражения великого и рассеченья". | и не стало духа в ней боле, |

и восскорбело сердце ее, и сжалось от боли, | и рыдала она, и плакала, и рок свой корила, | и возвысила голос свой, и говорила:

"О скорбящая духом, ты сражена, | о глупая, неверная жена, | превыше всех дев была ты вознесена, | в целом мире, по воле рока, была ты одна, | была ты святости и доброты спутница, | а ныне спросят о тебе: "Где та распутница?" | Увы, какой позор! | Что злая страсть будет против свойств моих воевать, в то не верила я до сих пор, | и что отвлечет меня от Божьего служения, | ради брэнного вожделения." И собрались все братья и все сестры ее, чтобы утешить ее, но не было ей утешенья, | и сказала им, что уже скоро, вот-вот | она будет низвержена в ад, в глубины преисподней сойдет. и было, как говорила она, так и сделал рок, | и не съела она хлеба, даже кусок, и не выпила воды, даже глоток, | пока не угас ее дух и не пришел ее срок. | Проклята ярость ее, ибо свирепа, и гнев ее, ибо жесток! и госпожа умерла, | та, что была украшенье времени и венец его чела, | и превыше всех жен вознеслось великолепие ее, честь, и хвала.

И когда я увидел, что из-за меня настал ей конец, | не вернулся больше к князю во дворец, | и в изгнанника одежде, | отправился туда, где был шатер мой прежде. | и госпожу оплакал тогда я, | сердцем сокрушаясь и духом страдая:

Пал времени венец, небес светило,
С престола пала Аш, звезда рассвета,
Завяли злаки, все сады без цвета
Пусты, унынье землю охватило,

И небо тьму печальную сгустило,
Увы, луною зимней стало лето!
Тоску и вздохи множит время это,
Об Аш все мирозданье возгрустило.

Аш! Смерть из-за тебя любезна стала,
Тебя коснувшись, превратилась в радость,
Единая с тобой, она желанна;

Тебя не умалила смерть нимало,
Она сладка, твою приемля сладость
И не сравнятся с ней нектар и манна.

המחברת השלישית

אמר עמונאל המן: בשובנו מהמערכה עם השר המאשר • הייתי בעבותות אהבת הגבירה נקשר • ולדבר רק מאודותיה בעיני
 יכשר • הנה חשקי בה אמיץ ואיום • אך בה ישב יהפך ידו כל היום • וכראות השר כי נלכדתי במצודתה • ונפשי נקשרה באהבתה
 • אמר אלי: היום הזה אחל חשקך • שמע ממני דבר ושאהו בחיקך • דע כי דבר הגבירה אשר ראית מן מערךך • אמנם לה אחות
 יפה כפי מה שנגמר • עמד טעמה בה וריחה לא נמר • טובת שכל וצנועה • והנערה טובת מראה מאד בתולה ואיש לא ידעה •
 נחמדת להשכיל ולעינים תאנה • וגברה על כל הגבירות במוסר ובענוה • יפה כלבנה וכשמש בהירה • ובמלאכת השיר והמליצה
 זריזה ומהירה • לא יתן סגור תחיתה ולא ישקל כסף מחירה • היא מתענוגי החשק והידידות אחור נסוגה • ובשושני הנזירות
 והבדידות סוגה • קצה בחושקים ובבני-בליעל • ולה הברכים אשר לא כרעו לבעל • והפה אשר לא נשק לו • ותשכן באהלה מבלי
 לו • לה ברכות שדים מעל • ולא לקחה מן הזמן מחוט ועד שרוך נעל • רק להם לאכל ובגד ללבש • ותשם בלבה את רסן תאונה
 לכבש • ועלתה בחכמתה לתהלה ולשם ולתפארת • היא על עמודי השיר והמליצה גלה וכתרת • ובפיה לשון הזקב והאדרת •
 ולצאת מים התאות אל יבשת הנזירות חותרת • וכל שר ומליץ בערפה כגנב נמצא במחתרת • תחשב צחות לשונם לעגי שפה
 ולשון אחרת • היא צנצנת המן • אין ערך אליה בזמן • נלחמו בה הזלים זהב מכיס וכסף בקנה ישקלו • אבו נשיאי הארץ לקחתה
 לאשה ולא יכלו • ולו הטתה אזנה, כל יוצאי שער עירה ימלו • ולולי תשכן בסתר אהלה נגלו • כספר השמים וכל צבאם יבלו •
 ולו ראית הודה עמדת משתאה • והיית משגע ממראה עיניך אשר תראה • ויהי כשמעי נבהלו רעיוני • ותדד שנת מעיני • ונבהלתי
 מחשקה למשמע אזני • ויהי חשקה פאש בוערת עצור בעצמותי • ויתכו כמים שאגותי • לא תערב לי כל שמחה • ונהפך ששוני
 לאנחה • ונלאיתי כלכל ולא אוכל • עד הייתי בעיני השר סכל • ויאמר אלי השר: ההגיע מסכלותך לחשק במלכת השמים אשר
 שמעה הבהילנו • מי יעלה לנו השמימה ויקחה לנו • חדל לך אחי פן נתבזה • נאל תוסף דבר אלי עוד בדבר הזה • נאמר אל השר
 בנפש חרדה • ועיני עיני מים יורדה • אנא השר אביר התעודה • הראני נא את כבודה • כי הנני נשבע בגאוני • וחי החשק אשר
 ביני וביני • כי אם יעלה לשמים שיאה • וממעל לכוכבי אל תשים פסאה • שם אצנה דמעותי • ומשם יורידוה תחנונותי • כי לי
 שירים בפנקים ירצו • וכעין נחשת קלל יוצאו • ומליצות נמרצות תעשינה בלב היעלות פרצות • ותקרענה סגור לבם וקרבו
 כתנור לבם בארבים •

ואשא משלי ואמר:

לי יקדו שרים ולי יכרעו
 על פי מליצים וחנו יסעו
 אתי בסוד שירים חדשות נפלאו
 לא נבראו מאז ולא נשמעו
 לי שיר ינובב הבתלות לי זמיר
 חשק דבריו כל לבב יקרעו
 אלו שמעוהו בנות חן גועו
 או שכבו עם כל אשר פגעו
 לו המלכות שמעו מפי זמיר
 אז נפלו תחתי ולא יבצעו
 אלו בצר רוחי אמרר בבכי
 אז בבכי כל הקום גועו,
 בקעו כל-מעיונות דמעה עדי
 ארץ ושמים הכי ידמעו
 לו לנבלים אשאלה מתן אזי
 לא קפצו ידם ולא מנעו
 על-פי תנועות מאמרי נסעים
 כל-שמעי שירי ולא יפשו
 בן ישמחו בן ידאגו בן ישחקו
 בן יקצרו חסד וכו יזרעו
 יתענגו מזיו אמרי שחרי
 משד זמירי יינקו ישבעו
 אדלה פניני מאמרים יקרו
 לו עמקו או בתהום טבעו
 אלו בני-קרח כשירי שררו
 לא נבלעו אז פאשר נבלעו
 אסף והימן אם-בדורי יהיו
 לא נודעו בשיר כמו נודעו
 לא נכרו בשיר ואף בל-נטעו
 בל שרשו כיום ובל זרעו

מה לך ידותון שיר והימן מה לך
 כנור פנו אלי והנשעו
 היו מליצי הזמנים עלגי
 שפה בדרך שיר בעורים נעו
 אדרך אני על במתי השיר ובי
 יתהללו שרים ובי נשבעו
 הדרכים מפתן חסדי לעלות
 עד מעלותי יעפו יגעו
 על כן לכל הרס ומעפיל לעלות
 אמר : רדו דודים והכנעו
 אל-תקרבו סורו ואל תגעו
 שירי ראו ראו ואל תדעו •

כשמוע השר השיכה נפלא על נעימותה • ויאמר לא ראיתי כתבניתה • אם תחפץ לראות היעלה ותפארתה • הנה היא יוצאת יום
 יום ועולה אל בית תפלתה • השכם בבקר ושם תראה זהר ופעתה • כשמעי זאת התנחמתי • ואשמרות קדמתי • ונשבתי פתח
 השער • ורעיני אחזו שער • ולבי כאש תבער יער • עד אשר תעבר היפה ואראנה • אם היא כלילת יפי פאשר יאמרו ממנה • עוד
 מעט והנה • קול המלה פקול מחנה • כל החושקים עת בואה יקוו • וקם כל העם והשתחוו • ואשא עיני ואראה את המראה
 היקרה • והנה חברת גבירות ובתוכם נערה • לפה כלבנה וכחמה ברה • ויפגעו בנו מלאכי אורה • ויבואונו חשמלי זהרה • ואש
 אהבתה בלבבות בערה • ואקרא שם המקום שהוא תבערה • כי בערה בנו אש חשקה ולאור ופעתה קראתיה שמש צדקה • נאמר
 בקול נשמע • ולבי בוער ועיני ידמע • ברוך בוראך אשר יסד בספירים אדניך • והרביץ בפונ אבניך • והחפיר המאורות בעיניך • לא
 הגד לי החצי מעדניך • אמותה הפעם אחרי ראותי את פניך • ותאמר הנערה : ארור הבא • זה הכל ורעה רבה • ותבו לי בלבה •
 נאמר אל לבי הט שמייך • ורוח יסע מעמך וירד בגנך • ויזלו בשמיך • ואחרני השירים והמליצות בעממיך • כי פגעת אשר קוית כל
 מיך • ואקום קל חיש ואחבר מליצה נמרצה • תגיד בה נפשי אל הצביה את כל הפצה • וכי דם לבי אל אהבתה על קיר מזבחה
 נמצה • ואארג עוד שירה חדשה נותנת אמרי שפר • נאכתבם על מגלת ספר • נאשלח את המגלה ביד נער צעיר לימים • מזרע
 המלובה ומן הפרתמים • ואשים דבר בפי לאמר לך אל הגבירה וכה תדבר • ראש משוררי הזמן על אהבתך זאת המגלה חבר •
 ואם לא תדעי לך הפה בנשים שמו • הוא שר צבא החשק עמואל בן שלמה • ואלה דברי המליצה והשירה • אשר שלחתי אל
 הגבירה •

באשר השתיקה תוליד המנות הדבור חכמה • ובאשר הסתרת הסוד סבת גון הגלוי ערמה • ובאשר הנדיבות • ימנע הערבות •
 הנבלות לא יחשב לאשמה • ובאשר השלום • הגוף יחלם • טובה ממנו המלחמה • ובאשר הצניעות • ימנע הרעות • העזות נחמה •
 אין להחיל עד בוש ולהנחם • אחזיק שלחי מליצותי ואלחם • הראני הזמן הודך הצביה ונצמתי • פגעתי בגינך ונבעתי • אם
 תחייני ואחיה ואם תמיתני ומתי • יושבת בלבבות החושקים • מקננת בארץ ודורכת על במתי השחקים • היושבת על חוג המועצה
 • הרוכבת בשמי שמי המליצה • הנשואה על פתח התהלות • ועל דבשת המעלות המהללות • ברוך בוראך וברוך יוצרך • אשר שמך
 לנס ללכת גוים לאורך • עשאת הזמן יחידה בעולמך • ברוכה את וברוך טעמך • הנגלו לך תלאות החושקים ילכו לנגה זרחה • ועל
 דרך ארחך בברחך • אם לא נגלו לך אודותם מה זה סבלת • ואם נגלו לך מדוע לא חמלת • והצל לא הצלת • איך נכזבה תולדתם
 • איה אפו תקנותם • הגידי לי מה משכרתם • למדנו הצביה לפי דרךך • כי לא תחפצי חושק מן מערךך • ויתבקשי כרוב ממשח
 השוכך • בת נדיב הנה השמש יחיד בזהרו • וילכו גוים לאורו • ומאוריו מהם על פני רקיע השמים פרושות וחרותות • ומהם חבוקו
 אשפתות • לא זכלה אורו למגדול ועד קטן • ולא יוביש מבטן • כעבד פאדוניו פמלאך פשטן • אי זמן מסור בסוד חכמים לא
 עמדת • לחלק שלל ממי למדת • שללת יפי עש פסיל וכימה • וזהר הלבנה והחמה • ונצלת עדי כוכבי השמים וכסיליהם • ויפעת
 מזרות וחיליהם • וקבעתם באור פני הצביה • וקבצת כל ההדורים בה לחיה • לא השארת מחיה • ארור עושה מלאכת השם רמיה
 • והנה אם לאשמת העם וחסאתם • תמנע הצביה מן החושקים תאנותם • ולא תסור אל משמעתם • תתהפך כחמר חותם • ולו
 הואלת לחלק היפי בין הצביות • ולא תהינה עיני החושקים במקום אחד תלויות • או לעשות אחרת במתכנתה • כתבניתה
 ותמונתה • ואם יגזר המנות לכרות את מפלצתה • או לעבט עבוטה • או להוביש מבטה • והנה המחנה הנשאר לפליטה • בת נדיב
 חפץ הטבע להראות בך חמודותיו • ואת יקר תפארת גדלותיו • להראות העמים והשרים אותותיו ונפלאותיו • ויבחר מכל
 ההדורים ציץ תפארתם • ומכל החמודות צבי עזים וגאון הדרתם • ויהיו לאחדים בידו • ויחבר מכלם תבניתך ואת שיהדו ועדו •
 לקח זהר החמה ויפי הלבנה • לבן השלג ואדם השושנה • ופלח הרמונים • וקומת התמר ועיני היונים • ותאר הארגמן • וצוף
 הדבש ומתק המן • ויתן עיניך ביוני הגאיות • וצנאך כמגדל דוד בנוי לתלפיות • ורקתך כפלח הרמונים • ושפתותיך שושנים •
 וזהרך כזהר השמש הזרח • ויפך כפי הזרח • וטעמך כטעם המן • ונדלת ראשך כארגמן • וחפך כיון חמר • בעניני משמר •
 וקומתך דמתה לתמר • ודודאי חשקך נתנו ריח • ומאורך יתקלסו בשמש הזרח לאמר : עלה קרח עלה קרח • ועתה רעה מה
 בצע בראשך עלך כפרמל • ולב חושקך אמל • ולא תתני חיים למרי נפש ואור לעמל • ומה בצע בידך גלילי זהב • אם לא תחבקי
 חושקך אותך יאהב • ומה בצע בעיניך יונים וכברקים יחלכו • אם לבות הצבאים לא ימשכו • ומה בצע בידך ראשך כארגמן ואין
 מלך אסור בהרסו • ולזהר הפעתך ואין מביטיו • ולשושן לחיך אם אין לקיטיו • ומה בצע באדם השפתיים • והחושקים לשכבון
 בין שפתיים • ומה לצוף החך ונפת המלקחים • ובכור החשק בשבי אחר החכים • ומה לנפת תטפנה שפתותיך • ואין נושק • ומה
 חפץ בחיים אם אין חושק • ומה בצע בשני שדיך • אם לא ילניו ביניהם דודיך • ומה בצע בריח אפך בפתוחים • והחושקים תחת
 אחד השיחים • ומה לחמוקי רכבך כמו חלאים • אם לא תתני שם מרובץ לצבאים • ומה בצע בבטנך ערמת חטים • ואת בגלגל
 וחושקך בשטים • לקוחים למנות ולהרג מטים • הירוין דודיך מלאכי רוס • או צבאות שחקים שחרום • אין חפץ בודיך לבני

אלים • ולא אל מי וידידותיך מיחלים • מלאכי שמים • לנו המים • רעה מה אוסיף לדבר וחשקך לחצני • העיק תחתי ועדיך הריצני • ולגלות אליך אודותי ואת אשר התעלל בי חשקך אלצני • פלו בגון חני וימי • כי החרשתי פלו עצמי • רוייתי הארצות בדמעותי • ולא שאלו מטר אחרי גבעותי • פניתי אל הימים • למצוא לי מנחמים • נגעת ולא מצאתי • ולכו עדיך בלב בוטח ונאמן באתי • ברוח נכאה ונפש שפלה • אחר בקשת המחילה • לבקש מדידאי חשקך • ומרמוני חיקך • וחייתה נפשי בגללך • יהי שלום בחילך • כנפש החולה באהבתו • האגרת הזאת שלוחה מאתו • לא יסור שבט החשק מקרבו • ולא יניח רגזו ועצבו • עד צשותו ועד הקימו מזמות לבו •

נאשא משלי נאמר :

יאמרו שחקים לך אימה נאנה
 רב לך, צביה, רב שלום בגיך
 בנו צבא מרום ובך עיניך
 כי-נהיה נגדם כהיום ראנה

ולכוכי שחק כהיום תאנה
 היעלה למשול במכמניך
 לא-יאמרו שוא עמלו בגיך
 כל שמעי שמעך אמנת גאנה

אשמע כסיל ועש וכימה יאמרו
 מי יתנה כיום ונהיה שקדים
 בפני צבית-חן אזי טוב לנו

מה אל שחקים כי בעז יתפארו
 בו יעלו יומם ולילה ירדים
 עז השחקים יום היום הגלנו

וילך הנער אל ארמון הגבירה • וימצאה סגרת ומסגרת בתוך הבירה • ובגדי נזירים לובשת • והיא מטמאת הזמן מתקדשת, ויתן האגרת בגדה • ותקראנה לדעת סודה • ויהי כקראה את המגלה עלה עשן באפה • ותאמר השולח זאת האגרת ישבע בחרפה • ותתמהמה כרגע • ותאמר עוד נגע • אביא על השלח את המגלה הזאת • ולא יועילוהו המליצה והחרוזות • ותקח גליון גדול • ותכתב עליו תשובת אגרת • ותאמר אל הנער הולך האגרת הזאת אל הנבל מאתי • ואלה דברי אגרת הגבירה • אשר היו במליצה ושיחה :

אני בצללי היכלי מסתופפת • בחלון ביתי בעד אשנבי נשקפת • ורוח אלהים על פני מרחפת • ולבי קטרת תבונה ירקח • שתם עין התאנה ועין השכל יפקח • מעצר החשק וממשפטו לקח • וכוס פרוז האהבים רוייתי • ותמונת השכל מימיני ולנגדי שוייתי • קצתי במחמדי הזמן ולישוועת הנפש קוייתי • ולא עלה בלבי חשק ולא צוייתי • והנה יד שלוחה אלי מאתך השר תלחצני • ושיירים ארגו אצבעותיה יסערו להפיצני • וסיתוני ללכת אחרי הצבאים • וללבש בגדים צואים • פורעים ומתנפלים • ולעלות ההרה מעפילים • יאמרו הננו שלוחי אבי החושקים • ושלוחי מצנה אינם נזוקים • קראתים וימתקו כלענה בפי • וקדחו אש עברה באפי • ועתה הגד נא לי שר צבא החושקים • הריסות החשק מקים • מה יעשו לי שיריך יצורו עלי בחילם • יתנו עלי בקולם • ולבי כהר ציון לא ימוט לעולם • נשענת על אילן יעשה פרי כחש • ופגעת בלחשך נחש בלי לחש • כי רגלי על מרמה לא תחש • פנה לך על ימין או על שמאל • ומה יתרון לך לרוח תעמל • כי לבי למסת חשקים ילעג ולא יחמל • נתתיו כשמיר חזק מצר • לבוא מפניך במצור • ורוח נגידים לבצר • לא גדל על אהבים • ולא פנה אל רהבים • הנה בשמים עדי ושהדי • כי לא תאכל פרי מגדי • ולא אתן לך את דודי • אל תוסיף עוד התל בנעלה • אשר הקשיחה תאנות העולם ללא לה • והזניחה תבל ונעמלה • וקשרה על הזמן קשר • ולבשה סות העננה והישר • מה לך פה ומי לך פה • כי תלך הלך וצפה • נגר ורפוא • ואני טהרתי רעיוני ואצרפם • לא גברחם בן קשת וקשת נחוישה לא יחלפם • רחצתי את רגלי מטמאת הזמן איככה אטנפם • חי אני לקול החשקים תצלנה אזני • וטמאתי החשק בעיני • כטמאת הנדה היתה דרכם לפני • נאמר בעד לבי זה סיני • מפני אשר ירד עליו אדני • ועתה מה זה רוחך סרה • ומחשבתך לזנונים הרה • לחשק בעפרה ולדבר על לבה • אשר לא עבד בה • ולעמד במשעול צר ולחטוא ולמעל • באשר לא משכה בעל • ואם רעיוניך ויצוריך יוקדים • בוערים כמראה הלפידים • לך קח לך אשת זנונים לזנוניך • ושם תטע נטעי נעמניך • ושמה מרובות כבודך קלון בית אדוניך • מה בערו מזמותי אשר לא מנעוני לקרוא אגרותיך • מה מאד סכל לבי לשאת מדברותיך • ולו הואלתי לבערם בחותמיהם • בטרכם נגלו לי אשמיהם • אוי לי כי נדמיתי • כי שפתי היום טמאתי • בקראי ספרתך • ולשוני בהגינה דברתך • לדבר זה יסלח וי לאמתו • ולא יעיר כל חמתו • ועתה אל תאמן בשוא נתעה ומרק פגולים • כי מאשר יקרת בעיני אשייך מלים • רק פו תתפאר עלי לאמר חזקתיה • פתייתה גם יכלתיה • ובעבור תדע כי לי חץ תבונה כבד החושקים יפח • וחרון אפי עליהם אשלח • ולכו מבנינתך חדל כי היא לא תצלח •

ותשא מְשֻׁלָּה ותאמר :

ספר חקקתו הצבי בינותי
לו לבד טוב הדברים טבו
פגעו אך לחשק יסבו
לא ידעו כי חשקים שלותי

מן הקלל הפושעים ברותי
כי הם להשחית האמת וחשבו
אכין כלי מות אשר יקטבו
לחשקים ובחשקות ריבותי

איסיר בנות החן ואישיר ארחות
יעלות ואשקה חשקות סף-רעל
אבין אליהם את-אשר לא-בנו

אמר ליעלות חן רגזה בטחות
אם נחטא לאל ונמעל מעל
מה-נעשה יום שידיבר בנו •

ינהי בראותי אגרת הגבירה • וקראתי המליצה וחשיכה • וראיתי הפלגת צחות לשונה • ברכתי אותה בשם יי ראשונה • וחשבתני
לאין משלי ושיירי • וכמעט נטיו רגלי כאין שפכו אשכי • ואעמד משמים בין שכני • ושעפי נרעיוני • לא מצאו חזון מאדני • ונהי
כראות השר כי המר רוחי • וקחתה עין שכלי ונס לחי • הגדיל פיהו עלי • ויפן בחמה אלי • ויאמר הובשת היום פני החשקים
והקלמתי • מה החלום הזה אשר חלמתי • אמר אמרת כי יכול תוכל לה • ועתה אין בפיך מלה • אוי לה לאותה בושה אוי לה
לאותה כלמה • מי יתן והחרט תחריש ותהי לך לחכמה • כשמעי כסתה כלמה פני • ופלגי מים ירדו עיני • ואתנה את לבי למצא
דרך לכבש הגבירה • ולצבי אותה כמטרה • לחצי משלי ורגני • וען התרננה אלי ושאננה עלה באזני • ואכתב מגלת ספר ואשלחנה
אל הגבירה שנית • אולי אסב את לבה אחורנית • ואלה דברי אגרותי • השלוחה אל הגבירה מאתי :

לבי סחרחר בי עפרה צבית- חן
מים ושבלת חשקך שטפתהו
נס מפני קצפת אז יום חרון אפך
עד-גערת חצך כיום חלפתהו
חוסני עלי נפשי בי יעלת החן
פן-לאמרו עלי אשה הרגתהו •

בהיותי ירא וזחל • אקוץ בחיים ובזמן בחל • פלו עיני מיחל • ותבוא נפשי במצור ותעמד בחל • וסבותי אני את לבי לראש •
וחשקי בושר באש • ושבתני לחצי הדאגות למאכל • ונלאיתי כלכל ולא אוכל • ועיני יבישו הנחלים • נצבו כמו נד נזלים • ותבאנה
ותדלנה ותמלאנה את הרהטים • והזמן ידבר אתי משפטים • והנה על ההרים מבשרת • אגרתך הצביה לכל נעם אגרת • לשון
הזהב והאדרכת • במור בינה מקטרת • עלז לבי לקול פעמוניה • ונכספתי לריח שמניה • אני בחומת האגרת שבר • נדי נטפו מר
ואצבעותי מר עבר • ונאבוא מלון קצה יער כרמלה • והנה שם תוכחת מגלה • שפתיה מלאו זעם ולשונה פאש בווערה • שרתי
בצביות למה זה את מתנכרה • להכות עמים בעברה מפת בלתי סרה • מי יחזיק ביד החשקים אם לא תחזיקי • ומי יריק אליהם
ברכה אם לא תריקי • ומי ימלא את כליהם שמן ששון אם לא תוציקי • אינד תחרישי בעת הזאת ברה פחמה • וקול דמי
החשקים צועקים מן האדמה • הנה הם אומרים נכזבה התחלת • ונהי בחשקנו כאלה נבלת • צוי על רוחך הנדיבה היפה
בתענוגים • לשמח כהיום נפש נוגים • ממך היו • ופחי בהרוגים האלה וחי • בת נדיב מה תסתרי במסתרים • ותבואי בחדרי
חדרים • שוטטי נא בחוצות ובכל עברים • מה לך פה ומי לך פה כי חצבת לך פה קבר • שאי סביב עיניך וראי החשקים בכל עבר •
בך יחליפו כח יעלו אבר • יחנו עליו כדור • ואם לא תביטי אליהם בעין ההדור • מי יחוס עליהם • ומי ירפא מחציהם • הנה
עיניהם כמטר יערפו • וזובו מים ונחלים ישטפו • אל מי ידיותך צמאים • יהגו אך נכאים • מי ימחה דמעה מעל פניהם • היעמד
לבם אם תחזקנה ידיהם • מי ינחמם מפאבם • ומי יניח אליהם מרגזם ומעצבם • היפה בנשים צאי לך בעקבי הצביות היו לפניך
מן העולם • אשר חס עיניהם לחמלה על החשקים ושמעו לקולם • ויהיו השירים ביניהם ובין החשקים סלם • לא היטה יעלה
אשר לא עמדה בסודם • ואשר שגבה מהם ולא נפלה בידם • למן היום אשר ברא אלהים אדם • שאלי נא וראי צביות פרס ומדי •
אשר התקדשו למדי • ובנות מואב ועמון • ויעלות דמשק ונא אמון • הנם ככל המון • ועתה איה בנות החן • באלתולד ושרוהן •
ובנות הבשן והעשפרות • המתקדשות והמטהרות • אשר נתנו לבם כשמייר ולא הזעילו • והצל לא הצילו • כי הם בשחתם נתפשו
וברגלי החשקים נרמסו • גם אם גבהו בנות ציון וירושלים • ובנות לעיר ספרנים • הלכו נטויות גרון ומשקרות עינים • לא חשכו
דודיהם מדודיהם • ולא ייעפו מבקשיהם • ולכן אם יעלה לשמים שיאך • וממעל לכוכבי אל תשימי כסאך • ותקשרי מעדנות

כימה ותוציא בעתם מזרות • אצור עליך מצב והקומותי עליך מצרות • ושם אצנה דמעותי • ומשם יורידוך תחונותי • הלא ידעת • אם לא שמעת • כי יבואו האנשים במעונות אריות • ויצודו משם הלביות • ויורידו יוני הגאיות • ממגדל דוד בנוי לתלפיות • ויצודו הדגים ממצולות גם • ויניפו ידיהם על הנהר בעינם • ויורידו החסידה מן השמים בשכלם • וכל אשר ימאנו לשמוע בקולם • ברשת זו טמנו נלכדה נגלם • חבצלת השרון שושנת העמקים • אל תהיי כבנות הריקים • תמאננה להפקיד חשקם במבחר המקומות • וביפי הנעימות • המתקדשות והמטהרות אל המקומות המפרסמות • ואחר אחת בתוך תבחרנה העורים והפסחים לסתיר עצתם • תכבינה בהם אש תאונתם • לא כן אחותי בחיך לך מן הצבאים עפר • ומן הפפרים אשכול הכפר • ויקחי דודיו לך לצידה והתעלסי באהביו • יכבה להב חשקך וכבי אש להביו • ויסבו עליך רביו • והנה באתי ראשון לכל סבל בית החשקים • הריסות החשק להקים • וכן תאמרי שמתתי לבי מגדל • ונערתתי בחשק ויחדל • הנני נשבע באהבתך היקרה בעיני • כי בזית מכתבי ולא נבהלו רעיוני • ומאנת חשקי ולא נפלו פני • אך אמרתי יש לי תקנה • כי כן חק כל יעלה ויעלה • בפיהן תוכחת מגלה • ותוכן רצוף אהבה וחמלה • מה מאד נעם אלי זה המאון ומתכנתו • ומה מאד היה דבר בעתו • לא יפול לב חשק על זה באמונה • כי זה מחק המוסר למאן בראשונה • חי הברית לו נתת לי חשקך בפעם ראשונה לא עלו לבי כאשר יעלו • והייתי במעגל אהבתך נלו • ובזאת ידעתי כי רוח נדיבה זרקה בך האהבות • ונדיבה את ותקומי על נדיבות • ובלב בטח ונאמן אעמוד באהבתך את מחץ חשקי לחבש • ואדע כי לא אבוש • ולכן לקחתי מפניי המאמרים אמרות טהורות ועשיתי אותם על ראש תהלתך עטרות • הואילי נא הצביה בהודך • והושיטי אליהם את שרביט חסדך • ואם אינם לפי כבודך • כי אין נבלה שלא תכלכלה נדיבותך • ואין עזות שלא תקדמנו ענותך • ואין עון שלא תכפרהו מחילתך • והנני מנחל למענה ברכתך • או לשתיקת הודאתך • ולך הצביה רב שלום עד בלי גרם • מאת הצבי דודאי חשקו נתנו ריח • ואל מקום אהבתך שאף וזרח • יחזיק בכנפי חשקך באהבתו • לא ישלחך כי אם ברכתו •

ואשא משלי ואמר :

הגד כרוב ממשח ברב חסדך
מפל-עשקיך האם פניתי
עד לתעודה בית זבל בנית
מקדש אדני כוננו ידך

היא הצביה בעלת סודך
קנינך השר אשר קניתי
בימינך צרתה ולא שנית
עת נחזה יום ליום נודך

מה חכמו צבאות גדודי מעל
אם עוררוך הם עשות תפארת
תבנית כבודם לעמד בינינו

כי-בה לבד נשיג פארכם נעל
לראות פאר עליון והכתרת
יום הצביה תחזה עיננו •

ויהי כראות הגביכה את קשי מצחי • ותאמר גם היום מרי שיחי • עד מתי לא תתנני זה הנבל השב ריחי • חי אני כי בפעם הזאת אשימונו נכלם • ולא יוסיף לראותי עוד עד עולם • ותכתב מגלת ספר ותשפך בה את כל נפשה • ותשלחנה אלי ותענני קשה • ואלה דברי אגרתה • השלוחה אלי מאתה :

לבזה נפש למתעב גוי לעבד משלים • אשר הוצאת מפיד מלים • לחוד חידות ולשאת משלים • ברב חלומות והבלים • ותלעג ואין מקלים • למה הרגזתני לענות אל מאמרך • וחשקי סר מעליך ויהי ערך • מה לי ולך כי באת אלי בי להלחם • ולבי נשבע ולא ינחם • אכזרי הוא ולא ירחם • נתתיו פעמוד ברזל ממקומו לא ימוש • עד תוציא לך מים מצור החלמיש • למען תדע כי לא פלנו ככרכמיש • ומאשר חנני הזמן לא אעניקך • ויניני עם חלבי לא אשקך • ואם תהיה חותם על יד ימיני משם אנתקך • וכל אשר תוסיף להכנע אקשה ערפי • כאשר הייתי בימי חרפי • ובצדקתי החזקתי ולא ארפה • וחרבי הקשה על החשקים אניפיה • ומשוקקי ינידוך רעיוני מעכשו • לא תוסיף הביא מנחת שנה • כי לבי צור מעז וקשה מצח • להרים קול בתרועה ולפתח פה ברצח • כל יסע ותדויתו לנצח • לא ימסו אסוריו העת עם החושקים יאבקו • וכל חבליו בל ינתקו • ואולם הר נופל ובול צור ינתק ממקומו • ולבי לא יתן לך את שלומו • עד תעלה בסערה השמים • ועד תנהיג האניות במדבר והעגלות במים • ואיך מסך הזמן בקרבך רוח עושים • להרבות עלי רעים • מכתבי תענועים • משלחת מלאכי רעים • יצאו יצוא נשׁב • ואני לא כן אדמה ולבבי לא כן יחשב • אשר פרו יתו בעתו ולא יבלו עליו • ברזל ונחשת מנעליו • לא אכזר כי עורנו • לא גברחנו כן קשת וכן עולה לא יעננו • כל תלך בו אני שיט וצי אדיר לא יעברנו • מה לי ולכם החשקים אנשי חרמי • שועלים קטנים מחבלים פרמי • תסיתוני להמיר

הקנים בקלה • והנכבד בנקלה • והבריא בחולה • והחכמה בסכלות • והבינה בהוללות • והאמת בשקר • והתושב בעקר • והטוב ברע • והטהור במצרע • והשחרף בחפרע • והמלאך בחנוף ומרע • והנקי בטמא • והברי בשמא • והאוהב בשונא • והנאה במגנה • והתהלה בדפי • כי תחת יפי • והעלמד בחלף • ודברי צדיקים זסף • סורו מני דרך הטו מני ארץ • חזקו עלי דבריכם היו עלי לטוב • מה לכם סגור לבבי תקרעו • וחוק המוסר תפצעו • סורו סורו אל תגעו • אמרתי אחרי דברי לא תשנו והנה שניתם • הרעותם אשר עשיתם • אף אני אלך עמכם בקרי • זרעכם ארץ מלחה לא תעשה פרי • אל תהיו מרי בבית המרי • לא אחלל בריתי ומוצא שפתי לא אשנה • כי לבי יהרס חשקכם ולא יבנה • ולהמון שירכם לא יפנה • מקולם לא יחת ומהמונם לא יענה • זדון לבך השיאך בן הנעוה • שכני בחגוי סלע מרום הגאנה • הנותן כל הצביות לבוז ולראנה • ותאמר ברב רכבי אני עליתי מרום הצביות • ובירכתי משכן הלביות • אשר מראש אמנה מרבה דיות • ומראש שגיר וחרמון ממעונות אריות • וסוד הצביות חשפתי • והכמה וכבוד יספתי • וכאסף ביצים עזובות כל הצביות אני אספתי • כלם בחפה העליתים • ובמקמת שירי אספתי • ואשחית מהם שרש וענף עד לאין מרפא • ולא היה נודך פנף ופוצה פה • וישאך לבך בגאווה • ותאמר: הלא ככרפמיש כלנו • ולד כאונו • והחדס כסרפד • וחמת כארפד • ומשק כשמרון • ועית כמגרון • ואלתולד כחצרון • וצען כחברון • ולוד כירושלים • ובאר אלים פאגלים • ונדת כל הצביות בגזרה שונה • הצמאה כרונה • והצולעה והנהלאה • לרחל וללאה • והנדחה • לאשר תאמץ רוחה • ולכן הנני נשבעתי באשר שמתתי בו בטחוני • ובטלתי מפני רצוני רצוני • לעבד אליו כל זמני • כי פגעת ביעלה לא תאספה במקמתך • ופגשת בצביה לא תהיה בה תפארתיך • למען תדע כי הבדל יש בין הצביות • מהם גלות עליות • ומהם גלות תחתיות • ולא כנשים המצריות העבריות • כי לנו לב טהור ולא טמא • לילה ויומם לא נדמה • עזבנו הזמן ובאמת דבקנו • מאסנו החשק נצור מחסנו חבקנו • שכחנו בשת עלומינו ואחרי הנדענו על נדך ספקנו • אין לנו חלק בחשק ולא נחלה • לא יכבו תאנתנו עורים ופסחים ואנשי עולה • באשר ראיתי בהורתך השכולה • או באחותך הסכלה • ועתה הסכל והנבזה • הסר מעלי המון שיריך והמית נבליך לא אחזה • ואל תוסף דבר אלי עוד בדבר הזה •

ותשא משלה ותאמר:

על מאסי חשק בני פרח
יאמרו אשר חשקי מאד כילי

מי האמין כי-הזמן צנה
הצאן והבקר עלות עלי

ויהי כראותי תפוחי זהב במשפיות פספה • וכי הקשיתה ערפה • ותענני גדופה וחרפה • ואמר חי אני לא אוכל ברחה • כי בפעם הזאת אפר יראה ואגרע שיחה • ואשלח את כל מגפותי אל לבה • ואבעיר אש החשק בקרבה • ואכתוב מגלת ספר ואשפך בה את כל נפשי ואשליחנה • ואמר לכי מליצתי ואם דאגה בלב הצביה תשחנה • ואם דבר טוב תשמחנה • ואלה דברי האגרת • אשר שלחתי אל הגברת:

עורה כבודי עורה הנבל וכנור • הכה יבוס יגע בצנור • היית מברושי החשק מבחור • מה לך היזם כי תנוס היךדן תסב לאחור • הך הכפתור וירעשו הספים • רעיוני נרפים אתם נרפים • כי תהפכו קקשת רמיה • עלו אתי בגורלי ונלחמה בצביה • הקשיתה ערפה ותמאן חשקי • ויהי הבז מאתה מנת חלקי • עליה בגורל ואל תתנו דמי לה • עד תכונן ועד תשים חשקי בארץ תהלה • בת נדיב חלק לך הזמן מפבודו • ויתן עליך מהודו • כמתנת ידו • לא בעבור ישמן לבבך ויבעט • להכרית גוים לא מעט • ולו ידע הזמן כי תאמצי לבבך ותקפצי נדך • לא חלק ההדורים לך לבדך • ולא נשאך על כל פבודה ולא חלק לך חן בלי מדה • מה מאד חטא הזמן ומה מאד חשב אליו לגנות • אם חלק לך בגיפי לא במספנת • ולא חלק לך ברחמנות • כי תבזי כהיום ותשקצי ענות • חשקיך ההולכים בחשקך בנאמנות • היפה בנשים נלאינו כלכל חשק אהבתך • וקצרו רעיונינו מנשוא כבד נעמוותך • כי יפעתך הטהורה והחשובה • תמשכני בעבותות אהבה • חי אני כי אשר קטרו למלפת השמים לא ידעוך • ולא יכחיש מעלתך כי אם מעונך • ואשר לא חמדוך • אלו ידעוך עבדוך • אי לב ערל ולא נמל • אי לב אכזר ולא תחמל • כי תגור על ימין ותאכל על שמאל • הרגת החשקים ותכרתי את מפלצתם • ריית הארץ מדמעתם • והשקית הארץ את צפתם • אי אכזרית הלא תרחמי • הרגת נפשות נקיים ולא תנחמי • ועוד נדך נטויה ולא תקלמי • בת נדיב הזה מדרך המוסר • לעמד במרדך ויגוע כל בשר • חי אני לו ידעת החשק עבדתו ועל גרגרותיך ענק ענדתו • מכבד וכבדתו • ולו הראך הזמן חשק עם חשוקתו • אז ראית לבך נופל ארצה והיתד ברכתו • ואחרי הצבאים כאיל תרדפי • בצד ובכפת תהדפי • ותאנחי על מה שעבר מן הזמן וילך בלא חמדה • ותאורי ימי הפרידה • ותבקשי החשק לך לצידה • והנני נשבע בחי החשק וגאונו • אשר נטע בלבי אהלי אפדנו • ומשחני מחברי שמן ששונו • ויתן בימיני דגלו ובשמאלי מגנו • כי אם שמוע תשמעי לקולי ותספיתי ניבי • אז תאמרי שנני אלהים את כל עמלי ואת כל בית אבי • ואם תראי מראות החשק לו תשפתי • והיית משגעת ממראה עיניך אשר תראי • ולו הגעת להיות עם החשקים ובמדרגתם • וראית חמודותם • אז תשימי החשקים על לבך חותם • ואם תראי איך ידבקו באהבתם וישתעשעו בחברתם • תפלאי איך לא תמות בנער נפשם וחייתם • ויהיו החשקים חמדת לבך ושעשועיו • מעשה צעצועיו • ותאכלי מן החשק לבו תוך צלעיו • צלי אש חשקך ראשו על קרבו ועל פרעיו • ואמרת בלבבך איך רעיוני שקר נחלו • כי ימי בעשן כלו • והימים הראשונים יפלו • ותקחי מזדנו כפלים ככל חשקנו • ותשיבי פעלתנו שבעתים אל חיקנו • ויהי דודיך ודודי הצביות לחם חקנו • ואמרתם לדודים פסונו ולחשקים נפלו עלינו • ואל תחשבי הצביה כי במאנך לי חשקך אחריש ואגוע • רק אחזיק מעמד ובעינים דומעות אשנע • ואחזיק בכנף מעיל אהבתך • ואוחיל יום יום ברכתך • ועתה הצביה הנה לבי נס מקול משבריך וגליך • ומרעש לרכבך המון גלגליך •

ויבחר ממך אלך • ויבחר קירות לבך לעיר מקלט • להיות אליו למשגב ומפלט • ויחזק בקרנות המזבח • בת נדיב התכניני לו בתוך לבך מטבח • ואם מעל מזבחך תקחנו למוות • היחשב לך לשלמות • ועתה הנני נשבע לך בחי החשקים כלם • למקטנם ועד גדולם • כי לא תשקט מלחמתי בך עד עולם • ולו תסחבי אותי מהלאה לשערי ירושלים סחב והשלך • באשר תלכי אלך • ולא אעזבך עד בך אתחבר • וחילים אגבר • ונדלתות נחוושה אשבר • ובאשר תמותי אמות ושם אקבר • כי פי יי דבר •

ואשא משלי ואמר :

צביה תדמה בלבה כאלו
עלי כל שמי אל מעונה מעונה
ולה לב נבונים ובוחרן ובו חן
ולב חשקים טחנה בטחנה
ותמריא בשחק ותשחק לבכי
ותרחק וביני לבינה לבנה
אני מכבודה אבקש לנפשי
תחנה תחי-נא אמונה אמונה
ולי לב בלבה נפש חשובה
תבלע תפלט לשונה לשונה
ואם-היא לפרוד תאנה אשנה
נדדי תמורת עונה עונה
ואם-תט לחשק תהי-לה תהלה
ונפשה תהי אל-נכונה נכונה
לכו-נא זמירי לבית הצביה
ועל-כל-שפים תלו-נא תלונה
ואמרו צביה אימה תמימה
נעימה אשר בלבנה לבנה
עדי-מה נדדך ומאיו חנינה
חני-נא בלבי פני-נא פנינה
ולך אהיה ממצודה מצודה
בצל אהבתי חסי-נא חסינה
ולבשי גאונך לחדש ששונך
ומעטה תהלה עדי-נא עדינה •

ויהי כקרא הגבירה • המליצה ההדורה • והשירה הערבה • לא קמה עוד רוח בה • ותבער אש החשק בקרבה • ונשמת החשקים כנחל גפרית בערה בה • ואין מציל את נפשה מיד להבה • עד אשר נצוצי החשק אכפוה • וכמעט חשמליו שרפוה • מים רבים לא יוכלו לכבות את האהבה ונהרות לא ישטפוה • ועיניה יבישו הנחלים • נצבו כמו גד נזלים • ותבאנה ותדלנה ותמלאנה את הרהטים • כי החשק עשה בה שפטים • ותאמר חטאתי באשר שמתי לבות החשקים נוגים • ואני לפיתי ונעמתי והייתי אהבה בתענוגים • אוי נא לי כי עיפה נפשי להורגים • ותתחנן אל הנער ותאמר הגד אל השר את אשר תחזה • כי בשלו אלי הסער הגדול הזה • ותקח מגלת ספר ותכתב בה מליצה צחה • ותגד לי בה את כל רוחה • וכי לבה מאהבת החשקים יחס • ועל ימי בכיתה אשר עברו תתנחם • אשר נתנה את מצחה חזק לעמת מצחם • ואלה דברי מליצתה • ושירי עליצותה :
אני רעיה בינתי בספרים • שלוחים אלי מאת בני העפרים • שמעתי את שועתם • ראיתי את דמעתי • אם אחריש יחשב אלי לאשמה • אשחר אהבתם ותהי להם לנחמה • ולו הואלתי ודברים באלה ערכתי • בטרם דמים רבים שפכתי • עושו ובואו כל החשקים מסביב • וכבו מלבי אש ושבבי • כי הסערה אביב • חנוני חנוני כי מנשא נלאיתי • ותני לי צרי אהבתכם כי החליתי • מהרו והראוני נפלאות החשק אשר אמרתם • והתמודות אשר בעדו ספרתם • כי לבי בוער באור אשכם ובזיקות בערתם • ואם לא חי פרעה כי מרגלים אתם • מי נתן ימי לבוזים וזמני למששה • עצם עיני מראות חשק וראשי החוזה כסה • ויאל ללכת כי לא נסה • פנו ימי בעברת הזמן • ולא טעמתי טעם מן • מי ישובב גזלת הימים • מי ישלם לי נחומים • מאין אבקש לי מנחמים • בעד ימי עלומים • הישובו הימים אחרי פנותם • היש תקנה לאחריהם • איה אפוא תקנותם • ואצא בעקבותיהם ואשחר אהבתם • על מי תלנתי • ואני לנפשי עוללתי • ראה החשק לא פללתי • השבתי מטהרו ונזרו לארץ חללתי • קראו החשקים ולא האזנתי • ספרו נפלאות ימי עלומים ולא האמנתי • דרכתי קשת הגאונה ונח על יתר כוננתי • חל החשק וחומה האבלתי • הרגתי ולא חמלתי • איך יוסר עוני וחטאתי תכפר • לא אאמין כי יספר • מי יחמל עלי ואני התאכזרתי • מי יכפר בעד חטאתי ולא כפרתי • הישלים לי טובה תחת רעתי • הכבדתי אונן משמוע מי ישמע שועתי • ומי ימחה מעל פני דמעתי • ואם לא יקימוני ידי הצבאים הנעימים • ואם לא יקדמוני החשקים ברחמים • מה אוחיל עוד ומה אצפה • ועוני גדול עד לאין מרפא • ואיך לא אבוש ופני לא יחזרו • ועל החשקים רחמי התאכזרו • ונחומי לא נכמרו • ופני הצבאים לא נהדרו • והנה עפר הצבאים יערג כאיל על אפיקי אהבתי • הומה וצמא אל מי ידידותי • והכזבתי תוללתו בגאותי • קרא ולא שמעתי • דבר ולא עניתיו • והנה עתה שלח ידו מן החור • ופרש רשת לרגלי השיבני אחור • ארוכה תהיה הגאונה • אשר השיאה נפשי הנאנה • לחלל ברית החשק ותפארתו • ולהקל

נְבָדִי הַיְדִידוֹת וְהַדְרָתוֹ • הַקְשָׁתָה רוּחִי וּמְנַעַתָנִי מִשְׂמוּעַ • עַד תִּמְוּ כָּל הַחֲשָׁקִים לְגֹזַע • שׁוּבוּ שׁוּבוּ הַחֲשָׁקִים, לֹא אֶפִּיל פְּנֵי בָכֶם • בְּשֵׁם יְיָ בְּרַכְנוּכֶם • לֹא אֲשׁוּב לְשַׁחַת אֶתְכֶם • בּוֹא בְרוּךְ יְיָ נֶזֶר הַזָּמֶן • נָטַע נַעֲמֹן • מַעֲשֵׂה יְדֵי אָמֶן • צְנֻצְנַת הַמֶּן • כִּד עִם אֵל וְעִם קְדוּשִׁים נְאֻמֶן • לְמַה תַּעֲמִד בַּחוּץ • וְלִבִּי בְּמִשְׁעוֹל אֶהְבֶּתְךָ לַחוּץ • וּבְמַחֵץ חֲשָׁקְךָ מְחוּץ • לְקַחַת מִנְדֵי כַפְלִים בְּכָל חֲשָׁקְךָ • הוֹצִיא הַזָּמֶן פְּאוֹר צִדְקָתְךָ • אֵיךְ אֲבַקֵּשׁ מִחִילָתְךָ וְאֵינִי כַדֵּי • אִו אוֹחִיל מִמֶּךָ גָּמוּל וְלֹא כְגָמוּל יְדֵי • אֵיךְ אֲבַקֵּשׁ חֲשָׁקְךָ וְהוֹדְךָ וְאֶחְפְּשׂוּ • אִו אֲשַׁחַר אֶהְבֶּתְךָ וְגָדוּל עֲוֹנֵי מִנְשֵׂא • מַה אוֹסִיף לְדַבֵּר חוֹתֶם תְּכַנִּית • וּמִפְּנֵי חֲשָׁקְךָ הִלְכְתִּי קְדֻרָנִית • בְּשִׁפְכֶר הַיָּמִים עַל גַּב הַחֲשָׁק חֲרָשְׁתִּי הַאֲרַכְתִּי מַעֲנִית • וְהִרְיָקוֹתַי אֲחַרְיוּ לְהַב חֲרָב וּבִרְקַת חֲנִית • וְאַתָּה הַסְּבוֹת אֶת לִבִּי אַחֲרָנִית • לֹא יִדְעֵתִי חֲשָׁק וְאוֹתוֹ הוֹדְעֵתִי • בְּאוֹנֵי נִיצוּצָיו וּמִמְרוֹרִים הִשְׁבַּעְתִּנִי • הִכְרַע הִכְרַעְתִּנִי • כָּל יָמֵי צְבָאִי בְּשִׁמְךָ אֶתְבָּרַךְ • וְרַעֲיוֹנֵי יִקְרְאוּ לְפָנֶיךָ אֲבָרַךְ • אֵי יָמִים אֲשֶׁר הִלְכְתֶם בְּלֹא חֶמְדָּה • וְנִתְּסַעוּ מֵהָר שְׁפָר וְנִתְּחַנְנוּ בַּחֲרָדָה • מִי נִחְנִי בְּמַעְגַל הַחֲשָׁק בְּדָרְךָ נְלוּז • וַיֹּאמֶר לֹא תוֹסִיפוּ עוֹד לַעֲלוֹ • מִי הוֹרִיד יְצוּרֵי הַחֲשָׁק בְּרִיחִים • וַיִּחְזֶה לִי מִשְׁאֹת שְׁנָא וּמִדוּחִים • מִי עָצַם עֵינֵי מִרְאֹת • מִרְאֹת הַחֲשָׁק הַנְּשֹׂאוֹת • וַיִּקְרָף רֹאשׁ וְתִלְאוֹת • מִי הוֹרֵנִי גָּאָה וְגָאוֹן • לְתַת הַחֲשָׁק לְדָרְאוֹן • מִי יוֹבִילֵנִי בְּבֵית הָעֲפָרִים • מִי נִחְנִי בֵּין בְּנֵי הַנְּזִירִים • לֹא יָדְעוּ דָרְךָ אֶהְבָּה • וְלֹא יַצִּילוּ אֶת נַפְשִׁי מִיַּד לְהַבָּה • וַיִּשְׁכְּבוּן לְמַעַצְבָּה • זֶה לִי בְּבֵיתֶם עֲשָׂרִים שָׁנָה • לֹא לְקַטּוֹ מִלְּחֵנִי שׁוֹשְׁנָה • וְלֹא הִיְתָה לִי עֲדָנָה • קִדְמָנוּ בְּנִשְׁפָּה וְנִשְׁוַע • בְּעֵינֵי דוֹמַע • וְלִב הוֹמָה וְגֹזַע • הִיָּה הַחֲשָׁק בְּעֵינֵינוּ לְאֵין וּבִשְׂרִיר לֹא נִשְׁתָּה יְיָ • תִּכְבֵּד עֲלֵינוּ הַעֲבוּדָה • וְאֵין שׁוֹאֵל דֹּדֵי לְצִידָה • פָּרְחוּ גְפְנֵי וְאֵין לוֹקֵט • הִבְשִׁילוּ אֲשָׁפְלוֹת עֲדֵנֵי וְאֵין שְׁחַט • הַנְּצוּ רְמוֹנֵי • וְאֵין אַחֲזוּ בְּסִנְסֵנִי • וְחֲשָׁבוּנִי בִּינְיָהִם לְמוֹקֵשׁ • אֵין דוֹרֵשׁ וְאֵין מְבַקֵּשׁ • וְאֲשִׁיב אֵל לִבִּי וְאֶחְשֵׁב • כִּי אֵל עַקְרָבִים אֲנִי יוֹשֵׁב • אֶסְתִּיכָה פְנֵי מַהִם • לֹא מַהִם וְלֹא מִהֲמוֹנִם וְלֹא מִהֲמִיָּהִם • חוּשׁוּ הַחֲשָׁקִים הַנְּעִימִים • כִּי אֶתֶם נֶזֶר הַיָּמִים • צְבִי עֲדִים וְגָאוֹן תִּפְאַרְתֶּם • נְזֻמִם וְחִלּוֹתֶם • אוֹכְלֵי הַמֶּן • וְתִדּוֹת הַתְּקוּעוֹת בְּמִקּוֹם נְאֻמֶן • שְׁמַעוּ אֵלַי וְאֶכְלוּ טוֹב וְתִתְעַנְּגוּ בְּדִשְׁוֹן נִפְשָׁכֶם • כִּי מִי יֹאכַל וּמִי יַחֲוֹשׁ חוּץ מִכֶּם • חֵי הַבְּרִית לוֹ יִדְעֶתֶם סוּדוֹתֵינוּ • וְאַתָּה אֲשֶׁר לְהַבִּית הַחֲשָׁקִים תִּלְהַט לְבוֹתֵינוּ • וְלוֹ תִהְיֶה בְּחֲשָׁקְכֶם נְמַהֲרִים • אֲזִי יִדְעָה וְנִרְדְּפָה אַחֲרֵי הָעֲפָרִים • בְּמַעֲוֹנוֹת אֲרִיֹת וּבְהַרְרֵי נְמִרִים • כְּאֲשֶׁר יִרְדֹף הַקְּרָא בְּהָרִים • דוֹדֵי צְפָנְתִּי לְךָ חֲשָׁק נְאֻמֶן • וְלִב חִמֵּל וְרַחֲמֶן • טְמֹן חֲשָׁקְךָ בְּחַבּוֹ • וְלִהְבֶּת אֶהְבֶּתְךָ בְּקִרְבוֹ • וְאֵלֶיךָ תִּשׁוּקוֹתוֹ וְאַתָּה תִּמְשָׁל בּוֹ • יְבוֹא דוֹדֵי לְגִנוֹ וַיֹּאכַל פְּרֵי מְגֵדֵי • שֵׁם אֶתְּוֹן לְךָ אֶת דוֹדֵי • לֹא אֲשָׂאֵל וְלֹא אֲנַסֶּה • כְּטוֹב וְכִשְׁרָר בְּעֵינֶיךָ לַעֲשׂוֹת בִּי עֲשֵׂה • וְחִיְתָה נַפְשִׁי בְּגִלְלֶךָ • וְתִגְזֹר אֶמְרֵי וְנִקֵּם לְךָ • וְעַל דְּרָכֶיךָ יִגַּה אוֹר כְּנֶפֶשׁ חוֹלַת אֶהְבֶּתְךָ • צְמֵאָה אֵל מִי יְדִידוֹתְךָ • תִּקְדָּה וְתִשְׂאָף וְתִהְמָה וְתִסְעֶר • עַד יֵצֵא כְּנֶגַה צִדְקָה וַיִּשׁוּעָתָה כְּלִפִּיד יָבֵעַר •

וְתִשְׂאָ אֶת קוֹלָהּ וְתֹאמַר :

הִסֵּב עֵינֵי חֲשָׁקְךָ דוֹדֵי
עַד אֵן בִּי תִיר חֲצִים דוֹד צַח
אִם-לֹא תִדַּע בִּי אִם-חֲצִי
חֲשָׁקְךָ לֹא תִיר צַח לֹא תִרְצָח •

וַיְהִי כְּאֲשֶׁר דִּבְרֵי הַנַּעַר שְׁמַעוּ אֲזֵנֵי • וּמְלִיצַת הַגְּבֻרָתְךָ רְאוּ עֵינֵי • וְתַצְלַח עָלַי רוּחַ אֲדֹנָי • וְאֵלֶיךָ קָל חֵישׁ אֵל הַשָּׁר שְׁמַח בְּכָל מְאֹדֵי • וְאֶגְרַת הַגְּבֻרָה פְּתוּחָה בְּיָדֵי • וְאֹמַר הַגְּדִתִּי הַיּוֹם אֵלֶיךָ הַשָּׁר כִּי לֹא סִכְלָתִי • כִּי נִפְתּוּלֵי אֶלְהִים נִפְתְּלִיתִי • עִם גְּבֻרַת הַמְּהַלְלִים גַּם כְּלָתִי • וְאַחֲרָי אֲשֶׁר מְרַתָּה בִּי רַפִּיתִי • מְזִיחַ אֶפִּיקָיָה וְקִשְׁיָה • וְשִׁבְחָה לְהִיּוֹת בְּאַהֲבָתִי לוֹיָהּ • וְגַם זָבַת חֶלֶב וּדְבַשׁ הִיא וְזֶה פְּרִיָּה •

וְאֲשָׂא מְשָׁלִי וְאֹמַר :

מַה רַב טוֹבִי כִּי עֲפָרְתֶ-חַן
קִרְאַהּ אֶתִּי אֵל יוֹם נוֹעַד
הַבְּטִיחֵתִנִּי מִצוּף יַעֲרָה
אֵיכָה לִבִּי כִּיּוֹם יִרְעַד
אִם-רְגְלִי עַל-רִצְפַת חֲשָׁקָה
יַעֲמִד אֵיכָה רְגְלִי יִמְעַד
אִם לִי נָעַם צוּף אֶהְבֶּתָה
מַה לִּי וְלָךְ זָעַם תִּצְעַד
הִיא גּוֹרְלִי וּמִנְתַּת חֲבָלִי
וְזִמְנִי לִי אֶתָּה יַעַד
הִיא חֶמְדָּתִי רֹאשׁ שְׂמֹחַתִּי
וְלִכְּלֵ שְׁעִשׁוּעֵי בֵּית נוֹעַד
אֲשַׁחֵק אֵל שֵׁד עַד אֵינְךָ שֵׁד
תִּנְחַמֵּיָה לִבִּי יִסְעַד
אֲשַׁחֵק אֵל שֵׁד עַד אֵינְךָ שֵׁד
יִקְחוּ רַעֵי מִצְפָּה גִלְעָד
לִי מַעֲפָרָה מִיץ-פֶּה גִיל-עַד •

כשמע השר עלה עשן באפו • יתמה עלי ויסער באשר יתה הארה והכפיר על טרפו • ואש מפיו תאכל • נלאה כלכל • ויאמר ארור יהיה לבי הנוכל • אשר עד כה החרשתי • ועצם מעצמי הובשתי • ולהכלים בשר מבשרי נדרשתי • הצביה אשר נפלה ברשתך • ונלכדה במצודתך • היא מבנות עמי • אחותי בת אבי היא אך לא בת אמי • וחשבת בלבי כי לא תלכד ברשתך • ואתה תשוב על עקב בשתך • אחרי אשר חשבת לעלות באשר לא תגיע • ואמרת בלבי זה הסכל אשר לא ירגיע • חטא רבים ישא ולפשיעים פגיע • אמןם אחרי אשר הגיע מסכלותה • לחלל הדרת יפעתה • מהרה חושה אל תעמד • באשר פבדי תחמד • ושא משליך ושיריך • ואמר לגבירה כי לבעבור נסותה באו זמיריך • וחזק את לבה בדבר הנזירות אשר באה בבריתו • כאשר היתה באמנה אתו • ואם את הדבר הזה תעשה אשריך • ואם אין דע כי חשקי סר מעליך ויהי ערך • כשמעי דברי השר על אדות הגברת • בשתי וגם נכלמתי כגנב נמצא במחירתך • ואמרה אנה השר שא נא חטאתי אך הפעם • והעבר מעלי עברה ונעם • כי הנני נשבע בנורא ואיום • כי אנכי לא ידעתי בלתי היום • והנני למלאות מצותך אהיה נחפו • כי יקרה מצותך בעיני מזהב ומפז • ואקום קל חיש ואחבר מליצה נמרצת • מתוכחות מוסר מקבצת • להגיד לגבירה כי לשטן לה יצאתי • ולבעבור נסות אותה באתי • ולהוכיחה בדברים • בעבור התנדבה לעזוב תורת הנזירים • ללכת אחרי הבחורים • ואלה דברי אגרתי • השלוחה אל הגבירה מאתי :

זה היום עשה השם מה רב טובו • נגילה ונשמחה בו • זה כמה לחשוף סוד הצביות לאינו • זה היום שקיינוהו מצאנו ראינו • היום הבדלנו בין קדש לחול • היום נגלו שפני טמוני חול • היום קול הנסיון וחולל אילות ונחשוף יערות • היום נגלו סודות המתקדשות והמטהרות • היום גלותי את חרפת הצביות • היום חשפתי סודות הלביות • נפתולי אלהים נפתלתי • ובעמקי המזמות צללתי • והראה אותי הזמן אשר ראה לא פללתי • עד אשר בין הבהמה הטוהרה לטמאה הבדלתי • וקרן הצביות בעפר עוללתי • השבתי מטחם ונזרם לארץ חללתי • מי האמין כי המטהרת והמתקדשת • ובגדי הנזירות בגאנה לובשת • ומצאוה המורים בקשת • וערב לבה לגשת • וכצפריים האחות בפח • תפל אל תונך רשת • חי מושל בגבורתו עולם ועיניו בגוים תצפינה • כי כמה צביות אשר אל חשק תפנינה • ולקול החשקים לא תשמענה ולא תאבינה • לבות אנשי קדש תשפנינה • ובמסתרים בהיכלי החשקים תסבינה • ונבואו אל קרבנה • ולא נודע כי באו אל קרבנה • מי האמין כי העלה המהללה • ברשת זו טמנתי נלכדה רגלה • איה המון חכמתה ואיך לא יעזרה • ותמול על בכי החשקים התאכזרה • ועתה איך רוחה סרה וזרה • ועל פרי הדרה עלתה חזונית • אמרי נא הצביה מה המחזה הזה אשר חזית • כאשר קדשי הנזירות בזית • וללכת אחרי החשקים התבזית • אהבת משכבם יד חזית • מי האמין כי משמי השכל תפלי • כי מאתו גלית ותעלי • אי עמוד ברזל וחומת נחשת • איך לא היית לעזר ולהועיל כי אם לבשת • אי גם התבונה איך חסרו מימך עד יבשת • איך לא עמדת בנסיון העת לשטן יצאתי • איך לא העלית על לבך כי לבעבור נסות אותך באתי • אמרי נא הצביה ממי נעמת • מה החלום הזה אשר חלמת • כאשר הובשת פני הצביות ויפעת הלביות הכלמת • השמעתיך לשמע אזן תעתיגי הזמה • ותמכרי בהם סחרי המזמה • טמאת השם רבת המהומה • אוי לה לאותה כלמה • אמר אמרתי מליך יקימון כושל • והנה עליך ימשל כל מושל • ועל גבך כל שר יחרש • ופטירו בשפה ניעו ראש • תמול יצא לך שם בגוים • והיום תהיי לעג וקלס באיים • בזכרם כי עם אלהים ועם אנשים שרית • ובחשקים להלחם התגרית • ותסתרי בנחל פרית • והיום בזית אלה להפר ברית • הנה בשכר אמנות עתיד חסן ישועות • ואת אלית וגם אמרת באזני שבועי שבעות • להדבק בדרכי הנזירים • ולבלתי לכת אחרי הבחורים • איה המון שבעותיך אשר נשבעת • וקלון מכבוד שבעת • כאשר ביון מצולת החשק טבעת • ותזנים וגם לא שבעת • תמול קראו למחנות שכלך מחנים • והיום גמר בת דבלים • יאמרו איה הקדשה היא בעינים • היית פאר העדינות • רבתי בגוים שרתי במדינות • יקשתי לך הצביה ונלכדת • השכל אין בך אם יועצך אבדת • איך פשטת מעיל הרוחנית ולבשת בגדי חשק • ולהלחם בנזירות ידך אחת מחזקת בשלח והשנית בנשק • איה עקרת הפרישות הרבני • איה זמרת הישות העליוני • איך מכרת הקים והנעלה בכלה • ופרי עץ החיים בעלה • הנה אנכי יצאתי לשטן • לגנות הצביות ולהוביש מבטן • כי מי יחוס עליהן ומי יחמל • מקרבות בזמין ודוחות בשמאל • בלב ערל ולא נמול • ואשר תראה קדושה וטהורה • היא לזוננים הרה • ואשר תראה לב משפיל ומזהיר • הוא לץ יהיר • בשחקי השכל בהיר • ובין שורות החשק יצהיר • אמרי נא, הצביה, על מי נבטח • אחרי אשר לך מהשפיל טח • ולמצודים ולחרמים משטח • ואת עלית למרום השכל ושביט שבי • ותגדלי יתר אל הנגב ואל הצבי • ואיך הנחת כבוד הצביות על קרן הצבי • ונתת אותם פליטות ובנותיהם בשבי • ולך אמרו הצביות לעינינו • זאת אדר היקר והדר מחמדינו • זאת תנחמנו ממעשנו ומעצבון דינו • זאת יתד תקועה במקום נאמן תלינו עליה כל פבדנו • והשלכנו עליה את ידבנו • היא פרח הזמן וציץ נזרו • צביו ועדיו וגאון הדרו • עז והדר לבושה ומורה החשקים לא נעלה על ראשה • לא תשמע לקול מלחשים • ולחשקים הנגשים • יספרו לטמן מוקשים • ולא תלך לקראת נחשים • עשתה לה אפריון בנפשה החשובה • רפידתה זהב סודות המרובה • השכל מסבב והיא סבה • היא לענוה ולנזירות צורה • צאינה וראינה בנות ציון בעטרה • תנהגנו על-מות • מה יפיה ומה טובה • השכל מסבב והיא סבה • היא לענוה ולנזירות צורה • צאינה וראינה בנות ציון בעטרה • שעטרה לה הננה והמענגה • בשושני הנזירות סוגה • בזאת וכזאת אמרו עליך הצביות פעם ופעמים • לא יום אחד ולא יומים • ועתה מה תאמרי העת ישמע קולונך • וזמת זונגך • ומה תעשה נפשך העצובה • ביום שיזבר בה • הלא יעשו בך הנשים שפטים • הלא ידברו אתך משפטים • כאשר הכזבת תוחלתם • ומשארות אשמך צרורות בשמלותם • שובי שובי הצביה ותחת ידי הנזירות התעני • ולאליילי החשק אל תפני • ולא תהיי לאיש ולא תזני • וכי תמצאי איש לא תברכנו • ואם יקראך חשק לשלום אל תענונו • ותשבי בסתר עליון ובצל שדי תתלונני • ובצדקה תכוונני • רחמי מעשך כי לא תיראי • אמרי לענוה תני ולנזירות אל תכלאי • כי רם יי ושלפ יראה • ועליך יזרח יי וכבודו עליך יראה •

ויהי כהתמי לחבר האגרת • אשר מתוכחות מוסר מחברת • שלחתיה ביד הנער אל ארמון הבירה • אשר שם הגבירה • ויהי כראות הגבירה את האגרת • ובה תוכחת מגלה מאהבה מסתרת • ויתאמר זאת חרב חלל הגדול החודרת • ולא קמה עוד רוח בה • ותתעצב אל לבה • ותבך ותספד בקול מר • ותשא את קולה ויתאמר • אי עצובת רוחי והשדודה • הסכלה והבוגדה • היית על כל הבתולות נכבדה • עשאת הזמן בעולמך יחידה • בתתו אותך ראשונה לחסידות ולקדשה • ועתה ישאלו בעדך איה הקדשה • אוי לה לאותה בושה • לא האמנתי כי החשק האכזר ביצורי ילחם • ומעבד אל חי ידחם • וללכת אחרי תאנות הזמן ינחם • ויקומו כל אחיה וכל אחיותיה לנחמה ותמאן להתנחם • ויתאמר כי עוד מעט ולא יעבר • אל שאול תורד אל ירפתי בור • ויהי כאשר דמתה הגבירה פן היתה • לחם לא אכלה וימים לא שתתה • עד אשר רוחה ספתה • ארור אפה כי עז ועברתה כי קשתה • ותמת הגברת • אשר היתה בראש הזמן לעטרת • ועלתה על כל הגבירות לתהלה ולשם ולתפארת • וכראותי כי מותה סבבתי • אל בית

הָשֵׁר עוֹד לֹא שָׁבְתִי • וְאֶלְבֵּשׁ כְּלֵי גוֹלָה • וְאֶקוּם וְנֵאלֶךְ אֶל הַמְּקוֹם אֲשֶׁר הִיָּה שָׁם אֶהְלִי בַתְּחִלָּה • וְאֶקוּנֶנּוּ עַל הַגְּבִיכָה • בְּלֵב נִשְׁבֵּר וְרוּחַ מְצֻרָה :

נִפְלָה עֲטוּרַת הַזָּמֶן כִּי נִפְלָה
עֵשׂ מַעֲלֵי כֶּסֶף יִקְרָה מִזְּבוּל
יְבֹשׁוּ פְּרָחֵינוּ וְאֶמְלֵל כָּל-יְבוּל
צִיצַת אֲדָמָה אֲבָלָה אִף נִבְלָה

קָדְרוּ פְּנֵי שַׁחַק וְתִבֵּל אֶמְלָלָה
אוֹיְהָ לְיִרְחָ זֶה אֲשֶׁר נִהְפֵּךְ לְבוּל
רַבְתָּה אֲנַחָה בּוֹ וְעִבְרָה הַגְּבוּל
עַל-עֵשׂ וּמַעֲלָתָה אֲשֶׁר בּוֹ שָׁפְלָה

עֵשׂ בַּעֲבוּרְךָ אִהְבָה הַמּוֹתָה
מֵה מְתִקָּה מִיּוֹם אֲשֶׁר בָּדַדְתָּה
מֵה נִפְלְאָה מְוֹת בָּעֵשׂ הַתְּחִבְרָה

לֹא הִתְמוּתָה מַעֲלָתְךָ מוֹתָה
אֵךְ הִתְמוּתָה הִיא בְּמִתְקֵךְ מְתִקָּה
עַל-צוּף וְיַעֲרַת הַדְּבִשׁ הַתְּגַבְרָה

Из Махберет 16

Перевод Шломо Крола

Сказал Иммануэль сочинитель: Когда многие дни прожил я у князя в благоденстве, | проводя дни в радости и лета в блаженстве, | веселились и радовались мы во времена оны, | и удалились прочь печали и стоны. | и вот, мы, князь и я, ехали вдвоем как-то раз, | и два мула были у нас, | приятные для глаз. | Приятное и прекрасное общество составляли я и князь.

И был день, и вышли мы к площади у ворот, | облеченные в одежду свободы, в славу и почет, | и отвратили рамена от бремени забот, | и вот, госпожа некая пред нами идет, | и она — венец и украшение на столпах красот, | всеми украшениями наделена, | и увидевшие ее превознесут ее, ибо она | перкрасна, образованна и умна. | и сказал мне князь: "Что скажешь про сию шаронскую лилею?" | и ответствовал я, и сказал: "Превыше всех жен я ее разумею." | и сказал князь: "А не признаешь ли ты недостатка за нею?" | и ответствовал я, и сказал: "Не признаю' и не призна'ю, нет в ней изъяна! | Лишь то, что стрелы ее очей от крови влюбленных пьяны." | и сказал князь: "Обратил ли ты внимание, что, идя по улице, | красавица идет не выпрямившись, а слегка сутулится? | Не знаю, нет ли в этом порока. | Что же до других ее прелестей — то прелести без упрека."

И ответствовал я, и сказал: "Господин! Не эта дорога и не этот град! | Ибо нет красоты, как у этой госпожи, до самого нагорья Гилеад. | Однако, не светит всем жаром своим ее взгляд, | ибо знает она, что должны заплататить те, кто пожар воспламеняет. | и если бы не была она столь умна, | если бы, как другие госпожи, с поднятою головою ходила она, | пробудила бы в сынах Божьих трепет сия жена, | и были бы на земле исполины в ее времена; | и когда бы смотрела на землю, все множество спящих во прахе тогда бы пробудилось, | и была бы поглощена смерть, и покраснела бы, и устыдилась. | и оттого, ходит так, как ходит сия юница, | зная, что светом своим она над всяким светом царица."

И произнес я возвышенную речь, и сказал:

Когда бы к небу очи обратила,
И, голову подняв, ступала серна
Затрепетав, упали бы, наверно,
К ногам ее небесные светила.

Когда бы очи долу опустила,
Воспряв, торжествовал бы прах безмерно,
И встала бы костей гниющих скверна,
И средь живущих долю захватила.

И оттого она в душе премудрой
Ходить решила так, как ходит: право,
На прялке разума прядет юница.

И нет изьяна у прекраснокудрой,
Венец сиянья, красоты и славы
На ней — и оттого она царица!

И сказал мне князь: Видел ли ты ланиты, как граната половины, | и стан, как пальма, и очи голубины, |
и в ушах ее серьги висят, | и лилии губ ее источают аромат, | и зубы ее белы, как жемчуг и как град. |
Клянусь жизнью, если бы не увидел я Венеру и Юпитер в небесах, на своем месте постоянном, | при
знаменах их, при значках, стоящими станом, | а еще вчера сии звезды видел я в вышине — | размыслил
бы, что сей госпожою похищены оне. | и не знаю я, то ли в вихре уносятся на небо ее очи | и оттого вижу
я их на небосводе ночи, | и, оседлав облака, всякий раз | спускаются к госпожев утренний час, | чтобы
осветить лицо ее сиянием глаз, | то ли глаза ее похожи в прелести своей и красоте | на звезды небесные
и светила те.

И произнес он возвышенную речь, и сказал:

Ужель глаза твои, газель, ночами
Уносит буря в дали небосклона?
Я вижу их, взирая ввысь влюбленно,
А днем твой лик сияет их лучами.

Вся жизнь моя — в подвесках над плечами,
В них чудеса всех магов фараона;
Зубов твоих жемчужная корона
Озарена прекрасными очами.

Красавица, скажи, твои зеницы —
Светила полоненные ночные,
Что ночью ввысь возносятся на волю,

Иль звезд подобье, а твои ресницы —
Как небо? и красавицы иные
Прах на весах перед тобой, не боле.

И сказал князь: Клянусь тебе, свято имя Господне, | серну сию не видал я прежде, а лишь сегодня, |
и крепкой любовью я люблю ее уже, | и в жизни, и в смерти готов служить госпоже, | ибо знаю: высокая
прелесть ее столь премнога, | что по смерти будет она в Эдеме, в саду Бога, | ибо что осветит рай, если не
краса ее очей | и что возобновит веселье, кроме ее лучей, | и что будут делать в раю святые души, если
не увидят блеска ее сиянья, | и кто будет оплакивать влюбленных и их страданья, | и к чему, кроме
красоты ее лица, | устремятся изящные сердца? | Лишь к горам ее высоты | и к холмам ее красоты! |
и вот, страсть ее столь желанна для меня, | что будь она окружена стеною огня, | и тогда бы хотел я всего
сильнее | навек быть ей другом и пребывать с нею. | Ибо своей красотой она и пекло в рай превратит |
и меч чертей в ножны возвратит. | Друг верный и любезный, от тебя не скрою, | что многие часы
потрачены мною | в размышлении о том, что хорошо для сынов человека, | когда придет конец их
земного века: | быть ли в геене с господами прекрасными, | или в раю со старухами несчастными? | Ибо
общество этих — досада, | как от падали и ее смрада, | когда едят ее во дни засухи и в години глада. |
а общество тех — блаженство, | и даже недостатки их — совершенство. | и из-за дурного общества почти
опостылел мне райский сад, | и захотел я попасть в ад, | где приятны и прелестны все госпожи подряд.

И произнес он возвышенную речь, и сказал:

Подумав в глубине моей души,
Решил я: рая мне милей геена,
Ведь там нектара сладость вождеделенна,
Там женщины грешны и хороши.

На что дались мне рая шалаши?
Без милой загрущу я непременно,
Средь черных, как горелое полено
Старух, покрытых коркою парши.

Что до Эдема мне? Ведь там собранье
Уродливых, убогих и калек,
И потому противно в нем и гадко;

То ль дело ад! Там красоты сиянье,
Там средоточье радостей и нег,
Всего того, что глазу видеть сладко.

И было, стихи свои князь закончил едва, | разгневался я на его слова, | и так князю, господину моему,
я рек: | Не говори так, о времени венков, | ибо грань разумного ты пересек, | когда на устах своих узду не
сберег. | Ведь если б были в аду в своей красе телесной газели, | а в Эдеме — жалкие старуху в своем
безобразном теле, | то мы за тобой сбежали бы в ад и не остались бы в Эдеме, | дабы найти нектар и мед
с газелями теми. | Однако, согласно размышлению мудрецов, в раю | души, разлученные с плотью,
получают плату свою, | в аду же — наказание для пропавших, | в синок суеты попавших, | и червь их не
умрет, и не угаснут их пламена: | перехитрим же суету, чтобы не умножилась она! | Нет там уродства

и красы, лишь горе, и стыд, и огонь, горящий | как пожар, пылающий в чаще, | и буря, и гнев вящий | на души тех, кто согрешили, | и речам пророков и пророчиц внять не спешили, | а было у них сердце, чтобы понимать, | глаза, чтобы видеть и уши, чтобы внимать. | в раю же — наслаждение всегда, вовек и на вечные века, | ибо благодать и славу даст там Господь, и милость Его велика, | и не отвратит блага от идущих по правой стезе Его рука.

И сказал князь: я знаю, что речь твоя о душах верна, | но вернемся к той, что осязаема и видна, | к серне, что на скрижали сердца моего запечатлена, | к лани, что прославлена и прелестна. | а сейчас скажи: тебе эта красавица известна? | Знаком ли ты с прелестью всех прелестей и с венцом всякого венца, | пред коим трепещут сердца?

И отвечивал я, и сказал: с нею и с отцом ее я знаком, | и знаю ее дом. | и слышал я, как в доме своем | она оплакивала младость и рыдала о том, | что трех старших сестер ей судьба дала, | и о каждой из них несется хвала, | и каждая прекрасна и мила. | и оне — сладость для мужчин, | могли бы быть супругами глав общин |; да вот беда: не имеют приданого сестрицы, | лишь прекрасные лица, | да сверкающие зеницы, | прямо в сердце мечущие зарницы, | с белизною их плеч лишь лилия сравнится, | а уста их — багряница, | в них же нектар тaitся. | Но серебра и золота нет в их светлице светлица | и весьма бедны сии девицы. | и в один из дней, вышел я из околотка в околоток на прогулку, | и через рынок прошел, близ ее переулка, | и шла моя дорога | мимо их порога. | И увидел я вдруг красавицу-лани, и сияние ее лица | веселит человеческие сердца. | и сидит она, и молчит, и тихо рыдает, | и в сердце своем горько страдает. | и киннор в ее руке, | чтобы игрою утешиться в тоске. | и спросил я ее, чем душа ее полна, | и отчего заплакана она, | и сидит молчаливо одна, | так несчастна и грустна. | и сказала она: "Да будет тебе от Господа благодать. | а мне как не страдать, | горьких слез не лить и не рыдать? | Ведь нас четыре сестры, и мы бедны | и из чаши горечи пьяны. | Доколе нам скитаться у стад чужих | и завидовать подругам в счастье их? | и я последней родилась на свет. | Сегодня мне — осьмнадцать лет. | и мой черед выйти замуж — последний. и счастья нет. | а я — стена, и башни сосцов на ней, | и страсть во мне разгорается все сильней. | а если я девицей умру, тогда | двойною будет моя беда, | ибо я слышала, как говорили мудрецы, | и как поучали отцы, | что буде женщина умрет девицей, | к миру душ она не причастится. | Итак, приложу к тетиве стрелу напева | и оплачу горькую участь девы."

Грудь поднялась и волос мой возрос,
И сяду обнаженною, срамною,
И женихи все минут стороною,
И скорбь я изолью в потоке слез.

Такую долю кто бы перенес?
Приданого с серебряной казною
За нами не дают. а предо мною —
Сестрицы три. и сердце извелось.

Сгорю ли я в неуголенном пыле,
Иль пощадит меня коварный рок?
Летят года, уносятся как птицы...

И обо мне мудрейшие твердили,
Что в райский не впускается чертог
И в царство душ не принята девица.

И сказал князь: Как весьма прекрасно говорит сия женщина! Каким языком! | а теперь, скажи мне правду: муж ее тебе знаком?

И отвечивал я, и сказал: Знаю, что из мужей зловония и смрада он, | говорят, что он не прикасается к своей жене, ибо оскроплен.

И сказал князь: "Как ведет себя с ним лань?"

И отвечивал я, и сказал: "В лицо ему бросает брань, | и хулит его перед сородичами своими: | "Когда он умрет и погибнет его имя?!" | а теперь, к стихам ее ухо склони, | и ты поразишься, как суровы они. | я слышал их год назад и доселе в памяти держу, | а теперь тебе их расскажу:

Я замужем два года, а супруг
Все жив, и наслажденья лишена я.
Пусть молния прибьет его шальная
И первой стану я среди подруг.

Надеюсь каждый день, что сгинет вдруг
Мой муж, и что придет любовь иная,
И заживу я, горести не зная,
И все мне позавидуют вокруг.

Вот, как соседка: за три только года
Уж трех мужей свела под гроба свод.
"Счастливая!" — судачат все соседки.

Она презрела власть и знатность рода,
Она как львица, между львов живет,
И между львят ее возрастают детки.

Из Махберет 1

Перевод Шломо Крола

Коль рок слепой, а мы — его сыны,
То будем же и мы — подобье рока,
Ведь из-за доброты мрачится око
И щеки справедливого — бледны.

Богаты злые, добрые — бедны,
Так, поневоле встав на путь порока,
Быть может, мы поднимемся высоко,
Ведь щедростью во прах мы сведены.

О щедрость! я твое поставил слово
Перед собой, и я не позабыл
И не нарушил твоего завета,

Но день настал — не чаял я такого,
 Что было мерзко мне — я возлюбил,
 А что любил — мне стало чуждо это.

אם הַזְמַן עָרַר וּבָנִיו נֶחְנוּ
 אֶל הַזְמַן נִדְמָה בְּכָל כֹּחֵנוּ
 כִּי כִּהְתָה עֵינֵינוּ לֶחֶנוּ
 עַל חוֹן וְעַל חֶסֶד אֲשֶׁר מִשְׁחָנוּ

שָׁלוּ פְּרִיצֵי עֵם וְתַפְּל טָחֵנוּ
 נִתְפָּרְצָה כִּיּוֹם בְּעַל כְּרִחֵנוּ
 אוֹלֵי קֶקֶדֶם יַעֲרֹף לִקְחֵנוּ
 כִּי עַל נְדִיבוֹת לֵב לְעַפֵּר שָׁחֵנוּ

אוֹיְהָ נְדִיבוֹת אֶתְךָ שְׁוִיתִי
 נִגְדִי וְעַמִּיתִי, וְלֹא עֲבַרְתִּי
 מִצִּנּוֹת שְׁפָתֶיךָ וְלֹא שְׁכַחְתִּי

בְּאֵ יוֹם וְלֹא הַיּוֹם אֲשֶׁר קוִוִּיתִי
 בּוֹ מִמֶּנְךָ חֲמִדַּת לִבִּי זָרְתִי
 וְאַעֲנֶבְהָ בְּבוֹז תִּמְוֹל הַפֹּהֲתִי.

Из Махберет 7

Перевод Шломо Крولا

...И ответственвал я на его словеса | О, князь, владыка, времени краса, | не говори таких слов, | ибо славою своею я поклясться готов, | что длань рока умна, | и мышца его сильна, | ибо прелесть мира была им дуракам отдана, | и ожерелья рока и его венцы | получили дурни и глупцы, | а всех маловажных и плохих — мужи разумные и мудрецы, | а тощих и негодных — князья и народа отцы. | Ибо хочет Бог, чтобы мудрый гордиться не смел, | а глупец в страдании своем некоторую помощь имел. | Ведь мудрецы своею мудростью упредят болезнь недостатка и скорбной доли, | бальзамом Гилеада и лекарством от боли. | Что им недостало — презирают они | и весело смотрят на грядущие дни, | и преимуществом своего ума | над глупцами они вознесены весьма. | а несчастные глупцы | — они при жизни своей мертвецы. | а если к их глупости добавится рока беда, | как глина под печатью, изменится их глупость тогда. | Но не затворил щедроты свои и не забыл о милости рок, | и захотел всемогущий Бог, | чтобы человек от двух столов кормиться не мог. | и оттого высшая мудрость приняла решение | дать великим мудрость и разумение, | лишив их малого наслаждения. | и хоть дал рок дураку прекрасную жену, да ведь | раскинул над ним свою сеть, | лишив его величья мудрости, занес над ним свою плеть, | да устыдится он, когда расточает свою медь. | Мудрец же наделен прекрасной мудростью, да не убоится гордо вперед смотреть, | и лук его тверд и ныне, и впредь. | и хоть прекрасной жены и сокровища непогибающего у него нет, | Он распространяет над ним Свой свет, | ведь если бы соединилась красота мудрости святой | с богатством и женской красотой | в мудром человеке, | то была бы в нем война между вожделием и разумом вовеки. | и чтобы не было тоскливо глупцу, | захотел Бог пасти его, как убойную овцу, | чтобы возрадовался он прелести венцу | и подобному лилиям лицу.

Как назначил Он пауку плести свою нить | и мух, залетевших в нее, ловить, | и как назначил муравью тяжкий труд его, | и не разум побуждает муравья, но естество | летом заготавливать хлеб свой в закрома, | чтобы насыщаться, когда придет зима; | и как заставляет пчел их природа | строить узорчатые комнаты

для меда, | так вот, как природа упомянутым неразумным тварям дала благодать |, столь славную работу совершать, | так же Бог дал глупцам свет, | и пожалел их, и утешил суетою сует. | а без этой милости смерть бы их пришла, | и весь мир бы изведal от их злой доли зла — | рубить дрова и черпать воду для мудреца и учителя |, быть виноградарями и земледельцами для начальника и властителя.

И к тому же, помышление сердца человеческого—зло от молодых ногтей, | оно не приведет нас посмотреть на последствия наших дурных страстей. | а желание в человеке природно есть, | на него променяет он свою честь. | и сладострастники охотятся на ланей-юниц, | чтобы отстать от блудниц. | и если бы рок отдал красавиц мудрецам и владыкам, | сладострастники наставили бы рога мужам великим. | и оттого судила высшая воля, | чтобы красавицы были глупцов доля, | чтобы глупцы давали им яства и наряды, | а любовники – ласки и услады.

И произнес я возвышенную речь, и сказал:

Рок отдал мановеньем умной длани
 Всех ланей за глупца иль дуралея,
 Пускай потеет, силы не жалея
 Для яств, одежд, подарков, пожеланий.

Пусть бесятся в объятых страстных лани,
 Толчет любовник серну веселее,
 Уста целует ей, и, вождедея,
 Ждет, словно тени – раб, ночных пыланий.

Когда б оленям отдал рок газелей,
 Олени бы оленям изменили
 Или исчезло бы величье страсти.

Когда б о наслажденьях мы радели
 И серн у дураков переманили,
 Произошли бы страшные напасти!

וְאֵעַן וְאָמַר אֶל הַשָּׂר אֲדֹנָי
 אֶל יְאֹמֵר כִּן נִזְר זְמִנִי
 כִּי הִנְנִי נִשְׁבַּע בְּגֵאוּנִי
 כִּי שָׁכַל הַזְּמֹן יָדָיו
 כִּפְאוֹ שֶׁתֵּן נְזֻמָּיו וְצַמִּידָיו
 וַיִּפְזוּ זְרָעֵי יָדָיו
 בְּתֵתוֹ שְׁבִיסָיו וְשִׁהֲרָנָיו
 לְסִכְלָיו וְנִרְגָּנָיו
 וְהִמְלָאכָה נִמְבְּזָה וְנִמְס לְחֻכְמָיו וְנִבְוִנָיו
 וְהִרְקוֹת וְהִרְעוֹת
 לְשָׂרִים וְקִצְיָנָיו

כִּי רָצָה הָאֵל שְׁהַחֲכֵם לֹא יִבְעֹט
 וְשִׁהֲסִכְלִים בְּהַכְּשֵׁלָם יַעֲזְרוּ עֲזָר מְעֹט
 כִּי הַחֻכְמִים בְּחֻכְמָתָם יִקְדִּימוּ לְמַחֲלַת הַחֲסָרוֹן וְהָאֲבָל
 צָרִי גֵיל-עַד וְרַפְאוֹת הַסִּבָּל
 גְּבוּזוֹ לְכָל חֲסָרוֹן

וישחקו ליום אחרון
 ותהיה להם בחקמתם על הפסילים יתרון
 והסקלים והפחותים
 בחייהם קרואים מתים
 ולו התחברה להם צרת הזמן עם סכלותם
 תתהפך בחמר חותם
 ולא קפץ הזמן באף רחמיו ולא שכח חנות
 אמנם רצה האל שלא יזכה אדם לשתי שלחנות
 ולכך סבבה החכמה העליונה
 לתת אל גדולי המעלה החכמה והתבונה
 ומנע מהם ערבות קטנה
 ואם נתן לסכל יפי אשתו
 פרש עליו רשתו
 וחסרו מעלת החכמה וישם על עקב בשתו
 עת השפך נחשתו
 ונתן לחכם יפי החכמה ולא יירא בגשתו
 ותשב באיתו קשתו
 ואם יפי האשה והון עתק חסרו
 הן פרש עליו אורו
 כי לו התחבר יפי החכמה הקדושה
 ויפי הממון והאשה
 בחכמים
 תהיה מלחמה בין התאווה והשכל כל הימים
 וכן תהיה נפש הסכלים בסכלותם נוגה
 רצה האל לרעות את צאן ההרגה
 וזמן להם מיפי הזמן ערנה
 בשושגי החן סוגה
 באשר זמן הטבע לעכביש האריגה
 לצוד ציד להביא הזבוב אשר יפל שם בשגנה
 וכאשר זמן החריצות לנמלה
 ובטבע לא בחכמה והשפלה
 תכין בקיץ לחמה אגרה בקציר מאכלה
 וכאשר ציר רעבון הדברים חבש
 בהטביעו אותם על בנין חדרי משכית ועשות דבש
 והנה באשר חנו הטבע הבריות הנזכרות הסכלות
 והטביעם על מלאכות מהללות
 כן חמל האל על הסכלים
 ונחם אותם מהבל הבלים
 כי בלא זאת החמלה ימותו לשעתם
 ותהיה רעה לעולם ברעתם
 להיותם חטבי עצים ושאיבי מים לחכמים ולנדיבים
 ולכרמים וליגבים
 מצרף אל זה היות יצר לב האדם רע מנעריו
 ולא יביאנו לראות במה שיהיה אחריו
 והחשק דבר טבעי באדם
 ימירו בו האנשים את כבודם
 והחשקים במצודת המעלות ילכדו
 כי הם עם הזונות ופרדו
 ולו חלק הזמן הזפות אל החכמים והנכבדים
 היו החשקים בגדולי המעלה בוגדים
 ולכן בחרה החכמה העליונה
 להיות הזפות אל הסכלים למנה
 והיה הסכל נותן שארה וכסותה
 והחשקים יתנו את ענתה

וְאִשָּׁא מִשְׁלִי וְאָמַר :

שְׂכַל הַזְּמַן יְדִיו בְּתֵתוֹ יַעֲלוֹת
הַחַו לְכָל סָכַל וּמִשְׁתַּגֵּעַ
לְיִלָּה וַיּוֹמֵם לְהִיּוֹת יָגַע
לְתֵת שְׂאֵר וְכִסּוּת וְחִזְק נְחָלוֹת.

לְהִיּוֹת בְּחֻדְרֵי חֲשָׁקִים מִתְּהַלְלוֹת
חֲשָׁק בְּיַעֲלֵה לְהִיּוֹת פִּגְעַ
שֶׁשֶׁק שֶׁפְּתִיחָה וְכִמְתַּעֲתַעַ
יִשְׁאַף כְּעֶבֶד צַל וְלִיָּלָה לַעֲלוֹת

לוֹ הַצְּבִיּוֹת לְצַבָּאִים נִתְּנוּ
אִזְ הַצְּבָאִים בְּצַבָּאִים יְבַגְדּוּ
אוֹ מַעֲלַת חֲשָׁק תְּהִי נִעְדָּרְת

נִקְחַ צְבִיּוֹת מֵאֲוִילִים שְׂמֵנוּ
נִתְּעַלְסָה נַחְנוּ וְהִמָּה יֵאָבְדוּ
רָעָה תְּבוֹאָמוּ וְהַמְּגַעֲרָת

***

Как быть мне бодрой? Горесть велика,
Отрады сердцу нет, одна отрава.
Коль ночевала б я в лесу Арава,
В стенанье б излилась моя тоска.

Ведь мой супруг — иссохшая река,
Я жажду — он не боевого нрава.
Ложусь я слева — он ложится справа
И обо мне не вспомнил он пока.

Будь проклят наш союз. а я — телица,
Что любит молотьбу, и, как суда,
Душа моя к возлюбленным стремится,
И не зальет Евфрата вся вода
Мой пыл! Мечтаю я, сомкнув зеницы
О юношах — и сладко сплю тогда.

אֵיךְ אֶעֱצֶר-כֹּחַ וְגַדַל עֲצָבוֹן
לְבִי וְאֵין דָּבָר לְנַפְשִׁי יַעֲרֹב
מִי יִתְּנָה אֱלֹיוּ בְּיַעַר בְּעָרֹב

אִם אֶשְׁכְּנָה מְזֻרְחַת אֲנִי הוּא מַעֲרָב
יִשְׁכֵּן וְעָלִי לֹא חֲשָׁב חֲשָׁבוֹן

אַאָר זָמֶן חֵבֶר שְׁנִינוּ וְאַנִּי
עָגְלָה מְלַמְדָּה וְלָדוּשׁ אֶהְבָּה
וְלַחֲשָׁקִים נִפְשֵׁי תִסְעֶר כְּאַנִּי

עַד כִּי פָרַת אֵין דֵּי לְכַבּוֹת לְהִבָּה
כִּי אֶזְכְּרָה בְּהִיּוֹת בְּקֶרֶבּם מַחְנֵי
וּבְחִיק צְבָאִים אֶזְ שְׁנֵתִי עֶרְבָה

***

Лань прокляла нанесшего укус
Щеке ее, зудевшей нестерпимо,
И я сказал: о, дочь Ерусалима!
Кто причинил тебе такой конфуз?

Лань, подскочив, ответила: Клянусь
Всевышним, Коим твердь небес хранима,
Что муха нильская летела мимо,
И укусил меня проклятый гнус.

И я ей верил, до тех пор, покуда
Следы зубов видны не стали мне.
И я сказал: Так вот причина зуда!
И от любви избавился вполне.
Ты неверна — и я неверным буду.
Мятежна ты — катись-ка к Сатане!

יוֹם אֶרְכָּה עֶפְרָה לְנֹשֶׁךְ לְחַיָּה
נִמְס לְבָבִי אֶזְ וְהָיָה מֵיָם
נְאֻמָּה הַבַּת יְרוּשָׁלַיִם
מִי זֶה אֲשֶׁר חָשַׁב עֲשׂוֹת כֵּן רַעֲיָה

אֶזְ קִפְצָה עֶפְרָה וְנִשְׁבָּעָה בָּיָה
עָלְיוֹן אֲשֶׁר נָטָה כְּדֹק שְׁמַיִם
לְזָבוּב אֲשֶׁר בִּקְצָה יְאוּר מְצָרִים
אַאָר נִשְׁכַּנִּי וְשִׁבְתִּי עֵטְיָה.

אֶזְ הָאֶמְנָתִי עַד אֲשֶׁר רָאִיתִי
שְׁנֵי רְשָׁעִים שֶׁקָּדִים עַל הַלְּחִי
אֶזְ אֶמְרָה נִפְשֵׁי אֲנִי עֲנִיתִי

קִצְתִּי בִּיפְיָה אֶזְ וְשִׁמְתִּיהָ סָחִי
הִיא שְׁנֵתָה גַם כֵּן אֲנִי שְׁנִיתִי
לוֹ קוֹמְמִיּוֹת הַלְּכָה אֶמַר שְׁחִי

Йехуда Ал-Харизи (1165, Толедо—1225, Алеппо)

«Свадебная макама» из сборника «Тахкемони»

Перевод Шломо Крола

Слова Эймана Эзрахи: приехал я в Тевец насладиться покоем наконец, облачиться среди лилий в пурпур и багрец. и был день, и сидел я среди друзей, известных щедростью своей, наслаждаясь дружбой, что как елей, и песней, чтоб было веселей. и поднял я взор, и вот — муж передо мной, утомленный, дрожат его руки, трясутся колени — знать, натерпелся муки. На нем — поношенное платье. Издали его не мог признать я, но присмотрелся, а это Хевер Кеней. и я распростер объятья, поспешил ему мира пожелать я и спросил о делах его сущих и о намерениях грядущих. и отвечал он: "Нынче прибыл я от земель далеких и спасся от волн высоких, направляюсь же в дальние края и в руке моей — душа моя". и я сказал ему: "Без отдыха останешься ты доколе? Иль жилище твое — перекасти-поле? Садись с нами, окажем тебе заботу. Присаживайся и проси, коль хочешь чего-то, чего бы только душа твоя не просила. Хочешь, найду тебе жену — и вернется вся твоя сила. Тебе бы приятно было". Он отвечает: "Поклянись именем Бога Живого, что об этом не заговоришь ты снова, ни наяву, ни во сне не скажешь ни слова. Ибо клятвы мои крепки и страшны: никогда не попадусь я в ловушку жены. Слишком горька была первая беда, а вторая да не случится никогда!" и я засмеялся над его словами и спросил: "От какой же беды ты пострадал, что клятву такую себе дал?" Он ответил: "Соблазнила меня змея, на крючок злого духа попался я, и стал супругу себе искать я, жену, прекрасную лицом и статью, дабы вкусить отдых, сладкий, как мед, от нетерпения и от тяжких работ. и сказал я: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Ведь я не знаю, когда смерть придет и когда мне надо продолжить род. Мои мысли бурлили, как морской вал, со своими внутренностями я воевал и любви страстно желал, огонь во мне пылал. То убеждал меня, то возражал мой дух и в сердце огонь то разгорался, то тух. и вот, бреду я по городу в заботе своей, туда-сюда среди улиц и площадей и вижу старуху, что Мафусаила старей; в жизни не видел я бабы лицом страшней и телом кривей, как будто бесы добавили ей меру дней, и Сатаница было имя ей. Спереди как страус некрасива, а сзади мерзкая, как крапива. Ходит, лицо платком закрывая, необузданная, злая. в ноги падает, вкрадчив ее зов, скользок, как масло, поток ее слов. Язык у нее мягче шелков и сердца людей — ее слов улов. Уста источают мед, а яд в гортани смерть несет. с повадкой праведницы, но с начинкой мерзкой, дочь смутьянки разнузданной и дерзкой. Ада стези — ее дороги, и в доме ее не живут ее ноги, и жертвы ее весьма многи. Меня издали увидала она и мне путь преградила, как сатана, и, мира пожелав на вечные времена, сказала: "Сынок, сынок, дни твои да продлит Всевышний Бог, да будет Он твоего спасенья рог, да будет вечен твой род, могуч и высок. я вижу, что ты красив и приятен, строен и статен. Красой своей воспламеняешь сердца и души привлекаешь блеском лица. Красота твоя как шелковый покров принесет тебе множество даров. Дерево твое принесло много прекрасных плодов. Не хорошо, когда муж как ты спит один и заснуть не может, ибо пламя желания его сердце гложет, без супруги, что к нему благосклонна, и без готового принять его семя лона. Почто из разбитого водоема ищешь насладиться и сладка тебе краденая водица? Потому, если ты соблаговолишь, дам я тебе щедрого дочь, красою как серна, глаз отвести невмочь, щеки ее как заря, а волосы как ночь. и в душе твоей будет нега как мед, и не будешь знать никаких хлопот, она тебе

гнездышко совет, и за столом твоим песню споет, как свет ее лицо, и как манна рот. Ее свет будет сиять, когда ночь темна и светильник в ночи не погасит она. Лучше серебра добродетельная жена и выше жемчугов ее цена. Глаза ее как у ланей, наполнены вином желаний. Тело ее влажно от страсти, подобно скипетру царской власти, чисто, как священные масти, увидев его, сердце трепещет от счастья и все пылает в предвкушении сласти. Щеки ее румянцем горят, глаза ее словно пара львят, словно сапфиры зубов ее ряд, два сосца как двойня оленят. Как увидишь красу той девицы, перестанет сразу твое сердце биться. в нее невозможно не влюбиться. Блажен муж, что едет в ее колеснице и меж ног ее склоняется, падает, ложится! и тот, кто хочет в жены взять девицу, много тысяч серебряных даст, не покусится. и заплатит их легко, не мучась сомнением — если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, он был бы отвергнут с презрением." Сказал говорящий: Запали мне в душу речи эти, я позабыл обо всем на свете и опутали меня ее сети. и я сказал: "Если до сватовства я увижу ее, конечно, сразу пленит она сердце мое". Она сказала мне: "Как можно, как можно! Неужели солгу я иль поклянусь ложно? Мне ли рассказывать небылицы безбожно? я сказала правду, поверь уж мне, а на деле она прекрасней вдвойне". я ей сказал: "Коль ты говоришь правду, то непременно заплачу за нее любое вено, назначай самую высокую цену!" Она мне сказала: "Увидишь сам, она прекрасна на диво, как львица страстна и как лань красива. Тогда поймешь, что речь моя правдива. Завтра же снова жди меня — вернусь к тебе на восходе дня излечить твою душу от тоски и боли. а что будет завтра, то в Господней воле". и так сказав, была такова. и поймали улов ее слова. в ту ночь сны от глаз моих улетели и я не лежал в своей постели. Ногтями царапины делал на теле и, блуждая, утра дождался еле. и к утру стал я духом еще слабей и стонал я в горести моей, с истомленным сердцем и душою больною. Солнце взошло, и вот — старуха предо мною. и стал мой дух радостен и светел, в волненьи спеша, ее я встретил и, мира пожелав, приветил. Она сказала: "Пусть Бог даст тебе покой, пусть всегда сохраняет мир твой, все о чем ты просишь, пусть даст безотказно и место твое да не пребудет праздно. Знай же, что пришла пора веселья, а тоска и вздохи вдаль улетели. Ушло время бессонниц и тревог, любви и ласки близится срок. Вот, идет к тебе отец девицы с родней, дабы поговорить с тобой и союз заключить святой". Долго ли, коротко — вот, отец девицы идет, а с ним все старцы, что у ворот. и вот, когда вся община пришла и весь дом стал полон от угла до угла, отец невесты встал посредине и в таких словах обратился к общине: "Мир вам, братья правоверные и друзья верные! Знайте, что этот муж желает с нами породниться, союзом с нами соединиться, взойти на нашу колесницу и в жены взять нашу девицу. и нам рассказали о его добрых деяниях и высоких дарованиях. Что знатен его род, бедные кормятся от его щедрот и радость в его доме — благочестия плод. и вот, я душу свою ему вручаю, дочь свою с ним венчаю и вено ему назначаю, в выкуп девства ее тысячи серебра, пусть подпишется сейчас, а отдаст, как придет пора. и сказали старцы: "Ты готов принять все, что следует из его слов?" я же, от смущения и стыда не слишком вникал в их слова тогда, сказал им только: "Я слышал и принимаю и все, что сказано, понимаю". Как вышли слова из моих уст, отец ее писца призвать поспешил, принесли перо, бумагу, флакон чернил, и записали все в брачном договоре, широком, как море. и я принял все, что они сказали и подписался: вот, обо мне написано в этой скрижали.

Они писца призвали справить ей
И договор, и примечания,
И подписался я под грамотой,
Дав вено свыше обещания.
Благословили Имя Божие
Вином и кущею венчания,
Но посмеялся рок и сделал мне
Разводом бракосочетание.

Записав договор, стали его пред иудеями читать, и подписали свиток я и свидетели, и поставили печать. а потом, на землю спустились тени и возгорелось во мне волнение, и покрылась земля мглой и тьмой, и привели невесту ко мне домой, под веселый шум, улюлюканье и вой, подхваченный стоящей на дороге толпой: "Радуйтесь, муж с женой!". и пошел тогда пир горой, с песнями веселья, до поздней поры ночной. а потом, от мала до велика, от стариков до детей все разошлись и не осталось гостей. и мы остались вдвоем с нею в доме моем. и сказал я в сердце своем: в эту ночь обновится моя юность силой орла и как орел, подниму я свои крыла, ибо ночь бдения пришла. и к ней подойдя, снял я плащ с ее плеч, и поспешил накидку с глаз ее совлечь, и огонь зажечь и увидел лицо ее в свете свеч. и вот, лицо ее — Божий гнев, голос громкий, ревет, как лев, как тельцы Иеровоама стала, окривев, и как у ослицы Валаама ее зев, ноздри ее воняют, как хлев, щеки завяли, почернев, как будто Сатана, ее огрев, поработал углем, так, что посмотрев, я подумал, что вижу одну из хамовых дев. Но если лицом она была чернее мрака, то голова ее была седа, состарили ее года, губы дергались то туда, то сюда, зубы были то ли медвежьи, то ли волчьи и как у скорпиона были ее очи. И, увидев все это, я сказал:

Как у медведей у нее клыки,
Тех, что растерзанную плоть едят,
Ее лицо в прыщах, ее глаза
Несут тоску тому, кто сердцем рад,
Стан как стена ее, а голени —
Как два бревна сухих, стоящих вряд,
Черны, как уголь, щеки, рот ее
Как у осла худого крив, помят.
Она подобна смерти ангелу:
Лишь тронь ее — тебя поглотит ад.

Когда я увидел это все, меня объял страх, ужас, дрожь в руках и ногах и я сказал: настал роковой день и я обращаюсь во прах! Но я сдержался, стиснув зубы и заговорил с ней мягко, не грубо, и спросил: "Голуба, голуба, коль лицо твое как волчцы и тернии, много богатства в доме твоём, наверное. Где же все твои платья и накидки, и ткани, и нитки, и серьги, и нагрудные плитки, и благовонья, жидки, и мази, и прочие пожитки?" Она говорит: "Все у меня будет, ибо милостив Бог и обо мне не забудет. в доме отца все одежды мои и в лоне моей семьи." я сказал ей: "Какое приданое кроме того осталось в доме отца твоего?" Она сказала: "Там остались дырявые мешки, да посуды черепки, ложка, плошка, поварешка, лукошко да от стула ножка, да шерсти клочок, да разбитый котелок, три сита и два корыта". и услышав это, я упал в иступленье, и все мысли ушли, остались лишь пени, и Господь не дал видений. и я сказал в ответ:

Ты чертом мне дана иль Сатаною?
Проклятье над твоею головою!
Как будто гнева ангелам и бесам
Приходишься ты старшею сестрою.
Похожа на козла ты отпущенья,
Из пустоши какой пришла тропую?
Как будто бы в Лилит влюбилось Время
И в дар ей тебя создало такую.
Тебя оно затем лишь не пожрало,
Чтоб смерти духам ты была слугою.

Отец твой пусть бы помер до зачатья,
 Иль мать была бесплодною, пустою!
 Твой рот сравню я с гробом, твои губы —
 С воловьими, а твой живот — с норою,
 Скверны, как у медведя, твои зубы,
 И кал на них налеплен, и помои,
 Глаза твои как печи, твоя рожа
 Котла черней, покрытого золою,
 Огромна ты, как дерево Амана,
 На нем бы удавить тебя петлею!
 В ту ночь, когда пришла ты, я подумал,
 Что гнева грозный дух пришел за мною,
 Пучиною накрыт, как фараон я,
 У виселицы как Аман я вою,
 Как Сисара, когда бежал к Яэли,
 Эггону я подобен злой судьбою.
 Живот твой бурдюку подобен вздутый,
 Под черной родилась ты, зная, звездою,
 Ты словно обезьяна волосата,
 Твои сравню я пальцы с головнею,
 Дыхание твое как злая буря,
 А голос будто гром порой ночью.
 Твой рот тому что жрешь ты как могила —
 Да станет в животе отравой злою!
 Клыки, как молотилка, все молотят
 В колодец, что как пропасть глубиною.
 Как пожран был Содом морскою бездною,
 Пусть Бог разверзнет бездну под тобою,
 Пусть лев тебя пожрет, его утроба
 Да будет тебе ямой гробовою!

И когда я закончил эту песню, то увидел, что нимало страданье мое меньше не стало и мои пени не дали мне терпенья и напев, что я спел в том не преуспел. и гнев ударил мне в голову и сгоряча взял я в руку свою три бича и, поздно ночью встав с кровати, засунул в рот ей ее платье и лупцевал ее со зла пока кровь изо рта не пошла, и рвал ее плоть изо всех сил, и кровь ее девственности пустил. и собрал все, что было у меня, погрузил на своего коня и еще до восхода солнца, был я от города далек и пришел в нашу страну, где пустыня и песок и перешел через ручей Явок. Днем я прятался в лесу глухом, а по ночам скакал верхом, пока не осознал, что убежал и не увидел, что черный день миновал. Тогда я произнес возвышенную речь и сказал:

Благословен, Кто спас в беде меня,
 Кто, Милосерд, вознаградил меня,
 Когда дух глупости продал меня,
 Мой Избавитель пожалел меня,
 Когда попал я в бездну адскую,
 Из чрева ада отпустил меня.

Сказал говорящий: Когда я послушал о том, как надули Хевера Кеня, я посмеялся над тем, как он о глупостях мечтал, и как в западню попал, и подивился тому, что он рассказал. а потом настало время прощанья, и мы сказали до свиданья, и разошлись. и его повествование показалось мне удивительным и достойным вниманья.

בְּעֵינַי זְיוּג אִשָּׁה כְּעוֹרָה, חֶשֶׁךְ מִשְׁחֹר תְּאָרָה

נָאִם הַיָּמִן הַאֲזוּרְחִי: חֲנִיתִי בְּתַבְּץ. לְהַתְּעַדֵּן מִן הַתְּעוּגִים בְּמִרְבֶּץ. וְלִלְבֹּשׁ מִמַּעֲטָה שְׂוֹשְׁנִים כְּתִנְתַּת תְּשֻׁבָץ. וַיְהִי הַיּוֹם וְנָאִי יוֹשֵׁב עִם חֲבֵרִים אֲהוּבִים מִבְּנֵי הַנְּדִיבִים. לְהַתְּעַלֵּס בְּאֲהָבִים. וְלְהַשְׁתַּעֲשֵׂעַ בְּשִׁירִים עֲרָבִים. וְנֹאשָׂא עֵינָי נֹאכָא וְהִנֵּה אִישׁ עוֹמֵד לְנִגְדֵי יָגַע וּרְפָה יָדָיִם. בְּלֵב נִמְס וּפִיק בְּרַפִּים. וּבִרְאוֹתַי מִרְחוֹק דְּמוֹתוֹ. הַתְּבוֹנְנִתִי הֵיטֵב אֶל צוּרְתוֹ. וְהִנֵּה הוּא חֲבֵר הַקִּינִי וּמִהֲרַתִּי לִקְרָאתוֹ. וְקִדְמַתִּי בְּשִׁלּוֹם אוֹתוֹ. וּשְׂאֵלְתִיחוּ עַל עֵינָיו. וְנֹאכָא מִגַּמַּת פְּנִיו. וַיֹּאמֶר לִי: עֵתָה בָאתִי מֵאֵי הַיָּם. וְנִצַּלְתִּי מִשְׂאוֹן גְּלִיו וְדָכָיִם. וּמִגַּמַּת פְּנֵי קְדִימָה. וְנִפְשִׁי בְּכַפִּי אֲשִׁימָה. אֲמַרְתִּי לוֹ: עַד מַתִּי לֹא תִשְׁקֹט וְלֹא תִנּוּחַ. כִּי אֵילוּ מְעוֹנְךָ עַל כַּפְּי רִוַח. שְׂבָה אֲתָנוּ וְהִטְבְּנוּ לָךְ. וְהַתְּיָשֵׁב עִמָּנוּ וְתִשָּׂג מִשְׂאֵלְךָ. וְאִם תִּרְצָה אֲבַקֵּשׁ לָךְ מִנוּחַ. וְאֲתָן לָךְ אִשָּׁה אֲשֶׁר בָּהּ תַּחֲלִיף כַּח. וְתִמְצָא נוּחַ. אֲמַר לִי: אֲשַׁבֵּינְךָ בְּחַיִּי כֹל נְבִיא וְחוֹזָה. אֵל תּוֹסֹף דְּבַר אֵלֵי עוֹד בְּדַבָּר הַזֶּה. לֹא בְהַקִּיץ וְלֹא בְּמַחֲזָה. כִּי נִשְׁבַּעְתִּי שְׂבוּעָה עֲזָה וְקִשָּׁה. לְבַל אֲפַל בְּפַח אִשָּׁה. וְדִי לִי בְּתֵלְאָה הַרְאִשׁוֹנָה הַמְּרָה. וְלֹא תִקּוּם פְּעַמִּים צָרָה. וְנֹאשְׁחַק לְמַלְיוֹ. וְנֹאמַרְתִּי אֵלָיו: מָה הַצָּרָה אֲשֶׁר מִצַּאתְךָ. וְלִידֵי שְׂבוּעָה הִבִּיאָתְךָ. אֲמַר: הַנְּחַשׁ הַשִּׂיאִנִי. וְהִצִּיר הַרַע הַסִּיתָנִי. לְבַקֵּשׁ לִי רַעִיָה. וְנֹאשָׁה יָפָה-פִּיָה. לְהַמְצִיא נוּחַ לְנַפְשִׁי הַאֲנוּשָׁה. מִקְצֵר רִוַח וּמַעֲבֹדָה קִשָּׁה. כִּי אֲמַרְתִּי לֹא טוֹב הַיּוֹתִי לְבִדִּי. אֲעַשֶּׂה לִי עֶזֶר כְּנִגְדִי. כִּי לֹא יָדַעְתִּי יוֹם מוֹתִי. וּמַתִּי אֲעַשֶּׂה גַם אֲנִכִי לְבִיתִי. וְעֹבְדֵי בֵין גְּלִי יָם הַמַּחֲשָׁבוֹת. עוֹרֵךְ עִם קָרְבֵי קָרְבוֹת. וְחוֹצֵב מִן הָאֲהָבוֹת לְהַבּוֹת. וְלִבִּי פִעַם יִמָּאֵן וּפִעַם יֵאָבֵה. וְעַתִּים יִבְעַר וְעַתִּים יִכְבֶּה. וְנֹאנִי מִתְהַלֵּךְ בְּמִדְיָנָה. מַעֲבָר לְעֵבֶר וּמִפְּנֵה לְפָנָה. וְהִנֵּה אִשָּׁה זְקֵנָה. בְּרַע תְּמוּנָה. וְצוּרָה מְשׁוּנָה. כִּי אֵילוּ הַזְּמַן גָּבַהּ מִן הַשָּׂדִים לְהִיּוֹת לוֹ לְמָנָה. וַיִּקְרָא שְׁמָה שְׁטָנָה. תְּמוּנָתָהּ כֶּבֶת הַיַּעֲנָה. וְנֹאחֲרִיתָהּ מָרְהַ פְּלַעֲנָה. פְּנִיָה בְּצַעֲפִיפָה לּוֹאֲטוֹת. רַעִה וְשִׁלְטוֹת. תַּחֲנוּן קוֹלָה וְתִכְרַע עַל בְּרַפָּה. וְחֻלְק מִשְׁמֹן חֲפָה. הַצּוּף בְּלִשׁוֹנָה. וְסַם הַמְּנוֹת בְּגִרְוֹנָה. מִתְנַהֲגָת בְּחִסְדוֹת. וְהִיא בַת נַעֲוֹת הַמִּרְדּוֹת. מַעֲגָלִי שְׂאוֹל מַעֲגָלִיָה. וּבְבִיתָהּ לֹא יִשְׁכְּנוּ רַגְלִיָה. וּבְכָל מְקוֹם נִמְצָאוּ חֲלָלִיָה. וְכִרְאוֹתָהּ מִרְחוֹק דְּמוֹתֵי. נִצַּבָה כְּשֹׁטֵן לְעַמְתִּי. וְקִדְמָה בְּשִׁלּוֹם אוֹתִי. וְנֹאמַרְהָ אֵלַי: בְּנֵי בְנֵי יִצְרָאֵל אֱלֹהִים חֲנִיךְ. וַיִּשְׁמַר זֹהַר לְחִינְךָ. וַיְהִיָה לְעַד רַעֲנוֹן פְּרִינְךָ. רִאִיתִיךָ נְעִים וְנָאָה. וְנִחַמְךָ לְמִרְאָה. תִּלְבַּב הַלְּבָבוֹת בִּפְרִינְךָ. וְתִמְשֹׁךְ הַנְּפִשׁוֹת בְּזוּי לְחִינְךָ. וְהִיָּפִי הַלְּבִישׁךָ מִשְׂיוֹ. וְשִׁלְמֵךְ לָךְ נִשְׂיוֹ. וְעַץ יִלְדוּתְךָ נָתַן פְּרִיוֹ. וְלֹא טוֹב לְאִישׁ כְּמוֹךָ שִׁישֵׁן וְלִבּוֹ עַר. וּבֹאשׁ חַחֶשֶׁק בּוֹעֵר. מִבְּלִי רַעִיָה אֲשֶׁר בָּהּ תִּתְרַעַע. וְלֹא מְקוֹם זָרַע. וּמָה לָךְ לְבַקֵּשׁ בּוֹרוֹת נְשָׁפָרִים חֲצוּבִים. וַיִּמְתְּקוּ לָךְ מִיָּם גְּנוּבִים. לָכֵן אִם יִיטֵב בְּעֵינֶיךָ מִבְּנוֹת הַנְּדִיבִים. אֲתָן לָךְ אֲנֵלֶת אֲהָבִים. לְחִיָּה מַעֲלָה שְׁחָרִים. וְשַׁעֲרָה מַעֲרִיב עֲרָבִים. תְּהִי בָהּ נִפְשֶׁךָ מַעֲדָנָה. וְתִהִי לָךְ סוֹכְנָת. בְּחִיקְךָ מִקְנִינָה. וְעַל שְׁלַחְנֶךָ מִרְנִינָה. בְּלַחֲיָה מְנוּרָה וּבְפִיָה צִנְצֻנָת. בַּחֶשֶׁךְ תִּלְךָ לְזוּי תְּאָרָה. וְלֹא יִכְבֶּה בְּלִילָה נְרָה. וְטוֹב מִסְחַר כֶּסֶף סַחֲרָה. וְרַחוּק מִפְּנִינִים מְכָרָה. לָהּ עֵינַיִם כְּפִעֵנִי הַצְּבֹאִים. בְּיָן חַחֶשֶׁק סְבוּאִים. גּוּפָה רְטֹב וְלַח. כְּשֶׁרְבִיט בְּדִלְחָה. טְהוֹר קִדְשׁ מִמְּלַח. לֵב רוֹאִיו יִפְלַח. וְנֹאשׁ בְּקָרְבוֹ יִשְׁלַח. לְחִיָּה מְאֹרִים. וְעֵינֵיהָ כְּפִירִים. וְטוֹרֵי שְׂנִיָה סְפִירִים. וְשִׁנֵּי שְׂדֵיָה פְּשִׁנֵי עֲפִירִים. וְאֵילוּ תִרְאָה יָפָה הַנָּאָה. יֵאָבֵד לְבָב וְיִשְׁתָּאָה. וְהִיִּית מִשְׁנַע מִמִּרְאָה עֵינֶיךָ אֲשֶׁר תִּרְאָה. וְנֹאשְׁרֵי אִישׁ בְּמִרְכָּבָתָהּ רַכֵּב. וּבִיו רַגְלֵיהָ כְּרַע נִפֵּל שָׁכֵב. אֲבַל כֹּל הַרוֹצֵה בָּהּ לְהַתְּחַתֵּן. אֲלֵפִים כְּסָף יִתֵּן. וְנִקַּל לְתַת בָּהּ כֹּל הוֹנוֹ וְחִילוֹ. אִם יִתֵּן אִישׁ אֶת כֹּל הוֹן בֵּיתוֹ בְּאֲהָבָה בּוֹז יְבוּזוֹ לוֹ.

אֲמַר הַמַּגִּיד: וְכִשְׁמַעִי אֲמַרְיָה. נִמְשַׁךְ לִבִּי בַּחֲלֵק דְּבָרֶיָה. וְנִקְשַׁרְתִּי בְּחַבְלֵי קִשְׁרֵיָה. וְנֹאמַרְתִּי לָהּ: אֵילוּ הַנְּעֵרָה הַזֹּאת בְּטָרְם יִדְבַר בָּהּ אֲרָאָנָה. אִזּוּ יִיטֵב לִבִּי בְּעַת אֲקַחְנָה. אֲמַרְהָ לִי: חֲלִילָה חֲלִילָה. אִם אֲרַמָּה אוֹתְךָ נָאִם אֲכַשִּׁילָה. וְנָאִם אֲפַתָּה אוֹתְךָ בְּמַלְי וְנָאִם אֲמַשִּׁילָה. אֲבַל כֹּל אֲשֶׁר דְּבַרְתִּי בָּהּ וּשְׁפַתִּים. תִּמְצָאֵנוּ כְּפָלִים. אֲמַרְתִּי לָהּ: אִם הָאִשָּׁה כְּאֲשֶׁר תֹּאמְרֵי אֵלַי. הַרְבִּי מִהֵר וּמִתֵּן עֲלֵי. וְנֹאתְנָה כְּאֲשֶׁר תֹּאמְרֵי אֵלַי. אֲמַרְהָ לִי: בְּרִאוֹתְךָ הַצְּבִיָה. הַטּוֹרְפַת כְּלָבִיָה. תִּדַע כִּי אֵין בְּלִשׁוֹנִי רַמְיָה. וְשׁוֹב אֲשׁוֹב אֶלְיֶךָ מִחַר. אַחַר עֲלוֹת הַשַּׁחַר. לְהַשְׁקִיט יָגוֹן לְבָב וְחִילוֹ. וּבִקֵּר וַיּוֹדַע הִ' אֶת אֲשֶׁר לוֹ. וְתִלְךָ הָאִשָּׁה לְדַרְפָּה. וְלִבִּי נִלְכַּד בְּחַפְתַּת חֲפָה. בְּלִילָה הַהוּא נִדְּדָה מִעֵינֵי שְׁנַתִּי. וְלֹא עֲלִיתִי עַל מִטָּתִי. רַק הִיִּיתִי נוֹדֵד בְּחַבְלֵי תְּשׁוּקָתִי. וּמִתְגוֹדֵד עַל אַרְךְ תְּקוּנִתִי. וַיְהִי בְּבִקֵּר וְתַפְעַם רוּחִי. וּבְעוֹדֵי אֲרִיד בְּשִׁיחִי. בְּלֵב דָּוָה וּבְנִפְשׁ נְכָאָה. הַשְּׁמֵשׁ יָצָא עַל הָאֲרָץ וְהִנֵּה הַזְּקֵנָה בָּאָה. וַיִּשְׁמַח לִבִּי בְּבִיאָתָהּ. וְחֲרַדְתִּי לִקְרָאתָהּ. וְקִדְמַתִּי בְּשִׁלּוֹם אוֹתָהּ. אֲמַרְהָ: יִתְמִיד הָאֵל שְׁלוֹמְךָ. וְנֹאֵל יִפְקֵד מְקוֹמְךָ. דַּע כִּי הַגִּיעַ תֵּר הַשְּׁמַחָה. וְנִסּוּ יָגוֹן וְנֹאנָחָה. וְרַחֲקוּ מִמֶּךָ הַנְּדוּדִים. וְקִרְבָּה עַת דּוּדִים. וְהִנֵּה אֲבִי הַנְּעֵרָה וְקִרְוִיָּה בָּאִים אֵלְיֶךָ. לְשִׁמְעַ מְלִינְךָ. וְלִקְשׁוֹר בְּרִיתֶם עֲלֶיךָ. וַיְהִי עַד כֹּה נִכְּה וְהִנֵּה אֲבִי הַנְּעֵרָה. וְעַמּוֹ כֹּל הַזְּקֵנִים אֲשֶׁר בִּשְׁעָרָה. וְכֹאשֶׁר בָּאוּ הַקְּהָלָה. וְהַבִּית מִפָּה אֶל פָּה נִמְלָא. קַם אֲבִי הַנְּעֵרָה וְעַמְד עַל עַמְדוֹ. וַיֹּאמֶר לְכָל אֲנָשֵׁי סוּדוֹ: שְׁלוֹם עֲלֵיכֶם אַחִינוּ אֲנָשֵׁי הָאֲמוּנָה. וְהִאֲהַבְּהָ הַנְּאֻמָּנָה. דַּעוּ כִּי זֶה הָאִישׁ יִרְצָה לְהַתְּקַשֵּׁר בְּחִבְרַתְנוּ. וְלְבוֹא בְּמִסְרַת בְּרִיתְנוּ. וְלִרְכֹּב עַל מִרְכָּבָתְנוּ. וְלִקְחַת אֶת בַּתְנוּ. וְהִגֵּד לָנוּ עֲלֵיו טוֹב מִחֲלָלָיו. וְכִשְׁרוֹן פְּעָלָיו. כִּי הוּא מִמְשַׁפְּחוֹת הַפְּחוֹת. אֲשֶׁר בִּידֵיהֶם אֲרוּחוֹת. וּבְפִנֵיהֶם שְׁבַע שְׁמֻחוֹת. וְהִנֵּנִי מִפְּקִיד נִפְשִׁי אֲצִלוֹ. וְאֶת בַּתִּי אֲתָן לוֹ. וּמִהֵר יִמְהַרְנָה לוֹ. עַל מְנַת שְׂכִתָּב לָהּ אֲלֵפִים כְּסָף בְּמִהֵר בְּתוֹלְיָהּ. וּבְכָל עַת שְׁתִּרְצָה וְתִנָּם אֲלֵיָהּ. וַיֹּאמְרוּ לִי הַזְּקֵנִים אֲשֶׁר בִּשְׁעָרָה: קִבַּלְתְּ כֹּל אֲשֶׁר שְׁמַעְתְּ? וְנֹאנִי לָרֵב בְּשִׁתֵּי מִהָם. לֹא חֲקַרְתִּי לְדַבְּרֵיהֶם. רַק אֲמַרְתִּי: שְׁמַעְתִּי וְקִבַּלְתִּי. וְכָל דְּבָרֵיהֶם יִדַּעְתִּי. הַדְּבַר יָצָא מִפִּי וַיִּמְהָרוּ וַיִּקְרָאוּ הַסּוֹפֵר. וְהִבִּיאוּ הַעֵט וְהַסֶּפֶר. וְכָתַב לָהּ כְּתָבָהּ. מִנִּי יָם רַחְבָּהּ. וְקִבַּלְתִּי כֹּל אֲשֶׁר אָמְרוּ אֵלַי. אִזּוּ אֲמַרְתִּי הִנֵּה בָאתִי בְּמַגְלַת סֶפֶר כְּתוּב עֲלֵי:

וַיִּקְרָאוּ סוֹפֵר לְקִים לָהּ
מִהֵר כְּתָבְתָהּ בְּפִרוּשִׁים.
וַיִּכְתְּבוּ עֲלֵי שְׁטָר מְחֻזָּק

שָׁרִיר בְּתוֹסֶפֶת וְחִדּוּשִׁים.
וַיִּבְרְכוּ שָׁם אֶל בְּכוֹס יַיִן
אֵת עַל יְדֵי חֲפָה וְקִדּוּשֵׁי.
וַיִּזְמַן מִצַּחֵק בָּם הַכִּי פְתָאִים
הַפֶּךְ חִבּוּרֵתִי לְגֵרוּשֵׁי.

וְכֹאשֶׁר נִכְתְּבָה הַכְּתָבָה קְרָאוּהָ נֶגֶד הַיְהוּדִים . וְאֶכְתָּב בְּסֵפֶר וְאֶחָתִם וְאָעֵד עֲדִים . וְכֹאשֶׁר שָׁקַעַה הַחֲמָה . עֲלֵתָה הַחֲמָה . וְכִסְתָּה
הָאֶרֶץ חֲשֵׁךְ וְאֶפְלָה . וְהִבִּיאוּ הַכֶּלֶה . בְּקוֹל הַמֶּלֶךְ . וְהָעַם עוֹנִים עַל הַמְּסָלָה . יִשְׁמַח חֲתָן בְּכֶלֶה . וְכֹאשֶׁר הָאָרִיכוּ לְשִׁבְתָּ לְשׁוֹרֵר
בְּגִילָה . מְעַרְבֵּ עַד חֲצוֹת לַיְלָה . הִלְכוּ אִישׁ לְדַרְכוֹ כֹּל קֶהֱלָם . מִקְּטָנָם וְעַד גְּדוֹלָם . וְנוֹתְרֵתִי אֲנִי לְבַדִּי . וְהִיא יוֹשֶׁבֶת לְצַדִּי . וְאֶמְרֵתִי
בְּלִבִּי : זֶה הַלַּיְלָה אֶחַדְשׁ פְּנֹשֶׁר נְעוּרִים . וְאֶעֱלֶה אֲבָר כְּנֹשְׁרִים . וְזֶה לַיִל שְׁמוּרִים . וְאֶסּוּר אֲלֵיָהָ . וּפְשֻׁטֵי מְעִילָה מְעִילָה . וְהִסִּירוּתִי
הַמְּסוּהָ אֲשֶׁר עַל פְּנֵיהָ . וְהִקְרַבְתִּי הַנֵּר לְפְנֵיהָ . וְהִנֵּה פְּנֵיהָ פְּנֵי זַעַם . וְקוֹלָהּ קְקוֹל רַעַם . וְצוּרְתָהּ כְּעַגְלֵי לְרַבְעָם . וּפִיָּה כְּפִי אֶתּוֹן בְּלַעַם .
וְאֶפְיָה הַבְּאִישׁ רִיחָם . וְלַחֲיָהּ נֶסֶם לַחֵם . כְּאֵלוֹ הַשֵּׁטָן בְּקִדְרוֹת הַטִּיחָם . וּפְעַל בְּפִחָם . עַד חֲשִׁבְתִּיהָ מִבְּנוֹת חָם . אֲבָל אִם חֲשֵׁךְ
מִשְׁחוֹר תִּתְּאָרָה . שְׁעָרוֹתֶיהָ הַלְּבִינוּ . וְנִמְיָה הַזְּקִינוּ . וּשְׁפָתֶיהָ לְעֵלוֹת לְמַעְלָה יַחֲיִנוּ . וְשִׁנֵּיהָ כְּמוֹ שְׁנֵי זֵאֲבִים אוֹ דְּבִים . וְעֵינֶיהָ עֵינֵי
עַקְרָבִים .

וְאָעַן וְאָמַר :

תִּדְמָה בְּשִׁנֵּיהָ לְשׁוֹן דְּבִים
אוֹכְלִים אֲשֶׁר מוֹצְאִים וּמִצְמִיתִים.
רֹאשָׁהּ שְׁחִין נִמְלָא וְעֵינֶיהָ
גוֹזְלִים שְׁשׁוֹן הַלֵּב וּמִשְׁבִּיתִים.
קוֹמָה כְּמוֹ חוּמָה וְשׁוֹקִים
כְּשִׁנֵּי עֲצֵי יַעַר מִכְרֵתִים.
וְלַחֵי כְּפִחָם רַק שְׁפָתֶיהָ
שְׁפָתֵי חֲמוּר גֵּרָם מְעֹנֵתִים.
צוּרָה כְּצוּרֵת מְלֹאכֵי מְנוֹת
כֹּל פּוֹגְעִים בָּהּ יִפְלוּ מֵתִים.

וּבְרֵאוֹתֵי הַמְּרָאָה הִזָּה נִפְלָה עָלַי חֲרָדָה . וּפְחַד קְרָאֲנִי וְרַעְדָה . וְאֶמְרֵתִי :

כִּי יוֹם הַפְּקֻדָה . אֵת הַתְּאֵפֶקֶתִי . וְרַכּוֹת אֲלֵיָהָ דְּבַרְתִּי . וְאֶמְרֵתִי לָהּ : בְּתִי אַחֲרַי אֲשֶׁר פְּנִיךְ כְּשִׁמִּיר וְנִשִּׁית . הַגִּידִי לִי מַה יֵשׁ לְךָ בְּבֵית .
וְאִיָּה שְׁמֵלוֹתֶיךָ וּמְעִילֶיךָ . וְחֻזְתֵּיךָ וּפְתִילֶיךָ . וְסִהְרֹנֶיךָ וְעִגְלֶיךָ . וְתִמְרוּקֵי עֲדִינֶיךָ . וְכִלֵּי שְׁמֵנֶיךָ . אֶמְרָה לִי : לֹא יִחְסַר לִי כֹל . כִּי
חֲנִנִי אֱלֹהִים וְכִי יֵשׁ לִי כֹל . וְכֹל בְּגֵדֵי עֲזָבְתִי צְרוּרִים בְּבֵית אֲדוֹנֵי אֲבִי . וּבִנְנָה מוֹשְׁבִי . אֶמְרֵתִי לָהּ : וּמָה הַפְּקוּדוֹן . אֲשֶׁר עֲזַבְתָּ בְּבֵית
הָאָדוֹן . אֶמְרָה לִי : עֲזַבְתִּי שְׁנֵי שְׁקִים בָּלִים . וְשִׁבְרֵי כָלִים . וְצַלְחֹת וְקַלְחֹת . וּמִטְּפַחֹת וְצַפְחֹת . וּמִשְׁעָנֹת וְאֶמְתַּחַת . וּמִדִּים קְרוּעִים .
וְכִלִּים נְגוּעִים . וּשְׁתֵּי קַעְרוֹת . וְשֵׁלֶשׁ קִדְרוֹת . וּבְשִׁמְעֵי דְּבַרְיָהּ נִפְלַתִי עַל פְּנֵי . וְאֶבְדוּ רַעֲיוֹנֵי . וְלֹא מִצְאוּ חֲזוֹן מִיָּי .

וְאִשָּׁא מְשָׁלִי וְאָמַר :

הַמְּשַׁדִּים וְזֻקִים אֶת גְּזוּרָה
שְׁלַח בְּךָ אֱלֹהִים הַמְּאָרָה.
כְּאֵלוֹ מְלֹאכֵי זַעַם וּמִשְׁחִית
לְאַחִים לְךָ אֲבָל לְךָ הַבְּכוּרָה.
כְּאֵלוֹ תִּתְּאָרְךָ כְּשִׁעִיר עֲזָאזֵל
וְאֵיךְ נִמְלַטְתָּ מֵאֶרֶץ גְּזָרָה.
כְּאֵלוֹ הַזְּמַן חֲשֵׁק בְּלִילִית
וּמֵאֲהָבָה שְׁלַחְךָ לָהּ תִּשׁוּרָה.
וַיּוֹצֵרְךָ לֹא יִצְרַךְ רַק לְמַעַן
תִּהְיֶה אֵל מְלֹאכֵי מְנוֹת לְעִזָּרָה.
וְאֲשֶׁרִי יוֹלְדֶךָ לֹא מֵת בְּלִדְתֶךָ
וּמִי יִתֵּן תִּהְיֶה אִמְךָ עֶקְרָה.
שְׁפָתֶיךָ כְּמוֹ שְׁפָתֵי שְׁנָרִים
וּפִיךָ קָבַר אֲבָל בְּטֶנֶךָ מְעָרָה.
וְשִׁנֶּיךָ כְּשִׁנֵּי דָב זְהוּמוֹת
וּבָם צוּאָה וְרִיר כְּמֵלֵא קַעְרָה.
וְעֵינֶיךָ כְּמוֹ כִּירָה עֲשָׂנִים
וּפְנֵיךָ כְּמוֹ שׁוּלֵי קִדְרָה
וְקוֹמֵתֶךָ כְּעַץ הַמֶּן גְּבוּהָה

ומי יתן ואראך בו מהרה.
 וליל בואך חשבתיו לי כמו מל-
 אכי זעם בעת בואם בעברה.
 כפרעה ליל אשר טבע בים סוף.
 כמו המן ביום נתלה בקורה.
 כסיסרא את אשר ברח ליעל.
 כעגלון בעלית המקרה.
 ולך בטן כבטן נאד נפוחה
 וצורתך כמולך שחורה.
 ונדודך ודי הקוף שעירות
 ואצבעות כמו אודים בכירה.
 וקול ניבך כרעש בחצות ליל
 ונשמת פיך כמו רוח סערה.
 ופיך קבר למאכלך ומשקך
 וישובו בתוך בטנך מרוכה.
 בשגך תכתשי הכל במכתש
 ומשם נסעו העם בארה.
 אלהים יחפך ראשך בשחת
 כמהפכת סדומה נעמוכה.
 ותכריכך ישו בטגי אריות
 וישים לך בתוך קרבם קבורה.

וכאשר השלמתי שירי . ראיתי כי בשירי . לא נרפא צירי . ובהגיוני . לא יסור יגוני . ונגינתי . לא תעביר מגנתי . ועלתה
 חמתי באפי . ולקחתי שלשה שבטים בכפי . וקמתי בחצות לילה . וחסמתי פיה בשמלה . ושבתי כל השבטים על גבה . עד יצא על
 פיה דם לבנה . וקרעתי כל בשרה מעליה . והוצאתי על גופה דם בתוליה . ואספתי כל הבגדים אתי . ועמסתי הכל על בהמתי .
 ובטרכם עלות השחר הייתי מן העיר רחוק . ועזבתי ארצה שאינה והבוק תבוק . ועברתי את מעבר יבק . וכל היום הייתי ביערים
 שוכב . ובלילה נוסע ורוכב . עד ידעתי כי נמלטתי . והאמנתי כי נצלתי . אז נשאתי משלי ואמרתי :

ברוך אשר יום צר נצרני

וברחמי חסד גמלני.
 יצרי ביד סכלי מכרני
 אך צור בחמלתו גאלני.
 אחרי אשר חדרי שאול באתי
 בטן שאול פתח והעלני.

אמר המגיד : וכשמעי תעתועי חבר הקיני . צחקתי על הבלי וישקריו . ותמהתי על חלומותיו ועל דבריו . אחרי כן קראתי
 בשלומי . ונסעתי מעמו . גם הוא נסע אל מקומו . והפליאני דברו ונאמו .

Из «Макамы о блохе и муравье» (сборник «Тахкемони»)

Подстрочный перевод:

А если скажешь: «**За ним побегу!**»¹,

Он ускользает и выбегает вон².

И если даже поймаешь его пару раз,

Он вырывается из рук,

Ибо сделает себе крылья,

Как орел полетит к небу³.

Зачастую прячется он у девушек

Под разноцветной одеждой, вышитой с разных сторон⁴,

И идет **от чресл до голеней**⁵,

И делает ложем своим **утробу и две утробы**⁶,

И **ложится между протоками вод**⁷,

и прячется у них между грудей,

и нарекает имя месту тому «Два стана»⁸.

И если встретит молодую девицу⁹,

Или замужнюю женщину,

То возжелает ее и **возляжет с ней**¹⁰,

Пока от проделок его не возвысит голос.

וכי תאמר אחריו ארוצה

וינס ויצא החוצה

ואם תתפשהו פעם ושתים

ימלט מבין הידים

ועשה יעשה לו כנפים

כנשר יעוף השמים

ולפעמים יתחבא עם העלמות

תחת צבע רקמתים

ויבא ממתנים ועד ירכים,

וישם יצועו רחם רחמתים

ורובץ בין המשפתים,

ויסתתר עמם בין השדים

ויקרא שם המקום ההוא

מחנים

וכי ימצא נערה בתולה

או בעולה

יחשק בה וישכב אצלה

עד לרוע מעשיו תתן קולה

¹ Песнь Песней 1:4: מְשַׁכְנֵי אַחֲרַיִךְ נְרוּצָה «Влеки меня, **за тобой побегим!**»

² Быт. 39:12: וַתִּתְפְּשֵׂהוּ בְּבִגְדוֹ לֵאמֹר שְׂכָבָה עִמִּי וַיַּעֲזֹב בְּיָדָהּ וַיֵּנָס וַיֵּצֵא חוּצָה «Она схватила его за одежду его и сказала: ложись со мной. Но он, оставив одежду свою в руках ее, **ускользнул и выбежал вон**».

³ Притч. 23:4-5: הֲתַעֲרִי עֵינֶיךָ בּוֹ וְאַיִנָּנוּ כִּי עֲשֵׂה יַעֲשֶׂה לוֹ כְּנָפִים כְּנֹשֶׁר יַעֲוֹף הַשָּׁמַיִם «Устремишь глаза твои на богатство, и нет его, ибо оно **сделает себе крылья, как орел, и полетит к небу**»

⁴ Суд. 5:30: הֲלֹא יִמְצְאוּ יַחְלְקוּ שְׁלָל רַחֵם רַחֲמַתִּים לְרֹאשׁ גִּבּוֹר שְׁלָל צְבָעִים לְסִיסְרָא שְׁלָל צְבָעִים רַקְמָה צְבַע רַקְמַתִּים לְצִוְאָרֵי שְׁלָל «Верно, они нашли, делят добычу, по утробе, по две утробы на каждого воина, в добычу полученная разноцветная **одежда** Сисаре, полученная в добычу **разноцветная одежда, вышитая с обеих сторон**, снятая с плеч пленника».

⁵ Исх. 28:42: וַעֲשֵׂה לָהֶם מְכַנְסֵי-בֶד לְכִסּוֹת בָּשָׂר עֲרוֹנָה מִמְּתִנִּים וְעַד-יָרְכִים יִהְיוּ «И сделай им нижнее платье льняное, для прикрытия телесной наготы **от чресл до голеней**».

⁶ Суд. 5:30: הֲלֹא יִמְצְאוּ יַחְלְקוּ שְׁלָל רַחֵם רַחֲמַתִּים לְרֹאשׁ גִּבּוֹר שְׁלָל צְבָעִים לְסִיסְרָא שְׁלָל צְבָעִים רַקְמָה צְבַע רַקְמַתִּים לְצִוְאָרֵי שְׁלָל «Верно, они нашли, делят добычу, **по утробе, по две утробы** на каждого воина, в добычу полученная разноцветная **одежда** Сисаре, полученная в добычу разноцветная одежда, вышитая с обеих сторон, снятая с плеч пленника».

⁷ Быт. 49:14: וְשָׁכַר חֲמֹר גִּבּוֹר רֹבֵץ בֵּין הַמְּשָׁפְתִים «Иссахар осел крепкий, **лежащий между протоками вод**».

⁸ Быт. 32:2: וַיֹּאמֶר יַעֲקֹב כְּאִשְׁרָאם מִחֲנֵה אֱלֹהִים זֶה וַיִּקְרָא שֵׁם הַמְּקוֹם הַהוּא מַחְנֵים «И сказал Иаков, когда увидел ангелов: это стан Божий. и **нарек имя месту тому Маханаим (Два стана)**»

⁹ Втор. 22:28: כִּי יִמְצָא אִישׁ נַעֲרָה בְּתוּלָה אֲשֶׁר לֹא אֲרֻשָׁה וַתִּפְּשֶׂה וְשָׁכַב עִמָּהּ וְנִמְצְאוּ: «Если встретит кто **молодую девицу**, которая не обручена, и схватит ее, и **ляжет с нею**, и застанут их».

¹⁰ Там же

Подобно священнику,
Поедает бедро и грудь²⁰,
 И всю ночь раздувает он пламя сражения,
**И не ляжет, пока не съест добычи и кровью убитых не
 напьется**²¹.

כמו כהן מזה בן מזה
ואוכל השוק והחזה
 וכל הלילה אש קרב יחתה
ולא ישכב עד יאכל טרף ודם
חללים ישתה

Перевод В. Лазариса:

Ты— за ней, но посмотри:/ она снаружи, ты внутри./ а если схватишь ее вдруг,/ удерет она из рук./ Распахнет свои крыла/ и улетит быстрее орла./
 А сколько раз у девушек молодых/ она под платьем пряталась у них,/ от голеней до чресел пробиралась,/ между грудями укрывалась,/ то место Маханаим называлось./ Замужняя или девица,/ блоха с ней тотчас же ложится./ Деве не стерпеть страданий/ от блошинных злодеяний./ И мук ей не перенести,/ но некому ее спасти./ Коли спросить ее: «Да что ж/ ты бесконечно слезы льешь?» — она ответит: «Я отныне/ в руках негрityнки-рабыни,/ которая, того гляди,/ устроит ложе на моей груди./ Всю ночь заснуть мне не дает,/ терзает плечи, щеки и живот»./
 А для еды себе берет/ все, что первосвященнику идет./ Плечо, грудинку, голень, шею/ возьмет от жертвоприношений./Всю ночь огонь сраженья разжигает/ и до тех пор не засыпает,/ пока добычу не съедает/ и крови жертв не выпивает.

²⁰ **וְאֵת חֵזֶה הַתְּנוּפָה וְאֵת שׁוֹק הַתְּרוּמָה, תֹּאכְלוּ בְּמִקְוֹם טְהוֹר—אֶתָּה, וּבְנֵיךָ וּבְנֵי־בְנֵיךָ אֶתְּךָ : כִּי-חִקְךָ וְחִק-בְּנֵיךָ נִתְּנוּ, מִזִּבְחֵי שְׁלָמֵי** Лев. 10:14: **«И грудь потрясения и плечо возношения ешьте** на чистом месте, ты и сыновья твои и дочери твои с тобою, ибо это дано в участок тебе и в участок сынам твоим из мирных жертв сынов Израилевых».

²¹ Чис. 23:24: **וְהָעָם כְּלֵבִיא יָקוּם וְכַאֲרֵי יִתְנַשֵּׂא לֹא יִשְׁכַּב עַד יֹאכַל טְרֵף וְדָם חַלְלִים יִשְׁתֶּה** «Вот, народ как лев встает и как лев поднимается; не ляжет, пока не съест добычи и кровью убитых не напьется».

ШЛОМО ИБН ГАБИРОЛЬ (Испания, XI в.)

Переводы Шломо Крола

Я господин, и песня мне - рабыня,
Киннор я всем певцам и всем пиитам,
Как мантия - царям, к лицу мне песня,
И как венец - вельможам именитым.
И вот, в свои шестнадцать, мудрым сердцем
Я старцам уподобился маститым!

אָנִי הַשֵּׁר – וְהַשִּׁיר לִי לְעֶבֶד,
אָנִי כְנוֹר לְכָל שָׁרִים וְנוֹגְנִים
וְשִׁירִי כְעֶטְרָה לְמַלְכִים
וּמְגַבְעוֹת בְּרֵאשֵׁי הַסְּגָנִים.
וְהִנְנִי בְּשֵׁשׁ עֶשְׂרֵה שָׁנוֹתֵי –
וְלִבִּי בְּן כָּלֵב בֶּן-הַשְּׂמֹנִים!

И ум — тщета, и знанью есть граница,
И видят тело, а не дух, зеницы,
И те, кто любят мир, найдут лишь зло в нем,
И в мире человек не веселится:
И вот, слуга владыку убивает,
И вот, рабыней мучима царица,
И отрок на отца и мать восстанет,
И на отца и мать — отроковица.
Друзья мои, взглянув на мир, я вижу:
Ничтожно все, что благом людям мнится!
Удел людей в дни жизни — труд и беды,
А после — прах, и черви, и гробница.
И обратится прах во прах по смерти,
И к душам воспарит душа, как птица.

וְלֵב נְבוֹב וְתוֹשִׁיָה סְתוּמָה
וְגוֹף נִרְאָה וְנִפְשׁ נֶעְלָמָה,
וְאֶרֶץ שׁוֹחֲרֵיהָ יִמְצְאוּ רָע
וְלֹא שָׂשׂוֹן לְאָדָם בְּאֲדָמָה:
וְעֶבֶד יַהֲרֹג הַיּוֹם אֶדְנָיו,
וְשִׁפְחָה יִסְרֶה מַלְכָּה, וְאִמָּה,
וּבֶן יִקּוּם עַלִּי אָבִיו וְאִמּוֹ
וְכֹן הִבֵּת בְּאִבֵּיהָ וְאִמָּה.
יְדִידִי, רֵאֲתָה עֵינֵי בְתוּבָל,
אֲשֶׁר הִטּוֹב בְּעֵינֵי כָל – מִהוּמָה!
יְמֵי חַיֵּי אָנוּשׁ יִשָּׂא עֲמָלִים
וְיִשָּׂא אַחֲרֵיתוֹ גּוֹשׁ וְרָמָה.
וְתִשׁוּב הָאֲדָמָה לְאֲדָמָה
וְתַעַל הַנְּשָׁמָה לְנִשְׁמָה.

Шаддаю поклонись, душа, смиренно,
 Ложась и пробуждаясь, ночью, денно
 О Нем радей. и разве предпочтешь ты
 Мгновенное тому, что неизменно?
 О ты, что сутью Сущему подобна:
 Как Он сокрыт, ты тоже сокровенна,
 Как чист и совершенен твой Создатель,
 Знай, так и ты чиста и совершенна,
 Как Сильный небеса несет Своею
 Рукою, так несешь ты тело бренно —
 Ему, Кто на земле тебе не создал
 Подобья, пой хвалу, душа нетленна!
 К Нему стремись, Кому хвала несется
 От уст всего, что жизнью вдохновенно.

שְׁחִי לְאֵל, יְחִידָה הַחֲכָמָה,
 וְרוֹצִי לְעִבְדֹתֶיךָ אוֹתוֹ בְּאֵימָה,
 לְעוֹלָמְךָ פְּנֵי לַיְלֶכֶת וַיּוֹמֵד,
 וְלָמָּה תִרְדְּפֵי הַבֶּל וְלָמָּה?
 מְשׁוּלָה אַתְּ בְּחַיּוּתְךָ לְאֵל חַי,
 אֲשֶׁר נֶעְלַם כְּמוֹ אַתְּ נֶעְלָמָה.
 הֲלֹא אִם יוֹצֵרְךָ טָהוֹר וְנָקִי —
 דְּעִי כִּי כֵן טָהוֹרָה אַתְּ וְתִמָּה.
 חֲסִין יִשָּׂא שְׁחָקִים עַל זְרַעוֹ —
 כְּמוֹ תִשָּׂאֵי גּוֹיָה נֶאֱלָמָה.
 זְמִירוֹת קְדָמִי, נִפְשִׁי, לְצוּרְךָ
 אֲשֶׁר לֹא שָׁם דְּמוּתְךָ בְּאֲדָמָה.
 קָרְבִי, בְּרַכּוֹ תְּמִיד לְצוּרְכֶם
 אֲשֶׁר לְשִׁמּוֹ תִּהְלַל כָּל נִשְׁמָה!

Шею склонив и преклонив колена,
 Я в страхе пред Тобой стою смиренно.
 Лишь малый червь я пред Тобой, влачащий
 Все дни свои во мгле земного плена.
 Объявший мир, и ангелы не вместят
 Тебя, а кольми паче дети тлена!
 Мне ль восславлять Тебя? Твое величие
 Безмерно, беспредельно, неизменно!
 О, я умом стремлюсь к Тебе, Чье имя
 Восславит все, что жизнью вдохновенно.

אֶקְדָּמְךָ בְּרֵב פֶּחַד וְאֵימָה
 כְּתוֹלַעַת קִטְנָה בְּאֲדָמָה
 הַכְּמוֹנִי יְהַלֵּךְ וּבִמָּה
 יַעַל אַחַת אֲנִי כְּמָה וְכְמָה
 לְךָ תִּגְדִּיל לְהוֹדוֹת כָּל נִשְׁמָה

שֶׁפֶל רוּחַ שְׁפַל בְּרַךְ וְקוֹמָה
 לְפָנֶיךָ אֲנִי נִחְשָׁב בְּעֵינֵי
 מְלֹא עוֹלָם אֲשֶׁר אֵין קֶץ לְגִדְלוֹ
 הַדָּרְךְ לֹא יִכִּלוֹן מִלְּאֲכֵי רוּם
 הַטִּיבוֹת וְהַגְּדִלַת חֲסָדִים

ШЕМУЭЛЬ ИБН НАГРЕЛА ХА-НАГИД (993, Кордова—1056, Гранада)

Переводы Шломо Крола

Я б рад и в плен пойти оленя ради,
Хоть он попрал любви завет великий.
Он месяцу сказал порой полночной:
"Узрев мой лик, ты стыд познал толикий?"
Луна ж из тьмы, как изумруд из длани
Кушитки черной, рассыпала блики.

אהי כפר צבי הפר בריתי
ואהבתו בתוך לבי שמורה
אשר אמר לסהר בעלותו:
"התראה את מאור פני ותרא?"
ומראה הלבנה באפלה
כברקת בכף עלמה שחרה

Готов идти в полон я за оленя,
Что встал в ночи, под лютни глас и флейты,
И рек, бокал в руке моей увидев:
«Из уст моих кровь винограда пей ты!»
А месяц был - как на плаще рассвета
Златая буква «йод» в начале бейта.

לקול פנור ועוגבים מטיבים
שתה מבין שפתי דם ענבים
כסות שחר במימי הזהבים
אהי כפר לעפר קם בליל
אשר ראה בנדי כוס ואמר
ינח כמו יוד נכתבה על

Где тот картавящий олень, и куда
Благоуханный убежал без следа?
Луна затмила звезды в небе – взошел
Мой друг: луна сокрыла лик от стыда.
Как воркованье нежен говор его,
Как щебет ласточки и трели дрозда.
Он не "раскаешься!" – "ласкаешься" рек,
И что сказал он, то я сделал тогда,
Хотел сказать он: "что за речь?" – молвил: "лечь",
И я возлег туда, где лилий гряда.

איה צבי עלג ואנה פנה
כסתה לבנה את מאור כוכבים-
צפצף בלשון כד והשען על
בקש לדבר רע ואמר לי גע -
חפץ אמר סוכה ואמר סוגה-
עפר מקטר מר-דרור ולבונה
דודי עלה כסה מאור הלבנה
שם פה לתור נסיס בעת באנה.
גשתי אני באשר לשונו ענה;
חשתי אלי סוגה כמו שושנה.

МОШЕ ИБН ЭЗРА (1055, ГРАНАДА—1138, КАСТИЛИЯ)

Переводы Шломо Крола

Людские страсти, истинно - пучина,
Желания - в руках созвездья Моли,
И ветры в море веют, как желают,
По воле их, а не по судна воле,
Хотеть, чтоб Рок стал глиной для желаний -
Как чтоб восстали сущие в Шеоле,
Иль чтобы воды вдруг воспламенились,
Иль чтобы львов газели обороли.
И как возможно верить людям Рока?
Ложь все, что изрекли они дотоле.
Возвысятся ль, дадут ли плод деревья,
Растущие без вод в пустынном поле?
Тише! Ведь дни - друзья в работе общей,
А ночи - сестры все в мирской юдоли,
И наша жизнь и наша смерть - суть части,
И недостаток и избыток - доли.

אָמַת, תְּאוֹת אָנוֹשׁ מִים עִמָּקִים / וְחֶפֶץ מִן יְדֵי עֵישׁ תְּלוּיֹת –
וְהַרוּחוֹת לְחֶפֶץ נוֹשְׁבוֹת עַל / פְּנֵי יָם לֹא עָלִי חֶפֶץ אֲנִיֹּת.
וְדוֹרֵשׁ מִזְמַן לְהִיֹּת כְּחֹמֶר / בְּיַד חֶפֶץ – כְּדוֹרֵשׁ מֵת לְהַחִיֹּת,
וּמַמִּים קִדְחַ אֵשׁ, וְהוֹצִיא / טֶרֶף מִגְרוֹנֵי הָאֲרִיֹּת.
וְאֵיךְ נֶאֱמְנוּ אִישׁוֹ – וְהִנֵּה / הַמוֹנֵי דְבָרוֹתֵיהֶם רְמִיֹּת?
וְאֵיכָה יַעֲשׂוּ פְרִי וְיִגְאוּ / עֲרָבִים מִבְּלֵי מִים בְּצִיֹּת?
שֶׁקֶט, כִּי כָל יְמֵי עוֹלָם חִבְרִים / בְּמַעֲשֵׂיהֶם וְהַלִּילוֹת אֲחִיֹּת:
וְהַחַיִּים וְהַמְּוֹת – חֲלָקִים, / וְהַעֲשָׂר וְהַחֲסָר מְנִיֹּת.

Тодрос Абулафия (Толедо, 1247–1300)

Переводы Шломо Крола

Любви наука – закон мой и учение,
Пусть я умру от любовного влечения,
Лишь пламя страсти пускай меня спалит, обо мне
Не надо слез и не надо огорчения!
Легко приму от любви я смерть, не плачьте, друзья –
Мне дорога смерть от сладкого мучения.
Лучей пылающих страсти, океана любви
Хочу: те – пыл мой, тот – слез моих течение.
Ласк нынче время, о как мне страсть оленя мила –
Равна моей, нет меж ними различения.
Лик друга – в сердце моем запечатлен, и когда
Я далеко – нет меж нами разлучения.
Лелеял в сердце мечту я сердцу дать отдохнуть –
Рекло оно: “Мне в любви лишь облегчение”.
Лью слезы тайно в разлуке я, но вслух не ропщу,
Чтоб другу слух не доставил удручения.
Льну я к оленю, я раб его; чем рабство трудней,
Тем мне труднее расторгнуть заключение.
Листы полыни – любовь, а для меня – мёд, затем
Любви наука – закон мой и учение.

למות בחשק לעד חפצי ותאותי
אל נא תנודון ואל תבכון שרפתי!
אם אגועה על תנודון אחרי מותי.
זאת תשרפני וזה יזל בדמעתי.
חשק בנער כמו חשקי אהבתי.
יעמד ברחוק הלא הנו בלבתי.
איגע בחשקי וזאת תהיה מנוחתי.
ידאג לבבי כשמעו את תלונתי.
תכבד בעיני ואם תכבד עבודתי.
תורת אהבים אשו דתי ותורתי.

תורת אהבים אשו דתי ותורתי
תמיד רצוני להשרף באש אהבה
תיקר תמותה בעיני באהבים לזאת
תפת עגבים אני חפץ וים אהבה
תור אהבה בא והגיע ומה נחמד
תאר ידידי בתוך לבי מחוקה ואם
תרתי מנוחה אלי לבי והוא יענה
תמה לבבי ולא אלוך בנודו ולבל
תחפץ להלך שבי נפשי ביד הצבי
תמתק בעיני כצוף לענת אהבים לזאת

Я есмь Любовь. Мое от века право,
 И надо всем живым – моя держава.
 И в глубине души – моя обитель,
 И сердце человека – мне оправа.
 Мне души благородные по нраву,
 А подлые – презренна их орава.
 Цари с царями бой ведут кровавый -
 Но все передо мной склоняют главы.
 Мне покорится воевода бравый,
 Не устоит вельможа величавый.
 Не ополченья у меня – олени,
 Не копья и мечи, а девы-павы,
 Не луки – брови юношей прекрасных,
 Не сабли – брови дев сулят расправу.
 Порою слаще я, чем мед из соты,
 Порою же я – горькая отрава.
 Что продолжать? Несется не лукава
 Весть обо мне налево и направо!
 И служат мне сыны владык могучих,
 И мир мою провозглашает славу!

עלי כל היצורים ממשלותי
 ובתי הנפשים משכנותי
 ונפשות הנבלים שונאותי.
 וכלם ישכבו על מרגלותי,
 ושרים אחלש תוך מלחמותי.
 ולא תופש חנית רק נערותי,
 וגבות הצבאים קשתותי.
 עסיסי כדבש ימתק לשותי.
 ותבענה תהלתי שפתי
 וילדי רוזנים המה משרתי.

אני האהבה עוד כל ימותי
 ובסגור הלבבות מחנותי
 ונפשות הנדיבים אוהבותי
 וזה מתגברים על זה מלכים
 וגבורים ארדף כל ימותי
 ואין לי לוחמים כי אם צבאי
 וגבי יעלות חן הם שלחי
 ועת כלענה אמר ועתים
 ומה לי עוד לספר נפלאותי
 ומעולם שמי נודע בתבל

Перевод Шломо Крола

Когда идет, средь донн себя являя,
Амор в обличье той, что всех статней,
Сколь краше всех она, столь я сильней
Ее люблю и сердце растрavляю.

Я место, время, час благословляю,
Когда узрел я высший образ в ней,
Реку: Душа, любовью пламеней,
Благодари ее, обожествляя,

Ведь от нее - любовной думы честь,
За ней идя, идешь ты к Высшей Цели,
Презревши все, что люди захотели,

И от нее - та тонкость, что отселе
Тебя способна к небесам возвесть.
И я горжусь - ведь мне надежда есть.

Quando fra l'altre donne ad ora ad ora
Amor vien nel bel viso di costei,
quanto ciascuna è men bella di lei
tanto cresce 'l desio che m'innamora.
I' benedico il loco e 'l tempo e l'ora
che sì alto miraron gli occhi mei,
e dico: - Anima, assai ringraziar dêi,
che fosti a tanto onor degnata allora:
da lei ti vèn l'amoroso pensiero,
che, mentre 'l segui, al sommo ben t'invia,
poco prezando quel ch'ogni uom desia;
da lei vien l'animosa leggiadria
ch'al ciel ti scorge per destro sentero;
sì ch'i' vo già de la speranza altèro

OFILIUS SERGIANUS

Перевод Шломо Крола

Малая блошка, о злая напасть, врагиня девицам,
Песнь какую сложить мне о деяньях твоих?
Ты, злодейка, язвишь укусами нежное тело,
И, чтобы стала полна кровию кожа твоя,
Темные пятна из черного ты нутра выделяешь,
Ими испещрены, легкие члены зудят.
В бок когда ты свое вонзаешь острое жало,
Деву ты будишь - встает от беспробудного сна.
Ты блуждаешь по персям, тебе все члены открыты,
Там, где хочешь - идешь, нет тебе, злюка, преград.
Ах! Зудит! Говорю - лежит на кровати девица,
Ты ж разрываешь бедро, к ножке открытой идешь.
Дерзко порою идешь к местам сокровенным
желанья,
Чтобы в себе возбудить радость, рожденную там.
Пусть пропаду, коли стать врагом своим страстно не
алчу,
Чтобы к желаньям моим все мне открылись пути.
Если б позволила мне природа в тебя обратиться,
А рожденье мое тем, кто я есмь, отменить,
Иль когда бы я мог измениться чрез заклинанья,
Чрез заклинанья бы стал тем, кем желаю - блохой!
Иль через зелья: когда б было в зельях более силы,
Ими природы закон я б возжелал изменить.
То, что зелья Цирцеи и что заклинанья Медеи
Сотворили - дела очень известны сии.
Ими претворен, когда бы я мог претвориться,
В тунику девы, в подол я бы забрался тогда.
И отсель по ноге пройдя, под платьем девицы,
Скоро пробрался бы я к месту, желанному мне.
И, при нем проведя в безмятежности краткое время,
Я бы потом из блохи стал бы мужчиною вновь.
Если ж таким чудесам испугается сильно девица,
И, возопив, призовет слуг, чтоб связали меня,
То, быть может, смягчится, к моим молениям
склонившись,
Ну, а коль нет - обращусь вмиг я из мужа в блоху.
Тысячу я изолью, опять обратившись, молений,
Всех богов призову я на подмогу себе,
Будет она моя, одолею мольбой или силой,
Не предпочтет мне она с этой поры ничего

Parve pulex, et amara lues, inimica puellis,
Carmine quo fungar in tua facta ferox?
Tu laceras corpus tenerum, durissime, morsu;
Cujus quum fuerit plena cruore cutis,
Emittis maculas nigro de corpore fuscas,
Lævia membra quibus commaculata rigent.
Dumque tuum lateri rostrum defigis acutum,
Cogitur e somno surgere virgo gravi.
Perque sinus erras; tibi pervia cætera membra;
Is quocumque placet; nil tibi, sæve, latet.
Ah! piget, et dicam, quum strata puella recumbit,
Tu femur avellis, cruraque aperta subis.
Ausus es interdum per membra libidinis ire,
Et turbare locis gaudia nata suis.
Dispeream, nisi jam cupiam fieri meus hostis,
Promptior ut fieret ad mea vota via.
Si sineret natura mihi, quo verterer in te,
Et quod sum natus, posse redire daret:
Vel si carminibus possem mutarier ullis,
Carminibus fierem ad mea vota pulex:
Aut medicaminibus, si plus medicamina possunt,
Vellem naturæ jura novare meæ
Carmina Medeæ, vel quid medicamina Circes
Contulerint, res est notificata satis.
His ego mutatus, si sic mutabilis essem,
Hærerem in tunicæ margine virgineæ.
Inde means per crura meæ sub veste puellæ,
Ad loca, quæ vellem, me cito subriperem.
Cumque illa dudum, lædens nil ipse, cubarem,
Donec de pulice rursus homo fierem.
Sed si forte novis virgo perterrita monstis,
Exciret famulos ad mea vincla suos;
Aut lenita meis precibus succumberet illa,
Aut mox ex homine verterer in pulicem.
Rursus mutatus, fundensque precamina mille,
Accirem cunctos in mea vota Deos;
Illam tum precibus, vel vi superator haberem,
Et jam nil mallet, quam sibi me socium.

Джон Донн (1572–1631)

Блоха

Перевод И. Бродского

Узри в блохе, что мирно льнет к стене,
В сколь малом ты отказываешь мне.
Кровь поровну пила она из нас:
Твоя с моей в ней смешаны сейчас.
Но этого ведь мы не назовем
Грехом, потерей девственности, злом.
Блоха, от крови смешанной пьяна,
Пред вечным сном насытилась сполна;
Достигла больше нашего она.
Узри же в ней три жизни и почти
Ее вниманьем. Ибо в ней почти,
Нет, больше чем женаты ты и я.
И ложе нам, и храм блоха сия.
Нас связывают крепче алтаря
Живые стены цвета янтаря.
Щелчком ты можешь оборвать мой вздох.
Но не простит самоубийства Бог.
И святотатственно убийство трех.
Ах, все же стал твой ноготь палачом,
В крови невинной обгаренным. в чем
Вообще блоха повинною была?
В той капле, что случайно отпила?..
Но раз ты шепчешь, гордость затая,
Что, дескать, не ослабла мощь моя,
Не будь к моим претензиям глуха:
Ты меньше потеряешь от греха,
Чем выпила убитая блоха.

MARK but this flea, and mark in this,
How little that which thou deniest me is ;
It suck'd me first, and now sucks thee,
And in this flea our two bloods mingled be.
Thou know'st that this cannot be said
A sin, nor shame, nor loss of maidenhead ;
Yet this enjoys before it woo,
And pamp'rd swells with one blood made of
two ;
And this, alas ! is more than we would do.

O stay, three lives in one flea spare,
Where we almost, yea, more than married are.
This flea is you and I, and this
Our marriage bed, and marriage temple is.
Though parents grudge, and you, we're met,
And cloister'd in these living walls of jet.
Though use make you apt to kill me,
Let not to that self-murder added be,
And sacrilege, three sins in killing three.

Cruel and sudden, hast thou since
Purpled thy nail in blood of innocence?
Wherein could this flea guilty be,
Except in that drop which it suck'd from thee?
Yet thou triumph'st, and say'st that thou
Find'st not thyself nor me the weaker now.
'Tis true ; then learn how false fears be ;
Just so much honour, when thou yield'st to me,
Will waste, as this flea's death took life from thee.

РУСТИКО ДИ ФИЛИППО (ФЛОРЕНЦИЯ, 1230—1300)

Перевод Шломо Крола

Бог, сотворив мессира Мессерино,
Содеял диво, бо, по воле Бога,
От птиц, зверей и от людей немного
Соединилось в оном воедино.

Ведь подбородок у него утиный,
Жирафыи ноги, кожа носорога,
А в люди записать его, предлога
Нет, окромя багровой образины.

А в пеньи как ворона он, к тому же,
Образованьем зверю он подобен,
И, словно люди, носит одеянье.

Бог в праздности сего содеял мужа,
И показал, что сотворить способен
И этакое дивное деянье.

QUANDO Dio messer Messerin fece
Ben si credette far gran meraviglia,
Ch'uccello e bestia ed uom ne soddisfece
Che a ciascheduna natura s'appiglia:
Che nel gozzo anitrocol contraffece,
Nelle reni giraffa m'assomiglia,
Ed uom sarfa, secondo che si dice,
Nella piacente sua cera vermiglia.
Ancor, risembra corvo nel cantare,
Ed e diritta bestia nel savere,
Ed uomo e somigliato al vestimento.
Quando Dio il fece, poco avea che fare.
Ma voile dimostrar lo suo potere,
Si strana cera fare ebbe in talento.

ДЖАУФРЕ РЮДЕЛЬ, СЕНЬОР БЛАЙИ (XII в.)

Песня о дальней любви.

Перевод А. Наймана

Длиннее дни, алей рассвет,
Нежнее пенье птицы дальней,
Май наступил — спешу я вслед
За сладостной любовью дальней.
Желаньем я раздавлен, смят,
И мне милее зимний хлад,
Чем пенье птиц и маки в поле.
Я верой в господу согрет —
И встречу я с любовью дальней.
Но после блага жду я бед,
Ведь благо — это призрак дальний.
Стать пилигримом буду рад,
Чтоб на меня был брошен взгляд,
Прекраснейший в земной юдоли.
Услышать на мольбу в ответ
Жду, что готов приют мне дальний;
Я мог бы, если б не запрет,
Быть рядом с ней и в дали дальней;
Польются наши речи в лад
И близь и даль соединят,
Даря усладу после боли.
Печаль и радость тех бесед
Храню в разлуке с Дамой дальней,
Хотя и нет таких примет,
Что я отправлюсь в край тот дальний:
Меж нами тысячи лежат
Шагов, дорог, земель, преград...
Да будет все по божьей воле!
Даю безбрачия обет,
Коль не увижусь с Дамой дальней,
Ее милей и краше нет
Ни в ближней нам земле, ни в дальней.
Достоинств куртуазных клад
Сокрыт в ней — в честь ее я рад
У сарацинов жить в неволе.
С Творцом, создавшим тьму и свет,
Любви не позабывшим дальней,

Я в сердце заключил завет,
Чтоб дал свиданье с Дамой дальней,
Чтоб стали комната и сад
Роскошной каменных палат
Того, кто ныне на престоле.
Мой только тот правдив портрет,
Где я стремлюсь к любви дальней.
Сравню ль восторги всех побед
С усладою любви дальней?
Но стать горчайшей из утрат —
Ибо я крестным был заклят —
Ей предстоит. о злая доля!
О сладость горькая утрат!
Будь крестный мой врагом заклят!
Страсть без ответа — что за доля!

Lanquan li jorn son lonc en mai
M'es be;hs dous chans d'auzelhs de lonh,
E quan mi sui partitz de lai
Remembra-m d'un' amor de lonh:
Vau de talan embronc e clis
Si que chans ni flors d'albepis
No-m platz plus que l'iverns gelatz.

Be tenc to Senhor per vrei
Per qu'ieu veirai l'amor de lonh;
Mas per un ben que m'en eschay
N'ai dos mals, quar tan m'es de lonh:
Ai! car me fos lai pelegris,
Si que mos fustz e mos tapis
Fos pels sieus belhs huelhs remiratz!

Be-m parra jois quan li querray,
Per amor Dieu, l'alberc de lonh:
E, si's lieis platz, alberguarai
Pres de lieis, si be-m sui de lonh:
Adoncs parra-l parlamens fis

Quan drutz lonhdas et tan vezis
Qu'ab bels digs jauzira solatz.

Iratz e gauzens m'en partrai,
S'ieu je la vei, l'amor de lonh;
Mas non sai quoras la veyrai,
Car trop son nostras terras lonh:
Assatz hi a pas e camis,
E per aisso no'n sui devis ...
Mas tot sia cum a Dieu platz!

Ja mais d'amor no'm jauzirai
Si no'm jau d'est'amor de lonh;
Que gensor ni melhor no-n sai
Ves nulha part, ni pres ni lonh;
Tant es sos pretz verais e fis
Que lai el reng dels Sarrazis
Fos hieu per lieis chaitius clamatz!

Dieus que fetz tot quant ve ni vai
E formet sest'amor de lonh
Mi don poder, que cor ieu n'ai,
Qu'ieu veyra sest'amor de lonh,
Verayamen, en tals aizis,
Si que la cambra e-l jardis
Mi resembles tos temps palatz!

Ver ditz qui m'apella lechai
Ni deziron d'amor de lonh,
Car nulhs autres jois tan no-m plai
Cum jauzimens d'amor de lonh.
Mas so qu'ieu vuelh m'es atahis,
Qu'enaissi-m fadet mos pairis
Qu'ieu ames e nos fos amatz!

Mas so q'ieu vuoill m'es atahis
Totz sia mauditz lo pairis
Qe'm fadet q'ieu non fos amatz!

БЕРТРАН ДЕ БОРН (XII—XIII вв.)

Перевод А. Наймана

Бертран де Борн был возлюбленным некоей дамы, юной, знатной и всеми высоко чтимой. Звалась она Маэут де Монтаньяк и была супругой эн Талейрана, каковой приходится братом графу Перигорскому, дочь вионта Тюреннского и сестрой мадонны Марии Вентадорнской и доны Аэлис де Монфор. и вот, как сам об этом говорит Бертран в своей кансоне, рассталась она с ним и отвергла его, он же весьма огорчился и опечалился, считая, что не вернет ее уже больше никогда, а другой дамы, столь же прекрасной, доброй и во всяком вежестве сведущей, ему не найти. и поскольку дамы такой он действительно найти не мог, то и задумал сам ее для себя создать, заняв у других дам, добрых и прекрасных, у кого красоту, у кого нежный взгляд, у кого гостеприимство, у кого куртуазную речь, у кого изысканные манеры, у кого осанку прелестную, у кого стройность стана. и так стал он обходить всех красавиц, прося дать ему один из тех даров, о которых вы только что слышали, чтобы мог он восстановить утраченную даму. в сирвенте же, каковую он по этому случаю сложил, услышите вы имена всех дам, коих он обходил, прося о помощи и участии, чтобы мог он создать составную совершенную даму. Вот как звучит эта сирвента, которую он сложил по сему случаю:

Дама, мне уйти велит
Ваш безжалостный приказ.
Но вовек, покинув Вас
Не найду другую,
И такого
Счастья не дождусь я снова,
И неисполним мой план –
Привезти из дальних стран
Вас достойную сеньору,
А не лгунью и притвору.
Кто, как Вы, меня пленит?
Нет! Такой услады глаз,
Столь прекрасной без прикрас,
Встретить не могу я.
Будет ново
То, что в каждой образцово,
Взять себе – вот лучший план!
Я желаньем обуян
Выбрать по сосёнке с бору,
Положив конец раздору.
Свежий яркий цвет ланит,
Свет любовный нежных глаз,
Цимбелин, отняв у Вас,
С Вами поступлю я

Не сурово –
Ведь себе забрали все Вы.
Дама Аэлис, дурман
Вашей речи сладок, прян –
Средство, чтоб не знать позора
Даме в ходе разговора.
Путь в Шале мне предстоит
К виконтессе, мой заказ –
Белых рук ее атлас.
А затем сверну я,
Верный слову,
К Рошшуаровскому крову –
Пасть к ногам Аньес; Тристан
Мог скорей найти изьян
У Изольды, хоть укора
Ей не сделаешь, нет спора.
Дама Аудьярт хранит
Куртуазных черт запас;
В том, что для себя сейчас
Часть я конфискую,
Что плохого?
Щедрость – дел ее основа!
Пусть еще мне будет дан
Мьель-де-бе прелестный стан,

Обнажить хотят который
Руки более, чем взоры.
В госпоже Файдите слит
Блеск поступков с блеском фраз,
Зубы белы – в самый раз
Увидать такую
Средь улова.
Бель-Мираль душой здорова,
Вкус изыскан, лик румян,
От ее бесед я пьян.
Голос свой прибавлю к хору
Тех, кто в ней нашли опору.
Бель-Сеньор, Ваш дом, Ваш вид,
Ваш прием меня потряс.
О, когда б желать, как Вас,
Даму Составную!
И без зова

Сердце к Вам лететь готово:
Чем иных побед обман,
Лучше в Ваш попасть капкан...
Что ж не кончит Дама ссору,
Противостоя напору?
Папиоль, явись незван
С песней к другу: Азиман,
Пусть узнает, что Амору
От тоски заплакать впору.

ГВИДО КАВАЛЬКАНТИ (ФЛОРЕНЦИЯ, 1259—1300)

Переводы Шломо Крола

Я не гадал, что в сердце столько стона
И горькой муки может находиться,
Что столько слез в душе моей родится,
Что видом стану мертвецу подобен.
Я не могу покоем насладиться,
Ведь встретил я Амора и мадонну.
Он мне сказал: "Не сыщешь оборону,
И с нею ты тягаться неспособен".
Моя бежала доблесть с поля боя,
И пред мадонны взором
Одно мое осталось сердце, кое
Глаза ее сразили, словно жало.
Разгромленно Амором,
Моих трех духов воинство бежало.

Та донна красотой обладает
Безмерной: до того она прелестна,
Что ей в уме и чувствах будет тесно
И мыслью не объять ее людскою.
И благородство столь ее чудесно,
Что, думая о ней, душа страдает,
Трепещет, словно тело покидает -
Вот у нее могущество какое.
Так сильно ранил взор меня прекрасный,
Что скажет всякий, глядя
На боль мою такую: "Вот несчастный!
Смотрите, как мертвец он охладельный
Стал, сожаленья ради".
А ей о том как будто нет и дела.

Когда о донне волю возымею
Сказать я нежным людям славословье,
Я чувствую, что нет во мне здоровья,
И я изречь уже не смею это,
Ведь знает бог, что наречен Любовью,
Ее красу - и потому немею,

lo non pensava che lo cor giammai
avesse di sospir' tormento tanto,
che dell'anima mia nascesse pianto
mostrando per lo viso agli occhi morte.
Non sentìo pace né riposo alquanto
poscia ch'Amore e madonna trovai,
lo qual mi disse: «Tu non camperai,
ché troppo è lo valor di costei forte».

La mia virtù si partìo sconsolata
poi che lassò lo core
a la battaglia ove madonna è stata:
la qual degli occhi suoi venne a ferire
in tal guisa, ch'Amore
ruppe tutti miei spiriti a fuggire.

Di questa donna non si può contare:
ché di tante bellezze adorna vène,
che mente di qua giù no la sostiene
sì che la veggia lo 'ntelletto nostro.

Tant' è gentil che, quand' eo penso bene,
l'anima sento per lo cor tremare,
sì come quella che non pò durare
davanti al gran valor ch'è i·llei dimostro.

Per gli occhi fere la sua claritate,
sì che quale mi vede
dice: «Non guardi tu questa pietate
ch'è posta invece di persona morta
per dimandar merzede?»
E non si n'è madonna ancor accorta!

Quando 'l pensier mi vèn ch'i' voglia dire
a gentil core de la sua vertute,
i' trovo me di sì poca salute,
ch'i' non ardisco di star nel pensiero.

Amor, c'ha le bellezze sue vedute,
mi sbigottisce sì, che sofferire

И перенести мученье не умею.
 Со вздохом рек Амор: "Надежды нету,
 Как острою стрелою, поразила
 Улыбкою чудесной
 Сердца: твое, да и мое пронзила.
 Ты знаешь - я сказал при первой встрече,
 И вот, тебе известно,
 Что уж твоя погибель недалече."

Канцона, по подобию книг Амора
 Тебя, когда мне встретила мадонна,
 Я создал, и прошу тебя, канцона,
 С доверием: иди к ней, чтоб внимала
 Она тебе; души моей влюбленной
 Введи три духа к ней смиренно - скоро
 Бегут они, разбиты силой взора,
 Не могут пребывать они ни мало
 Внутри, и вот, одни, в тоске безмерной,
 Скитаются наруже.
 К ней приведи ты их тропею верной
 И так скажи ей, преклонив колени:
 "Пред вами образ мужа,
 Который смерть свою обрел в смятеньи".

Маленькая Баллата

Зане, баллата, я не чаю боле
 В Тоскану воротиться,
 Мчи, легкая, как птица!
 С моею встретиться донной,
 Ведь благородство оной -
 Тебе и честь, и слава.

Неси ей весть о вздохах, что печали
 Полны, тревоги, страха и утраты,
 Но бойся, чтоб тебя не повстречали
 Возвышенной природы супостаты:
 Ведь, на беду мою, наверняка ты
 Им будешь непонятна,
 И понятна превратно.
 Их брань — мои рыдания,
 И новые страдания,
 И до смерти растрava.

non può lo cor sentendola venire,
 ché sospirando dice: «lo ti dispero,
 però che trasse del su' dolce riso
 una saetta aguta,
 c'ha passato 'l tuo core e 'l mio diviso,
 Tu sai, quando venisti, ch'io ti dissi,
 poi che l'avéi veduta,
 per forza convenia che tu morissi».

Canzon, tu sai che de' libri d'Amore
 io t'asemplai quando madonna vidi:
 ora ti piaccia ch'io di te mi fidi
 e vadi 'n guis' a lei, ch'ella t'ascolti;
 e prego umilmente a lei tu guidi
 li spiriti fuggiti del mio core,
 che per soverchio de lo su' valore
 eran distrutti, se non fosser vòlti,
 e vanno soli, senza compagnia,
 e son pien' di paura.
 Però li mena per fidata via
 e poi le di', quando le se' presente:
 «Questi sono in figura
 d'un che si more sbigottitamente».

Perch'i' no spero di tornar giammai,
 ballatetta, in Toscana,
 va' tu, leggera e piana,
 dritt' a la donna mia,
 che per sua cortesia
 ti farà molto onore.

Tu porterai novelle di sospiri
 piene di dogli' e di molta paura;
 ma guarda che persona non ti miri
 che sia nemica di gentil natura:
 ché certo per la mia disavventura
 tu saresti contesa,
 tanto da lei ripresa
 che mi sarebbe angoscia;
 dopo la morte, poscia,
 pianto e novel dolore.

Баллата, чуешь ты, как жизнь уходит,
Сжимает хватку лютая кончина,
И сердце, сильно бьющееся, сводит
То, что порывов всех моих причина.
Такая нестерпимая кручина!
Душа покинет тело -
В тосканские пределы
Ее возьми ты, коли
Сию исполнить волю
Мою тебе по нраву.

Тебя молю я дружбой — эту душу,
Которая испугана до дрожи,
Взять, милости завета не наруша,
К той госпоже, что мне всего дороже,
И так реки ей, воздыханья множа:
“О донна, всех вы краше!
Сия — служанка ваша,
И с вами остается,
А тот, с кем расстается,
Служил Амору браво”.

Ты, голос мой, и слабый, и смятенный,
Из сердца, чьи рыдания все сильнее,
С баллатой и душой предстань пред донной,
Скажи, что дух мой гибнет, пламенея.
Найдете благосклонность вы пред нею.
Душа, пребудь с ней вечно,
Ту почитай сердечно,
Чей разум — наслажденье,
И нежно обхожденье,
И доблесть величава.

Tu senti, ballatetta, che la morte
mi stringe sì, che vita m'abbandona;
e senti come 'l cor si sbatte forte
per quel che ciascun spirito ragiona.

Tanto è distrutta già la mia persona,
ch'ì non posso soffrire:
se tu mi vuoi servire,
mena l'anima teco
(molto di ciò ti preco)
quando uscirà del core.

Deh, ballatetta mia, a la tu' amistate
quest'anima che trema raccomando:
menala teco, nella sua pietate,
a quella bella donna a cu' ti mando.

Deh, ballatetta, dille sospirando,
quando le se' presente:
«Questa vostra servente
vien per istar con voi,
partita da colui
che fu servo d'Amore».

Tu, voce sbigottita e deboletta
ch'esci piangendo de lo cor dolente,
coll'anima e con questa ballatetta
va' ragionando della strutta mente.

Voi troverete una donna piacente,
di sì dolce intelletto
che vi sarà diletto
starle davanti ognora.
Anim', e tu l'adora
sempre, nel su' valore.

МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ (1492–1549)

Гептамерон

Перевод А. М. Шадрина

Новелла девятая

Некий дворянин, без памяти влюбленный в молодую девушку, скрывает от нее свое чувство и в конце концов погибает, к большому огорчению предмета своей любви.

Между Дофинэ и Провансом жил некий дворянин, у которого не было иного богатства, кроме красоты, благородства и чести. Он любил одну девушку, имя которой я не хочу называть, чтобы не причинить огорчения ее родителям, людям весьма почтенным и знатным, но поверьте, что все, о чем будет здесь говориться, действительно было. Будучи ниже ее по происхождению, молодой человек не решался открыть ей свою любовь, а любовь эта была так возвышенна и самозабвенна, что он скорее согласился бы умереть, нежели чем-либо задеть ее честь. Понимая, что он ее недостоин, он запретил себе думать, что когда-либо сможет на ней жениться. И, ничего от нее не добиваясь, он продолжал втайне любить ее самой высокой любовью, на какую только был способен. и длилось это так долго, что в конце концов девушка не могла об этом не догадаться. Видя, как он беззаветно предан ей и сколько в его чувстве бескорыстия и прямоты, она была польщена любовью столь достойного человека и относилась к нему с таким расположением, что он чувствовал себя счастливым и на большее не рассчитывал.

Но злобе человеческой, которой ненавистен всякий покой, захотелось разрушить эту благочестивую и счастливую жизнь. Нашлись злонамеренные люди, которые сказали матери этой девушки, что они боятся, как бы молодой человек не навлек на их дом беду, ибо дочь ее, вероятно, очень к нему привязана, если позволяет себе так часто с ним встречаться. Мать, нисколько, впрочем, не сомневавшаяся в порядочности молодого человека, в котором она была уверена так же, как и в своих собственных детях, крайне огорчилась, услышав, что о нем так дурно говорят, и в конце концов, опасаясь, что все эти сплетни не доведут до добра, попросила его на какое-то время перестать бывать у них в доме. Молодому человеку было нелегко на это согласиться, ибо он отлично видел, что ему не в чем себя упрекнуть и он никак не заслуживает подобной кары. Однако, чтобы заставить злые языки замолчать, он уехал и не появлялся у них в доме до тех пор, пока поднявшийся вокруг него шум окончательно не улегся. Тогда он вернулся и стал снова бывать в доме своей любимой, где его принимали столь же приветливо, как и раньше. Но однажды, будучи там, он услышал, что молодую девушку собираются выдать замуж за человека, который, как он полагал, ничуть его не богаче, и подумал, что это несправедливо, ибо сам он знает ее гораздо дольше, чем ее жених. Он опечалился и стал просить своих друзей поговорить с девушкой, считая, что если выбор зависит от нее самой, то во всяком случае она отдаст предпочтение ему. Однако и мать этой девушки и все родные решительно выбрали другого, ибо тот все же оказался намного его богаче. Известие это очень огорчило несчастного молодого человека, который был уверен, что вместе с ним страдает и его возлюбленная. Он занемог от тоски, стал с каждым часом хиреть и вскоре переменялся так, что его невозможно было узнать. Его красивое лицо стало бледным, как у покойника, и видно было, что дни его сочтены и он ждет только смерти.

Но, несмотря ни на что, он старался возможно чаще видеться с любимой девушкой, а когда силы совсем его оставили и он уже больше не мог подняться с постели, он не захотел, чтобы возлюбленная его об этом знала, дабы не причинять ей лишних страданий. И, предаваясь так в одиночестве отчаянию и скорби, он перестал пить и есть, лишился сна и покоя и так похудел, что стал совсем страшным. Мать девушки от кого-то проведала об его болезни. Сама она была женщиной очень доброй и к тому же искренне его любила, и если бы родные девушки держались того же мнения, что и она, то они несомненно предпочли бы честность и благородство этого молодого человека всем богатствам другого. Но родственники отца не хотели об этом и слышать. и все же она вместе с дочерью навестила несчастного. Тот уже еле дышал и в то самое утро исповедовался и причастился, считая, что умирает и больше никого не увидит. и вот, когда он действительно был уже на волосок от смерти, к нему явилась та, которая была для него жизнью, и за миг словно воскресила его. Он почувствовал такой прилив сил, что соскочил с постели и воскликнул:

– Что заставило вас прийти сюда, сударыня, зачем вы явились к тому, кто одной ногой уже в могиле и в чьей смерти виновны вы!

– Подумайте, что вы говорите! – изумилась почтенная женщина. – Возможно ли, чтобы мы были причиной смерти того, кого мы так любили! Прошу вас, объясните нам, почему вы говорите такие страшные слова.

– Сударыня, – сказал он, – полюбив вашу дочь, я скрывал свое чувство, сколько мог. Сказав, что я хочу жениться на ней, родители мои сказали больше, чем я хотел, а теперь вот беда, которая со мною стряслась, лишила меня последней надежды. а ведь, мечтая об этой женитьбе, я больше всего мечтал отнюдь не о радости, которую она бы доставила мне. Просто я был уверен, что никто на свете не будет ее так холить и любить, как я; видеть, как она теряет то благо, которое могла бы иметь от лучшего и преданнейшего друга, для меня мука еще более тяжкая, чем мысль о грозящей мне смерти. Ведь жить мне хотелось только ради нее. а раз жизнь моя не может быть употреблена ей на пользу, то потерять эту жизнь не столь уж большое несчастье.

Услыхав эти речи, мать и дочь принялись утешать его. Мать сказала ему:

– Мужайтесь, друг мой, я обещаю вам, что, если Господь возвратит вам здоровье, дочь моя станет вашей женой. Сама она тоже здесь, и я велю ей поклясться, что это будет так.

Дочь ее, заливаясь слезами, старалась заверить его, что исполнит данное матерью обещание. Однако несчастный хорошо понимал, что, если бы вдруг здоровье вернулось к нему, она все равно никогда бы не стала его женой и все, что говорится в эту минуту, говорится только для того, чтобы немного его подбодрить. и он сказал, что, если бы ему довелось услышать эти слова месяца три назад, он был бы самым здоровым и счастливым человеком во всей Франции. Но сейчас уже поздно: ему больше не во что верить и не на что надеяться. а когда он увидел, что они все же стараются вселить в него веру, он им сказал:

– Коль скоро вы обещали мне счастье, которого я никогда уже не смогу вкусить, даже если бы я хотел от всей души, ибо сейчас я уже совсем ослабел, я попрошу вас о чем-то гораздо меньшем, о чем при иных обстоятельствах никогда бы не дерзнул просить.

Обе женщины поклялись, что исполнят все, что он захочет, и стали уговаривать ничего от них не таить.

– Умоляю вас, – сказал он, – позвольте мне заключить в свои объятия ту, кого вы мне обещаете в жены, и велите ей обнять меня и поцеловать.

Девушка, не привыкшая к подобного рода ласкам, смутилась и стала было отказываться. Но мать, видя, что и чувства, и силы стали уже оставлять его, приказала ей немедленно исполнить все, о чем он просил.

Дочь ее подошла к постели умирающего и сказала:

– Будьте счастливы, друг мой!

Несчастный простер к ней свои исхудавшие руки и, собрав последние остатки сил, обнял ту, которая была причиной его смерти. а потом, запечатлев своими бескровными холодными губами на ее губах долгий поцелуй, прошептал:

– Любовь, которую я питал к вам, так велика и так чиста, что вне брака я не мечтал ни о каком ином блаженстве, чем то, которое ныне вкушаю. Именно потому, что я обрел его и расстаюсь с ним, я с радостью отдаю душу свою Господу Богу, который сам есть совершенная любовь и совершенное милосердие, который знает, сколь высока эта моя любовь и сколь праведно мое желание. и сейчас вот, держа в руках то, что мне дороже всего на свете, я молю его, чтобы он принял дух мой в свои руки.

С этими словами он снова ее обнял, и с такою страстью, что его ослабевшее сердце уже не выдержало последнего напряжения и силы его окончательно оставили. Радость любви была столь безгранична, что душа его вместе с нею покинула свою оболочку и улетела к творцу. и несмотря на то, что бездыханное тело становилось все холоднее и холоднее, любовь, которую девушка всегда скрывала ото всех, вспыхнула вдруг в ней с такою силой, что матери со слугами стоило большого труда вырвать девушку из объятий ее возлюбленного, которого они потом похоронили со всеми подобающими почестями. а на похоронах несчастная так плакала, так рыдала, так иступленно кричала, что казалось, она только теперь поняла, как его любила, и хотела вознаградить его после смерти за те муки, которые причинила ему при жизни. и потом, как мне довелось узнать, хотя ее и выдали замуж, чтобы она хоть сколько-нибудь утешилась в своем горе, сердце ее больше уже никогда не вкушало радости.

Мне думается, господа, что этого примера более чем достаточно, чтобы вы поверили, что настоящая любовь, когда она остается скрытой и держится в тайне, может привести человека к гибели. Вы все отлично знаете родственников обоих этих влюбленных. Поэтому сомневаться в истинности того, что я рассказал, не приходится, и в то же время человеку, который сам не испытал ничего подобного, поверить этому трудно.

При этих последних словах дамы прослезились.

– Свет еще не создавал такого дурака! – воскликнул Иркиан. – Что же, по-вашему, нам следует погибать из-за женщин, в то время как они созданы исключительно для нашего блага? Мы еще, оказывается, должны бояться потребовать от них то, чем сам Господь Бог велит им услаждать нас. я не говорю уже о себе самом и о людях женатых. с меня, например, женщин хватает, у меня их даже больше, чем надо. я говорю о тех, кто в этом нуждается, кто, на мой взгляд, настолько глуп, что боится женщин, вместо того чтобы внушить им страх. Посмотрите, как эта несчастная девушка жалела о совершенной ею глупости! Ведь уж раз она способна была обнимать мертвое тело (что, вообще-то говоря, отвратительно) и раз ее так растрогал умирающий, она бы ни за что не оттолкнула его здорового и цветущего, если бы в свое время у него нашлось достаточно смелости, чтобы овладеть ею.

– и все-таки, – сказала Уазиль, – любовь этого юноши была так высока, что заслуживает всяческой похвалы. Быть влюбленным и сохранить целомудрие – это же просто чудо.

– Госпожа моя, – сказал Сафредан, – для того чтобы подтвердить слова Иркиана, с которыми я вполне согласен, прошу вас, помните, что фортуна всегда помогает смельчакам и что нет ни одного мужчины, любимого женщиной, – пусть только он домогается этой любви настойчиво и умело, – который в конце концов не получил бы не только то, на что он рассчитывал, но и гораздо больше. и лишь неведение и безрассудный страх заставляют мужчин упускать множество удобных случаев, оправдывая малодушие, которым вызваны все эти неудачи, добродетелью своих возлюбленных. а ведь стоит только по-настоящему напасть, и самая неприступная крепость сдается.

– Послушайте, – сказала Парламента, – меня, право, удивляет, как вы смеее говорить такие вещи. Или ваши возлюбленные не были к вам привязаны, или вы обращались к недостойным предметам любви. Иначе вы никогда бы не стали думать, что все женщины одинаковы.

– Сударыня, – ответил Сафредан, – что касается меня, то в любви мне всю жизнь так не везет, что и похвалиться-то мне совершенно нечем. Но, однако, я был бы неправ, если бы во всех неудачах моих винил одну только женскую добродетель и забыл о том, что сам я подчас бывал недостаточно ловок и осторожен. Людям же ученым я объясню мою мысль словами «Романа о Розе»[44]:

Нам дозволено судьбою

Счастье с женщиной люблю.

Вот почему я совершенно уверен, что мужчина, которого полюбила какая-нибудь женщина, если он достаточно сообразителен, всегда сумеет добиться того, чего хочет.

– а что, если я вам расскажу, – возразила Парламента, – о женщине, которой хотел овладеть один мужчина?

Она по-настоящему его любила, но несмотря на то, что он очень настойчиво добивался победы над нею, она сохранила честь, победив сердце свое, и плоть, и самую любовь, и волю своего возлюбленного. Смотрите, не придется ли вам тогда признать, что такие вещи на самом деле случаются в жизни.

– Ну, разумеется, придется, – ответил Сафредан.

– Право же, все вы были бы совсем маловерными, если бы подвергли сомнению то, о чем я сейчас расскажу.

– Сударыня, – попросил тогда Дагусен, – я показал вам всем на примере, какую бывает любовь добродетельного мужчины, а теперь, умоляю вас, если вы знаете также и женщину, которая может соперничать с ним в добродетели, расскажите нам о ней, чтобы мы закончили этим наш день, и не смущайтесь, если рассказ ваш окажется слишком длинным, – мы ведь еще располагаем достаточным временем, чтобы рассказать немало интересных историй.

– Раз вы мне даете возможность говорить сегодня последней, – сказала Парламента, – я не стану тратить времени на лишние разговоры. Повесть, которую я хочу рассказать, настолько достоверна и настолько хороша, что мне не терпится, чтобы вы ее узнали. и несмотря на то, что сама я не была очевидицей событий этой повести, я узнала о них из уст моего самого большого и близкого друга; он рассказал ее, чтобы прославить ею человека, которого он очень любил. Но он просил меня, ежели мне доведется кому-нибудь рассказывать эту историю, изменить в ней все имена. Итак, все, о чем будет идти сейчас речь, – сущая правда, кроме имен участников и названий мест и страны, где все это произошло.

Иегуда Галеви (ок. 1075, Испания—1141, Иерусалим)

Перевод Шломо Крола

Свет солнца скрыла влас бахрома; | Ланиту оголи,
Рабу любви страданье в груди | Красною утоли.

Коль, словно манна, спрятана ты, | и так задумал рок,
Моя душа - престол красоты | Твоей на вечный срок,
Тебя поймал я вервью мечты: | Что рок поделатъ мог?

Коль лань забуду, скрой меня, тьма, | Мне, Боже, смерть пошли!
Желанна лань мне! Рок, пропади, | Мне царства не сули!

Что мучишь сердце мне ты, холодна? | а в нем лишь ты одна.

Ты ангел, но зажгла пламена, | Горю, как купина!
Ты мне призвать погибель вольна: | Скажи - и вот она!
Не лгу, меня свела ты с ума, | Уж гибель не вдали,
Но дни мои - тебе! Погоди, | Мне сгинуть не вели.

Как светел лик твой - ярче лучей | Луны и солнца он,
В устах твоих нектара ручей, | я б им был упоен,
Не будь мечей из гневных очей - | и я убит, сражен!
Коль ты меня убила сама, | и я лежу в пыли,
Ты воскреси меня, о, приди, | От смерти исцели!

В твоей красе слились свет и мгла: | О, как же ты мила!
Закат с восходом Божья свела | Длань в прелести чела,
Власы твои черны, как смола, | Сама же ты - бела.
Зачем тебе золотая тесьма, | Рубины, хрустали?
Ты краше, как тебя ни ряди, | Всех девушек земли.

Сними свои цепочки, зане, | Прекрасна ты вполне,
Мешают лишь объятьям, и не | Дают лобзать оне.
И роза, что в Шаронской стране, | в весельи спела мне:
Халли укуд джиддек лима | Аздат бик-ил-хали
Ант ал-хали ва-хадда инди | Джумла шавагли.

חמה, בעד רקיע צמה אור לחיך גלי,
כי בחזות הדרך תפדי עבד אסיר חלי.

אם הזמן למנעך חשב ויצפנד כמן —
הא לך בתוך לבבי מושב איתו ונאמן.
עת אלכדך בחבלי מחשב מה יעשה זמן?
אם אשפחה דמותך, חמה, אשפח מחוללי!
את אחלי ואת מחמדי — מה לזמן ולי?

מה תגערי בלבב נענה הוא לך למחנה?
איך אחשבך כמלאך חונה ותבערי סנה? —
אם תחפצי במותי — הנה קראי ואענה
כי אין בפי — פדיתך! — מרמה הקשי ושאלני!
ימי מעט ולך כל חלדי, לו הארכת לי.

איך אדאגה — ואור פניך שמשני וסהרי?
כמעט וארד בין שניך הצוף והצרי —
לולי היות כלי עיניך האף והחרי.
על מה אהי בחשקך, עלמה, נרצח באין כלי?
הו לחיך אשר שם נרדי יחפץ לגאלי!

חשך ואור בגינך ערב יהנה ויערב,
כי אל ביום בראך קרב מזרח למערב
ונישו סביב הדרך עקרב יושב במארב.
אם תלבשי כנשים רקמה או אם תנצלי —
דיך בתארך כי תעדי לפי מקום חלי.

בך כל לפי — ועוד מה יתרון ברביד וסהרון?
אך ימנעו לחבק גרון ונשק לצנרון
אז שוררה הדסת שרון ותענה ברן:
חלי עקוד גידך למא אזדת בך אלחלי
אנת אלחלי והד'ה ענדי גמלת שואע'לי!

Стирала ризы лань в слезах моих очей,
Сушил их свет красы ее, не солнца свет.
Так много слез моих - не нужен ей ручей,
Так светел лик ее, что в солнце нужды нет.

עֲפָרָה תִּכְבֵּס אֶת בְּגָדֶיהָ בְּמֵי
דָּמְעִי, וְתִשְׁטַחם לְשֶׁמֶשׁ זָהָרָה
לֹא שָׁאֲלָה מִי הָעֵינֹת עִם שְׁתֵּי
עֵינַי, וְלֹא שָׁמַשׁ לִיפִי תִאָּרָה.

Как душу от тоски смогу отвлечь я?
Уйдя, ты сердце взял мое далече,
Хотел бы умереть я в день разлуки, коль
Не чаял бы с тобою скорой встречи.
Расколы скал расскажут: чем дожди небес,
Очей моих весьма обильней течи.
О запада свеча, вернись на запад, будь
Печать у всех на сердце и предплечьи,
Гильбоа ль поливать хермонскою росой?
Что до косноязычных ясной речи?

אֵיךְ אֶחְרִיךְ אֶמְצָא מְרוּגוּעַ?
תָּנַע וְהֵלֵב עִמָּךְ יָנוּעַ.
לוֹלִי לְבָבוֹת יִחְלוּ יוֹם שׁוֹבְךָ,
אֲזִ יוֹם פְּרִידָה תִּמְנֵנִי לְגוּעַ.
הוּ הַרְרִי בְּתֵר יַעֲיִדוּן, כִּי מָטַר
שָׁחַק מְאֹד כִּילִי וְדָמְעִי – שׁוּעַ.
נָר מַעֲרָבִי! שׁוּב לְמַעֲרָבְךָ, הִנֵּה
חֹתֶם עָלַי כָּל-לֵב וְכָל-אֲזָרוּעַ,
שָׁפָה בְּרוּרָה, מֵה לָךְ אֶל עֵלְגִים
אוּ מֵה לְטַל חֶרְמוֹן אֶלִי גִלְבוּעַ?

Перевод М. Гаспарова

Кто стучит, кто стучит под окнами,
Ночь тревожа сонную?
Кто зовет: "О девица прекрасная,
О, сестра, подруга драгоценная,
Встань, открой, спеши, моя желанная!

Сын царя, сын царя всевышнего,
Первый и единственный,
Я с небес нисшел в земные сумерки
Души смертных из плененья выволить,
Смерть приняв и поруганья многие".

Встала я, ложе я покинула,
Бросилась к порогу я,
Чтобы дом мой распахнуть любезному,
Чтобы дух мой взвидел бы воочию
Лик, который всех ему желаннее.

Но была улица пустынною,
Гость прошел и скрылся в ночь.
Что мне делать, что мне делать, горестной?
Вся в слезах я бросилась за юношей,
Чья ладонь из персти плоть содеяла.

Сторожа, град ночной хранящие,
Взяв меня, схватив меня,
Сняли платье и надели новое,
Прозвенели в слух мой новой песнею,
Да взойду я во чертоги царские.

КАТУЛЛ (87–54 до н.э.)

Перевод Шломо Крола

Плачьте, о Купидоны и Венеры
И все люди изящные на свете!
Ах, воробышек умер у подруги,
Ах, любимый воробышек подруги!
А она пуще глаз его любила,
Ибо слаще был меда, и хозяйку
Лучше знал, чем девица знает маму!
Вовсе не покидал ее он лона,
Вкруг нее лишь туда, сюда он прыгал
И хозяйке единственной чирикал.
Он идет по дороге нынче темной
В те края, из которых нет возврата.
Вам же худо пусть будет, злые тени
Орка, что пожирают все, что мило!
Воробья столь прекрасного забрали!
О беда! о воробышек несчастный!
О тебе так печалится подруга,
Покраснели от слез, припухли глазки.

Lugete, o Veneres Cupidinesque,
et quantum est hominum venustiorum:
passer mortuus est meae puellae,
passer, deliciae meae puellae,
quem plus illa oculis suis amabat.
nam mellitus erat suamque norat
ipsam tam bene quam puella matrem,
nec sese a gremio illius movebat,
sed circumsiliens modo huc modo illuc
ad solam dominam usque pipiabat.
qui nunc it per iter tenebricosum
illuc, unde negant redire quemquam.
at vobis male sit, malae tenebrae
Orci, quae omnia bella devoratis:
tam bellum mihi passerem abstulistis
o factum male! o miselle passer!
tua nunc opera meae puellae
flendo turgiduli rubent ocelli

Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
 Пусть ворчат старики — за весь их ропот
 Мы одной не дадим монетки медной!
 Пусть заходят и вновь восходят солнца, —
 Помни: только лишь день погаснет краткий,
 Бесконечную ночь нам спать придется.
 Дай же тысячу сто мне поцелуев,
 Снова тысячу дай и снова сотню,
 И до тысячи вновь и снова до ста,
 А когда мы дойдем до многих тысяч,
 Перепутаем счет, чтоб мы не знали,
 Чтобы сглазить не мог нас злой завистник,
 Зная, сколько с тобой мы целовались.

(Перевод С.В. Шервинского)

Vivamus, mea Lesbia, atque amemus,
 rumoresque senum severiorum
 omnes unius aestimemus assis!
 soles occidere et redire possunt;
 nobis, cum semel occidit brevis lux,
 nox est perpetua una dormienda.
 da mi basia mille, deinde centum,
 dein mille altera, dein secunda centum,
 deinde usque altera mille, deinde centum;
 dein, cum milia multa fecerimus,
 conturbabimus illa, ne sciamus,
 aut ne quis malus invidere possit
 cum tantum sciat esse basiorum.

Катулл несчастный, перестань терять разум,
 И что погибло, то и почитай гиблым.
 Еще недавно были дни твои ясны,
 Когда ты хаживал на зов любви к милой,
 Которую любил я крепче всех в мире.
 Вы знали разных радостей вдвоем много,
 Желанья ваши отвечали друг другу.
 Да, правда, были дни твои, Катулл, ясны.
 Теперь — отказ. Так откажись и ты, слабый!
 За беглой не гонись, не изнывай в горе!
 Терпи, скрепись душой упорной, будь твердым.
 Прощай же, конечно! Катулл уж стал твердым,
 Искать и звать тебя не станет он тщетно.
 А горько будет, как не станут звать вовсе...
 Увы, преступница! Что ждет тебя в жизни?
 Кто подойдет? Кого пленишь красой поздней?
 Кого любить ты будешь? Звать себя чьею?
 И целовать кого? Кого кусать в губы?
 А ты, Катулл, решаешь, отныне будь твердым.

(Перевод С.В. Шервинского)

Miser Catulle, desinas ineptire,
 et quod vides perisse perditum ducas.
 Fulsero quondam candidi tibi soles,
 cum ventitabas quo puella ducebat
 amata nobis quantum amabitur nulla.
 Ibi illa multa cum iocosa fiebant,
 quae tu volebas nec puella nolebat,
 fulsero vere candidi tibi soles.
 Nunc iam illa non vult: tu quoque impotens noli,
 nec quae fugit sectare, nec miser vive,
 sed obstinata mente perfer, obdura.
 Vale puella, iam Catullus obdurat,
 nec te requiret nec rogabit invitam.
 At tu dolebis, cum rogaberis nulla.
 Scelestas, uae te, quae tibi manet uita?
 Quis nunc te adibit? cui videberis bella?
 Quem nunc amabis? Cuius esse diceris?
 Quem basiabis? Cui labella mordebis?
 At tu, Catulle, destinatus obdura.

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ (1265—1321)

Из «Новой жизни»

Перевод И. Н. Голенищева-Кутузова

Влюбленным душам посвящу сказанье,
Дабы достойный получить ответ.
В Аморе, господине их, — привет! —
Всем благородным душам шлю посланье.
На небе звезд не меркнуло сиянье,
И не коснулась ночь предельных мет —
Амор явился. Не забыть мне, нет,
Тот страх и трепет, то очарованье!
Мое, ликуя, сердце он держал.
В его объятьях дама почивала,
Чуть скрыта легкой тканью покрывал.
И, пробудив, Амор ее питал
Кровавым сердцем, что в ночи пылало,
Но, уходя, мой господин рыдал.

A ciascun'alma presa, e gentil core,
nel cui cospetto ven lo dir presente,
in ciò che mi rescivan suo parvente
salute in lor signor, cioè Amore.
Già eran quasi che atterzate l'ore
del tempo che onne stella n'è lucente,
quando m'apparve Amor subitamente
cui essenza membrar mi dà orrore.
Allegro mi sembrava Amor tenendo
meo core in mano, e ne le braccia avea
madonna involta in un drappo dormendo.
Poi la svegliava, e d'esto core ardendo
lei paventosa umilmente pascea:
appresso gir lo ne vedea piangendo.

Любовь и благородные сердца —
Одно, сказал поэт в своей канцоне.
Так разум, по ученью мудреца,
С душой неразделим в духовном лоне.

Природа сердце превратит в дворца
Палату, где сам Бог любви на троне.
Порою царство длится без конца,
Но иногда не верен он короне.
Затем в премудрой даме красота
Пленяет взор и в сердце порождает
Тот дух любви, что связан с ней навек;
Растет и крепнет властная мечта.
И в сердце дамы также возбуждает
Любовь достойный чувства человек.

Amore e 'l cor gentil sono una cosa,
sì come il saggio in suo dittare pone,
e così esser l'un senza l'altro osa
com'alma razional senza ragione.
Fàlli natura quand'è amorosa,
Amor per sire e 'l cor per sua magione,
dentro la qual dormendo si riposa
tal volta poca e tal lunga stagione.
Bieltrate appare in saggia donna pui,
che piace a gli occhi sì, che dentro al core
nasce un disio de la cosa piacente;
e tanto dura talora in costui,
che fa svegliar lo spirito d'Amore.
E simil fàce in donna omo valente.

/ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ
«ИДИШЛАНД: ПОЭЗИЯ И ИСКУССТВО ИДИШСКИХ МОДЕРНИСТОВ»

וואס איז נאך ניט
משונע־ספורט?

דער הימלדייך
ענגער, ענגער אויף דער שטאט.
וויסן ווערן נאָענטן,
כריסטן ברעכן זיך, ווי דערצער,
ווי טרוקן-שלעכטע דערנערצונגיין.

מיילער, פֿון שרעק פֿארקריסטע,
שעלמן זיך —
וואָרפֿן שפּיקער שטייענדיקע קללות,
שפּיקער נאל
אויף נאָס, אויף ראַס,
אויף וואַרמדיקער שטאַט.

קאלעסומער אונט
זעצט זיך אַפּ
אויף פֿאַרשיטע טראַמפּארן.
סיר וואַקסן צוריק,
סיר גייען אַינן.

טאָג און נאַכט

טאָג און נאַכט —
דערפֿווירענע וואַרטן סיר אין ביזן טאָג
אויף נאַכט לזנהשער,
אויף לזנה צערשלעכער.

אַנגעשראַקן וואַרטן סיר אין בייזער נאַכט —
אויף טאָג דעם ווינקל,
אויף זון דערבאַרמדיקער.

[344]

טאָג און נאַכט —
גרויס ווינען סיר זיי אין די אויגן,
זיי וואַרפֿן זיך מיט אונדז.

קליין ווינען סיר, נאָר קליין —
פחד שלעפּט אונדז צו דער ערד,
זיי זינען, ווי אייגענס.

ווערן זשע זאָלן סיר זיך הינטאָן.
קליינע ?
ווערן אונדזער גרויסן וויטשאַ הינטאָן.
ווייטאָג ?
ליבע ?
סודות ?

טאָג און נאַכט —
גרויס ווינען סיר זיי אין די אויגן,
זיי וואַרפֿן זיך מיט אונדז.

ביז טויב צו ווערן

ביז טויב צו ווערן
כ'האַט פֿאַרברייטערט מיט געדער,
ביז בלינד צו ווערן
האַט פֿאַרשיפּט מיטן ראַיה. —
מיט קראַנקער אַנגעשיפּטקייט
אַנעקאָסטן יעדן שאַרף,
אַנעווייזן יעדן פּעס,
און זיי אַנעקען נאָגן
צו מיטן וואַנדיקייט געמיט,
צו מיטן ברענעדיקן לייב —

[345]

— אַנאַװאַנאַ, בריגאַדיר,
עפן אױף פון שטאַף די טיר,
גיכער שוין באױניז זיי —
ראַפּעזע צי װײַסע?

— שפּעטער, קינדער, כעורעלייט,
שטייער, ניט געלאָפן,
כײַג אױעק די כאַוערלעך
גראַדע אײַצטער שילאַפן.

— אַנאַװאַנאַ, בריגאַדיר,
קינדער בעטן זיך באַ דיר!
— שאַ, שאַ, כאַױירימלעך,
סע שילאַפן די כאַױירימלעך!
אַט־אַ רוען זיי זיך אױס —
לאַ אײך זיי צי אײך אַרױס!

1939

כאַוערלעך

— אַנאַװאַנאַ, בריגאַדיר,
עפן אױף פון שטאַף די טיר,
װײַז די נייע, שײַנע
כאַוערלעך די קלײנע?

— שפּעטער, קינדער, כעורעלייט,
אײַצטער דאָ ניט ראַשן,
כײַהאַלט דאָר אײַצט די כאַוערלעך
גראַד אײַנמיטן װאַשן.

— אַנאַװאַנאַ, בריגאַדיר,
עפן אױף פון שטאַף די טיר,
לאַז זיי דאָר אַ גלעט טאָן —
מאַגערע צי פעטע?

— שפּעטער, קינדער, כעורעלייט,
האַט איר דען פאַרגעסן?
סע דארפן דאָר די כאַוערלעך
גראַדע אײַצטער עסן.

דאס כאוערל עסט, מע זאל עס עסן

אוי, איך, כאוערל, לויף אזויים,
 מע וועט מיר געבן פיש מיט כריין.
 פון אלע טעפעלעך —
 בארשטש מיט קרעפעלעך,
 פון אלע שיסעלעך —
 אלץ צו ביסעלעך.
 איך עס און פרעס און גאל איך בעט,
 זיין זאל איך געשמאק און פעט,
 און דערפאר מע וועט מיר נעמען,
 און דערפאר מע וועט מיר בינדן,
 און דערפאר מע וועט מיר קלייען,
 און דערפאר מע וועט מיר שינדן,
 און דערפאר מע וועט מיר זאלען —
 און מע וועט מיר אופעסן
 גאר-גאר אינגאנצען!

1936

שאכמאטיסטן

צוויי פינטעלעך פליגעלעך האבן איך געזען
 אף איינעם א גרינעם בלאט.
 זיי זיינען געווען שאכמאטיסטן געווען
 און האבן געשפילט שאכמאט.
 זיי זאגן און א שפרונג און גערוקט זיך,
 א ביסל געטראכט און פארקוקט זיך.
 די שווארצעניקע פינטעלעך האבן איך געזען.
 פון אויב זיי גיט געלאזט.
 דאס לערנען זיי עפשער זיך שפרינגען און גיין
 אין זייער וועלט פון גראז?
 צי זוכן אויך זיך עסן?
 צי אנדערע גאר אינטערעסן?
 זיי האבן פארענדיקט און זיינען אוועק,
 און איך האבן צו פרעגן פארגעסן.

1945

אַם טוט אים אין קעפל
א טראָפּן א קלאַפּ.
און אונטן א בולבע
אַם טוט עס א כאַפּ.

נאָר דאָ טוט א שפענדל
א קריים זיך, א לויף,
א ניג זיך צום זשוקל
און נעמט עס ארויף.

דאָס שטעלט זיך אינמיטן
און האלט זיך גוט צו,
עס שווימט זיך דאָס שפענדל
און טראָגט ערגעץ וווי.

די ריטשקע, זי בלעבלט,
און זיבערט און בלענדט.
עס טראָגט זיך דאָס שפענדל
פאר שטיבער, סאר ווענט.

און קומט צו א שטיבל
און טוט זיך א שטויס.
אריין אין א לעכע,
אריין אין א הויז.

דאָ ווינטט א מישפּאַכע
מיט קנדערלעך דריי,
זיי כאַפּן דאָס זשוקל
און לאָזן עס פריי.

1917

דאָס זשוקל

א רענק א רענק;
סע גיסט מיטאמאָ
אי ריננעס אי ריטשקעס
פון באַרג און אין טאָל.

סיי בייער סיי טוועס —
זיי ציטערן נאָם,
קיי מענטשן, קיי מייגל,
קיי הינט גיט אין גאָס.

און איינס נאָר א זשוקל
מיט פּיסעלעך רויט —
עס דרייט זיך מיט ריטשקעס
און שפּילט מיטן טויט.

אַט קערט זיך דאָס איבער —
אוי, גול-גול, און אויס!
אַט שטעלט דאָס א פּיסל
און רייסט זיך ארויס.

דאס פידעלע

א זייט פון א קעסטלע
און פעדעמער פון שטריק —
מאך איך מיר א פידעלע,
מאך איך אן אנטיק.

א צווייגל פון א ביימעלע,
לאנגע האר פון פערד —
צי איך אן א סמיטשיק
און צעשפיל זיך, הערטו.

די בין בליבט שטיין און זשומעט ניט.
די קאץ פארייטט דעם קאפ,
סע לאזן זיך די זאשעקלעך
אועק אין א גאלטפ.

די הון פארגעסט די הינדלעך
און הערט זיך צו מיר איין.
— פארגעס ניט, הון, די הינדלעך,
זיי וועלן אין טאג אריין.

סע שפילט, סע שפילט, מיין פידעלע;
טריי-לי, טריי-לי, טריי-ליי!
דריי פיקעס אפן קארשנבוים
טשיריקען צו דערביי.

דריי פיקעס אפן קארשנבוים
מיט העלדזעלעך ווי אש.
סע טוט א פאך א ווידעלע,
פאזט אראפ א קארש.

נאר קיינער דארף קיין קארשן ניט. --
מע הערט דאך מיין מוזיק,
יעדער זויף דאס פידעלע
א צי טאן מיטן סמיק!

טריי-לי, טריי-לי, מיין פידעלע,
טריי-לי -- און שוין, און עק.
סע רופט די הון די הינדעלעך,
די פיקערס -- אויך אוועק!

1928

פֿיפּעלעך

ווער ווייסט,
ווער ווייסט, ווי מאכט מען פֿיפּעלעך?
איך ווייס, איך ווייס, ווי מאכט מען פֿיפּעלעך!

אינעם גראבן זואקסט א דארן,
איז ער דאר און וויף געווארן,
רייסט מען אים ארויס,
שניידט מען זעכצען אויס.

פֿימט מען,
פֿימט מען,
פֿימט מען לאנג,
ביז סע גייט ארויס א קלאנג.
קלאנג א דינער ווי א שטרוי --
ווערט א פֿיפּעלע אויף.

שפּיל איד:
טורלי,
טורלי,
רילי,

איך בין א קאזעקל

בין איך מיר געגאנגען
 יאגעדעס רייסן,
 טרעף איך אפן וועג
 א שטיקלעך אייזן.
 האב איך דאס שטיקלעך
 אייזן באטראכט,
 און האב עס געצויגן,
 און האב עס געבויגן,
 און האב פון דערפון
 זיך פידקאוועס געמאכט.
 האט שוין מיין פערדל פידקאוועס.

בין איך זיך געגאנגען
 הוידען און ווייגן,
 טרעף איך אינעם גראז
 א צעדערל לייגן.
 האב איך דאס שטיקלעך
 צודער באטראכט,
 און האב עס געשקראבעט,
 און האב עס געטשאַבעט.

און האב פון דערפון
 זיך א זאמל געמאכט.
 האט שוין מיין פערדל א זאמל.

בין איך מיר געגאנגען
 פאשעט שפאצירן,
 טרעף איך אפן וועג
 א זילבערן שנירל.
 האב איך דאס זילבערנע
 שנירל באטראכט,
 און האב עס צעשוונדן,
 געקניפט און געבונדן,
 און האב פון דערפון
 זיך א ציימל געמאכט.
 האט שוין מיין פערדל א ציימל.

פידקאוועס איז דא.
 א זאמל איז דא.
 א ציימל איז דא.
 א שווערד און א קאזעק —
 אראזע איז דא. —
 נאר קיין פערדל איז ניטא...
 און דער קאזעק
 שטייט אף דער ערד,
 ווייך דעם קאזעק
 פעלט דאס פערדל.

ווער וואלט דעם קאזעק
 א פערדל געבראכט?
 איך בין א קאזעק

און רײס זיך אין שלאכט.
ווי קאן א רײטער
זײַן אן א פערד?
ווי זאָל ער פליען
פאַרויס מיט דער שווערד? —
איך בין א קאזעק —
איז גיט מיר א פערד?

1936

מיין מעסער

האב איך מיר א מעסער
מיט זיבן קלינגער?
זיבן קלינגער,
ווי די צינגלעך,
ענטפערן, אף וואס איך וויל,
ווען איך צי זיי פונעם שטיל.
דאס ערשטע קלינגל שניצט,
דאס צווייטע — קריצט,
דאס דריטע — רייבט,
דאס פערטע — קניפט,
דאס פינפטע אין א שער,
דאס זעקסטע איז גיט הין און גיט הער.
און דאס זיבעטע קלינגל
האט פארביסן דאס צינגל
און זאגט גיט, ווער ס'איז אויבנס, —
ס'איז א פארקישעפטס,
א פארטרוימטס,
זײַן סאָר גיט צו אנטדעקן,
זײַן קראַפט גיט צו אנטפלעקן.

עזרע און דער בוהיי

— עזרע, עזרע, ווו איז עזרע?
ס'רײַסט דער בוהיי זיך פון שטאף;
קום ארויסעט פארן טויער,
מיטן בײַטשׂ טו א קנאף!

אָפּגערייסן זיך דער בוהיי,
זיך פון הויף געטאָן א לאָז,
דעוואַ-וואו! דער רינג פון אייזן
באַמבליט זיך אין פײַכטער גאָז.

שפּאַנט דער בוהיי, שפּאַנט פּאַמעלעך,
טוט א רעו אריין אין טאָף,
ענטפערט גאָר דער באַרג, דער וואַלד גאָר
מיט א היכץ, א ווידערקלאָף.

רעווע הייכט אין טעפּ, אין פּעטלעך,
רעווע טרייסלט מיטן הויף,
שפּיט דאָס קליינעוואַרג, שפּיטע אין דרויסן,
וואַרפט די שפּיץ און אנטלויפט!

הינטער ווענטלעך, אונטער דעכלעך,
הינטער קאמערן אוועק,
שטופן קינדער זיך, זיי קוקן,
זיי דער אַקס די ערד באשמעקט.

שטופן קינדער זיך בא שפּאַרעס,
און סע טוט זיי האַרציק וויי:
אזע שפּיעלעכעך געבליבן
דאַרט, אף העפּלער שטייען זיי.

ביידע הינטלעך אינגעשפּאַנטע,
איצט צערײַסן זיי דעם שפּאַן!
שפּרינגען אף דער מײַ, הינטלאַקעס,
אין צעדרייען דעם באשטאן!

אוי, די ציג עסט אויף די דעכלעך,
זעלכע געלע, פון קאַבאַק,
זעט, די קעצלעך, איינס דאָס צווייטע
אפן פּאַרקן! באָדן קנאַקן!

זעט, פון זאמר דער קליינער טראַקטאָר,
און דער קלוב פון שטרוי טשערעט,
שטייען שטאַרקע, גוט געשלאָסן
אַטשערעט מיט אַטשערעט!

טוט דער בוהיי גאָר א רעווע,
טוט מיט אַלעמען א וואָרף,
קיינער גייט אין גאס ניט, קיינער,
ווייף דער בוהיי שפּאַנט אין דאַרף.

לויפן קעבלעך, לויפן אויפמס
אין די הויפן גיך אריין!
טויט-טויטו --- די קעפ זיי שטרעקן,
אין דעם רעווע מע הערט זיך איין.

שפאנט דער בוהיי גאנץ פאמלעך,
הייבט די פיס און שמעלט אוועק,
פארנט פאכעט אום דער גיידער,
הינט וויינט זיך אום זיין עק.

און די הערנער --- שטאץ און מעכטיק.
יעדער גלייך א זונג, א טראג:
טראגט די זון צווישן הערנער,
טראגט די זון זיך אפן קאפ.

ווי, א רויטע באם פארייניען,
זיצט אף בוהיי, און זי קוועלט.
גיסט איר רויסקייט אף זיין רוקן,
און פון איר --- אף האלבער וועלט!

אינעם סטעף, בא אימא-אמא,
האט געקויפט אים דער קאלווירט,
אין וואגאן, פאר אים באונדער,
האט מען אים אהער געפירט.

ווער האט אים געוואלט באלייטן
אינעם לאנגן ווייטן פאר?
גאר דער עורע, אונדזער עורע,
לעבן זאל ער לאנגע יאר?

גאר א קורציגקער איז עורע,
גאר זיין רויטע בארד איז לאנג,
אונטער בוהייס בויד גייט דורך ---
צו פארשפארן זיך א גאנג.

ווען ער דארף דעם בוהיי וואשן
און צום רוקן גיט דערגרייכט,
שמעלט ער צו צו אים א זייטער,
און ער וואשט --- אש יענער קרעכט.

שרייען שנעקלעך: --- עורע, עורע,
זאג דעם בוהיי עפעס וואס!
ער האט אנגעשמעלט די הערנער,
ווי א בלאז-זאק בלאזט די נאז.

וואס איז ער ארויס אין דרויסן?
איז דער זויף, די שטאף אים ענג?
קאן דאך דעכלעך אנטערהייבן,
שפארן ווענט אף ברייט און לענג?

און ווער טראגט אים אונטער עסן?
עסט ער פון א צעבער דען?
און ווער קען אים נעמען צוימען,
ווער דעם בוהיי צוימען קען?

און דער בוהיי שפאנט אף עורען,
הייבט אים אף בארד, זעצט אין דרייער,
אט צעטראגט ער אים אף שטיקלעך:
זיבן עורעס, צוואנציק בערד!

ווייסעך וואס אנטקעגן בױהײַ
שטייט זיך עורע אױ זײַן אָרט, —
שטעפט זיך אָפּ פאר אים דער בױהײַ,
בייגט דעם קאפּ אָן פאר זײַן באָרד.

גלעט די באָרד זיך אונזער עורע;
— קונדעט, דו, וואָס מאכסטו שטיק;
און דער בױהײַ מרוקעט שוידיק
און —
לאַזט זיך נעמען אפּן שטריק.

1928

באָס יאָם

1

שלאַגט שוין דריי טעג
דאָס וואַסער אין ברעג,
וואַרפט נאַכאַנאַנד
שטיינדלעך און זאַמד.

בלאָזט זיך דער יאָם
און שפּרייט זיך און גרויסט,
די שיפּלעך אויף טאַנצן;
ער שוימט, און ער בריַלט
אױף ברעגעס ארויס,
ניט אנדערש — ער וויל
די ערד אינגאַנצן!

2

טוען די פּישערס,
וואָס פּישערס באַדאַרפֿן —
מע שרעקט זיך דען איבער,
וואָס יאָם נעמט זיך וואַרפֿן

פיקהאלץ מיטן קופער-שפיין, וואס פיקס:
 „ווייניק מארד, ווייניק פלי, ווייניק
 הארץ, ווייניק עכטע ליידיששאפט“
 דער גוף פון אינעווייניק ברענט, א גלאז
 מיט לויטער קילן וואסער מיטעם
 אין מיין האנט, איך שפאר זי אן אין בויל, —
 און אפגעלאשן ווערט מיט קילן טרוינג די בראנד
 פון יאסלעס-דראנד ביו מיפסטער טויף אין סוד.
 און נאך דער פיקהאלץ הערט ניש אויף
 צו פיקן זינים.

אַן אַל ט ע ר נ י ג ו ן

— איי, נחמיי! — שרייט אויס דער פאן צום קשרת,
 גם יארמאדקי מארש און קויף אקטן דעם פריין! —
 האט נחמן נענטען דעם ביימל מיט געלט,
 דעם שטאק אין דער האנט און גענאן אין דער וועלט.

ייט ער און נייט
 און א סמאדע דערנעם,
 און פאסטעקער לייט
 און זינגען א ניטן:

האט נחמן פֿאַרזען אין פריצלס רינדער,
 אין פריצלס רינדער און אין ווייב און קינדער,
 און סוחריש ער מוט זיי א פֿרעג:

— איי, פֿעטערלעך, חשוּבֿע לייט,
 וואס קאמט אזא ניטן ביי היינטיקער צייט?

די רויג

צו טיר און אנגעקומען,
 אז מ'האט אפגעשאפט דאס ווייג,
 סע האלט, אז געווינער איז
 סע זאל דאס קינד פֿאַרזייערעם לייגן —
 איך נלייב דער וועלט, — זי איז גערעכט מסתם,
 און סיר לייגט נאך ביי היינט די ווייג אין מעס.

מיט צונעמאכטע אויגן
 איינהערן דאס קול פֿון מאמען, —
 סע פלייסט פֿון ריינסטן קוואל,
 פֿון וואנען דייער טרוימען שטאמען.
 זי וויינט די ווייג, — באוועגט סיר מיט דער וועלט,
 וואס ב'האב אליין מיט אויגעפֿלעך פֿאַרשטעלט.

כיזאל זיין א קינד, וואלט איך דערקלערט א קייג, —
 אז לעבן זאל די ווייג!

דער המשך

כיבין אויפֿגעשטאנען גאר פֿאַר פֿרי,
 ב'האב קיים מיט מי פֿון זיך אראפֿגערוקט
 די שווערע נעץ פֿון שלאָף.
 די קאסע זון אין סאר, די ווייניק קלאנגען
 האָבן אויפֿגעמומערט מייען קרעפטן פֿריש.
 דער מוח לעבט, די פֿון נעכטן
 אפֿגעהאקטע שונד פֿון אומצופֿירדיקייט
 מיט זיך אליין פֿאַרקניפט זיך ווידער.
 די האנט איז פֿעט, די אַרבעט נייט,
 אין מוח דלובעט דער גערעכטער

זאגן די פאסטענער: — זיבן פריאלן. —
 זיבן פריאלן שוים נחמן באצאלן
 און גייט מיטן ניגון זיין וועג.

גייט ער און גייט
 און א בויד ער דערנעם,
 און בלי-זימער דארט ליגן
 און זינגען א ניגון:

 האט נחמן פֿאַרנעסן אין פריאלס רינדער,
 אין פריאלס רינדער און אין ווייב און קינדער.
 און מוהריש ער שוים זיי א פרעג:

— איי, קלעמערלעך, פֿריילעכע לייט,
 וואס קאסט אזא ניגון ביי הימליקער צייט?

זאגן די קלעמערלעך: — דרייצן פריאלן. —
 דרייצן פריאלן שוים נחמן באצאלן
 און גייט מיטן ניגון זיין וועג.

אוי ער אזוי אין סארק נעקומען.
 הערש ער די שיינע אקסן ברומען,
 נעמט ער זיך דינגען,
 און ווידער זיך דינגען,
 און פאשטן מיט הענט.

און אונטערצושפרינגען,
 און אפגעסאכט. שלעפט ער דעם ביימל ארויס
 און מרייסלס פֿון דארטן — א גארנישט גיט אויס...
 — צאל, — שרייב דער סוחר, — צאל אפ דאס געלט!
 — צאל, — שרייען סוחרים, — קלעפ וועסטו קרייגן!

צענענט אונדער נחמן די ליידיקע הענט,
 עפעס דאס טייל און זינגט זיי דעם ניגון:

גייט ער פֿון סארק צוריק אן די רינדער,
 קומט אים אנטקעגן מיזויב און די קינדער:
 — וואס האסטו, נחמן, געבראכט אונדז פֿון וועג,
 ווו זינגען, סאן, די סתנות, איך פֿרעג?

בייגט ער איין פֿאַרן ווייבל דעם קאפ,
 עפעס דאס טייל און זינגט איר אפ:

נעמט דאס ווייב די האר אויף זיך ריסקן,
 מיט דער פֿאַטשיילע דעם מאן נעמט זי שטייטן,
 דא קומט דער פרייז און שפעלט זיך אונטן,
 און אויף די אקסן ער שוים אים א פרעג.

הייבט ער אויף צום פרייז דעם קאפ,
 עפעס דאס טייל, און ער זינגט אים אפ:

 דא האט דער פרייז באפֿהילן אים כינדן,
 כינדן צום סלופ, מיט ריטער אים שינדן,
 שטייט ער געבונדן, די ריט אויף אים שפרינגט,
 אבער געהויבן זיין ניגון ער זינגט:

Чтоб весело взлетел он
Под облака!

На рассвете,
На заре,
Пилят пилы
Во дворе.
Пилят пилы
Без умолку,
Пилят пилы
Дуб да ёлку.

ПРО КНЯ И ПРО МЕНЯ

Шёл я по ягоды —
Шёл, ну и шёл...
Железа кусок
На дороге нашёл.
Над этим железом
Я долго мудрил:
Я это железо
И чистил, и резал,

135

Ковал — и подковы
 Коноу смастерил.
 Теперь у моего коня есть подковы!

Шёл я покупать —
 Шёл, ну и шёл...
 И кожи кусок
 На дороге нашёл.
 Над этою кожей
 Я тоже мудрил:

Я мыл её с мылом,
 Прокалывал шилом,
 Сшивал — и седло
 Скакуну смастерил.
 Теперь у моего коня есть седло!

Шёл я гулять —
 Просто шёл, ну и шёл...
 И шёлковый шнур
 На дороге нашёл.

Над этим шнуром
Я недолго мудрил:
Потрогал руками,
Связал узелками —
И мигом уздечку
Коню смастерил.
Теперь у моего коня есть уздечка!

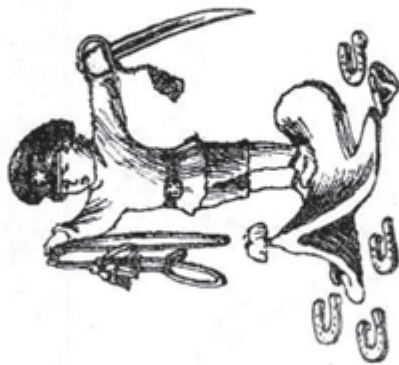

Подковы-то есть,
Уздечка-то есть,
Седло тоже есть,
Будёновец с пашкой
Отточенной есть...

Ему на коня бы горячего сесть,
Ему красоваться бы
В новом седле,
А он одиноко
Стоит на земле...

138

Ведь нету того,
Что дороже всего, —
Подумайте, нету
Коня у него!
Какак я! Будёновец!
Храбрый боец!
Так дайте ж мне, дайте
Коня наконец!

Навалили полные корыта.
В ямы тыква спелая зарыта...

Столько было тыквы!
Жаль — она
Людям в пищу не была годна,
Но зато
Полакомился скот:
Он кормился тыквой
Целый год.

Были сыты и здоровы
Свиньи и коровы.
Были гладки
Наши резвые лошадки.
На зубах у них хрустела,
Как арбуз,
Тыква, очень сладкая на вкус.

ЭЗРА И БЫК

Эзра! Эзра! Где ты, Эзра?
Загородку бык сломал!
Ты бичом погромче хлопни,
Чтобы он не убежал.

Оторвался бык от яслей,
Прочь уходит и мычит;
Толстое кольцо стальное
У быка в носу висит.

Он ревёт — и вся долина
Откликается на рев;
Отзываются, вздыхая,
Чащи сонные лесов.

Рёв гудит в хлеву просторном,
В бочках, вёдрах и горшках.
Дети, бросьте все игрушки,
Убегайте от быка!

За плетнём столпились дети,
Притаились у ворот
И глядят, как по долине
Властелином бык идёт.

За плетнём столпились дети,
Грустно стало малышам:
Поломает бык игрушки!
Все они остались там.

Топчут грядку, рвут упряжку,
Убегают от быка
Запряжённые в тележку
Два лохматые щенка.

Весь взъерошился котёнок,
В страхе выпучил глаза.
Ой, сожрёт дома из тыквы
Бородатая коза!

Но — глядите! — цел остался
Новый трактор из песка,
И соломенная башня
Неприступна и крепка.

Бык взревел ещё. И снова
Задрожало всё кругом.
Лишь отважный письмоносец
Не спеша прошёл селом.

Робко прячутся телята
Под навесами дворов.
Шеи вытянув, пригigliли,
Слушают могучий рев.

58

Грузно бык идёт, качая
Свой подгрудок впереди,
И раскачивает мерно
Хвост огромный позади.

Каждый рог изогнут грозно,
Сила в мускулах поёт.
Солнце он между рогами,
Солнце он на лбу несёт!

На быка уселось солнце.
Опускаясь с вышины,
Льёт лучи на бычью спину,
На подмира — со спины.

Вырос бык в степях казахских,
Там купил его колхоз;
К нам его в большом вагоне
Вёз товарный паровоз.

Кто же так далёко ездил,
Кто быка привёз сюда?
Эра, Эра! Пусть он будет
Счастлив долгие года!

А у маленького Ээры
Борода — аршин с вершком.
Он, дорогу сокращая,
Пролезает под быком.

Лестницу к быку подставив,
На ступеньках он стоит.
Чистит он быка и мост
Так, что бедный бык кряхтит...

59

Закричали дети: — Эзра!
Привяжи скорей быка! —
Как кузнечный мех, раздул он
Ноздри, наклонил рога!

Видно, тесен хлев просторный,
Если бык пошёл гулять.
Он бы мог раздвинуть стены,
Крышу хлева приподнять...

Если бык взмахнёт рогами —
Эзру в ключья раздерёт,
А из бороды роскошной
Двадцать сделаёт бород.

Но стоит бесстрашно Эзра,
Гладит бороду рукой.
Молча шею бык склоняет
Пред хозяйской бородой.

Эзра говорит: — Ты что тут
Вытворяешь, озорник? —
И с мычаньем, пристыжённый,
В руки сам даётся бык.

УРОЖАЙ

Стук,
Бряк,
Скрип колёс.
Через речку
Шёл обоз.

Шли обозы
Целый день
Из колхозов,
Деревень.

В полдень,
В полночь,

На заре
Шли обозы
По горе.
Утром
Встанешь —
Вот они!
Ночью глянешь —
Вот они!

Ясным днём
И в свете звёзд
Едут
С кладью
Через мост.

То грузят на пароходы
И везут из края в край
Для советского народа
Добрый, щедрый урожай.

Десять вагонов

мимо дома, я увидел, что двери закрыты и ворота заперты. Исаюмщик, стало быть, уехал куда-то. Я ткнул пальцем в этот дом и сказал: «Тут».

Бандиты бегом на крыльцо. А я подтянул штаны и драла. Чем кончилось дело у исаюмщика, не знаю. Но пока бандиты смекнули, что их тут обкрутили, пока они искали, где он живет, Берке Гезин, пока доехали до него, я успел шепнуть Берке два слова, и он смылся.

Глава пятая

МАХНОВЦЫ И ДЕШИГНИЦЫ

Махно в очках и с бородой:

Вечером мать сказала:

— Хорошо будет, если эта ночь пройдет спокойно.

Я спросил:

— А что будет, мама?

— Ничего, спи, — сказала мать.

«Нет, — подумал я, — я спать не буду. Верно, опять будут стрелять».

А я любил, когда стреляют. Решил я не спать, и, конечно же, заснул. Спал я у стены, а напротив у окна спала мать с братом. Брату было тогда пять месяцев. Отца дома не было. Отец служил в Красной армии.

Уснул я и, помню, увидел страшный такой сон. Будто в комнату входит отец в серой шинели, в солдатской шапке, с винтовкой, а лицо у отца черное как у негра. Вошел, стал у двери и молчит. «Папа!» крикнул я. А он молчит. «Папа! — кричу, — это ты?..» А он как ббахнет винтовкой в дверь, так что в ушах аэзвенело. «Папа!... — кричу, — что ты делаешь?» А он как зарычит, как зарычит: «Отдай, — кричит, — кольцо, жидовка!»

Я проснулся. Проснулся и вижу: посредине комнаты стоит мать, а вокруг несколько человек бандитов с саблями, с револьверами. Один пашкой рубит шкаф, дру-

1 Гласгаз Якова Козариовского.

гой — когод вадамывает, а третий, курносый, кривоногий, схватил мать за палец левой руки, тянет палец и кричит:

— Отдай, — кричит, — кольцо, жидовка!

Но бандит не отпускает, тянет палец и кричит:

— Отдай кольцо! Убью!

Тут в комнату вошел невысокий волосатый человек с бородой, в очках. Он оттолкнул бандита и сказал:

— Оставь, Грицько. Она сама отдаст!

Другие бандиты, увидав волосатого человека, опустили шапки и стояли молча, выжидая. А волосатый человек прошелся по комнате. Дошел до меня, остановился и сказал:

— Это большевик растет.

Потом коротко скормандовал бандитам: «Айда, хлопцы!» и вышел.

Когда бандиты ушли, мать сказала:

— Знаешь, кто это был?

— Длинноволосый-то? — спросил я.

— Да, — сказала мать, — это был батько Махно. Самый яростный бандит.

Махно продает дрова!

Мы жили в Павлограде. Попла раз мать на базар и купила воз дров. Дрова привез старый мужичонка, грязный как трубочист. На базаре старик долго торговался, боялся, что его хотят обманушить, боялся, что за эту цену продать самому дороже, что коли он так дешево продаст, жепя дома обрутает да еще кочергой изобьет да выгонит. Но потом уступил, привез дрова к нам на двор, сложил их в сентах, получил деньги, керенками, три раза пересчитал керенки, завернул их в тряпку, сунул за пояс, сел на телегу и уехал. Мужик как мужик. И только глаза у мужика были очень быстрые кащие-то, вороватые.

¹ Рассказ Фреда Девидова.

После того как мужик уехал, мать пошла топить печь. Взяла она полено, расколола его пополам, и вдруг из полена записка вываливается. Развернули мы записку, а там написано:

«Эти дрова продал батько Махно».

Через два дня Махно со своей бандой заняли Павлоград. Грабили. Убивали. Помню: стою я у окна и вижу — слуг мимо окна два бандита. А навстречу бандитам идет человек, немолодой уже, в бараньей шапке. Вдруг один бандит выхватил шапку, крикнул: «А не пригнулась ли еще моя сабля?» И как рубанет человека по плечу. Человек и повалился. А бандит говорит товарищу: «Нет, не пригнулись еще». И поехали.

Как Махно занял местечко!

Махно часто переодевался. Любил он это дело. То мужиком переоденется, то красноармейцем, то старым евреем в лапсердаке и с бородой, а случалось — и бабой. Рассказывал мне как-то один паренек из Киевщины, — мы с ним в Литомире в детдоме жили, — как Махно занял их местечко.

Вот раз в базарный день наехало в местечко много народу. Толкаются, галдят, ходят из лавки в лавку. А у керкви с самого утра стоят возов тридцать с сеном. На каждом возу поверху сена лежит молодой парень, курит козью пачку и дремлет, поджилая покупателя. А придет покупатель, парень лениво сползает вниз и заломит такую цену, что покупатель ахнет и бежать. А парню, владать, только этого и надо. Он опять заберется на телегу и лежит себе брюхом вверх, преест на солнце.

Вдруг — уже базар подошел к концу, уже разъехались мужики по домам — вдруг в оловного воза подымается баба в голубом сарафане, сует в рот два пальца да как свистит. А парни на возах, как услышали свист, скок с телет, вытащили из сена винтовки, обреза, и пошла пальба. Баба

¹ Рассказ Махвала Дойгера.

скинула голубой сарафан, а под сарафаном у нее кожаная тулурка, и уже это не баба совсем, а сам Батько Махно. Через полчаса все местечко было у него в руках. Захватил совет, ограбил почту. Всю ночь гулял Махно в местечке, а утром поднялся и со всей бандой ушел куда-то в степь.

Как Махно бежал!

А у нас вот Махно не повезло. Засыпался. Он раз тоже так: приехал со своими бандитами на базар. Только привезли они на этот раз не сено, а дрова. Сидят они на возах, курят, торгуются с покупателями и ждут. Но в местечке тогда стоял небольшой красноармейский отряд. Командир отряда, проходя по базару, увидел возы, парней, присмотрясь к ним и подумал: «Эге! уж не порох ли под дровами?» Собрал своих ребят, переодел их в крестьянскую одежду, пробрался с ними на церковный двор, запрягал в высокой траве пулемет и ждет, что будет. Махно хитрый был, а тут — прохлопал. Все шло по порядку: вот кончается базар, вот развезаются мужики по домам, и вот с одного воза подымается левый рыжий мужик, — переодетый Махно, — сует в рот два пальца и как свистит. И только он свистнул, как вдруг с церковного двора залезли под возы, как швейная машина. Бандиты винтовки палят. Бросили бандиты и повозки и коней и двала в степь. Только их и видели. Трех захватили в плен. Красноармейцев мало было, человек всего пятнадцать, а то — будь их побольше — всю бы шайку захватили и самого батьку — Махно.

Как денкиным убили мою мать?

Жили мы на окраине города, у реки. На реке стояла мельница. На мельнице жил мельник. Хороший такой ста-

¹ Рассказ Дени Крокере
² Рассказ Ошера Горюшина

рик. Звали его Осипом Игнатьичем. Когда к городу подступили белаяки, я был на мельнице у плотины. Услыхал я стрельбу — и бежать. Вдруг кто-то цап меня за плечо. Поглядел я — Осип Игнатьич. «Катись, — говорит, — домой колобаской и тщи сюда мать. Ее там зарежут, а у меня спокойно. У меня никто не тронет».

Взял я мать, брата, сестру и пошел с ними на мельницу. Осип Игнатьич посадил нас чай пить. «Поцейте, покушайте, — говорит, — а там уж запрячу вас куда-нибудь».

Осип Игнатьич уложил мать внизу в машинной, а нас наверху в чуланчике. В чуланчике стояли мешки с мукой. Так что к утру мы все стали бедными от муки.

Утром на мельницу пришли денкиницы. Двое. Один — высокий, чубатый, другой вснушчатый и кривоногий.

— Красные е? — спросил чубатый мельника.

— Нема, — ответил мельник.

— Побожись!

Мельник перекрестился.

— А жиды е? — продолжал чубатый.

— Нема.

— Побожись!

Мельник сказал:

— Верно слово, братцы, нема.

— А ты побожись, — настаивал чубатый.

— Да что ты привязался, — божись да божись! — крикнул мельник. — Говорят тебе — нема.

— Крутишь ты, хрен, — сказал чубатый, — пушку заловишь.

Он отпихнул мельника и пошел в машинную. А в машинной была мать. Мать увидела денкинца, испугалась и заплакала.

— Вот тебе и нема! — сказал чубатый мельнику. — Ну, жидовка, — важно проговорил он, — золото е?

Мать достала из кармана золотую браслетку и отдала ее денкинцу. Денкинцев, но глядя, опустил браслетку в карман.

Улица сапожников

— Шляешься чорт знает где — и покалечил ногу, — сказал он мирным голосом. — Болит?

— Ух! — сказал Ирмэ. — Так и жжет!

— Ну-ну, — проворчал Меер. — Нечего. Сам виноват. Дурня.

Он опять припал к кружке, выпил все, до капли, рукавом рубашки обер рот и снова посмотрел на сына.

— А ну! — рявкнул он вдруг громовым басом. — В хедер! Шагом арш!

Меер был когда-то солдатом и до сих пор любил команду.

Ирмэ будто вымело со двора. Он подтянул штаны, замахнул руками и, подпрыгивая, притоптывая, понесся по улице. За ним, как тень, шло густое облако пыли. Бежал Ирмэ ловко, ничего не скажешь. Он был весь в отца: рыжеволосый, невысокий, но коренастый, плотный. Крепкий нарень. Лет ему было — двенадцать.

Пробежал он, однако, немного. Шагов двадцать. На двадцать первом — он умерил бег. На двадцать пятом — пошел шагом. А на тридцатом — остановился, стоял. Постоял, подумал — и вдруг повернул. Он что-то вспомнил, — должно, смешное: шел и смеялся.

Дойдя до углового дома, Ирмэ вскарабкался по сваям наверх и просунул в открытое окно голову.

— Симхе! — проговорил он глухим и, как ему казалось, страшным голосом.

Шапочник Симхе, маленький старичок с седой бородкой, с близорукими добрыми глазами навывкате, стоял у стола, спиной к окну, в жилетке, в ермолке и что-то гладил. Как всегда, он при этом напевал. Кроме него, никого в комнате не было. Только часы тикали на стене.

— Симхе! — повторил Ирмэ тем же глухим, страшным голосом.

— А? — не оборачиваясь, сказал Симхе. — Кто?

10

— Я!

— Кто — я!

— Смерть! — Для лучшего страху Ирмэ заскрежетал зубами, зарычал.

— Смерть? Что — смерть? — не понял Симхе.

— За тобой пришла, Симхе! Готовься! — прокричал Ирмэ и, прежде чем шапочник повернул к окну голову, бух вниз и — ходу.

Пройдя немного, Ирмэ оглянулся: в окне торчала голова шапочника, моталась туда-сюда и удивленно хлопала близорукими глазами.

«Погоди у меня! — подумал Ирмэ. — Будешь, соловей, распевать! Посмотрим!»

Он был доволен, Ирмэ: шел, слав кулаки, высоко подняв рыжую голову.

«Погодите вы!»

Потом присел на край канавы у чьих-то ворот и задумался.

«Вырасту, — думал он, — я им покажу! Подумашь — «взрослые»! Раз у тебя борода до лупа, так ты и козлетоном пойд, ты и ребят дери за уши, ты и в салагах гуляй в будень. Подумашь! А ты — «мальчик, тебе куда?» Ты и в хедер ходи, ты и воду носи, ты и курить не мож. Тьфу!»

Воровато оглянувшись, Ирмэ достал из-за пазухи окурок махорочной цыгарки, вынул из кармана спички и закурил.

«Погодите! — сердито думал он, пуская кольцами дым. — Погодите вы!»

Неподалеку, на самом солнцепеке, свернувшись комком, лежал Халабес, знаменитый на всю улицу кот, облезлый, драхлый зверь, весь в плешинах, в кровоподтеках. Положив на ланы голову, Халабес спал.

11

сделать концы 12 стр.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Щука

Ирмэ сложил пальцы щепотью и стал заиметь котэ сладким мурлыкающим голосом:

— К'тик! к'тик! к'тик!

Халабес открыл глаза, потянулся, зевнул и не спеша подошел к Ирмэ. Ирмэ быстро, не теряя времени, — раз! сунул ему в рот горячий окурок. Котэ замотал головой, замыкал.

Ирмэ удивился.

— Что, брат? — сказал он. — Не по нраву? Ну? А то, может, еще? Поправится, может? Попробуем, а?

Но котэ уленствал подальше. Нет. Больше пробовать он не хотел. Спасибо.

— Балда ты, Халабес! — крикнул вслед ему Ирмэ. — Разве так-то закуришь? Балда!

— Ирмэ!

Ирмэ посмотрел и смис. Рядом стояла мать, Зельде. Она была в черном платке, накинута на плечи, а под платком оттопыривалась корзинка.

— Ирмэ!

Зельде с ужасом глядела на окурок, закатил у Ирмэ в зубах.

Ирмэ нахмурился. «Готово! — подумал он. — Поднимет теперь визг на все Ряды!»

Но Зельде не кричала. Зельде стояла, смотрела. И вдруг заплакала. Ирмэ чего-то жалко ее стало. Вот она стоит перед ним, высокая, в черном платке, и тихо плачет. Эх, ты! Он сморщился. Он и сам-то готов был заплакать. Но Ирмэ знал: мужичина плакать не может. Никак. Никогда.

Он встал.

— Тихо, Зельде! — грубо сказал он. — Глотку про-студишь!

Выплюнул в канаву окурок и важно — руки — руки в карманы, голова вверх — зашагал в хедер.

Еще за три дома до хедера Ирмэ услышал ровный гул, будто вода капилась по порогам. Двадцать шесть голосов, как один, что-то читали. Что читали — было не понять. Где тут понить, когда только и слышно, что «о-го-го» да «у-гу-гу».

«Так! — подумал Ирмэ. — Стараются! Стараются, дурье! Гудят! Эхе, завыл кто-то! Никак — Юсой? Он! А Зелик-то! Зелик-то! Вот уж верно: велик пеня, да дурень. А это кто? Мамочка, что ли?»

— Эй, Мамочка! — крикнул Ирмэ.

Мальчишка лет десяти, с широким ртом и с большими вилыми ушами, стоял у двери и ел хлеб с луком. Он поднял глаза, но ничего не сказал.

— Дай, Мамочка, куснуть разок, — сказал Ирмэ. Мамочка дал.

— Давно бубните? — прошамкал Ирмэ.

— Часа два, — прошамкал в ответ Мамочка.

— Как Щука? — спросил Ирмэ.

— Сейчас-то ничего, отошел, — сказал Мамочка. —

А с утра-то не дай бог.

— Халче вспала, — сказал Ирмэ.

Некоторое время ребята ели молча, только лук хрустел на зубах.

Потом Ирмэ сказал:

— Косому понало?

— Понало.

— За что?

— За так.

— А-а!

Молчание.

XVI Сои ирэ коґа

Ребе вєсочлэ.

Ребятэ опустллэ глаза, — и не влдлм и не слышлм, — но незаметно подталкнвлалл друг друга и подмнглвалл: Шука-то!

— Я те!...

Ребе вєсочлэ и клнулєя к двєрл. Но Ирмэ был уже за двєрью.

— Что, Шука? Много вєял? — крлчлал он оттуда и показывал куклш.

Гнлтьєя за Ирмэ по уллцє — делэ глблє. Такого долонлшь? Ребе вєрнулєя к столу, сєл и прєслдел так долго, дышл тєжєлє, с хрлном. Потом проворчлал: «ну!» И вєє двлдлдлть шєсть голєсов заллллсь кєк олдлн:

— «И голворл Саул Ионлфану...»

А Ирмэ пошел на двєр. За хєдєром был глухой двєрлнк, зарєснлшл травой и крлнлвой. Ирмэ вєбрлл мєсто в тєнл, лєт, рлстєнулєя и злснул.

Злснул Ирмэ и увлдлл сон. Глупый сон. Будто сллдлт он, свєслв ногл, на плотнлє, а рєядєм стєнт кот Хлллбєс. Нарлдллсь, чорт: шлнк-кублнк, шєлкєвлєя снлєя рублхл, поднєялнл краснлм кушлком, на ноглх — влєлєнє сапогл. Хллєст, щєгол! «Улдл ты, Хлллбєс, — голворлт єму Ирмэ. — От тєбл чєго-то рлзлнт дєтєм. Чєго-то члхлть хєчєтєя. Ну!» Но Хлллбєс не слышлт. Он чєм-то облєпокоєн. Он мєтлєт голєвой. Он флрглєт, сонлт. И влруг протлгнлвлєт ллпу и — ну щєкєтлєт ноглм, он влзлжлт, он хлхлєклєт. «Ублрлєя ты — хл-хл — к лєду! — крлчлнт он Хлллбєсу. — Уморлшь!» Но Хлллбєс не отстлєт. Он тормєшлт Ирмэ за плєчє, он голворлт, он шєчлєт члто-то: «Тєклй! — шєчлєт он злєвлєнлшм голєсом. — Тєклй, рлєжлй, покудєнл цєл!» Ирмэ открлєвлєт глєзл и влдлт: стєнт Зєслнк, злдорєवलєй нлрєнь в злдорєवलєх слнєголх,

16

смлзлншлх дєтєм. Он трлєст Ирмэ зл плєчє и злєвлєнє шєчлєт.

— Тєклй, рлєжлй, покудєнл цєл!

Ирмэ вєсочлл и — во-врємєя: к нєму подкрлдлєвлєя Шука.

«Во!» — подумлл Ирмэ. — Влпл!» И тут вєспємнлл.

— Ой, рєбє, — протєворлл он, плтьєя к злбору. — Я и злбыл. Блть-то вєлєл сєзлєт: слпогл голєвл.

Но рєбє уже сєчлл Ирмэ зл ухє. Он дєрнул ухє тлк, члто Ирмэ подлрлгнул на поллршлнл.

— Со скрлном, рєбє! Ой! — крлчлл Ирмэ, члть не пллчл от болл. — Блть-то вєлєл сєзлєт: слпогл — ой! — со скрлном!

Рєбє влруг прєсллл. Со скрлном — єто дл! Он оскллдлл большє зубы и стлл полжє на борєдлтує лєшлдь. Ухє-то он вєє-тлкл не влпусклл, но и не дєрглл большє.

— Врєшь, мєрзлєц, — сєзллл он, сєлєл зубы.

— Со скрлном, рєбє! Члто мнє нл єтєм мєстє прєвллтьєя, сєлн не со скрлном! Члтоб мнє лєпнлть, сєлн не со скрлном! — злбєжллсь Ирмэ и, тлк клк нллєцл рєбє осллбєлл, влдєрнул ухє.

Рєбє нєрєстл улыблтьєя. Он сєрдлто посмєтрлл нл Ирмэ и сєзллл:

— Врєшь вєдь, сєкєтнл! — сєзллл ол. — Смєтрл у мєнл!

— Члтоб мєнл грємом ублєлє, сєлн не со скрлном! Члтоб мнє подлвлтьєя, сєлн не со скрлном! — злчлстлгл Ирмэ. Лєвлєй рудой он тєр ухє: ухє нлєлє и горєлє, клк огєнь. Рєбє нєгрєвлл єму куллєком.

— Врєшь сєлн, — сєзллл он, — нлкурє сллщл!

— Члтоб мнє ослєннлть, кллн вру! Члтоб мнє оглєхнлть, кллн вру! Члтоб у мєнл вєє зубы...

2 Уллнл Слєплєнлєлє — 635

17

III Сын ирмэ о рех

на него, а волк — ходу. Ну, мужики сбегались, убили. Теперь застенковские каждый вечер стоят — сторожат: говорят — волчица придет. Увидит — иету волка, ну, пойдет искать.

— Ишь, ты! — сказал Ирмэ. — Понимает!
— А ты думал? — сказал Хаче. — Зверь — он понимает. Мне парнишка из Самсоновки сказывал: идет это он вечером с сенокосу, один, видит — неподалеку, в кустах — заяц. Он: «Беги, косой, до хаты! — жена помирает!» Что думаешь? Побежал!

— Скажи ты! — Ирмэ даже причмокнул. — А как ты, Хаче, думаешь, звери-то разговаривают?

— Разговаривают, — сказал Хаче. — Стариков послушать — так звери и человеческим голосом говорят. Только не верю я. Сказки.

— Брехня, — согласился Ирмэ. — Во сне другой раз бывает. Я вот сегодня во сне с котом Халабесом говорил.

— Во сне-то мало ли что бывает! — сказал Хаче. — Я раз во сне с орешником говорил. Я ему: «Почем орехи?» А он, понимаешь, человеческим голосом: «Не продаем».

— Так и сказал?

— Ну, да, как мужик: «Не продаем».

Помогали.

— Это кто тебя так? — спросил Хаче, показав на желвак.

— Монька, — прорубчал Ирмэ.

— Который?

— Монька Рашала, ну!

— О-го! — удивился Хаче. — Высоко, птаха, летаешь!

— Он у меня полетит! — проворчал Ирмэ. — Потому-ка!

— Не пачалась?

— Было дело.
— Не лезь ты к этим, — сказал Хаче. — Ну их!
— Кто лезет? — сказал Ирмэ. — Сам полез!
— Тогда дело другое. Тогда — отщепнать надо.
— Я и говорю.

— «Говорю, говорю», — сказал Хаче. — Да, видать, не ты, а он тебя. Как было дело-то? Ирмэ рассказал.

— Да-а, — сказал Хаче. — Вредный парень. Гад.

— Погоди-ка! — сказал Ирмэ. — Я ему покажу!

— Брось! — сказал Хаче. — Что ему сделаешь?

— Зубы выбью!

— Ишь ты! Домой к нему пойдешь зубы-то вынимать? Или как?

— Ну, ворота — дегтем.

Хаче почесал затылок.

— Можно, — сказал он, — ворота — это-то, конечно, можно. Только возни много.

— А вывеску? — сказал Ирмэ.

— Что вывеску?

— А вывеску свистнуть.

Хаче подумал.

— Что правда, то правда, — сказал он. — Вывеску — оно конечно. А куда ты ее?

— А к аптеке.

— А Файвеску?

— «Аптека».

Хаче захохотал.

— Здорово! С утра к Файвеску — мужики, бабы: «Мне касторку!», «А мне от клопов!» Здорово! — Он сидел и хохотал, заторменный, черный, широкое лицо — в саже, губы — белые, ровные, как один. — Здорово!

А Ирмэ — тот прямо заливался:

который уехал в далекую страну, в Америку, и забрал и письма не шлет. Они шли и кашляли глухо, как стаи рухи, а в подвале темно, сыро, что в колоде, и гнусно пахнет чем-то кислым, — клопами, что ли, — и по стенам пышно цветет плесень.

Над подвалом, в тесных комнатках, жили сапожники, портные, шапочники, скорняки. В каждой такой клетушке — только стол да стул, да кровать о трех ногах с разбитой спинкой. На кровати — семья, девять душ, а за столом — десятый, отец-кормилец. Он проворно сучит драгату или кроит карман, а за спиной — провады ты пропадом! — хнычет ребенок, верещит жена, и сосед углодливо встречает заказчика, а заказчик сердится, кричит: «Да что! да как! да я тебя!»

Выше, в третьем этаже, шесть человек тачей выдывали полосатые молитвенные одеяния — талосы. Чтоб скоротать время, — с шести утра до восьми вечера, шутка ли, — тачи, как и девушки-портнихи в подвале, пели. Но девушки пели тоненькими приятными голосами, тачи же рывали, как быки. Умолкали они только тогда, когда появлялся хозяин Оре, могучий человек с могучей русской бородой по поясу.

А на самом верху, на чердаке, под крышей, умирала старуха-нищенка Мере, и потому-то наверху в ее каморке день и ночь горел огонь. Старуха ласкает одна. Забегает на минуту соседка, крикнет: «Как, Мере? Жива — нет?» — и опять никого, одна. Старуха глядит на огонек, слышит, как гудит и стонет под ней дом, «Высокий курятник», и думает, что зря ее господь забрал, — прибрал бы он ее поскорей, и спасибо ему.

Ирме и Неах, повеселевшие, спокойные, шли домой. Они шли чинно, не спеша, руки за спину и говорили тоже не стена, степенно.

— Нет, — говорил Ирме, — как хочешь, а сапожлос

дело, это — не то. Не то, не то, Неах. Сиди, как проклятый, за верстаком, спишу лодай. А тут и мухи и клопы, и дитя пищит, и жена визжит. Не то. Конечно, самая беда — жена. Я уж, Неах, думаю, что, может, не жиниться мне, а?..

— Глянь-ка, Ирме, — сказал Неах.

У «Высокого курятника», на улице сидела дурочка Файтл. Перед ней на земле лежали моток черных ниток и спица. Но она не вязала. Она уныло глядела на моток и, поводя пальцем, говорила с ним как с человеком.

— Понимаешь ты, детка, — говорила она мотку, — слылю это я, слылю и вижу сон, будто стоит это покойный дед, дай ему бог здоровья, будто стоит это он, стоит, и будто вдарю бородой махнул. «Ой, говорю, дедка, чего это ты, говорю, бородой махнул?» А он, — Файтл всплеснула руками, — а он как заплачет, как заплачет. «Ой, говорит, внучка ты моя, Файтл, я же, говорит, вот сейчас, вот только что потерял конейку, конейку, конейку...» Ай-ай! — Файтл вдруг завывала.

Ирме подошел к Файтл и сказал:

— Ну-ну, — сказал он, — нечего. Вот она, твоя конейка, — и показал ей кукиши.

— Что? — сквозь слезы проговорила Файтл.

Но Ирме уже занялся другим. На пороге своей лавочки — зарючка была в клопную норку, и товару в ней было едва на три пятнадцатых — сидел пригожий инвизись лавочник Фишль, убогий человек, подселенный и глухой. Он был в валенках и в зимнем ватном пальто, хотя на улице было ясно и тепло. Фишль тупо глядел себе под ноги и молчал. Он сегодня торговал на восемь копеек, а с этим как домоф-то придешь? — семья голодная, а дома пусто. И вот он сидит и ждет, не придет ли покупатель. Но покупатель не шел. И Фишль ждал.

Препарица Лейбе IX

— Скажи ты. А ведь работник-то он был хороший. Работал-то ведь он много.
 — Работать-то он работал много, — сказал Ирмэ.
 — Во, поди ж ты, и много работал, и голодал, — удивился Лейбе. — А Файвел Рашалл, как думаешь, голодает?
 — Ну! — сказал Ирмэ.
 — А ведь ничего не делает, баклуши бьет, — сказал Лейбе. — А его щенок? Как его, Монька, что ли? Он подчас и шоколад жрет. Как думаешь?
 — Жрет.
 — То-то и оно-то. Нескладно как-то получается, ребята.
 — А отчего это? — сказал Ирмэ.
 — Оттого, — сказал Лейбе. — Порядок такой.
 — Какой?
 — А такой, — сказал Лейбе, — что вот, к примеру, получил? А Файвел ничего не делал. «Куплю — продаю». А глянь — в кармане тыща. Во. А то, скажем, батрак в имении. В Орловичах, скажем. Долбит носом землю, потеет, а кому деньги идут? Хозяину. Вот он, порядок какой.
 — Как же т-так? — сказал Алтер.
 — Так уж, — сказал Лейбе. — Порядок-то установил кто? Хозяин. Ну, понятное дело. Вот, к примеру, поры бы собрались да, скажем, посадили бы нашего Стену царем, чтоб порядки наводил. Он бы как? «Первый человек в городе — вор. Он что взял, то и его. А ты, дурак, кланяйся, а заругаешься — в острог». Так?
 — Так, — сказал Хаче.
 — Вот и эти, — сказал Лейбе. — Чего тут спрашивать? Дело ясное.
 — Да-а. — Ирмэ вздохнул. — Несладно как-то.

— Ничего, рыжий, — сказал Лейбе. — Погоди. Придет время — порядок наведут другой. И такой, что ест тот, кто работает, а кто не работает, тот и не ест. Тогда-то, рыжий, будет ладно.
 — А будет это? — усомнился Ирмэ.
 — Увидишь. Увидишь, рыжий, — сказал Лейбе. — Оно, конечно, — добавил он, погоди, — дело это не простое. Нелегкое это дело. Богачи — они без боя не уступят того, что нахватали. С ножом попрут, с бомбой, а только нас много. И терять нам нечего. Ох, и бой будет! Страшное дело.
 Лейбе замолчал и молчал долго. И ребята притихли. Слышно было, как где-то на слободе сильным голосом кричала баба: «Митюха, а, Митюха. Иди же!» Подождет, и опять: «Митюха, а, Митюха!»
 — А потом-то, Лейбе, что будет? — тихо сказал Алтер.
 — Потом-то, Алтер, хорошо будет, — сказал Лейбе. — Все работают. И всем хватает. Земля — она богатая, всем хватит.
 — Хорошо бы, — сказал Ирмэ.
 — Увидишь. Увидишь, рыжий, — сказал Лейбе. — Еще покажуй, и сам-то поворнешь. Повоеем, ребята?
 — Надо будет — повоеем, — сказал Хаче. — Мы не против.
 — Молодец, Цыган. Молодчина. — Лейбе взял Хаче за грудину и потряс. — Ух, ты! — сказал он. — В батьку почесал. Дуболом.
 — Ничего, — сказал Хаче. — Силенца-то есть.
 — Ну-ну. — Лейбе встал. — Который час, ребята, как думаете?
 — Часов двенадцать, — сказал Алтер. — Петухи поют.

— Ладно, — буркнул Ирмэ, — не гуди. Хаче посмотрел на него, усмехнулся.

— Горыне ми с тобой ребята, рыжкий, — сказал он. — Как думаешь — кто кому первый башку проломит? — Я-то дожидаться не стану — не бойсь! — пробормочал Ирмэ.

— Так. Запомним. — Хаче дошел до своего дома и остановился. — Завтра приходит пораньше, — сказал он зевая. — Работы — нуд.

Ирмэ остался один со свертком в руках. Сверток был большой, тугой и крепкий. Ирмэ осмотрел его со всех сторон — хорош! — и сунул за пазуху. Так-то ладно будет.

«Куда бы пойти?» подумал он.

Домой чего-то неохота. Дома — вонь и тараканы. Успешет домой. Сторожек поискать, что ли?

Ирмэ вышел на базар. Прямо над головой стояла большая луна, освещающая площадь, церковь, лавки. Все под одним навесом, лавки эти были сейчас похожи на старинные галереи. Посреди базара, как башня, возвынялись «ятки» — одна сторона освещена луной, другая — в тени. Везде — подле лавок, подле «яток» — стали козы. У церкви, на земле, лежала такая же церковь, со звонницей, с крестом, только черная. Лунина дорога через все местечко уходила куда-то вдаль, в поле, где легкий туман плывал над темными пригорками деревень. Было так тихо, что сонный гул воды в мельничных шлюзах казался ревом водопада, а щелбет двух птиц где-то далеко — громким разговором. «Кру-кру, — что слышь?» спросила первая птица. «Кру-кру, — как можно!» ответила вторая.

«Эх, и ночал!» подумал Ирмэ.

Он прошелся по базару. Дошел до «яток». Повернул. Оглянулся. Осмотрелся. Ни души. Пронали сторожки.

146

X Черихон!

«С чего бы? — подумал Ирмэ. — Слушалось что?»

Но Р'эда снали глубоким мирным сном. И поля во-друг, и луга, и деревни, и перелески — все спало. Один он не спал.

«Всхраннуть бы!» подумал Ирмэ. Он спугнул какого-то дряхлого козла и улеся на его место у дверей лавки. Место было насыщенное, теплое. Жестковато. Да не беда — Ирмэ и дома-то спал не на луговой перине.

И только он улеся, как вдруг исподалеку подле церкви увидал человека. Человек этот был огромного роста, черный и бородастый. Не старыл, лет так под сорок. На голове — натный трехх, а ноги босые, корявые ноги. Он сидел у церковной ограды и пальцем по земле чертил круг. Начертил, достал налочку с насечками, обмрил, сердито плюнул и, передвинувшись на шаг, начал с начала.

«Что он?» удивился Ирмэ.

Встал, подошел поближе, присмотрелся. Человек в эту минуту мерил новый круг.

— Ух ты, криво, — спросил он, плюнул и стал засыпать круг травой.

Ирмэ осмелел, — человек-то, видимо, иносасный, — он присел на корточки и посмотрел на круг. Верно, кривой.

— Это вы что делаете? — спросил он.

Человек оглянулся, смерил Ирмэ спокойным глазом и, продолжая засыпать круг травой, лениво сказал:

— Я, Черихон, — сказал он, — делаю луные часы.

— А ведь меня звать-то не Черихон, — сказал Ирмэ.

— А я говорю — Черихон, — сказал человек.

«Эге, — подумал Ирмэ. — Вот оно что». И сказал:

— А зачем тебе часы?

— А клад найти.

— Какой клад?

147

— А шесть кадушек золота и шесть полунек се-
ребра, — сказал человек. — И еще другой. Земля — она
богатая, всем хватит.

— Да часа-то тебе зачем?

— Бремя знать. Полночь.

— Изволь на это дело, — сказал Ирмэ. — Полночь
уже прошла.

— А я говорю — не прошла, — сказал человек.

— Ты откудова? — спросил Ирмэ.

— Из Застенок.

— Что-то я тебя не знаю, — сказал Ирмэ. — Ты чей
там будешь?

— Паши.

— Чей?

— Паши.

— Да ты, дядя, пьян, — сказал Ирмэ.

Человек укоризненно покачал головой.

— Чего прешь-то? — сказал он. — И во рту не было.

— Во рту-то не было, — сказал Ирмэ, — а в глотку
попало.

— А я говорю — не попало, — сказал человек. — На,
нюхай.

Широко открыл рот и задыхал, как загнанный конь.

— Нюхай! Ирод!

— Чего там — нюхай? — сказал Ирмэ. — Ясно, пьян.

— А я говорю — не пьян.

— Мало ли.

— Нюхай, пес! — крикнул человек.

— Захлопни пещеру, — сказал Ирмэ. — Не стану я
нюхать.

— Не станешь?

— Не стану.

Человек вдруг вскочил и, прежде чем Ирмэ успел
отскочить, провел бородой по его щеке.

— Отстань! — крикнул Ирмэ и — проснулся.

Козел, которого он недавно спугнул с места, стоял
рядом и тыкался бородой ему в лицо.

— У, чорт, напугал как! — сказал Ирмэ и сра-
маху хватил козла кулаком по носу: тот поспешно от-
ступил.

«Который это час?» подумал Ирмэ.

Не понять было, который час. Все так же светит ме-
сяц. Все так же тихо и пусто на базарной площади.
У дверей лотков и лавок все так же дремлют козы.

«Пойти домой, что ли?» — подумал Ирмэ. — А то
гоставать рано».

Но тут он услышал разговор. И разговор занятный.
Говорили будто двое. Их не видно было. Должно быть,
сидели они где-то за лавкой. И что-то ели, — слышно
было, как они чавкают.

— Клад искать надо в самую полночь, — говорил
один густым как труба голосом. — Место выбери гу-
лое, так чтоб — ик... ик... Икается чего-то, — сказал
он. — С чего бы?

— От брюквы, — сказал другой голос, до того про-
зительный, что Ирмэ вздрогнул. — Брюкву — ее есть
нельзя. Брюкву — на нее плевать надо.

«Вот дурака», подумал Ирмэ. Он хотел встать, посмо-
треть, кто там, и вдруг понял: «Гиле», понял он.

— Брось ты брюкву-то трескаться, — говорил кто-то
пронзительным голосом. — Что в ней проку? Ни на
есть.

Ирмэ выглянул и увидел Симона, местного во-
доза Гиле и Малкисла, бондаря. Они сидели подле
«яток» и с хрустом улетали здоровую брюквину, вели-
чиной с горшок.

— Шумят на весь базар, — сказал Ирмэ, подойди. —
А мне тут из-за вас дрянь всякая снится.

XIII Сои мре собаи

Он не спал, и глаза у него были открыты. Он ясно видел лунный свет на полу, рогаки, веревки. Не во сне видел — наяву. И наяву же видел старика-богомольца, которого он вчера встретил на дороге. Старик сидел на берегу реки, — а река-то была мелководная, узкая, — «неужто Мерей?» — дивился Ирмэ. Старик закинул в воду удочку, поплавок качался наверху, а рыба не шла. И старик сердился. «А всё они, лавочки! — ворчал он. — Дерут с живого и с мертвого, — рыба-то и не идет. Не дура, понимает». «Не смей их трогать! — На берегу вдруг появилась Кривоуб. — Не смей их трогать! — кричал он, — они божьи». «Все мы божьи, — лениво сказал беженец в поддевке, — а, между прочим, немед нас бысть». «Так те и надо!» прокричала с дерева ворова. «Шалишь, брат, — пропумел ветер, — ш-ш-ш-ш-ш!» Ирмэ уснул.

Не во-время уснул он, Ирмэ. Только он уснул, как месяц стал бледнеть, меркнуть, звезды — гаснуть одна за другой, и по небу поползли тонкие полосы зари. Если бы он не спал, он бы понял, Ирмэ, что наступает утро, что дальше торчать тут нечего, что уйти надо, пока не поздно. К тетке, к дядьке, к чоргу на рогу.

Но Ирмэ спал. Ирмэ спал и видел чудный городок — Горы. Никогда не думал он, что Горы — они такие. Всего, во всех Горах, четыре дома. Каждый стоит особо, на искусственно насыпанном валу. И у каждого дома — пес. Псы по-человечьи лунчат семечки и по-человечьи переговариваются.

— Ох, — вздыхает, зевая, один. — Завтра — пятница. Надо запарить тесто на халу, а дрожжей-то нету, не до-стать.

— А ты — керосином, — советует второй.
— Газве годится? — удивляется третий.

191

ниями мертвых морей и гор. Двор Рашалла, как когда-то, показался Ирмэ целым городом — и улицы, и площади, и переулки, и тупики. Прямо от ворот к амбару шла широкая дорога. От дороги к навесам, к саралам убегали боковые тропинки.

«Дела! — подумал Ирмэ. — От Меньки бегу — и у Меньки сизку. Индоку-то, пожалуй, и не снится, что я у него на складе. Узнал бы — ух, дело бы было. Однако, рыжий, смотреться отсюда надо. Место-то больно неподходящее. Который это час?»

В окошке Ирмэ видел край неба и на небе — луна. Не понять — зорится, нет. И петухи не поют.

«Ладно, — решил Ирмэ, — покурю и пойду».

Он растянулся на рогаках. Закурил. Хоть последни-то пять минут понапознать. Ведь дорога-то до Гор немалая.

«Так-то, — думал он, похихивая цыгаркой. — Значит, вот они дела какие, индюк. Ты, значит, спишь и во сне видишь, как бы это меня спалить. А я, значит, тут же, под боком, лежу, покуриваю. Табачок-то, конечно, не того, не «Стамбул 1-й сорт». Но ничего, курить можно. Да. А много бы дал, чтоб спалить? Красненькую бы, небось, не пожалел. А то и четвертную, а? У, собака!»

Ирмэ сжал кулаки, приподнялся, будто рядом стоял Мона. Но Мони не было. Были пустые склады, рогаки, веревки и лунный свет на полу.
Ирмэ опять лег.

— Ладно, рыжий! — проворчал он. — Ничего!

Было тихо. Очень тихо. Где-то близко промичала ко-рова. Ей, верно, приснилось, что утро. Но, выглянув из хлева, она увидела, что час еще ранний — одна луна по небу ходит, а люди и звери спят. Она вернулась в хлев, легла и уснула. Больше ее не слышно было.

«Линь бы не заснуть», думал Ирмэ.

190

— Все годится, кроме ситца, — скороговоркой лопочет четвертый, чем-то похожий на Зелика-брадобрея. Первый обиделся.

— Бреешь ты! — сказал он.

— Ей-богу, не вру! — сказал второй.

— Нет, врешь!

— Нет, не вру!

— Нет, врешь!

— Тихо, — сказал третий, — кто-то идет.

Это идет он, Ирмэ. За спиной у него — котомка, в руке — посох.

— Где тут живет тетя? — спрашивает он.

— Во рву за канавой, — недружелюбно отвечает первый нес и глядит на Ирмэ голодными глазами и заходит справа. «Сейчас хватит!» думает Ирмэ и, чтоб оттянуть время, говорит дальше:

— Которая с крав?

— Чего не знаю, того не знаю, — скороговоркой лопочет четвертый и заходит слева. «Окружают!» думает Ирмэ и, весь дрожа от страха, кричит:

— Ее зовут Хаше-Пера!

Но уж первый нес раскрыл часть величиной в тарелку, а четвертый, похожий на Зелика-брадобрея, прицелился, изловчился и — хват за ногу.

— Ая! — кричит Ирмэ. Он беспокойно срывает, дрогает ногой, но не просыпается. Зря! Если бы он сейчас проснулся, он бы увидел Авдотью, прислугу Рапшалла, толстую курносую девушку: она вышла из дому и чего-то полезла на склад. Он бы увидел, как стремительно Авдотья вдарит кинулась в дом и какая тут бегодня, сумятица поднялась в доме. Увидел бы это Ирмэ и, быть может, уснул бы еще во-время схорониться, уйти. Кто знает? Но Ирмэ спал и видел сны.

192

И вдруг проснулся. Его разбудили чьи-то тяжелые шаги на лестнице и чей-то сильный голос: «Да где он?» Еще не открывая глаз, Ирмэ понял: бежать! Но когда открыл — увидел: поздно! На склад поднимались Кривозуб, Белокоп, Семен и Мона. Мона был без шапки, в ночной рубашке, босой.

— Да где он? — сказал Кривозуб, оглядывая склад. Мона протянул руку и показал на Ирмэ:

— Вот!

Лихово

XII Фомклар

му: не «нячсцики» — «шейдм». Но ведь один чорт, что «сидит», что «шейдм». Хуже было то, что эта мразь засела по всех углах и не отступает ни в какую. И потом — покойники. Много с ними было хлопот. Явится вдруг такой из тар-тарары и ну — стучаться под окно: «Открой! Открой!». А то — обернется спиной, боржом, — и о самую полночь побегит по улицам с хрюканьем, с визгом. Кар-ра-ул! Местечко всполошится, не спит всю ночь, а ведь с утра за верста!

Так и жили: с одной стороны — пан, урядник, шинкарь-процентник, с другой — домовик, лесовик, суевские, невежество. А кругом болото. А небо бледное, пустое какое-то. А солнце мутное, как в тумане. И комары, и мошкара, и грахоха, и колтун.

Трудно жили.

Не все, однако. Тут яс, в пиних же этих полесских деревнях, местечках были такие, которым жилось легко, ситно. Эти — сеяли редко, а жали густо. Появится в деревне какой-нибудь Антон Гришук или Никола Николаев, мужик хитрый, агрессивный и на все руки мастак: он и староста плотничьей артели, он и мельник, он и коновал, и — первое дело — вор и пройлоха. И вот — глядишь — разжился человек, сколотил человек леньгу, полный сундук: поверх — целкаши, подниз — катки. Исполволь, без шуму — когда? как? — а он уж — смотришь — прикупил земли десятин тридцать, справил ладных коньков пару. Да две пары поплоче, налил работников и пошел хозяйничать да наживать. А наживать он мастер, — оги! — за версту копейку сын, стязатель такой, что — оги! — за версту копейку берет, сапоги в запялах. А ведь всю деревню, дьявол, в руках держит. Уж перед ним всяк шапку ломает, что перед попом. И то сказать: попробуй — не поклонись. И уж какой-нибудь Микитка Волдырь, мужичонко пьяный, в драгом анпунишке, подоясанном веревкой, с сияжком под левым глазом, тянется к руке и называет его «твоим благородием».

В местечках тоже. Чорт его знает как, голо же вокруг, народ, что порковная крыса. Белен, сир, а вот — на тебе: какой-то там «бакалейная лавка Ф. Саркин» сбил себе ка-

5

так, что выедет, скажем, телега из Острова, а уже в Пого-сте, — километров за тридцать, — слышно, как она стучит.

Сейчас немного уже осталось таких-то мест в белорусском полесье. Огромные пространства пошли под торфяные разработки. Тысячи гектаров осушены, всаханы, засеяны. Выдешь из лесу, где мхи и топь, где тропинка скачет с кочки на кочку, — и вдруг встретится тебе человек в высоких болотных сапогах, с кожаной сумкой через плечо, топограф, осунувший — или белоголовый полешук, рабочий-торфяник, который обхватил обеими руками трубку полевого телефона и кричит на все полесье: «алле! контора! двенадцатый говорит! девят-над-цать!» А вот еще недово, лет тридцать-сорок тому назад, это был мертвый край, пустыня. От деревни до деревни — два дня ходу, по болотам, по оврагам. Мужик — голый, нищий, на груди — короста, на голове — колтун. В сорок лет он уже старик, инвалид. А земля злая. Весной пашешь по брюхо в воде, осенью жнешь под дождем, в тумане. А соберешь урожай, — и много ли? — дай бог дотянуть до Сретенья, — и уже — глядишь — прут со всех сторон эти, хозяева: пан, урядник, шинкарь-процентник, все тут, всем давай. И дашь. Что станешь делать? А сам сиди на мякне с лесодой. И молчи. Вот: боронил, сеял, молотил, а куда пошло? кому?

Однако, мало ему, полешуку, было хозяев, — еще надо. Насадил он их вокруг три поля — куда ни шель, — везде хозяин, госнодарь, болжок. В хате, — под печкой, — он рец древний и кашлатый. Как печешь хлеб — так кинь ему корочку, да еще при этом шею гни, клаяйся: «прими, хозин, честной домовою, хлеб-соль» — не то осерчает. А с ним шутки плохи: просто — навалится ночью и задумит. На гумне — хозяин гуменик. В воде — водяник. В лесу — лесовик, лесий. Под каждым кустом, в каждом дупле — злой дух, «нячсцик». Осторожно иди, на цыпочках: авось, не замстит, лукавый, авось, не тронет. А на деревне — пог: задрал к куполу бородине, палды растопырил и сылет, сылет: «смола, геенна, пенць огненна». И тоже надо давать, умягивать. «Дай! Дай!» — только и слынишь. А взять-то откуда?

Это у белоруссов, полешуков.

У евреев — в местечках — нежить пазывалась по друго-

4

X 178 *отмирашек*

Старуха смотрела большими застывшими глазами в одну точку, в угол и молчала. В груди у нее что-то колокотало и билось.

Старик положил. И ждал долго.

— Нет, — поникнув, сказал он, — нет, старики, — сказал он и отшел от кровати, — не дано нам поднять зареся. Как из тьмы пришли, так во мрак и уйдем. Такова, верно, воля господня. Аминь!

— Аминь, — покорно пробормотали старики.

Потом старики понуро брели берегом, — дом Ноймэ стоял у реки, — шли, кряхтели, а вокруг них ухало и бухало, — лопухинские чинили мост, забивали сваи в воду. Потные, полуголые, в одних портах, они то — всей артелью — налегали на канат, тянули вверх железную бабу, то, ухнув, разом отпускали ее. Сорочапудовая болванка с визгом скользила вниз и, глухо клянувшись, ударяла по свае. Канат тянули все, вся артель. Только двое не тянули: староста Гаврилыч, косоглазый, он распорядился, и одноногий, он пел. Он, одноногий, был запевалой, артельным поэтом. Работали под «дубину», — веселей так работалось, дружнее. И вот, пока тянули канат, одноногий высоким горловым голосом пел. А пел он обо всем, что видел: о человеке, о лодке, о рыбе, о звезде.

Когда мимо проплелись старики, Цалэ и его одноножки, — «поэт» хитро мигнул им и протяжно пропел:

Пашли жалки в спятогу
Памагытсья своему богу...

И, взмахнув рукой, скороговоркой:

Эх, ду-ба-вушка, да-ух-меш!

Был девятый час, по-лиховски — позднее утро. Уж часа три, почтай, как все на ногах. Ткач щелкает челноком, сапожник заколачивает гвоздь в сапог, кузнец бьет молотом по кувалде, женщина гремит горшком, девочка качает люльку, в которой ворочается и плачет и грызет синий кулачок семейная сестра, коза подымается на задние ноги и тычется мордой в соломенную крышу, курица кудахчет, петух кричит. Шумит городок.

И только на одной улице, — вернее не на улице, а на поляне в конце Лихова, — все тихо и покойно. Здесь, как два

23

Нсах остановился и жалобно сказал: — Слыхали, тесь, несчастье какое? очистили! а?

Старик не ответил. Он задумчиво и торжественно проиш-л вперед.

— Да куда вы, тесь? — крикнул ему вслед Нсах.

Тогда старик повернул голову и негромко сказал: — К Ноймэ идем. К воскресней.

Ноймэ, — старая старуха, ровесница Цалэ, — год целый болела и вчера поздно вечером скончалась. Остановилось дыханье, не билось сердце, похолодели руки — ноги. Умерла старуха. Тут, как полагается, заплакали сыны и внуки, зеркало в зале затянули простыней, зажгли свечу и пошли звать обывальщиц. А оказалось — ни к чему. Вдруг в глухую ночь пору старуха вдохнула, потянулась и открыла глаза. Ожила. В общем — удивила бабка. Пришел лекарь, осмотрел старуху и сказал, что бивает. «Бывают», — сказал он, — такие случаи. Глубокий обморок. Ясно. Но в местечке сказали, что лекарь дурак и брешет. Тут — чудо, воскресенье из мертвых, шуточное ли дело, а он «обморок». Балда! И снарядили к старухе леутацию в составе трех стариков во главе с Цалэ узнать у ней, у воскресней, что на том свете делается, как там. Вель она — не много, не мало — шесть часов там пробыла, кой-что узнала, конечно.

Ноймэ лежала в постели, до подбородка укутанная ватным одеялом, и широко-открытыми, безжизненными глазами смотрела в угол, туда, где на тонкой наутинке качался тонкий паучок. Стариков — друзей детства — она не узнала. Цалэ склонился над ее изголовьем, — другие старики стали по бокам, как стражи, — нагнулся к самому ее лицу и громко сказал:

— Ноймэ, — сказал он, — все мы в руках божьих: того он милует, этого казнит, а тебя, говорят, он воскресил, а? — А? — согласно пробормотали старики.

Старуха молчала.

— Ноймэ, — продолжал Цалэ, — нас к тебе прислала святая община лиховская. Скажи нам, Ноймэ, что ты видела там, по ту сторону, а?

Старуха молчала.

— Слышишь ты меня, Ноймэ? — спросил старик и ниже нагнулся.

22

XIII Ходячий шерстяной

— А почему? — не понимал скорняк.
 — А потому, что не божественное это дело стрижки-брижки, — сказал сапожник.
 После этого заговорил бондарь, пожилкой человек с коротким, пухлым носом, напоминающим косточку от сливы.
 — Мессия, — сказал он, — может припереться каждую минуту. Так? А только он припрется, так тут сразу — трам-тарарам — и встают мертвые из гроба. И вот посоветуйте, люди добрые, как бы это так сделать, чтобы не встал процентщик Сендер?
 — А зачем тебе? — удивился скорняк. Он был дурак и всему дивился.
 — А затем, — сказал бондарь, — что Сендерке, земля ему прахом, первым делом меня к суду пританет. Я ему, скажыте, девять рублей остался должен.
 — Не оттого то-ль он и скапнулся? — сказал сапожник.
 — Отчего, то есть?
 — Оттого, то есть, что ты денег не дарал.
 — Эй-богу, — уже серьезно сказал бондарь, — первое время, когда Сендерке помер, я все боялся, как бы он с того свету не пришел за деньгами. С него станется. Знаешь?
 — Вполне, — сказали сапожник и скорняк.
 Портной Липе, личность бывшая — случилось, верст за двести от Лихова сдвиг, — сказал так, — а Липе скажет — не сбреднет.
 — В Острове, — сказал он, — был такой случай: помре староста. Ну, помре и помре, дело — как говорится — житейское. Однако, все плачут, заливаются. Жена, две дочки — те прямо убиваются. То есть, сами понимаете, каково это им, — скончался-то ведь кормилец, а раз кормилец, так сказать, скончался, то и кормежка, так сказать, кончилась. Так? Ну, а сын, Шая, тот ничего. То есть, представьте, даже дополен, даже рад. Смеяться-то он не смеется. И саборот, — будто даже и плачет, глаза наслезявил, полдней, да не то, все видят, что не то. Единственный сын, сами понимаете. Ну, ладно. На другой день — в понедельник — похоронил старосту, похоронили чин-чином, как полагается. Будто все? Так нет. На седьмую ночь покойник — представьте — возьми да и завис к сыну, к Шаяе. Вонсел в комнату, — стал, стоит. Потом сел. Посидел, помолчал и задрогал. И — представьте — такое заговорил, что удивительно. Покойник ле-все-таки, а он, представьте, непотреб-

ное что-то понес. «Суткин ты сын, — говорит, — подлая твоя порода, на наследство на отцовское зарился? Болячка те залави!» и все в таком роде, садит и садит. А под конец и совсем пехорошо себя повел.
 — А что? — спросил скорняк.
 — Да в роде, как козел. И сквасть-то стыдно. Тыфу!
 — Да-а, — скорняк с завистью вздохнул, — везет людям! Вот ведь какие в друтих-то местечках дела бывають. И уж каждый день у них что-нибудь такое-этакое. Будьте покойны. А у нас — ни шиша. Гиблое место.
 — В местечках — что? — сказал бондарь и посмотрел на Липе, — вот в больших городах — там, верно, такое увидишь, что и не поверишь. Просто — сказка.
 — В больших городах, что в больших кабаках, — важно сказал портной, — за всем не уследишь. Сами понимаете. Но кое-что случилось мне видать, то есть, наблюдать.
 — А например? — полюбопытствовал скорняк.
 — А например лошаля, которая считать умеет. То есть, скажыте ей: «четырежды четыре?» а она: «шестнадцать!».
 — Так и говорит? — скорняк от восхищения выдупил глаза и рот разинул до ушей.
 — Говорить не говорит, — сказал портной, — этому ее еще не научили. А копытом показывает. Факт.
 — Раз считать умеет, то и говорить умеет, — сказал сапожник, — а не говорила, значит при тебе не хотела.
 — Ясно, — сказали скорняк и бондарь.
 — Зато и цацкается с ней, — сказал портной, — мне рассказывали, — ее прямиками кормят, право слово.
 — Да что ты?! — ахнул скорняк, — а что бы стать такой лошаляю, а? Лучше не нало.
 — Да-а, — сказал портной, — неправильно бог устроил мир. Лошаль журует, человек голодует. Нехорошо.
 — Никуда! — сапожник безнадежно махнул рукой, — просто сказать — никуда!
 Спотыкаясь, нагая, по улице бегет Аггей, сапожник, тот самый, который вчера пропил штבלасты приказчика. Оно так и вышло, как он ждал: Тодреске смазал его по физиономии, ругался, кричал, чуть, холера, не надорвался от крику и, пригрозив напоследок судом, хлопнул дверью и ушел. Аггей же — в сердцах — опять написал, нарезался, мялята, до скотского подобия. Сейчас-то он возвращался из шинка домой, шел, икал, — спотыкался. Но, увидев на завалянке сразу четверых знакомых, Аггей, как ни был

XVII Сон *מוסד ארבע*
Идиш

— Так уж. Ну, спокойной ночи, реб Ошер. Каганец-то тушить?

Хромой лег, но заснуть не мог долго. Он ворочался с боку на бок, накрывался с головой одеялом, складывал одеяло, но не было сна. И яви не было. Была дрема, полусон. Он слышал все, что делалось вокруг: Ошер разделывал, ворча, что-то и шмыгал носом, верещал сверчок за печью, в окно стучал дождь. Явь. А вот у стола стояла мать, Мэре, та сама, что умерла девять лет назад. Хромой ясно ее видел. Она была в прачечном: платье дешевенькое, но чистое и без заллат, претной попушалок узлом завязан у подбородка, в руке носовой платок, сложенный в четвертушку. Когда-то — в молодые дни — она так одевалась на паску. Хромому чего-то жалко стало матери. «И скучно же ей! — подумал он, — слова некому сказать». Он совсем расстроился, хромой. Он всхлипывал, по его лицу текли слезы. «Одна осталась, — думал он, — слова сказать некому». Он еще раз сквозь слезы посмотрел на мать и... что такое? Уже ее не было. А стола у стола птица. Удивительная птица: клюв длинный, что у цапли, ноги толстые, что у слона, а на ногах шевровые птйблэты. «Снится» — подумал хромой и проснулся.

В комнате было темно и в темноте шла непонятная, ночная жизнь вещей: сухо треснул табурет, будто вздохнул, горшок звякнул — муха его задела, должно быть, — по стене скользнул ухват и вот упал, грохнувшись. Сверчок было затих, задумался. Но ненадолго. Он вдруг опять запел, заверещал, зацкал. Было душно. В окно бил дождь.

«Уснуть бы!» — подумал хромой. Он лег на живот, раскинул руки, головой уткнулся в подушку, зажмурился. И, действительно, уснул. Но спал он беспокойно: метался, дрыгал большой ногой, скрежетал зубами, стонал и говорил что-то. Говорил невнятно, шамкал, а не говорил, но шамкал злобно, грозилась, рычал. А под утро — на рассвете — вдруг завыл, тоскливо завыл, по-волчьи. Ошеру со сна-то померещилось, будто под кровать забралась собака, бурый пёс.

— П-пошел вон! — косноязычно и не открывая глаз про- бормотал он, — п-побью, п-подлая!

— Хоть бы он опомел, старый козел! Хоть бы у него язык отнялся! Господи!

Ошер оскеса на полуслове и жестом показал, что, дескать, плохо наше дело, как-к, придется замолчать. Он под- нял вверх палец в знак того, что бог свидетель, до чего ехидная старуха.

— Он, какая! — старик закатил глаза, понюхал верхнюю губу и сморщился, будто нахна губа чем-то невкусным. — Вельма, — таинственно поведал он, — настоящая вельма, прости господь!

Хромой был доволен «вельмой». Молодец-баба. Но из вежливости тоже сморщился и сочувственно кинул: пони- маю, — мол, — да что тут делать? Беда! И, не теряя вре- мени, шопотом, спросил:

— Реб Ошер, — сказал он, — как мать?

Старик сделал вид, что не слышит. Вместо ответа он взял с полконника каганец и на цыпочках, худой, суту- лый, пошел зачем-то к печке. Скоро, впрочем, он вернулся, держа в одной руке тарелку с гречневой кашей, в другой — ломоть черного хлеба. Каганец он оставил на печке.

— На, — сказал он, — поешь. Ты же с дороги есть хо- чешь.

«Умерла», — понял хромой. И спросил: — давно?

— Давно, — виновато ответил Ошер, — на паску девять лет. — И в утешение поспешно добавил: — легко она скон- чалась, знаешь. Как птйчка. Зевнула, потянулась и — го- тово. Завидовали многие.

— Так, — хромой встал, — так, реб Ошер, — сказал он, — ну, давайте спать, что ли.

Устраняя гостя постель, — на печке, под самым потол- ком, — старик все так же виновато и шопотом спрашивал:

— Ну, как ты теперь? Надолго к нам? Работать будешь? Жениться?

Хромой не отвечал. Но старика это не обижало, он про- должал говорить, как бы самому себе.

— Квартирка-то тебе теперь понравится. Ясно, понадо- бится. Так в чем дело? Вмеду. Слова не скажу — выведу и все.

Хромой пожал плечами: Зачем? Живите!

— Живите, реб Ошер, — сказал он вслух, — не понадо- бится мне квартирка.

— Как-так? Почему?

Leban

— Ладно, Афонька, — сказал он, — ничего. Я ведь так. Ты мне другое что скажи: чего это ты пьешь на дворе? В доме разве места мало?

Афоня притянул хромого поближе и зашептал ему на ухо, тихо:

— Есть место, — сказал он, — есть. Не об том разговор. Да в доме-то Глашка, понимаешь. Сидит на печке, вост. Чего?

— Как бы это тебе сказать? — замылся Афоня, — одним словом — обидел я ее. Она, понимаешь, голодная — и мичит. А я, понимаешь, и сам-то сердит. Ну, ясно-понятно — сцепились. Скрутил я ее и таскал-таскал. До крови избил. Сдурел, попросту сказать. Даже совестно, знаешь ли. Сам знаю, что она не виновата. Чем Глашка-то виновата?

— Да уж, — сказал хромой, — Глашка-то твоя не виновата.

— Я и говорю — она-то при чем? Да очень уж, Гришка, сердце горит, понимаешь. Подвернулась Глашка — я Глашку. Попался Федька — я Федьку. Старик батька б пришел — я б его.

— Не того бьешь, Афоня, — сказал хромой.

— Знаю, что не того. Молчи. Молчи, брат!

Солнце обожгло двор и добралось, наконец, до горки, где сидели приятели. Лихово изнемогло от жары, притихло. И в тишине слышно было, как стучает по свае болванка и ухают лопухинские — чинят мост.

— Снился мне сон вчера, — задумчиво проговорил Афоня. — Видится это мне, будто это стоит по самой по редке улицы лестница. Ни к чему, понимаешь, не приставлена, сама стоит, самосильно. А на ей, понимаешь, зверь сидит, в роде собака, хотя по шерсти будто и не собака. Шерсть-то больно шелковистая. Ну, это бы все ничего. Я этак, помнится, поглядел, подивился и дальше пошел. А только зверь кричать стал. По-своему кричит, по-собачьи что ли, а я все понимаю, чисто. «Афонька! — кричит, — юрнице, так твою так! Сторишь ты стору! Сторишь, торово! И Федька твой сторит! И хата твоя сторит!» Обернулся я — верно: горит, вижу, хата, занялась, понимаешь, с четырех концов, трещит, головешки летят. Ну, тут я и проснулся. И вот целый день думаю. Не понимаю я этого сна. Что бы оно значило, Гришка? Как скажешь?

— Ни черта не значит, — сказал хромой, — мало ли что снится?

VI
Сын Афоня

— Не говори, Гришка, — сказал Афоня, — во сне другой раз человек судьбу свою видит, ровно на картах гадает. — Что сны, что карты, — одна, брат, брехня, — сказал хромой, — плюнь!

— Оно, конечно. Дурость это все, — согласился Афоня. Он взял в руку стакан, — на дне его еще осталось немного водки, — глотнул раз, скривился и сплюнул.

— У, дрянь кака!

— Болка-то? А ты больше не пей, — посоветовал хромой, — будет тебе, Афонька.

— Оно бы следовало, — сказал Афоня, — ясно-понятно. И снова хлебнул. На этот раз он вылакал все, до капли, даже края облизал. Потом поухал стакан, — от стакана шел запах сивухи, запах раздражающий, но кроме запаха в нем ничего уже не осталось, сухо. Тогда Афоня отставил стакан, — подальше, чтоб с глаз долой и, — с явным сожалением, но решительно, — сказал: «амба!» в том смысле, что больше сейчас он пить не намерен. Точка.

— Сказал бы ты лучше, Афонька, как вы тут жили без меня-то, — сказал хромой, — я ведь ничего еще не знаю, тебя первого вижу.

Афоня гыкнул.

— Гы! Что надо жили! Утром, к примеру, лишину спаеши. Ну, посились, погуляешь. Там — глядишь — обед. Поросенок ли, кура. Ну, посились, погуляешь. Там — глядишь — ужин: кофий, ситный с изюмом. По-барски жили, Гришка.

Хромой улыбнулся.

— Или ты, Афонька! — сказал он, — ты делом говори. Худо жили?

— А делом ежли — так — уй, как худо. Ты когда худил — лучше было, ей богу. Хлеба-то хоть досыта ели.

— А тачи что? Молчат?

— Зачем молчат? Не молчат. Воют.

— А где наши ребята? Стась? Файче?

— Тут. Кула им деваться? — сказал Афоня. — Стась было уехал. В Лодзь, что ли. Да года два как вернулся. Его из города полиция-то, говорят, того, коленом. Ну, а тут-то, значит, ничего, не трогают. Женится. Он Ташку вял. Помнишь Ташку? Андреева дочка, старшая? Она самая. Ничего живут, согласно. Мне Глашка говорила. Я-то сам его не видал, Стась. Какой-то он, понимаешь, такой стал, как из города вернулся, прямо — подменили. Ухо-

— А, ты, — старик отодвинулся, дал место, — садись, Гириш, — сказал он, — посиди.
Когда хромой сел, Ошер проговорил вполголоса и недоложно:

— Понимаешь, Гириш, ерунда какая, — сказал он. — Не понимать руки. Не слушается, понимаешь, рука, будто не своя.

— Болит?

— Сам не знаю, что. Болит — не болит. Ломит — не ломит. Стар я делаюсь, Гириш, вот что.

Голос у Ошера был сонный, приглушенный, словно доносился он откуда-то издалека. От вчерашней его суетливости, болтливости следа не осталось. Он, видимо, и говорил-то потому только, что молчать было нелегко. Гириш, правда, свой человек, а все же гость. А гостя занимать надо, не то обидится.

— Ну, где ходил? Кого видал? — спросил он.

Собственно, и хромой охотно бы помолчал. Наговорился он сегодня. А вечер теплый. Комары гудят. На небе, между туч, то появляется, то пронадевает звезда, предвестница ночи. Хорошо сейчас сидеть, молчать и слушать, как кричат лягушки на болоте. Однако, неудобно же не отвечать, когда тебя спрашивают.

— Крикнул видал, — сказал он. — Зелника видал. Давно он ослеп, Зелник?

— Нет. Недавно. Лет лять. — Старик закатил глаза и вслух подчитал: — как Ишье погорел — четыре года. А это было до того за год. Значит — так. Пять лет.

— Мне написали, жалко, — сказал хромой, — уж очень у него написали: был ладный.

— Мне, Гириш, много чего жалко, — сказал старик. — мне вот тебя, например, жалко. Валандался ты по белу свету, где только ни был. А что успел?

— А это? — хромой покачал искалеченной ногой.

— Разве что. — Старик достал из кармана деревянную табакерку, набрал щепотку табаку и всю ее заливал в нос. — Мне, Гириш, всех жалко, — сказал он тихо, — посмотришь на птичку на какуе, как это она в дождь забьет-ся под застреху, наохлится, нос — под крылышко, а с крылышка — вода, — и жалко. Ну, куда, думаешь, тебя, глупую, носит? Чего? Да что там, птичка! Птичка, как-никак, живое. В ней свой разум есть. А вот, скажем, трава. И сказать-то стыдно, Гириш, смеяться будешь, но другой раз мне

IV. Да бэй с'мил (11)

и травы жалко, ей-богу. Выбивалась она, понимаешь, из-под земли. Ты, Гириш, не знаешь, а я знаю. Я люблю смотреть на траву. Трудно это ей — выбиться на свет. И вот — выбилась, выросла. И — нате — пришел мужик с косой, лез, — и нету ее. И уже это — понимаешь, — не трава, а корм, нятак нуд. А то и так. Ступит человек, и не поумает, что делает, ступил и все тут, — эка дело! — а трава под сапогом задыхается, плачет. Для нее это не Андрей, не Федот — это смерть ее пришла. И вот, понимаешь, жалко ее как-тэ.

Старик помолчал.

— А только знаешь, Гириш, что я тебе скажу, — заговорил он опять, — все-таки больше всего мне человека жалко. Птица — та хоть летает, небо видит, трава — тоже, шевелит, то да се. А человек — тот всю жизнь — каторжник. Тот почет он по земле, хлочет, с утра до ночи за работой и орет, ругается, язву лупит. Подумаешь, дела у него какие! На тыщу лет запастись надо. И вдруг — в один час — свалился в горячке или там в чахотке и — сторел. Кришка. Амниш. И так вот помотришь и думаешь: нет, думаешь, так, как человек живет на земле — так никто не живет. Лопаль, кляча водовозная — и та живет лучше, — она без злобы живет. Понимаешь, Гириш? А человек — он злобится. А злоба, — от нее самому же человеку худо. Верно, Гириш?

— Нет! — сердито перебил хромой. — Неверно, реб. Ошер! Злобу — ее копить надо! В злобе, бывает, хвятишь по ком надо — и дух вои...

— А по ком надо? — сказал старик, — что мы знаем? Ни вот столько. Тычемся, как пенки, мордой в навоз и дуем, что это кана с маслом. А не поправится — гавкать. кусаться, будто в этом виноват кто. Ничего мы не знаем, Гириш. Не те, брат, времена. Раньше вот не то было. Это верно. Почитаешь Писание — и позаидуешь. Вот ведь — думаешь — какие были времена! Сидит, скажем, человек у входа в дом, вот как мы с тобой сейчас сидим, на пороге или там на завалинке, а к нему вдруг приходит ангел: «То да се. Родится у тебя, значит, сын. Большой человек. Владыка». Или — скажем — ляжет спать у дороги на камне, а его вдруг голос зовет: «Встань! Или!» А сын, брат, какие выдал! Человек во сне видал бога и все семь небес. А теперь, — старик заговорил совсем тихо; — а теперь, Гириш, и не снится ничего. Понимаешь? Устанешь за день, как собака, доплывешь до кровати, ляжешь — и провалился, как

в яму. Темно. Пусто. — Старик вдохнул. — Прошли, Гириш, хорошо времена. Что говорить.

— Брехня это все. Враки, — буркнул хромой.

— Что — враки? — не понял Ошер.

— Про антелов враки и про эти ваши времена враки. Все — враки.

— Может и враки. Не знаю, Гириш.

Где-то на слободке деушки ордали песни. Они пели давно, с ранних сумерек, и теперь только одна из них — Фалдеева Васюта — голосила звонко, на все местечко, остальные глухо подпевали. Им, должно быть, смертно опять хотелось, а подниматься и пойти в дом — было лень. Прощмыгнула летучая мышь. В комнате — в темноте — зацмекал сверчок.

Старик встал.

— Где-то Соре? — сказал он, — ужинать надо, а она — адрате — пропала. Уж эти мне бабы!

Он зашел в дом, но через минуту вернулся, в шапке поверх ермолки. Сидел он в одной ермолке.

— Пойду, погляжу, где Соре, — сказал он, — а то она, дурра-баба, забыла, верно, что ужинать надо. Хозяйка!

— Реб Ошер, — остановил его хромой, — что у них там вышло сегодня?

— У кого?

— У ткачей.

— А-а, это. Старая история, понимаешь. Урик все. Вот ведь тоже. Посмотришь со стороны — умный, будто человек. Такими делами порочает. Другой бы не умел. А приглянешься — дурак. Глупый человек. Хапает. Лапает. Нашего брата, ткача, жмет так, что кишки лезут в рот. Грош даст — и то на зуб попробует, — нельзя ли откусить сколько-то? А чего, спрашивается? Он думает — что? Золотой гроб дадут? Не дадут! Глупый человек, одним словом. Дубина.

— Скотина, — поправил хромой, — скотина, гадина. Такого, реб Ошер, вот, как надо... — хромой быстро провел пальцем по горлу... — раз...

— Ну, что ты, Гириш? — Старик укоризненно покачал головой. — Нехорошо!

— Может и хорошо. Не спорю. Зато верно. Такого, реб Ошер... Такого — не убивать... такого... — хромой не договорил, только рукой махнул.

Старик испугался.

— Никак ты, Гириш, рехнулся? — сказал он. — Снятия, ся-богу.

И пошел вниз, в ложбигу. Слышно было, как он там кого-то спрашивал:

— Нету? Скажи ты! Уж не обжедала ли она, а? Ладно! Рассказывай!

Только старик ушел, как хромой сорвался с места и куда-то поспешно заковылял, загоропился. Смешно даже — до чего он торопился. Можно было подумать — не весть у него какие дела. На все Лихово слышно было, как он сонит, переваливая с холма на холм. Так он добежал до одной поляны в конце местечка. На этой поляне, как два брата, рядом, стояли два дома: большой каменный — Саркина, коженного заводчика, и деревянный, двухэтажный, с широким двором и с садом — Уре Логака. В домах были потушены огни. И Саркин и Логак уже спали.

Хромой добежал до поляны и остановился. И тут-то оказалось, что никаких спешных дел у него нет. Он просто встал у забора, — прислонившись к нему всей спиной, руки застряв в карманы штанов, — встал и засвистал песенку. Песенка эта была убогая, солдатская, что-то в роде «калина-малина» или «солдатов-пташечка». «Д-вессло поест», навистывал он, да грустно как-то, так грустно, что казалось не поет — плачет.

А над Лиховом проходила летняя ночь. Теплинь какая! Благодать! И тихо было.

Фромкдорфе сляхтэ

Если «слободскому» было тесно и душно в местечке, — свобода мало чем отличалась от собственно Лихова, — если он скучал по полю, по гумну, где осенью, где выпал напролет, — молят хлеб, по хлеву, где сытая скотина лениво жует жвачку, — то «местечковому» все это было непонятно, не пушило. Наоборот: строился он тесно, дом к дому, и не потому, что места было мало, а потому что так ему казалось уютнее, — теплей, веселей. А жизнью он называл уже кошку и петуха. Если же у кого была насадка с цыплятами или там коза — тот считался зажиточным человеком, крепким хозяином, чуть ли не богачом. «О!» — говорили про такого.

И если «слободской», привыкший к работе под открытым небом, летом — где-нибудь на лугу, зимой — где-нибудь в лесу, томился в четырех стенах хаты, а станок ненавидел, как змею, как каторжную цепь, — то «местечковий» лучше всего чувствовал себя именно дома. Улицы он немного боялся: от солища у него болела голова, от мороза дух захватывало. А стан свой он даже любил. Ведь он же к нему привык с самого детства. Конечно, станок этот все силы выматывает. Что говорить! Да разве в этом виноват станок?

И если «слободской», чтоб хоть на час забыться, сначала «нарежется» в дым, а затем скулит и буянит, — то «местечковий» шил только два раза в году: на пасху, весной, и на ирэдник торы, осенью. И то шил потому только, что не шить было нельзя, — обычай.

Смешно, конечно, было бы думать, что «местечковому» до того все это было по душе, — и работа, и дом, и хозяйн, — что у него никогда не появлялось охоты плюнуть на все, забыть про вес, отойти. Появлялось. Но делал он это по-другому, другим способом, не водкой, не алкоголем.

«Снособ» был простой. В этом мире, где — работа, хозяйство, полугодовалая семья, рваные сапоги, клоны в постели, — в этом мире — плохо, гнушно. А уйти нельзя, куда. Что делать? И вот, из поколения в поколение, изо дня в день, ткач ленит рядом другой мир, непохожий на этот, а обычный, — мир выдумок, слов и суеверий.

Начнем с выдумок: стоило кому на самый хотя бы короткий срок — уйти из Лихова, как, возвратясь, он

106

Д Сны Ткачэ

приносили ворох целней небылци. Тут и рассказ про чело- века, которого он сам встретил на мосту, — вот лонци мои глаза, если не на мосту! — а были у этого человека уши длинной в аршин. Тут и рассказ про барана, которого нашли на дороге, — вот провалиться мне на этом месте, если не на дороге! — а когда его подняли и уложили в телегу, он вдруг захохотал и пропал, испарился. Тут и рассказ про заброшенную, забытую корчму, где по ночам, — неведомо как, неведомо кем, — зажигаются огни, — вот околеть мне, если не огни!

Немало нелепого говорилось о царе. Особа царя в Большой стени почему-то привлекала внимание ткачей. В ходу был рассказ о том, как царь заказал еврою портному сюртуку «сам-мого лучшего сукна». А у портного дочь — красота. Царь и влюбился. А дочка-то красавица гордала, неприступная. Царь к ней носов, царь к ней гонцов, лакеев, денщиков — не поддается. То есть, за порог не пускает. «Я, говорит, люблю, говорит, Хаче, нашего подмастерья». Ну, и так далее. История-то длинная. В общем, царь-то, конечно, добился своего. Хаче аронал, сшил и остроге. Портной стал «самым главным советником по части торговли». А дочка — «флейриной»...

Еще был в ходу рассказ о том, как в начале прошлого столетия засадили в Петропавловскую крепость рабон Шисер-Залмана из Ляды, как к нему в каземат пришел сам Александр Первый, как они встретились, рабон и царь, и как царь отдал приказ немедленно и с почетом, — «солдаты вперед, солдаты позади, четыринадцать форейторов, двадцать восемь скороходов», — вернуть рабон в Ляды.

Про рабон, про знаменитых рабон, любил тоже рассказывать всякое. То бредлавский рабон исцелил больного, илюул, дунул — и ожил человек. То любашевский рабон выгнал «беса» из тела девичьи имярек. То, — во сне ли, наяву ли, — столинский рабон рассудил двух покойников.

А уж что до снов-то тут и не рассказывать. Какне только им, ткачам, сны не снились! Если говорить по совести, на чистоту, — ткачам мало что снилось, так, какие-то образки, отрывки снов, смутные видения без начала, без конца. Прав был Ошер: после дня работы ткач с трудом

107

добрется до кровати и, только ляжет, заснет, как убитый. Где уж тут до слов? И все же ткачи часами рассказывали друг другу про свои видения и сны. Они не вралы, не обманывали. Нет. Они сами обманывались. Получалось же это так: увидит ткач во сне, — ну, что? — ну, хотя бы ложку, обыкновенную оловянную или даже деревянную ложку. Проснется утром и вспомнит: видел ложку. Так. Двем — за работой — начнет он думать и гадать: «что бы сей сон значил? Ложка? Гм, ложка!» Думает он, думает, а сон, ложка, то есть, растет и растет. К вечеру же она становится таких размеров, что «снovidец» уже по-настоящему пугается и дрожит. Впрочем, иной ткач и нарочно придумает что-нибудь, такое — этакое пострашней, якобы приснилось, чтоб себя позабавить и соседа удивить. Был такой ткач Гесел, специалист по Мессни. Что ни ночь — ему все Мессня снится.

О Мессни и вообще-то упоминалось часто. Иногда шуточно, недоверчиво. О нечестном должнике, о жулике, говорили: «Ну, этот-то отдаст, когда придет Мессня», понимая — никогда не отдаст. Иногда — сердито: «Ему-то что? Ему-то там, на несю, и телю и сытно». Иногда — с жалостью: «Маст-ся он там, наверху, родимый, а помочь-то нам не может — срок не пришел». Иногда — с укором: «Чего же он смотрит? И ждали его каждый день, каждый час. Недаром же цырульник Абе, когда поменялся, возомнил себя Мессней. Очень уж много вокруг о Мессни говорилось. Очень уж его ждали.

И сусверны были. Боялись понедельника — плохой день. Любили вторник — хороший день. Попа встретил — дуриал прирета. Баба с полными ведрами попалась — добрая прирета. Станет если трещать нечь слеза — умрет хозяйка, сирва — умрет хозяин. К косяку на уровне глаз приривали «меузэ», охранную грамоту от злого духа. А чертей-то, чертей-то, от них отбоя не было. Никакая грамота не помогала. Во всем видели чорта. Однажды зимой ночью, в бурал, в метелицу, услышали в Лихове крики. Крики были отчаянные, предсмертные и кричали где-то близко, у моста. Дойти до моста — даже в пургу, даже в метелицу — плевое дело, три шага. Но все решили: «чорт» — и никто с моста не тронулся. А утром у моста под снежным сугробом нашли кузнеця Якона с сыном. Замерзли.

108

Вот, какие они были, «местечковые».

Недаром прошлым летом один эсер, художавый юноша в очках, приехавший в Лихово под видом частного учителя, присмотревшись внимательно к «слободским» и к «местечковым», махнул рукой, сказал: «с этими кашни не сварить» — и укатил.

Он ошибся, отчасти. Не досмотрел. В последнее время появились среди ткачей, — среди молодежи, главным образом, — люди другого склада. Эти — водку не пили, злого духа не боялись, в Мессню верили не шибко, а о царе если и говорили, то не в связи с дочкой портного, черноокой и неприступной красавицей, а скорее в связи с Уре Логоаком, бородатым мужжиной лет шестидесяти. Было их пока мало, но зато народ это был отборный, не глупый и не пугливый. Собирались они у Стася, местечкового ткача.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СТАСЬ

В тот самый час, когда со стороны Кривой улицы, подымая пыль, въезжали в Лихово фурмы с актерами, — со стороны «Могилек», — так называлось православное кладбище, — в местечко входил художочный человек с мочальной бородкой, в рваном картузе, мятом и без подкладки, в куцых заматанных штанах и в больших котлах, тяжелых, как топор. Был это не кто другой, как Аггей, сапожник и шляпница. Аггей возвращался из деревни Крутые Пни, куда относил он срочный заказ, женские полусапожки, не дешевые — хромовые. Требовалось полусапожки эти сделать в один день, чтоб поехать к свадьбе, — заказчица замуж давала старшую дочку, Агриппину. Так как касалось дело свадьбы и, значит, нахло дело вышивкой, Аггей уж поставился, — сделал полусапожки в срок, в аккурат. Заказчица, тетка Глафира, до того обрадовалась, увидав на пороге Аггея, а у Аггея под мышкой — полусапожки, что обхватила его обеими руками, — чуть не задушила, наскуда, — потащила к столу, усидела рядом с самыми почетными гостями и принялась усердно потчевать то водкой, то медом, то медом, то пивом. Аггей только кричал. Короче — пил Аггей весь день вчерашний и всю ночь затем. И теперь, полусонный, не совсем еще отрезвевший, возвращался домой.

109

— Пожалуй, что вдруг, — все так же медленно проговорила хромой, — ночью, помню, было, поздно, — продолжал он, — я лежал один. И не спалось. И лампочка горела. Посмотрел я на себя: нога в гипсе — калека, конечный человек. «Конечный ты человек», сказал я себе вслух. А всего-то мне было тогда двенадцать четыре, неполных двадцать четыре, без месяца. «Так, — подумал я, — так, брат. Обосалли тебя и — вон! На свалку! Крутятся карусель!» И такля, понимаешь, злоба взяла, что попался мне в ту минуту хозяйин — задушил бы, голыми руками бы задушил. А потом, сам не знаю с чего, — Урке исполнился. Может, оттого, что тогдашнего-то своего хозяина я в лицо не знал, не видел его ни разу, а Урку-то я знаю, с самого с детства знаю. А ведь они одной породы, хозяйин тот и Урке, одним миром мазаны. Тут и Лихово веромнилось, дом, батька: мой. И тогда-то я подумал, что убью эту гадину, Урку, унитожку. Сам жив не буду, а его унитожку. «Всех не перебить, — подумал я, — а этого могу». — Хромой помолчал немного и повторил: — а этого могу.

На улице заиграли гармонь, и кто-то тихо загорланил, — лопухинские возвращались из шинка, няные в дым. Они брели по середине улицы, натаясь и держась друг за друга, чтобы не упасть.

— Прогнали д'моя телега! — крикнул Ермил, верзала с проломленным посоом, и высоким горловым голосом закричала: — ай-да д'четыре д'колеса!

.... и идет эта он по болоту и видит эта он за кустом глаза святацца, — верещала под окном на завалинке старуха, — и сидит эта под кустом Лиха-Лихоманка, сама эта она в линаях, а лицо эта ея в волдырях, а голова эта ея...

— Именно — всех, — сказал Стась, — только малость погоди, дай сроку.

— Погодить? Ну, годи, коли можешь. А я не могу! — хромой вдруг подделся вперед. — Я не могу! — четко повторил он, — понимаешь, Станислав? Я, как вернулса, третий или четвертый день, не помню, а постарел я тут на десять лет, на двадцать. Смотреть не могу, как человекк шытают, как изю дня в день тинут жылы! Да что человекк взросло-то-то? Он хоть понимает, что с ним делают. А вот — ребенк! Ты, может, видал, у бани сидит, у колодца, такой

мальчишка. Долька его звать, что ли? Ему семь-восемь лет, а уж это труп, он живьем гниет. А Урка-то за его счет жирует! «Погоди». Ты вот файте скажи, чтоб погодил, чтоб умрять погодил. Ты у Файте был? Видал? А ведь какой был заводяк! Дуб! Помнишь? И съел его! Слопал его Урка! Погодишь тут! Куда ни пойдешь — больница, сумасшедший дом, пронади это все пронадом! Я тут как-то на «голом бугре» женщину видал. Падучая у нее или истерия, кто ее знает. Зверь. А Афоня говорит: «это — Ришка». Знал я эту Ришу. Мальчишкой у нее на свадьбе гулял. Мать, помню, взяла с собой. Молодая она была, красивая, серьги в ушах. А чем стала? Что они, сволочи, с человеком делают, а? Мне вот Ошер говорил, плакался: «Снов, — говорит, — и то, — говорит, — нету. Ляжешь, — говорит, — и провалился, как в яму. Темно. Пусто». Понимаешь ты? Не то что там жизни, радости какой, человеку хоть бы что во сне увидеть — и того лишили. «Погоди». Годи, коли можешь. А я не могу! Ненавижу! — хромой стукнул кулаком по столу так, что лампа подскочила, — ненавижу, сволочи!

— Тпше, ты, — спокойно сказал Стась, — лампу оинро-книшь.

Он пригнул лампу к себе и потом все время придер-живал ее рукой.

— Чудак, — сказал он, улыбаясь, — а я, думаешь, могу?

... ох ты, бож-же мой, бож-же мой, — вздохнула за окном вторая старуха, — и за что он нас так? Болото, болото, только и видишь, что болото...

— А я, думаешь, могу? — сказал Стась, — мне, думаешь, легко?

— Эфраим говорит, — заскрипела нервная старуха, — будто это Антон из Осиновки, — он в прошлом-то году — помнишь? — завяз у Любашера, — так будто он каждую ночь по болоту ходит! Эфраим говорит: «сам, — говорит, — его видал. Самолично. По самой, — говорит, — по хляби ходит, и все, — говорит, — илает — все, — говорит, — ина-чег»...

и утром там — дождь, дождь...
и вечером — дождь, дождь...

— Ты, Гришка?

Афоня ждал.

— Я, — сказал хромой, — синешь, Афонька?

— Поспал бы, кабы не он, — сказал Афоня. Кто «он», хромой не видел, но был с Афоней еще кто-то, рядом сидел.

— Это кто? — сказал хромой, подойдя поближе.

— Лешка это, со слободы, — сказал Афоня, — я его тоже назвал. Ничего, Гришка? Он мужик хороший. Ладный мужик. Ничего? А?

— Это был «Медведь». Хромой его знал.

— Ничего, — сказал хромой, — Лешка — это можно. И протянул руку.

— Здорово, Алексей!

— Здорово! — прогудел «Медведь». Он к этому часу уже отрезвел и, как всегда трезвый, был угрюм и неразговорчив.

— Пошли, что ли, — сказал хромой.

— По нам — давно бы, — сказал Афоня, — ты это где ж пропал?

— У Стая был.

— А что у него делал?

— Так. Говорили.

— Зря это ты к нему ходишь, — недовольно сказал Афоня, — несостоящее дело, — и плюнул.

Они шли по тихим пустынным улицам Лихова, негромко переговариваясь. Афоня, — у него все еще бодела рука, но сколько сбоку, особо.

— Говорили мы тут с Лешкой, — задумчиво сказал Афоня, — насчет это мертвяков. Страшное это дело, понимаешь. Нет такой в дом ходить, значит — плохо, другого покойника много. Да. Мне вот Аким говорил, слободской. . .

Погоди, Афоня, — сказал хромой. Они вышли на ту самую полянку в конце мстечка, где рядом, как два брата, стояли два дома: Саргина — каменный и Логача — деревянный, двухэтажный, с широким дворами и с садом. Вокруг двора шел высокий забор из толстых досок. Хромой, Афоня и «Медведь» медленно обошли забор, то-и-дело останавливаясь и внимательно осматривая каждую его доску. Крепкий был забор, неприступный. На-

верху он был утыкан гвоздями; внизу — обложен кирпичом. Не забор — китайская стена.

— Ну-ка, Лешка, — шепнул Афоня, — динь-ка!

«Медведь» вобрал голову в плечи, надулся как-то, заворчал, заурчал и кулаком как хватит по доске — гул пошел. Доска затрещала, задела жалобно, но не поддалась, устояла. Доска была здоровая. Крепкая, прямо, была доска.

— Спят или, дьяволы? — зашипел хромой — тинь!

На дворе хлопнула дверь, послышались шаги, — голос «Китайца» крикнул:

— Пшли вы! Куш-ли!

Ему ответил Вавила:

— Кого это ты, козел, шугаешь? Пруссаков?

И зевнул на все мстечко, шумно зевнул, с хрустом.

— Хреново, — проворчал Афоня.

Они возвращались домой, попуру брели, как побитые.

— А сам-то он не выходит? — сказал хромой.

— Урка-то? Что ты? — удивился Афоня, — как вечер, так запрется и спать. Напастн бонтея, хвороба.

«Медведь» что-то буркнул.

— Что? — спросил хромой. Он не расслышал.

— Пужливый, говорю. — мрачно повторил «Медведь», — баба! — И, не поировавшись, повернул к себе на слободу.

— Как же нам, Гришка, быть-то? — хмуро сказал Афоня, — вишь, гад, засел, как за горой. Не подступиться. Поднажить разве?

— Не дури, Афонька. — с досадой сказал хромой.

— По мне бы так, — сказал Афоня, — а ты, как знаешь, тебе-то видней.

И вдруг заговорил.

— Только если поднажить. — смрад большой будет. Вольсьев на нем много. П-пуд!

Афоня от смеха даже остановился.

— Богородица одна — фунтов семь — ржал он, — во, чорт волосатый! — И пошел до хаты — спать.

А хромой пошел не домой. Не хотелось ему спать. Потупив голову, руки заиритав в карманы штанов, он сидел в ложбине у колодца, сидел и насвистывал со скуки: «Весело, д'весело поет». Над ним — в небе — стояли звезды. В лицо ему веял ветерок, теплый и тихий. И — в тишине — было слышно, как на реке плеснулась-рыба, как вздохнула

I *Образы стих*

лось на душе. Каждый сидел на своем месте плотно, слегка согнувшись, как бы придавленный невидимым грузом. И чего-то грустно стало. И разговор пошел на пониженных тонах, глуше говорили, сердечней, — всакий о своем, не слушая соседа и не ожидая от него ответа.

— Разе я его тинул? — тихо спрашивал хото-то Ермил, долухинский, — разе я его звал? Я ему: «не, — говорю, — ты». А он: «догоно, — мне не логнать, и не лезь говорю, — Поликарпушко, — догляву». «Не, — А он: «я, — говорю, — лучше, — говорю, — не нада». рит, — догляву». А разе я его тинул? Разе я его звал?

— До чего иной раз человеку худо бывает, не пове- рить, — пригорюнившись плакался Аггей, — прямо хоть головой да в прорубь. Сирота он на земле, человек, — вот кто. Скучно ему, поймаешь. Вот бы знать, что там! Вот это бы — да! А то не понять мне ни фига. Может тама рай какой, роцца едемскал, а, може, и тама ш хрена ету. Что бы знать!

— И видится это мне, будто это хата стоит — задумчиво бормотал Афоня, — и будто в хато-то в этой семь мужиков сидят. И будто мужики-то эти не наши, дальние будто, с лица-то черные, цыгане как бы. И будто старшой-то кото- рый из них и говорит: «будет, — говорит, — в этом году на- роду лиха много. Град большой будет. И засуха будет...»

— А гора-то высоченная! — умиленно и восторженно говорил старик, Пахом, — а над ей облак стоит. А с облака- то с ситого, ежли человек правильной жизни и ежли попо- стился, сколько слововат, так тому с онтого-то с облака голос бывает, божественный глас. А попов тама, анхиреев ентых, не сосчитать тебе — куды!

— Бур-дур-дур, — бурчал «Медведь», — ты мене чего расстревожил? Сердце-то чего развередил? Бур-дур-бур!

На столе все росло число опорожненных бутылок — и все труднее, все бессвязнее делалась беседа.

— Не, говорю, Поликарпушко, и не лезь ты, — исхлпы- вал Ермил, долухинский, — потонешь ты, говорю». А он: «я, говорю, догляву. Я, говорю, догною. Догляву да до- гоню. Догоно да погною. Погною да потону-у-у...»

— А, може, тама дерьмо собачье заместо раю, — рассу- ждал Аггей, — може, тама нашему брату и местов-то нету.

«Куды, скажут, пренься ты, рыло?» Рыло ты, рыло, — про- пел он вдруг тонким голосом, — откуль ты привалило?

— «И засуха, говорит, будет», — продолжал Афоня. — И будто тогда другой мужик, кучерявый такой, спраши- вает того, старшого: «а который, спрашивае, человек хату новую поставит, так тому что?» «А тому, говорит старшой, от огня вред большой будет — и хата его сгорит, и гумно его спалит, а самого его, Дурин, на цепь посадят, чтоб не убег...»

— А попов-то, анхиреев ентых, — умилялся старик, — до едреной матери! Облачение на них — одного серебра пять пудов, вот те крест! И кропит это они и славословит, сухими дети, на всю пустынь: «Го-го-го!» да «Гу-гу-гу!» Потоха!

— Бур-дур-дур! — бурчал «Медведь», — сердце-то чего развередил? Бур-бур- дур!

Каждый говорил про себя и для себя, не слушая соседа и не ожидая от него ответа. Слушали же и отвечали, хотя никто их об этом не спросил, два совсем посторонних лица.

Один был — шинкарь, унылого вида человек с длинным носом и с красной ошаренной щекой. Как хозяин, он счи- тал делом занимать гостей и, с трудом преодолевая лен- и уныние, свойственные его натуре, все улыбался, кивал и поддакивал, стараясь улыбки, кивки и поддакивания рас- пределить так, чтобы никого не обидеть и никого не обе- лить. Ермилу он говорил: «раз сам полез, так кто ему виноват? Никто ему не виноват — раз сам полез». Аггей поддерживал в его сомнениях: «Верно это вы говорите, пане Аггей, нас туда и не пустят. Золотые наши слова». Афоне осторожно подсказывал разгадку его удивительному сму: «Что бы это такое могло значить? Нездоруд, что ли?» И вместе со стариком восхищался святой горой и архи- ерейским облачением: «пять пудов серебра? ай-ай-ай!»

Второй — был белокрысыи музичонко, расстреланный, растерзанный, в драном зиннушке, подноянном верев- кой, с сныяком под левым глазом, короче сказать — Ми- китка Болдырь на Подкузьминона. Этот был в восторге. Уж один только запах, густой аниститный запах сивухи при- вел его в умильное состояние. А тут еще — кананья, раз- говори. Мать моя! Микитка бегал вокруг стола, угодалив заглядывал каждому в лицо, хихикал, кудахтал, как ку- рица.

VIII Сок Логан

— Да-а, — многозначительно протянул Ошер, — когда бог захочет! — и поправил картуз.

Так, топчась в прихожей, шептались ткачи, а над ними, во втором этаже, в просторной спальне, отделанной под дуб, рыгала, рычал, ругался сам хозяин, Уре Логан. Он сегодня обедал поздно, в четвертом часу, после обеда поспал и переспал. Со сна он встал вялый, скудный, злой. И все как-то не ладилось: во рту было невкусно, кисло, чаю бы, а чаю не было: самовар только раздували. Раз. Второе: пока он спал, шторы на окнах были спущены и окна закрыты, между комаров в спальню набилось туча-тучей, и сейчас они гудели, кусали, покою не давали. И сон дурной силлся, тихий сон: будто он, Уре, заблудился в лесу, и будто, выбившись из сил, ложится он на бугор, под сосну и будто наваливается на него вдруг медведь, огромный зверь, обхватывает его мохнатыми своими лапами и ну мать, ну катать.

Уре развалился в кресле, полуодетый, в ночной сорочке, в ночных туфлях на босу ногу, — черная борода на белой сорочке, как уголь на снегу, — а ноги кривые и волосатые, — Уре стыдится своих ног. Уре сидит, ковыряет в зубах слиточкой и глядит в окно. В окне он видит закат; красное небо и темная даль. И Уре не знает: такой закат к дождю? к погоде?

— Эй, — кричит он, — кто там есть?

— Я, я! — отвечают в два голоса жена и прислуга.

— Будет когда самовар или нет? — кричит Уре, — сто раз мне вам говорить?

— Сейчас, сейчас! — отвечают в два голоса прислуга и жена.

— «Сейчас, сейчас», — ворчит Уре, — дуры!

А в доме — суетня, беготня. Он сердится! Урине. Федорович сердится!

Когда Уре доложили, что пришли ткачи, он до того удивился, что даже привстал.

— Как? — сказал он, — ткачи? Чего им надо?

Верно, случай был редкий, невиданный. Ткачи чтоб выжились в дом? Никогда! При старике, при отце Уре, было, правда, так, что ткачи иногда заходили. Но старик,

120

Галка про медведя

да докочется он с миром, и сам-то мало чем отличался от своих ткачей, в молодости он и сам-то, бывало, сидит за станком и «щелк-щелк». Но с той поры, как делами водать стал он, Уре, — тому уже двадцать восемь лет, — с того самого часу ткачи и носу казать не смели. Еще что!

— Много их? — спросил он.

— Нет, — ответили ему, — трое.

— Сказать, что дома нет.

Но потом передумал.

— Сказать, чтоб подождали.

Ткачи подождали. Отчего не подождать? Их провели в комнату, где стоял большой, во всю стену, низкий диван, и приказали сесть. Они сели. Отчего не посидеть? Сели они рядком, тесно, хотя места было много. Положа руки на колени, как дети в гостях, они сидели прямо, напряженные, настороженные и молчали, только что изредка шмыгали носом. Ткачи ждали. Говоря по совести, они даже рады были задержке. «Оно и лучше, что подождать, — думали они, — свыкнешься пока-что. А то вдруг, с бухты-барухты, и торжор с хозяином. С перепугу лямпеш, да не то. И не рад будешь».

Ждали. Готовились. А когда открылась дверь и на пороге показался Логан, — в ночной сорочке, в ночных туфлях, — с ткачами-то ему нечего было перемишиться, — оказалось, что появился-то он все-таки неожиданно и что ткачи ни к нему так и не приготовились. Единственно, что они сообразили, — это встать и крикнуть: «здравствуйте, хозяин!» Встали. Крикнули. Но и это вышло нескладно как-то, недружно крикнули. Эле и Бенче крикнули «хозяин», а Ошер — «реб Уриэл».

Уре в ответ не сказал «здравствуйте» и не сказал «добрый день». Он сказал: «ну?» Он остался стоять там же, где стоял, на пороге, в дверях, только грудью выпятил колесом и задрал бороду. Вот ведь человек! И сорочка расстегнута и ноги голые, а — владыка, султан.

— Ну? — повторил он истерично и грубо.

Тогда заговорил Ошер:

— Так и так, реб Уриэл, — сказал он, — не можем долгие, подыхаем. Имейте божеeskую милость, отмените распоряжение, чтоб за неглю грош. Пусть остается по-ста-

121

— Долго тинулась эта ночь. Много раз казалась, что вот — конец; — еще немного и — утро. Но над левой башенкой костела все так же стояла зеленая звезда. Ночь не торони-лась уходить.

Перед самым рассветом тьмота вдруг ступилась, отвердела. И подул ветер. Человек поднимал руку к глазам и не видел руки. Темно. И звезду затянуло. Не было больше звезды.

А потом, далеко на востоке, за болотами, небо стало блед-неть, шириться, и низко над домами пролетела светлая по-лоса. Начиналось утро.

Ночь эта была непохожа на все лиховские ночи, — люди не спали, чорт знает когда обесали, — и утро это мало чем напоминало обычное лиховское утро. Кто в Ли-хово первым проснется? — петух. Последним? — лавочник. Сегодня же первыми солнце учуяли лавочники, сапож-ники, ткачи. Они заговорили все сразу, сильным от утрен-ней сырости голосами, погадени, сколько там полагается, и усноконлись. Только один — Икхел «Ворона» — никак не мог утомониться. Он малость всхрапнул, Икхел, — никак не стядно, — все на ногах, а он дрыхает! И теперь он старался слана те! Расселелю!»

Потом проснулся Ермил, лолухинский. Сирсонок оп было заголосил, заготовал, заржал. «Ишь, кусают, сволочь, ладно все сегодня: местечко в тревогу, на улицах народу полно, а лица у всех бессонные, черные. И все шущукаются чего-то, мигавт. Он умолк и надохлялся. Заскучал.

Тут, эснув так, что челюсть хрустнула, продрал глаза Самсон базарный сторож, долговязый старик с бритым в осинках лицом, с белыми усами, отставной солдат, нико-лаевец. «Э-эй, кто иде?» — крикнул он и громыхнул в коло-тушку. И в ответ — из мануфактурной лавки «И. Мипр-ини» — донеслись вздох и всхлип. Но Самсон не расслышал. Самсон чесал правую ногу и бормотал не очень внятно, но очень сердито: «а чтобы вам сдохнуть, азяяним! чтоб вам

II
Сон итшени

сторець!» Это говорились блохам, которые засели в тулупе, как разобинни в лесу, и кусали жестоко. Посулив, — уж неизвестно кому, — «страцу в брюхо!» — старик подобрал ноги под тулуп, голову прислонил к столбу и решил было еще поспать, благо утро, горы сейчас не полезут, но время. Как вдруг, совсем близко, услышал птничий писк и карта-вый мальчишеский голос: «Вона, в самый раз!» Самсон приподнял голову, посмотрел и увидел: над базаром невьи-соко летят птица, а за птицей гоняется мальчишка, бегут и орут, один, постарше, белоголовый и курносый, другой, лет семи, в широченной рубаше и без штанов. Увидел это Сам-сон и забормотал, заругался: «У, ахальники! — ругался он — проды! рази можно итаку бить? Итаха — она тихой, дитё малое, а ты — бить! У, холлера, язва те застави!» Он бормотал и ругался до тех пор, пока не уснул. А когда уснул, перестал ругаться и стал хрестеть. Хрр-фрр! — это густо. И тонко: «фысьсь».

Птица села, сиди на дереве, на суку. Птица села и ви-дела сны. Она видела поле, в поле — стол, на столе — та-релка, на тарелке — горох. Птица вздохнула — посось бы! — и очнулася. Очнулася и глянула иши. Внизу, под деревом, стояли мальчишки, двос, один, постарше, белого-ловый и курносый, другой, лет семи, в широченной рубаше и без штанов. «А понаду!» крикнул первый, метнул камень и угодил в самый раз. Птица алекнула от боли и влетела над деревом, над базаром. А мальчишка починился за ней, бежал и кричал и хвастал: «Вона! В самый раз!»

И вот, — последним сегодня, а всегда ведь первыми, — проснулись петухи. Самый старый в Лихове петух, дед и прадед многих лиховских петухов, кур, цыплят, так ска-зать, — петушиный патриарх, Мафусанл, — жил он у Ге-неха под пенькой, — высунул несмело общипанную, пробив-тую в драке голову и, сонурясь глазом левым, оглядел комнату. В комнате было дымно, сыро, пахло щами и кло-нами. Ни Генеха, ни Хано дома нет. А вот младенец тут, лежит в люльке, сонли пускает, сонит негромко. Часто, стало быть, ранний, а то бы он уже ревел на весь квар-тал, — младенец-то был голосистый. Однако, вставать надо. Пора. Петух оборачивается и кричит в глубь подлечка, жене или внучке: «рееку!» — то есть: «чайнику!»

Настало утро.

«Хо-хос-поди!» Над самой головой, — ну, ветать, ежель! так шанкой упрешься, — висят черныи нотолок, глухой, непроницаемый, будто каменный. Свободного места осталось, дай бог, сажень: шаг влево, шаг вправо, с поляршина вверх. И в этом стиснутом пространстве до того было душно, что сердце стучало как молот.

Самсон со сна-то, не понял, не поверил в эту стену, в этот нотолок. Навождение. Мареве. Он снял шапку, пере-крестился, трижды плюнул.

— Амьинь! Рассыпья!

И, — во ведь сила какая в святом слове! — стена вдруг раскололась поперек и в расщелине, острая, как нож, по-лынула зарница.

Тут-то Самсон догадался, что это все значит: «Та ряби-новая ж ночь, — пробормотал он, — та это-ж хмара!» — встал и понался до дому за рогожей. Что иному человеку зонт, то Самсону была рогожа; в солнце — тень, в дождь — навес.

Страшное это дело — «рябиновая ночь». Перед тем не-деля, а то и две недели, стоят знойные душеные дни. Небо мутнеет. Трава вянет, блекнет. Дымится болото. В самый же канун «рябиновой ночи» такая наступает жара, что человек с ног валится, скотина не ест, не пьет, — мычит тихонько, а собака, высунув язык, бегаёт от подворотни к подворотне, хвост столбом, на губах — пена. К вечеру на-двигается туча, медленно ползёт, грмадина, гора. Поля-хают зарницы. Глухо грохочет гром. Веет южный ветер, аправнук самума. Земля под ногами, — злая, кусачая, — жжёт как огонь. А туча все ближе. А гром все оглушитель-ней. И, видишь, уже не зарницы — молнии режут небо, от края до края, сверху донизу. И, слышишь, уже вся туча ревет. И вдруг, в ослепительном блеске, в оглушитель-ном грохоте, — ливень, потоп.

В такую-то ночь хорошо, захлопнув ставень, лечь по-раньше в постель, накрыться с головой легкой простыней и уснуть. За окном — гроза, ливень, блещет молния, гре-мит гром, а ты лежишь, спишь, хранишь негромко, урчишь, что медведь в лесу. А утром, часу в шестом, проснулся, открыл окно и видишь: ни дождя, ни туч, все миновалось. Небо синее. Земля, омытая грозой, благоухает и цревет.

242

VII

СМЕРТЬ АФОНЬИ

А на дереве сидит птица, слабка пёстрогрудая. Она распу-шила хвост, — сушит его на солнце, — и поет, заливаясь.

Но легко сказать «спит», когда спится. А вот лиховцы до того за день измотались, до того издергались, что не могли сейчас уснуть, никак. Уж они и ворочались, и чесались, и стонали, — уж они кого хощь готовы были обругать, и мать и отца. «Чего хорошились — спать не дашь?» — грубо кри-чал отцу сын. А сна не было. А сон не шел. И это сейчас, когда на дворе еще тихо, не гудит и не гремит, лишь одни зарницы понымают. Каково же будет через час? Господи, боже!

В эту ночь только двое в Лихове спали, спали крепким сном, неподудным, — лавочник Миркин и ткач Кривошей. Неах лежал на полу, ще в доме — в чулане. Тут было тихо и темно. Никто над Неахом не читал псалмов, никто у его изголовья не жажет свечи. Лежал не покрывник — ле-жал отщепенец, богохульник, «эникейрус». Ведь он что надеял-то, Неах! Господь при рождении дал ему в руки тонкую нить жизни. Ее надо было вытануть, распутать до конца. А Неаху нить показалась не литью, а шершавой вожжей, бурлацкой лямкой, хомутом. Он не стерпел, он обрубил ее посередине и разом потерял все: жизнь земную и жизнь вечную. Он был вдвойне мертвец, Неах, он совер-шил двойное убийство: убил тело и убил душу. Куда ей теперь, душе-то? В рай? Как бы не так! За версту не по-пустят! Да, сгубил себя Неах, что говорить! А в чулане темно. Вокруг, по полу, по стенам, шныряют пауки, мокрицы, членистоногие, членистогрудые, погань склизкая, аргазь, гнусь, насакивают друг на друга, позирают друг друга, и никакого им дела нет до того, что и кто тут ле-жит. Картона — так картона. Неах — так Неах.

А от Неаха недалеко и не близко, в кризом и грязном переулке, в доме без окон на улице, под божицей на столе лежат Афоний, Афоня, Афэнька, друг сердечный, чудак, свовидец. Принарядили его, Афона, как на свадьбу, как жениха: на плечах новый шиджак, на ногах новые штиб-леты. А лицо — строгое, тонкое, красавец-мужик. Он один. Глашу и Федьку приютили соседи, накормыли, уложили. Никого в доме нет. А Афоня спит. Спит Афоня и слов не видит. Эх, ты, Афоня, Афоня! Все годы только и жил, что

243

брани: «... и відіється это мне, будто это лестница стоит... и видит это мне, будто это хата стоит...» Так изо дня в день. И то: что ж еще у него хорошего было? А как вот дошел до последней черты, тут-то и оказалось: ничего нету, ни «лестницы», ни «хаты», все отняли, и дыханье и сна. Эсхейт Афона, спит, а над ним в божнице неярко мерцает свеча. По столу торжественно бежит таракан. Он видит Афону и останавливается. Чудно ему, таракану, злетьему животному, не понять ни шина: что это? человек или не человек? Если человек, то почему не дышит? Если не человек, то почему штиблеты на ногах? И все знает он: это, что лежит вот, можно это тронуть или оно само может тронуть, да так, что дух вон? Таракан, не мигая, глядит в лицо покойнику: лицо белое, суровое. И, шевельнув усами, таракан бесшумно удаляется прочь: лучше не трогать! Ну его!

Только эти двое и спят. А другие не спят. Другие маются.

Не спит лонухникис. Они как засели с утра, так и сидят по сей час — у Афони во дворе, на горке. Сидят — пьют. Не счаст, сколько они уже бутылок опорожнили, да и считаль-то, пожалуй, не бутылками надо, — ведрами, но не пьяны. Душа, когда она болит, много требует вина. Залинась — залинась, а жжет. Нет, не пьянели лонухникис. Разве что молчаливей они делались. Сумрачней. А над ними низко, — ну, встать ежели, так шапкой упрешься, — висят тучи. А перед ними прямо — ну, в аккурат напороче — там внутри, перед образами, горит свеча, и капает воск с лампады на стол. Иногда, — в торжественной тишине, — этот или тот из лонухникис встанет, пройдет в дом и, молча, склонив на грудь кудлатую голову, руки по швам, по-солдатски, а в руке шапка, — постоит подле Афони, погустит. И опять на двор, и опять — к бутылке, водку дуть. Наконец, Тит сказал:

— Сховают-то когды, не знаешь?

В ствет Ермил мрачно буркнул: «не гуди!», выпил, крякнул и опять выпил.

Не спит и Аггей. Он сидит, скрючившись, на крыльце своего дома, он сонит и скулит, а мочальная борodka вся мокрая от слез. Несчастный сегодня выдался день для Аггея. Утром — прибежал в шинок, а шинкарь — гнида, —

заместо стонки — фигу под нос; деньги на бочку! Сиёр тогда Аггей у Ниловы полушалок и пропил. Верно, был грех, пропил полушалок! Но, скажи ты, поспалуйста, что еще было делать. Не торопиться ж, лу? А Нилова, паскуда, как схватилась полушалка, так закричала, закричала, затонала, а потом прискакала в шинок, сгребла супруга за волосы и ну, таскать, ну, мотать. Всю душу вымотала! Эх, ты! Аггей вост, скулит и кулакком трет мокрые щеки и нос. Не везет ему чего-то, Аггею! Всю жизнь, всю жизнь, с тех пор вот голод, только и видит что горе да лихо. Да других-то он и не жлет. Чего ждаль-то? Что Нилова околет? Не дождешься! Здоравая баба! Кобыла, холера ее бери! Нет, впереди одно только маячит: могила и осиновый крест на омгилке. Аггей, не оборачивалась, стучит локтем в дверь, робко стучит, виновато.

— Пелагея! Пашка! Открой!
Полнают зарницы. По небу перекатывается гром. Быть грозе. А Аггей боится грозы.

— Пелагея! Пашка!

Но за дверью тихо, ни звука. Аггей знает: спит Нилова. А когда Нилевна спит, ее не разбудить. А разбудить если, тоже радости мало: выругается и на другой бок перевернется. А не откроеет. Ни в жисть. Паскуда — баба! Гадека!

И Халабес не опит. Этот рыжебородый вор и философ, бластитель устоев — «покажем вам, хворобы, бунтовать! ноги выдернем!» — занят сейчас делом — бакалейную лавку «чистит». Впрочем, нет, не так. Пока еще не «чистит», пока еще замки паламывает. И вот что удивительно: открыто ведь, пёс, заламывает, будто ему сам хозяин поручил снять замки, гремит и стучит, что кузнец в кузне. Чорт знает что! Вор ведь, тать ведь, — су-у-еки сын! Ему по всем законам, человеческим и божеским, полагается не шуметь, красться, тайком да тишком. А он что делает? Стучит, грохочет и на помонщика, на горбуна, покрикивает:

— Ты что десь-то, чурбан? Клещи дай!
И гулко отвечает эхо: «лещи дай!»

На другом конце месточка, в доме станьего управленя, не спит урядник, Никифор Иванович Солоненков, дядя тучный и рябой. Он сидит на канале, обитом полосатым ситцем, против окна, а окно открыто, и слышно, как где-то на базаре кричит и ругается Халабес, вор: — «чур-

פ'רס'ו

אין זאמד

ניט ווייט פון איינעם א לאנד האט א זונג וואסער זיך געצויגן און איז ווייטן יאס געלאָפן, באַ דעם זעלבן יאָס האָט זיך אַמאָל אַ זעמדעלע פאַרווייט, פאַרווייט און אויסגע-וואַקסן. יאָרן לאַנגע האָבן זיך געצײלט אין טױזנטער, און די זאַמד האָט זיך פאַר דער צײט צעוואַקסן אַף מײלן, זיך אױך צעוואַקסן אין אַ יאָס, אין אַ זאַמד-יאָס.

איינמאָל אין אַ שטילער שאַ, ווען סיגוואָרן אומעטיק בײדע יאַמען ליגן אײנס לעבן צוױטן, האָבן זײ צוױשן זיך גענומען פאַרברענגען און זיך גענומען ברוטשקען צוױשן זיך. קען אַבער דאָס וואַסער די זאַמד ניט פאַרגיטן, און סײקען די זאַמד דאָס וואַסער ניט פאַרשיטן, און דער וױנט דרייט זיך, רוט ניט אײן און רײצט אײנס אַפן צוױטן. אַט העלפט ער דעם, אַט העלפט ער יענעם און סײקומט גאָר ניט אַרויס, טוען בײדע יאַמען צוױשן זיך אַ שמועס:

— טאָ וואָס פאַרט קענען מיר טאָן, ווען סײוערט אונז אומעטיק. איז באַ זײ געבליבן אַזױ:

באַרימער וועלן אַמאָל אַהער פאַרבאַנדזונ, וועט ניט שאַטן מיט זײ זיך פאַמעלעכן אַ שפּיל טאָן.

שטייט אַ דאָרף אַרום דעם אויסגוס, שטייט שױן יאָרן לאַנג. די וױבער פלעכטן דאָרט נעצן, די יונגעלייטלעך פראַווען גענײוועס און די עלטערע? די אַלטע כאַפן פּיש, רױכערן לײלקעס און אײבער די אַפדערנאכטן דער-

צײלן זײ זיך אײנער דעם אַנדערן וױ זײ זײנען אַמאָל יונג געווען.

נײ, איז גוט.

וואַקסן דאָרט אונטער אין אײן יאָר 14 באַכורײם, אַלע אײנס און אײנס. אײנער קאָן פּופּצן פּוּד טראָגן, דער צוױט-טער קען אַנאַקס דערשלאָגן, אַ דריטער, אַ פינפטער, אַ צענטער קענען די ערגסטע הינט די מײלער פאַרשטאַפּן. די שטאַרקסטע שלעסער נעמען און אױב שטייען פּערד אונטער די שלעסער איז אַבי גוטע—טאָ גיב זײ אַהער! און נאָך קונצן קענען זײ מאַכן די כעורע. האָבן זײ טאַקע פאַר קײנעם קײן מױרע ניט. בעשאַס די אַלטע דער-צײלן מאַיסעס, שמײכלען די אינגע אונטער די וואַנטעס, פּינעלען אונטער מיט די אױגן און כאַפן אַ גענעץ:

— מײלע (עפעס בעסערס האָבן זײ דאָך ניט די אַלטע לײט, כּוץ דערצײלן וואָס אַמאָל איז געשען).

קומט אײנמאָל אונטער אַ יאַריד אַפן קאַנט, נעמען כעורע און רערן אָפּ צוױשן זיך:

— דאָרט און דאָרט איז דאָ אַ פאַרעץ, האָט ער אָף זײן אײגנס אַ שײנע טאַכטער, טאָ זאָל ער זיך עמשער האַלטן מיט איר; האָט ער געלערנטע הינט, קען מען זיך אַנאַיצע געבן.

האַט ער פּערד אונטער די שלעסער, קענען זײ צײ-נוץ קומען.

גערעדט און געסאָן און גאַנץ פּריי רײטן שױן פּערצן יאַסן אַף פּערצן פּערד אין שטאַס אַרײן אַפן יאַריד. האַנדלען וועלן זײ מיט וױיץ און מיט קאַרן. וױיץ און קאַרן איז אַבער דאָרט ניט צו

קייגן, האָבן כעוורע אין שיינק זיך פארטרונקען, ביז שפעט
 לעך זיך פארזעסן, יא א לידל ניט קיין לידל, מאטאנעס
 אהיים די מיידלעך טימען איינגעקויפט. די פערד שוין
 לאנג אף גאלד אויסגעפיטן, דאס גאלד אין די טאשן, די
 מאטאנעס אין די בועמס און זיך אוועקגעלאָזן די יאטן
 אף א גאנצער נאכט מיט א ניגון און מיט א פריילעכן
 געמיט איבער די זאמדן אין א צווייטן דאָרף אף א צווייטן
 יאָרִיד. עפּשער וועט דאָרט איך ניט זיין אומעטיק.
 אין מיטן וועג צערעדן זיי זיך די יאטן. איינער זאָגט:
 — לייג מיר אָן א זאק מיט זאמד אָף די פלייצעס און אָפּ
 זאק נאָך א זאק, פארטראָג איך אים אין צווייטן דאָרף
 אריין.

זאָגט אן אנדערער:
 — וואָלט מיר דאָ שטיין א בוים אנטקעגן, רייס איך
 אים אויס מיטן וואָרצל און טראָג אים אין דער רעכטער
 האַנט פאר א שירום: באַטאָג זאָל די זון ניט באַקן.
 זאָגט דער דריטער:
 — גיט מיר א פערד א דריי יאָריקן, נעם איך אים אָן
 פאר די אונטערשטע פיס און וואָרף אים אריבער איבער
 זיך.

— וועמען הערן מיר, כעוורע?
 — קיינעם ניט!
 מיר זענען בעריעס אי אין פייער, אי אין וואסער. הורא!
 הורא!

האָבן די כעוורע ארויסגענומען נאָך א פאָר פלעשלעך
 פון די טאשן, האָבן איבעראַנײט געמאַכט א לעכאָים, זיך
 אויסגעפּוצט און סטיינגעס, אַרום איז קיינער ניטאָ, נאָר נאכט

און הימל, זאמד און וואסער. די זאמד איז שוין געשלאָסן,
 די וואסער, איך, און יענע כעוורע גייען און ליאַרעמען, זיי
 טומלען און היטן זיך ניט, אַזוי ווי פּא זיך אין דער היים,
 האָט עס טאָקע דער זאמד פארדרראָסן:
 — וואָס פאר א דערעך - ערעץ איז עס?
 דערווייל האָט זיך א ווינטל אַראָפּגעוויזן:
 — וואָס פאר א געסט זיינען דאָס אַזעלכע צעהן-
 לייעטע.

האָט זיך די נאכט א היידע געטאָן, דער ווינט א טראָג
 אונטער געגעבן.

דאָס וואסער ווייגט זיך, די זאמד זייגט זיך.
 — אהא זאָגט איין באַכער, — א זאווערוכע!
 זאָגט דער צווייטער:
 — איך הער זיי אין פּיאַטע.

זאָגט דער דריטער:
 — א שאַ גאַנג זיינען מיר אפן וועג.
 — מע לאַכט, — מאַכט די זאמד, — מע לאַכט.
 די זאמד זייגט, דער ווינט שפּילט און דאָס וואסער ווייגט

זיך, די זאמד הויבט זיך גאַנצע ליילעכערווייס און די
 יינגען ווערן דערווייל ביז:
 — פולע אויגן! — מאַכט איין יאט.
 — פולע אויערן! — מאַכט דער אנדערער יאט.
 — טפו! א פולן מויל אַנגעשאַטן, — שעלט זיך דער

דריטער.
 — לאַמיר זיך לייגן?
 — ווי זיך לייגן?
 — געגאַנגען זאָל ווערן!
 — געגאַנגען זאָל ווערן!

צינדק

אין איינעם א לאנד, אין איינער א מעדינע, נישט נאָענט
נישט ווייט, האָבן געלעבט א פאָר לייט. גווירים זיינען זיי
מיט מאַטעריביש: זי האָט געהאנדלט מיט בייגל און ער האָט
געווייט טוטין. און פאַרמאָגט האָבן זיי ביידע קינדער א טויזן:
איינס שענער פונם אַנדערן.

דער ערשטער קען קיין אלעף נישט זאָגן.
דער צווייטער קען א טאטן שלאָגן.
דער פינפטער וויל דאָס קינד נישט האַלטן,
דער צענטער קען קיין קין נישט שפּאַלטן.

אין דער צוועלפטער, טאמע דער קלענסטער, איז גאָר
א מעשוונע מאַדנער: א דינער, א לאנגער, אלט דריי באַ-
דאָשים, וויל ער אין וויג נישט ליגן, ווערט אים א יאָר —
קען ער א קאלב זיי ביינער ברעכן; טאטע - מאמע שעמען
זיך מיט אים און קענען זיך קיין איינע נישט געבן. קלערן
זיי און קלערן, נישט קיין סאך געקלערט און אָפּגעפירט
צינדלען אין שול אריין זיך לערנען. די קינדער האָבן דער-
זעען אזא לאנגן, האָבן זיי זיך אלע דערשראָקן. ווער ס'האָט
צעגאָסן דעם טינט, ווער צעוואַרפן די ביכער פאַר איילע-
ניש, און קיין איינער איז אין שול נישט געבליבן, זיך
צעלאָסן.

— און דער וואָרד איז דינער?
— ניין, ניט מיינער.
— די שפענער דינער?
— ניין, ניט מיינער.

האָט אים אומגעקערט צוריק הינדעלע די אויגן. אים
א נאָ: ען געגעבן לעקיש און אוועק צוריק צום ברודערל
מיטן מיידעלע. און דאָס מיידעלע, איך קען זי, וומער
טראָגט זי שפענער אין שטאָט, ווינטער גייט זי אין שול
זיך לערנען.

די פּאַפּע קומט אלע מאל צום הינדעלע צו גאסט און
דער פּאַרעץ איז שוין ניט קיין פּאַרעץ, נאָר א לעקיש.
דער וואָרד איז פראַנק און פריי. ווינטער פירט מען
קלעצער פון דאָרט און וומער גייען מיר מיטן מיידעלע
און מיט אלע קינדער אהין זיך שפּילן.

זעט די לערערין אזא מאַסע, נעמט זי וויינען:
 — ליבניקער, טייערער, איך מײן נישט אייך פאליידיקן.
 כוועל נאך מוזן איבער אייך די שול פארלאזן. און האָט
 אים גענומען פאמעלעך פאר אַ האַנט (אין איין העמד איז
 ער נאך געגאנגען) און אים אָנפערט אַהיים. זעען טאַטע-
 מאַמע: סײלעכט, לאָזן זיי אים וואַקסן נאָך אַ יאָר, נייען
 אים אויף אַ פאַר הויז און פירן אים אָפּ צו אַ שוּסטער.
 — אַנו, זאָגט דער שוּסטער, — לאַמיר זען, וואָס דו
 קענסט, קלאַפּ אַריין אַ משוואַק אין שטיוול אַריין.
 נעמט צינדל דעם האַמער, טוט פאַמעלעכן אַ הויב די
 האַנט און קנאַק אין קוימען אַריין, צעבראַכן דעם קוימען
 אָף שטיק-שטיקלעך.

— ע, גוטער ברודער, — זאָגט דער שוּסטער, — ביזט פאר
 מיר קיין פאַר נישט. און עפנט אים די טיר. גיי דיר גע-
 זונטערהייט, אָף אלע פיר זייטן.
 די מוטער וויינט, דער פאַטער זאָרגט זיך. לאָזן אים
 אין פעלד די גענו פאַשען— שרעקן זיך פאַר אים קינד און
 קייט און לאָזן זיך לויפן. די קי לויפן, די שעפּסן שפּרינגען
 און די פאַסטעלעך וויינען. האָט מען אָנגעזאָגט טאַטע-
 מאַמען, זאָלן זיי בעסער דעם שיינעם זון פון שטוב נישט
 ארויסלאָזן, אויב נישט, שטעלט מען זיי אונטער אַ רויסן
 האָן און אַ טאָף זאָל דאָס נעמען.

האַלט מען אים טאַקע אין שטוב און מע לאָזט אים אָף.
 דער ליכטיקער שיינ נישט אַרויס. עסן עסט צינדל אויב
 נישט פאַר דרייען, איז פאַר צען: צוויי לעבלעך ברויט אָף
 אַנבייטן איז ווינציק, און אָף וואַרמעס אַ מעסטל קאַרטאָפּל,
 אַבי גיב. אַלע קינדער האָט מען צעשיקט פאַרדינען און

162

טאַטע- מאַמע אַליין אַרבעטן פון פינצטער ביז פינצטער און
 מע קען צינדלען נישט אַנזעטיקן.
 קומט צו גיין אַ שאַפּן אַ שמיד. ער קען טאַטע- מאַמע

צאָר נישט צוועקן. זאָגט ער:

— גיט מיר אָפּ דעם באַכער, איך וועל אים נעמען אין
 דער אַרבעט, סײַקען פון אים אַרויס אַ גוטער שמיד!

און צינדלען איז שוין דענסטמאָל געווען מער ווי נײַן
 יאָר מיט צען כאַדאַשים: איז ער שוין געווען אַ גרויסער.
 אין קווינע האָט ער מיטן קאַפּ דעם דאָר אונטערגעשפאַרט.
 קלאַפט ער מיטן האַמער און קלאַפט, אַז די קאָוואַדלע
 שפאַלט זיך, די ערד ציטערט אונטער אים און די קלעפּ
 הערט מען פון איין עק שטאַט ביזן צווייטן. טראָגט מען
 פון אַלע זייטן אַרבעט צום שמיד און דער שמיד פרייט
 זיך. טאַמער ווערט דער בלאַז-זאָק קאַליע, שטעלט זיך אַוועק
 דער יונג אָף די קני, טוט אַ בלאַז פון פולן האַלז, פאַר-
 שפאַרט מען שוין צו אים צען בלאַז- זעק. רעדט אָפּ דער
 שמיד מיט צינדלס טאַטן— 5 ברויט גיט איינער און 5— דער
 צווייטער, — צום- ברויט וועט שוין דעם שמידס ווייב געבן.
 דערצו וואַקסט פאַב שמיד אַ טאַכטער, וועט עפּשער נישט
 שאַטן אַמאָל אַ שידעך טאָן.

אַנומלטן ברענגט אַ שאַפּן אַ גוטן פערד אונטער-
 שמידן.

דער פערד שרעקט זיך, כראַפעט, שלאָגט זיך מיט
 די פיס. און סײַז זיך שווער אַן אייצע געבן. גייט אַרויס
 צינדל, לייגט זיך אָן אָפּ פערד, דאַכט זיך, גאַרנישט שטאַרק,
 און ברעכט אים איבער דעם רוקן.

יײ

163

— ע, גוטער ברודער, — זאגט דער שמיד, — אז דו וועסט מיר אזעלכע שאדנס אנטאן, וועל איך מיט מיין שטוב און מיט מיין קווינע זיך ניט אפצאלן, גיי דיר בעסער אהיים צום טאטן. ער האט אזא זון אויסגעוואקסן, — זאל ער זיך האלטן מיט אים. ציינדל איז שוין אבער ניט געווען קיין נאר. האט ער נישט געוואלט גיין אהיים, די מאמע זאל אכצן איבער אים און דער טאטע זאל קרעכצן. בייער זיינען בא אים געווען געזונטע אף איבערטראגן סאיי שניי, סאיי קעלט, סאיי ווינט און סאיי האגל. האט ער נאר אנגעקלאפט אין פענצטער צום שמידס טאכטער, איר אנגעזאגט זי זאל וואקסן וואס שטארקער און ווארטן אף אים און אליין האט ער זיך אוועקגעלאזן איבער די וועלדער.

די בוימער וואקסן הייך און ציינדל וואקסט העכער, די בוימער וואקסן שטארק און ציינדל איז שטארקער, צעלייגט ער צווייגן, קלאפט ער אן פון שטיינער פייער און פרעגלט שוואמען, וויפל ער וויל, עפל עסט ער רויק, און ניט בא האלט ער אף ווינטער.

באנאכט נעמט ציינדל קריכן איבער די בוימער, פון איין בוים אפן צווייטן, וזכט אף האניק און נעמט אן פולע הויפן און עסט, עסט און עסט ביז סיווערט אים אומעטיק. נעמט ער שרייען און רופן אף א קאל: הו-הו-הו. דעהערן די בוימער, ענטפערן זיי אף, דעהערן די כאיעס — נעמען זיי אן רעווען, דעהערן די פויגלען אין די נעסטן — הויבן זיי אן זיך איבערצורופן, ווערט א געטומל אין וואלד, אלע בורן צעלויפן זיך, אלע פערד דערשרעקן זיך און א פרעמדער האט זיך מוירע אפילע א פוס אהין ווייזן. אזוי זומער, אזוי ווינטער.

און ווינטער פלאצן די בוימער פון די שטארקע פרעסט, ציינדל אבער האט קיין מוירע ניט. ער גייט אום, זוכט און גראָבט אין שניי: וואו ליגט דאָרט דער בער, וואו זייגט ער דאָרט זיין פּעדערשטע פּוס, און ער שלעפט אים אַרויס די פּוס פּון מויל.

— גענוג, — זאָגט ער, — דיר זויגן א פּוס איז ניט קיין צוקערקע.

און דער בער האָט ליב ציינדלעך, שווייגט ער אים אָפּ. דערווייל האָט זיך ציינדל פאַרגעסן, ווי אזוי ער הייסט און איז נאַר געוואקסן. ער איז אַלט געוואָרן פּופּצן, — וואַקסט ער אַלץ; איז אים געוואָרן זעכצן — וואַקסט ער אַלץ; איז אים געוואָרן זיבעצן...

הערט ער, אז די בוימער ריידן, הערט ער, אז כאיעס רוען נישט איין, זעט ער, אז דער הימל איז רויט און זאגט עפעס אָן. מעסט זיך אָפּ ציינדל מיטן העכסטן בוים, און רופט זיך אָן: גענוג זאָל זיין און א סאָף זאָל דאָס נעמען! און אַפּילע ניט געזעגנט זיך מיטן וואַלד, פאַרלאָזט ער אים און לאָזט זיך לויפן אהין, וואו מענטשן וואוינען.

קומט ער צו גיין אין דער גרעסטער שטאָט. זשומען דאָרט מענטשן אָפּ די גאַסן, ווי בינען אַרום אַ בינשטאָק. דערזעען די מענטשן אזא באַכער איז אין שטאָט אַרײַן, מיט אזא ביסל גוואורע, האָפן זיי זיך אַלע אַרומגעשטעלט אַרום אים און ער האָט געזען ווייזן, וואָס ער קאַן. בויגט ער אָן דעם רוקן, קען אַ ראַטע סאַלדאַטן גיין איבער אים הין און צוריק, ווי איבער אַ רויטן פּלאַץ. בויגט ער אָן די ברוסט, קענען זיך דריי קווינעס אוועקשטעלן מיט שמידן און מיט קאָוואַלדעס, שמידן און שמידן און אים וועט גאַרניט אַרײַן.

זאָגן אלע לייט:
 — אין אַן אנדער צייט וואלט מען אזא באַכער אין
 בלויע הייזן אַנגעטאָן, אין זיידענע העמדער מיט רויטע
 סטענגעס און אים פארן גרעסטן גיבער אויסגערופן. איצט
 איז אַבער ניטאָ קיין צייט זיך מיט אים צו פאַרנעמען. מע
 דאַרף גיין איין-מיט-אנאנדער מילכאַמע פּירן.
 האָבן גענומען פּייפן די טרומייטן, האָבן גענומען שטעפן
 די פּילעמיאַטן, האָט יעדערער געבראַכט זיין טייטל און זיך
 געלאָזן לויפן אין סטרוי.
 — אויב גיין מילכאַמע האַלטן, — זאָגט ציינדל, צו זיך
 אליין, — וועל איך מינאַסטאָם ניט בלייבן דער לעצטער.
 — לאַזט אַ וועג!
 און זיך געלאָזט לויפן איבער די וועגן.
 לויפט ער און לויפט שלאָך-איין, שלאָך-אויס. פאַרט אַ
 צוג. דער פּייפער לויפט פאר פריער, די וואַגאַנען לויפן נאָך.
 — וואָס פירט אַ צוג? — פרעגט ער.
 — כאַיעל! — ענטפערט מען אים.
 — וואוהין גייט דאָס כאַיעל?
 — מילכאַמעס האַלטן!
 — נעמט מיך אויך, — בעט זיך ציינדל.
 — קום: און וועמען ווילסטו שלאָגן?
 קלערט ציינדל און קלערט און רופט זיך אָן.
 — געווען בין איך אַ שמיד און היינט בין איך אַ גיבער.
 איך וואָלט וועלן שלאָגן גראַבע בייכער און ווייסע הענט!
 — האָ? וואָס? נייין! — מאַכט דער עלטסטער, — אזא ווי
 דו דאַרפן מיר ניט! אזא, ווי דו דאַרפן מיר פיר יאָר שיטן
 און דריי יאָר הענגען!

(166

— שטיי! אַט שיטן מיר דורך! אורא!!!
 האָבן זיך ארויסגעקיקלט פון די וואַגאַנען גראַבע ביי
 כּער מיט געפרעסטע העמדער אַפן האַרצן און גענומען
 טייטלען אָף ציינדלעך מיט די פינגער, גענומען הוטן און
 פאַרגיין זיך. האָט זיך ציינדל צעלאַכט.
 — דו לאַכסט נאָך? — שרייען זיי צו אים — אַט שיטן
 מיר דורך! אַט שיטן מיר דורך! און דערווייל שנייצן זיי די
 גראַבע נעז אין די געפרעסטע טיכעלעך אריין.
 זאָגט ציינדל:
 — ניטאָ אָף וואָס צייט אויסברענגען — און ער נעמט
 און טוט אַ קער איבער דעם צוג, צעפאַלן זיך די וואַגאַנען.
 דער פּייפער פּייפט, די וואַגאַנעס וואַרפן זיך אָף די רעלטן
 און די גראַבע בייכער ליגן שוין און דריגען מיט די פיס.
 און ציינדל האָט זיך ניט אומגעקוקט — ניטאָ קיין צייט
 און איז אוועק זיין וועג.
 גייט ער און גייט שלאָך-אויס, שלאָך-איין, פאַרט ווי-
 דער אַ צוג. דער פּייפער לויפט פאר פריער און די וואַגאַ-
 נען לויפן נאָך.
 — וואָס פירט מען אין די וואַגאַנען? — פרעגט ציינדל.
 — כאַיעל! ענטפערט מען אים.
 — וואוהין גייט דאָס כאַיעל?
 — מילכאַמעס פירן.
 זעט ציינדל, די הענט זיינען באַ זיי אין סאזשע גע-
 קנאַטן, די העמדלעך אין בויםל פאַרשמירט, די שטערנס
 שטאַרקע און די הענט געוונטע. זיינען זיי אים זייער גע-
 פעלן געוואָרן. זאָגט ער.
 — כאַווייריט, נעמט מיך מיט!

167

— וועמען וועסטו שלאגן? — פרעגן זיי אים.
 זאגט ציינדל:
 — געווען בין איך א שמיד און היינט בין איך א גיבער.
 כוואַלט וועלן שלאגן גראַבע ביכער און ווייסע הענט!
 עפנט מען אים אויף איין וואַגאָן. זיינען באַ ציינדלעך די
 פיס צו-לאַנג, קריכט ער ניט. עפנט מען דעם צווייטן וואַג-
 גאָן, איז די קאָפּ צו-הויך.
 זאָגט ציינדל:
 — וואָס דאַרפט איר זיך מאַטריעך זיין? איך קען ארויס-
 קריכן ארויף.
 איז ער אַרויף אַפן דאַך. דער צוג פאַרט און ציינדל
 רופט אויס, הערט מען פון איין עק וועלט ביזן צווייטן.
 — פאַרטרייבן מוז מען די גראַבע ביכער מיט די ווייסע
 הענט!!
 די גאַנצע וועלט ציטערט און ציינדל קריגט זיך דער-
 ווייל וואו א פּעלד און וואו א וואַלד, וואו א דאַרף און
 וואו א שטאָט. אזוי איז ער אַלט געוואָרן אַכצן יאָר און
 נייַנצן און צוואַנציג און אַזילע איינאַנוואַנציק.
 ביז איינמאַל קומט צו גיין דער עלטסטער פונם כאַיעל
 און רופט זיך צו אים אָן:
 — גענוג, ציינדל! דאַכט זיך, מיר האָבן זיי שוין אַנגע-
 לערנט. איצט קום אין שטאָט, וועלן מיר דיר מאַכן א
 יאָנטעוו.
 איז מען געקומען אין שטאָט. זשומען דאַרט מענטשן,
 ווי בינען ארום אַ בינשטאַק. כול און כול, און יאָנטעווידיקע,
 פאַנען הענגען אָפּ אַלע גאַסן. זיינען געקומען מיידלעך מיט
 ברענענדיקע קליידלעך, זיינען געקומען אינגלעך מיט

168

פאַרקעמטע קושערלעך. איז אַרױסגעגאַנגען ציינדל צו
 זיין טאַטן און זיין מאַמען, זיך מיט זיי איבעראַנױס באַקע-
 נען און זיך מיט זיי איבערבעטן. רופן זיך אָן צו אים זיינע
 ברידער:
 — זיי אָפּ אונז נישט ברויגען, ציינדל, מיר זיינען אין
 שטוב ניט געווען און די הענט נישט צונױפגעלייגט. אַלע
 זיינען מיר אין פּעלד געווען, מילכבאַמעס געפירט, וועמען
 דו האָסט געשלאָגן, דעם האָבן מיר פון שטאָט אַרױסגע-
 וואָרפן, די איבעריקע האָבן מיר אין די שױבע הייזער אַרױס-
 געזעצט. זאָל אַ שוטטער שוטטערן און זאָל אַ שניידער
 שניידערן און זאָלן די פאַבריקן די שענסטע לידער שאַלן.
 דערהערט ציינדל וואָס די ברידער זאָגן, האָבן זיך אים
 געשטעלט טרערן אין די אויגן פאַר פרייַד. איז ער זיי גע-
 פאַלן אָפּ האַלז און זאָגט:
 — בלוט! איך בין מיט אייך גוט!
 האָבן אַלע מיידלעך מיט אַלע אינגלעך גענומען פאַכען
 מיט די פענדלעך, גענומען רופן און שרייען: זאָל לעבן
 ציינדל! זאָל לעבן אונזער גיבער! איז אַוועק אַ רופעריי
 איבערן גאַנצן שטאָט. זיינען פון פאַרשטאַט געקומען צו-
 לויפן דער שמיד און זיין טאַכטער. די מויד איז טאַקע
 אויסגעוואַקסן אַ שטאַרקע, אזוי ווי ציינדל האָט איר אָנ-
 געזאָגט.
 האָט מען געשטעלט אַ כאַסענע. פויקן האָבן געפויקט.
 קויעמעס האָבן געפייפט, דראַטן האָבן געהודעט און פון
 איין עק שטאָט ביז דעם צווייטן האָבן זיך געטראָגן טענץ
 מיט קוילעס:
 "האַרְאַפּאַשניקעס פון דער גאַנצער וועלט, אוראַ!"

169

שטעלט זיך קעצעלע אף הינטעלע, כאוערל אף קעצעלע
און מאַטעלע דערלאַנגט אים אַ האַנט. אַזי כאוערל איז
ארויף, האט זיך קעצעלע ארויפגעדראַפּט און הינטעלע איז
ארויפגעשוּנדענען. דאָ וועט זיך שוין האָן גאַלאַנגט ניט
אריינמישן. שפּילן זיך די קינדער און זען גאַרניט, אז די
בויד איז פון הויף אַרויסגעפאַן. אַפּגעפאַן אַ גאָס און
צוויי, און זיי ווייסן אלץ ניט. פּאַרט דורך די בויד פארביי
אַ קלויסטער. גענומען דער קלויסטער קלינגען. די קינד-
ערלעך קוקן זיך אום: וואו זיינען זיי?
— מאַמע! — האָבן אלע קינדערלעך אין איין קאַל
אויסגעשרייען.
דערהערט דער פּורמאַן, עמיצער איז דאָ אפּן בויד,
האַט ער גענומען איינציקווייט די קינדערלעך אף דער
ערד אַראָפּגעלאָזט און אוועקגעפאַן.
די קינדערלעך האָבן זיך פּאַרקוקט אף די פּורן, אף די
מענטשן, אַנשוויגן געוואָרן אף אַ רעגע. און באלד זיך
דערמאַנט, צוריק גענומען וויינען אף אַ קאַל, וואָס אַמאַל
שטאַרקער.
גיט אַקוראַט אַ אינגעלע פון כּינדער. דערווען קינדער-
לעך וויינען, לויפט ער אוועק און ברענגט זיין מאמע.
פּרעגט דעם אינגעלעס מאמע מאַטעלען:
— וועמעס ביסטו, אינגעלע?
— דער מאמעס, — זאָגט מאַטעלע.
פּרעגט זי כאוערלעך:
— וועמעס ביסטו? — דער מאמעס...
הינטעלען:
— וועמעס ביסטו? — דער מאמעס...

78

קעצעלען:
— וועמעס ביסטו? — דער מאמעס...
זאָגט דעם אינגעלעס מאמע:
— וויינט גיט, קינדערלעך, קומט, באַ מיר אין קלייט
איז פּאַראַן שיינע זאַכן. קלייבט זיך אויס וואָס איר ווילט —
וועל איך אייך געבן.
פּאַרפירט זי זיי אין קלייט אריין.
זאָגט מאַטעלע — ער וויל אַ רויט העמדעלע מיט אַ ווידן
גאַרטעלע. נעמט דעם אינגעלעס מאמע אַראָפּ פון פּאַליצע
אַ רויט העמדעלע, טוט אָן מאַטעלען, פּאַרבינדט מיט אַ
זיידן גאַרטעלע און לייגט אים נאָך אריין אין קעשענע
אַ ניטעלע.
זאָגט כאוערל — ער וויל אַ פּאַר שטיוועלעך אף קריכן
אין בלאַטע.
נעמט אַראָפּ דעם אינגעלעס מאמע פון שטאַנג אַ פּאַר
שטיוועלעך, טוט אים אָן און גיט אים נאָך אַ הארטע צי-
קערקע אף כּראַמטשען.
זאָגט קעצעלע — זי וועל אַ פּאַר בריילן. מאַיטעלעך וועט
זי ליינען.
נעמט דעם אינגעלעס מאמע פון אַ שידל אַ פּאַר בריילן
ארויס, פּאַרשטעקט דעם קעצעלע פּאַר די אויערלעך און
פּאַר פלייסיקייט טוט זי דעם נאָך אָן אַ בליטשענעם
טשיפּיקל.
און הינטעלע קלערט און קלערט.
ער וויל אַ היטעלע מיט אַ גלאַנציקן דאַשעק.
נעמט ארויס דעם אינגעלעס מאמע פון אַ פּודל אַ
היטעלע מיט אַ גלאַנציקן דאַשעק, לייגט אים ארויף צווישן

79

די אייערלעך אפן קאפ און טוט נאך אים אן אפן האלז א לעזערן פאסיקל מיט א גלעקלעך און זאגט:

— היינט זיינט איר וואוילע קינדער, וואס איר וויינט ניט. נעמט זיך פאר די הענט און גייט צו אייערע מאמעס. האבן די קינדערלעך געגעבן נאך א קוק אפן אינגלע מיט זיין מאמע, פארקערט זיך צו דער סיר און אוועקגע-לאפן אהיים.

גייט מאטעלעס מאמע אן אקעגן און דערקענט ניט. זאגט זי צו זיי:

— קינדערלעך, עפשער האט איר געזען מיין מאטעלען? צעלאכט זיך מאטעלע.

— אט בין איך דאך, מאמע!

— טאקע? — זאגט די מאמע — וואו זשע האסטו א העמ-דעלע גענומען מיט א קוטאסל?

דערציילט מאטעלע: אזוי און אזוי, דעם אינגעלעס מאמע האט א מאטאנע געגעבן.

גייט כאוערטע און רעדט צו זיך אליין:

— פון צוועלף קינדער מיינע, דער שענסטער און דער קלוגסטער ניטא.

באגעגנט זי די קינדערלעך און דערקענט ניט.

— קינדערלעך, — זאגט זי, — עפשער האט איר געזען? וואו כאורל בורן?

צעלאכט זיך כאוערל:

— מאמז, אט בין איך דאך!

— טאקע? און ווער האט דיר שטיוועלעך אנגעטון?

דערציילט כאוערל: אזוי און אזוי, דעם אינגעלעס מאמע האט א מאטאנע געגעבן.

גייט קאך אלטע, דעם עק אראפגעלאזט און פארזארגט. באגעגנט זי קינדערלעך, דערקענט זי ניט.

— קינדערלעך, עפשער האט איר ערגעץ געזען קע-צעלע מורע?

צעלאכט זיך דאס קעצעלע:

— מיאא, מאמע, אט בין איך דאך!

— טאקע? און וואס פאר א בריילן מיט א טשיפיקל טראגסטו?

דערציילט קעצעלע: אזוי און אזוי, דעם אינגעלעס מאמע האט א מאטאנע געגעבן.

גייט הינטיכע פארזארגט: פון פינף קינדער אייער געבליבן, און דער שוין איך ניט געסטאיעט.

באגעגנט קינדערלעך גיין, דערקענט זי ניט.

— קינדערלעך, עפשער האט איר געזען, צי באגעגנט וואו הינטעלען האוו?

צעלאכט זיך הינטעלע:

— אט בין איך דאך, מאמע!

— טאקע? וואו זשע האסטו א היטעלע גענומען און א פאסיקל מיט א גלעקל?

דערציילט הינטעלע: האוו און האוו, דעם אינגעלעס מאמע האט א מאטאנע געגעבן.

אך מארגן אינדערפרי זיינען די קינדערלעך פארפוצטע אין הויף ארויס און געטראפן האן גאלאגאן שארן מיט די לאנגע פיס דעם מיט.

האבן זיי אים דערציילט וואו זיי זיינען געווען און וואס זיי האבן געזען. האט זיי האן גאלאגאן מעקאנע געווען.

דריי שוועכטערדעך

געווען זיינען אמאל דריי שוועסטערלעך. איינע האָט געהייסן זעזא, איינע טאָכא און איינע ציטא. גייען זיי אלע דריי און גייען, באַזעגנט זיי אַ באַבינקע אָן אלטע און פרעגט:

- וואו גייט איר עס, מיידעלעך, אזוי שוין?
- אין ערגעץ
- וואָס וועט איר עסן ערגעץ?
- קאַשע.
- וואָס וועט איר טרינקען ערגעץ?
- וואַ-ער.
- סא גייט געזונט.

גייען זיי זיך.

בא זעזען געווען ווייסע האַר, באַ טאטן שוואַרצע, און באַ ציטען געלע-גאַלדענע.

אזוי ווי זיי גייען, שטייט אַ ווייבל און וויינט:

— באַ מיר ניטאָ קיין שיינער צאַפּ—וויינט זיי— טרייבט מען מיך פון שטוב. מיידעלעך, שייניקע, האַרציניקע, גיט מיר עמיצער אייערע אַ צאַפּ!

קלערט זעזא, און ווייס ניט וואָס צו טאָן; קלערט טאָכא, און ווייס אירך ניט וואָס צו טאָן, און ציטא, טאמער די קלענסטע, זאָגט:

— נאָ דיר מירן צאַפּ.

זיינען אוועק די שאַליכים צום עלטסטן און זאָן:

— אדויני עלכסער: אזוי האָט די גרויסע שוף געזאָגט:

די כאַיע. מיט די אויגן זאָל אַראָפּ צו אונז אָפן ברעג, און די כאַיע אָן די אויגן זאָל אַראָפּ אָפן ברעג. און צוויי שווימערס זאָלן מיר איר געבן, וועט זי זיך לאָזן פאַרן אין עק וועלט אריין.

איז אזוי גיב־גיבן.

הינט באַזריק איז אַראָפּ אָף פרישיקע קעסט, היפּטל קרויט איז אַראָפּ אָף מילכיקע קעסט און שיפעלעך האָט מען צוויי שווימערס געגעבן מיט עסן און טרינקען אָף דריי יאר, זאָלן זיי פאַרן אין ברענגען, וואָס זיי וועלן ברענגען.

האַלב וועט זיין אונז, און האַלב אייך.

און אָפן טייך שטייען זיך די צען שיפעלעך, אדע איינע און איינע, נאָר סאַמע די שנעסטע איז טאַקע שיפעלע די קליינע.

גענומען דאָס ווייבל, אַגעשאַרן ציטישקען די צעפ
מיט א שאַרף שערל.
גיט זעט מיט ווייז האַר, טאמט מיט שוואַרצע, און
ציטעל גיט אן אַפּזעשאַרענע, ווי אַ סעפעלע.
געקומען אַהיים, עפּט אויף דער זידע די טיר. גיט
זעט די ע-שטע, זאָגט דער זידע:
— אַ, זעזעל געקומען.
גיט טאמט די צווייטע, זאָגט דער זידע:
— אַ, טאטעלע געזומען.
גיט צינא די לעצטע, דערקענט ער זי ניט, דער זידע,
פרענט ער:
— וועמע מירדעלע ביטו?
שוויגט זי, ציטישקע.
גיט אַוועק דער זידע און פּרענגט צומירן די באפע,
זאָגט די באפע:
— אַז זעט איז געקומען מיט דער צאָפ, טאמט איז
געקומען מיט דער צאָפ, און צינא האט עמינן אַגענען
די צאָפ, — טא זאָל זי גיין אַפּגענען. אויב ניט, זאָל זי אפּילע
אַהיים ניט קומען.
אז ארויס ציטישקע פארן טיר און זעט די היידעלעך
שלאָפן שוין, די טיבעלעך שלאָפן שוין, און דאָס קעצעלע
גיט שוין אויך שלאָפן, און זי, וואו וועט זי גיין אַווי
שפעט?
שטייט זי באַם טויער און וויל וויינען. אַזוי ווי זי שטייט,
גיט אן דאָס ווייבל, און רופט זיך אן:
— וויין ניט, ציטעלע, בא מיר זיצן מירדעלעך אין שפּ-
נען גאַלד, קום, וועסטו אויך שפּינען.

70.

גיט זי מיט איר.
פאַרפירט זי דאָס ווייבל אין אַ שטוב. אָף דער שטוב
איז אן אויבערשייבל, און אפן טאמע אויבערשייבל — אַ
קליין סעמעל. ש-ייען דאָרט אין קעמעל רעדלעך און
א-ים די רעדלעך זיצן מירדעך און שפּינען גאַלד.
זאָגן די מיי-לעך צו ציטישקען:
— ג.רישער קאַפּ, וואָס האַטו זיך געלאָזן פירן
אַהער?..
— דאָס ווייבל איז אַ ביינע, אינדערפרי גיט זי ניט קיין
עסן...
— און פאַרנאכט לאָז זי ניט גיין זיך שפּילן...
ווייט ניט ציטעלע וואָס צו טאָן, זאָגט זי:
— מירן זען.
זאָגן די מירדעך:
— צוויי וואַסערן האָט זי, דאָס ווייבל. גוט וואַסער און
ביין וואַסער.
— פארן שלאָפן וואַשט זי אונז אָפּ די קעפעלעך מיט
גוטן וואַסער — וואַקסן באַ אונז אָן איבער נאַכט לאַנגע
האַר גע-יכטע.
— פאַרטאָג וואַשט זי אונז אָפּ די קעש מיט ביין וואַ-
סער, איז עס שאַרף, ווי אַ כאַלעק, טוען זיך אויס די האַר.
— און אַ גאַנצן טאָג זיצן מיר מיט הייע קעפּ.
— אין צעשפּיען אונזערע צינפ אין ריינעם גאַלד.
זאָגט ציטישקע:
— גוט, מירן זען.
און אליין שפּינט זי לעס רעדל איר אַפּגעשאַרענע צאָפ
אין ריינעם גאַלד.

71

באנאכט קומט דאָס ווייל וואָשן איטלעכן די קעג. גײט
דאָס ווייבל פֿון בעכל צו בעטל. געקומען צו ציטערעס
בעט, זאָגט זי:

— שלאָף, מיידלע, שלאָף, — איך וועל דיר אַפּוואַשן
דאָס קעפּלע, וועסטו זיין רוים ווי אַן פעלעל. געזונטער-
הייט זיך לייגן און געזונטערדייט אויזשטיין.

אַפּוואַשן ציטשטיקן דעם קאָפּ און אַוועק.
געקיימען אין מיטן באַנאכט, ציטישקע טאפט דעם
קאָפּ — שוין אַנגעוואַקסן האָר. וואָס הייטער, ווערן זיי גרע-
סער. שטייט זי אויף פּאַמעלעך, טאפט, טאפט און אנגע-
די טרעפּ. שטייען די בע-לעך צעשטעל און אלע מיידע-
לעך שלאָפּן מיט אַ שטאַרקן שלאָף.

זאָגט ציטעלע שילעהרדייט:

— וואָלט איך אַרויס פֿון דאַנען, וועל איך שוין אייך

אויך אַרויסנעמען.

איז אַ-אַפּ ציטעלע פֿון איינע טרעפּ, אַראָפּ פֿון די
צווייטע טרעפּ אין אלע שלאָפּן אין שטוב מיט אַ שטאַרקן
שלאָף. געקיימען אין הויף, שטייט אַ מירל אָף דריי שלע-
סער פּאַרשלאָסן און הינט גע-צו פּאַרן מירל. זאָגט צי-
טישקע צו די הינט:

— וואָס טוט מען?

זאָגן די הינט:

— מיר קענען דיר אַריבערשטעלן איבערן פּלויס, נאָר
זע, זאָלט אַן אינו גיט פּאַרגעסן.

— גוט, — זאָגט ציטא, — און ווי אַזוי קאָן מען אייך מאַכן
צוריק פּאַר מענטשן?

72

— אז סיוועלן קומען אַזעלכע, וואָס וועלן אַזוי אַנרופֿן
בא אינזערע עמעסע נעמען, וועט זיין גוט.

האט זיך אין איין הינט ג ש: עלט מיט די פעדערשטע פּיס
אַפּן פּלויס פֿון איין זייט, דיר צווייטער הונט פֿון יענער
זייט, און ציטא איז אַרויף און אַראָפּ אַזוי ווי איבער אַ ליי-
סער, און זאָגט:

— מאָגן אין דער צייט זייט גרייט.

גייט ציטעלע איבער דער נאַכט און האָט זיך מייע. זעט
זי, ס'שטייט אַ פּוימעלע, האט זי זיך אונטערגעשטעלט
אונטערן פּוימעלע און אי. ערגעוואַרט ביי נאָג.

פּאַרטאָג כּיגענומען גיין אַ רעגן. גייט ציטעלע מיטן
רעגן.

געגאַנגען, געגאַנגען און פּאַרגאַנגען גלייך אהיים.
קלאפט זי אַן אין סיר, גייט ארויס דער זידע און דער-
זעט, זאָגט ער:

— אַ ציטעלע געקומען, און מיר זיינען אַ נאַצע נאַכט
ניט געשלאָפּן אַן דיר.

זאָגט ציטישקא:

— מירן היינטיקע נאַכט אויך ניט שלאָפֿן.

— וואָס איז? — פרעגן אלע.

— מע טאָר ניט אויסזאָגן, — זאָגט ציטישקא.

און אַ צאַפּ איז באַ ציטען געוואָרן נאָך אַ שענערע, ווי
פּריער.

אַפּגעגעסן אַנבייסן, גייען ווייטער דריי שוועסטערלעך
זיך שפּילן — זעזא, טאַטא און ציטא. גייען זיי און גייען,
גייט אַ ווייבל און וויינט.

— וואָס וויינט איר, ווייבל?

73

— ווי אזוי זאל איך ניט וויינען, — זאגט דאס ווייבל, —
 בא מיר פארפאלן געוואָרן אַ מייַדעלע.
 — אַוועלכע מייַדעלע? — פּרעגט ציטא.
 — אזוי ווי דו אין דער גרויס.
 — גוט, — זאָגט ציטא, — זייט גרייט, ווייבל, היינט אין
 האַלבע נאַכט וועל איר צו אייך קומען.
 גייען זיי ווייטער, שטייט אַ מייַדעלע און וויינט.
 — וואָס וויינטו, מייַדעלע?
 — ווי אזוי זאל איך ניט וויינען? — בא מיר פאַרפאַלן
 געוואָרן אַ ברודערל, אזא שייַנדיקער. איך זוך אים אין
 זוּר, און קען אים ניט געפינען.
 — גיי, — זאָגט ציטא, — צו יענעם און יענעם ווייבל, אין
 זייט גרייט. האַלבע נאַכט וועל איך צו אייך קומען.
 פּרעגן די שוועטערלעך:
 — וואָס איז פאַר אַ מאַיסע?
 זאָגט ציטא:
 — איר וועט וועלן, וועט איר אויך גיין מיט אונז, אויס-
 זאָגן טאָר מען ניט.
 בינאכט האט ציטא גענומען אלע ווייבלעך מיט די
 מייַדעלעך און אוועק צו דער בייזער ווייבלס שטוב. שטיין
 די הינט פארן טירל און ווארטן שוין. זאָגט ציטא צו איין
 מייַדעלע:
 — ווי אזוי הייסט דיין ברודערל?
 — כאַאים, — זאָגט דאָס מייַדעלע.
 — טאָ רוף אויס אין דער הייך: כאַאים, כאַאים, קום
 ארויס!

ציגעגאנגען דאָס מייַדעלע צום טירל און רופט זיך אָן
 מיט אַ ציטערנדיקן קאַל:
 — כאַאים, כאַאים, קום ארויס!
 אין אַרויסגעשווינגען דער ערשטער הויט, זיך געגעבן
 אַ טרייטל מיט דער גאַנצער פעל און געוואָרן צוריק אַ
 שייַן אינגל.
 די אַנדערע האָט אַ רוף געטאָן איר ברודערל, געוואָרן
 פון צווייטן הונט אַ אינגל.
 די שוועטערלעך מיט די ברידערלעך האָבן זיך גענו-
 מען קושן. און ציטא איז אוועק מיט די ווייבלעך איבער
 די טרעפּ, אַנגעטאַט די טירן, געקומען צו די מייַדעלעך.
 די מייַדעלעך שלאָפן מיט אַ שטאַרקן שלאָף. באַ יעדערער
 איז דער קאַפּ מיט גוטן וואַסער אָפגעוואָשן און די האַר-
 וואַקסן פאַר די אויגן.
 גענומען ציטא, אויסגעזוכט דאָס בייז וואַסער און צו-
 גאַסן, אויפגעוועקט אין דער שטיל אלע מייַדעלעך. די מייַדע-
 לעך האָבן זיך גענומען אומקוקן: ווער איז?
 — איר, די מאַמע! — שרייט איין מייַדעלע.
 — איר, די מאַמע! — שרייט אַ צווייט מייַדעלע.
 — און וואו איז מייַן מאַמע?
 — און וואו איז מייַן מאַמע?
 — און וואו איז מייַן מאַמע?
 — אַלע מייַדעלעך האָבן זיך פאַנאנדערגעוועקט און גענו-
 מען זיך פרייען.
 דאָס בייזע ווייבל האָט דערהערט, איז זי געקומען
 צוליבן מיט ראש, גענומען רופן די הינט, ניטאָ קיין
 הינטאגענומען זוכן דאָס בייז וואַסער, — ניטאָ קיין בייז
 וואַסער!

הויף - כאוויירים

דריי כאוויירים האָט מאַטעלע אין הויף געהאַט:

קעצעלע מורע,

כאזערל פורער

און הינטעלע האָוו.

אינמאָל, נאָך אַ גרויסן רעגן, איז מאַטעלע ארויס אין הויף. די כאוויירים זיינען אים אנקעגן געקומען.

קריכן די קינדערלעך אין קאליוזשעס ביז די קני און מעסטן וואָסערע איז טיפער, נאָך קעצעלע מורע קריכט ניט. די זשאַלעוועט אירע סאמעטענע לאַפקלעך אין וואַסער נעצן.

קלערט זיך אָן מאַטעלע אַ שוף בויען. די קינדערלעך איז דאָס וואויל געפּלן. האָט גענומען הינטעלע מיט כאַזערלעך און טייך האַטען, קעצעלע מיט די נעגעלעך שטרוי שאַרן און מאַטעלע האָט פארקאטשעט די ארבל און זיך גענומען די שוף בויען. געמאַכט די שוף פון פאפיר און פון שטרוי, גייט אָן האָן גאַלאַנאָן, טיט אַ קריי. — קערט זיך איבער די שוף און צעפאלט זיך.

— ע, זאָגן די קינדערלעך, — ביסט אזא קונצנמאַכער? וועלן מיר פון דיר אוועקגיין.

שטייט אפן הויף אַ בויד אן אויסגענעצעט און טרוקנס זיך אָפּ דער זין.

77

האַט זי גענומען זיך קאטשען אָפּ דער ערד און שרייען, און די וויבעלעך האָבן זי נאָך גוט אַנגעשלאָגן און אוועק אַלע מיט אַ סימכע אהיים.

אַלע מיידעלעך גייען און ציטא גייט אַזרער. דערהערט אין שטאַט פון דער מאַיסע, איז מען זיי ארויס אַנטקעגן מיט קלעומער, און ציטען האָט מען גע-שענקט דערפאר אַ שיינע גערטנדל אין מיטן שטאַט. יעדער מיידעלע האָט אהין אַ בלומעלע פארטראָגן און אַ גנעמלאַנצט, און יעדער אינגעלע — אַ בויעלע. וויל ציטא גיט פארשליסן דעם גערטנדל, — אַלע קינדער זאָלן קענען גיין אהין זיך שפּילן.

איז זענען מיט טאטען מיט ציטען זיינען שוין אויסגע-וואַקסן גרויסע מיידלעך. באַ זענען געווען שוואַרצע האָר, באַ טאטען — ווייסע און באַ ציטען, — אַמע דער אינגסטער — געלע.

— מינאַסטאַם גאַלדענע.

76

אָקסן

געווען אמאל באַ אַ אידן צוויי אָקסן. זיינען זיי נאָך
אלץ געוואקסן.
געוואקסן און געוואקסן, און אויסגעוואקסן העכער פון
דער שטאַל און גרעסער פון דער שטוב. יעדער אָקס איז
אזוי אַ אידן דער הויך און אזוי אַ אידן דער גרויס.
הערנער געווען באַ די אָקסן—ווי די בויער, אויגן—
ווי די קנוילן, און פיס—ווי די לאַפעטעס.
גייט אַ אינגעלע אַ קליינס, רופט ער זיך אָן:
— אַן אָקס האָט אַ לאַנגע צונג און קאָן קיין שויעפער
גייט בלאָזן!
זיינען געוואָרן די אָקסן אין קאָס און ארויפגענומען דאָס
אינגעלע אָף די הערנער. טידערוען דאָס אַ וויבל, איז זי
אויפקעגלאָפן גלייך צום שויעכעס.
זאָגט דער שויעכעס:
— אָקסן? מע דאַרף זיי קוילן, אַזעלכע אָקסן.
רופן זיך אָן די אָקסן:
— מיר וועלן בעסער דיר קוילן.
זאָגט דער שויעכעס:
— וואו וועט איר נעמען אַ כאַלעף?
זאָגן די אָקסן:
— מיר קאַנען אָן אַ כאַלעף!—אין זיך צעיאָגט צום
שויעכעס מיט די הערנער. האָט זיך דער שויעכעס דערשראָקן

104

און איז קוים אנטלאפן אַ לעפּדיקער. זעט דאָס וויבל—
סיגאַרניט, איז זי אַוועק צום מיליציאַנער.
זאָגט דער מיליציאַנער:
— אָקסן? מע דאַרף זיי פאַרשפאַרן אין טורמע, אַזעלכע
אָקסן.
זאָגן די אָקסן:
— מיר וועלען בעסער דיר פאַרשפאַרן אין טורמע.
האַט גענומען איין אָקס, געגעבן אַ פיר דעם מיליציאַ-
נער צום וואַנט, דער צווייטער—צוגעשפאַרט אים מיט די
הערנער, שטייט ער נאָך דאַרט ביז היינט.
און די אָקסן זיינען נאָך אַלץ געוואקסן.
זאָגט צו זיי דער איד—גענוג אייך וואקסן, קעלבער
איר אַוויינע, שוין צייט אייך עפעס טאָן.
— וואָס זאָלן מיר טאָן?—פרעגן די אָקסן.
— וואָס הייסט וואָס? נאָט אייך אַ טאַרבע אָף די הער-
נער און גייט אין דאַרף אַריין קאַרטאַפּל בעטן.
האַבן אַנגעטאָן די אָקסן טאַרבעס אָף די הערנער און
זיך געלאָזן גיין. גייען זיי און גייען, די אָקסן, גייען און
גייען און קומען צום ערשטן דאַרף. יצט זיך אַ פאַרשוין
אפן טויער. פרעגן די אָקסן:
— פאַרשוין, ווי אזוי רופט מען דיר?
— מיר?—אַנדריי.
האַבן זיך צעלאַכט די אָקסן, גענומען דרייען מיט די
טאַרבעס איבער דער ערד און רעווען:
— אַנדריי, גיי אין שטייג, לייג אָן איר.
האַט זיך אַנדריי זייער דערשראָקן און גענומען לויפן.
האַבן דערוען די ווייער—אַנדריי לויפט, און זיי נאָך אים.

105

דערזען די כאזירים—מע לויפט, האָבן זיי איך גענומען לויפן. די הינט לויסן, די קעץ לויסן, די הענער קרייטן, די שאָך מעקען, די הינט בילן, די כאזירים קוויטשען.

איז אַרויס מוישע דער גיבער און זאָגט:

— בעהיימעס, וואָס קוויטשעט איר? וואָס לויפט איר?

זאָגן זיי:

— אַנדריי לויפט.

זאָגט אַנדריי:

— וואָס זיינען דאָס פאר אַ אַקסן, וואָס פארן טויער שטייען?!

איז אַוועק מוישע דער גיבער צו די אַקסן, זיך אַוועק-געשטעלט פארן טויער, און רופט אויס:

— אַקסן, נאָך וואָס זייט איר אַהער געקומען?

— מיר? מיר זיינען געקומען ציגל קנעסן.

— נאָך וואָס נאָך זיינט איר געקומען?—האַט מוישע ווידער געגעבן אַ געשריי שוין מיט אַ קאָס.

— מיר?—האַבן זיך די אַקסן דערשראָקן.—מיר זיינען

געקומען ברויט בעטן.

— גוט,—זאָגט מוישע:—אַט אזוי רעדט. וואַרט צו אַ

וויילע, וועל איך איר אַנבינדן אַ וועגעלע צום עק און אַנשיטן

ברויט. איז אַוועק מוישע דער גיבער צום שמיר, האָט דאָרט

אויסגעקליבן דעם גרעסטן אַקער, אים אַנגעבונדן די אַקסן

און זאָגט:

— איר, אַקסן, גייט, איר וועל איך שיטן ברויט.

זיינען אַוועק די אַקסן איבער אײן פעלד און אים צעאָ-

קערט, אַוועק איבערן צווייטן פעלד און צעאַקערט, און

מוישע גייט נאָך נאָכן אַקער.

מוישע דער גיבער

מוישעלע דער קליינער איז אוועק אין וואלד עפעלעך
זוכן. געזוכט - געזוכט, אין איז פארבאלאנדזעט געווארן. קען
ער אהיים ניט טרעפן.

קלערט מוישע, וואס זאל ער טאן.
— וויינען, — טויג ניט — סיניט שיין. רופן, — וועט זיך דא
קיינער ניט אפרופן — דא איז ווילדער וואלד.

באקלערט זיך מוישע, ער וועט אוועקגיין ווייטער און
ווייטער און וועט בלייבן דעם וואלד היטן. און שפעטער,
שפעטער וועט ער נאך קענען ווערן א וואלד-גיבער אייך.
גיט ער.

אוי ווי ער גייט, שטייט א ציגעלע און פאשעט זיך.
רופט זיך אן דאס ציגעלע:

— אינגעלע, אינגעלע, פאשע מיך אן און זע מיך צו,
וועסטו בא מיר קריגן מילך אלע טאג.

— וועסטו מיר געבן אן עמער מילך א טאג?

— צו א קלוגער ביסטו, — זאגט דאס ציגעלע.

— נו, אז צו א קלוגער, טא זיך אנדערע, — זאגט
מוישע, — און איז אוועקגעגאנגען ווייטער.

גיט ער און גייט, גייט און גייט, שטייט א שפעלע און
פאשעט זיך. זאגט דאס שפעלע:

— אינגעלע, אינגעלע, פאשע מיך אן, זע מיך צו, וועל
איך דיר געבן גוטן פוטער, שאפענעם.

איטמגעקערט איין פאס, טרימלט ער אפ דעם אקער.
קערוועט זיך אויס און ווייטער געגאנגען; אזוי צעאקערט
אלע פעלדער ארום דארף.

— איצט, — זאגט מוישע, — זייט איר וואוילע אקסן, גייט
עסט פאשע אין איך וועל זייען קארן. אז סיוועט אויס
וואקסן, וועל איך אייך געבן כילעק.

פונדעסטמאל אן זיינען געבליבן די אקסן אין דארף
אף אלע יארן. זומער אקערן זיי די פעלדער און עסן גראָ,
ווינטער פירן זיי זעק אין מיל אריין און עסן מעל מיט קלייען.
א זעקל אריין, א זעקל ארויס, און די מאַסע איז אויס.

— דו קענסט מיר געבן א שעפל פוטער א טאג?
 — צו א קלוגער ביסטו, — זאגט דאס שעמפלע.
 — אז צו א קלוגער, טא זיך זיך אנדערע, — זאגט מיר
 שע, — און איז אוועק ווייטער.
 האָט ער געפעלט דעם ערשטן ברונען, געפעלט דעם
 צווייטן, געקומען צום טייך. שטייט א קיעלע אין פאשעט
 זיך. רופט זיך אן דאָס קיעלע:
 — אינגעלע, אינגעלע, זע מיך צו, פאשע מיך אן, וועסטו
 באַ מיר זיין זאָט מיט קעז און מיט פוטער.
 — דו וועסט מיר געבן אן עמער מילך א טאָג, א שטיין
 קעז און א שעפל פוטער?
 זאָגט דאָס קיעלע:
 — מאַך מיר אוף א שטאַל פון צווייגן, דעק זי צו מיט
 ווייכע בלעטער, גיב מיר אינדערמיט א קאלטן טרונק, פאַר-
 נאַכט א וואַרעמען, — וועל איך דיר געבן אַז עמער מילך,
 א שטיין קעז און א שעפל פוטער.
 גענומען מוישע אַנגערבאַכן צווייגן, אריינגעקלאַפט
 פלעקער אין דער ערד און אויסגעלאַכטן א גוטע שטאַל,
 באַדעקט זי מיט ווייכע בלעטער, און פאַרטריבן אַהין דאָס
 קיעלע. אינדערפּרי טיער איר געגעבן אַ קאלטן טרונק, פאַר-
 נאַכט א וואַרעמען, האָט דאָס קיעלע אים געגעבן צוויי עמער
 מילך, צוויי שטיינער קעז און צוויי שעמפלעך פוטער. און
 מוישעלע שלאָגט אים פון שטיינער פּייער און צעפירט
 א שייטער, קאַכט זיך אָן שוואַמען, באַגיסט מיט מילך, באַ-
 שמירט מיט פוטער און עסט.
 טרייבט איינמאַל מוישעלע דאָס קיעלע פון פאַשע. דורכ-
 געגאַנגען דעם ערשטן ברונען, דורכגעגאַנגען דעם צווייטן

110

ברונען, ערשט לעס טייך שטייט א וואָלף און ברענט מיט
 ביידע אויגן.
 רופט זיך אן מוישע צום וואָלף:
 — עי, דו, גיי בעסער אוועק מיט גוטן, אז ניט — דער-
 שים איך דיר.
 גייט דער וואָלף אוועק און קערט זיך אום, גייט אוועק
 און קערט זיך אום, און דאָס קיעלע האָט זיך מוידע גיין אין
 שטעלעכל אַרײַן. איז מוישע געוואָרן אין קאַס, אראַפּיע-
 נומען דעם פּייל און בויגן, געגעבן אַ פּײַ דעם וואָלף. האָט
 זיך דער וואָלף איבערגעקערט. האָט מוישע פאַרוואָרפן
 דעם וואָלף אין טיפן וואַלד און איז אוועק מיטן קיעלע
 אַהיים.
 אַף מאַרגן גייט ווייטער דאָס קיעלע פון פאַשע. דורכגע-
 גאַנגען דעם ערשטן ברונען, דורכגעגאַנגען דעם צווייטן,
 געקומען צום טייך — שטייט אַ בער און וואַרט.
 רופט זיך אן מוישע צום בער:
 — עי, דו, גיי בעסער אוועק מיט גוטן, אז ניט שים
 איך דיר.
 גענומען דער בער און אוועק.
 הערט מוישע ווי דער בער באַרימט זיך:
 — איך וועל אים טאָן ווי סאָן ניט שענקען; באַנאַכט
 קום איך, און גאַנווע צו דאָס קיעלע.
 קלערט זיך מוישע:
 — גוט, אַבי איך ווייס.
 האָט ער גענומען, אויסגעפלאַכטן פון צווייגן אַ קיעלע
 מיט פּיסלעך און מיט הערנער. פאַרשטעלט אין שטאַל אין
 אַ ווינקעלע און דאָס עמעסע קיעלע האָט ער באַהאַלטן.

111

געקומען באנאכט דאס בעדעלע, זיך געגנוועט און גע-
 גאוועט, ער זעט: קיינער איז ניטא, האט ער זיך אריי-
 גערוקט אין שטאל און געגעבן א כאפ דאס הילצערנע
 קיעלע אין מויל און זיך גענומען ווארגן, און הוסטן:
 — קכאר-קכאר-קכאר-קכאר: ראסעווע מין, אינ-
 געלע!

זאגט מוישע:

— היינטיקס מאָל שענק איך דיר, נאר זאָלט מער
 קיין נאָר ניט זיין, — און ארויסגעשלעפט באַם בער פון מויל
 די שטעקעלעך און די פלעקעלעך, נאָר איין לאַנגע צווייג
 איז געבליבן שטעקן טיף אין האַל. האָט גענומען מוישע,
 פאַרזאָשעט די אַרבל, אריינגעשטופט די האַנט טיף-טיף,
 און ארויסגעשלעפט.

האַבן זיך געשטעלט באַם בער טרערן אין די אויגן און

ער האָט גענומען קושן מוישען און האַלן:

— קום — זאָגט ער — צו מיר פאַרנאָכט צוויי, וועל איך

דיר געבן האַניק, וויפל דיין האַרץ גלוסט.

און מוישע זאָגט:

— קום צו מיר אויך, איך וועל דיר קאָכן זיסע קאַשעס.

וועסטו עסט און האַבן האַנאַץ.

האַבן זיי זיך געגעבן ביידע די הענט און געוואָרן כאַווער

אַף אייביקע יאָרן. דער בער גייט צו מוישען עסן קאַשע,

און מוישע גייט צום בער נאָך האַניק. ביז מוישע איז געוואָרן

אַ גרויסער גיבער, שוין געהאַט אַ פערד מיט אַלדאָס גוטס.

זיצט איינמאַל מוישע באַם טיף און שפּילט זיך מיטן בער.

ער גיט אַ קוק, סיפּאָרט אַ בויד מיט ציגיינער. זאָגט

דער בער:

— פאַרקויף מיך צו די ציגיינער.
 — איך וויל אָן דיר ניט זיין, — זאָגט מוישע.
 — נישקאַשע, — ענטפערט דער בער, — איך וועל גיך
 קומען צוריק. איך וועל זיך ארויסגאווענען און קומען צו-
 לויפן.

פאַרן אָן די ציגיינער. רופט זיך אָן מוישע:

— ציגיינער, ציגיינער, ניט מיינער, ניט דיינער, קויפט

באַ מיר אַ געלערנטן בער.

— ווי אזוי הייסט ער? — פרעגן די ציגיינער.

— בערל-מערל, הייסט ער.

— און צוקער עסט ער?

— אָבי גיט — וועט ער עסן.

אויפגעפנט בערל דעם מויל, וואַרפן אריין די ציגיינער

אַ שטיקל צוקער. גענומען דער בער — צעכראַמטשעט, צע-

כראַמטשעט, און אויפגעגעסן.

— אָף צוויי פיס שטייט ער?

— אַנג, — זאָגט מוישע דעם בער: — „קוקס, פליקסו“

זיך אוועקגעשטעלט דער בער אָף צוויי פיס. די ציגיינער

שפּילן, דער בער טאַנצט.

זאָגן די ציגיינער:

— ווילסטו פאַר אים?

— וואָס וועט איר געבן?

— יאָם-קאַרעלן ווילסטו?

— ניין.

— פּימסן-האַלץ ווילסטו?

— ניין.

— צען שטיק זילבער נעמסטו?
 — ניין.
 — טא וואס ווילסטו?
 — איך וויל, איך וויל א יענז א מיידל, וואס זיצט בא
 אייך אין דער לעצטער בויד!
 האָבן געקלערט די ציגיינער און געקלערט, זיך געאייצט
 און געטוידעט, ביז זיי זיינען מוסקים געוואָרן: ארויסגע-
 לאָזן אים דאָס מיידל פון בויד, און ארויסגענומען דעם בער.
 — דאָס מיידל, — זאָגן די ציגיינער, — איז פון לעמ-
 בעריק. איר טאָטע איז אַ סויכער, כאפן האָבן מיר זי גע-
 כאַפט צוריק מיט צוויי וואָכן. שוין דאווקע איינמאַל אַ
 וואויל מיידל, זייט געזונט!
 — פאַרט געזונט.
 די ציגיינער זיינען אוועקגעפאַרן און מוישע איז אוועק
 מיטן מיידל אין שטוב צו זיך. געקומען צו דער שטוב, וויל
 דאָס מיידל ניט אַריין און וויינט.
 — וואָס וויינטו? — פרעגט מוישע.
 — איך האָב זיך מוירע — זאָגט דאָס מיידל — טאַמער
 ביסטו אַ גאָלען.
 — איך בין ניט קיין גאָלען, — זאָגט מוישע, — נאָר אַ
 גיבער: שלעכטע באשטראָף איך און גערעכטע קום איך
 צו הילף. מעגסט גיין צו מיר אין שטוב.
 אינדערפרי האָט דאָס מיידל אָפגעגעסן, אָפּערטונקען.
 זיך אויסגעגלייכט, איז געוואָרן ליב אַף איר אַ קיץ צו טאָן.
 זאָגט מוישע:
 — מיידל, וואָס איז דוין פאַרלאַנג? ווילסטו אַהיים —
 פיר איך זיך אָפּ דורך די וועלדער און דורך די פעלדער

גלייך קיין לעמבעריק צו דוין טאטן: אז ניט — בוי איך זיך
 אויס אַ פּאַלאַץ דאָ אין מיטן וואַלד און זיי מיט מיר.
 — אַהיים וויל איך ניט, — זאָגט דאָס מיידל, — ווי באַלד
 דו ביסט אַ גיבער און קיין גערעכטע טשעפעסטו ניט.
 ביסטו מיר געפעלן און איך בלייב דאָ מיט דיר.
 גענומען מוישע, פאַרבונון צוויי בויער מיט די צווייגן
 איינעם צום אַנדערן — אַ סימען: זיך פאַרקנאַסט מיטן
 מיידל.
 — און די כאסענע וועל איך מאכן — זאָגט מוישע —
 ניט פריער ווי דער בער וועט קומען, און איך וועל האָבן
 אכציק גיבורים אונטער זיך.
 גייען פון אַלע שטעט אינגלעך זיך פאַרשרייבן צו מיר
 שצן דעם וואַלד — גיבער: ווער סווייל — זאָל זיך אויסרופן,
 ווער סווייטט ניט דעם וועג — זאָל ער קומען, וועט אים
 דער בער פאַרפירן.
 דער בער גייט אַרום אין די נאַענטע וועלדער. אזוי
 ווי קיינער טאים ניט געהערט, אזוי האָט אים קיינער ניט
 געזען.

Три сестренки

Жили-были три сестренки. Одну звали Зеза, другую Тата, третью Цита. Шли они, шли и встретили бабушку старенькую. Она их спрашивает:

- Куда это вы идете, девочки, такие красивые?
- Куда-то.
- а что вы там будете есть?
- Кашу.
- а что вы там будете пить?
- Воду.
- Ну, идите себе.

Идут они себе. У Зезы русые волосы, у Таты — черные, а у Циты — золотистые.

Идут они и видят: стоит тётенька и плачет:

— Нет у меня красивой косы, — плачет она, — меня из дома выгнали. Девочки, девочки, миленькие, дайте мне кто-нибудь свою косу!

Думает Зеза и не знает, что делать. Думает Тата и тоже не знает, что делать. а Цита, самая маленькая, говорит:

— На, возьми мою косу.

Взяла тётенька и отрезала Циточке косу острыми ножничками.

Зеза идет с русыми волосами, Тата — с черными, а Циточка идет остриженная, как овечка.

Приходят домой, дедушка им дверь открывает.

Идет первой Зеза, говорит дедушка:

— О, Зезочка пришла.

Идет второй Тата, говорит дедушка:

— О, Таточка пришла.

Идет Цита последней, не узнал ее дедушка, спрашивает:

— Ты чья, девочка?

Молчит Циточка.

Дедушка пошел и привел бабушку. Говорит бабушка:

— Если Зеза пришла с косой, и Тата пришла с косой, а Цита кому-то отдала свою косу, так пусть пойдет и заберет. а не заберет, так пусть вообще домой не приходит.

Вышла Циточка за дверь и видит: курочки уже спят, горлинки уже спят, и котенок пошла спать, а она — куда она так поздно пойдет?

Стоит он у ворот и хочется ей плакать. Проходит мимо та самая тётенька и окликает ее:

— Не плачь, Циточка, у меня сидят девочки и прядут золото, пойдём, ты тоже будешь прясть.

И Цита пошла с ней.

Привела ее та тётенька в дом. в доме горница, а над горницей — маленькая комнатка. Стоят в комнате прялки, а за прялками сидят девочки и прядут золото.

Говорят девочки Циточке:

— Дурочка, зачем ты сюда пришла?..

— Эта тётенька злая, утром есть не дает...

— Вечером играть не дает...

Не знает Циточка как быть, говорит она:

— Посмотрим.

Говорят девочки:

— Есть у нее, у этой тётеньки, две воды: живая вода

и мертвая вода.

— Перед сном она моет нам головы живой водой

— вырастают у нас ночью длинные волосы, густые.

— Утром она моет нам головы мертвой водой, острой как бритва, и волосы выпадают.

— и весь день мы сидим лысые.

— и прядем из наших кос чистое золото.

Говорит Циточка:

— Что ж, посмотрим.

И стала она прясть на прялке из своей отстриженной косы чистое золото.

Вечером приходит та тётенька мыть им головы. Ходит она от кровати к кровати. Подошла к Циточкиной кровати и говорит:

— Спи, девочка, спи, — помою голову водой медвяной, будешь как яблочко румяной. Поскорей засыпай, да пораньше вставай.

Вымыла Циточке голову и ушла.

Проснулась в полночь Циточка, потрогала голову — волосы уже отросли. Чем дальше, тем больше растут. Она потихонечку встала, поискала, поискала и нашла лестницу. Рядком кровати стоят, все девочки крепко спят.

Говорит Циточка шепотом:

— Если отсюда выберусь, то и вас вызволю.

Спустилась Циточка по одной лестнице, спустилась по другой: все в доме спят крепким сном. Вышла Циточка во двор, видит — калиточка на три замка заперта, а у калиточки собаки зевают. Говорит Циточка собакам:

— Что делать?

Говорят собаки:

— Мы тебя перенесем через забор, но смотри, не забудь о нас.

— Хорошо, — говорит Цита, — а как вас можно обратно в людей превратить?

— Если придут те, которые назовут нас нашими настоящими именами, то все получится.

Одна собака встала передними лапами на забор с одной стороны, другая — с другой стороны, Цита поднялась и спустилась как по лесенке и говорит:

— Завтра в это же время будьте готовы.

Идет Циточка ночью и боится. Видит — стоит деревцо, встала она под деревцо и дождалась утра.

Утром пошел дождь. Идет Циточка под дождем.

Шла, шла и домой пришла. Стучит в дверь, выходит дедушка, смотрит и говорит:

— О, Циточка пришла, а мы целую ночь глаз из-за тебя не смыкали.

Говорит Циточка:

— Мне тоже сегодня не спалось.

— а что такое? — спрашивают все.

— Рассказывать нельзя, — говорит Циточка.

А коса у Циты стала краше прежней.

Позавтракали они, и снова пошли три сестренки играть — Зеза, Тата и Цита. Идут они, идут, видят — стоит тётенька и плачет.

— Что вы плачете, тетенька?

— Как же мне не плакать, — говорит тетенька, — пропала у меня девочка.

— Какая девочка? — спрашивает Цита.

— с тебя ростом.

— Ладно, — говорит Цита, — будьте готова, тетенька, сегодня в полночь она к вам вернется.

Идут они дальше, видят — стоит девочка и плачет.

— Что ты плачешь, девочка?

— Как же мне не плакать? У меня братик пропал, такой пригожий. Я его ищу-ищу, не могу найти.

— Ступай, — говорит Цита, — к такой-то и такой-то тетеньке и будь готова. в полночь я туда приду.

Спрашивают сестренки:

— в чем дело?

Говорит Цита:

— Захотите, пойдете с нами, рассказывать нельзя.

Ночью Цита собрала всех тётенок и девочек, и пошли они к дому той злой тётки. Собаки уже стоят у калитки и ждут. Говорит Цита одной девочке:

— Как звать твоего братика?

— Хаим, — говорит девочка.

— Тогда позови его громко: Хаим, Хаим, выходи!

Подошла девочка к калитке и стала звать дрожащим голосом:

— Хаим, Хаим, выходи!

Выскочила первая собака, встряхнулась всей шкурой и снова стала пригожим мальчиком.

Другая позвала своего братика, вторая собака превратилась в мальчика.

Сестренки с братиками стали целоваться. а Цита вместе с тётеньками поднялась по лестнице, распахнула двери, вошла к девочкам. Девочки спят крепким сном. У каждой голова вымыта живой водой, и волосы растут на глазах.

Взяла Цита, нашла мертвую воду, вылила и тихо разбудила всех девочек. Девочки стали озираться: кто это?

— Ой, мама! — кричит одна девочка.

— Ой, мама! — кричит другая девочка.

— а где моя мама?

— а где моя мама?

Все девочки проснулись и обрадовались.

А та злая тётка услышала, быстро прибежала, стала звать собак — нет собак! Стала искать мертвую воду — нет мертвой воды!

Стала она кататься по земле и кричать, а те тётеньки ее хорошенько отколотили и пошли домой веселые.

Все девочки идут, а Цита идет впереди.

Услышали об этой истории в городе, вышли на встречу с музыкантами, а Ците подарили за это чудесный садик посреди города. Каждая девочка принесла туда цветочек и посадила, а каждый мальчик — деревце. Цита не запирает тот садик: пусть все дети приходят туда играть.

Зеза, Тата и Цита уже выросли большими. У Зезы — русые волосы, у Таты — черные, а у Циты — самой младшей — золотистые.

Должно быть, золотые.

Мойше-богатырь

Маленький Мойшеле пошел в лес яблочки искать.

Искал, искал и заблудился. Домой не может вернуться.

Думает Мойше: что ему делать.

— Плакать — не годится, некрасиво. Звать — никто не отзовется, лес тут глухой.

Решил Мойше: пойдет он дальше, дальше и станет лес стеречь. а потом... Потом он станет лесным богатырем.

И пошел.

Идет он, и вот — козочка пасется.

Окликает его козочка:

— Мальчик, мальчик, паси меня и заботься обо мне. Буду тебе каждый день молоко давать.

— Дашь мне ведро молока в день?

— Больно ты умный, — говорит козочка.

— Ну, раз больно умный, поищи себе другого, — говорит Мойше.

И дальше пошел.

Идет себе, идет, и вот — овечка пасется.

Говорит овечка:

— Мальчик, мальчик, паси меня, заботься обо мне.

Буду давать тебе хорошее масло, овечье.

— Дашь мне кадушку масла в день?

— Больно ты умный, — говорит овечка.

— Ну, раз больно умный, поищи себе другого, — говорит Мойше.

И дальше пошел.

Миновал один колодец, миновал другой, пришел к реке. Стоит коровушка, пасется. Окликает его коровушка:

— Мальчик, мальчик, заботься обо мне, паси меня.

Будешь у меня сыт, будет у тебя и сыр, и масло.

— Дашь мне в день ведро молока, головку сыра и кадушку масла?

Говорит коровушка:

— Устрой мне стойло из веток, выстели его мягкими листьями, пои меня поутру холодной водой, вечером теплой — дам я тебе в день ведро молока, головку сыра и кадушку масла.

Наломал Мойше веток, вбил в землю колышки, сплел крепкое стойло, выстелил его мягкими листьями и завел туда коровушку. Поутру стал поить ее холодной водой, вечером теплой, стала коровушка давать ему в день два ведра молока, две головки сыра и две кадушки масла. а Мойшеле высекает из камня огонь, разводит костер, варит грибы, подливает молока, заправляет маслом и ест.

Ведет однажды Мойшеле коровушку с выпаса.

Прошел один колодец, прошел другой — стоит у реки волк, глаза так и горят.

Окликает Мойше волка:

— Эй ты, уходи по добру по здорову, а то я тебя застрелю.

Уходит волк, оборачивается, уходит, и все оборачивается, а коровушка боится в стойло идти. Рассердился Мойше, взял лук и стрелу, и выстрелил в волка. Волк и перекувырнулся. Мойше зашвырнул волка подальше в лес и пошел с коровушкой домой.

Назавтра опять идет коровушку с выпаса. Прошла один колодец, прошла другой, пришла к реке — стоит у реки медведь и ждет.

Окликает Мойше медведя:

— Эй ты, уходи по добру по здорову, а то я тебя застрелю.

Медведь взял и ушел.

Слышит Мойше, как медведь хвастается:

— Все равно свое возьму, приду ночью, проберусь к коровушке.

Думает Мойше:

— Хорошо, поглядим.

Взял сплел из веток корову с ногами и рогами, поставил ее в угол стойла, а настоящую коровушку спрятал.

Пришел ночью медведь, подкрадывался, подкрадывался, видит: никого. Залез в стойло, схватил зубами корову из веток, стал грызть и кашлять:

— Кхар-кхар-кхар-кхар! Спаси меня, мальчик!

Говорит Мойше:

— На этот раз я тебя прощаю, а ты не будь больше дураком, — и вытащил из пасти у медведя веточки да щепочки.

Только одна длинная ветка застряла глубоко в горле. Взял Мойше, засучил рукав, засунул руку глубоко-глубоко и вытащил.

У медведя слезы на глазах, целует он Мойше, обнимает:

— Приходи, — говорит, — ко мне вечером, я дам тебе меда, сколько твоей душе будет угодно.

А Мойше говорит:

— Ты тоже ко мне приходи, я тебе сварю сладкую кашу, будешь есть и радоваться.

Пожали они друг другу руки и стали друзьями навеки. Медведь приходит к Мойше есть кашу, а Мойше ходит к медведю за медом.

Когда Мойше стал могучим богатырем, у него уже и лошадь была, и всякое добро.

Сидит как-то раз Мойше у реки и с медведем играет.

Смотрит — цыгане едут в кибитках. Говорит медведь:

— Продай меня цыганам.

— Я без тебя оставаться не хочу, — говорит Мойше.

— Ничего, — говорит медведь, — я скоро вернусь.

Сбегу украдкой.

Подъезжают цыгане. Окликает их Мойше:

— Цыгане бедовые, люди торговые, купите у меня медведя ученого.

— а как он прозывается? — спрашивают цыгане.

— На Берл-Мерл отзывается.

— а сахар он ест?

— Только давай — съест.

Открывает медведь пасть, бросают ему цыгане кусок сахара. Поймал медведь, захрумкал, захрумкал и съел.

— На задних лапах ходит?

— а ну, — говорит Мойше медведю, — кикс-фликс!

Встал медведь на задние лапы. Цыгане играют, медведь танцует.

Говорят цыгане:

— и в самом деле ученый медведь. Сколько ты за него хочешь?

— а что вы дадите?

— Морские кораллы хочешь?

— Нет.

— Дерево сандаловое хочешь?

— Нет.

— Десять слитков серебра возьмешь?

— Нет.

— Чего же ты хочешь?

— Хочу... хочу вот эту девушку, что сидит у вас в последней кибитке!

Цыгане думали, думали, судили, рядили и, наконец, согласились: высадили ему девушку из кибитки и вместо нее посадили медведя.

— Эта девушка — из города Лемберга, — говорят цыгане. — Ее отец — купец, мы ее украли две недели назад. Вот уж и вправду красавица! Ну, бывай здоров!

— и вам доброго пути!

Цыгане уехали, а Мойше пошел вместе с девушкой к себе домой. Пришли, а девушка в дом входить не хочет и плачет.

— Что ты плачешь? — спрашивает Мойше.

— Я боюсь, — говорит девушка, — вдруг ты разбойник.

— Я не разбойник, — говорит Мойше, — а богатырь: плохих я наказываю, а хорошим помогаю. Входи, не бойся.

Утром девушка поела, попила, прихорошилась — глаз не отвести.

Говорит Мойше:

— Девушка, какое твое желание? Хочешь домой — отведу тебя через леса и поля прямо в город Лемберг к твоему отцу. а не хочешь — построю тебе дворец прямо здесь, посреди леса, и оставайся со мной.

— Домой я не хочу, — говорит девушка, — раз ты богатырь и хороших не обижаешь, то ты мне нравишься, и я с тобой останусь.

Взял Мойше, связал два дерева ветвями — знак, что он помолвлен с этой девушкой.

— а свадьбу я сыграю, — говорит Мойше, — не раньше, чем медведь вернется, и будет у меня под началом восемьдесят богатырей.

Стали мальчики из всех городов записываться на службу к Мойше — лесному богатырю: кто хочет — сам вызывается, кто дороги не знает — все равно придет, медведь его приведет.

А медведь ушел в соседние леса. Так никто о нем больше и не слышал, так никто его больше и не видал.

Быки

Было у одного еврея два быка. Они все росли.

Росли, росли и выросли выше стойла, больше дома. Каждый бык был во-о-от таким в вышину и во-о-от таким в ширину.

Рога у быков были как деревья, очи — как мячи, копыта — как лопаты.

Идет мальчик маленький, окликает быков:

— Бык — длинный язык, в шойфер дуть не может бык!

Рассердились быки и подняли мальчика на рога. Увидела это какая-то тётя и побежала прямо к резнику.

Говорит резник:

— Быки? Зарезать их, быков этаких.

Говорят ему быки:

— Лучше мы тебя зарежем.

Говорит резник:

— а где вы нож возьмете?

Говорят быки:

— Мы можем и без ножа! — и ну бодать резника рогами.

Испугался резник и убежал чуть живой. Видит та тётя — толку нет, пошла она к милиционеру.

Говорит милиционер:

— Быки? в тюрьму их запереть, быков этаких.

Говорят быки:

— Лучше мы тебя в тюрьму запрем.

Один бык толкнул милиционера к стене, а другой рогами прижал, милиционер там и до сих пор стоит.

А быки еще больше выросли.

Говорит им хозяин:

— Хватит вам расти, телята вы такие разэтакие, пора вам делом заняться.

— Что нам делать? — спрашивают быки.

— Что значит что? Натя вам мешки на рога, ступайте в деревню картошку просить.

Повесили быки на рога мешки и пошли. Идут, идут быки, идут, идут. Пришли в первую деревню. Сидит в воротах человек. Спрашивают быки:

— Человек, как тебя зовут?

— Меня? Андрей.

Рассмеялись быки, замахали мешками над землей и заревели:

— Андрей, снеси яйцо скорей!

Очень Андрей испугался и пустился бежать. Видят женщины: Андрей бежит, и они за ним. Видят свиньи: люди бегут, и тоже побежали. Собаки бегут, кошки бегут, петухи кукарекают, овцы блеют, собаки лают, свиньи визжат.

Выходит Мойше-богатырь и говорит:

— Скотинка, что визжишь? Что бежишь?

Говорят они:

— Андрей бежит.

Говорит Андрей:

— Что это за быки стоят у ворот?!

Пошел Мойше-богатырь к быкам, встал перед воротами и окликает быков:

— Быки, зачем вы сюда пришли?

— Мы? Мы пришли кирпичи лепить.

— Зачем еще вы пришли? — сердито закричал

Мойше.

— Мы? — испугались быки. — Мы пришли хлеба просить.

Хорошо, — говорит Мойше, — коли так. Подождите немного, я вам привяжу к хвостам тележку и отсыплю хлеба.

Пошел Мойше-богатырь к кузнецу, выбрал там самый большой плуг, привязал его к быкам и говорит:

— Ступайте, быки, хлеб насыплю вам в мешки.

Пошли быки по полю и вспахали его, пошли по другому — и тоже вспахали, а Мойше идет за плугом.

Вспашет полосу, отряхнет плуг, повернет и дальше идет. Так и вспахал все поля вокруг деревни.

— Теперь, — говорит Мойше, — вы добрые быки, идите паситесь, а я посею зерно. Когда хлеб вырастет, получите свою долю.

С тех пор быки остались в деревне навсегда. Летом они пашут поля и едят траву, зимой возят мешки на мельницу и едят муку с отрубями.

Мешок туда, мешок обратно, вот и сказка вся, понятно.

Зубок

В некотором царстве, некотором государстве, ни близко, ни далеко, жили муж и жена. Перебивались они кое-как: она торговала бубликами, он разводил табак. и была у них дюжина сыновей: один другого краше.

Первый не мог «а» от «б» отличить,
Второй мог родного отца пришибить,
Пятый ребенка не смог бы поднять,
Десятый не смог бы лучину сломать.

А двенадцатый, самый маленький, был совсем чудной: худой, длинный, в три месяца уже не хотел лежать в колыбели, а в год мог теленку кости переломать. Родителям за него стыдно, а что поделаешь? Думали они, думали, ничего особенного не надумали и решили отдать Зубка в школу учиться. Дети увидели такого длинного и перепугались. Кто чернила разлил, кто книжки уронил: никто в школе не остался, все разбежались.

Увидела учительница, что творится, и заплакала:

— Миленький, хорошенький, не обижайтесь, но из-за вас я всех учеников растеряю.

Взяла его тихонько за руку (а он был в одной рубашке) и отвела домой. Видят родители: плохо дело, дали ему еще год подрасти, сшили ему штаны и отвели к сапожнику.

— а ну, — говорит сапожник, — посмотрим, что ты умеешь, вбей-ка гвоздь в сапог.

Взял Зубок молоток, не спеша размахнулся и ударил по печной трубе: разлетелась труба на кусочки.

— Э-э-э, братец, ты мне не пара, — говорит сапожник и дверь перед ним открывает, — ступай себе с миром на все четыре стороны.

Мать плачет, отец тревожится. Отправляют его в поле гусей пасти — стар и млад его боятся, все бегом бегут. Коровы бегут, овцы скачут, пастухи плачут. Говорят родителям, чтобы они своего красавца дома держали, а нет — подпустят к ним красного петуха, и дело с концом.

Стали держать его дома, на белый свет не выпускают. Ест Зубок не за троих, а за десятерых. Две буханки хлеба на завтрак мало, а на обед — мешок картошки,

только подавай. Остальных своих детей родители Зубка отправили в люди, сами работают от темна до темна, а прокормить Зубка не могут.

Приходит сосед-кузнец. Не может он видеть родительского горя. Говорит кузнец:

— Отдайте мне парня, я его поставлю на работу, выйдет из него добрый кузнец.

А Зубку в то время было уже девять лет да десять месяцев: совсем большой стал. в кузнице головой до потолка достает. Бьет он молотом и бьет, так что наковальня раскаляется, земля под ней дрожит, звон слышен по всему городу. Отовсюду несут кузнецу работу, а кузнец радуется. Если прорвется мех, встает парень на колени, дунет изо всех сил, будто десять мехов. Предлагает кузнец отцу Зубка: один дает пять хлебов и другой — пять, еще жена кузнеца даст что-нибудь к хлебу. Кроме того, растет у кузнеца дочь, когда-нибудь можно ее за Зубка просватать.

Однажды привел сосед доброго коня — подковать.

Конь боится, храпит, бьет копытом. Никак с ним не справиться. Вышел Зубок, налег на коня, кажется, слегка и сломал ему спину.

— Э-э-э, братец, — говорит кузнец, — если ты мне будешь такое вытворять, ни дома моего, ни кузницы не хватит, чтобы расплатиться. Ступай лучше домой к отцу. Он вырастил такого сына — пусть сам с ним и возится.

Ну, Зубок уже умный стал. Не хочет идти домой: мать будет охать, отец ворчать. а кости у него крепкие, им что снег, что холод, что ветер, что град — все ни по чем. Постучал он только в окошко кузнецовой дочери, наказал ей расти сильной да его дожидаться, и пошел один через леса.

Деревья растут высокие, а Зубок — выше, деревья растут сильные, а Зубок — сильнее, ломает он ветки, высекает из камня огонь и жарит грибы, сколько захочет, яблоки ест кучами, на зиму не запасает.

Вечером лазает Зубок по деревьям, с одного на другое, ищет мед, загребаёт целыми пригоршнями и ест, ест, ест, пока не надоест. Принимается кричать, орать, что есть силы: го-го-го! Слышат деревья — отвечают, слышат звери — режут, слышат птицы в гнездах — перекликаются. Гудит лес: телеги, какая куда, разъезжаются, лошади пугаются, а чужие в этот лес вообще ни ногой. Так оно зимой, так оно и летом.

Зимой трещат деревья от сильного мороза, а Зубок не боится. Бродит по лесу, ищет, в снегу копается: найдет, где медведь залег, где он лапу сосет, и вынимает ему лапу из пасти.

— Хватит, — говорит, — тебе сосать. Лапа не конфета.

А медведь помалкивает — Зубок ему нравится.

Тем временем забыл Зубок, как его зовут, только рос и рос. Ему пятнадцать — он все растет. Ему шестнадцать — он все растет. Ему семнадцать...

Слышит он: деревья переговариваются, слышит: звери никак не успокоятся, смотрит: небо красное, что-то предвещает. Померился ростом Зубок с самым высоким деревом в лесу и сам себе говорит: «Хватит! Надоело!». с лесом он даже не прощается, из леса — прочь, и бежать туда, где люди живут.

Приходит в большой город. Гудят люди на улицах, как пчелы в улье. Видят люди, какой парень в город идет, с какой силушкой, обступили его, и стал он им показывать, что умеет. Перегнется назад — может пройти по нему рота солдат, как по Красной площади. Перегнется вперед — можно на него три кузницы поставить, с кузнецами и наковальнями, и ковать, ковать, а ему — хоть бы что.

Говорят люди:

— в былые времена такого парня давно бы уже нарядили в синие штаны, шелковую рубаху с красной подпояской и объявили бы его великим силачом. а теперь нет времени им заниматься. Надо идти друг с другом воевать.

Затрубили трубы, застрочили пулеметы, все похватили пики в руки — и в строй.

— Раз все воюют, — сказал Зубок самому себе, — мне ли быть последним?

— Дорогу!

И побежал по дороге.

Бежит он, бежит, одну дорогу пробежал, другую.

Едет поезд. Впереди паровоз свистит, за ним — вагоны.

— Что поезд везет? — спрашивает Зубок.

— Войско! — отвечают ему.

— Куда едет войско?

— На войну!

— Возьмите меня тоже, — просит Зубок.

— Залезай! а кого ты хочешь бить?

Подумал Зубок, подумал и отвечает:

— Был я кузнецом, а теперь я богатырь. Хочу бить толстопузov и белоручек.

— Что? Кого? Нет! — говорит старший. — Такой, как ты мне не нужен! Такого, как ты, мы должны четыре года расстреливать и три года вешать.

— Стой! Вот мы тебя расстреляем! Ура!!!

Вылезли из вагонов толстопузы в отутюженных манишках, стали показывать на Зубка пальцами, кашлять, смехом заливаться. Зубок тоже рассмеялся.

— Ты еще смеешься? — кричат они ему. — Вот мы тебя расстреляем!

И ну давай сморкаться толстыми носами в отутюженные платочки.

Говорит Зубок:

— Жаль мне на вас время тратить.

Взял и перевернул поезд. Вагоны попадали. Паровоз свистит, вагоны с рельсов падают, толстопузы валяются и ножками дрыгают.

А Зубок пошел своей дорогой, даже не оглянулся — нет времени.

Идет он, идет, одну дорогу прошел, другую. Снова едет поезд. Впереди паровоз свистит, за ним — вагоны.

— Что поезд везет? — спрашивает Зубок

— Войско! — отвечают ему.

— Куда едет войско?

— На войну!

Видит Зубок: руки у всех сажей вымазаны, рубашки промаслены, брови суровые, мускулы здоровые. Очень они ему понравились. Говорит он:

— Товарищи, возьмите меня с собой!

— Кого будешь бить? — спрашивают они его.

Говорит Зубок:

— Был я кузнецом, а теперь я богатырь. Хочу бить толстопузов и белоручек!

Открывают ему один вагон, ноги у Зубка слишком длинные, не влезть ему. Открывают другой вагон, голова у Зубка слишком высоко торчит.

Говорит Зубок:

— Что вы будете мучаться? Я могу наверх залезть.

Залезает он на крышу. Поезд едет, а Зубок кричит, так что весь мир слышит.

— Долой толстопузов и белоручек!!!

Весь мир дрожит, а Зубок воюет, где поле отвоюет, где лес, где село, а где и город. Тем временем стукнуло ему восемнадцать, девятнадцать, двадцать и даже двадцать один.

И вот однажды приходит старший в войске и подзывает Зубка к себе:

— Хватит, Зубок! Кажись, мы их уже проучили.

Теперь поехали в город, мы тебе праздник устроим.

Приезжают в город. Гудят там люди, как пчелы в улье. Шум, гам, праздничные флаги по всем улицам развешены. Пришли девочки в ярких платьицах, пришли мальчики с расчесанными кудрями. Вышел Зубок к своим родителям, узнал их и с ними помирился.

Говорят ему его братья:

— Не сердись на нас, Зубок, мы не сидели дома, сложа руки. Все мы были в полях, на войне. Тех, с кем ты сражался, мы из города прогнали и в их красивых домах бездомных поселили. Пусть сапожник сапоги тачает, пусть портной шьет, пусть на фабриках звучат веселые песни.

Услышал Зубок, что братья говорят, покатились у него от радости слезы из глаз, обнял он братьев и говорит:

— Братья! Вот мои объяття!

Замахали все девочки и мальчики флажками, закричали, загалдели:

— Да здравствует Зубок! Да здравствует наш богатырь!

Прокатился крик по всему городу. Прибежали из предместья кузнец с дочкой. Девушка выросла сильной, как ей Зубок наказывал.

Стали свадьбу справлять. Барабаны забили, заводские трубы затрубили, провода загудели, все стали танцевать и кричать:

— Труженикам всего мира — ура!

В песке

В одной земле была река, и бежала река в открытое море, и у самого моря намывала песок, и множился песок, и рос. Годы складывались в тысячелетия. Песок со временем разросся на мили вокруг и тоже превратился в море, песчаное море.

Однажды в затишье, когда обоим морям, водяному и песчаному, скучно стало лежать одному подле другого, стали они друг с другом играть и друг друга задирать. Но вода не могла залить песок, а песок не мог засыпать воду. и тогда закружился ветер, никак

не может успокоиться: швыряет одно море на другое. То одному поможет, то другому — ничего не выходит. и тогда заговорили моря друг с другом:

— Что же нам делать, если нам будет скучно?

И так порешили: если забредут к ним хвастуны, не грех будет с ними немножко поиграть.

Стоит в устье реки деревня, стоит уже много лет. Женщины там плетут сети, пареньки воруют. а старики? Старики ловят рыбу, курят трубки и вечерами рассказывают друг другу о том, как они когда-то были молодыми.

Ну, ладно.

Подросли там однажды четырнадцать парней, все как на подбор. Один может пятнадцать пудов поднять, второй может быка прибить, третий, пятый и десятый могут самым злым собакам пасти заткнуть, самые прочные замки сломать, а если у кого кони стоят под замком, то лучше подавайте их сюда подобру-поздорову!

И много других фокусов знают эти ребята. Никого они не боятся. Пока старики рассказывают свои сказки, молодые усмеваются в усы, перемигиваются и зевают.

— Пускай их (ведь для стариков нет ничего милей, чем рассказывать о том, что случилось когда-то).

Была однажды ярмарка в тех краях, и вот сговариваются приятели между собой:

— Там-то и там-то живет помещик, держит он при себе дочь-красавицу, он, поди, очень ее стережет, а собаки у него натасканные, так что надо еще подумать. Кони у него под замком стоят, могут пригодиться.

Сказано — сделано.

Рано утром поскакали четырнадцать хлопцев на четырнадцати конях в город на ярмарку покупать пшеницу и рожь. Но пшеницы и ржи ребята не достали, напились в шинке, допоздна засиделись, но гульба гульбой, а гостинцев домой для девушек накупили. Коней они давно сменяли на золото. Золото — в карманы, гостинцы — за пазуху, и отправились хлопцы навеселе да с песнями через пески в другую деревню, на другую ярмарку. Может, там тоже нескучно будет.

По дороге хлопцы разговорились. Один говорит:

— Положите мне на плечи мешок с песком, а на мешок — еще мешок: я его до другой деревни донесу.

Другой говорит:

— Окажись передо мной сейчас дерево, я бы его с корнями вырвал и нес бы в правой руке, как зонтик: днем бы солнце не пекло.

Третий говорит:

— Дайте мне трехлетнего коня, возьму я его за задние ноги и перекину через себя.

— Кого мы слушаемся, братцы?

— Никого!

— Мы и в воде не тонем и в огне не горим. Ура!

Ура!

Вытащили приятели еще по бутылочке из карманов, выпили за свое здоровье, разукрасили себя лентами. Кругом никого, только ночь и небо, песок и вода.

Песок уже спит, и вода уже спит, только приятели идут себе, орут, шумят, не таясь. Рассердился песок:

— Что это за манеры?!

Тем временем ветерок объявился:

— Что это за гости тут такие подгулявшие?

Ночь качнулась, ветерок потянул.

Вода заволновалась, песок запел.

— Ага, — говорит один парень, — буря!

Говорит второй:

— Пятками чую.

Говорит третий:

— Через час на дорогу выйдем.

— Как бы не так, — говорит песок, — как бы не так.

Песок поет, ветер играет, вода волнуется. Песок вздымается белыми полотнищами, парни злятся:

— Полные глаза! — говорит один.

— Полные уши! — говорит другой.

— Тьфу! Полный рот намело! — проклинает третий.

— Может, ляжем?

— Как это ляжем?

— Надо идти!

И аukaются приятели и ругаются, а песок гудит, завивается, ветер срывает целые холмики песка и бросает под ноги.

— А, чтоб его! — кричит один хлопчик, спотыкается и падает.

— Ко всем чертям! — кричит второй и не может ноги из песка вытащить.

— Ау-ау! — кричат парни, чтобы не потеряться.

— Аукайте-аукайте! — отвечает песок, — Это вам не поможет.

— Где дорога?

— Нет дороги.

— Где бы взять глаза — свои засыпало!

— А-а-а-р-р-р! — режут хлопцы от злости.

Вытащил один золото, швырнул на землю! Вытащил другой гостинцы, швырнул на землю! а песок все забрал себе, засыпал, спрятал:

— Давайте ещ-щ-ще, братцы, коли ес-с-с-с-ть!..

— Что же делать?

— Не знаю.

— Нет дороги.

— Песком замело.

— Крика не слышно.

— Ветер уносит.

Не знают хлопцы, что делать, куда бежать, натываются они друг на друга, падают друг на друга.

— Так-то, — говорит ветер и одной горой накрывает их, другой придавливает. Никто юнцов не видел, никто о них не слышал...

.....

Назавтра пришлось людям новую дорогу по пескам прокладывать, назавтра люди узнали, что кто-то ночью нашел свою судьбу.

Несколько дней деревня ждала ребят, а о них ни слуха, ни духа.

Надо искать.

В такую-то ночь, конечно, что-то неладное могло случиться. и пустилась деревня по песчаному морю.

— Были здесь наши ребята?

Молчит песок.

— Четырнадцать ребят на конях поехали на ярмарку... Обрато они должны были везти золото в кошельках, вино в бутылках, а за пазухой — гостинцы для невест... Куда ж это все подевалось? Хотя бы след какой остался!

Молчит песок.

Прошли годы. Поцеловались водяное море с песчаным и сохранили тайну. Деревня юношей вскоре позабыла, только история про них и осталась.

Но земля и небо поклялись ничего не таить друг от друга. Пристали как-то к берегу лихие чужеземцы на корабле и пошли гулять по песку. Вскоре увидели они палку, торчащую из песка. Разгребли песок и вдруг видят: рука держит палку, а рядом еще рука. Нашли там еще руку и целый клубок рук и ног.

И насчитали там четырнадцать голов, четырнадцать черепов, засыпанных песком и погребенных под ним.

Тут же послали в деревню сообщить,
Может, кто придет слезинку пролить...
Может, кто придет и скажет, как быть,
Как помянуть, где похоронить.

И...

Была ли печаль краткой, была ли она долгой,
а только сказке все равно конец.

Перевод И. Булатовского и В. Дымшица

יינגל צייגל כוואַט

כ'האב א מעשה'לע א שיינע
פאר די קינדער מייע קליינע.
זייט זשע, קינדער, שפיל און שא,
ס'איז ביין מעשה'לע אז:

ערנעץ ווייט, ווייט, ווייט פון דאנען,
צוזוקומען ניט מיט כאנגען.
ניט מיט שיפן, ניט מיט פערד —
ערנעץ אויף א ווייטער ערד —

האט א טאל יוד דארט געפונען.
און אין טאל איז דורכגערוגען.
ווי א שנירל ווייט און גלייך,
ווייט און גלייך א קליינער טייך.

און ביים טייך, פון ביידע ברעגן,
זיינען שטיבער פיל געלעגן.
שטיבער, גאסן און א סארק,
און ביים זייט פון סארק א בארג.

און די גוים און די יידן
האבן דארט געלעבט צופרידן;
ווער אין פרייד און ווער אין גוים,
יעדער האט געהאט זיין ברויט.

האט יוד איינמאל דארט געטראפן,
אז דער זומער איז אנטלאפן.
גו, איז וואס איז דא די שרעק,
אז דער זומער לויפט אונזעק? —

גאב'ן זומער קומט דער ווייטער,
קומט דער ווייטער און באשפייט ער
שטיבער, בארג און סארק און פלייט
אין א שנייאיק ווייסן קלייד.

ווייט און ליכטיק א פערשנייטער
און א ווייטער און א ברייטער
שטייט אזוי דער ווייטער וועג,
כיו די לינדע פסח'שעג.

גוים קומען זיך צופארן,
פירן פולע שליטנס קארן,
גענדו און האלץ און שפריי, און היי,
אנגעלארן אט אזוי.

יידן שטייען אום און לויפן,
דינגען, קויפן און פארקויפן;
יערן יידנס פנים שיינט:
ס'ארט סארק אכיסל היינט!

חברה לויפן אויף די גליטשן,
כאכן קונגן, הילכן, קוויטשען,
און דער אייז איז בלוי און ווייך,
ווי דער הימל אין דער הייך.

שקצים אין די גרויסע הימלעך
פלייען בארג אראפ אויף שליטלעך
מיט א פייף און א געשריי,
קוליע, קוליע, און אין שניי!

יינגלעך ראייען זיך און שלעפן,
קייקלען קלעצער שניי און קלעפן
פעטער שנייערס גוט און וואויל,
מיט א נאז און מיט א סויל.

שטייט א יינגל ביי דעם מויער,
רייכט דעם אויער: פעטער שנייער,
זאלט ארוי ביו פסח שטיין,
ביו מען דארף אין חדר גיין.

אכער דא איז פארגעקומען,
אז דער ווינטער איז געקומען
נאָם און פינצטער ווי איז גרוב,
כאַטש ניש גיי אַרויס פון שטוב.

און א רעגן האָט געגאַסן,
ניש ווי ווינטער, נאר ווי אַסיען,
און קיין שניי איז ניש צו זען.
ווייל קיין שניי איז ניש געווען.

כלאָסיק איז אין סארק געוואָרן, —
ניש צו גיין און ניש צו פאַרן;
גיין און פאַרן — וואו און ווי?
אז ס'איז בלאַמע ביו די קני.

ווערט א גוי אין סארק פארמאגן,
בלייבט אין בלאַמע שטיין ויין וואָגן;
שעלט דער גוי, ויין ביימשל קנאַלט,
שלעפט דאָס פערדל ביו עס פאלט.

פאַרט אַרויס א בעל-עגלה,
וויאַקעט, נאַקעט — מיט א קללה
צי מיט גוטן — פערדלעך, פאַרט,
און די פערדלעך — ניש פון אַרט!

און די יינגלעך, ווי דער סדר,
לערנען ווינטער שפעט אין חדר,
האַבן זיך געשראַקן שטאַרק
גיין אין בלאַמע דורכ'ן סאַרק.

האַבן מענטשן פיל געטרויערט,
וואָס די בלאַמע לאַנג געדויערט,
וואָס קיין שניי איז ניש צו זען;
און קיין שניי איז ניש געווען.

האַבן מענטשן זיך דערשראַקן,
גויים קלינגען אין די בלאַקן,
יידן מיאַפּקענען אין שול,
אז די גרויסע שול ווערט פול.

און די יינגלעך פון דעם חדר,
יעדער יינגל טוט א גורד:
— שניי געטרויער, קום שוין קום,
איך וועל ווערן גוט און פרום.

קויפט א יינגל ניש קיין בייגל,
קויפן פליש ער ווי א פויגל
א לאַסטערן פון פאַפּיר,
רויס און לויטערן קאַליר.

גו, איז דאָרט געווען א יינגל,
האַט מען אים גערופן צינגל,
צינגל כוואַט. — און צינגל כוואַט
האַט קיין טורא ניש געהאַט.

ער פלעגט לאַבן: א לאַסטערן!
כהאַב קיין טורא ניש פאַר בערן,
וועל איך טורא האַבן גיין
דורכ'ן סאַרק ביינאַכט אַליין?

יינגלעך זיצן, הערן, שוויגן.
אַלע ווייסן גוט, אז לייגן
צינגל כוואַט וועט קיינמאַל ניש,
ער איז דאָך ניש ויקעל שמיד!

און אין אונט, ווי דער שטייגער,
 קוקט דער רבי אויפ'ן זיינער,
 און ער זאגט ארויסעס קוים :
 — קינדער, נו, שוין צייט אהיים ! —

ווערט א סומל, שויב צו ווערן ;
 — בערל רעדל, מיין לאמטערן,
 גיב מיר פייער, קאפל האן,
 צינד מיר מיין לאמטערן אן !

לאזן זיינלעך זיך צוזאמען,
 די לאמטערנעס רוימע פלאמען.
 פינצטער — לייכטן זיי דעם זענ,
 און זיי ציטערן פון שרעק.

פלוצלונג טוט א פרעק א יינגל ;
 קינדער, וואו איז איצטער צינגל ?
 צינגל דארט און צינגל דא,
 צינגל איז מיט זיי ניטא.

קוקן זיי אין אלע ווייסן ;
 פלוצלונג זענען זיי פון ווייסן —
 צינגל טוט א פאל, א כליאפ,
 און איז בלאטע ביז'ן קאפ !

ווערט א ליארעס, שרייט א יינגל ;
 — ווארט אויף מיר א רגע, צינגל !
 און צו צינגלען צוצוגיין
 שרעקט דאס יינגל זיך אליין.

צינגל שטעקט אין בלאטע פריילעך
 און צעוונגט זיך פריילעך : הולד !
 ווארפט זיך, דרייט זיך, ציט זיך אויס,
 קען פון בלאטע ניט ארויס.

ווערט א יאסער : צינגל, צינגל !
 אבער יעדער חדר-יינגל
 האט ער אפגעלערנט קוים,
 דארף ער קומען כאלד אהיים.

בלייבט אין בלאטע צינגל שטעקן-
 אבער צינגל וועט זיך שרעקן ?
 צינגל קלערט צו זיך אליין :
 כ'וועל אויז ביו מארגן שטיין.

כ'וועל אויז אין בלאטע שלאפן...
 אבער דא האט זיך געמארפן :
 דורכ'ן סארק א פריץ רייט,
 זעט ער צינגלען פון דער ווייט.

לאזט דער פריץ זיך פון ווייסן
 אויף וויין גוטן פערד צו רייסן,
 און פאר צינגלען — איינס, צוויי, דריי,
 שלעפ ! — און צינגל איז שוין פריי !

און דער פריץ איז א גוטער,
 מוליעט צינגלען אין זיין פושער,
 אבער צינגל זידט און ברענט,
 רייסט זיך פון דעם פריצ'ס הענט.

און דער פריץ קנייטשט זיין שמערן :
 — ווי, די האסט ניט קיין לאמטערן ?
 נייטס אויז אליין ביינאכט ?
 האט זיך צינגל הויך צעלאכט :

— א לאמטערן, א לאמטערן !
 כ'האט קיין מורא ניט פאר בערן,
 וועל איך מורא האבן גיין
 דורכ'ן סארק ביינאכט אליין ? !

לאכט דער פריץ: ס'ארט יינגל!
זאג מיר, ווי מען רופט דיר? — צינגל
האט קיין מורא ניש געקלערט;
און ער ענטפערט: צינגל בואט!

איז דעם פריץ שטארק געפעלן,
וואס א יינגל זאל זיך שמעלן
פאר א פריץ איינס און צוויי;
און דער פריץ זאגט אזוי:

— כ'יבן שוין גרוי און אלס געווארן,
בין א וועלט שוין אויסגעפארן.
און א יינגל, אזא ברען,
האב איך ערנעץ ניש געזען.

און אז די זאלט מיר געדענקען,
ווייל איך אזא זאך דיר שענקען,
וואס די וועלט האט ניש געהאט;
שווייג און הער-זשע, צינגל בואט!

כ'האב דעם פענד, ער קאסט מיר שויער,
ער איז לויטער פלאס און פויער,
פליען פליט ער ווי א פייגל,
אין א רגע דרייצן מייל.

און איך האב א כישוף-דיינגל,
אזא רינגל פאר א יינגל;
טומט אים זיבן סאל א דריי,
און עס הייבט אן גיין א שניי.

און די קענטס אליין זיך שמעלן,
וועלכע זאך איז דיר געפעלן;
צי דער רינגל, צי דער פענד —
אבער ניש קיין סך געקלערט!

צינדט זיך אן אין גאנצן צינגל:
— פענד צי רינגל, פענד צי רינגל?
און ער ענטפערט, ניש געקלערט:
— כ'זויל דעם רינגל מיט דעם פענד!

לאכט דער פריץ: ס'ארט יינגל
ביסטו, צינגל! ... און דעם רינגל
ניש דער פריץ צינגלען אפ,
און ער שפרינגט פון פענד אראפ.

און ניש צינגלען אפ די לייצע
און פאשט צינגלען אן אין פלייצע.
צינגל קוקט: אט אט אטא,
שוין, דער פריץ איז ניטא.

זשטורעט צינגל צו די אויגן,
וויא! און לאזט זיך פייגל פון בויגן
מיט'ן רינגל דורכ'ן סארק,
דורכ'ן סארק, און אויפ'ן בארג.

ספרו! דער פענד קלייבט שמיין, און צינגל
מוט א נעם דאס כישוף-דיינגל,
מוט אים זיבן סאל א דריי,
און עס הייבט אן גיין א שניי.

נ, צי דארפן מענטשן זארגן? —
מענטשן שטייען אויף פריסארטגן,
קוקן זיי און קוקן זיי:
— א, א, זאל זיין א שניי?

און זיי ווילן זיך ניש גלויבן,
מוען זיי א וויש די שויבן, —
ווערט א שמתה, ווערט א פרייד!
— ס'ארט שניי האט אנגעשניט!

זאלן זיך די מענטשן פרייען,
זיי זיי ווילן און פארשטייען,
זארגן האבן זיי געהאט ;
וואו איז אבער צינגל בואט ?

ווכט די סאמע : צינגל ! צינגל ! —
רעדט זיך אויס א פלידער-יינגל,
אז אין בלאטע צינגל שמעקט,
און דער שניי האט אים פארדעקט.

נעמט די סאמע וויינען, קלאגן,
נאר די קלוגע מענטשן זאגן :
— לאוט א יינגל זיך ניט גיין
דורכ'ן סארק ביינאכט אליין !

אבער אזא בואט ווי צינגל,
און מיט אזא כישוף-דינגל,
און מיט אזא גוטן פערד —
און ס'איז קיילעכדיק די ערד —

פליט מען ניכער, פריי און זיכער,
ווי דער ווילדער ווינט און וויכער,
טאל און בארג און וואלד און פעלד,
אין דער ברייטער, ווייטער וועלט.

איז זיך צינגל פיל פון בויגן
אויפ'ן פערד אועקגעפליגן,
ווייטער, ווייטער פון דער היים,
ערנעץ אין דער נאכט, אין רוים.

אבער ווען פון ווייטע וועגן
קומט דער ווינטער אן מיט רעגן,
און קיין שניי איז ניט צו זען,
ווי קיין שניי וואלט ניט געווען, —

ווייזט זיך צינגל פיל פון בויגן,
פון דער נאכט ארויסגעפליגן,
ניט געווען און ניט געהערט,
אויפ'ן פריצ'ס גוטן פערד.

און ער טראגט זיך זיכער, זיכער
ווי דער ווילדער ווינט און וויכער,
מיט'ן רינגל דורכ'ן סארק,
דורכ'ן סארק און אויפ'ן בארג.

טפרי ! דער פערד בלייבט שטיין, און צינגל
מוט א נעם דעם כישוף-דינגל,
מוט אים זיבן טאל א דריי,
און עס פאלט ארויס א שניי !

אַ מעשה, ווי אַזוי אליהו הנביא
האַט גערטעוועט ווילנע
[19 שניי

אויפ'ן אייזן אין אומשטיק, פינצטער און ווארעם, און קראנק איז
די ליבניקע באב, זי קען ניט אראפ פניס אויזן. די אלטינקע פיס ויינען שלאף און פארלאפן
און שוואך אירע סייערע אויגן. און הינטער דעם קליינעם פארפרארענעם
ליגט שניי ביי די דעכער, און אומשטיק קראקען די בייזע
סארטקעס-וואראנגעס.

— אוי, באכעניו גומע, דערצייל מיר די מעשה'לע פון יענעם גוי'שן
וואס איז מיט זיין האק אינ'ס וואלד אינ'ס שווארצן גענאנגען א דעמב
צו מאכן דעם שניפשיסקער פריץ א בעט מיט געשניצענדיגן, מיט
צאצקעס און דריידלעך ; און זיי נאר זיין האק איז אריין אין א דעמב אין דער קארע
ביים סונקעלן ווארצל, אזוי האט דער דעמב זיך פאנאנדערגעוויינט אויפ'ן קול און געבעטן
מיט רחמים, ער זאל אים ניט האקן, ווייל אים איז באשערט נאר צו וואקסן
און צו ווערן א יידישע פראסטע מצבה און שטיין אויפ'ן ווילנער
בית'עלמין...

— ניין, יינגעלע, קענסט שוין די מעשה און ווייסט אויך דעם סוף
פון דער מעשה. דער סוף איז א גומער : דער סעלעלע האט קענטיק געמאכט א גאט
אין זיין הארצן

און זיין האנט, וואס האט באשאפן
ערד און הימל און שמע'ן.
האט באשירעט פון אומליק
זיין דערווילטן פאלק ישראל,
און דערלויבט פון די פעלקער
זיין געוויילטן פאלק ישראל :
און געהיילט איז דער קראנקער,
און געמרויט איז דער געזונטער,
און קיין מענטש, א געבענשטער,
קומט ניט אן צו קיין מענטש ;
און די ליכטיקע שכינה
אויף דער ערד האט גענידערט
און פארשפרייט אירע פליגל,
אירע הייליקע פליגל
אויף דער וועלט און ישראל.

און האט יענעם דעמב ניט ארונטערגעהאקט און ער האט אים געלאזן
 צו וואקסן ;
 און שפעטער — אין הונדערטער יארן ארום איז דער דעמב א מצבה
 געווארן
 אויפ'ן הייליקן קבר פונ'ם הייליקן יידן משיח-השם און זי שטייט נאך
 עדיהיום
 מיט אירע געשניצטע צוויי לייכן, וואס האלטן די קרוין פונ'ם בורא
 אויף זייערע לאפעס.
 נאך איך וועל דיר בעסער דערציילן א מעשה — א מעשה שהיה
 מיט ווילנע די הייליקע שטאט, וואס האט זוכה געווען ביים
 צו ווערן דער מקום פון לערנער, פון תורה און הכמה און אויך
 רבנו-של-יעולם
 מעשים טובים.
 און אז אליהו-הנביא זאל קומען אין ווילנע און מיט זיינע פאלעס
 פארשאַרן דעם שניי פון דער שטאט, וואס איז איינמאל פארשאַפן
 געווארן
 און שיר-שיר ניט הרוב געווארן פון שניי — ווען עס קומט ניט דער
 הייליקער נביא ...
 -- געווען איז עס חזקה נאך מוכות, מיין פאטער, רב לייבע דער דארפישער
 שניידער, —
 דיר צו לענגערע יאר און וואס דו ביסט געבענטשט אויך צו טראגן
 זיין נאָמען, —
 איז פלוצים אן אלמן געבליבן מיט מיר, מיט א פיצעלע וויסע יתומה.
 האָט ער כּאלד נאָך שבעה, אין גרויסער אכיונות געקליבן זיך ווילנע
 פארלאזן
 און פארן מיט נאך ווילנער אַרעמע יידן אין ווייסע און רייכע מרחקים,
 אין רייכער אוקריינע צו זוכן מלאכה, אַ היים, זאָפן ברויט און פרנסה;
 ווייל ווילנע, כאָטש רייך מיט איר תורה, איז אַכער מיט ברויט געווען
 אַרעם ;
 פארקערט איז געווען די אוקריינע : אַ רייכע מיט ברויט, אַכער אַרעם ;
 מיט תורה ;

און ווילנער פארערטשע יידן א סך פלעגן דעמאלט פארלאזן די ליטע
 און ווינען אין גיכ אין רייכער אוקריינע שטאָרק אויפגעריכט אלע
 געווארן.
 פארקויפן די אַרעמע יידן די בעבעקעס זייערע, לאָזט מען נאָך איבער
 דאָס הענט אויפ'ן לייב און דעם מלית און תפילין און עטלעכע הייליקע
 ספרים
 און מיווארט אויפ'ן שלישוועז: ווייל ווינטער אויף שנייאיקע וועגן
 וועט ווייט ניט פארפארן די אַקס ... נג, איז ווארטן די יידן דער שניי
 זאל זיך לייגן
 צו פארן מיט הערש כלאַנגאַלע, וואָס איז אַ געניטער מיט פערדלעך
 געניטע,
 און האָט אלע יארן געפירט ווילנער אַרעמע יידן אין ווינטער אוקריינע.
 נאָר דאָ האָט דעם ווינטער געטראָפן אַווינס — אַז אפילו די ווילנער
 זקנים
 געדענקען נאָך ניט, אַז כּיו הנוכה זאל נאָך ניט שנייען. עס שנייט ניט
 און ניט נאָר אין ווילנע און אינ'ם אַרומיקן קאָנט, נאָר אויך איבער ליטע
 און רייסן
 און איבער אוקריינע האָט ווי אויף צו להכעיס דעם ווינטער פארשפּעטיקט
 צו שנייען.
 ווי אלע יאר נאָך די יום-טובים געווייקט האָבן רעגנס די נאָסן און פעלדער,
 דערנאָך האָט אַ פרעסל אַ ווינטער אין כלוע באַניגענס, ווי צוויש ווי
 צעלייגט זיך אויף דעכער און אויף אַ פארבליבענס בלאַט אויף די
 בייסער,
 אויף קרייט און פארזוועלכטן בוריאָן און געשאַרענט שטרוי פון דער
 תּבואה אויף פעלדער.
 די זון האָט אַ קאַרנע און נידעריק שפּנט אין די מאַרגנס געשטאַלן
 דאָס פּרעסל,
 און כּאלד איז דאָס פרעסל צערונען און אויך פון דער זון איז שוין
 גאַרנישט פארבליבן.
 אַזוי כּיו אין כּסליו אַריין ; און דערנאָך האָבן ווינטן געצויגן פון מזרח,

די זון האט זיך מער ניט באוויזן און איבער דער שמאט האט געציגן
 א כמארע —
 איין גרויסע צעשוואמומען כמארע מיט ריחות פון שניי, און פון שניי
 — ניט קיין סימן.
 פאר סנהא האט שארפער געשניטן מיט פראסט, און די נעכט ווינען
 קעלמער געווארן.
 דער פראסט איז אזוי הורך די מעק שוין פארבליבן מיט זילבערע
 קוויטן אויף שויבן,
 מיט אייז אין די עסער, מיט הארשע געפרארענע תרדעס אויף גאסן,
 און מראקסן,
 מיט אייז, ווי געקאוועמער שטאל, אויף דער גאנצער וויליע און אויף
 דער ווילענקע.
 איז ווארטן די ארעמע יידן מיט וויער נטועה שוין וואכן און — גארנישט.
 כאטש שריי הייזיקס — עס שנייט ניט... איז ניט מען ארום ווי אויפ'ן
 ענלעהתהוה...
 איז ניט מען ארום און מע קארנט זיך דעם ביסן פון גרייטן און ארעמען
 גראשן,
 איז סעקס מען דעם ווינט און מע זוכט די פנימה — א פלעק אויף דער
 קאלטער לבנה:
 אז אפשר איז גאט זיך מרהם און שיקט שוין זיין שניי פאר דער וועלט
 מיט די מענטשן.
 מע פרוואוט שוין פארווארטן א שמועס מיט הערש כאלאנאלע: אז אפשר
 ניט ווארטן,
 און שפאנען דעם וואגן, דאס ראד וועט שוין ברענגען כשלים, אז גאט
 זאל נאר העלפן...
 נאר הערש איז אן עקשאן, און קענטס אים ניט צעה'נען, ווי נאר מע פארט
 אין אוקריינע.
 ער ווייס שוין דעם וועג, ווי א ייד קען אויף אויסנווייזיק אשירי, און ער
 וועט קיין צוהת ניט נעמען.
 ער ווייס ווי כיי גאט איז איצט ווינטער, אז ווינטער-לעב דארף מען צום
 פארן א שלימן;
 און ער האט א שלימן — שוין איינמאל א שלימן, פון דעמב און מיט
 איינערען שמאכעס.

און ווארעם און כרייט און האט ארם פאר די בעקענס און פאר די
 דרייצן פארשויענען:
 און ער וועט ניט קריכן אויף תרדעס קאליעשען די פערדלעך און
 ברעכן די ריעדער
 און שפעטער נאר מיט דער ענלה זיך שלעפן אין שניי אין דער פרעמד
 אויף ביי וואונדער;
 נאר אז מע וועט פארן ווי מענטשן, נישקשה, עס ברענט ניט, און גאט
 איז א פאטער;
 און איי וואס עס שנייט ניט און אט איז שוין כמלוי און חנוכה — איז
 סאקע ביטער...
 אזוי א האט הערש כאלאנאלע גע'טענה'ט און אפגעהאקט אלע דבורים.
 איז כלייבט פאר די ארעמע יידן צו ווארטן אין צוהת מיט זיער נטועה,
 און עסן פון גרייטן... נאר דיין עלטער-זיידע רב לייבע, דער דארפישער
 שניידער,
 איז דא ביז וואסווען, ווי זיין שטייגער, אזעק איבער דערפער מיט
 שער און מיט גאדל.
 נאר דא איז שוין מער ניט קיין צוהת פון אונדזערע עמלעכע ארעמע
 יידן, —
 דא שטייט שוין די גאנצען שמאט אין סכנה! איין קלייניקייט, ווילגע,
 אין ווינטער
 שטייט נאקעט אן שניי! און די שלאכן און מראקסן אין שטייגערע
 תרדעס
 מ'פארדירענען ליגן, ווי בערגלעך די לענג, ביז די ווייטע ארומיקע דערפער.
 און דא לאזט דער פראסט גארנישט אפ, און דאס ראד, ווי דאס ראד
 האט נאך סוכות געשניטן
 אין שליטעס און כלאטעס — אזוי ווינען קאליעס פארבליבן געפרוירן
 אין תרדעס,
 דעם ראד ניט צו פארן און אירך ניט צו שטיילן די הילע קאפיטע פון
 פויערשן פערדל.
 און ס'ווייט זיך קיין פויער ניט אויף ווילנער מערק ווי דער שטייגער,
 אפילו אין סארק מעג.
 עומט אפשר קומט אז אן ארעמער פויער און ברענט א זאק כאט
 צו פארקויפן.

און ס'פעלט שוין אין הייזער א בולעט און איך א שייט האלץ
 צו פארהייזן אן אויזן.
 וואלט כאטשע דער פראסט ניט געהאלטן, — מיט סאטערניש קריכט
 שוין דער פויער דורך בלאטעס.
 וואס לייגן זיך תמיד נאך סוכות אויף שלאכן און וועלן, וואס פירן צו
 ווילנע.
 און ווילנע האט יעסאלט לרוב פון בלוט: א הארציקע בולעט, א בריק.
 א בעכל, אויף שבת אן עוף, און וואס ניט, — און אפילו אן עפל פאר
 קינדער...
 נאר דא ליגט דער פויער פאררוקט אויפ'ן אויזן און ווייזט ניט די גאס
 פונ'ם פויער.
 און ווארט אויפ'ן שליוועט מיט אלעמען פירן אויף שלושם זיין שפע
 אין ווילנע.
 איז אסאך דערלעכט מען שוין תנוכה, אבער א תנוכה ליגט איבער ווילנע.
 אס בענמשט מען די תנוכה-ליכטלעך: דאס ערשטע און אס דאס אכטע.
 איז לייכט אין גבירישע הייזער די הייליקע ליכטלעך אין רייכע סטרוט.
 און קלאטשענע קניטן אין שערבלעך מיט אויל אין די ארעמע יידישע
 הייזער;
 און דאס סאל פון יידישע הייזער פארהילכט ניט די פרייד פונ'ם
 פריילעכן יום-טוב.
 און ניט דאס געלעכטער פון יידישע קינדער ביים שפיל מיט'ן
 תנוכה-דריידל.
 און ס'שטענקט ניט פון גבירישע הייזער מיט ריחות פון לאטקעס מיט
 גענדזענע גרונוס...
 אזוי, אס, פארנייען אן פרייד די אכט טעג פונ'ם פריילעכן יידישן
 יום-טוב.
 און דא ברענגט דער פראסט, לאזט ניט אפ, און קיין שניי איז נאך אליץ
 ניט געפאלן.
 ערשט סארטן — אויף סארטן נאר תנוכה, נאר האלכן טאג, אין א
 דינסטיק — כך תהי! —
 א שניי! אן אפנים דער איבערשטער האט זיך מרחם געווען אויף די
 מענטשן.

וואס ווארטן אויף שניי... נאר דער שניי איז דא עפעס נאר ווי
 אויפצופלייסן געפאלן:
 א שנייעלע דא און א שנייעלע דארט, אן א ווינטל, אזוי ביי אין אונט.
 דערפאר האט געבראכן דער פראסט ביי'ן אונט, אזוי ווי ס'ט הענט
 צוגענומען.
 נאר מענטשן, וואס גאט האט אין אנהייב דערפרייט מיט'ן שניי, אז ער
 שיקט זיי זיין ברכה —
 ווי האבן דא תיבה דערזען, אז דער שניי איז קיין שניי ניט, נאר ואלץ
 אויף די וואונדן.
 אזוי ביי נאך מעריב, ערשט דא האט גענומען ווי אויף צו דער'אמת'ן
 אויף די וואונדן.
 דער שניי איז געווארן געדיכטער, געדיכטער און גרעסער, ווי פנעדן
 גאנצע.
 און דא האט א ווינטל א ציק געשאסן שארפער און שארפער און באלד
 מיט'ן ווינטל —
 א ווינט, און א ווינט ביים א וויבער — א וויבל א ווילדער — אן
 אמת'ער שמועס.
 און — פרעג ניט! — א גאנצניקע נאכט האט געדרייט אין געשאסן,
 געפיפט און געווארעט.
 און ווילנע האט שטארק זיך געפרייט... נאר די זינדיקע סטנשן,
 זיי זיינע געשלאסן
 די נאכט מיט די גרוינע געמיטער, מיט וועלכע זיי זיינען אנטשלאסן
 געווארן.
 נאר סארטן באנייען, אז ווילנע שטייט אויף פון איר שלאף ווי די סכע,
 און מענטשן מיט פרייד אין די הערצער און דאנק צו דעם בורא — זיי
 צינגן אן פייער
 און איילן זיך לויפן צו שחרית און ווילן שוין עפענען טירן און לאדן. —
 ערשט וואו! — ערשט מיט שניי ליגן פירן און שטיבער ביי איבער
 די דעקע פארשאסן.
 כאטש בלייב אין די שטיבער פארשפארט און פארשאסן און ווארט אויף
 א נסידשטיים.
 און דא הערט ניט אויף נאר צי שוין און דרייען; און וואס זאל מען
 לענגער נאך ברייען?

איז נייעס ער און זינגט און קערט אפ רעכטס און לינקס מיט די שפייזל
 און ווען ער הערט אויף מיט זיין הייליק געזאנג און הייבט אויף זיינע
 דערנעס ער דא היבט, אז דא איז ניס גלאס, און ער וואונדערט זיך
 א מעשה — ער נייעס און ער נייעס און ער איז ביז צו ווילנע נאך אלץ
 א מעשה — אזא איז געשאפען א שטאט, און די שטאט איז גאר
 צי אפשר איז ער אינ'ס שניי גאר אראפ פונ'ם וועג און ער איז גאר
 הייבט אויף אליהו הנביא די ליכטיקע אויגן און קוקט מיט די ליכטיקע
 צו מורח, צו מערב, צו צפון און דרום, אויף אלע פיר עקן פארשפרייטע.
 און זעט גאר א וועלט א פארשיניטע פון פארנט, פון הינטן, פון אלע
 ערשט דארט, העט אוועק, צווישן שניי און דעם היבל דערנעס ער א
 אזוי ווי א פייגל א שווארצער וואלט צווישן דעם שניי און דעם היבל
 גאר ס'איז ניס קיין פייגל געפליגן, דאס האט זיך געשווארעט גאר
 יאס איז אין זיין גאנצענער גרייס דא געשטאנען פארשניט ביז זיין
 דא זעט שוין דער הייליקער נביא, אז ווילנע לינג אונטער די שנייען
 און אז איבער ווילנע — גאטס שטאט, איז אן אומגליק פון היבל געפאלן
 האט דא אליהו הנביא לאנג ניס געקלערט, און ער ניס מיט דער בארד
 און ניס א שפרייט אויס זיינע פאלעס די כרייסע, אזוי ווי צוויי פליגל
 געשפרייטע.

צוויי כיסערע לאנגע מעת-לעת האט געשנייט און געדרייט און
 פארשאטן
 די הייער, די קלויז, די בתי מדרשים ביז איבער די דעקער און קויכענס,
 להכביל די תפלות, די קרייצבערג, דעם שלאסבארג ביז פאזע זיין
 שפיינענעס היבל.
 און ווילנע לינג אונטערן שניי, לינג אונטער דעם שניי און זי קען זיך
 און דא איז שוין דאנערשטיק נאכט און אס דא איז שוין סארטן ביי גאט.
 און ווילנע דארף גרויסן אויף שבת און לינג דא געבונדן מיט לייב
 און מיט לעבן.
 ניס אנדערש, אז ווילנע האט זיך ביים רבנו-של-עולם מיט עפעס
 פארזינדיקט.
 גאר גאט איז א פאטער פון חסד און רחמים, און ער וועט ניס לאזן.
 זיין הייליקע שטאט זאל ניס פראווען קיין שבת און הונטערן מיט ארע
 און פרייטיק קאזאר, ווען אין שלאף און אין צער איז גאר ווילנע
 געלעגן פארזונגען.
 איז גראד אליהו הנביא געגאנגען קיין ווילנע אזוי ווי זיין שטיינער.
 ווי חסיד צו העלפן דא איינעם אן ארעמן יידן, וואס האט ניס אויף
 דא העלפן און טרייסטן א חולה, און דא אנהאקן האלץ, קינדער זאלן
 ניס פריין...
 איז נייעס זיך אליהו הנביא געהיבן אין זיינע רעיונות.
 איז נייעס ער געהיבן אין טיפע רעיונות — אין זארג פאר דער וועלט
 מיט די מענשן;
 ער נייעס זיך אין שניי ביז'ן גארטל, א ווייסער, און רייכט זיך די הענט
 פון הנאה
 און זינגט אויפ'ן קול א געזאנג צו דעם אייביקן האר פון דער וועלט
 מיט די מענשן.
 וואס ער האט דערפרייט זיינע קינדער און האט זיי דעם שניי פון זיין
 היבל געגעבן.

און אס איז ער שוין מיט זיין הייליקן פוס אויפ'ן שמייערנעם קאפ פונ'ם שלאסבארג.
 ער שטייט מיט'ן פוס אויפ'ן שפיץ פונ'ם שלאסבארג און גיט א מענטש
 די שנייען וואס האבן פארשאפטן די וועלט, אז מען זעט נישט דעם
 ליכטיקן הימל, און אונטער די שנייען פארדורכעט ליגט ווילנע און שלאפט אין איר
 ביזער מערכת.
 דא טראכט שוין דער נביא נישט לאנג, און ער טריימלט די פאלעס די צוויי
 ווי צוויי ווינטן, און פון זיינע פאלעס נעמט בלאזן און דרייען מיט ווינטן, מיט וויכערס
 און וויכערס, און וויכערס נעמט דרייען און אקערן, גראבן און קערן
 די שנייען, און מ'הייבן זיך שנייען פון ווילנע צום הימל פון וואנען זיי זיינען
 געקומען, און טראגן זיך איבער די ווייטע פארדורכעטע און די ארומיקע פעלדער;
 און פול ווערט די וועלט מיט א וויכער פון שנייען — און אמ'ער
 תהוה וכוהו!
 און מ'ווערט נישט קיין וועלט און עס ווערט נישט קיין הימל, און אויך
 אליהו הנביא ווערט נעמט אינגאנצן אין שנייאיקן וויכער — אין שנייאיקן תהוה וכוהו.
 נאר ער ווערט נישט נעמט — דער ליכטיקער נביא, ער שטייט זיך אין
 שניי אויפ'ן שלאסבארג, און טריימלט און פאכט מיט די פאלעס און בלאזט מיט די ווינטן און
 וויכערס די שנייען, ביז ווילנע באווייזט זיך: צום ערשטן די גאלדענע היכע צלמים פון
 תיפלות, די קרייכער, און באלד אויך, להבדיל, די דעכער און קוימענס פון
 שולן און קלויזן און באלד אלע קוימענס פון שטאט און די דעכער, די פענצער און
 סוויץ און סוויץ, און ווילנע ווערט ניצל, און ווייזט נישט אין שלאף, אז זי איז דא ניצל
 געווארן.

און היכף זיי ווילנע ווערט ניצל, — לאזט אפ אליהו הנביא די פאלעס,
 און באלד ווערן שטיל און פארשמילט אלע ווינטן, און מיט א צופרידענעם
 ער ווישט מיט א האנט פונ'ם פנים דעם שוויים און דעם שניי פון זיין
 בלאד און די פאות;
 און באלד לייגט זיך איין קיין קעפל דער שניי אויף די ווילנער
 פארשלאפענע גאסן, און אויף אלע וועגן, וואס פירן צו ווילנע פון אלע ארומיקע דערפער.
 און באלד זיי דער שניי לייגט זיך איין, נעמט שארען דער מורח מיט
 סארטן, און זיי נאר דער מורח נעמט טאגן, איז היכף דער שמש ארויס מיט
 זיין שמעקן, צו וועקן די יידן צו שחרית און אנוואגן יידן דעם נסיהשמים.
 דערפאר איז דער שמש דאך זוכה געווען נאך צו זיין אליהו הנביא'ן אין
 ווי ער איז פאמעלעך אראפ פונ'ם שלאסבארג א לויטערער און א
 פארשינער, און איז אזוי נעמט געווארן פון אויג פון דעם שמש אויף גאסן און נישט
 מענטשישע שמעקן...
 ג, פרעג שוין נישט ווייטער, זיי גרויס איז די שמה געווען פון דער
 שטאט מיט די מענטשן, וואס גאט האט אין רחמים אין זיינער, אליין, מיט דער האנט פון זיין
 הייליקן נביא, געראטעוועט ווילנע פון אזא סכנה, אין וועלכער א שטאט איז געלעבן!
 נאר זיי קען א צונג דא נאר אויסדערציילן די פרייד פון דער שטאט
 מיט די מענטשן און אויך פון די עמלעכע ארעמע יידן, וואס האבן מיט זייער נסיעה
 געווארט אויפ'ן שלימותע, אז הערש באלאגאלע זאל פירן זיי אין דער
 אזוי זיי עס פארן פארשיינען ביי ליימן אין ווינטער אין דעמבעק
 אוקריינע, נאר גרויס זיי די פרייד איז געווען פון די מענטשן — איז גרעסער געווען
 שלימים...
 זייער וואונדער:

ווייל באלד זיי זיי האבן געעפנט די אויגן, איז ווילנע שוין פריילעך
געלעגן.
גלייך זיי אויף א מיטשטוך א ווייסן, מיט שניי ביז'ן קענכל און פראשט
פון פריסארטן;
און פול זיינען חיבף געווארן די גאסן מיט טומלעניש פון ערב שבת,
מיט תיכע און ברייטע גומסארגנס, מיט שטייכלען און כרכות אויף
אלעמענס ליפן.
מיט הויכן געלעכשער פון ווייכער, מיט קוישן און שאלן ביי איבער די
שערנס,
וואס זיינען געלאפן אין סארק איינצוקויפן אויף שבת און שבת צו מאכן;
און פול זיינען חיבף געווארן די דארפישע שליטכן, וואס פירן צו ווילנע,
מיט פריילעכע קליינען פון גלעקלעך, מיט קוואקען פון עופות און קנאקן
פון ביימישן,
מיט פויערשן הוקען און פייערן מיט שופען פון פערדישע שטייפע,
קאפיטעס,
מיט סקריפען פון שליטנס, געלארן ביי איבער'ן ווערך מיט כל טוב
און מיט שפע.
אז ענע זיינען חיבף געווארן די סערק פון די פויערשע שליטנס און
קונים,
אז אימלעכע גאס אין דער שטאט איז געווארן א סארק מיט'ן האנדל
און סובל,
וואס ווילנע האט קיינמאל אויבנס ניש געהאט נאר אפילו אויף אירע
יריד'ן.
אזוי איז געוואקסן דער האנדל, און ווילנע האט רושיק געקאכט זיי
א קעסל
פון בלייען קאיאָר ביי נאכמיטאג, ביי אימלעכע יודישע הויז האט
אויף שבת
פארטרייט פונ'ם שענסטן און בעסטן; און ביי דער צופירדענער פויער
האט גארנישט ניש מער וואס געהאט צו פארקויפן און איז מיט זיין
ליידיקן שליטן
פארפארן אין שענק און געקלונגען מיט געלט און האט בראנגפן
געטרונקען און שיכור,
נאך ליכטבענעשן ערשט זיך געלאזן אין דארף מיט מתנות פאר ווייב
און פאר קינדער.

Ингл-Цингл-Хват

Тише, тише!.. Я для вас
Кое-что, друзья, припас:
Вот вам книжка, вот вам я,
Вот вам сказочка моя!

Далеко вдали, куда
Не доходят поезда,
Где лошадке нету броду,
А причала — пароходу,

Там долина пролегала,
Там речушка пробегала
И петляла за горой,
Как ниточка за иглой.

И спускались к той речушке
Развалюхи да лачужки,
Шумный рынок у горы
И богатые дворы.

Всех связала эта речка:
И евреев из местечка,
И окрестных мужиков —
Всем был хлеб и всем был кров!

Ай, проходит лето снова!
Ну и что же тут такого?
Всё проходит — день и ночь,
Вот и лето скрылось прочь.

Не успеешь оглянуться —
К нам уже снега вернутся
И оденут каждый дом
Кружевом и серебром.

Белоснежною дорогой,
И широкой, и далёкой,
Саннный путь встаёт опять,
Чтоб до Пасхи достоять.

Тут на дровнях мужики
Привезут мешки муки,
Кур, гусей, солому, сено
И дровишек непременно.

Ой, сбегаются евреи —
Тот быстрее, а тот шустрее,
Лиц весёлых не сочтёшь —
Торг и шумен, и хорош!

Ай да рынок! Всех утешит.
Ребяшня коньками режет
Лёд на речке — голубой,
Как небо над головой.

А с горы скользят на санках
Шалуны в больших ушанках,

С гиком, с криком, с ветерком,
И под гору — кувырком!

У мальчишек из комочка
Вырос ком, большой, как бочка:
Забирайся ком на ком —
Становись снеговиком!

А прилежный ученик
Важно скажет: «Снеговик,
Стой до Пасхи, не скучай, —
Нас из хедера встречай!..»

Ай, зима!.. Но в этот год
Было всё наоборот,
В эту зиму вот как было:
Дни, сырые, как могила,

Тьма да тьма, да капал с неба
Мелкий дождик вместо снега...
Кто и где увидит снег,
Если снег пропал навек?

Чтоб зима — и ни снежинки!
А на рынке-то, на рынке
Слякоть, хлябь, и топь, и грязь,
И в телегу — хоть не влазь!

Если грязи по колено,
Нет ни торга, ни обмена.
Как мужик ни бей кнутом —
Не поладит с битюгом.

На дороге пусто, голо,
Причитает балагола:
«Но!.. Лошадушка!.. Скорей!..» —
Та ни с места, хоть убей!

И в потёмках страшно, братцы,
Через рынок пробираться,
Где во тьме идёт зимой
Путь из хедера домой.

Дети в страхе и в печали,
Даже взрослые устали:
Кто и где увидит снег,
Если снег пропал навек?

Вот евреи по дороге
Потянулись к синагоге,
Бьют в церквушке у реки
В колокол мужики.

И мальчишкам не сидится,
Все дают зарок учиться,
Стать послушней и добрей, —
Лишь бы снег пошёл скорей!..

Им теперь не до баранок —
Раскупают спозаранок

Расписные фонари,
Чтоб светили до зари.

Жил в местечке, говорят,
Крошка Ингл-Цингл-Хват.
Ингл-Цингл, Мальчик-с-Пальчик,
Храбрый был и славный мальчик.

Он бахвалился, смеясь:
«Что фонарик? Что мне грязь?
Я смогу и без пути
Ночью рынок перейти!»

Страшно детям желторотым,
Но, конечно, не солжёт им
Храбрый Мальчик-с-Пальчик: он –
Знают все — не пустозвон!

Тьма за дверью. Тьма на небе.
Но считает время ребе:
«Ну-ка, дети, по домам!» –
Тут поднялся шум и гам:

«Мой!» — «Нет, мой!» — «Отдай, очкарик!» –
«Эй, не трогай мой фонарик!» –
«Разожги мне фитилёк!» –
«Не задуй мне огонёк!»...

Путь мальчишки освещают,
Шаг мальчишки учащают,
И смеются невпопад,
И от ужаса дрожат.

Глядь — а Ингла-Цингла нету!
«Где фонарик?..» — «Дайте свету!..»
Посветили наугад:
«Где ты, Ингл-Цингл-Хват?..»

Слышал тот, кто был поближе:
Вдруг как хлюпнет в чёрной жиже!
Ингл-Цингл — просто жуть! –
Провалился в грязь по грудь.

А кругом всё глуше ночь,
Кто-то силится помочь, –
Но идти вперёд, во тьму,
Так боязно одному!

Разбегаются ребята –
Не спасти из грязи Хвата!
Ну а тот не оробел –
Громко песенку запел.

Слышат дети, как поёт он,
Но спешат к своим воротам:
Коль закончился урок,
Возвращаться нужно в срок.

Ингл-Цингл, хоть и кроха,
Не издал во тьме ни вздоха:

«Не беда! Останусь тут –
Поутру меня найдут!

А поспать могу и стоя...»
Тут случилось вот какое
В мире чудо — как во сне:
Через рынок на коне

Ехал полночь куда-то
Некий барин мимо Хвата.
Малыша увидел он:
Раз-два-три! — и тот спасён.

Вытащил из грязи крошку,
Обсушил его немножко.
Цинглу греться недосуг –
Вырывается из рук.

Удивился барин: «Как
Очутился ты, смельчак,
Без фонарика на рынке?»
Ингл-Цингл без запинки

Отвечал ему, смеясь:
«Что фонарик? Что мне грязь?
Я могу и без пути
Ночью рынок перейти!»

Улыбнулся добрый барин:
До чего же бравый парень!
«Как зовут тебя, малец?» –
«Мальчик-с-Пальчик-Удалец!»

Барин языком зацыкал:
«Мальчик-с-Пальчик?.. Ингл-Цингл?..
Знаешь, Ингл-Цингл-Хват,
Как я нашей встрече рад!

Я уже и стар, и сед,
Я объездил белый свет,
Но подобного героя
Вижу в первый раз, не скрою!

Раз уж ты отважный малый,
Подарю тебе, пожалуй,
То, что лучше всех наград, –
Слушай, Ингл-Цингл-Хват.

У меня есть два подарка:
Первый — конь, он дышит жарко,
Наземь не ступив ногой,
На семь вёрст летит стрелой.

А второй — колечко это,
И оно не без секрета:
Повернёшь семь раз подряд –
И начнётся снегопад.

Что, скажи, тебе по нраву –
Конь ли, скачущий на славу,

Иль колечко с волшебством?
Выбирай, малыш, с умом!..»

У того горит сердечко:
Конь — колечко?.. Конь — колечко?..
«Подавайте, не дразня,
И колечко, и коня!..»

Улыбнулся добрый барин:
До чего же бравый парень!
«Вот колечко — надевай,
Вот уздечка — не зевай!..»

Кинул мальчику уздечку,
Дал волшебное колечко,
И, не тратя больше слов,
Спрыгнул в грязь — и был таков!

Цингл зажмурился: «А ну-ка!..»
Взвился конь стрелой из лука
Через рынок над рекой
Да на берег на другой!

«Тпру!..» Вдали осталась речка...
Ингл-Цингл взял колечко,
Повернул семь раз подряд,
И — посыпал снегопад!

Снегопад! Над всей землёю!
«Что случилось? Что такое?» —
Утром люди говорят.
Что случилось? Снегопад!

Дети окна протирают
И спросонок продирают
Удивленные глаза:
Снег!.. Снежинки!.. Чудеса!..

Сколько радости от снега!
Но в домах не слышно смеха:
Все грустят, и стар, и мал —
Ингл-Цингл-Хват пропал!

Плачет мама у окошка:
«Где мой мальчик?.. Где мой крошка?..»
Говорят, в грязи увяз
Он на рынке в поздний час.

«Ой, — соседи шепчут маме, —
Ой, нельзя ходить ночами!
Ой, какой послушный сын
Без огня пойдет один?..»

Что вы, люди? Что за горе?
Ингл-Цингл на просторе
На коне своём летит
Да кольцом своим блестит!

Необузданной стрелою
Пролетает над землёю.

Где ты, речка? Где ты, дом?
Не угнаться за конём!

Словно ветер — догони-ка! —
Он летит легко и дико,
Через гору, через лес —
И уже в ночи исчез...

Но когда польётся с неба
Мелкий дождик вместо снега, —
Кто и где увидит снег,
Если снег пропал навек?

Тут, невидимый, неслышный,
Гривой встряхивая пышной,
Конь возникнет в тишине:
Что за всадник на коне?

Ингл-Цингл — догони-ка! —
Прилетит легко и дико,
Словно ветер над рекой,
Да на берег на другой!

«Тпру!..» — натянет он уздечку,
А потом возьмет колечко,
Повернёт семь раз подряд —
И начнётся снегопад!

Перевел Михаил Яснов

История о том, как Илия-пророк спас Вильну от снега

На печке темно, и тоскливо, и милую бабушку мучат недуги,
Не может сойти она с печки. Болят, уходились старые ноги,
И глазоньки старые видят едва. А за тусклым, замерзшим окошком
Снега, да с печальными криками вьются сердито сороки-вороны.

Ой, бабушка милая, сказку скажи мне о том мужике-дровосеке,
Что как-то пришел с топором в чащу леса, чтоб дуб там срубить и для пана
Построить из дуба кровать с балдахином – резное, точеное ложе;
Но только топор его врезался в дуб и поранил кору возле корня,
Как в голос заплакало дерево и к дровосеку взмолилось
Его не рубить, ведь расти в том лесу суждено ему много столетий
И долгий свой век завершить, став еврейским надгробьем на кладбище в Вильне...

Да, мальчик, ты знаешь и сказку саму, и конец этой сказки.
Конец же хороший: знать, Бога имел тот простой дровосек в своем сердце,
И дуб не срубил, и оставил расти этот дуб в чаще леса зеленой;
Прошли сотни лет, и как было ему суждено, этот дуб стал надгробьем,
И встало оно над могилой святою святого – стоит и поныне,
Его украшают два льва, и корону Творца подпирают их лапы.
Нет, лучше уж я расскажу тебе быль, что случилась с городом Вильной,
С тем градом святым, ведь недаром от Господа он удостоился чести
Стать местом ученья, и Торы, и мудрости всякой, и добрых деяний.
Еще про Илию-пророка, про то, как явился он в Вильну, как смёл он
Своею полою с крыш города снег, что однажды засыпал всю Вильну.
От снега бы рухнул весь город, когда б не явленье святого пророка...

Случилось как раз после Кущей, мой папа, реб Лейбе, портной деревенский, –
Назвали тебя в честь него, да послужит тебе он защитой, –
Остался вдовцом в одночасье со мной на руках, со своею сироткой.
И чтобы избыть нищету, он решил после шиве уехать из Вильны
С другими, такими ж как он, бедняками в богатые дальние земли,
В богатой Украине искать себе дома, работы, и досыта хлеба;
Ведь Вильна, богатая знанием Торы, бедна была хлебом,
Напротив, богатая хлебом Украина бедна была Торой;
И множество жителей Вильны, в конец обнищав, расставались с Литвою,
Как можно быстрее стремясь до богатой добраться Украины.
И вот бедняки, распродавши пожитки, себе лишь оставив
Рубаху на теле, да талес, да тфилн, да несколько книг богомольных,
Ждут зимника, так как для странствий далеких путь снежный приятней, и сани
Куда как способней телеги... Ждут снега евреи, и ждут-недождутся,
Чтоб Герш-балагола (он сам тароват, и лошадки его тароваты)
Отвез их, как прежде возил бедняков он из Вильны, до дальней Украины.
Однако в тот год приключилась такая зима, что и виленским старцам
Не вспомнить. До Хануки не было снега. Нет снега – и все тут...
Не только над Вильной, не только над Виленским краем, над всею Литвою,
Над Русью и дальней Украиной зима как назло припозднилась со снегом.
Сперва, как всегда после праздников, дождь затопил все поля и дороги,
Затем по холодным рассветам, как яблонный цвет, белый иней
Зацвел на последних оставшихся листьях, на ветках деревьев, на крышах,
Увявшем бурьяне, капусте, соломе, что с поля сгребли после жатвы.
Скупое и низкое солнце поднимется поздно и иней растопит,
Но только что иней исчезнет, как следом за инеем солнце пропало.
А там уже Кислев; а значит, уже и зима подступает с востока,
Уж солнца не видно совсем, и над городом тянется низкая туча,
Огромная туча, и пахнет предчувствием снега, а снега-то – нету.
Уже после минхи мороз пробирает, и все холоднее ночами.
И ночью пришедший мороз не уходит, но днем остается на окнах
Узорами, комьями смерзшейся глины на трактах, и льдинками в бочках,

И льдом точно панцирь из стали на водах Вилии и быстрой Вилейки.
 Неделями ждут бедняки, что отправятся в путь – и ни с места.
 (Иди и кричи «хай-векайом» – нет снега... Нарушился в мире порядок...)
 И бродят, и тратить боятся гроши, что отложены были в дорогу,
 И смотрят, откуда задуло, и нет ли пятна на Луне – это к снегу:
 Быть может, помилует Бог и просыпет хоть горсть долгожданного снега.
 Уже кое-кто начал так намекать балаголе: что, если не медлить,
 Телегу запрячь да поехать, доедем, Бог даст, на колесах...
 Но Герш-балагола упрям, знает сам, как доехать до дальней Украины.
 Он знает дорогу не хуже, чем «ашрей», ничьих он не просит советов.
 Он знает: раз нынче у Бога зима, не в телеге, в санях нужно ехать;
 Есть сани, каких поискать: сплошь из дуба, железом обиты полозья,
 Широкие сани, в них влезет тринадцать персон, не считая пожитков;
 И он не потащится в путь по колдобинам мерзлым, калеча лошадок,
 Ломая колеса, чтоб после врагам на потеху завязнуть в сугробах;
 Мы лучше поедем как люди, у нас не горит, и Господь не оставит;
 А вот, что до самой до Хануки снег не идет – таки плохо...
 Вот так рассуждал этот Герш-балагола, и этим пресек разговоры.
 Осталось одно беднякам: ждать в тоске, проежая припасы, когда же
 Удастся пуститься в дорогу... Твой прадед, реб Лейбе, портной деревенский,
 Пока суд да дело, решил, как обычно, с иголкой пройтись по крестьянам.
 В беде, между тем, оказался, не только десяток несчастных евреев,
 Но весь город Вильна! Ведь это не шутка, вся Вильна зимою
 Стоит нагишом, не одетая снегом! Замерзшие грудями комья
 Покрыли дороги от Вильны до всякой окрестной деревни.
 Мороз же все крепче: и те колеи, что еще перед праздником Кущей
 Колеса в грязи прочертили, теперь от мороза застыли как камень,
 Да так, что по ним колесо не проедет, не ступят копыта лошадок.
 И в Вильну крестьянин на рынок и носа не кажет, ни в будни, ни в праздник,
 Ну разве пешком самый бедный притащит фасоли мешок на продажу.
 Не стало в домах ни картошки, ни дров, чтобы вытопить печку,
 Когда бы мороз не держался, то смог бы крестьянин, в грязи увязая,
 Доехать до Вильны, а грязь, что всегда после Кущей лежит на дорогах,
 Везти урожай на базар не мешает; чего только нет на базаре:
 Картошка и свекла, и кура – к субботе, и есть даже яблоки – детям.
 Теперь же крестьянин на печке разлегся, и нос за ворота не кажет,
 И санного ждет он пути, чтоб припасы на санках доставить до Вильны.

А время идет, вот и Ханука, только не кончились бедствия Вильны.
 Лампады в домах зажигают: вот первая минула, вот и восьмая.
 В богатых домах зажигают святые лампы в богатых менорах,
 Фитиль в черепке, куда налито масло, затеплили в бедных домишках;
 Но в этом году от еврейских домов не доносится что-то веселья,
 Не слышится смеха еврейских детей, что играют, как водится, в дрейдл,
 Не пахнет в домах богачей ни гусиною шкваркой, ни латкес...
 Вот так восемь дней без веселья проходит веселый наш праздник еврейский.
 По-прежнему лютый мороз на дворе, и как прежде – ни капельки снега.

И только на завтра, как кончилась Ханука, помню, во вторник, с полудня
 Снег! Вздумал, кажись, наконец-то Всевышний помиловать бедных людишек,
 Заждавшихся снега... Но снег этот выпал как будто для пробы:
 Снежинка, еще, здесь чуть-чуть, там немного, и тихо, и ветер не дует.
 Меж тем потеплело, мороз вдруг упал, вот уж вечер, но нет снегопада.
 И людям, которых вначале обрадовал снег, точно милость Господня,
 Теперь показалось, что это не снег, это соль на душевные раны.
 Так было до майрева. Но ближе к ночи взаправду с небес повалило.
 И снег был густой, и все гуще и больше, как будто не хлопья, а перья.
 А там вдруг подул ветерок, да все резче, а там вдруг за тем ветерочком –
 И ветер пришел, а за ветром – буран, за бураном же – дикая буря.
 И так-то всю ноченьку, всю, сыпал снег и крутило, вертело, свистело и выло.

И вой этот радовал Вильну... И грешные люди в ту ночь с легким сердцем
Уснули, и спали спокойно всю ночь, и проснулись с улыбкой.
И вот уже утро, уже просыпается город, встает как обычно,
Растоплены печи, и с радостью и с благодарностью к Богу евреи,
На шахрис спеша, уж торопятся двери открыть и тяжелые ставни, –
Куда там! – засыпаны двери, засыпаны снегом дома выше крыши,
Не выйти, сиди в запечатанном доме и жди избавленья как чуда.
Меж тем не заметно конца снегопада, и сыплет чем дальше, тем больше.
И так двое горестных суток валило, крутило и сыпало и засыпало
Дома и бесмедреша выше коньков, и не рядом помянуты будут,
Часовни и церкви, и Замковый холм до краев его каменной шапки.
Вся Вильна под снегом лежит, и в снегу не шелохнется, и голодает.
И вот уже вечер настал четверга, и канун подступает субботы,
Готовиться надо к субботе, но Вильна недвижна, спелената снегом.
Пред Господом Богом, знать, чем-то несчастная Вильна грешна, не иначе.

Но Бог – наш Отец, и он милостив и милосерден, и он не допустит,
Того, чтоб не справила Вильна субботы, чтоб дети ее голодали.
И в пятницу утром, когда еще Вильна, охвачена горем и дремой,
Лежала, Илия-пророк подходил к нашей Вильне помочь как обычно,
Какому-нибудь бедняку, у которого не на что справить субботу,
Здесь, может, утешить больного, там дров наколоть, чтоб детишки не мерзли...
Идет себе так вот Илия-пророк, погруженный в раздумья,
Идет, погруженный в глубокие думы – в заботы о мире и людях;
Шагает по поясу в снегу, весь в снегу, потирая от радости руки
И в голос поет он хвалу Вседержителю Господу тверди и твари,
За то, что своих Он порадовал деток и вволю отсыпал им снега.
Вот так он идет и поет, разметая с дороги снега сапогами.
Но вот он святой свой напев оборвал, поднял ясные очи и видит, –
И тотчас же видит, что что-то не так, и дивится: пропал город Вильна!
Дела! – он идет, и идет, и никак не дойдет он до города Вильны;
Дела! – тут вот город стоял, и исчез этот город, как не был;
Неужто он сбился с дороги в снегу и неужто в пути заблудился?
Подъемлет Илия-пророк свои ясные очи, и водит очами,
И смотрит на север, на юг, на восток и на запад, и видит
Вблизи и вдали, на все стороны света заснеженный мир распростерся;
И лишь вдалеке, между снегом и небом видна ему черная точка,
Как будто бы черная птица летит между снегом и небом.
Но это не птица летела, средь белого моря чернела вершина,
Холм Замковый встал во весь рост, занесенный снегами до каменной шапки.
Тогда только понял Илия-пророк, что все Вильна засыпана снегом,
Что выпало городу Божьему вместе со снегом большое несчастье...
Не стал тут Илия-пророк размышлять понапрасну, потрянул бородою,
И полы, широкие полы кафтана простер как широкие крылья,
И вот уж на Замковый холм он взлетает, и стал на вершине.
Стоит, уперев свои ноги святые в вершину, и мерит очами
Снега, что засыпали мир, так что ясного неба не видно,
Что Вильна лежит погребенной под снегом и спит в своей горестной доле.
Пророк же, не думая долго, трясет свои полы и ветры вздувает,
И ветры от пол его дуют, и кружат, и с вихрями мчат, со смерчами,
И снег вокруг Замка взрывают и крутят, подъемлют, несут и вздымают,
От Вильны вздымают до самого неба, откуда на землю он выпал,
И ветры уносят снега прочь от Вильны, несут их в поля и просторы;
И снежные вихри заполнили мир – настоящее тоху-ва-воху!
И мира не стало, и неба не стало, и даже Илии-пророка
Не стало средь снежного вихря – средь снежного тоху-ва-воху.
Пресветлый пророк не исчез, весь в снегу он стоит себе там, на вершине
И полами машет, трясет, и взвиваются ветры, снега поднимают, –
И вот показалась Вильна; сперва золотые кресты на соборах,
А там уж, не рядом помянута будет, и крыша святой синагоги,

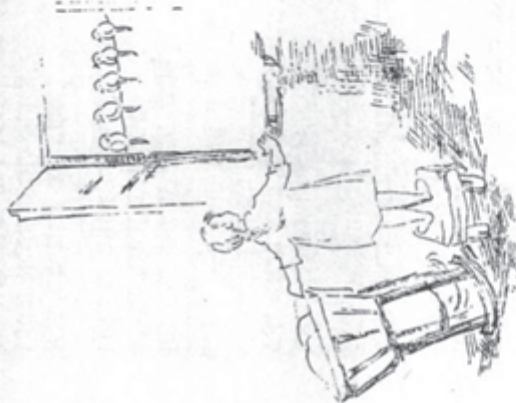
А там уж все трубы, и крыши, и окна, ворота и двери,
 И Вильна стоит, спасена, только спит, и не знает во сне о спасенье.
 И сразу, как Вильна была спасена, – опускает пророк свои полы,
 И сразу метель унялася, и ветры утихли. С довольной улыбкой
 Свой лоб утирает Илия, и снег с бороды отрясает и с пейсов.
 И снег неглубокий ложится спокойно на виленских улицах сонных,
 И ровно лежит на дорогах, что в Вильну ведут из окрестных селений.
 И только утих снегопад, как восточный край неба светлеет,
 Светать начинает, и сразу же шамес – в руках его палка – выходит
 Евреев на шахрис будить и обрадовать вестью о чуде Господнем.
 За это Илию узреть со спины в этот день удостоился шамес.
 Пророк же, ослеплен и светел, неспешно спустился с вершины
 И тотчас пропал, точно не был, уйдя не людскою дорогой, но Божьей...
 Ну, можешь не спрашивать, как велика была радость, как рад был весь город,
 Что Бог Вседержитель в своем милосердьи руками святого пророка
 От страшной опасности спас город Вильну, а Вильна-то чуть не погибла!
 И как рассказать о веселье, что враз горожан охватило и город,
 А главное, нескольких бедных евреев, что ждали, когда встанет зимник,
 Чтоб сразу – в дорогу, чтоб Герш-балагола довез их до дальней Украины
 Как должно, как людям прилично зимой, на санях на дубовых...
 Немалою радость была в это утро, но большим еще – изумленье,
 Проснувшись, увидели люди, что Вильна стоит как ни в чем не бывало,
 На легком морозе, в снегу неглубоком стоит как на скатерти белой.
 И сразу наполнились улицы шумом, кипеньем кануна субботы,
 И радостным «доброе утра!», и шутками и пожеланьями блага,
 И смехом хозяек, которые, взявши кошелки, закутавшись в шали,
 На рынок бегут всё, что нужно купить для субботы, чтоб справить субботу.
 И сразу дороги от сел от окрестных до Вильны наполнились звоном
 Веселых бубенчиков, ржаньем, щелчками кнутов и кудахтаньем птицы,
 И криком крестьянским и свистом, и топотом дробным крестьянских лошадок,
 И радостным скрипом саней, что до самого верха нагружены снедью;
 И сразу же стали тесны от саней и от тех, кто пришел за покупкой,
 Просторные рынки, и в рынки тогда обратились улицы Вильны;
 И больше был торг, громче шум в этот день, чем в тот день, когда ярмарка в Вильне.
 Котлом закипела торговля и шумное это кипенье кипело
 От самой зари и до после полудня, кипело, покуда евреи
 Все нужное не запасли для субботы; покуда последний крестьянин
 Не продал всего, и покуда, деньгами звеня, он в шинок не заехал,
 Не выпил, и пьяный с гостинцем для бабы своей и для детушек малых
 Домой воротился еще до того, как евреи затеплили свечи.

Перевел с идиша Валерий Дымшиц

האבן די קינדער געענטפערט:
 — אַרײַם!
 און האבן דעם פייערלעשער תיבה באפרייט.
 איז ער א שטאלצער געפארן צוריק,
 געקלונגען אין גלאק,
 ווי נאך אמתן זיג.
 צעקילט און צעביילט,
 נאך ווער צופרידן,
 האט ער געשריען צו גוים
 און יידן:
 — מרעם אפ! גייט אוועק!
 אז ס'פארט פייערלעכער,
 לאזט מען דעם וועג!

א ל ק ע

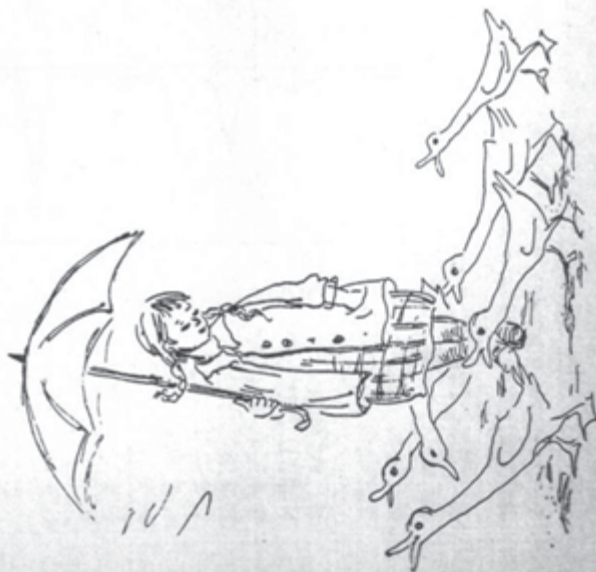
דעם דער ווארשע, עק אכאמע,
 א דעף מיט בלאמע.
 וואוינט דארט אלסע
 מיט דער בליעך פארטאמאלקע.
 דער טאמע א שמיר,
 די טאמע ארבעס ברייט.

דער דאך איז איינגעבוין דאלב,
 אונטערן דאך וואוינט א שוואלב.
 און שטוב — א טיש מיט א בעט
 און א בויזים מיט גרעם.

גייט די גאנזו גורע,
די קליינע גענזעלעך אין שוודר,
פעדערן ווייסע,
פיס רוישע,
און דער גאנער, דער שושת.

עפנט אלע
די בלייע פארמאלקע,
האט זי א שמוב, און א דאד,
און גענזעלעך א סך.

און לעפל, און מעלער, און מעפ, און קייג,
און א קינד אין וויג.

און דאס מיידעלע אלקע
מיט דער בלוייע פארמאלקע.

א מויד פון זעקס יאר,
מיט גאלדענע האר.

אוי אינדרויסן העל,
און דער זאמד איז נעל,
נעמט אלקע זאמד קנעמן,
אלע הברטעס פארבעמן.

רופט די מאמע די מויד,
אז עס ציטערט א שויב,
און דער מאמע, דער שמיד,
העלפט מיט:

— גיי אין שמוב!
מען דארף דאס ברודערל וויגן,
וואשן מעפ און קייגן.

מען דארף וואסער ברענגען,
מען דארף העמדלעך שווענקען.

אביסעלע זייענען,
אביסעלע שרייבן, —
געדענק, כוועל דיר פון שמוב פארטרייבן!

גייט אלקע וואסער ברענגען,
העמדלעך שווענקען.
זעט זי:
גענוז גייען.

ווייל אלקע דא שטיין,
ביז די זון וועט פארניין.

רופט די מאמע די מויד,
אז עס צימערט א שויב,
און דער מאמע, דער שמיד,
העלפט מיט:

— גיי אין שטוב!

מען דארף זאגן צירעווען,
מען דארף פערס קרעווען,
מען דארף קניפלעך דרייען,
קנעפלעך פארנייען,
אביסעלע זייענען,
אביסעלע שרייבן, —

נעדענק, כוועל דיר פון שטוב פארטרייבן!
גייט אלקע פארעם דרייען,
קנעפלעך פארנייען.

גיבן קנעפלעך זיך א שאט
און צעלויפן זיך איבערן שטאט.
ווערט יעדעס קנעפל א ראד,
יאנו זיך די רעדער קארואיאד.

איין ראד פארט איבער דער נאג,
קיטלעך זיך און פירט א פאג.
צוויי דרייען א וועליסאפער,
דריי רעדער פירן א ברעג.

ווייל אלקע מיט גענדזעלעך גיין
ביז די זון וועט פארניין.

רופט די מאמע די מויד,
אז עס צימערט א שויב,
און דער מאמע, דער שמיד,
העלפט מיט:

— גיי אין שטוב!

מען דארף האלץ שפאלטן,
מען דארף דאס קינד האלטן,
מען דארף שוועבלעך צינדן,
וויקעלעך בינדן.

אביסעלע זייענען,
אביסעלע שרייבן —
נעדענק, כוועל דיר פון שטוב פארטרייבן!
גייט אלקע האלץ שפאלטן,
דאס קינד האלטן.

זעט זי:
פייגעלעך פלייען,
א שורה לאנג ווי א באן
און איבער זיי אן עראפלאן.
פליגעלעך ווייסן,
פייגעלעך הערן,
און איבער זיי א וואלקן,
ווי כוויקער רויך.

עפנט אלקע
די כוועק פארטאלעך,
האט זי א שטוב און א דאך
און פייגעלעך א סך.

פיר רעדער אין א וואגן,
אינס דאס צווייטע יאָגן נאר און יאָגן.

עפנט אַלקע
די בלויע פאַרסאַלקע,
האַט זי אַ שמוב און אַ דאָר,
און רעדער אַ סך.
ווי אַלקע דאָ שמיין,
ביז די זון וועט פאַרגיין.
רופט די מאמע די מויד,
אז עס ציטערט אַ שויב,
און דער מאמע, דער שמיד,
העלפט מיט.

נאר אַלקע וויל נישט הערן, וויל נישט וויסן,
די רעדער רודערן, און בויגן זיך צו איר, און גריסן.
נעמט אַלקע אַלע רעדער אין אַ שפּאַן
און מאַכט אַ לאַנגע באַן.
און ס'פייפט די באַן, און אַלקע פאַרט אוועק,
העט ווייט, העט ווייט, איבער אַ ווייטן וועג.

אַ מאַנטל

ביי אַ שניידער אין קאמאָרע
פול מיט קינדער, קיין עין דיע,
קינדער פיצעלעך, זיי מאַן,
שטייט אַ וויגל איבן-אָן.
איצטער הויבט זיך אַ די מעשה,
נישט פון ציגעלעך קיין ווייסע,
נאָר אַ מעשה פון אַ מאַנטל
פון אַ סונקעלן געוואַנטל.

האַט מען אויפגענייט אַ מאַנטל
פון אַ סונקעלן געוואַנטל
פאַרן עלטסטן כּוּדוּ שמואַל,
ער זאָל קענען גיין אין שויל.

נייט אים שמואַליק יאָרן דריי,
אז דער מאַנטל שפּאַגל-ניי.
נייט אים שמואַליק נאָר אַ יאָר,
אז דער מאַנטל שענער נאָר.
אינמאַל שמואַליק טוט אים און,
אז דער מאַנטל קורץ אין ספּאַן.
ווערט אַ טומל אין קאמאָרע:
— נאָר דער גאָר אַ שלאַק, אַ צידע,
שמואַליק טוט דעם מאַנטל און,
אז דער מאַנטל קורץ אין ספּאַן.

גו, אזי מיליא —
טוט שוין אַ דעם מאַנטל ביילע.

נייט אים ביילע יארן דריי,
איז דער מאנטל שפאנגל-ניי.
נייט אים ביילע נאך א יאר,
איז דער מאנטל שענער נאך.

אינמאל ביילע טוט א שפיי,
פלאצט אין מאנטל נעמלעך דריי.

ווערט א טומל אין קאמארע:

— נא דיר נאך א נייע צרה!

טאמער ביילע טוט א שפיי,
פלאצט אין מאנטל נעמלעך דריי!

וואס זשע קען דא זיין דער מער?

נייט אין מאנטל יאסל-בער.

נייט ער אין אים יארן דריי,
איז דער מאנטל שפאנגל-ניי.

נייט ער אין אים נאך א יאר,
איז דער מאנטל שענער נאך.

אינמאל פאלט ער אויף די מרעפלעך,
און א טוף צו אלע קנעפלעך.

ווערט א טומל אין קאמארע:

— נא דיר נאך א נייע צרה!

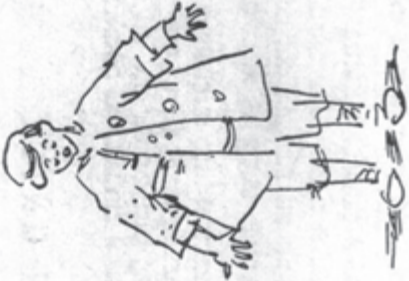
ניין און פאלן אויף די מרעפלעך,
און פארלירן אלע קנעפלעך?

און עס פסקנט דאס געוונדל:

— זאל שוין ניין אין מאנטל הינדל.

נייט אים הינדל יארן דריי,
איז דער מאנטל שפאנגל-ניי.

נייט זי אין אים נאך א יאר,
פעלט דעם מאנטל נישט קיין האר.

אינמאל ווערט א גרויסער טומל,
אלע שטייען אין א רומל,
הינדל כליפעט אויפן בעט —
טאגעווארן א מאנקעט.

שרייען אלע, אלע, אלע:

— דאס-איז-דאס א מויד א כלל.

קינט און כליפעט אויפן בעט!

ווי פארלירט מען א מאנקעט?

האט שוין אנגעטאן דעם מאנטל
איצט אט-דער-א תכשיט פאנטל.

פאנטל, פאנטל! איז דאס א בחורעץ!

הכרם זיך מיט הינט און קעץ.

יאנט זיך נאך נאך יעדער וואגן,

שלאגט זיך, ווערט אליין געשלאגן,

מיאוקעט, פייפט, און שרייט, און בילט,

און די טאמע לאכט און שילט.

האט שוין אנגעטאן דעם מאנטל
איצט אט דער-א תכשיט פאנטל.

האט ער כאלד דעם ערשטן טאג
פון פאלע אפגעליקט א ראג.

און אויפמארגן אינדערפרי

אימבערמאקט א לאך אין קני,

און דעם זעלבן טאג פארנאכט

אן א קאלנער אים געבראכט,

מיט צוויי לעכער גרויס ווי אויגן

אין די ביידע עלנבויגן.

ווערט א טומל, א געשריי:

— אה און אה און ווינד און וויי!

אזא מאנמל, אזא מאנמל,
פאלט אריין צום הכשית פאנמל.
אינמאל פאנמל איז נישט פיל,
קומט צעפליען נאקעט, דויל.
שרייען אלע פארמאל,
אלע, אלע אין איין קול:
— הכשית, שיינען, פלעדערמיו!
וואו דער מאנמל, זאג נאר אויס?
ענטפערט זיי דער וואילדער יונג
מיט אזא שארפע צונג:
— כידאב פון אים דעם רעכטן לאץ
אפגעשענקט דער שווארצער קאץ.
און רעגנאר דעם לינקן לאץ
אפגעשענקט דער ווייסער קאץ,
און די רעשמע, לאך אויף לאך,
וועט אנקומען די צווייטע וואך.
שרייען אלע פארמאל,
אלע, אלע אין איין קול:
— אזא מאנמל, אזא מאנמל,
פאלט אריין צום הכשית פאנמל!

עפנט דעם טויער

זאלע פערדן יט

הערשל און הענדל —
נישט פיר און נישט דיר —
האבן געלאזט זיך אויף ווייטן שפאציר.

ארטא מיטן בארג,
און אזוי ביזן סאָל
און סאמע אָם דאָ בלייבט מען שטיין מיטאמאָל.

א מעשה געשען,
אזא מיראָ גליק —
אינמיטן דערניגען סע שטייט נאָר אַ ציג.

קיין פאסמוד נישטא, נישט קיין באלעבאָס,
סע שטייט זיך אַ ציג
און זי צופעט דאָס גראָ.

האַט מען גענומען זי ציג אינדערמיט,
הערשל און הענדל —
און מען נייע זאלבערדיג.

ארויף מיטן בארג, ארטא מיטן סאָל,
און סאמע אָמיראָ
בלייבט מען שטיין מיטאמאָל.

וואָס איז פאראן צו דערציילן און זאָגן?
עס שטייט זיי אנקעגן
אַ פערד מיט אַ וואָגן.

קיין פורמאן נישטא,
נישט קיין ביימש, און קיים קיים
הרוזשעט דאָס פערדל און קלינגט מיטן ציים.

זאלע פערדן יט

הערשל און הענדל,
און די ציג אינדערמיט —
ארויף אויפן וואַגן און מען פארט זאלבערדיג.

פארט מען, מען פארט. דער הימל איז העל —
ערשט עס ליגט זיי אנקעגן
א זעקל מיט מעל.

א זעקל מיט מעל —
נישט געדוים, נישט פארבונדן.

און וואו איז דער מעלעך? נישטא? צי פארשוואונדן?

הערשל און הענדל, און די ציג העלפט ארויס —
דעם זאך אויפן וואַגן,
און הייבט פארויס.

מען פארט און מען פארט
ביזן בארג, ביזן שפיץ,
אויף א שטיין אינדערדיך ערשט א ייד דארטן זיצט

אגמקעגן מיט שמוחה
ער לויפט צו זיי גלייך:
— אי, טייערע קינדער, א לעבן אויף אייך!

איר האב נאך א דרעמל געכאפט אויף א שעה,
איז די ציג מיר אגמלאפן,
דער געשפאן איז נישטא.

דאס איז דאך טאקע מיין ציג און מיין פערדל געשפאנט,
א הארציגן דאנק אייך!
געבראכט מיר צו דער האנט.

— א דאנק פאר א דאנק,
דאס איז טאקע א גליק,
נאך דו דארפט אונדז באצאלן — און ניב אונדז די ציג.

עס געפעלן אונדז זייער די הערנערלעך צוויי,
דאס ציגענע בערדל
און די פיסלעך, ווי שניי.

זאגט דער ייד צו זיי: סטיימיש?
זאגט דער מענטש צו זיי: גווארד!
און אזער, און אדיו, און אזוי און צוריק,
און סדאט גארנישט געדאלפן, און ער גיט זיי די ציג.

הערשל, און הענדל,
און די ציג אינדערמיט
נייען פון ווייטן שפאציר זאלבערדיג.

איצט בעטן מיר יעדערן,
ווער עס נייט איבער וועגן,
דערציילן, צי האט מען דעם דריילינג באגעגנט.

ווייל איר האב זיי דרייען געזען אויף א בארג
שוין א יאָר מיט א סמישטיק,
און איר בענק נאך זיי שטארק.

קינדער פון דער איסט-בראדוועי

זוני און בעני — חברה-לייט צוויי —
 האבן שפאצירט אויף איסט-בראדוויי.
 אויף אלע גאניקעס געווען.
 מיט אלע קעץ זיך שוין געווען,
 ערשט אט'א סאמע לעבן זיי
 א קאסטן לינגט אויף איסט-בראדוויי.
 גידיס און ברייט, פון איין זייט אפן,
 פונקט פאר זיי זיך לייגן שלאפן,
 פונקט די לענג און פונקט די ברייט,
 פונקט געמאכט פאר זאלצעצווייט.
 זוני זעט, ווערט זייער פריילעך,
 טראכט ער ניט קיין סך, וילך
 גלייך אין קאסטן,
 און שרייט פון דארט ארויס מיט גליק:
 — בעני! ס'איז דא אן אנטיק!
 ס'איז אוינס נאך נישט געווען,
 קום אריין, וועסטו שוין זען.
 שוין געזאגט און שוין געטאן,
 לינגט שוין זוני אייבן-אן,
 בעני לעבן אים און קוועלט:
 — וואס הייסט גוט? גוט ווי די וועלט.
 פרייען זיך די חברה צוויי
 אין קאסטן אויף דער איסט-בראדוויי.
 בעני לאכט, די אויגן גלייען:
 — זוני, גוט וואלט אונז געווען
 ווען עס קאן א קאסטן פלייען!
 אויסגעערעדט אין אזא שעה,
 און דער וואונטש, ער איז שוין דא:
 סיגט דער קאסטן זיך א דויב,

גרינג ווי אויפן ווינט א שמויב,
 אזוי דויער ווי אויף א שמאק,
 און ער לינגט שוין אויף א טראק.
 ניט דער טראק א פאר, א פלי,
 צאפל-קלאפל מיט די רעדער,
 און ער איז נישטא, נישט די.
 פארן שוין די חברה צוויי,
 ס'איז שוין אויס מיט איסט-בראדוויי.
 ס'צייט זיך לעבן זיי א טיך,
 בלוי און זומערדיק און גלייך.
 בעני זאגט: איי, איי, איי,
 ס'איז די גאנצע וועלט דאך בלוי.
 ענטפערט זוני: גארדי גאר!
 א טיך איז תמיד בלוי און קלאר.
 פארט דער טראק, ניט זיך א דווי,
 ערשט א לאנקע, גראו און דווי.
 אויף דער לאנקע לויפן, ליגן
 קליינע ציגעלעך און ציגן.
 שרייט אויס בעני: זוני, זע!
 ציגעלעך! זיי שרייען מע!
 זע די קאפיטקעס ביי זיי,
 זע די הערנעלעך די צוויי.
 זאגט אים זוני מיטן טראפ:
 — דו זאלסט וויסן, יעדע ציג
 האט צוויי הערנעך אויפן קאפ.
 פליט דער טראק איבער א בריק-
 אויס מיט לאנקע, אויס מיט ציג.
 ס'לויפט אנטקעגן זיי א וואלד,
 גיין און שאמנדיק און אלט.

זינגט א פויגל: צוקי-מוקי!
 ציני-מיני — ענטפערט איינער,
 און עס שושקען שושר-מושו
 גרינע וואנצעס אויף די ביימער.

לויכטן בענים אויגן העלע:
 — ווי, הער נאר א קאפעלע!

ענטפערט ווי: נאדי, נג,
 פונקט ווי ציגן מוזן מעקען
 מוזן פיינעלעך משער-עקען.

און דער מראק, דער שנעלער רייטער,
 ווייס נאר איין זאך: פארן ווייטער.

נאר יעדע גומע זאך דאס רוב
 האט אן אומגעריכטן סוף.

נאר א פאר און בארג אראפ,
 און דער מראק, ער שטעלט זיך אפ.

און עס נעמט די סרובע ברומען:
 אנגעקומען, אנגעקומען!

דעם קאסטן גיט מען שוין א צי,
 שוין א ריר, און שוין א פלי.

הערדאם-פענדאם און צוואלאם
 און ער שטייט שוין אין א קראם.

און אין קראם ווערט אפ און אויף,
 שישייען ביידע פאטאשירן טאקע מיטן קאפ ארויף.

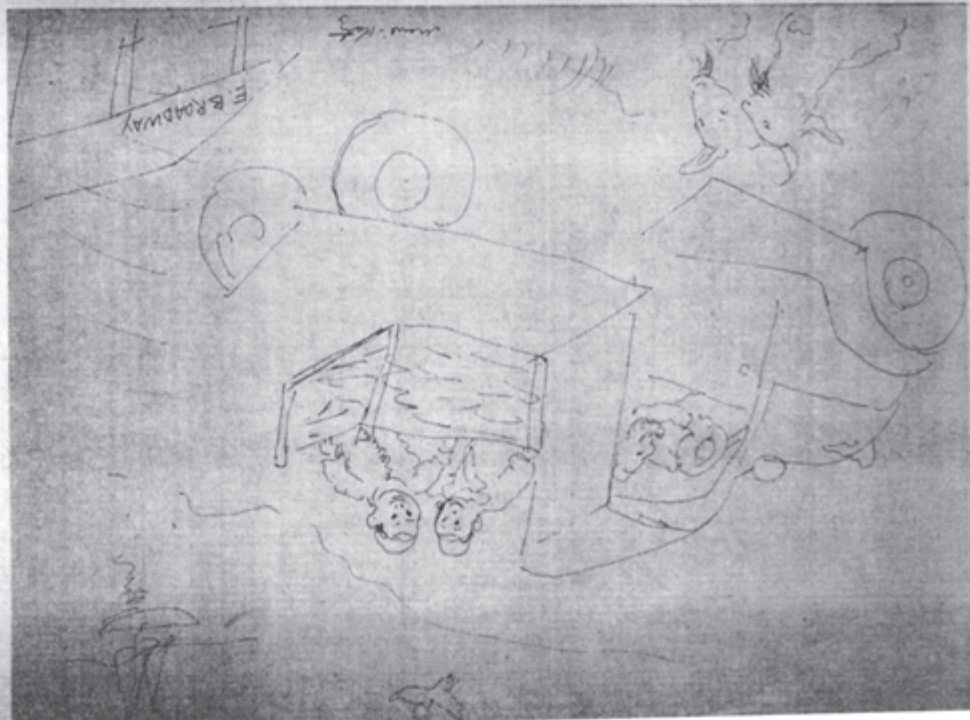
פלוצלונג שרייט דער באלעכאם,
 טוט אן די ברילן אויף דער נאז:

טראקמאן! עליע-מעליע-ביידע!
 וואס איז דאס פאר א מין סחורה?

זינגאליעס נאר? וואס דארף איר זיי?
 דאס איז דאס די בעסטע סחורה

פון דער גאנצער איסט-בראזוווי?
 פון דער גאנצער איסט-בראזוווי?

ענדל פון דער איסט-בראזוווי

א מעשה וועגן דעם קייסערס גארטן

אמאל איז געווען א קייסער

מיט א בארד א ברייטע.

ער האט געהאט א קייסערליכע

האט זי געדייטן — טאמייטע.

ער האט געהאט א מעכטערל — שיינע דויע,

און א גענעראל מיטן נאמען קוקרווע.

האט דער קייסער א וואלד-גארטן פארייט.

צען מייל די לענג און צען מייל די ברייט.

זיינע דארט געוואקסן: אן עפל, א קערשל, א פלייס

און א בארעלע בריון.

און נאטש באשעפענישן האבן דארט געלעבט און געלאכט.

ס'האט יעדערער א מלאכה געהאט און זיין ארבעט געמאכט.

מיט די שארפע ציינער דער האז

האט א גאנצן טאג געשיניטן גראס.

האט קיניגל מיט די ברייטע אייערן

האט געהיט די טירלעך און די מויערן.

די וועוויקעס מיט די לאנגע עקן

קעגן אפ פון צווייגלעך די שנעקן.

די בינען גיבן אכטונג אויף די בלומען,

די גרילן גרילצן, און די פליגן ושומען.

די פייגלעך פליען דון און צוריק.

צווייטערן, זיינען משיריק און משיריק.

האט דער קייסער ליב געהאט דעם גארטן און א שיעור,

און אלע טאג געגאנגען דארט אויף א שפאציר.

איינמאל כאפט זיך אויף פארטאג דער קייסער מיט געשאט:

— זאל קומען אהער מיין גענעראל!

ווערט דער טראכטאן ווייס און בלא:

בנאמות, א' ראגט נאן!

זע נאך, טאקע, א פאר זונגען

פון א קאסטן אייפגעשפונגען.

— זאגט נאך, ביטערע זונגעשעס,

זיי טיאר זיך אהער פארקאממעט?

און נאך אין דעם זעלבן טאג,

טאקע אייפן זעלבן טראג,

טאקע אין דעם זעלבן קאסטן,

נאך זיי טייערע צוויי לאסטן,

האט מען זיי געפירט צוריק.

און געבראכט איבער דער בריק.

און די הברדה-לייט די צוויי

צוגעשמעלט אויף איסט-בראדוויי.

נאך עס איז אוי געווען,

אז ווען זיי האבן דערציילט,

וואס עס איז מיט זיי געשען,

האבן אלע אפגעלאכט:

— א, איר האט עס אייגענטומט!

אבער מיר, מיר ווייסן יא.

און א וואונדערלעכע מעשה

קאן פאסירן אלע שעה.

די דאמע מיטן הינטל

(מספיוו 110 פ. פארשער)

מיט א גרויסן באגאוש
קומט א דאמע צום באן.

א קערבל,
א קעסטל,
א קליין משעמארא,
א פעקל,
א זעקל,
א פודעלע גרויס, ווי א פינטל,
און א קליין הינטל.

סדאם גענומען א מענטש מיט א קנאפ אויפן הינטל
און מיגענעבן א גרינעס, געשמעמפלמן קויטל.

די באן גיט א פויק
און געמט פארן,
און דאס הינטל —
א ביל,
און א שפרונג,
און פארלארן.

ווערט א גרויסער קוראוש,
און מען ציילט דעם באגאוש:

א קערבל,
א קעסטל,
א קליין משעמארא,
א פעקל,
א זעקל,
א פודעלע גרויס, ווי א פינטל —
נאר וואו איז דאס הינטל?

דערווייל שטייט א הינט.
א גרויסער, א בייער,
א פוד מיט א פונט.

מען גיט אים א נעם.
און א יאג,
און א פראג אפן באן.
צום קערבל,
צום קעסטל,
צום קליין משעמארא,
צום פעקל,
צום זעקל,
צום פודעלע גרויס, ווי א פינטל,
אפן ארט פון דעם הינטל.

פארדאקט
און פארפאקט
און מען פארט.
דריי נעכט
און דריי מעג
אלין אין וועג.

— גיט אדער מיין באגאוש!
דערנאך קומט די דאמע צו גיין מיט א רעש:

א קערבל,
א קעסטל,
א קליין משעמארא,
א פעקל,
א זעקל,
א פודעלע גרויס, ווי א פינטל,
און א קליין הינטל!

נימ א שפרונג אפן קאפ איר א דונמ,
 א גרויסער,
 א ביווער,
 א פוד מיט א פונמ.
 נימ די דאמע א קוויטש:
 רוצה, אט דאס איז מיין דונמ?
 אט דאך איר א קוויטש...
 זאגט דער מענטש אין דעם היטל:
 שא, שטילעך, מאראב,
 דריי נעכט
 און דריי מעג
 ביסט געווען אין וועג,
 איז דאס דונמל קיין עין דיע געוואקסן
 און געווארן א דונמ,
 א פוד מיט א פונמ.

דער דייטש ימח שמו

דינסער ווארשע אין א יידישן הייז אין א קליינעם
 איז געוואקסן א בוים, נישט געפרעגט זיך ביי קיינעם.
 האבן פייגל א נעסט דארט געמאכט,
 געזונגען פארטאג און משעריקעס פארנאכט.
 א געזאנג פארן שוסטער, ער זאל זיך פיייען.
 א משעריק פארן שניידער, זאל פייילעכער גייען.
 און פארן בעקער, און פארן מלמד, וואס לערנט די פרשה
 האבן פייגל געזונגען אין הייז, דינסער ווארשע.
 איין פויגל געווען איז ביים שוסטער אויף קעסט.
 דער שוסטער פלעגט קערנדלעך ווארפן לעס נעסט.
 נאך א פויגל געווען איז ביים שניידער אויף שפיץ,
 פלעגט כאפן און פיקן פון זיין שיסעלע ריין.
 נאך א פויגל געלעבט דאס ביים בעקער פון מיט,
 דער בעקער פלעגט אים צוואווארפן ביינעלעך פריש.
 און דער מלמד, דער פרומער רב מיכל
 פלעגט נעבן די פיינעלעך ברעקלעך פון קיכל.
 ביז איינמאל א זומער, אז איר און אז וועי,
 איז געקומען דער דייטש, דער דייטש ימח שמו.
 פליט דער פויגל דער ערשטער ארויס מיטן ווינט:
 — וואו איז דער שוסטער? זיין ווייב און זיין קינד?

מאַרצעפּאָנעס

געווען א טאטע מיט א מאמע.
דער טאטע איז רין,
די מאמע איז גראָב,
און קינדער ווי באַב.

וויל איינס עס היידעלעך,
דאָס צווייטע קייידעלעך,
און די איסטראַכטער קע תנה
וויל אַ מאַרצעפּאָנע.

ווייס ניט קיינער וווּ די מאַרצעפּאָנע קייגן.
ווייס ניט קיינער וווּ האָט עס צו ליגן.

זאָגט דער טאטע:
מאַרצעפּאָנעס וואַקסן אויף אַ בוים,
גלייך אן עפּל, גלייך אַ באַר און גלייך אַ פּלוים.

זאָגט די מאַמע:
מאַרצעפּאָנעס קויפט מען אין די קראַמען.

זאָגט די שוועסטער:
מאַרצעפּאָנעס וואַקסן ווי די שוואַמען.

און די באַבע אַלט און אינגעלעך:
— נישט געהערט פֿון מאַרצעפּאָנעס קיין מאל.
נישט-געשמייגן,
נישט-געפּליגן.

קומט אַ ברויטערער מיט אַ ברוי:
— מאַרצעפּאָנעס? — זאָגט ער —
ברענגט מען מיט אַ שוף.
פֿון אַ שטאָט אזאָ וואָס הייסט האַרואַנע.
ס'וואַקסן דאָרטן אויף יעדער בוים אַ מאַרצעפּאָנע.

האָט דעם ברויטערער קיינער ניט געגלייבט,
און ער האָט געמעגט מיט שבעות שווערן —
האָט מען סיב ווי ניט געוואַלט ניט זען, ניט הערן.

קומט אַ שוסטער מיט אַ וויל:
— מאַרצעפּאָנעס? — לאַכט ער מיט אַ פּוילן מויל.
מאַרצעפּאָנעס עסן גרויסע, גרויסע פּריצים.
אונדער איינער קען צווייטן ווי ניט ויצן.
און אַפּילו ראַטשילד, וואָס האָט אַ ריכטן טאָסן
און אַ ריכטע מאַמע —
עסס איין פּאָל אין אַ יאָר אַ מאַרצעפּאָנע.

האָט דעם שוסטער קיינער ניט געגלייבט,
און ער האָט געמעגט מיט שבעות שווערן,
האָט מען סיב ווי ניט געוואַלט ניט זען, ניט הערן.

האָט מען אַלץ געשרייען:
מאַרצעפּאָנעס הין, און מאַרצעפּאָנעס הער,
ערשט ס'עפענט וויד די סיר,
און ס'קומט אַן יאָסל בער.

יאָסל בער? איז פּונקט מן-השמים.
ער ווייסט וווּ ס'וויינט אַ האָז אין וואַלד,
פֿון קאָרן ווייסט ער און פֿון קליינען.
ער ווייסט וווּ אַ קאָנאָריק שלאַפט,
און וואָס עס עסן בערן,
און וווּ עס שווימען אַלע טייכן
און וואָס די פּייגל קלענען.
ער ווייסט אַפּילו אין אמעריקע די שטעט און לענדער.
ער ווייסט, בקיצור, אַלץ — און ענדער.

ווינען אַלע אים באַפּאָלן ווי די פּליגן —
זאָל ער זאָגן וווּ די מאַרצעפּאָנעס ליגן.

און יאָסל בער איז גאָר געווען דערצו אַ ליץ,
פּינמלט ער צו תּהוּן מיט די אויגן: זעסט נאָר, זעסט
אַ מויד אזאָ, אַ תּנה — וויל וווקאָ נאָר אַ מאַרצעפּאָנע?

הער-ושער: ס'איז דאָ אַ שטאָט —
ליגן מאַרצעפּאָנעס דאָרטן אויף גאָלדענע געפעסן,
נאָר ווי עס הייסט די שטאָט האָב איך פּאָרגעסן.

לאַכן אַלע פֿון דער אויסטראַכטער קע תנה:
— נאָ דיר גאָר, פּאָרגלוסט אַ מאַרצעפּאָנע?

און קומען אין דער שטאָט קען קומען יעדער,
אויף אַ פּור אַן פּערד און רעדער.

לאַכן אַלע פֿון דער אויסטראַכטער קע תנה:
— נאָ דיר גאָר, פּאָרגלוסט אַ מאַרצעפּאָנע?

און ס'וויינען דאָרטן ליידיק-גייער, שפּאטער,
וואָס טרען ניט אַרײַן אַ האַנט אין קאַלטן וואַסער.

לאַכן אַלע פֿון דער אויסטראַכטער קע תנה:
— נאָ דיר גאָר, פּאָרגלוסט אַ מאַרצעפּאָנע?

און פּלוזלינג צעלאַכט וויד יאָסל בער אַליין.
און כאַ-כאַ-כאַ.

— אַ מאַרצעפּאָנע איז אַ בייגעלע אזאָ,
און מען באַקט אים אין אַן אויזן,
און מען מעג שוין יאָסל בערן ויכער גלייבן.

און אַ מויד אזאָ, אַ תּנה,
מעג פּאַרקאַשערן די אַרבל ביז די עלנביגן,
און וויד צושטעלן צום מולטער קנעסן,
עס וועט שוין עפעס טייגן.

און כּך-דוזה, אזוי איז שוין געווען די מעשה.
ס'דאָס די אויסטראַכטער קע תנה. אויסגעבאָקט אַ מאַרצעפּאָנע,
איז איר די גאַנצע שטאָט געווען מקנאָ.

ДЕТСКИЕ СТИХИ КАДИ МОЛОДОВСКОЙ

Перевод с идиша Александры Глебовской под ред. В. Дымшица

Башмачки

Танцуют ловко гвоздики —
Сапожник за верстаком:
Сейчас стачает он башмачки,
Каждый — с красным шнурком.

И мальчики, и девочки
Сбегутся босиком,
И все станут мерить башмачки,
Которые с красным шнурком.

Чуть тесно в пятке Симе,
И Берке узок след,
А Мойше впору, только
У Мойше денег нет.

Так и будут башмачки,
Каждый — с красным шнурком,
Грустить себе на гвоздике
В мастерской над верстаком.

Втроем

Вот я про что
Хочу рассказать:
Как Гершл и Гендл однажды пошли погулять.

Забрались на горку,
С горки сбежали,
И тут неожиданно оба взяли и встали:

Ну и дела,
Протрем-ка глаза:
Нет, мы не ошиблись, стоит на дороге коза.

Нет рядом хозяина, нет нигде пастуха,
Стоит коза,
И вовсе коза не плоха.

К козе с обеих сторон прислонились плечом
Гершл и Гендл —
И дальше шагают втроем.

Забрались на горку, с горки сбежали,
И тут — вот те на! —
Все трое взяли и встали.

Бывает же жизнь такой приятной и гладкой!
Видят они: стоит
Телега с лошадкой.

Возницы нет,
И сторожа нет при ней никакого,
Стоит лошадка и бьет о камень подковой.

Гершл и Гендл
Козу подтолкнули плечом
И на телегу тут же забрались втроем.

Едут себе и едут, в небо глядят голубое,
Вдруг видят — лежит на дороге
Мешок с мукою.

Мешок с мукою —
Чтобы вот так на дороге валялся?
А мельник-то где? Куда-то пропал? Потерялся?

Гершл и Гендл козу подсобить попросили,
Подняли мешок
И на телегу взвалили.

Едут себе и едут,
Мимо гор, мимо рек,
Вдруг видят — на камне на самой высокой вершине
сидит человек.

Вскочил им навстречу,
Щебечет, как птичка на ветке:
«Ах, как же я рад вас видеть, милые детки!

Задремал я в дороге, прикрыл на минутку глаза,
И сразу пропали телега,
И конь, и коза.

А вы их нашли и вернули — вот коза, вот упряжка моя!
Позвольте пожать вам руки!
Большое спасибо, друзья!»

«Спасибо — хорошее слово,
И вам спасибо на нём,
Но только в придачу к «спасибо» еще и козу мы
возьмем.

Уж очень нам всё в ней понравилось: острые рожки,
Бородка козлиная
И снежно-белые ножки».

Говорит им хозяин: как?!
Говорит им бедняга: черт!
Да только деваться куда — ни туда, ни сюда, ни вперед,
ни обратно,
Придется отдать козу, хотя и жалко, понятно.

Гершлу и Гендлу с козой
Всё теперь нипочем —
С тех пор они всегда гуляют втроем.

Гуляют повсюду,
По самым разным местам,
И их, говорят, очень многие видели там.

Встречала их раньше и я,
Но уж год без недели их что-то не видно,
И мне страх как обидно.

Дети с Восточного Бродвея

Зуня и Бенья, двое друзей,
Пошли на Восточный Бродвей.
На каждом крыльце поболтались,
И с каждым котом повидались.
Вдруг видят — гляди-ка скорее! —
Ящик стоит на Бродвее,
Огромный, будто кровать,
В такой бы залезть и поспать:
Места достаточно в нем,
Чтоб уместиться вдвоем.

Ящик не велик, не мал,
Зуня размышлять не стал
И в ящик — прыг!
Влез и крикнул изнутри:
«Бенья, вон я где, смотри!
Вот какая красота!
Залезай, тут пустота!»

Долго думать ни к чему:
Бенья прыгает к нему,
И командует: «Ложись!
Что, не жизнь? Вот это жизнь!»
Вот ведь, не подвел Бродвей —
Что придумал для друзей!

Взгляд у Бени заблестел:
«Я бы вот чего хотел:
Чтобы ящик полетел!»

Ждать им долго не пришлось,
Их желание сбылось:
Ящик подняли с земли
И куда-то понесли,
Он летал всего лишь миг:
В кузов встал на грузовик.

Грузовик пошел на взлет:
Громко скрипнули колеса,
Завертелись — и вперед.

Он увозит двух друзей:
До свидания, Бродвей!
Рядом тянется река,
Небо в ней — и облака.

Бенья ахнул: «Ой-ой-ой!
Мир-то нынче голубой!»

Зуня говорит на это:
«Реки — все такого цвета».

Грузовик свернул, и вдруг
Справа показался луг.

Там трава растет, не розы,
На лугу пасутся козы.
«Зуня, сколько там козлят!
Слышишь, как они кричат?
И у всех у них рога
И копыта на ногах!»

«Что ты, раньше коз не видел?
Ладно, будешь знать теперь,
Что коза — рогатый зверь».

Снизу мост прогрохотал,
Луг с козлятами пропал,
Встал стеной зеленый лес,
Дотянувшись до небес.

Птичка с ветки: «Цуки-муки!»
«Тири-ри!» — другая с кроны,
Дуб же шепчет: «Шушу-мушу»,
Дуя в длинный ус зеленый.

Бенья глазками сверкает:
«Зуня! Музыка играет!»

«Бенья, ты в своем уме?
«Чик-чирик» кричат все птички,
Как все козы блеют: «Ме-е-е»».

Грузовик летит вперед,
Дальше, дальше их везет...

Вот бы в жизни так случилось,
Чтобы сказка не кончалась!..
Только грузовик устал —
Съехал под гору и встал.
Громко загудел гудок:
«К вам тут гости на порог!»

Ящик сдвинули слегка,
Дали ящику пинка,
Повертели, потрясли,
Да и в магазин внесли,
А в ящике — судите сами,
Каково двум бедным пассажирам сидеть вверх ногами.

А хозяин магазина
Нацепил очки на нос:
«Эй, водитель-развозитель!
Что за груз ты мне привез?»

Что, товара поценнее,
Чем два этих пацана,
Не нашлось на всем Бродвее?»

«Кто прислал вам пацанов —
Извините, ай донт кнов.
Вижу только: из-под крышки
Вылезают два мальчишки.

Как попали вы сюда-то?
Отвечайте, пострелята!»

Что поймешь из разговора...
В общем, очень-очень скоро
В том же ящике под крышкой
Тех же самых двух мальчишек
Тех же лет, того же веса,
Мимо луга, мимо леса
Повезли назад скорей
И вернули на Бродвей.

Как об этом все узнали?
Очень просто — Зуня с Беней
Сами всем и рассказали.
Все ж в ответ сказали так:
«Напридумывали врак!»

Только мы-то с вами знаем:
Приключенья приключиться
Могут с каждым — только дай им!

Про зайчонка с хоботом как у слоненка

Был нос у одного зайчонка
Совсем как хобот у слоненка.

Зайчонок свой длиннющий нос
С гордостью по жизни нес.

Другие ж зайцы, из-за носа,
На него смотрели косо.

И прозвали его так:
Носонос, большой дурак.

Раз решил он: стоит, вроде,
Съесть капусту в огороде.

Смотрит — а в траве у гряд
Улеглись уж зайцы в ряд.

Все жуют, наставив уши:
Всем капуста греет души.

Носонос к ним сел спиной,
Будто вовсе не родной.

Что ему до мелкой сошки?
Да у них носы-картошки!

Фыркнул заячий народ:
Задавака! И урод!

Нося слушать не желает,
Нос всё выше задирает.

Разве родич зайцам он?
Нет уж, он почти что слон!

«Не пойду я с ними в ряд!
Буду есть у дальних гряд».

Только виден за версту
Нос, торчащий в высоту.

Заяц зайца ввек не бросит.
«Попадешься, Носоносик! —

Крикнул Лапка. — Дуралей!
В землю нос уткни скорей!»

Нося слушать не желает,
Нос всё выше задирает.

Заяц зайца не оставит.
«Нос из грядки вырастает! —

Крикнул Зубчик. — Зайцеслон,
Виден ты со всех сторон!»

Нося слушать не желает,
Нос всё выше задирает.

Заяц всё отдаст за друга:
«Эй, тебе придется туго! —

Крикнул Скок. — Большой дурак!
Так сидеть нельзя никак!»

Сторож охраняет грядки,
Смотрит, всё ли там в порядке.

Хобот? Зайцы! «Чтоб вам пусто!
Пропадет моя капуста!»

Палку — хватать, и во всю прыть
Зайца он бежит ловить.

Видят зайки — плохо дело,
Задрожали аж всем телом,

Шорох, прыг, мелькнувший след,
Зайцы были — зайцев нет.

А у Носи — вот ведь грустно! —
Нос застрял в ботве капустной.

Жизнь не сахар! Жизнь не мед!
Сторож с палкою идет.

Только тут же, слава Богу,
Скок примчался на подмогу.

Носоноса с грядки — хватать
И от сторожа бежать!

Оба прочь летят стрелой,
Удирают сразу двое,

Раз — прыжок — и пустота
Там, где были два хвоста!

Убежали! Целы всё же!
Бог всё видит, Бог всё может.

Сказка об императорском саде

Жил да был император
С бородой, как лопата,
И была у него жена,
Которую звали Томата,
Еще была у них дочка Шейне-Дуза
И генерал по имени Кукуруза.

И вот посадил император сад чуть не на всю страну,
Было в нем десять верст в длину и десять верст в
ширину,
Выросли там: яблоко, слива, овес
И еще Абрикос.

В саду жили разные звери — играли, прыгали, пели,
И всем находилась работа, и каждый там был при деле:
Своими острыми зубками зайки
Подстригали траву на лужайке,
Кролики чужаков прогоняли —
Большими ушами проход заслоняли,
Белки боролись со слизняками —
С веток их смахивали хвостами.

Пчелы заботой цветы окружали,
Сверчки стрекотали и мухи жужжали,
Птицы порхали с гнезда на цветник
И щебетали «чик-чирик».

Любил император свой сад даже сильнее, чем сладкую
булку,
И каждое утро туда выходил на прогулку.

И вот однажды пришел он в сад поутру и вдруг заорал:
«Хочу, чтобы тотчас явился ко мне мой генерал!»

Побежала звать генерала Шейне-Дуза,
И сразу примчался на зов генерал Кукуруза.

Император говорит ему слова такие вот:
«Кукуруза, ты один моя надежда и оплот!
Абрикос пропал из сада, мне его ужасно жаль,
Я тебе пожалуй медаль,
Если ты узнаешь, что и как, и мне расскажешь,
И злодеев накажешь».

Генерал свой меч пристроил на спине
И тотчас же вдаль умчался на коне.
Долго мчался он, летел, пыхтел, как ветер,
И в конце концов он зайцев встретил.

«Зайцы!
Обращусь я к вам с таким вопросом:
Кто тут знает, что случилось с Абрикосом?»

Зайцы тут же заложили уши,
Как оглохли: ничего не стали слушать.

Видит генерал — не будет толку, не видать ему медали,
И пошел он к белкам, вызнать, что они видали.

«Белки!
Обращусь я к вам с таким вопросом:
Кто тут знает, что случилось с Абрикосом?»

Белки тут же на деревья забрались повыше,
Распушили хвостики,
И ни гу-гу, как будто и не слышат.

Видит генерал — не будет толку, не видать ему медали,
И пошел он к птичкам, вызнать, что они видали.

«Эй, народ крылатый!
Обращусь я к вам с таким вопросом:
Кто тут знает, что случилось с Абрикосом?»

Птички как одна вспорхнули в тот же миг,
Закружились в небе и подняли крик:
«Мы не знаем, в чем там дело, чик-чирик».

Замолчали пчелы, смолкли и сверчки,
Будто проглотили — вот ведь горе! — язычки.

Генерал тогда отправился домой
Очень мрачный и злой.

И к императору явился на доклад:
«Спрашивал всех, а они молчат».

Огорчился император генеральскому конфузу
И отправил разбираться Шейне-Дузу.

Вот пришла принцесса в сад и улыбнулась очень мило
И сперва зверушек покормила.

А потом им всем погладила и ушки, и макушки,
И тотчас разговорились все зверушки:

«Белка смахнула хвостом Абрикос,
Кролик его под кустик унес,
Заяц зубами поскреб ему бок,
Косточку дрозд в гнездо уволок,
Ворон попробовал тоже — буквально чуточек —
Ну, а уж дальше пошло за кусочком кусочек:

Кому-то досталось чуток на зубок, кому-то на кончик
носа,
Так и не стало Абрикоса».

Принцесса Шейне-Дуза сказала им: «Звери!
Правду вы говорите, и я вам, конечно, верю».
А дома в тетрадь записала всё, что случилось, —
Так эта сказка и получилась.

Маленький пожарный

Мальчик смысленый маленький Мойше,
Всё-то он знает и всё-то он может:
Задачки решать,
Гвозди вбивать,
Гонять на роликах,
Камни таскать,
Всех побеждать
В крестики-нолики.
Лишь одна беда — как откроет рот,
Так говорит, что никто не поймет:
Вместо каша — кафа,
Вместо наша — нафа,
Вместо ложка — лофка,
Вместо кошка — кофка.

Раз увидел Мойше пожар, — он такого раньше не
видывал,
А на пожаре — пожарного, и страшно ему позавидо-
вал:

Тот в машине сидит,
В гонг блестящий звонит,
С топором и с ведром
Входит в огонь без опаски,
А какая красивая каска на нём —
Отражается солнце в медной каске.

Мойше машину себе смастерил, теперь он тоже
пожарный:

Он в коробке сидит,
Он в жестянку звонит,
Он с ножом и ковшом
Входит в кусты без опаски,
А какая красивая каска на нем,
Ведь кастрюля — не хуже пожарной каски.
Баки, банки и прочую тару
Он налил до краев,
Всё готово к пожару.
Бравый пожарный на вахте стоит,
Но нигде, на беду,
Ничего не горит.

Помог ему бог:
Соседи-мальчишки
Сложили в кучу
От бочек крышки,
Дверь от кладовки,

Хвост от веревки,
Журнал без картинок,
Доску,
Газету
И детский ботинок —
Ну, всяческий хлам: костер захотелось устроить им.
Чиркнули спичкой,
Загорелся огонь, показался дым.

Мальчишки довольны,
Кричат петухами
И щепки бросают
В яркое пламя.

Мойше видит — пожар!
Горе в городе! Хвать
И машину,
И гонг —
И скорее бежать.
И кричит на бегу:
«Пофар! Я сейфаф!
Я пофарный,
Воды на огонь, фтоб погаф!»

Но мальчишки застыли,
На пламя глядят,
Они слышать не слышат,
Что там им кричат.

А тут вдруг такое —
Трах-тарарах! —
Льется вода
И шипит на углях.

Мальчишки, конечно, давай на Мойше кричать:
— Тупица!
— Болван!
— Безмозглый сопляк!
— Дурной дурачище!
Такой был хороший костер,
А осталось одно лишь кострище!

И вот, за то,
Что он с огнем управился разом,
Поставили Мойше здоровый фонарь под глазом.

Мойше им говорит,
А вернее, фыпит:
«Вот бефмофглый народ!
Ведь фпаф ваф пофарный
От фмерти кофмарной!
Фто, так уф трудно фообразить?
Тут был нафтоящий пофар,
Его надо было туфыть!»

Мальчишки подумали: «Верно!
Так интересней игра!»
И отпустили пожарного от пожара-костра.

Мойше с пожара едет назад,
В гонг свой звонит,
Горд, доволен и рад.

Едет усталый бывалый пожарный домой —
Но торопится все же
И из машины громко кричит
Всем проходим:
«Эй, отойдите в фторонку немного!
Едет пофарный —
Дайте дорогу!»

Откройте ворота

Откройте пошире створки ворот,
Здесь цепь золотая сегодня пройдет:
Папочка,
Мамочка,
Братик,
Сестричка,
Невеста, жених
На санях золотых.

Откройте пошире створки ворот,
Здесь цепь золотая сегодня пройдет:
Дядюшка,
Тетушка,
Бабушка,
Дедушка
И внуки их
На санях золотых.

Откройте пошире створки ворот,
Здесь цепь золотая сегодня пройдет:
Листочек,
Цветочек,
Меда горшочек
И пряник там будет
На золотом блюде.

Пальто

У портного в комнатушке
Деток — как опят в кадушке.
Тут постель и там постель,
А в середке — колыбель.

Будет сказочка, ребятки,
Не об умненькой лошадке,
Будет про пальто она
Из немаркого сукна.

Взял портной отрез сукна,
Сшил пальто для пацана:
«Шмуэл наш идет учиться,
Как тут не принарядиться!»

Ходит Шмулик год в пальто,
А тому — ну хоть бы что!
Ходит пару-тройку лет,
А пальто и сносу нет!

Раз надел — а рукава
До локтей ему едва.

В комнатушке зашумели:
«Вот ведь горе, в самом деле!
Шмулику-то рукава
Только до локтей едва!»

Ох, жалко,
Пусть пальто теперь носит Малка.

Ходит Малка год в пальто,
А тому — ну хоть бы что!
Ходит пару-тройку лет,
А пальто и сносу нет.

Раз она утерла нос —
И пройма пошла вразнос.

В комнатушке зашумели:
«Вот ведь горе, в самом деле!
Малка утирает нос,
И пройма идет вразнос!»

Быстро дети растут, и не уследишь.
Пусть уж носит пальто Мендл-Гирш.

Ходит Мендл-Гирш в пальто,
А тому — ну хоть бы что!
Ходит пару-тройку лет,
А пальто и сносу нет.

И, вроде, в нем совсем не тесно...
Но только шов вдруг взял — и треснул.

В комнатушке зашумели:
«Вот ведь горе, в самом деле!
Пальто ему не тесно,
А шов вдруг взял — и треснул!»

Собрались всей семьей и решили:
Пусть пальто теперь носит Циля.

Ходит Циля год в пальто,
А тому — ну хоть бы что!
Ходит пару-тройку лет —
На пальто изъянов нет!

Только раз раздался рев,
Да такой, что будь здоров!
Все сбежались: что за крик?
Отвалился воротник!

Утешают Цилю вместе:
«Барышне, почти невесте,

Поднимать такой-то крик?
Пришивай-ка воротник!»

После этого зато
К Трёпке перешло пальто.

Трёпка — парень будь здоров,
Лучший друг котов и псов,
За телегами гоняет
И с мальчишками дерется,
Он свистит, мяучит, лает, —
Мама плачет и смеется.

Непоседа, вот он кто.
Носит он теперь пальто.

Он пошел гулять с утра —
Глянь, а на боку дыра!
Повозился на полу
И оставил там полу,
Прогулялся на вокзал,
Там подкладку потерял,
А на локте, как на грех,
Появилось пять прорех!

Поднялся переполох:
Ай-ай-ай, и ах, и ох!

Всюду рвется? Ну и что!
Поживет еще пальто!

Раз побегал Трёпка где-то
И домой пришел раздетый.
Все-все-все, и стар, и млад,
Как один ему кричат:
«Хулиган, разбойник, бес,
Ты куда еще залез?»

Наш красавец юных лет
Так им говорит в ответ:

«Встретил черного кота —
Дал ему я низ пальта,
Встретил белого кота —
Дал ему я верх пальта.
Есть еще ошметки там —
Их раздам другим котам».

Все-все-все, и стар, и млад,
Как один ему кричат:
«Ты негодник, вот ты кто!
Трёпка, Трёпка, где пальто?»

Сапожки

Вот, гляди, стоит гора,
Вот под ней долина,
Вот сапожник на горе
С дратвой очень длинной.

Вот сапожник дратвой длинной
Помахал немножко,
Раз и два,
Да раз и два,
Вышли два сапожка.

Им сапожник говорит:
Ну-ка, за работу!
Он сидит, глядит в окошко,
Как уходят два сапожка,
Как уходят оба сразу
Исполнять его приказы:
Скажет — так идут за хлебом,
Скажет — так идут за чаем,
Так и ходят взад-вперед,
Порученья исполняя.

Так шагали и шагали,
Только вдруг у двери встали.

Правый стукнул: ну-ка раз!
Левый стукнул: ну-ка два!
Приоткрылась дверь едва.

А за нею, бос и наг,
Маленький стоит бедняк.

Рядом с ним сапожки встали,
Никуда не пошагали.
Что ж сапожник? Так уж вот,
Ждет и ждет,
И ждет, и ждет...

Сверчок

Всю-то ночь поет сверчок,
Кто он, где он, дурачок?
Тири-ри,
Тири-ри,
От заката до зари.

Что он ест и что он пьет?
Баба говорит, что мед,
Дёготь, — деда говорит,
А сверчок твердит:
Тири-ри,
Тири-ри,
От заката до зари.

Где он спит и где живет?
Баба говорит: где кот,
В щёлке, — деда говорит,
А сверчок твердит:
Тири-ри,
Тири-ри,
От заката до зари.

Солнышко встает опять
И сверчка идет искать.

Лезет солнце под кровать,
Лезет солнце под комод,
А сверчка как будто нет:
Он притих и не поет.

Но лишь солнышко зайдет,
Слышно снова:
Тири-ри,
Тири-ри,
От заката до зари.

Ссора

Раз в погожий летний день —
Света солнца было вволю —
Вышли дети поиграть
Под высоким дубом в поле.

Вышли поиграть втроем:
Хоне, Мойшеле и Циля,
Грызли яблоки они,
Из колодца воду пили.

Был бы золото, не день, —
Игры, шутки, разговоры —
Только из-за пустяка
Между ними вышла ссора.

Солнце село, и луна
Поплыла на небосклоне.
Тут заговорили все:
Циля, Мойшеле и Хоне.

Хоне говорит: «У нас
Во дворе есть бочка,
В ней луна лежит и пьет
Ночку по глоточку».

Циля, покраснев со зла:
«Ишь ты, врет как гладко!
На окошке спит луна
У моей кровати».

Ну, а Мойшеле на то:
«От врунишки слышу!
Спит у дедушки луна
В ящике на крыше!»

Перессорились они,
Да и передрались,
И на много дней носы
Вспухшими остались.

Кто из них троих был прав,
Сами разберитесь,
Только об одном прошу:
Вы уж не деритесь!

Марципаны

Жили-были папа с мамой.
Папа — как палка,
Мама — как бочка,
Как колобочки — сыночки и дочки.

Один хочет сушек,
Другой хочет плюшек,
А выдумщица Ханна
Хочет марципана.

Понять бы, что это за чудное чудо,
Понять бы, оно из чего и откуда?

Папа сказал:
Марципаны растут на ветке,
Так же как сливы и груши, поняли, детки?

Мама сказала:
Марципаны покупают в лавке.

Сестра сказала:
Марципаны собирают вдоль канавки.

Но даже бабушка, которой лет немало,
Марципанов никогда
Не видала,
Не едала.

Почтальон с письмом явился вскоре.
«Марципаны? — говорит, —
Их привозят из-за моря.
Там есть город, прозывается Гавана,
В нем куда ни глянь растут охапки марципана».

Почтальону, понятно, никто не поверил.
Он давай кричать: «Нет, это так, в самом деле!»
Но его не слушали и на него не глядели.

Пришел сапожник, принес башмак и колодку.
«Марципаны? — И давай хохотать во всю глотку. —
Их едят обжоры из самых богатых,
Уж куда до таких-то нашему брату.
Даже Ротшильд, у которого богатый папа
И богатая мама
Раз в год получает вот столечко марципана».

Ну, сапожнику, понятно, никто не поверил.
Он давай кричать: «Нет, это так, в самом деле!»
Но его не слушали и на него не глядели.

«Марципаны — то, марципаны — се»,
Всяк судачит на свой манер,
Но тут вдруг открылась дверь
И вошел Йосл-Бэр.

Йосл-Бэр? У него, как известно, во лбу семь пядей!
Знает он, где заяц живет в лесу,

Может рожь от овса отличить, не глядя,
Знает он, где спит канарейка,
И что ест на ужин медведь,
И куда текут всякие реки,
Знает, как по-птичьему петь.
Он в Америке знает название каждого городочка —
Словом, знает все на свете — и точка.

Ну — все к нему, как будто мухи на стакан:
«Где, Йосл-Бэр, достать нам этот марципан?»

А Йосл-Бэр — он пошутить-то не дурак:
На Ханну вылупил глаза: «Ну вот так-так!
Такая умненькая Ханна, а ишь что хочет — марципана!

Есть в некоем царстве-государстве городок,
А в нем корзины с марципанами повсюду.
Но что за городок — забыл, и врать не буду».

Все рассмеялись: ну, тебе не стыдно, Ханна?
Совсем большая — а подай ей марципана!

«Туда доехать можно меньше чем в три дня,
Но лишь в телеге без колес и без коня».

Все рассмеялись: ну, тебе не стыдно, Ханна?
Совсем большая — а подай ей марципана!

«Народ же там — сплошь лежебоки и простушки;
И лень им даже почесать в своей макушке».

Все рассмеялись: ну, тебе не стыдно, Ханна?
Совсем большая — а подай ей марципана!

Тут и сам Йосл-Бэр рассмеялся:
Га-га-га-га.
«Марципан — вроде нашего пирога,
Его всякий может в печке испечь,
Йосл-Бэр — он знает, о чем ведет речь.
Всех и дел-то, дружочек Ханна:
Закатай рукава до плеч,
Тесто вымеси быстро и ловко,
А потом его — прямо в духовку».

И тогда на зависть всему городку
Напекла наша Ханна целый стол марципана.
Вот и сказке конец, в ней ни слова обмана.

Олька

На варшавской окраине двор,
В нем и лужи, и сор.

И живет там Олька,
У нее есть синяя парасолька.

Мама стряпает холодец,
Папа в кузне кузнец.

Крыша боком к земле ползет,
Под застрехою стриж живет.

В доме стул, кровать, а в кладовке
Белье на веревке.

В доме ложки, плошки, кастрюльки
И братишка в люльке.

А еще в доме Олька
И ее синяя парасолька.

Шесть лет этой юной девице,
Золотые косицы.

Как шагнешь за порог —
Там желтый песок.

«Из него для друзей
Напеку куличей».

Только мама кричит,
Мама дверь стучит,

Маме вторит отец,
В кузне кузнец:

«А ну, домой!
Надо сходить к колонке
И постирать пеленки,

Надо надраить плошки,
Надо начистить картошки,

Надо воды нагреть,
Надо песенку спеть,

А еще почитать,
А еще пописать,
Смотри, а то пойдешь у меня во двор ночевать!»

Олька бежит за водой к колонке,
Чтоб постирать пеленки.

И видит:
Идут гуси.
Впереди мама-гусыня,
За нею гуськом гусята, дочь и три сына,
Белые перья, красные лапы,
А сзади, очень надутый, гусак, их папа.

Открывает Олька
Свою синюю парасольку.
У нее теперь крыша, и дом,
И гуси в нем.

В этом доме б сидеть у оконца
До захода солнца.

Только мама кричит,
Мама дверью стучит,

Маме вторит отец,
В кузне кузнец:

«А ну, домой!
Нынче ведь будний день,
Надо поправить плетень,

Надо в доме прибраться,
Надо понянчить братца,

Надо белье сложить,
Надо чашки помыть,

А еще почитать,
А еще пописать,
Смотри, а то пойдешь у меня во двор ночевать!»

Олька идет прибираться
И несет с собой братца

И видит:
Летят птицы.
В полнеба их караван,
А выше — аэроплан.

Белые крылья,
И даль высока,
А в ней синим дымом
Плывут облака..

Открывает Олька
Свою синюю парасольку.

У нее теперь крыша, и дом,
И птицы в нем.

В этом доме б сидеть у оконца
До захода солнца.

Только мама кричит,
Мама дверью стучит,

Маме вторит отец,
В кузне кузнец:

«А ну, домой!
Надо штопать носки,
Надо гладить платки,

Надо нитку вошить,
Пуговицы пришить.

А еще почитать,
А еще пописать,
Смотри, а то пойдешь у меня во двор ночевать!»

Олька вдевает нить
Пуговицы пришить.

А пуговицы — прыг-скок,
Катятся за порог.

Стали колесами, вот
Кружится их хоровод.

Прочь покатилося одно,
Бочкой стало оно,

Два — колесами велосипеда,
Три — садовой тачкой соседа,

К трем одно подлетело птичкой,
И они стали бричкой.

Открывает Олька
Свою синюю парасольку.

У нее теперь крыша, и дом,
И колеса в нем.

В этом доме б сидеть у оконца
До захода солнца.

Только мама кричит,
Мама дверью стучит,

Маме вторит отец,
В кузне кузнец.

Но Олька слышать не слышит и знать не знает,
Колеса катятся прочь и ее зазывают,

Она, чтоб связать колеса, берет свой пояс,
Получается поезд.

Гудит паровоз, и Олька садится в вагон,
И поезд уходит в далекую даль, в голубой небосклон.

Сказочка про лоханку

В один дивный день, в один добрый час,
Когда на столы и на стулья солнце залезло,
Купила Ханка квашню, чтобы ставить тесто.

Уж месит она и месит, и так, и сяк,
До самой темной ночи месит, старается,
А тесто не поднимается.

Тут Ханка и говорит:
«Что же мне делать с этой квашней-хулиганкой?
Пусть будет лоханкой».

И сразу, вот чудо, дело пошло на лад:
Хоть не было мыла, лохань не смутилась нимало,
Ребятчи одежды все дочиста отстирала.

А как?

Потерла одёжку об стенку,
Потом взбила пенку,
Налево круть,
Направо круть,
И чуть сполоснуть.

Конечно же, тут отовсюду сбежались соседки:
«Не обстирать мне семью, хоть встаю спозаранку.
Ханка, голубушка, дай на денек мне лоханку».

И вот, как молва, покатилась лохань по округе:
На первый этаж из подвала, оттуда — во двор,
А дальше — через забор.

А потом:
Вверх на чердак, где даже нету дверей,
И вниз по ступенькам, как мячик, быстрее и быстрее.

А потом:
В дом, где печка-голландка и вазы на полке,
А оттуда даже к соседке-польке.

А там, пока суть да дело,
Пока наша сказочка длится,
Лохань сама разобралась, куда ей катиться.

Она уже знает, когда и кому
Устраивать стирку,
И ездит, бренча, из квартирки в квартирку.

И рассуждает при этом так:
«Вот Фейге-Бейле, которая носит мужские гамаши,
Надо помочь в воскресенье несчастной мамаше.

Вон ведь сколько в доме у нее ребятишек,
Поди на всех настирай рубах и штанишек.

Мы в понедельник стираем под самой крышей,
А во вторник, об этом потише,
Стираем штаны».

В среду, стирать носки и сорочки,
Лохань, бренча, покатилась вниз под откос,
К молочнице Соре-Злате, которая держит коз.

Ну, а в четверг — и где вы такое видали —
Лохань, поднатужившись, стала больше вдвойне
И настирала рубашки всей ребятне.

В пятницу дети надели чистое платье,
Ну, а лохань поступила, как подобало —
Помылась сама и целый день не стирала.

СТИХИ О МЕСТЕЧКЕ

МАНИ ЛЕЙБ (1883–1953)

Нежин

Нежина трубы и тропы,
Ивы, снопы, огурцы.
Грязи весною потопа,
Снега на кровлях венцы.

Нищий на рынке с бандурой,
В землю уткнувшийся бык,
Маклер косматый и хмурый,
Свиньи и русский мясник.

Сотни картузов, а выше —
Высь океана синей...
Аисты клекчут на крыше,
Огненный гребень над ней.

Стадо — и пыль, как из сита,
Бич, как коса, над гуртом...
Смотрит на город с гранита
Гоголь с насмешливым ртом.

И от креста над седьмою
Улицей падает тень —
Церковь приветствует гоев
Звоном в их праздничный день.

Мимо, с ракитой зеленой
Звучно псалмы голоса,
Всходят евреи по склону,
Мертвого к мертвым неся.

И на завалинках бабки,
Бают сверчками свою
Небыль: о злыднях побаски
Да про пророка Илью.

И — воровская головка! —
В час, как уж кончился день.
Крадется Лейбеле ловко
В барский садок за плетень.

Слушай! Мужичий угрюмый
Хор (то ли плач, то ли вой)
Взвился шевченковской думой:
«Гей, соловийко, не пой!».

И, коли плачу и пенью
Отдана полночь во власть —
Слушает мальчик, уменью
Пенья и плача учась.

Перевод В. Шубинского

Х. ЛЕЙВИК (1888–1962)

Святая песнь о святом бакалейщике

Святой бакалейщик почил,
И лавка святая закрыта,
Святой прохутился настил,
Святое ржавеет корыто.
Святые селедки навзрыд
В святом маринаде рыдают,
Кран в бочке святой не закрыт,
Святой керосин подтекает.

А весы-то святые
На прилавке святом —
Плачь, плачь, плачь,
Не колышутся ночью,
Не колышутся днем,
Плачь, плачь, плачь.

На полках святых, там, где пыль,
Где миски святые и плошки,
Танцуют святую кадрили
Святые крысиные ножи.
И эхом святая кадрили
В святые укусины бьется;
И вдруг — сквозь святую ту гиль —
Надгробная песнь раздается:

Здесь я прежде, бывало,
Скарб святой покупал —
Плачь, плачь, плачь,
Где ж мне нынче потратить
Свой святой капитал —
Плачь, плачь, плачь.

Святой посылает нам свет
Святая всевышняя сила,
Все скорбно ступают вослед
Святых погребальных носилок,
Святая коробка стучит
И слышно рыданье святое —
Святой бакалейщик почил,
И тело уносят к покою.

И святую лопату
Крепко держит рука —
Плачь, плачь, плачь,
Рядом с ямой святою
Холм святого песка —
Плачь, плачь, плачь.

Перевод с идиша А. Глебовской

ה. ש"י וויק

דאָס הייליקע ליד וועגן הייליקן קרעמער

פאַרלאָזן די הייליקע קראָם.
געשטאַרבן דער הייליקער קרעמער,
עס שימלט דער הייליקער שוואַם?
עס זשאַווערט דער הייליקער עמער.
עס וויינען אין הייליקן זאַפט
די הייליקע הערינג, טאַראַנען,
אין ניוועץ דער הייליקער גאַפט
רינט אויס פון די הייליקע קראַנען.

און דאָס הייליקע צינגל
פון דער הייליקער וואַג —
וויי, וויי, וויי,
שלומערט ביי נאַכט
און שלומערט ביי טאָג —
וויי, וויי, וויי.

דורך לעכער פון הייליקן דיל
אויף הייליקע טעלער און טאַצן,
אַ הייליקן גייען קאָדריל
די פיסלעך פון הייליקע ראַצן.
דער הייליקער ראַצן-קאָדריל
הילכט אָפּ ביזן הייליקן בוידעם;
מיט אַ מאָל אין דער הייליקער שטיל —
דייַד הייליקע — רייד פון הספדים;

אַ. דער הייליקער קונה
פון דער הייליקער וועלט —
וויי, וויי, וויי —
וועט ניט האָבן וווּ אויסברענגען
ס'הייליקע געלט —
וויי, וויי, וויי.

עס שוועבט אויפן הייליקן טאַג
דעם אייבערשטנס הייליקע שליטה;
אין טרויער פון הייליקער קלאַג
באַגלייט ווערט די הייליקע מיטה.
די הייליקע פושקע קלאַפט צו
אין הייליקן טאַקט פון געיאָמער —
מען פירט צו דער הייליקער רו
דעם גוף פונעם הייליקן קרעמער.

און דאָס הייליקע רידל
אין דער הייליקער האַנט —
וויי, וויי, וויי —
גראַבט טיפער און טיפער
אין הייליקן זאַמד —
וויי, וויי, וויי.

און מיטן צלם פאררין
איבער דער זיבעטער גאס;
שיכור'ע הנאות צו גריסן
קלינגלט דער הייליקער ספאס;

און מיט די גרינע ראקיסעס,
און מיט א תהילימ'דיק ווארט;
חברה קדישא און מיטות
ציען צום הייליקן ארט;

און ביי די פרויבעס די באכעס
ציען, ווי גרילן אין נעכט,
מעשיות פון שדים און זשלאכעס
און אליהו גאטס קנעכט;

און מיט זיין גנבי'שן קעפל,
בארוועס, א הינמל פון קייט,
קריכט מאני לייבל נאך עפל
איבער א פריצי'שן פלויט.

הער! בארן פון שיכור'ע קומעס,
בעסער — געזאנג און געשריי,
וויינען פון שוועשטענקאס דומעס:
— העי, די ניט זינג, סאלאוויי!

און אז די נאכט איז צעשמערנט,
פול מיט געזאנג און געוויי,
הארטט מאני לייבל און לערנט
וויינען און זינגען אליין.

כ י ע ז ש י ר י נ
און מיטן צלם פאררין

און מיטן צלם פאררין

ניעזשינער שליזכן און שליטעס,
אונערקעס, ווערבעס און שטרוי!
איבער די כאליעוועס בלאטעס,
איבער די דעכער דער שניי.

בעמלעך אין מארק מיט באנדורעס,
אקסן מיט קעפ צו דער ערד;
קילער, חורים, באכטורעס,
מעקלעך מיט קאלמענע בערד.

און איבער שמויסענע היטלעך
הימל, די בלוי ווי א ים;
ברושלס, וואס קלאקלען געמיטלעך,
זון מיט איר פייער אין קאס;

משערעדעס, שטויב ווי פון זיפן,
בייטשן, ווי קאסעס אין שניט;
גאנצל מיט סם אויף די ליפן
שמויכלט פון גרינעס גראניט;

№ 17
פאפער

זלאמטשאוו, מיין היים

א זלאמטשאוו, די מיין היים, מיין שמאם
 מיט דיין פלויסערשפיץ און שול און באך.
 און מיט דייןע זיערקעס אויפ'ן מארק
 און מיט דייןע אידלאך וואס רייסן זיך אפ
 ווי הונט אויף דעם פויער וואס קומט אראפ
 מיט א קוישל אייער פון סאסאווער בארג. —
 ווי דאס לעבן איז פרוילינג וואכט אויף אין מיר
 מיין ארעם ביסל בענקשאפט צו דיר, —
 מיין היים, מיין זלאמטשאוו.

נאר אז איר דערמאן זיך פארבענקערדייט
 אן דעם נגיד ראפעפארט, ווי ער גייט
 מיט זיין גראבן בויך אין שול אריין,
 און אז שאיע היילעס, דעם פרומסקי,
 וואס וואלט ווי א חזיר אין א זאק
 פארקויפט אפילו די זון מיט איר שיינן —
 איז דאס גענוג עס זאל אויסגיין אין מיר,
 אזוי ווי א ליבט, מיין בענקשאפט צו דיר, —
 מיין היים, מיין זלאמטשאוו.

ווי דערצייילט זיך די מעשה פון יענעם פראנט:
 ער האט איינמאל פארנאכט אזוי לאנג נאכאנאנד
 געזען מלאכים ארום דער זון.
 ביו סע האט אים א שכור, א גוי מיט א האק
 אזא מיין פארפאר געמאן אונטער'ן פאק,
 אז ר'אייז נעבאר שיער נישט געשמארבן דערפון —
 דער גוי מיט דער האק איז מיין שנאה אין מיר
 צו מיין זיידן, און אים צוליב אויך צו דיר, —
 מיין היים, מיין זלאמטשאוו.

דיין ערד איז אן עדות, אז איר טראכט נישט אויס.
 ווען מיין זיידע האט מיין מאמען פון הויז
 ארויסגעשטעלט מיט דער פאלציי,
 האט מיין באבע אין דער ברייט מיט די פיס
 געשמיכלט שיער אזוי האניקדיג.
 ווי א שוקמע וואס שטייט צווישן זעלנער צוויי —
 אז פארשלאסן זאל ווערן מיין שנאה אין מיר,
 וואס האט מיר דערמאנט אן איר און אז דיר, —
 מיין היים, מיין זלאמטשאוו.

ווי א קופקעלע נאקעטע אירן איז באך
 ארום א פעבריסן, האט מען אין ראך
 געשאקלט די קעפ און די בערד זיך גענלעכט
 ארום די ארויסגעווארפענע פעק
 און שמאמעס און בעבעכעס אין זעק
 און ארום דעם צעבראכענעם שטיקל בעט —
 מיין מאמע וויינט נאך איצטער אין מיר,
 ווי דעמאלט אונטער דיין הימל אין דיר, —
 מיין היים, מיין זלאמטשאוו.

נאר וואונדערלאך איז דאך אונזער וועלט.
 מיט א פערד און וואגן איבער א פעלד
 שלעפט מען זיך ארויס צו דער באן.
 וואס פליט ווי א שר איבער פעלדער אוועק,
 ביז זי בריינגט אויף א שיש מיט א צווישנדיק,
 וואס מיט אריבער קיין גרויארק דאוונאון —
 איז דאס טאקע די איינציקע טרייסט כאטש פאר מיר,
 וואס מען וועט מיר נישט באגראבן אין דיר, —
 מיין היים, מיין זלאמטשאוו.

/ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ

«САМИЗДАТ: НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Все остальное после: сада стрекозы, слава,
как, должно быть, спокойны шлемы церквей, оплывая
в это чистое утро, переходящее в полдень,
подобное арфе и кроме — тому, о чем я не помню.

1964

Утро

Каждый легок и мал, кто взошел на вершину холма.
Как и легок и мал он, венчая вершину лесного холма!
Чей там взмах, чья душа или это молитва сама?
Нас в детей обращает вершина лесного холма!
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
и вершину холма украшает нагое дитя!
Если это дитя, кто вознес его так высоко?
Детской кровью испачканы стебли песчаных осок.
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
Это память о рае венчает вершину холма!
Не младенец, но ангел венчает вершину холма,
то не кровь на осоке, а в травах разросшийся мак!
Кто бы ни был, дитя или ангел, холмов этих пленник,
нас вершина холма заставляет упасть на колени,
на вершине холма опускаешься вдруг на колени!
Не дитя там — душа, заключенная в детскую плоть,
не младенец, но знак, знак о том, что здесь рядом Господь.
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
посмотри на вершины: на каждой играет дитя!
Собирая цветы, называй их, вот мальва! вот мак!
Это память о Боге венчает вершину холма!

1966

* * *

Есть между всем молчание. Одно.
Молчание одно, другое, третье.
Полно молчаний, каждое оно —
есть матерьял для стихотворной сети.

А слово — нить. Его в иглу проденьте
и словонитью сделайте окно —
молчание теперь обрамлено,
оно — ячейка невода в сонете.

Чем более ячейка, тем крупней
размер души, запутавшейся в ней.
Любой улов обильный будет мельче,

чем у ловца, посмеющего сметь
гигантскую связать такую сеть,
в которой бы была одна ячейка!

1968

** *

Сквозь форточку — мороз и ночь.
Смотрю туда, в нору.
А ты, моя жена и дочь
сидишь, не пряча грудь.

Сидишь в счастливой красоте,
сидишь, как в те века,
когда свободная от тел
была твоя тоска.

Вне всякой плоти, без оков
была твоя печаль,
и ей не надо было слов —
была сплошная даль.

И в этой утренней дали,
как некий чудный сад,
уже маячили земли
хребты и небеса.

И ты была растворена
в пространстве мировом,
еще не пенилась волна,
и ты была кругом.

Крылатый зверь тобой дышал
и пил тебя в реке,
и ты была так хороша,
когда была никем.

И, видно, с тех еще времен,
еще с печали той,
в тебе остался некий стон
и тело с красотой.

И потому, закрыв нору,
иду на свой диван,
где ты сидишь, не пряча грудь
и весь другой дурман.

1969 или 1970

***

ВСЁ ЛИЦО: ЛИЦО — ЛИЦО,
ПЫЛЬ — ЛИЦО, СЛОВА — ЛИЦО,
ВСЁ — ЛИЦО. ЕГО. ТВОРЦА.
ТОЛЬКО САМ ОН БЕЗ ЛИЦА.

1969

* * *

Благодарю Тебя за снег,
За солнце на Твоем снегу,
За то, что весь мне данный век
Благодарить Тебя могу.

Передо мной не куст, а храм,
Храм Твоего КУСТА В СНЕГУ,
И в ней, припав к Твоим ногам,
Я быть счастливой не могу.

1969

* * *

Боже мой, как всё красиво!
Всякий раз как никогда.
Нет в прекрасном перерыва,
отвернуться б, но куда?

Оттого, что он речной,
ветер трепетный прохладен.
Никакого мира сзади —
всё, что есть, — передо мной.

весна, 1970

Иосиф Бродский (1940—1996)

* * *

Еврейское кладбище около Ленинграда.
Кривой забор из гнилой фанеры.
За кривым забором лежат рядом
юристы, торговцы, музыканты, революционеры.

Для себя пели.
Для себя копили.
Для других умирали.
Но сначала платили налоги,
уважали пристава,
и в этом мире, безвыходно материальном,
толковали Талмуд,
оставаясь идеалистами.

Может, видели больше.
А, возможно, верили слепо.
Но учили детей, чтобы были терпимы
и стали упорны.
И не сеяли хлеба.
Никогда не сеяли хлеба.
Просто сами ложились
в холодную землю, как зерна.
И навек засыпали.
А потом — их землей засыпали,
зажигали свечи,
и в день Поминовения
голодные старики высокими голосами,
задыхаясь от голода, кричали об успокоении.
И они обретали его.
В виде распада материи.

Ничего не помня.
Ничего не забывая.
За кривым забором из гнилой фанеры,
в четырех километрах от кольца трамвая.

1958

Рождественский романс

Евгению Рейну, с любовью

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый.
Полночный поезд новобранный
плывет в тоске необъяснимой.

Плывет во мгле замоскворецкой,
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на желтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья
под Новый Год, под воскресенье,
плывет красotka записная,
своей тоски не объясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою;

ночной пирог несет сочельник
над головою.

Твой Новый Год по темно-синей
волне средь моря городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

28 декабря 1961

Диалог

«Там он лежит, на склоне.
Ветер повсюду снует.
В каждой дубовой кроне
сотня ворон поет».
«Где он лежит, не слышу.
Листва шуршит на ветру.
Что ты сказал про крышу,
слов я не разберу».

«В кронах, сказал я, в кронах
темные птицы кричат.
Слетают с небесных тронов
сотни его внучат».
«Но разве он был вороной:
ветер смеется во тьму.
Что ты сказал о коронах,
слов твоих не пойму».

«Прятал свои усилья
он в темноте ночной.
Все, что он сделал: крылья
птице черной одной».
«Ветер мешает мне, ветер.
Уйми его, Боже, уйми.
Что же он делал на свете,
если он был с людьми».

«Листьев задумчивый лепет,
а он лежит не дыша.
Видишь облако в небе,
это его душа».
«Теперь я тебя понимаю:
ушел, улетел он в ночь.
Теперь он лежит, обнимая
корни дубовых роц».

«Крышу я делаю, крышу
из густой дубовой листвы.
Лежит он озера тише,
ниже всякой травы.
Его я венчаю мглою.
Корона ему под стать».

«Как ему там под землю».
«Так, что уже не встать.
Там он лежит с короной,
там я его забыл».
«Неужто он был вороной».

«Птицей, птицей он был».

6 июня 1962

Воронья песня

Снова пришла лиса с подведенной бровью,
снова пришел охотник с ружьем и дробью,
с глазом, налитым кровью от ненависти, как клюква.
Перезимуем и это, выронив сыр из клюва,

но поймав червяка! Извивайся, червяк чернильный
в клюве моем, как слабый, которого мучит сильный;
дергайся, сокращайся! То, что считалось суммой
судорог, обернется песней на слух угрюмой,

но оглашающей рощи, покуда рощи
не вернут себе прежней рваной зеленой мощи.
Знать, в холодную пору, мертвые рощи, рта вам
не выбирать, и скажите спасибо нам, картавым!

январь 1964, Таруса

Дерево

Бессмысленное, злобное, зимой
безлиственное, стадии угля
достигнувшее колером, самой
природой предназначенное для
отчаянья, — которого объем
никак не калькулируется, — но
в слепом повиновении своем
уже переборщившее, оно,
ушедшее корнями в перегной
из собственных же листьев и во тьму —
вершиною, стоит передо мной,
как символ всепогодности, к чему
никто не призывал нас, несмотря
на то, что всем нам свойственна пора,
когда различья делаются зря
для солнца, для звезды, для топора.

1970

Из цикла «Литовский дивертисмент»

Леиклос

Родиться бы сто лет назад
и сохнущей поверх перины
глазеть в окно и видеть сад,

кресты двуглавой Катарины;
стыдиться матери, икать
от наведенного лорнета,
тележку с рухлядью толкать
по желтым переулкам гетто;
вздыхать, накрывшись с головой,
о польских барышнях, к примеру;
дождаться Первой мировой
и пасть в Галиции — за Веру,
Царя, Отечество, — а нет,
так пейсы переделать в бачки
и перебраться в Новый Свет,
блужая в Атлантику от качки.

1971

Исаак и Авраам

М. Б.

«Идем, Исак. Чего ты встал? Идем». —
«Сейчас иду». — Ответ средь веток мокрых
ныряет под ночным густым дождем,
как быстрый плот — туда, где гаснет окрик.

По-русски Исаак теряет звук.
Ни тень его, ни дух (стрела в излете)
не ропщут против буквы вместо двух
в пустых устах (в его последней плоти).
Другой здесь нет — пойдешь ищи-свищи.
И этой также — капли, крошки, малость.
Исак вообще огарок той свечи,
что всеми Исааком прежде звалась.
И звук вернуть возможно — лишь крича:
«Исак! Исак!» — и это справа, слева:
«Исак! Исак!» — и в тот же миг свеча
колеблет ствол, и пламя рвется к небу.

Совсем иное дело — Авраам.
Холмы, кусты, врагов, друзей составить
в одну толпу, кладбища, ветки, храм —
и всех потом к нему воззвать заставить —
ответа им не будет. Будто слух
от мозга заслонился стенкой красной
с тех пор, как он утратил гласный звук
и странно изменился шум согласной.
От сих потерь он, вместо града стрел,
в ответ им шлет молчанье горла, мозга.
Здесь не свеча — здесь целый куст сгорел.
Пук хвороста. К чему здесь ведра воска?

«Идем же, Исаак». — «Сейчас иду».
«Идем быстрее». — Но медлит тот с ответом.
«Чего ты там застрял?» — «Постой». — «Я жду».
(Свеча горит во мраке полным светом).
«Идем. Не отставай». — «Сейчас, бегу».
С востока туч ползет немое войско.
«Чего ты встал?» — «Глаза полны песку».
«Не отставай». — «Нет-нет». — «Иди, не бойся».

В пустыне Исаак и Авраам
четвертый день пешком к пустому месту
идут одни по всем пустым холмам,
что зыблются сродни (под ними) тесту.
Но то песок. Один густо песок.
И в нем трава (коснись — обрежешь палец),
чей корень — если б был — давно иссох.
Она бредет с песком, трава-скиталец.
Ее ростки имеют бледный цвет.
И то сказать — откуда брать ей соки?
В ней, как в песке, ни капли влаги нет.
На вкус она — сродни лесной осоке.
Кругом песок. Холмы песка. Поля.
Холмы песка. Нельзя их счесть, измерить.
Верней — моря. Внизу, на дне, земля.
Но в это трудно верить, трудно верить.
Холмы песка. Барханы — имя им.
Пустынный свод небес кружит над ними.
Шагает Авраам. Вослед за ним
ступает Исаак в простор пустыни.
Садится солнце, в спину бьет отца.
Кружит песок. Прибавил ветер скорость.
Холмы, холмы. И нету им конца.
«Сынок, дрова с тобою?» — «Вот он, хворост».
Волна пришла и вновь уходит вспять.
Как долгий разговор, смолкает сразу,
от берега отняв песчинку, пядь
остатком мысли — нет, остатком фразы.
Но нет здесь берега, только мелкий след
двух путников рождает сходство с кромкой
песка прибрежной, — только сбоку нет
прибрежной пенной ленты — нет, хоть скромной.
Нет, здесь валы темны, светлы, черны.
Здесь море справа, слева, сзади, всюду.
И путники сии — челны, челны,
вода глотает след, вздымает судно.
«А трут, отец, с тобою?» — «Вот он, трут».
Не видно против света, смутно эдак...
Обоих их склоняя, спины трут
сквозь ткань одежд вязанки темных темных веток.
Но Авраам несет еще и мех
с густым вином, а Исаак в дорогу,
колодцы встретив, воду брал из всех.
На что они сейчас похожи сбоку?
С востока туча застит свод небес.
Выдергивает ветер пики, иглы.
Зубчатый фронт, как будто черный лес,
над Исааком, все стволы притихли.
Просветы гаснут. Будто в них сошлись
лесные звери — спины свет закрыли.
Сейчас они — по вертикали — вниз
помчат к пескам, раскинут птицы крылья.
И лес растет. Вершины вверх ползут...
И путники плывут, как лодки в море.
Барханы их внизу во тьму несут.
Разжечь костер им здесь придется вскоре.

Еще я помню: есть одна гора.
Там есть тропа, цветущих вишен арка
висит над ней, и пар плывет с утра:

там озеро в ее подножьи, large
волна шуршит и слышен шум травы.
Тропа пуста, там нет следов часами.
На ней всегда лежит лишь тень листвы,
а осенью — ложатся листья сами.
Крадется пар, вдали блестит мысок,
беленый ствол грызут лесные мыши,
и ветви, что всегда глядят в песок,
склоняются к нему все ближе, ниже.
Как будто жаждут знать, что стало тут,
в песке тропы с тенями их родными,
глядят в упор, и как-то вниз растут,
сливаясь на тропе навечно с ними.
Пчела жужжит, блестит озерный круг,
плывет луна меж тонких веток ночи,
тень листьев двух, как цифра 8, вдруг
в безумный счет свергает быстро рощу.

Внезапно Авраам увидел куст.
Густые ветви стлались низко-низко.
Хоть горизонт, как прежде, был здесь пуст,
но это означало: цель их близко.
«Здесь недалеко», — куст шепнул ему
почти в лицо, но Авраам, однако,
не подал вида и шагнул во тьму.
И точно — Исаак не видел знака.
Он, голову подняв, смотрел туда,
где обнажались корни чащи мрачной,
разросшейся над ним — и там звезда
среди них (корней) зажгла свой свет прозрачный.
Еще одна. Минувя их, вдали
комки «земли» за «корнем» плыли слепо.
И наконец они над ним прошли.
Виденье леса прочь исчезло с неба.
И только вот теперь он в двух шагах
заметил куст (к отцу почуяв зависть).
Он бросил хворост, стал и сжал в руках
бесцветную листву, в песок уставясь.

По сути дела, куст похож на все.
На тень шатра, на грозный взрыв, на ризу,
на дельты рек, на луч, на колесо —
но только ось его придется книзу.
С ладонью сходен, сходен с плотью всей.
При беглом взгляде ленты вен мелькают.
С народом сходен — весь его рассей,
но он со свистом вновь свой ряд смыкает.
С ладонью сходен, сходен с сотней рук.
(Со всею плотью — нет в нем только речи,
но тот же рост, но тот же мир вокруг).
Весною в нем повсюду свечи, свечи.
«Идем скорей». — «Постой». — «Идем». — «Сейчас».
«Идем, не стой», — (под шапку, как под крышу).
«Давай скорей», — (упрятать каждый глаз).
«Идем быстрее. Пошли». — «Сейчас». — «Не слышу».
Он схож с гнездом, во тьму его птенцы,
взмахнув крылом зеленым, мчат по свету.
Он с кровью схож — она во все концы
стремит свой бег (хоть в нем возврата нету).
Но больше он всего не с телом схож,

а схож с душой, с ее путями всеми.
Движенья в них, в них точно та же дрожь.
Смыкаются они, а что в их сени?
Смыкаются и вновь спешат назад.
Пресечь они друг друга здесь не могут.
Мешаются в ночи, вблизи скользят.
Изогнуты суставы, лист изогнут.
Смыкаются и тотчас вспять спешат,
ныряют в темноту, в пространство, в голость,
а те, кто жаждет прочь — тотчас трещат
и падают — и вот он, хворост, хворост.
И вновь над ними ветер мчит свистя.
Оставшиеся — вмиг — за первой веткой
склоняются назад, шурша, хрустя,
гонимые в клубок пружины некой.
Все жаждет жизни в этом царстве чувств:
как облик их, с кустом пустынным схожий,
колеблет ветер здесь не темный куст,
но жизни вид, по всей земле прохожий.
Не только облик (чувств) — должно быть, весь
огромный мир — грубей, обширней, тоньше,
стократ сильней (пышней) — столпился здесь.
«Эй, Исаак. Чего ты встал? Идем же».
Кто? Куст. Что? Куст. В нем больше нет корней.
В нем сами буквы больше слова, шире.
«К» с веткой схоже, «У» — еще сильней.
Лишь «С» и «Т» в другом каком-то мире.
У ветки «К» отростков только два,
а ветка «У» — всего с одним суставом.
Но вот урок: пришла пора слова
учить по форме букв, в ущерб составам.
«Эй, Исаак!» — «Сейчас, иду. Иду».
(Внутри него горячий пар скопился.
Он на ходу поднес кувшин ко рту,
но поскользнулся, — тот упал, разбился).
Ночь. Рядом с Авраамом Исаак
ступает по барханам в длинном платье.
Взошла луна, и каждый новый шаг
сверкает, как серебро в песчаном злате.
Холмы, холмы. Не видно им конца.
Не видно здесь нигде предметов твердых.
Все зыбко, как песок, как тень отца.
Неясный гул растет в небесных сверлах.
Блестит луна, синее густо даль.
Сплошная тень, исчез бесследно ветер.
«Далеко ль нам, отец?» — «О нет, едва ль»,
не глядя, Авраам тотчас ответил.
С бархана на бархан и снова вниз,
по сторонам поспешным шаря взглядом,
они бредут. Кусты простерлись ниц,
но все молчат: они идут ведь рядом.
Но Аврааму ясно все и так:
они пришли, он туфлей ямки роет.
Шуршит трава. Теперь идти пустяк.
Они себе вот здесь ночлег устроят.
«Эй, Исаак. Ты вновь отстал. Я жду».
Он так напряг глаза, что воздух сетчат
почудился ему — и вот: «Иду».
Мне показалось, куст здесь что-то шепчет».
«Идем же». — Авраам прибавил шаг.

Луна горит. Все небо в ярких звездах
молчит над ним. Простор звенит в ушах.
Но это только воздух, только воздух.
Песок и тьма. Кусты простерлись ниц.
Все тяжелей влезать им с каждым разом.
Бредут, склоняясь. Совсем не видно лиц.
...И Авраам вязанку бросил наземь.

Они сидят. Меж них горит костер.
Глаза слезятся, дым клубится едкий,
а искры прочь летят в ночной простор.
Ломают Исаак сухие ветки.
Став на колени, их, склоняясь вперед,
подбросить хочет: пламя стало утлым.
Но за руку его отец берет:
«Оставь его, нам хворост нужен утром.
Нарви травы». — Устало Исаак
встает и, шевеля с трудом ногами,
бредет в барханы, где бездонный мрак
со всех сторон, а сзади гаснет пламя.
Отломленные ветки мыслят: смерть
настигла их — теперь уж только время
разлучит их, не то, что плоть, а твердь;
однако, здесь их ждет иное бремя.
Отломленные ветви мертвым сном
почили здесь — в песке нагретом, светлом.
Но им еще придется стать огнем,
а вслед за этим новой плотью — пеплом.
И лишь когда весь пепел в пыль сотрут
лавины сих песчаных орд и множеств, —
тогда они, должно быть, впрямь умрут,
исчезнув, сгинув, канув, изничтожась.
Смерть разная и эти ветви ждет.
Отставшая от леса стая волчья
несется меж ночных пустот, пустот,
и мечутся во мраке ветви молча.
Вернулся Исаак, неся траву.
На пальцы Авраам накинуд тряпку:
«Поддай сюда. Сейчас ее порву».
И быстро стал крошить в огонь охапку.
Чуть-чуть светлей. Исчез из сердца страх.
Затем раздул внезапно пламя ветер.
«Зачем дрова нам утром?» — Исаак
потом спросил и Авраам ответил:
«Затем, зачем вообще мы шли сюда
(ты отставал и все спешил вдогонку,
но так как мы пришли, пришла беда) —
мы завтра здесь должны закласть ягненка.
Не видел ты алтарь там, как ходил
искать траву?» — «Да что там можно видеть?
Там мрак такой, что я от мрака стыл.
Один песок». — «Ну, ладно, хочешь выпить?»
И вот уж Авраам сжимает мех
своей рукой, и влага льется в горло;
глаза же Исаака смотрят вверх:
там все сильнее гудят, сверкая, сверла.
«Достаточно», — и он отсел к огню,
отерши рот коротким жестом пьяниц.
Уж начало тепло склонять ко сну.
Он поднял взгляд во тьму — «А где же агнец?»

Огонь придал неясный блеск глазам,
услышал он ответ (почти что окрик):
«В пустыне этой... Бог ягненка сам
найдет себе... Господь, он сам усмотрит...»
Горит костер. В глазах отца янтарь.
Играет взгляд с огнем, а пламя — с взглядом.
Блестит звезда. Все ближе сонный царь
подходит к Исааку. Вот он рядом.
«Там жертвенник давнишний. Сложен он
давным-давно... Не помню кем, однако».
Холмы песка плывут со всех сторон,
как прежде, — будто куст не подал знака.

Горит костер. Вернее, дым к звезде
сквозь толщу пепла рвется вверх натужно.
Уснули все и вся. Покой везде.
Не спит лишь Авраам. Но так и нужно.
Спит Исаак и видит сон такой:
Безмолвный куст пред ним ветвями машет.
Он сам коснуться хочет их рукой,
но каждый лист пред ним смятенно пляшет.
Кто: Куст. Что: Куст. В нем больше нет корней.
В нем сами буквы больше слова, шире.
«К» с веткой схоже, «У» — еще сильнее.
Лишь «С» и «Т» — в другом каком-то мире.
Пред ним все ветви, все пути души
смыкаются, друг друга бьют, толпятся.
В глубоком сне, во тьме, в сплошной тиши,
сгибаются, мелькают, ввысь стремятся.
И вот пред ним иголку куст вознес.
Он видит дальше: там, где смутно, мглисто
тот хворост, что он сам сюда принес,
срастается с живою веткой быстро.
И ветви все длинней, длинней, длинней,
к его лицу листва все ближе, ближе.
Земля блестит, и пышный куст над ней
возносится пред ним во тьму все выше.
Что ж «С и «Т» — а КУст пронзает хмарь.
Что ж «С и «Т» — все ветви рвутся в танец.
Но вот он понял: «Т» — алтарь, алтарь,
А «С» лежит на нем, как в путях агнеца.
Так вот что КУСТ: К, У, и С, и Т.
Порывы ветра резко ветви кренят
во все концы, но встреча им в кресте,
где буква «Т» все пять одна заменит.
Не только «С» придется там уснуть,
не только «У» делиться после снами.
Лишь верхней планке стоит вниз скользнуть,
не буква «Т» — а тотчас КРЕСТ пред нами.
И ветви, видит он, длинней, длинней.
И вот они его в себя прияли.
Земля блестит — и он плывет над ней.
Горит звезда...
На самом деле — дали
рассвет уже окрасил в желтый цвет,
и Авраам, ему связавши тело,
его понес туда, откуда след
протопан был сюда, где пламя тлело.
Весь хворост был туда давно снесен,
и Исаака он на это ложе

сложил сейчас — и все проникло в сон,
но как же мало было с явью схоже.
Он возвратился, сунул шерсть в огонь.
Та вспыхнула, обдавши руку жаром,
и тотчас же вокруг поплыла вонь;
и Авраам свой нож с коротким жалом
достал (почти оттуда, где уснул
тот нож, которым хлеб резал он в доме...)
«Ну что ж, пора», — сказал он и взглянул:
на чем сейчас лежат его ладони?
В одной — кинжал, в другой — родная плоть.
«Сейчас соединю...» — и тут же замер,
едва пробормотав: «Спаси, Господь». —
Из-за бархана быстро вышел ангел.

«Довольно, Авраам», — промолвил он,
и тело Авраама тотчас потным
внезапно стало, он разжал ладонь,
нож пал на землю, ангел быстро поднял.
«Довольно, Авраам. Всему конец.
Конец всему, и небу то отрадно,
что ты рискнул, — хоть жертве ты отец.
Ну, с этим вс. Теперь пойдем обратно.
Пойдем туда, где все сейчас грустят.
Пускай они узрят, что в мире зла нет.
Пойдем туда, где реки все блестят,
как твой кинжал, но плоть ничью не ранят.
Пойдем туда, где ждут твои стада
травы иной, чем та, что здесь; где снится
твоим шатрам тот день, число когда
твоих детей с числом песка сравнится.
Еще я помню: есть одна гора.
В ее подножьях есть ручей, поляна.
Оттуда пар ползет наверх с утра.
Всегда шумит на склоне роща рьяно.
Внизу трава из русла шумно пьет.
Приходит ветер — роща быстро гнется.
Ее листва в сырой земле гниет,
потом весной опять наверх вернется.
На том стоит у листьев сходство тут.
Пройдут года — они не сменяют вида.
Стоят стволы, меж них кусты растут.
Бескрайних туч вверху несется свита.
И сонмы звезд блестят во тьме ночей,
небесный свод покрывши часто, густо.
В густой траве шумит волной ручей,
и пар в ночи растет по форме русла.
Пойдем туда, где все кусты молчат.
Где нет сухих ветвей, где птицы свили
гнездо из трав. А ветви, что торчат
порой в кострах — так то с кустов, живые.
Твой мозг сейчас, как туча, застит мрак.
Открой глаза — здесь смерти нет в помине.
Здесь каждый куст — взгляни — стоит, как знак
стремленья вверх среди равнин пустыни.
Открой глаза: небесный куст в цвету.
Взгляни туда: он ждет, чтоб ты ответил.
Ответь же, Авраам, его листу —
ответь же мне — идем». Поднялся ветер.
«Пойдем же, Авраам, в твою страну,

где плоть и дух с людьми — с людьми родными,
где все, что есть, живет в одном плену,
где все, что есть, стократ изменит имя.
Их больше станет, но тем больший мрак
от их теней им руки, ноги свяжет.
Но в каждом слове будет некий знак,
который вновь на первый смысл укажет.
Кусты окружают их, поглотит шаг
травы полей, и лес в родной лазури
мелькнет, как Авраам, как Исаак.
Идемте же. Сейчас утихнет буря.
Довольно, Авраам, испытан ты.
Я нож забрал — тебе уж он не нужен.
Холодный свет зари залил кусты.
Идем же, Исаак почти разбужен.
Довольно, Авраам. Испытан. Все.
Конец всему. Все ясно. Кончим. Точка.
Довольно, Авраам. Открой лицо.
Достаточно. Теперь все ясно точно».

Стоят шатры, и тьма овец везде.
Их тучи здесь, — нельзя их счесть. К тому же
они столпились здесь, как тучи те,
что отразились тут же рядом в луже.
Дымят костры, летают сотни птиц.
Грызутся псы, костей в котлах им вдоволь.
Стекает пот с горячих красных лиц.
Со всех сторон несется громкий говор.
На склонах овцы. Рядом тени туч.
Они ползут навстречу: солнце встало.
Свергаются ручьи с блестящих круч.
Верблюды там в тени лежат устало.
Шумят костры, летают тыщи мух.
В толпе овец оса жужжит невнятно.
Стучит топор. С горы глядит пастух:
шатры лежат в долине, словно пятна.
Сквозь щелку входа виден ком земли.
Снаружи в щель заметны руки женщин.
Сочится пыль и свет во все углы.
Здесь все полно щелей, просветов, трещин.
Никто не знает трещин, как доска
(любых пород — из самых прочных, лучших, —
пускай она толста, длинна, узка),
когда разлад начнется между сучьев.
В сухой доске обычно трещин тьма.
Но это все пустяк, что есть снаружи.
Зато внутри — смола сошла с ума,
внутри нее дела гораздо хуже.
Смола засохла, стала паром вся,
ушла наружу. В то же время место,
оставленное ей, ползет кося, —
куда, — лишь одному ему известно.
Вонзаешь нож (надрез едва ль глубокий)
и чувствуешь, что он уж в чей-то власти.
Доска его упорно тянет вбок
и колетса внезапно на две части.
А если ей удастся той же тьмой
и сучья скрыть, то бедный нож невольно,
до этих пор всегда такой прямой,
вдруг быстро начинает резать волны.

Все трещины внутри сродни кусту,
сплетаются, толкутся, тонут в спорах,
одна из них всегда твердит: «расту»,
и прах смолы пылится в темных порах.
Снаружи он как будто снегом скрыт.
Одна иль две — чернеют, словно окна.
Однако, «вход» в сей дом со «стенкой» слит.
Поземка намела сучки, волокна.
От взора скрыт и крепко заперт вход.
Но нож всегда (внутри, под ней, над нею)
останется слугою двух господ:
ладони и доски' — и кто сильнее...
Не говоря о том уж, «в чьих глазах».
Пылится свет, струясь сквозь щелку эту.
Там, где лежат верблюды, Исаак
с каким-то пришлецом ведет беседу.
Дымят костры, летают сотни птиц.
Кричит овца, жужжит оса невнятно.
Струится пар с горячих красных лиц.
Шатры лежат в долине, словно пятна.
Бредут стада. Торчит могильный дом.
Журчит ручей, волна траву колышет.
Он востропнулся: в воздухе пустом
он собственное имя снова слышит.
Он вдаль глядит: пред ним шатры лежат,
идет народ, с востока туча идет.
Вокруг костров, как в танце, псы кружат,
шумят кусты, и вот бугор он видит.
Стоит жена, за ней шатры, поля.
В ее руке — зеленой смоквы ветка.
Она ей машет и зовет царя:
«Идем же, Исаак». — «Идем, Ревекка».

«Идем, Исаак. Чего ты встал? Идем».
«Сейчас иду», ответ средь веток мокрых
ныряет под ночным густым дождем,
как быстрый плот, — туда, где гаснет окрик.
«Исаак, не отставай». — «Нет, нет, иду»».
(Березка проявляет мощь и стойкость.)
«Исаак, ты помнишь дом?» — «Да-да, найду».
«Ну, мы пошли. Не отставай». — «Не бойтесь».
«Идем, Исаак». — «Постой». — «Идем». — «Сейчас».
«Идем, не стой» — (под шапку, как под крышу).
«Давай скорей», — (упрятать каждый глаз).
«Идем быстрее. Идем». — «Сейчас». — «Не слышу».

По-русски Исаак теряет звук.
Зато приобретает массу качеств,
которые за «букву вместо двух»
оплачивают втрое, в буквах прячась.
По-русски «И» — всего простой союз,
который числа действий в речи множит
(похожий в математике на плюс),
однако, он не знает, кто их сложит.
(Но суммы нам не вложено в уста.
Для этого: на свете нету звука).
Что значит «С», мы знаем из КУСТА:
«С» — это жертва, связанная туго.
А буква «А» — средь этих букв старик,
союз, чтоб между слов был звук раздельный.

По существу же, — это страшный крик,
младенческий, прискорбный, вой смертельный.
И если сдвоить, строить: ААА,
сложить бы воедино эти звуки,
которые должны делить слова,
то в сумме будет вопль страшной муки:
«Объяло пламя все суставы «К»
и к одинокой «А» стремится прямо».
Но не вздымает нож ничья рука,
чтоб кончить муку, нет вблизи Абрама.
Пол-имени еще в устах торчит.
Другую половину пламя прячет.

И СновА жертвА на огне Кричит:
Вот то, что «ИСААК» по-русски значит.

Дождь барабанит по ветвям, стучит,
как будто за оградой кто-то плачет
невидимый. «Эй, кто там?» — Все молчит.

«Идем, Исаак». — «Постой». — «Идем». — «Сейчас».
«Идем, не стой». Долдонит дождь о крышу.
«Давай скорей! Вот так с ним каждый раз.
Идем быстрее! Идем». — «Сейчас». — «Не слышу».

Дождь льется непрерывно. Вниз вода
несется по стволам, смывает копать.
В самой листве весенней, как всегда,
намного больше солнца, чем должно быть
в июньских листьях, — лето здесь видней
вдвойне, — хоть вся трава бледнее летней.
Но там, где тень листвы висит над ней,
она уж не уступит той, последней.
В тени стволов ясней видна земля,
видней в ней то, что в ярком свете слабо.
Бесшумный поезд мчится сквозь поля,
наклонные сначала к рельсам справа,
а после — слева — утром, ночью, днем,
бесцветный дым клубами трется оземь —
и кажется вдруг тем, кто скрылся в нем,
что мчит он без конца сквозь цифру 8.
Он режет — по оси — ее венцы,
что сел, полей, оград, оврагов полны.
По сторонам — от рельс — во все концы
разрубленные к небу мчатся волны.
Сквозь цифру 8 — крылья ветряка,
сквозь лопасти стальных винтов небесных,
он мчит вперед — его ведет рука,
и сноп лучей скользит в лучах окрестных.
Такой же сноп запрятан в нем самом,
но он с какой-то страстью, страстью жадной,
в прожекторе охвачен мертвым сном:
как сноп жгутом, он связан стенкой задней.
Летит состав, во тьме не видно лиц.
Зато холмы — холмы вокруг не мнимы,
и волны от пути то вверх, то вниз
несутся, как лучи от ламп равнины.
Дождь хлещет непрерывно, Все блещит.
Завеса подворотни, окна косит,
по жлобу свергаясь вниз, свистит.

Намокшие углы дома возносятся.
Горит свеча всего в одном окне.
Холодный дождь стучит по тонкой раме.
Как будто под водой, на самом дне
трепещет в темноте и жжется пламя.
Оно горит, хоть все к тому, чтоб свет
угас бы здесь, чтоб стал незрим, бесплотен.
Здесь в темноте нигде прохожих нет,
кирпич стены молчит в стене напротив.
Двор заперт, дворник запил, ночь пуста.
Раскачивает дождь замок из стали.
Горит свеча, и виден край листа.
Засовы, как вода, огонь обстали.
Задвижек волны, темный мрак щеколд,
на дне — ключи — медузы, в мерном хоре
поют крюки, защелки, цепи, болт:
все это — только море, только море.
И все ж она стремится свой свет во тьму,
призыв к себе (сквозь дождь, кирпич, сквозь доску).
К себе ль? — О нет, сплошной призыв к тому,
что в ней горит. Должно быть, к воску, к воску.
Забор дощатый. Три замка в дверях.
В нем нет щелей. Отсюда ключ не вынут.
Со всех сторон царит бездонный мрак.
Открой окно — и тотчас волны хлынут.
Засов гремит и доступ к ней закрыт.
(Рукой замок в бессильной злобе стисни.)
И все-таки она горит, горит.
Но пожирает нечто, больше жизни.
Пришла лиса, блестя глаза в окне.
Пред ней стекло, как волны, блики гасит.
Она глядит — горит свеча на дне
и длинными тенями стены красит.
Пришла лиса, глядит из-за плеча.
Чуть-чуть свистит, и что-то слышно в свисте
сродни словам. И здесь горит свеча.
Подсвечник украшают пчелы, листья.
Повсюду пчелы, крылья, пыль, цветы,
а в самом центре в медном том пейзаже
корзина есть, и в ней лежат плоды,
которые в чеканке меньше даже
семян из груш. — Но сам язык свечи,
забыв о том, что можно звать спасеньем,
дрожит над ней и ждет конца в ночи,
как летний лист в пустом лесу осеннем.

1963

ЕЛЕНА ШВАРЦ (1948–2010)

Моисей и куст, в котором явился Бог

О Боже — Ты внутри живого мира
Как будто в собственном гуляешь животе.
В ужаснувшемся кусте
Пляшут искорки эфира.
Как скромн Ты!
Каким усиьем воли
Ты помещаешься
В одном кусте — не боле.
Как Ты стараешься себя сгустить,
И ангелов Тебя поддерживают крылья —
Чтобы нечаянным усиьем
Всего творенья не спалить.
Куст по Твоим законам жил,
Их затвердив как все, как все,
По осени он цвел дождем
И сыпью розоватой по весне.
Необжигающим огнем
Теперь осыпан, как во сне.
Бог Авраама, Бог Иакова,
Творей и крови и Венеры,
Тебе не надо светлой Авеля
Души, Ты ищешь не любви, а веры,
Но только внутреннюю силу...
Вот Моисей — он прям и груб,
Его, конечно, до рожденья
Уже Ты пробовал на зуб.
Вот Бог уходит на Восток,
Такое чувство у куста,
Как будто выключили ток,
Как будто плоть его пуста.
Приходит Ангел — он садовник,
Он говорит, стирая пыль с куста:
Расти, расти, цветы, терновник,
Еще ты нужен для Христа.

1973

Зверь-цветок

*Иудейское дерево цветет
вдоль ствола сиреневым цветом.*

Предчувствие жизни до смерти живет.
Холодный огонь вдоль костей обожжет,
когда светлый дождик пройдет
в день Петров на изломе лета.
Вот-вот цветы взойдут аля
на ребрах, у ключиц, на голове.
Напишут в травнике — Elena arborea —
во льдистой водится она Гиперборее
в садах кирпичных, в каменной траве.
Из глаз полезли темные гвоздики,
я — куст из роз и незабудок сразу,
как будто мне привил садовник дикий
тяжелую цветочную проказу.
Я буду фиолетовой и красной,
багровой, желтой, черной, золотой,
я буду в облаке жужжащем и опасном —
шмелей и ос заветный водопой.
Когда ж я отцвету, о Боже, Боже,
какой останется искусанный комок —
остывшая и с лопнувшею кожей,
отцветший полумертвый зверь-цветок.

1976

Танцующий Давид

Танцующий Давид, и я с тобою вместе!
Я голубем взовьюсь, а ветки, вести
Подпрыгнут сами в клюв,
Не камень — пташка а ярости,
Ведь Он — Творец, Бог дерзости.
Выламывайтесь, руки! Голова,
Летай из правой в левую ладонь,
До соли выкипели все слова,
В престолы превратились все слова,
И гнется, как змея, огонь.
Трещите, волосы, звените, кости,
Меня в костер для Бога щепкой бросьте.
Вот зеркало — граненый океан —
Живые и истлевшие глаза,
Хотя Тебя не видно там,

Но Ты висишь в них, как слеза.
 О Господи, позволь
 Твою утишить боль.
 Нам не бывает больно,
 Мучение мы не знаем,
 И землю, горы, волны
 Зовем как прежде — раем.
 О Господи, позволь
 Твою утишить боль.
 Щекочущая кровь, хохочущие кости,
 Меня к престолу Божию подбросьте.

1978

Хасидские мотивы

1

Мерцающим медом полна луна
 И радость исходит.
 Какая птица в сердце бьется?
 Взлети, взлети, но не одна.
 Чего, чего мне не хватает?
 Густого райского вина.

Бутыль плетеную возьму,
 Пойду на кладбище одна,
 И обвернувшись вокруг себя,
 Увижу, что она полна.

И кто б тогда за мной ни мчался,
 Сухими крыльями шурша,
 То угрожая, то моля,
 Мы выпьем быстро, выпьем разом
 С тобой, голодная весна,
 С тобой, дрожащая душа.
 Которой жаль свой бедный разум.

2

Мой родимый, муй коханку,
 Видишь страсть мою и жалость?
 Я как Божия коровка
 В тьме глухой к земле прижалась.
 Видишь-видишь — не наступишь,
 А наступишь — не раздавишь,
 В нас, червях, такая сила,
 Когда Ты нас ей одаришь.
 Мой болезненный, мой любимый
 (А любовь всегда погубит),
 Вижу я неотвратимо
 Взор Твой темень взрежет грубо.
 Шерстью ужаса покроюсь,
 В ней спасусь я, в ней укроюсь.
 Вот уже, как два козла.
 Мы с Тобой сплелись лбами
 На мосту десятой сферы.

Сколько Ты боролся с нами,
 Чтоб узнать, что — не химеры.
 О, займи хоть нашей веры!
 Всегда такой ведь народится,
 Кто будет сам себе палач —
 Кто отобьет двумя рогами
 Любви молниевидный мяч.

1980

Ковчег

Ковчег тонул во тьме, плясал в волнах.
 Болталась на воде посылка роковая,
 В ней жизни меркли семена,
 И тверд был только Ной, на Слово уповая,
 Оно во тьме обрушилось, как дождь, —
 «Погибнут все. Ты не умрешь.
 И те, кого с собой возьмешь».
 И на глаза упал чертеж.
 Рубил, пилил, строгал — теперь
 (Смолил) меж кровью и водой
 Законопаченная дверь,
 И ящиком играет Бог,
 Как будто львенок молодой.
 Подымет в небо, а потом
 В пучину бросит,
 Со дна достанет, закружит
 И в пасти носит.
 Огороженное плывет дыхание,
 И все певцы его хора
 Смотрят на Бога и на моря зданье
 Из-за забора.
 Всех надо Ною накормить,
 Всех, кого запер в сундуке:
 В подвале — тигров, в клетках — птиц,
 Да и своих на чердаке.
 А на крыше сидит великан Ог,
 Привязался — орет во тьму,
 Он сошел с ума, и ему
 Просунуть надо кусок.
 Звери воют, люди вопят,
 Огромную погребушку выщебетали птицы.
 Пахнет, как на вокзалах, и змеи свистят,
 И горят кровавые глаза лисицы.
 А снаружи звук — как будто кровь,
 Если уши заткнуть.
 Пахнет слезами мое изголовье,
 И не уснуть.
 Кто в эту мокредь и муть
 Наш следит путь?
 Там, где выщербины от звезд,
 Выколупанных могучей десницей,
 И дальше еще, где галактики рот
 Жизнь изблюет (чтоб ей провалиться!),
 И замкнутся за нею стальные ресницы.
 Все это время Бог был там —
 Внутри смоляной коробки,
 Вдрагивал от Него гиппопотам,

Тигр дугой выгибался, робкий.
Лапы, жала, рога, хвосты,
Клювы, плавники, глаза и губы –
Все высвечивалось из темноты,
Он не знал, как все это Он любит.
Он смотрел из огненного тумана
На шерсть, на множество мелких зеркал.
О, если б жалость была, гром бы грянул,
Все исчезло б, но жалости Он не знал.
И на минуту глаза закрыл Он,
Примериваясь, как будет без них,
Все исчезло, и все уснули,
А когда проснулись, ветер стих.
И когда их принесло к горе –
«Арагат!» – Ной ее позвал,
Он не ведал о перерыве творенья,
О кратком сне и новой земле не знал –
Что они на другом конце мира от прежней,
Но с похожею кожей, с вином надежды.
Одноглазый Ог ногами болтал.
Он-то знал, что все было новым,
Что заново их Господь сотворил,
Правда, по образцам готовым,
И в жилы им новую воду влил.
Тяжко на землю спрыгнул Ог,
Поскользнулся и замычал,
И молча, как вымокший коробок,
Ковчег на земле лежал.
Первым протиснулся человек,
Младенцем, разорвавшим лоно,
На эти кроткие черные склоны.
О, всякая мать – ковчег!
Носила ты живую душу
В морях, под ливнями,
Все птицы вылетели, на сушу
Все звери хлынули.
На гору, плавно вырастающую,
Они просыпались, как снег,
Вздохнуло море, тихо тающее,
Как души, к смерти отлетающие:
О, всякий человек – ковчег.

1982

Книга на окне

*Как ягненку в грозу или чистым-
нечистым, запихнутым в ящик,
Страшно мне в этом дереве,
древе кипящем.*

Большое дерево – Божье Слово –
Лавр (шелест, трепет слышно),
На котором пророки висят, как терновые вишни
Или как рыбы на нити (прыг-скак) рыболова.
О, древесная темень, спутанность, прелесть –
Ветки, ягоды, ангелы – все они спелись.
Они ткнут и поют. Что же ткнут? Багряницу.
Среди листьев – китов бьют фонтаны, а птицы –

Птицы хищные выпили б сок этих ягод,
В зоб свой замшевый пару-другую сховали.
Только нет – обожглись, снова вплюнули в ветки –
И они приросли канарейками к клетке.
В это дерево мне не войти – это джунгли.
Ты уж там — в сердцевине, в стволе, тихо тлеющем
угле.
Среди листьев там плещется море, и птицы-пловцы в
нем не тонут.
Ночь – Иона в ките, через ночь – кит в Ионе.
Вот яблоко, звеня, отверзлось, и два павлина там –
Тот, что пестрее, — Ева, позолотей – Адам.
Авраам лимоном сияет, в дуллах светлые духи роятся,
На лепестках оленей, серн,
Юдифь летает синей белкой,
И орехи грызет, и твердит: Олоферн, Олоферн.
А Ной смолит большую бочку и напевает.
(Ведь ты меня возьмешь туда,
Когда подыметесь вода?)
И молнией золотой Илья все обвивает.
Говорят: всю прочтешь – считаешься, съедешь с ума.
Это, видно, заметно – дрожит уже он.
Тыква разума с радостью рухнет сама –
Толстобокий надменный Иерихон.
И я тогда шагну в дремоте легкой, странной
Под водопад теснящихся теней.
О Моисей, придя к земле обетованной,
Ты чувствовал, что ты приснился ей?

Не знаю – что это, но если это книга,
То вот она лежит пред лесом на окне,
Ее листает ветер торопливо,
Она горит на западном огне.
И миллионы глаз слетались к ней из ночи,
Из леса и кружились вокруг нее –
Как бы шары и орды пчел рабочих
Кругом цветка, цветущего огнем.

Девятисвечник

(Колыбельная)

Елене Лебедевой

Вот старушка – церковная соня –
Собирает огарки свечей,
А между тем, она – Храм Соломонов,
Весь позолоченный
И ничей.

Вот одинокая колокольня,
Ни у кого нет от ней ключей,
А между тем, она – Храм Соломонов,
Или прекраснее,
И ничей.

Вот на вершине сидит ворона,
Ежась пред войском зимних ночей,
А между тем, она – Храм Соломонов,

Еще прекраснее,
И ничей.

Вот и дни мои, будто солома,
Недостойные даже печей.
А между тем, они – Храм Соломонов,
Или прекраснее,
И ничей.

Вот и Луна – вкось по небосклону
Туда и сюда – будто качель,
А между тем, она – Храм Соломонов,
Весь позолоченный
И ничей.

Вот и солнце ходит бессонно,
Яростных с мира не сводит очей,
А между тем, оно – Храм Соломонов,
Весь позолоченный
И ничей.

Вот и мир весь – в грязи и столах,
И постоялый двор палачей,
А между тем, он – Храм Соломонов,
Или прекраснее,
И ничей.

Вот оно – Имя – в воздуха лоне,
В блеске невидимых мечей,
А между тем, оно – Храм Соломонов,
Еще прекраснее,
И ничей.

Вот и могилка в траве вся тонет,
Над ней не слышно ни слез ни речей,
А между тем, она – Храм Соломонов,
Весь позолоченный
И ничей.

1987

Голоса в пустыне

(По мотивам Агады)

Миракль о смерти

1

Сорок лет бродили евреи в пустыне. Каждый год в Страшную Ночь они ложились в гробы. Наутро одиннадцать тысяч из народа уже не дышали. Так продолжалось до тех пор, пока не умерли все, кто вырос в рабстве.

В Ночь покаяния и слез
Народ ложился в гроб,
Юродивая ночь смолой,
Слюной стекала в лоб.

И каждый в ямине своей
Лежал как бы в чужой,
Но Ангел Смерти различал,
Кого забрать с собой.

Что это там вверху горчит?
Мелькнула хищно тень —
Взглянул — и мимо — не ко мне
Злоангел Самаэль.

Но рядом в темноте возня:
Подручные его
Рвут чью-то душу из ребра,
Как будто зуб больной.

И каждый год в рассветный час
Лежат белей бумаги
Пятнадцать тысяч тех из нас,
В ком не было отваги,

В ком находила ночь провал,
Чей тут же ломится висок
От топота бесовских ног,
Чье имя ангел вырывал
Как вянувший цветок,
Чтоб утром лился на него
Сухим дождем песок.

2. Посох

— Чьим был этот посох?
— Адама.
— Кто принес его в Египет?
— Иосиф.
— Кому он достался?
— Священнику Иофору. Но ему он был не нужен.
— Что же он с ним сделал?
— Посадил как древо, чтобы посох зрел и ждал.

Священник посох посадил,
Как дерево простое,
В своем саду.
Он утром с лейкою пришел,
Но посох был уж окружен
Невидимой рукою.
Она его толкает в грудь
И говорит: не подходи!
Придет когда-нибудь
Чужой и грубый человек
Искать приют у вас,
Рог у него на голове
И страшный луч меж глаз.
Вы не узнали бы его,
Не снимет он со лба чалму,
Его узнает посох сам,
Когда прошепчет из глубин Адам
Посоху своему.
Зачем он рос? Ему не цвествь,
Он тайно образует меч,
Он может змеем стать,

Может хребет рассечь.
Есть Имя — но знаешь ли — шум и звон,
Оно непостижно уму.
Вот он вскочил и навстречу скакнул
К хозяину своему.

3

Всегда над скинией висаща,
Смотрите, туча понеслась.
Господь наш убегает от нас!
Скорее гоните волов и овец,
Шатры и детей — постой, Элохим! —
И дом Его грозный
Рванулся за Ним.

Верблюды ревут, звенят топоры,
Торопятся жены, рыдая,
Охотник-народ по следу бежит,
К земле припадая.

Как будто толпы муравьев
Бегут за ветошкой косматой —
Тысяченожками народ
Ползет за тучею чреватой.

Не покидай — мы тень и сон,
Твой алфавит — останься с нами!
Отец, в песках не бросишь нас
Одних под страшными лучами?

Не улетай! Не оставляй!
Ага! Оно остановилось!
Как облако держать зубами,
Как тучу нам сковать цепями,
Как приклеить навеки милость?

4. Смерть Моисея

воззвал Господь к Моисею: Пришел час твой.

Моисей: Я не готов еще, Господи, сжался!

Господь: Время твое прошло.

Моисей: Не хочу.

Господь: Не станешь же ты, как некая жадная женщина, за тьмою времен, кричать в последний миг — минуточку, одну только минуточку! Жизнь твоя совершилась.

Моисей:

Ты из соломенной корзины,
Из мрака нильских вод,
Из их стремнины,
Из праха, тины
Возвел меня на трепетный Синай.
Я видел вживе куст неопалимый
И гору в молниях,
Столп огненный и млечный,
И твой народ, проклятый и любимый,
Извел усилием и мышцею сердечной
Вослед Тебе Твоею силой.
И, поработав Тебе много,
Теперь прошу я так немного —

О скарбе дней, о горстке дней.
Так в теле дух укоренился,
Они слились, срослись грубо,
Они чисты. О дай в пустыне
Я поживу тугою жизнью дуба.
А хочешь — сделай меня птицей
В садах земли обетованной,
Моя брада седая вьется,
Я щебечу тебе: осанна!
Крыло, крыло во мне пробьется!
Пускай я стал бы как змея
Хранить ковчег Твой — я, безгрешный.
Иль в смерть Ты выведешь меня,
Как я евреев из кромешной?

Но больше не хотел его слушать Господь и отвернулся от него, и поставил другого учительствовать, а переменивый народ сбегался слушать другого. Горько стало Моисею, разодрал он одежды свои и воскликнул: Лучше уж сто смертей, чем мгновение зависти, чем взыскание чужого! Я готов. Но когда слетел Самаэль за душою его, жизнь опять разыграла в Моисее, загорелось сердце — жизнь моя, не оставляй меня! Сдернул повязку со лба и поразил Ангела Смерти лучом, сияющим в межглазьи и, обожженный, улетел Ангел, жалуюсь. Но не оставил Господь мысли своей о Моисее. Воззвал Моисей к Небу и Земле: Умолите за меня Господа. — Мы сами смертны, — отвечали они. Просил он Луну и Солнце, те закатили очи свои и просили за него, но потом вернулись к Моисею: Как бы и нам не погибнуть. И мы пройдем. Луна, помутнев, добавила: Когда я красна — на мне черные пятна, рот мой обметался, глаза подведены. Когда я зелена — на мне синие извивы, когда желта — белые напозди точат мое тело. Я заржавела, ржа сыплется с меня на землю, если дует ветер. И слетели тогда к Моисею архангелы, и Господь был за ними. И сказали: Скрести руки, ляг и вздохни в последний раз. Но вскричала душа его: я хочу дышать, я хочу пить, ходить этими ногами и смотреть в эти глаза. Я хочу откликаться на это имя — Моисей. Я жажду. Не оставлю любимого моего. Много пострадали мы друг от друга — как нам разлучиться? Не слушал больше души своей Моисей, не слушал больше и тела. Он лег и вздохнул в последний раз. Господь: Моисей, восстань дочь моя!

Солнце жизни земляное село,
На горе Фавор в сиянье дня
Ты оденешь Моисея тело.
Дам тебе я света, первохлаба,
Новой милости и легкой сини...

И душа взлетела быстро в небо,
Тело стало пить песок пустыни.

5

Еще говорил Моисей, но его уже не слышали люди.
— Возлюби Господа Бога своего всем существом своим,
всем разумением и всей крепостью твоею...
И твердила душа, взлетая: всей кровью своею, всей

пустыней твоей и больше, чем самого себя,
 всей бездной твоею, всем падением твоим,
 всю смертью твоею,
 всем забвением о тебе,
 всем сердцем, всем прахом твоим,
 всем молчанием и всем словом твоим.
 Возлюби Его всю любовью
 и кончиками ногтей.
 Всей тьмою и всем светом своим,
 всей скорбью и всю радостью,
 всеми любимыми твоими,
 всем временем твоим и всей вечностью твоею,
 всеми закоулками ума
 и вопреки боли земной.

1995

Прерывистая повесть О коммунальной квартире

Гишпанский Петербург

Предисловие

В Испании (и, кажется, нигде больше) долго сосуществовали три веры: христианство, мусульманство (суфизм) и, в одном из самых изощренных своих проявлений (каббала), — иудейство. Три культуры жили как соседи, одолевая друг у друга в случае нужды (алхимией, к примеру).

Мне захотелось представить это в реальности, а единственная знакомая мне до глубины реальность — мир самого вымышленного города на свете, где все может (могло) быть, где, в конце концов, живут вместе православные храмы, костел, мечеть, синагога и буддийский храм.

В этом смысле Петербург — испанский город и находится в гишпанском королевстве, недаром и Гоголь (в лице Поприщина) все грезил об Испании. А Луну если и делают в Гамбурге, то у нас ее давно проиграли в карты.

Прости, любезный читатель: не для тебя, не для себя, не для Поприщина предприняла я этот дикий имажинативный опыт. А может быть, так все и было на самом деле.

Глава 1. Соседи помогают друг другу

В бывшем доходном доме,
 В квартире одной коммунальной
 У кухни круглой обручальной
 (Куда все двери выходили)
 Четверо свой век коротали:
 Три старичка
 И проводница Верка —
 Добрая до глупоты
 Краснорожая девка,
 Она и полы им мыла,

И чем иногда кормила,
 Но выпивала она.
 Один старик был горный суфий.
 Переселившись в Петербург,
 Он будкой завладел сапожной,
 И, бормоча и улыбаясь,
 Весь день на улице сидел.
 Однажды духом опьянившись,
 Он никогда не протрезвел.
 В далекой юности влюбившись,
 Все тот же обожал предмет.
 С трудом скрывал свое счастье,
 Свое чужое блаженство,
 Подметку ли поправляя,
 На крыше ли сидя под вечер.
 На кухне ночами кружился,
 К Богу взмывая венком
 Из алых цветов и листьев.
 Он падал и вскрикивал громко
 Пронзительно на забытом
 Чужом самому языке.
 Когда это видел сосед —
 Еврей, по прозванию Давидка,
 То, воду ему подавая,
 Так всегда говорил:
 — Зачем ты, Юсуф, кружишься
 Почти убитую птицей?
 Ты к Господу не возлетишь.
 Да и чему ты смеешься
 И радуешься громко —
 Ведь жизнь — это страшный кошмар.

А сам по ночам он считал,
 Считал он по свитку Торы
 И что-то еще мастерил.
 А то простоит, бывало,
 Весь день на тощей ноге,
 Взвзявшись за левое ухо.

А третий сосед — смиренный,
 Тайный инок в миру,
 Любого — кто что ни прикажет —
 Слушался как отца,
 Такое он взял послушанье.
 Власий имя ему.
 Утром выходит на крышу,
 Осыпав себя крупкою,
 И воробьи ликуют
 В круглой его бороде.
 Слезы льются по горлу
 Прямо в нагое сердце.

Проходят годы.
 Они, как буквы разной крови
 Кружатся, не смыкаясь в Слово.

Глава 2. Другой взгляд

Листы Корана разметались,
 Евангелье во тьме сияло,

И Тора вверх и вниз росла
Как основание столпа.
И ангелов расцветок разных
Сновала грозная толпа.
Вовне квартира та хранилась,
Как твердый и глухой орех,
Его сиянье распирало
Невидимое для всех.
И только будущая Дева
Свой глазом проливала мрак,
И в глуби мысленного чрева
Писец царапал известняк.

Глава 3. Добрая Вера

А Вера, с рейса как пришла,
На кухню яблоч принесла:
Смотри, приволокла для вас,
Юсуф, Давид и дядя Влас.
Влас отвечает: благодарствую.
Спаси ты Господь.
А Давид: счастлив, Вера, будет ваш супруг.
Юсуф же только хохочет.

А яблоч красная гора
Истаивает до утра.

Ах, Вера! В двери крик да стук.
Забрел уже солдатик к ней.
Они запрутся — слышен смех
Да взвизги: пей или налей!
И шепчет Влас: ох грех, ох грех.
Юсуф кружится все быстреей.

Глава 4. Война и Голем

Давид ночами что-то лепит,
Все что-то ладит, мастерит,
То щетиночку приклеит,
То пружинку завертит...

Там внизу проходит жизнь, хмелея,
Сатанея, алчет наважденья.
В этом плоском сумеречном граде
Их свело так тесно Провиденье.
Три светильника, горящих на Восток,
Одного бы, кажется, хватило,
Но в созвездие одно сцепила их
И свела в ночи вселенской Сила.

...колдует, дует, приклеит,
Пружинку туже завертит —
Глядишь: уж некто завозился,
Глаза открыл, лежит, пищит...

Там внизу стучит толчками время,
Началась и кончилась война.
Голодали, мерзли, но на крышу
Не упала бомба. Ни одна.
Маленькое существо меж труб

Все сновало вверх и вниз по скату,
Вдруг взлетало, бомбу изловляло
И летело с нею к морю, к морю
И бросало в волны за Кронштадтом —
Только терпеливым рыбам горе.

А потом тихонько приходило,
В щель дверную под крючком скользнув,
И ложилось спать,
Как щенок свернувшись, под кровать.
Раз за ним пришли чужие люди:
Кто-то бегал по крыше,
Не ракетчик¹ ли?
И вроде к вам?
— Что вы! Что вы! — им Давид сказал. —
Это даже слышать нам обидно. —
Поискали, да найдешь его!
Голема то видно, то не видно.

Глава 5. Вера приводит Будду

А в конце войны им Вера привела
Потерявшегося желтого мальчонку,
Бурятенку или монгольчонку.
Где-то умирал
В паутине шпал,
Вот она и пожалела.
Он не говорил им ничего.
Вера постаревшая смотрела:
— Бессловесный он, еще он мал. —
— Как тебя зовут? — спросил Юсуф.
— Будда. Будда, — отвечал ребенок.
Вера хлеба принесла ему,
И глаза косые повернулись
В свой покой, в свою густую тьму.
Влас ей низко-низко поклонился.
— Да чего, — смутилась она.
А Давид шептал: хоть мы не видим,
Ты здесь рядом, близко, Шехина.

Глава 6. Обрывки разговоров на кухне

— Юсуф, ты страха Божьего не знаешь.
— А ты не знаешь любви.
— Я сто раз на дню умираю...
— А ты живи, живи.

Влас: Живи как колесо:
Едва земли коснется —
Несется вверх.
Покайся, выплюнь грех,
Слугою будь у всех,
В смиреннии живи.

Давид: Порченный свет,
Подлеченное сиянье.

---

¹ Немецкий шпион, подававший сигнал самолетам, стреляя из ракетницы.

Искру одну спасу —
И я спокоен.

Я (подслушивая из соседней квартиры, глядя на Власа):

Мы все перебираем время
По часику, по месяцу, по зернышку.
А святой бредет по нему напролом
(А оно стоит)
Как сквозь туннель — ночью ли, днем
Сломанной часовой стрелкой
Летит.

Глава 7 (продолжение — еще более бессвязное)

Влас: Милость в нас и с нами,
Не прав ты, брат Давид.

Давид: Мириады искр упали:
Те — на море, и утонут,
Те — во зверя, и застонут,
Кто — во камень и орех,
Тем, несчастным, хуже всех.
Заключились вы в пределы тесные,
Как вас вывесть, огоньки небесные?

Я (раздумывая над их словами):
В новом ковчеге плывем,
На этот раз — ржавый линкор.
Больше ничей за нами,
Нет, не следит взор.
Дверь захлопнулась милости,
Цепь порвалась и связь.
В этой покинутости —
Что мы? — липкая грязь.
Вода превратилась в пламень,
Мы заперты и горим.
Храм наш давно сгорел,
Ныне сгорает Рим.
Голубь с юным листом
Не прилетит назад,
Таает на дне морей
Ледяной Арарат.

Влас: Милость-то в нас и с нами,
Ребе, подумай, отец.
Это еще не конец.

Давид: Пламя я вижу, пламя.
Больше и нет ничего.

Глава 8. Еще другой взгляд

Они как стебли —
Каждый прошел, возрос
В кружащийся над головой цветок,
И это — Бог.
Где каждый забывает о себе,

Где грешная травинка
Вдруг видит, закатив глаза,
Огромный шелковый купол над собой,
Где сполохи и тихая гроза,
Где этот переход и перелив —
Где человек впадает в Бога,
Как в обморок или в залив?
Три стебелька в одном стакане,
Плывущем в Тихом океане.
Вертятся воды.
Они как буквы разной крови
Кружатся, не смыкаясь в Слово.
Проходят годы.

Глава 9. Прогулки с риторикой

Еще желтей Адмиралтейства —
Кленовый лист, еще чернее
Нагой земли — идут матросы,
В плечах печати золотые.
О, цвет матросов — осень. Осень.
И все ж они мне непонятны.
Как, впрочем, все, как осьминоги.
Со смесью бойкости и страха
Иду по садику. В кармане
Держу прозрачную реторту.
И там, где нету никого,
Смотрю на свет — как запотела!
Но все же видно — что внутри
Три крошечных танцуют тени:
Раввин, и суфий, и святой.
То, за руки схватясь, несутся,
То пьют из одного стакана,
То плачут, то о стены бьются,
То застигает их туманом.
Так сахар с горечью
И с солью кислотность
В одном сосуде я смешала —
Недаром Бёме снился мне
И Парацельса я читала.

Никто не видел? Нет, никто.
И снова прячу их глубоко,
Поближе к сердцу под пальто.
Вдруг будто обожгло лучом,
Блеснуло золотое око.
Ужели я сама внутри,
Ужели я подобна им —
Сама кружусь в седой реторте
И помню имя — Элохим.
Эль, Иисус, Аллах, Эн Соф.
Как крепко горлышко бутылки,
Закрытый зев... неслышный зов...

Глаза домов блестят, горят —
Закатный золотится яд,
И страшно мне с водой живой
Брести под окнами пивной.

Глава 10. Вера заболела

Время идет, а мальчик не растет.
Он смотрит в потолок
И на Восток.
Недвижный лотоса цветок.
Положит Вера возле ног
То яблоко, то молоко
И говорит: поешь, сынок.
Он пьет ночами кипятком,
Он — лотос и живой цветок,
А Вера перекрестит бок:
Ох, сердце все болит, сынок.

Глава 11. Похороны и убийство на кладбище

Когда же Вера померла,
И на Смоленское тихонько повезли,
За ней плелись все три соседа.
Они и плакали и пели
И говорили: Вера наша
Переселенье претерпела,
У ней сегодня новоселье.
Когда ее землей прикрыли,
То поклонились они ей:
Дай Бог тебе счастливого пути,
От страшных демонов спасенья
И в Господе упокоенья.
И светлых ангелов,
Закрыв руками лица,
Просили ее душеньке помочь
На первых страшных тропах, перегонях.
И пожелали в новой ей квартире
Соседей лучших, чем в сем брэнном мире...
И, не решаясь Веру так оставить,
Они стояли там, как три свечи.

В те времена (после войны)
В обширных склепах жили
Не привиденья и крылатый мышь,
А злобные грабители ночные.
Им было любо средь гниенья, тленья
Нечистыми глазами поводить.
А в них самих,
Как во гробах далеких гадаринских,
Жили духи. Только кто б
Им приказал войти
Не в стадо — в стаю
Мусорных ворон.
Иль в сонмище смоленское лягушек
И броситься в болотистую речку.
Да некому...не время... Вот они,
Не различая утра, дня и ночи,
Пьют самогон из черепа гнилого,
Вот — точат нож о каменные плиты.
Вдруг они

Увидели сквозь дырочки и щели
Светящихся на воздухе весеннем
Тех старцев и промолвили: ужо!

Они их цепко, быстро окружили
И порешили
Кастетом, и удавкой, и ножом.
А те едва позвать успели Бога,
Как их уже присыпали листвою.

Так с Верой и в земле не разлучились.

А в следующую ночь была облава,
И демоны бандитов все вошли
В наганы, пистолеты, револьверы
И сами же себя перестреляли.
А старцев ангелы,
Подняв толпою тесной,
В сиянье унесли
Страны небесной.
В одно сиянье —
В разные углы.

Глава 12. В опустелой квартире

В квартире брошенной ветшает всё —
И мертвый Голем на полу, листы Корана.
Мальчик, сидя на пороге,
Окаменев, достиг Нирваны.
И сотни голубей тогда
Через трубу вовнутрь рванулись
И, как лиловая вода,
Кружились, гулькавая, волнуясь.
Всё превратилось в гулкий клекот,
Крыловорот...
Всё заколотят, всё захлопнут,
И только минус-свет живет.

.....

Вдруг всё умолкло. Встрепетало.
Ударил луч, и свет погас —
Дух древний новый небывалый
Сошел — и вот уйдет сейчас.

И в непереносимо ярком свете
Тогда спустился Иисус,
И, маленького Будду взяв,
Унес на небо легкий груз.

И царство Духа наступает
На небе, море, на земле,
И гул колоколов не тает,
Трепещет в бедной голове.

март — апрель 1996

АЛЕКСАНДР РИВИН (1915—1942)

***

Вот придет война большая,
заберем мы в подвал,
тишину с душой мешая,
ляжем на пол наповал.

Мне, безрукому, остаться
с пацанами суждено
и под бомбами шататься
мне на хронику в кино.

Кто скитался по Мильенке,
жрал дарма а ля фуршет,
до сих пор мы все ребенки,
тот же шкиндлик, тот же шкет.

Как чайники, выются годы,
смерть поднимется со дна.
Ты, как я, — дитя природы
и беспечен, как она.

Рослый тополь в чистом поле,
что ты знаешь о войне?
Нашей общей кровью полит,
ты порубан на земле.

Как тебя в широком поле
поцелует пуля в лоб.
Ветер грех ее замолит,
отпоет воздушный поп.

Труп твой в гроб уже забрали,
ох, я мертвых не бужу,
только страшно мне в подвале —
я еще живой сижу.

Сева, Сева, милый Сева,
сиволапая семья...
Трупы справа, трупы слева,
сверху ворон, снизу я.

***

Дроля моя! Сколько стоит радость?
Столько же получка в выходной.
Мы живем и вот стареет младость,
мы уже седеем — боже ж мой!

Всё, что только может дать любовь,
от аборта вплоть и до суда,
до развода, до трехсот рублей,
всё течет, как к фронту поезда.

Всё свистит и сходит с рельс в пути,
всё мосты взрывает за собой,
всё, что только можно обойти,
всё, что только может дать любовь.

Если остановку я проспал
и стою теперь как идиот,
если на войну я не попал
а в тылу противно гнить, mein Gott!

Будет смерть на свете! Будет гроб!
Штатская могила и доска!
Всё, что только может взять любовь!
Всё, что только могут взять войска!

***

Это было под черным платаном,
на аллее, где жабы поют,
там застыл Купидон великаном,
там зеленый и черный уют,

Там лежала в рассыпанных косах
золотистая харя лица,
и в глазах удивленно-раскосых
колотились два черных кольца,

А потом они стукнулись дружно
и запали под веко, в белки.
Ничего им на свете не нужно,
ни любви, ни стихов у реки.

Я поднял равнодушную ручку,
безмятежные очи поднял,
подмахнул на листе закорючку
и судьбу на судьбу променял.

И меня положили за стены
на холодненький каменный пол,
дали мне на подстилку две смены
и сутулый расхлябанный стол.

Это было под черным платаном,
где уже меня больше нема,
где луна кулаком-великаном
за нее отомстила сама,

Где летают блестящие мухи,
где безликие камни лежат,
где с козлами в соити старухи,
в черном озере желтые звезды дрожат.

Только ночью в заречном колхозе
прогрохочет винтовка как гром,
и луна вся оскалится в морде,
и раздвинется синим зевком.

Изо рта ее узкого очень
тихо вытечет нож, как слюна,
и под черной улыбкою ночи
он уколет меня из окна.

Это будет под черным платаном,
где кровавые жабы поют,
там луна кулаком-великаном
разрубают зеленый уют.

Отнесите меня, отнесите,
где дрожит золотистая нить,
у жестокой луны попросите
желтым светом, что медом, облить.

После смерти земные убийцы
отправляются жить на луну,
там не надо работать и биться
и влюбляться там не в кого...
Ну?

Желтый ад каменистый, бесплодный,
звезды, пропасти, скалы, мосты,
ходит мертвый слепой и голодный
и грызет костяные персты.

Никогда ему больше не спится,
но слепые зеницы в огне,
шел он узкой и рыжей лисицей
по широкой и голой луне.

Вечный Жид никогда не усталый
на бесплодной, бессонной луне
голосами царапает скалы
и купает лицо в тишине.

***

Капитан, капитан, улыбнитесь,
кус ин тохес — это флаг корабля.
Наш корабль без флагов и правительств,
во вселенной наш корабль — Земля.

Мы плывем, только брызжем звездами,
как веслом мы кометой гребем,
мы на поезд судьбы опоздали,
позади наш корабль времен.

Так над жизнью, над схваткой, над валом,
над жемчужными жабрами звезд
улыбнись капитан над штурвалом,
наступи этим звездам на хвост.

Раньше взлета волны не поймаешь,
раньше света не будет звезды,
капитан, капитан, понимаешь,
раньше жизни не будет судьбы.

Так над жизнью, над схваткой, над смертью,
над разбрызганным зеркалом звезд
улыбайся, товарищ, бессмертью,
наступи ему сердцем на хвост.

Дорогомиловка

Вот ты, Москва моя, моя упрямая,
как вкрадчивое торжество,
вот столь за мамою, вот столь без мамы я,
вот столько разом прожито.

На пепельной скатерке кладбища
зачокаются чаши лип.
Шоссе по-пьяному осклабится,
улыбкой чащу пропилив.

Застав шлагбаумы выламывая,
метя аллеюной листвой, —
к тебе, Москва моя, моя упрямая,
как вкрадчивое торжество.

***

Крутится, вертится стих над судьбой,
крутится, вертится век молодой,
падает, просит пощады, горит,
и не сгорает, и снова творит.

Где эта улица, эта судьба,
где эта молодость, что так слаба,
так непонятно-спокойна к себе,
так аккуратно-безвольна в борьбе?

Где эта хватка, житейский закал,
где эти деньги, что каждый алкал,
где эта улица, где этот дом,
где эта курица, что в мой бульон?

Крутится, вертится век молодой,
все обесмертится, станет судьбой,
станет кусочком бумаги. Потом
тихо истлеет и дело с концом.

***

Лес гудит зеленою гитарой,
гулками гитарами дерев,
Иосиф едет в Нил с дитем и шмарой,
и в пустыне блеет лев.

Что же мне так страшно и так странно,
небо едет в вечность над землей,
облако плывет в лесу тумана,
я не знаю, что это со мной.

Умер я или еще живу я?
Все на свете вышло из воды,
дерево, похожее на струи,
волосы на речке бороды.

И деревни, вставшие на скалы,
и ушедшие в туман поля,
и под ними, как мешок усталый,
старая валяется земля.

Я дурак, я пахну своим папой,
папа пахнет дедушкой моим,
вылезь — тело новое накапай,
и умри не понятый не им.

А всем на свете все понятно,
а мне не ясно ничего,
и поэтому мне так приятно
знать, что небо оттого.

Адские частушки

В том саду-аду где в душу
пляска смерти и огня,
дух зажатый в сердце-грушу
давит слезы из меня.

Мое сердце, что пантера,
черное обугленное,
я стою у Англетера,
жизнь моя загубленная.

Моя милка, что бутылка,
сломанная темная,
и от горла до затылка
судорогой порванная.

Сердце мое ты — карета,
запертая красная,
счастье кучером одето,
а кобылка частная,
частная несчастная.

Мой миленок, что теленок,
время, дай нам молочка,
по ножу ходил цыпленок
как по музыке рука.

Ходит по небу монета,
прет по площади карета,
и пантера не потеря,
жуй теленка для комплекта.

Ах, частушка частая,
ах, каретка красная,
время кучером одето,
а кобылка частная.

***

По горам и по дорогам,
в кишлаках, аулах нищих,
у растерянных балкарок
покупая молоко,
Вечный Жид устал шататься,
мы — плохие альпинисты.
От Голгофы до Кавказа —
это очень далеко.

Вот с турецкою монетой
между двух грудей тряпичных
едет горькая старуха
на коне на Страшный Суд.
Ледоруб песок взрывает,
я плетусь за нею сухо,
вдруг балкарка окликает:
«Ты урус или джюгут?»

Видно, вымерли хазары
преждевременно, некстати,
и не знают караима
мусульманские дьячки.
«Я обрезанный, как муж твой,
и с меня сюнэпа хватит».
Вдруг старуха помрачнела
и помчалась как джигит.

А когда настанет утро,
я бреду нагорьем сонным,
и английский желтый ангел
смотрит с елки голубой.
Я — Мессия Палестины,
я машу мечом коратным,
и в лучах моей короны
призрак родины любой.

По горам и по дорогам
с ледорубом и тетрадкой,
у растерянных балкарок
покупая молоко...
Мы — плохие альпинисты,
Вечный Жид в кавказских Альпах.
От Голгофы до Кавказа —
это очень далеко.

Как Христос своих овечек,
холил я моих евреев.
Растоптали скорпионов,
аглицкие жеребцы.
Я — смешной английский клоун,
я — потомок Маккавеев,
и в лучах моей короны
могендовидов концы.

Скучно в городе Сиона,
бомбы падают лениво,
сионисты греют руки
на поставках англичан.
Я смешной английский клоун
у стены Иерусалима,
и в лучах моей короны
и удейская печаль.

Отчего ты в меня не влюбишься?

Вера, Вера, ты душа,
ты как небо хороша,
у тебя большие очи
цвета самой темной ночи.
Правда, нос неважный очень,
но об этом ша.

Вера, Вера, о хвала тебе, хвала!
Ты холера, ты дуб, а не трава.
Под таким могучим дубом
чахлые немцы душу губят,
а нам жидам горячим
трын-трава.

***

Я сижу на камешках без шапки,
как нищий негр, поющий Аллилуй,
и звезды, нежно поднимая лапки,
мне с неба шлют воздушный поцелуй.

Жизнь моя, печальная равнина,
на тебе произрастают слезы,
женщины, строенья, глина,
жабы, сосны и березы.

И когда устану и ослабну,
кастеляншу даром не бужу,

за подушку молодую жабу
под затылок подложу.

Спать на ней и липко, и упруго,
лишь на утро кожу жжет,
и лежит постельная подруга,
выставив раздавленный живот.

Что же жаба? Серенькие кишки,
ароматно и зловонно,
завтра сделают из них мальчишки
аккуратные знамена.

Жизнь — равнина, и судьба — ухаба,
Чарли Чаплин там изнемогает,
и сидит раздавленная жаба
и чернила изрыгает.

***

Талант ведь не картошка,
в кооперативе нет,
так дайте мне немножко
картошков и конфет.

Я Чарли-безработный,
я Алик-лоботряс,
живу я как животный,
но услаждаю вас.

Я усики не брею,
бо нету тимаков,
я жизни не жалею
для пташечных стихов.

Рыбки вечные

Капционим, марш вперед!

Моя судьба — большой сюжет.
Я рад душой ему служить.
Есть фабула от А до Z
и только нечем жить.

У меня есть руки, ноги, небеса,
сердце, выскочившее вперед
вашего бессмертия на полчаса,
и ловивший время рот.

Кто я? Тантал? Я жить хочу,
а время льется мимо губ.
Когда я лицо ваше кислое вижу,
улыбку детей и живот муравья —
о как я природу тогда ненавижу:
зачем это сделал не я, не я?

Зажег я солнце над землею,
луну из льдины я сковал
и звезды колкою золою
на небеса нацеловал.

Но кто я? Цапля-однонога,
стоящая на облаках?
Я человек, кусочек Бога —
и ветер сжат в моих руках.

О жизнь моя, о жизнь моя...
О слепой восторг бытия!
Кто я? Где я? Не надо. Не знаю.
Но чувствую, чувствую — есть я.

...

Мне не спится, не кимается,
совесть снов не принимает,
все-то жизнь воспоминается...
Стыдно — но не виноват.

Ты зачем нас, житуха, похезала с перцем.
Сердце, вой, заливай, заливной соловей!
На руке с нарисованным порохом сердцем
куча жил шевелится, как куча червей.
Чего мне надо? Я умен и молод.
Чего мне надо? Солнца в холод?

Холодная дыра в душе,
и жметесь пес:
дай кость, дай кость...
О голод, голод,
до голопузиков, до слез.

Ай ты, рыбка, рыбка золотая,
сколько мяса и хряща!
И судьба, как кость моя сухая,
просит счастья у леща.

Лещик, лещик, мокрый лещик,
толстовыпуклый щиток,
ай, какой хороший резчик
нарезал тебе бочок.

Как приплюснутый бочонок,
как горбатый плоский лист,
как блестящий пятачонок,
как зеркальный оптимист!

Лещик, лещик мой хороший,
серебристый, нарезной,
как рассыпанные гроши,
ты блестишь передо мной.

Плавниками колыхая,
разевая влажный рот...
А жизнь проходит, штанами махая,
и в лицо тебе плюёт.

Не прошло такого года,
не прошло такого года,
не прошло такого дня,
такого дня,
чтобы новая погода,
чтобы новая погода,
чтобы новая погода
не покомкала меня.

Ветер в зубы — и айда в поход,
гопники с размытого кладбища,
под землей заёкает, забьёт
теплый труп, налившийся, как вишня.

Если счастья нет, пускай хоть горе
будет нашим счастьем.
...Рыбий нос!
У меня на сердце, как на море,
ходят рыбы длинных слез.

Плещут слезы, шевелят хвостами,
трутся теплой головой...
У меня на сердце, под часами,
кто-то плавает... живой...

...

Я языка просил у плена:
будь рыбой — жизнь коротка!
Вот безъязыкая мурена
живет свободна и гладка
без плавников и без зацепок,
без чешуи и без жилеток,
без связей сверху на земле,
они гуляют в глубине.
Ты царь. И если Пушкин снова
тебе подсунет этот стиль
и если рыба это слово
и если совесть это штиль,
и если время — пароход,
и если люди — круг спасенья
и если якорь — идиот
и если в будущем — крушенье!

Утюг на шее был фальшив,
а круг спасения горяч,
поэт обжегшись стал спесив,
танцует по воде как мяч.

И только рыбку соблазняет
«Будь безъязыка и гуляй».
Кто лжет себе, тот это знает,
утюг на шею и жихляй!

Жихляй с фальшивкою в зубах,
с дешевой рыбкой на губах,
но с рыбаками не играйся.
Как по-еврейски говорят.
раз изменив, не извиняйся,
раз извинив, не изменяй.

И если время — пароход,
он рыбу тщетно оглушает
хоть рыба с мертвым языком
эпохе плавать не мешает.
И если племя рыбаков
из всех критических редакций,
лишь трусы для большевиков
на нас приходится бодаться.

А я, чужой в любой стране,
мычу по-рыбы презираю
таких марксистов.

В тишине
они стихи мои вбирают,
а помести я их в печать
они бы начали рычать.
Живу, жихляю, умираю
и не желаю замолчать!

***

Как у милой в огороде
соловьются соловьи,
соловьихи чисто ходят,
соловейчики мои!

***

Воробейчики летали,
прицелились поклевать,
воробейки пропищали:
Кус ин тохас! Дайте жрать!

***

В лесу, говорят, растет, говорят,
редька с медом вместе,
а здесь, кадохес Ленинград,
до леса не долезете.

***

Моя милка, что бутылка,
обугленная, черная,
и от горла до затылка
судорогой порванная.

***

Я рожден от содроганья
двух существ, чуждых мне,
и я висел между ногами,
как колокол, вниз головой.
...

Вниз головой, вниз головой,
Грызть кукурузу мостовой!

***

На мою на могилку
не придет Мэри Рид,
только папа мой немилый
меня похоронит

...

И лежу я в могилке,
Засохлый еврей.

С идиша, из Мойше Кулбака

Антоша играет на бандуре (баллада)

Эй, эй,
эй, Антоша, гомони,
прозвени
да на бандуре,
шуры-муры, буры-туры,
так вот, эй,
эй, эй...

Жил-был кривский князь на свете,
бел, как снег,
бел, как снег,
в тереме у князя дети,
дочки две,
дочки две.
Но у князя при коне
был слуга Дмитрук Скарелья,
по прозванью «Шалопай».

Эй, эй,
эй, Антоша, гомони,
прозвени
да на бандуре,
шуры-муры, буры-туры,
так вот, эй,
эй, эй...

И пришла весны пора,
дерево приносит ветки,
ну а ласточка — птенца,
и козленочка — коза,
а теленочка — корова,
и пришла весны пора,
для дочурочек пора, —
князю, глядь, несут домой
в фартуке на полных грудках
по ублюдку, по ублюдку,
по ублюдку, Б-же мой!

Эй, эй,
эй, Антоша, гомони,
прозвени
да на бандуре,
шуры-муры, буры-туры,
так вот, эй,
эй, эй...

Тотчас князь свой меч хватает,
князю скакуна седлают,
и от Кревы до Мозыря
и от Жеттля до Дамира
следом всадника – кареты,
и гонцы, и эстафеты.
Но нигде не увидать,
не сыскать
лиходея Шалопая.

Эй, эй,
эй, Антоша, гомони,
прозвени
да на бандуре,
шуры-муры, буры-туры,
так вот, эй,
эй, эй...

Кроме чащ лесных кривецких
Шалопая нигде нет,
ну а старый рыцарь кривский,
бел, как снег,
бел, как снег.
Едет сам через равнины
по господскому пути,
сам броней звонко двинет
он в ночи,
он в ночи...

Эй, эй,
эй, Антоша, гомони,
прозвени
да на бандуре,
шуры-муры, буры-туры,
так вот, эй,
эй, эй...

Библейские заметки

1.

Ящички скорби и радости
Кукла Его Авраам
Куклы Его Моисей,
пророки, цари на Сионе
И на огромной ладони
Камушком кажется Храм
Ящички гнева и трепета,
войн, всесожжений и царств
Имя Его не узнаешь,
след от стопы не найдешь
Входит Он в мясо как нож
Жизнь похищает как вор

1978

2.

Вот Он из толщи Ничто –
Огонь неведущий
Буря в пустыне синайской
Буря на море –
конец человека-челна
Вот Он – вожатый, ведущий
через тело быка-чугуна
Словно хворост
Его запылали глаза
Ветхий образ –
над грешным
народом гроза

1982

3. Исаак против Авраама

Бог или ангел случайный
Мимолетающий,
тогда удержал его руку
Я не знаю и знать не хочу
Вряд ли кому интересны
Нынче эти разборки
Но все ж расскажу по порядку.
Утром проснувшись
Вышел я из шатра и увидел:
Двое наших рабов,
двое юношей, купленных нами
На базаре в Салиме
топорами халдейскими рубят

Для всесожженья дрова
Рядом отец Авраам
над точильным склонившийся камнем
Темный как туча на небе
точит свой Богонож
«Разве праздник сегодня, –
спросил я тогда Авраама, –
Почему ты, отец,
приказал заготовить дрова?
Точишь нож, для чего?
Неужели Господь захотел
Снова жертвы внеплановой?»
Ничего не ответил отец
Лишь рабам повелел мне на плечи
Дров вязанку взвалить
и пошли мы вдвоем по дороге
В землю Мориа
Шли мы три дня и три ночи,
и вот наконец перед нами
Гор появилась гряда
и опять я спросил Авраама
«Где же тот агнец, отец,
что назначен на кушанье Богу?»
И опять не ответил отец
Только тогда,
когда дикой тропой мы взошли на какую-то гору
И дрова разложили,
только тогда я взглянул
Аврааму в глаза
и увидел глаза человека
Ставшего тигром
Хищным прыжком
прыгнул он на меня. Я упал
На поленья ничком,
потеряв от удара сознание
И очнувшись увидел,
что вервием жертвенным связан
От коленей до плеч
То ли ангел случайный
Мимолетающий, тогда удержал его руку
От прямой уголовщины
или грозный раздумал Господь
чавкая есть мою плоть
Я не знаю и знать не хочу
«Мальчик мой долгожданный, –
отец лепетал со слезами, –
Мальчик мой Исаак
ты спасен от Господних зубов

За мое послушанье,
 за хождение мое перед Богом
 И отныне наш род
 воссияет в пустотах веков
 И по Божьему слову
 та область, где странствуем ныне
 Станет нашей землей»
 Я не ответил.
 Я молча, по скользкой тропе
 Стал спускаться в долину

1990

4.
 Кто это был, я не знаю.
 Мне имя его не сказали
 Был ли Он Некто, похожий
 на меня, на отца и на брата
 Или Ничто бестелесное
 приходило в то время на землю
 Был я тогда малолетком.
 В Мицрайме, земле потогонной
 Были на стройке рабами
 братья мои и отец
 Злобно глумились над нами
 фараоновы слуги – прорабы
 Мы ненавидели их
 Помню, в священную ночь
 спать не ложились в бараке
 Месяц, как жертвенный нож,
 тихо сиял над землей
 Помню, как ели ягненка,
 обжигаясь, даваясь от волнения
 И вот тогда, наклонясь
 «Слышишь, – сказал мне отец, –
 за бараками нашими –
 слышишь –
 Ходит Господь по земле,
 наказуя народ мицраимский
 Первенца в каждой семье
 убивая мясницким ножом»
 Был я тогда пацаненком,
 и что было дальше – не помню
 Помню лишь где-то в пустыне
 наше становье, шатры
 Скот, подыхающий с голоду
 ропот усталых, озлобленных
 «Кто Он? – спросил я тогда. –
 Для чего Он увел нас оттуда?
 Что Ему надо от нас?»

1982

5.
 Я – часовой на стене
 крепости иерихонской
 У горизонта, вдали
 вижу я вражеский стан
 Вижу несметное войско
 беспощадного Бога номадов

Знаю, что в городе были
 соглядатаи нашей земли
 Знаю, что с ними якшалась
 грязная шлюха Раав
 Знаю: падут эти стены
 перед воинством ихнего Бога
 Знаю, что буду заколот
 в полдень священной резни

1982

6.
 В год агрессии нашей
 мы истребляли мечами
 Жителей этой земли,
 данной в наследие нам
 Господом нашим...
 Ели мы их виноград...
 пили воду из ихних колодцев
 Черен был облик земли,
 но остались в живых ее боги
 И вот теперь по ночам
 Ходят они среди нас
 безъязыкие, страшные боги
 Ходят и смотрят на нас,
 пристально смотрят на нас

1982

7.
 В страхе вернули враги
 с золотыми дарами впридачу
 Ящик священный – ковчег,
 генератор безмерного гнева
 Бурно народ ликовал,
 со слезами молились левиты
 Бегали мы, голодранцы,
 по местечку с восторженным криком:
 «Бог воротился из плена
 в наши селенья, домой!»
 Бегали с вестью счастливой
 и заспорили вдруг ненароком
 Как в этом ящике малом
 помещается Он, Всемогущий
 Море и землю держащий,
 необъятный, как небо над нами
 Спорили мы и решили
 этой ночью прокрасться к ковчегу
 Крышку открыть, заглянуть
 в обиталище Бога Живого
 Нет, не проспал я тогда,
 просто сдрейфил, не вышел из дому
 Мышью в постели дрожал,
 обмочился со страху, а утром
 Люди нашли у ковчега
 трупы подростков, поверженных
 Дланью, карающей мир

1983

8.

Вот и вернулись домой
из восточного долгого плена
Мы – потомки Иакова,
богоизбранный царственный род
Плакали мы, увидав
в разорении наши жилища
Наши сады в запустеньи
и в развалинах храм Соломонов
Был среди нас человек,
называвший себя пророзливцем
Лидером рода, хранителем
букв и рассказов священных
Гневно он нас укорял
в отступленьи от норм стародавних
Звал к искупленью грехов,
вербовал на ударную стройку
Нового дома Господня
Помню, из первых и я
записался тогда добровольцем
Вкальвал год словно раб,
а потом за усердые в прорабы
Произведен был пророком,
программистом народного счастья
Помню то утро, когда
привезли на подводах снабженцы
Кедров ливанских стволы
для закладки в священные стены
Взяли мы их на ремни,
но сорвался ремень и свалился
Кедр, изувечив меня
И вот с тех пор я – калека,
попрошайка под стенами храма
Ввысь устремленного,
в небо, к Господу наших молитв
Клянчу на хлеб каждодневный
и пытаюсь понять безуспешно
В чем согрешил я тогда
и за что был ушиблен Всевышним?
Чем не потрафил Ему?

1983

9.

«Громом Господь поразит
всех мочащихся ночью в постели» –
Так говорил мне наставник,
буквоучитель заслуженный
Школы служек при храме
И счастливые мальчики –
львята законов синайских
Мазали грязью меня
за мое непотребство ночное
Били, плевали в лицо
и гогоча говорили:
«Выродок ты,
сын моавитянки, полукровка»
О, как я плакал тогда,
как молил Всемогущего Бога
Жизнь у меня отобрать,

тихую смерть подарить
Горько я плакал тогда,
и явился ко мне утешитель
Ангел железный с небес.
«Мальчик – сказал он, – не плачь,
не ропщи и не жалуйся больше
Будет награда тебе,
Божий дар за недетское горе
Станешь великим пророком,
провозвестником жизни грядущей
Будешь прославлен как царь
у народа надменных потомков
Авраама, раба моего.
Ну, а пока что хлебай
с каждодневной похлебкой обиду
Боль и побои терпи,
ведь ничто не дается задаром
Горе тебе – не за грех,
горе – за будущий дар»

1984

Хасидизм

Баал-шем-тов, твои ученики
по жалостной земле,
по плачущей Волыни
В дырявых башмаках
шли от корчмы к корчме
Чтоб грубым корчмарям,
торгующим горилкой
И чтущим лунное талмуда серебро
Сказать об искорках
простой и легкой веры
Уж виленский раввин строчил на них донос
И старцы хмурились в дремучей укоризне
Но сам Господь входил в зеленый гвалт берез
В вино сапожников, в живые буквы жизни.

1982

Иов и араб*Араб:*

Человек несчастливый
 в счастливый шатер твой
 Я пришел к тебе, Иов,
 желая понять почему
 Моя новая жизнь, жизнь вторая,
 словно яма от рая
 с жизнью твоей разнится.
 Слышал: живешь ты в довольстве
 со всеми своими домашними
 И забыл о савейнах,
 что твоих сыновей зарезали,
 И скребок, коим кожу скоблил, в пепле сидя,
 Ты давно уже выбросил.
 Ну а я, Иов, я тот самый араб из Корана,
 Что на Бога роптал,
 а потом был наказан и спал
 Много лет в пустыне,
 а после, по милости Божьей,
 Снова стал молодым
 и ослицы моей кости скорбные
 В мясо с кожей оделись.
 И пришел я в свой город
 надеясь вернуться к былому,
 К прежней жизни вернуться,
 но жена не признала меня
 И отвергли соседи,
 объявив меня призраком сделанным,
 Лженамеренным демоном.
 Стал я нищим базарным
 и в облике этом позорном
 Я пришел к тебе, Иов.

Иов:

Почему ты подумал,
 что я, как и прежде, счастлив?
 Бог меня задарил,
 чтобы я прекратил свои вопли
 И забыл о погибших
 от хищных мечей савейских.
 Их- то было зачем?
 Ведь они не волы и не овцы
 Не имущество движущееся, живое...
 Так зачем же могущество грозное
 Через смерть их явил мне Господь?
 Не себя я жалею,
 не ропщу, что истерзана плоть была
 И что множество язв
 у меня появлялось на коже.
 Но мои сыновья... Их за что же?
 Пусть я в чем-то виновен,
 но их-то вина, в чем?
 Кто умен и учен
 пусть объяснит мне все это,
 Если сам Бог не хочет
 никому, ничего объяснять.

Араб:

Богохульствуешь, Иов...

Иов:

Нет, хочу справедливости,
 Правды хочу, без нее
 Мне вино – не вино,
 хлеб – не хлеб,
 жизнь – не жизнь, но скажи
 Почему ты пришел
 в мой шатер укорять меня?

Араб:

Что еще делать нищему?
 Радость одна у него -
 Укоризна богатому.

Иов:

Да, богат я, богат...
 Только древний и медленный яд
 Мозг мой питает с тех пор
 Как сидел я на пепле.
 Не хочу я смотреть на павлинов вычурных
 И на страусов стройных...
 Но не хочу и назад,
 В жизнь былую, бездумную...
 Пусть ядовитая мудрость
 Заменяет мне радость.

Араб:

А вот я все же верю,
 что Бог мне вернет непременно
 Мое прежнее счастье.

Иов:

Он вернул тебе молодость,
 но не вернул остального.
 Не желай возвращения,
 попробуй по-новому жить.
 Ну, а я – помогу тебе.

Араб:

Что ж.. Я попробую.

2012

АЛЕКСАНДР МИРОНОВ (1948–2010)

Над Ветхим Заветом

В ночи, рассеянной благоуханным словом,
Господь, как тать, приходит и крадет:
едва заплачешь над Авессаломом,
как молотилка по тебе пройдет.

Пляши, Девора, празднуй новоселье,
играй, Варак, на струнах костяных! —
постылое, кровавое похмелье,
клопные разводы вдоль стены.

Ликуй, Израиль, мы тебя узнали
в предстательстве ангеловидных звезд!
Мхом поросли бумажные скрижали,
разменянные на Сыновий Крест.

Еще скажу одно, но напоследок —
Господень Род певцами знаменит, —
как поражал старух и малых деток
прелестный отрок и певец Давид.

сентябрь 1974

Ночные маневры под Бейт Джубрин

I

Я младшей родины моей
глотал холодный дым
и нелюбимым в дом входил
в котором был любим
где нежная моя жена
смотрела на луну
и снег на блюде принесла
поставила к вину
она крошила снег в кувшин
и ногтем все больней
мне обводила букву «шин»
в сведении бровей
узор ли злой ее смешил
дразнила ли судьбу
но все три когтя буквы «шин»
горели в белом лбу.

II

Я встал запомнить этот сон
и понял где я сам
с ресниц соленый снял песок
и ветошь разбросал
шлем поднял прицепил ремни
и ряд свой отыскал
при пламени прочли: они
сошли уже со скал
но я не слушал а ловил
я взгляд каким из тьмы
смотрело небо свысока
на низкие холмы
и в переносии лица
полнебосводу в рост
трезубец темноты мерцал
меж крепко сжатых звезд.

III

А нам читали: прорвались
они за Иордан
а сколько их а кто они
а кто же их видал?
огни горели на дымы
как должные сгорать
а мы — а несравненны мы
в искусстве умирать

в котором нам еще вчера
победа отдана
играй военная игра
игорная война
где мертвые встают а там
и ты встаешь сейчас
мы хорошо умрем потом
и в следующий раз!

IV

И я пройду среди своих
и скарб свой уроню
в колонне панцирных телег
на рыжую броню
уже совсем немолодой
и лекарь полковой
я взял луну над головой
звездой кочевой
луну звездой путевой
луну луну луну!
крошила белый снег жена
и ставила к вину
и головой в пыли ночной
я тряс и замирал
и мотыльки с лица текли
а я не утирал.

V

Как медленно провозят нас
чрез рукотворный лес
а темнота еще темней
с луной из-под небес
и холм на холм менял себя
не узнавая сам
в огромной пляске поднося
нас ближе к небесам
чтоб нас рассматривала тьма
луной своих глазниц
чтоб синий порошок мотыльков
сошел с воздетых лиц
чтоб отпустили нас домой
назад на память прочь
где гладколобый череп мой
катает в детской ночь.

1982

САЛЮТ

Умру поеду поживать
где
тётка всё ещё жива
где
после дождичка в четверг
пускают фейерверк
где
вверх стоит вода Нева
оправив руки в кружева
а за
спиною рукава
на бантик или два
где
город с мясом
как пирог
пусть
на
застеленном столе
и
чем сочельник не предлог
чтобы домой навеселе
себе
родному существу
подарок к Рождеству
обёртку
от медали
которую не дали
фольгу от шоколада
привет из Ленинграда

и то
поеду помирать
где мамы с папою кровать
где
в алом венчике из роз
как Сталин Дед Мороз
и звон стоит от голова
круженья
света белова
и
вся хула и похвала
халва и пахлава
где
из
бенгальского огня
(Господь
не
смей перебивать)
с улыбкой
словно у меня
(умру
поеду
заживать)
где
улыбаясь словно я
как будто улыбаюсь я
ребёнок
смотрит люто

с букетом из салюта
на плитке шоколада
привет из Ленинграда

умру
поеду
поиграть
в
на белых водах
в Ленинград
где я
на эти торжества
сам вроде божества
и я
не отверну лица
в лицо поцеловать отца
вот батюшке награда
а
много и не надо
а
много и не буду
туда смотреть отсюда
сюда
на лилипута
с букетом из салюта
на плитке шоколада
привет
из Ленинграда!

*Иерусалим, январь 1998 –
Куршавель, декабрь 2003*

АРЬЕ РОТМАН (Р. 1953)

Русские евреи

Ветхие ангелы,
ломкие птицы священной крови.
У русских евреев
голые лица,
кустистые брови.

Верные жены,
несчастные дети в смешанных браках.
Забытая мудрость тысячелетий,
старческий запах.

У русских евреев
племянники в штатах, венозные руки.
Дедовский тфилин, талес в заплатах,
гойские внуки.

Когда задернешь
небо в России и крест ей сладишь,
они умрут.
И придет Мессия
прочесть им кадиш.

Столп

В этот день
лица мне кажутся мордами умных зверей.
Лукавства нет в них,
они заводского снега серей.

Помню, и я среди них теснился,
мы были усталым стадом.
Знал я, что Бога нет, но чувствовал, что Он
рядом.

В толще пальто и шапок, в гуще рабочих толп,
пустыни себе взыскаю,
узрел я огненный столп.

Он помавал от неба, звал и кропил огнем,
был он ангелом Божьим,
но я не ведал о Нем.

***

Среди ночи проснулся один.
Шторм.
Стекол оконных дрожь.
Ход истлевающих льдин
на похороны похож.
Зреет утро труда.
Жизнь труд.
Талая, цвета кофе вода
у снежных запруд.

Линии на руке
зачеркнуты.
Будущего не увидеть.
Лед идет по реке.
Холод.
Хочется все отдать.
Городу горожан бедных,
выкрестов царских кровей.

О, всадников медных
Нинвей.

Второе подражание псалму

*Человек — это колодезный
ворот, накручивающий на себя
свою цепь.*

Уж такая хорошая мне далась душа,
Чтоб сквозь щелочки говорить со светом
И, разъеденным воздухом чуть дыша,
Глухо вздрагивать панцирьком нагретым.

Но, Господи, в этот светлый час
Раскрывающихся полночных створок
Стала Тьма Твоя как стеклянный газ,
Как стоящий снег, как парящий порох.

Я сердечный мускул твоей ночи.
Мне не выпутаться из кровеносной сети,
Потому что я не был нигде на свете,
Кроме тьмы и сверкающей в ней свечи.

Ведь такая душа только там сильна —
В этом свернутом, влажном, слепом, соленом,
Потому что выковырянная, она
Как простой слизняк на ноже каленом.

То, что знаю, — пора уж! — и Ты узнай:
Я боюсь оказаться в уже дребезжащем варе...
Вот, другую — прошу я — стеклянную душу дай,
Рассыпающуюся при ударе...

1986

Младенец

Осыпается мгла с небес
На поставивший мрежи лес,
И глазницы иссякших звезд
Стали пенно-зыбки.
А младенец, плывя вверху,
Сеет светлой рукой труху
Из жемчужной зыбки.

Видно, свод полунощный — ветх,
Иссыкает и мякнет верх —
Так воздушный редеет мост

Над всходящим низом.
Видно: вышелушилась тьма,
В зернах — свет, и дрожит тесьма,
Куда он нанизан.

А младенец плывет вверху,
Сея светлой рукой труху,
Осыпающуюся на лес,
Что сетцы раскинул.
Иссыкает небесный Нил;
Кто бы люльку остановил
И младенца вынул?

Ведь и есть-то лишь лес один,
Где спасется наш господин,
Его ищут и там, и здесь,
Во граде, по полю...
Все оцеплены берега,
И на всех площадях врага
Есть, где встать глаголю.

1986

Еврейское кладбище в Ленинграде

.....
...из всей земли могу назвать своим
Квадратный метр в искривленной ограде,
Где нищий камень слякотью гноим
И смертный сон прерывист, смерти ради,

Где отлетают и душа, и страх
И в черных разделяются вершинах,
Где снова праху возвращают прах
В проклятых глазурованных кувшинах —

Здесь, только здесь, где русской нет земли,
Где только прах под непокрытой клеткой,
Где нашей плотью сосны возросли,
Где воздух бьется нашей кровью редкой,

Я чувствую ту лучевую нить,
Которая — хоть чуть — меня и нудит
Связующую точку охранить.
Но знаю я, что и ее не будет.

Но знаю я, что и сюда придут —
Свернут ограды и надгробья срюют
И, совершая обыденный труд,
Могилы под квартирки перестроят.

1987

Александрийская песня

Узелков мне не надо скользких,
Чтоб казаться себе счастливей,
И, в какую иглу не вденете,
Уже не извиться кротко: —

От семи пирамид московских
По реке перегнивших жнивий
К каменеющей в небе Дельте
Опять привезла меня лодка.

Весь осел опустелый город,
Пересеянный пылью плоской,
Шелковинке не прыгнуть с ветра! —
Что чернеется? Форт ли, Фарос?

И, ко рту притянувши ворот,
Я свечу себе папироской
В море, где ни конца, ни верха...
Господи, хоть бы парус!

Хорошо ли я жил, нетвердый,
Но не винный в грехе Филона
(Я лишь жил и ниточкой вечной
Скоротленный строчил папирус)?

— Хорошо. Я еще не мертвый.
Так еще я смотрю влюбленно
В этот каменный и калечный
Мир, где родился и вырос.

1987

Стихи о небесном наборе

В сердце будет долго дергать холостой курок —
В стеках меда невольный деготь, мертвого снежка творог
Расклиняющая площадь света полоса,
Норовящая уплотнить впалый оттиск колеса.

Разве что-то еще значит и *сейчас*, и *здесь*?
Все кратчайшее оплачет оплывающая взвесь.
Твой хоть ход, да юзом, юзом... как сойти с аза,
Заслезить навстречу музам эти толстые глаза?

Думал, я всецело соткан Божьим пауком
С этим страшным и коротким, с этим русским языком —
Оказалось: только сверху паутинка, связь,
А внутри проходят сверку оттиск-свет и оттиск-грязь.

Не проденешь к сизым звездам мреющую нить:
Разворот навеки сверстан, ни строки не изменить:
Там, в обратных начертаньях, в паровом свинце
Всё. И лучше перестань их проверять — они в конце.

Ну а ты — листок всего лишь, пробная печать.
Что ж ты сам себя неволишь знак за знаком различать?
Что ж ты сам себя морочишь, корчишь немо рот? —
Ничего ты не рассрочишь, лишь испортишь разворот.

А когда настанут сроки падать небесам,
Не сойдутся эти строки: *что ты есть и что ты сам*,
И тогда в беззвездной хмари, тьме повременной,
Память об исчезшей твари, о невнятице земной,
О питье прогорклом невольном, о златом столбе
Станет мучить. Только не с кем будет вспоминать тебе.

1987

МИРИАМ

пьеса в жанре народной комедии

Действующие лица:

МИРИАМ

ОФИЦЕР

АТАМАН

КРАСКОМ

Действие происходит на условно-историческом фоне граж-данской войны. В языке персонажей не следует искать реальных общественных, племенных либо каких иных соответствий.

Театр представляет полутёмную комнату. Вещи: стол, на котором стоит семисвечник, может быть, зажжённый не полностью; самодельная табуретка; трёхрядный могущественный комод; платяной шкаф - двустворчатый, когда-то зеркальный, а ныне - лишь с отливающим жёлтым свечным светом неровным треугольником в правом нижнем углу. В углу сцены, у самой рампы, более или менее никелированная кровать с тускло отсвечивающими шишечками. На кровати - кто-то небольшой лежит, укрытый с головой. В ногах его сидит Мириам.

МИРИАМ. ... значит, жили три козы. Самую маленькую Козюлькой звали, средненькую - Козой, а старшую, огромную такую - как её?.. - ага, Козищей. Ну, жили они, жили... Ну, они паслись. Паслись, паслись... тут трава у них кончилась, нечего есть... Ну, решили идти... искать - ну, где бы чего... Шли, шли, пришли к реке. Быстрая такая речка, камни ворочает. А за речкой - луг. Там трава - самая сладкая, простыни везде развешаны, газеты старые - чтоб жевать, - одно слово - козий рай! И всего столько! - на век хватит! Ну, они - к мосту (*там мост был - узенький, весь качается...*) Ну ладно... Решили, чтоб первая Козюлька шла - она самая маленькая. Ну, значит, Козюлька скачет - цок-цок-цок - по мосту. Только до середины доскакала, из-под моста - раз! - Водяной - огромный... «Я тебя, - говорит, - съем!» «Не ешьте меня, пожалуйста, господин Водяной, - говорит Козюлька. - Я ещё маленькая и очень невкусная. Подождите немножечко, я ещё повкуснею. А вот сюда сейчас моя сестра подойдёт, так она меня гораздо больше - она вкусная...» «Ну, - говорит Водяной, - ладно. Раз так - иди вкусней. Потом поговорим». И Козюлька цок-цок-цок - поскакала через мост. А тут уже бежит - топ-топ-топ - Коза. «Стой! - говорит Водяной. - Я тебя съем!» «Не ешьте меня, пожалуйста, господин Водяной! - говорит Коза. - Я ещё не очень большая и не очень вкусная... А вот сейчас сюда придёт сестра моя - очень-очень большая и чрезвычайно вкусная коза». «М-м, - говорит Водяной, - если будет ещё больше и вкусней... чего ж - эх, проходи!» - и Коза топ-топ-топ - побежала через мост. А тут бух-бух-бух - Козища. «А-а! Вот оно то самое, чего мне и нужно!» - подумал Водяной и кричит: «Стой! Стой! Я тебя съем!» А Козища зарычала, закачала бородой, засверкала глазами и раз! - как подцепит Водяного на свой огромный грязный рог. Подцепила, раскрутила в воздухе и как швырнёт - летел он, голубчик, ровно девять дней и ночей, а куда прилетел и что с ним потом было - не скажу, не знаю сейчас точно. Ну, значит, а сестры встретились на этом самом лугу, обрадовались, стали жить, гулять, есть свою сладкую траву, жевать простыни и газеты и действительно с каждым днём и с каждой ночью становились всё вкуснее и вкуснее.

Выстрелы, лошадиные шаги, дребезжание стекла, шевелится свет свечей.

ОФИЦЕР (*за дверью*). ... караулы. Да, Семененко, вышли ещё разъезд к Маковеевке. Всё.

Распахивает дверь. Наклонясь, входит.

Ух, как сыро... чрезвычайно холодно...

Крупными шагами пересекает комнату, садится в расстёгнутой шинели к столу. Полы шинели распластываются по полу.

(Стаскивая перчатки.) Горячего бы чего... Чаю, что ли...

МИРИАМ. Чаю? Сию минуту, пане начальник. Как раз кипит, вас дожидался, как будто.

ОФИЦЕР. А что, не дожидался?

МИРИАМ. Дожидался-дожидался, пане начальник, вас и дожидался.

Наливает в стакан кипятку. Офицер пьёт, держась обеими руками за стакан и низко наклоня остриженную голову. На столе, в левом ближнем к зрителю углу стоит его фуражка, откуда высовываются, ломая руки, тёмно-жёлтые перчатки.

Так вы надолго к нам, пане начальник?

ОФИЦЕР *(не поднимая головы)*. Как всегда. Навсегда. Ещё.

МИРИАМ наливает ещё.

МИРИАМ. Вот если покушать насчёт, так ничего, извиняюсь, нету. Вчера было яйцо, но кончилось, ей-богу кончилось...

ОФИЦЕР. Не нужно.

Осторожно и твёрдо ставит стакан на стол.

МИРИАМ. Может ещё чего хотите, пане начальник? Говорите, говорите, не стесняйтесь. Только ничего, извиняюсь, нету.

ОФИЦЕР. Да что же ты меня этак страшно всё величаешь? Меня зовут Георгий Викторович. Георгий Викторович. А тебя?

МИРИАМ *(неожиданно спокойно и убедительно)*. А-а, пане начальник, какая разница...

ОФИЦЕР *(растерянно)*. А меня Георгий Викторович...

После непродолжительного молчания.

Ну, а как тут, скажи, у вас дела?

МИРИАМ. Какие дела, пане начальник? У нас, упаси Бог, никаких дел не имеется. Кто вам только сказать мог такое, будто нас якобы дела всякие есть?! Мы люди честные, всякий скажет, всякий... нас тут все знают... - спросите...

ОФИЦЕР. Ладно, ладно...

Чуть-чуть продвигается в её сторону, шагнув сидя, для чего несколько приподнявши задницу и подтащивши под собой табуретку.

А скажи, любезная... Муж-то твой, а? Где муж-то твой? Небось, воюет - все вы теперь герои

краснопузые, а? Комиссар, небось, а?

МИРИАМ. Ни-ни-ни-ни-ни. Боже упаси! Совсем наоборот, пане начальник. Он как раз за вас, очень у вас нужный человек, не сглазить бы. Как раз на той неделе ваши за ним специально приезжали, чтобы *(показывает двумя пальцами)* чик-чик генерала вашего жеребца.

ОФИЦЕР *(ещё несколько продвигаясь в её сторону, благодушно)*. Это что же такое, чик-чик этот?.. *(Привставая.)* Как это генерала?!

МИРИАМ. И полковника тоже, не только генерала - чик-чик.

ОФИЦЕР *(успокоенно)*. А, он парикмахер.

МИРИАМ. Я знаю, как это у вас называется? Может, парикмахер, может, ещё что. Короче, вам там мерины нужны, а муж мой человек известный, лучше его не найти, всякий скажет, всякий...

ОФИЦЕР *(начинает понимать)*. А-а, я начинаю понимать... Он чик-чик *(показывает)*. Он чик-чик *(Смеётся)*.

МИРИАМ. Ну да же! Он из жеребца генерала делает мерина...

ОФИЦЕР *(вскакивает)*. Я тебе запрещаю издеваться над меринами нашей армии! Слышишь?! - запрещаю!

МИРИАМ. Что? Что? Я же ничего такого... Я же...

ОФИЦЕР. Хватит. Если ты мне ещё раз скажешь слово «мерин», я велю тебя наказать. *(Садясь на табуретку.)* Мой долг воспрещает мне ведение подобных разговорчиков!

Ещё чуть-чуть придвигается к ней. Вздыхает.

Ах, как грустна всё же наша солдатская жизнь. Ни семьи, ни дома, ни очага, ничего. Скачешь всё, скачешь куда-то... И нет с тобой рядом никого, кто бы понял тебя, посочувствовал, кто бы прижал твою израненную голову к своему нежному сердцу...

МИРИАМ. Ай-я-яй. Скажите, пожалуйста...

ОФИЦЕР *(ещё придвигаясь)*. Ей-богу! Да! Я прострелен в четырнадцати местах, моя шинель пропахла порохом и кровью, мои руки разучились обнимать женщин, а приучились лишь к шее моего верного коня, четырнадцать раз уносившего меня из кровавых ловушек смерти. Я прямой человек, я солдат, и я скажу...

МИРИАМ, А скажите, пане начальник, конь у вас - жеребец или кобыла?

ОФИЦЕР. Кобыла. Машка. А что?

МИРИАМ. Ничего-ничего, пане начальник. Просто, если у вас там кому-нибудь мерин нужен, то мой муж человек известный, лучше его никто не сделает, всякий скажет...

ОФИЦЕР. Ма-алчать!!! Я уже тебе запретил, кажется, произносить...

МИРИАМ. Извиняюсь, извиняюсь, пане начальник, не буду больше... Значит, вы обнимаете свою кобылу и что же дальше?..

ОФИЦЕР. Дальше? Ну да, я обнимаю свою кобылу и... М-м-м... что же я хотел сказать? Как-то из головы

вылетело...

МИРИАМ. Так вы обнимаете кобылу...

ОФИЦЕР. Да нет же, не кобылу...

МИРИАМ. А кого?

ОФИЦЕР *(оживлённо)* Вот в том-то и дело, дорогая моя, что некого, совершенно некого мне обнять на трудных дорогах войны. И никто меня обнять не может... *(Трагически заслоняет лицо ладонью. Выглядывает.)* То есть понять не может, понять. *(Снова заслоняется.)*

МИРИАМ. Не расстраивайтесь так, пане начальник. Мой муж говорит - а он таки понимает - что кобылы очень умные животные, почти всё понимают, понимаете ли. Да, пане начальник, кстати -

ОФИЦЕР выходит из трагической позы.

если у вашей кобылы будут жеребёночки, то лучше моего мужа никто не примет - у кого хотите спросите. И берёт он недорого...

ОФИЦЕР. Моя кобыла солдат, как и я, и ей сейчас не до жеребят! Но вообще я потом поразмыслю как твоего... этого... пристроить. Может, действительно, кому-нибудь нужен... мерин. Мол-чать!!!

Вскакивает, подбегает к столу и несколько раз стучит по нему кулаком.

А-а, это я сам сказал. Ну неважно.

Снова садится, подвигая при этом табуретку ещё чуть-чуть.

Прошу прощения, нервный, знаете, стал. Так вот - я таки устрою твоему Мойше заме-е-чательную карьеру, - если... мы не поссоримся.

МИРИАМ. Так мы же...

ОФИЦЕР. Я - офицер! Моя честь дворянина и образованного человека не позволяет мне поднять руку на женщину, на этот перл создания и...

МИРИАМ, ...и шмерл творенья.

ОФИЦЕР. Да! Поэтому отдайся мне по-хорошему!

МИРИАМ. Что вы, пане начальник, как можно?!

ОФИЦЕР. Очень просто. Я бы ведь мог тебя изнасиловать, правда? Ведь мог бы, верно? Но я же не стал и не стану, следовательно, я - благородный человек, следовательно - отдайся мне! Всё!

МИРИАМ. Ну нет уж, пане начальник, вы уж меня, пожалуйста, лучше изнасиуйте. Тогда, если придёт мой муж и спросит меня: «Мириам, была ли ты мне верной супругой, скажи, Мириам?!» Я отвечу: «Почти».

ОФИЦЕР. Это как же, почти?

МИРИАМ *(с неопределённым жестом)*. Ну... почти.

ОФИЦЕР. А-а... *(Широко и криво улыбаясь, встаёт и шагает к ней, расставив руки.)* Ну, будем

считать, что я тебя насилую.

МИРИАМ бьёт его коленом в пах.

ОФИЦЕР (*согнувшись и держась обеими руками за пострадавшее место*). Ты что, сука?!

МИРИАМ. Но вы ж меня насилуете, пане начальник!

ОФИЦЕР (*добравшись до табуретки*). Да ты знаешь, что я тебя могу расстрелять или даже повесить? А?! Знаешь?!

МИРИАМ. Никак не можете, пане начальник, как благородный человек. Давайте я замочу какую-нибудь тряпочку - суньте её себе в штаны.

ОФИЦЕР (*его отпустило, он неуверенно встаёт*). Ты шпионка, и я тебя сейчас застрелю.

Скособочась, по самый погон запускает руку в карман шинели.

МИРИАМ. Ай-я-яй, пане начальник. Мой дедушка был поблагородней вас, а он бы уж никогда не стал стрелять в бедную женщину.

ОФИЦЕР. Да как ты смеешь?! (*Судорожно шарит в подкладке.*) Господи, куда он мог подеваться!

МИРИАМ. Мой дедушка, земля ему пухом, никогда не забывал свой револьвер где попало.

ОФИЦЕР (*осторожно садясь на табурет. С надрывом*). Ну откуда, откуда у этого твоего распроклятого старого жида мог взяться револьвер?! Откуда?!

МИРИАМ. Это был его любимый револьвер, из которого он хотел застрелиться, когда мой прадедушка со стороны бабушки, земля ему пухом, не захотел выдать за него бабушку, земля ей пухом, потому что дедушка...

ОФИЦЕР (*язвительно*). Земля ему пухом?

МИРИАМ. Да, пухом - был граф.

ОФИЦЕР. Боже мой, какой граф? Ну какой, какой граф?!

МИРИАМ. Я знаю, какой?! Граф и всё. Граф или князь. По-моему, даже князь. Точно, князь - Хвалынский ему была фамилия.

ОФИЦЕР. Я, я, князь Хвалынский, а ты кто, мать твою?..

МИРИАМ (*спокойно*). Ну, значит, мы родственники. Ай-я-яй, пане начальник, а вы ещё хотели меня расстрелять, повесить и изнасиловать. Очень, очень некрасиво. Благородные люди так не поступают по отношению к своим родственникам, как говорил мой дедушка.

ОФИЦЕР (*обречённо*). Земля ему пухом.

МИРИАМ. Да-а, святой был человек, хороший был еврей, можно сказать. Единственно что, бывало, в синагоге ермолку норовит с головы стянуть, да иногда ещё покреститься потянется. Вспомнит, притворится, что лоб зачесался - и снова сидит, земля ему пухом.

ОФИЦЕР. Но ведь я, я Хвалынский, мы одни Хвалынские, не было такого никогда, я б знал!.. знал!..

МИРИАМ. Вам, наверно, просто не рассказывали, чтоб когда-нибудь сделать сюрприз. Так вам тряпочки не нужно замочить, а? Пане начальник?

ОФИЦЕР (*ещё придвигаясь к ней, уже, кстати, совсем близко*). А знаешь, это даже хорошо, что мы родственники. Поцелуй меня, сестричка, по-братски. Завтра утром твой маленький братик ускачет на своей... белом коне навстречу пулям и саблям, - так что невинный родственный поцелуй его сможет несколько утешить.

МИРИАМ (*отступая*). Как говорил мой дедушка...

ОФИЦЕР. Знаю, знаю про дедушку, земля ему пухом. (*Поёт.*) Ну па-ца-луй!

Встаёт.

МИРИАМ. Ну ладно. Если по-родственному, то я попробую. Только закройте глаза - я стесняюсь...

ОФИЦЕР протягивает руки, старательно жмурится и улыбается. Мириам со всей силы бьёт его коленом в пах. Он приседает и кричит «ох!»

Извиняюсь, пане начальник, я таки, кажется, немножко промахнулась с этим нашим родственным поцелуйчиком.

ОФИЦЕР (*выстывает*). Ну сейчас... я тебя всё-таки застрелю... змея курчавая...

МИРИАМ пытается выбежать из дома, но он, левой рукой держа пострадавшее место, а правой вытаскивая нашедшийся-таки револьвер, догоняет её и отшвыривает от двери.

Ну вот...

Приближается к ней, целясь дрожащим дулом.

За окном слышны выстрелы, крики, конский топот и прочее тому подобное.

МИРИАМ. Что, пане начальник, съели? Наши пришли. Это вас сейчас будут расстреливать и вешать, а не меня.

ОФИЦЕР (*хрипло*). Какие ваши?

МИРИАМ (*неопределённо*). Ну... наши.

ОФИЦЕР машет рукой, выбегает из комнаты, сейчас же вбегает обратно и принимается рысцой бегать по комнате, держась за пострадавшее место и размахивая револьвером.

МИРИАМ. Пане начальник, а пане начальник. Если вы уж очень хотите, то можете в шкаф залезть. (*Раскрывает одну створку.*) Добро пожаловать.

ОФИЦЕР. Ага! - чтобы они взяли меня, как мышь в мышеловке. Ни-ког-да!!! Я буду отстреливаться до последнего патрона, а последним убью тебя, предательница!

МИРИАМ. Не забудьте хорошо закрыть дверцу и, действительно, сидите там как мышка, пане начальник, - земля вам пухом.

ОФИЦЕР, ворча, устраивается в шкафу.

АТАМАН (за дверью). Вы, хлопцы, рубайте, рубайте, я мигом...

Вваливается. На нём расстёгнутый полушубок. В правой руке - обрез, в левой - лимонка. Останавливается на пороге, озираясь.

А, вот тут кто!

Топоча дубовыми сапогами, бежит к Мириам. Та - от него. В результате принимаются бегать вокруг стола. Последующая беседа происходит именно в таком состоянии.

Стой, стой, курьва! Ща рвану! Стой! Стой!

МИРИАМ. Пане начальнику, так вы ж и сами убьётесь, извиняюсь, конечно.

АТАМАН бежит, глядя вверх и назад, на вознесённую над головой гранату. Спотыкается, падает, оставляя руку вверх. Мириам приостанавливается.

АТАМАН (полежав, вскакивает). У-у, зараза!

Бегут.

МИРИАМ. А не сможет чтоб сказать пан начальник - или они будут не с банды Ощепенка часом?

АТАМАН (в утвердительном смысле). Ну. (Взрывает.) Я тебе покажу банду!

МИРИАМ. Извиняюсь, извиняюсь, пане начальнику, - с армии. С армии, с этой... с освободительной, как её...

АТАМАН (несколько умячённо). С хлеборобской освободительной, с хлеборобской. Разумеешь?

МИРИАМ. Ни-и, пане начальнику, не разумею.

АТАМАН. Где ж тебе, нехристь! Оно к тому, шо мы только хлеборобов освобождаем. А всяка друга сволочь сама нехай освобождается, як хочет. Ясно?

МИРИАМ. А, ну ясно. А простите за нескромность, - много уже кого освободили или как? Пане начальнику, а?

АТАМАН. Уж Каменку освободили, а шо?

МИРИАМ. Это ту Каменку, шо у Клячкина Врага, эту Каменку? А Грицька-пасичника, ну, шо мед возит, вы его тоже?..

АТАМАН. Шо тоже?

МИРИАМ. Это... освободили... Его тоже?

АТАМАН. А як же! Сразу же!

МИРИАМ. Ну и как же он теперь, пане начальнику, освобожденный?

АТАМАН (размыслив немного, машет рукой с обрезом). А-а, шо ему, чёрту старому, делается... Как всегда...

Мирное течение беседы прерывается решительным скачком Атамана. В последнее мгновение

Мириам уклоняется. Беготня усиливается. После нескольких кругов Мириам забирается на табуретку, с табуретки - прелестно, по-женски придерживая юбку - на первую ступень трёхрядного комода; подхватывает прислонённый в углу ухват и припиливает им набежавшего атамана за шею к стене.

Пусти, сука!

Хватается зубами за кольцо гранаты и кидает ее в окно. Взрыв. Сыплются стёкла. "Обсвободившейся" рукой перехватывает ухват и в свою очередь припиливает Мириам к комоду, по возможности за талию.

(Сплёвывая кольцо.) Не родилась ще така баба, шоб Ощепенка об'їхать. Ще не родилась!

МИРИАМ *(пытаясь руками отодвинуть от себя ухват)*. Так что - вы и есть тот самый Ощепенко?! Шо ж вы, пане начальнику, сразу не сказали, я ж и не бегала бы зазря. Ай-я-яй-я-яй! Сам батька Ощепенко...

АТАМАН. Шо, слыхали про Ощепенка, идолы?!

МИРИАМ *(старательно-восторженно)*. Ну а як же ж!!! Так я же тогда согласная! Разве ж от Ощепенка убежишь? - всякий скажет...

АТАМАН. Ну, то-то.

Убирает ухват.

МИРИАМ *(боком сползая с комода)*. Что, пане начальнику, я, конечно, извиняюсь, - может, перекусите сперва, чем богаты? Измаялись, верно, гонявши, как заяц, день и ночь, ведь не маль...

АТАМАН. Как кто?!

МИРИАМ. Извиняюсь, извиняюсь, пане начальнику. Как лев. Как тигр. Как орёл.

АТАМАН. Другое дело. *(Засовывает руку в карман полушубка и навлекает ещё одну лимонку.)* Не, не то. *(Суёт обратно, вытаскивает бутылку самогона и ставит на стол.)* Ну шо, давай тогда вечерять, коль такие кренделя.

Снимает полушубок, смотрит куда бы его пристроить, не находит и садится, положив его к себе на колени. Сверху кладёт обрез.

Сидай, молодая.

Он в овчинной безрукавке на алую шелковую рубаху и латаных штанах с лампасами.

МИРИАМ. Пан начальник наверно шутят. Это же можно только стоять, если перед тобой сидят сами пан начальник такими львами, такими тиграми, такими орлами!

АТАМАН. Сидай, сидай... Мы, хлеборобские обсвободительные, не то что эти... или эти...

Наливает самогонку в стакан, стоящий на столе. Роемся в карманах штанов: из одного появляется кривой чёрный сапожный нож, а из другого - шмат сала. Протягивает стакан Мириам.

Накось.

МИРИАМ *деликатно принимает стакан, с мгновенье держит его в вытянутой руке и залпом*

плещет через плечо, ближе к зрительному залу.

Знатно! Приешь-ка! *(Отрезает от сала и протягивает ей на ноже кусок.)*

МИРИАМ. Спаси вас бог, пане начальнику! Всю жизнь мечтала о хорошем куске настоящего домашнего сала. *(Осторожно берёт нож за лезвие, стряхивает сало за плечо и кладёт нож на стол.)* Спасибочки.

АТАМАН наливает себе и опрокидывает. Отхватывает здоровенный кусок сала.

АТАМАН. Ээх, хорошо вошло! У-а! Ну то, давай шо ли?..

МИРИАМ. А вот не скажет пан начальник - вот Каменку вы освободили, вот нас... а вот дальше куда?

АТАМАН. Дальше? Дальше - ясно! Варькин Млын брать станем.

МИРИАМ. А дальше?

АТАМАН, Ну, там по тракту - Сухокурье, Нужный Хищ, Готмитунзовка... так... - а тебе зачем?

МИРИАМ. Пане начальнику, ну, так может, я посылочку с вами передам, если по пути... Двоюродной тёте. И так что ж? и что дальше?

АТАМАН. Дальше?.. - А, эта, - Фифина Пустошь, - знаешь, где Гриценки на курятни колонны с панского дома насобачили... Гыа...

МИРИАМ. Пане начальнику, ну будьте такие хорошие, ну скажите - ну куда, куда дальше?

АТАМАН. А шо тут? За Фифиной Пустошью шо идёт? - о! Москва! Возьмём Москву-матушку, освободим ее от комиссаров да панов, да и заживём по-хорошему! По-божески заживём. О как! Ну ладно, где тут у тебя, в смысле, ну...

МИРИАМ. А что, пане начальнику, вы в этом разе императором заделаетесь, так я понимаю?

АТАМАН *(лезет в потылицю).* А шо?! Меня народ любит! Может, и поставит меня народ царём, раз он меня любит. А раз поставит, значит, буду стоять. Я - могу. Я - человек известный. Могу и туда, могу и сюда... Куда хочешь могу. Я, например, на германской войне восемь... десят... турков пленил... зараз.

МИРИАМ. Да ну, шутите. Где ж это у вас на германской турки водятся? На германской - германцы водиться должны.

АТАМАН. Фью, глупая. Там разные были. Турки там, германцы, вашего племени были... Вот у нас, к примеру, гражданская щас, так?

МИРИАМ. Ну.

АТАМАН. Во. А у нас господа с товарищами воюют. А граждане отдельно.

МИРИАМ. Граждане? Это как же ж они, извиняюсь, конечно, отдельно?

АТАМАН. Граждане, они хи-итрые. Хлеборобские освободительные, иначе сказать то ись. Они - отдельно. Ну, хорош гуторить, давай ночевать. Мне еще к куме.

МИРИАМ. Пане начальнику, а может вы сейчас к куме, а завтра я в баньку, постелюсь, то-сё... Что ж

такому человеку да неумытой женщиной пользоваться?!

АТАМАН (*кладёт обрез на стол, вешает полушубок за шиворот на левый ближний к зрителю угол стола. Встает*). Это ничего, шо грязная. Меня, брат, простой грязью не поразишь. Вот, помню, на этой, германской, я вовсе черную жинку знавал. Нам союзники прислали их миллион, чтоб, значит, мы ободрели. Я, знаешь, попервой и не поверил изначала. Палец незаметно послюнил и по животу ей потёр - ничего не отходит, чёрная, как есть. Так что баба - она всегда и есть баба.

Подходит к Мириам и берёт её за плечо.

МИРИАМ. Шухер! Заразная я!

АТАМАН отдергивается.

Извиняюсь, - все знают: заразная. От меня ж - как дай вам Бог враги - кто куда... - одни туда, другие - сюда, третьи - ещё куда-нибудь. Зараза - неборимая. В Маковеевке плотника знаете? Как его?.. С крыши ещё свалился - таки от меня заразился.

АТАМАН. И какая ж, разрешите обратиться, хворь тебя гложет? Може и мы какую лекарству сыщем, а?

МИРИАМ. Какую? Какую лекарству, пане начальнику? Если б какой-нибудь меня лекарством брало, так что ж? Враг я, что ли, здоровью своему? Козу бы продала, обстановочку (*делает округлый жест*), всё... А я же говорю: моя болезнь - неборимая, извиняюсь, конечно.

АТАМАН. А я тебя сейчас - излечу. При мне такая особенная лекарства имеется (*присев и зажмурясь, делает «мой меч - твоя голова с плеч»*) - вмиг существенное от несущественного отметёт. Ну-ка, излагай, какая такая твоя есть болезнь.

МИРИАМ. Что вы, пане начальнику, как же ж? Болезнь-то ужасная, несказуемо какая ужасная болезнь. Выговорить невозможно!

АТАМАН. А-а, вон оно шо... Так оно ладно... оно ничего... Я с твоей заразы не боюсь - у меня, к примеру, две такие, несказуемые, с германской ще. Гыа...

МИРИАМ. Ай-я-яй, пане начальнику, что ж вы такое говорите? У вас болезни, можно сказать, простые, общеупотребительные, а моя болезнь ваших таких ста стоит, или больше. Вы ж вслушайтесь только, названье-то какое - презумпция невинности. О как!

АТАМАН. Як? Лгёшь, курьва. Я такую болезнь знаю, оно болезнь благородное, это у нас на германской поручик Чубчиков мучились. А шоб у рыжего Янкеля дочки така хворь образовалась - режьте моё тело, нет веры моей на таковское дело.

МИРИАМ. Пане начальник. Так вы что ж, и папашу моего, выходит, знали, земля ему пухом?..

АТАМАН. Гыа... знал?! Столько б хлопцев к мне в бан... ду-ду-ду, то ись в армию... - сколько мне этот самый Янкель заплат на сапоги перепоставил. Приидешь в город - с поросём там или с чем ещё... - а папаша твой чуть свет уж у базару - полон рот гвоздей. Душевный был... - как сейчас помню. Повезло ему, шо ще до всего этого безобразия Бог прибрал - нынче вашему брату уж вовсе тошно... Ну, хва! Давай лягать!

МИРИАМ (*подростерявшись*). Как же ж, пане начальнику, вы ж папашу моего знавали и что ж?..

АТАМАН (*спокойно*). От, глупая. Я ж тебе говорю - гражданская война щас. Ясно?

МИРИАМ. Ясно. Ясно, ясно, ясно... Ну, пане начальнику, коли вы болезни моей не боитесь и Бога не боитесь, чего ж с вами уж поделаешь? Минуточку, минуточку, сейчас изготовлюсь... Отвернитесь -

туда, туда в уголочек... Во-во.

АТАМАН неохотно и всё время оборачиваясь идёт в предуказанное место.

Не подглядывай, пупсик.

АТАМАН. Только скорее... Я человек немолодой, долго уже ждать не могу.

МИРИАМ подходит к углу, наклоняется, что-то делает, перебегает комнату наискосок и повторяет свои манипуляции. Затем возвращается к столу и взлезает на табуретку.

МИРИАМ (медленно). Ну, вот и всё. Я готова. Можете уже оборачиваться.

АТАМАН (оборачиваясь). Ты шо? Шуток со мной шутить?! Я тебя...

МИРИАМ. Замолкни, человек. Недостойный раб. Знаешь ли, за кем вздумал ухаживать, знаешь? Ага, не знаешь! - Я ведь сама ваша святая-пересвятая богородица. Сошла я в эту вашу земную юдоль, сошла, чтоб ободрить страждущих и покарать преступных... а ты, вошь, под юбку путаешься?

АТАМАН (после замешательства). Ах ты, морда...

МИРИАМ. Не вякай, червь... Гляди.

Делает крупный шаг и застывает в воздухе приблизительно в полуметре от пола.

АТАМАН (Мелко и часто крестясь). Господи-боже, господи-боже, господи-боже...

МИРИАМ (нравоучительно). То-то же!

АТАМАН (валясь на колени). Матенька!.. (Пытается в этом положении ползти.)

МИРИАМ. Т-ш... Не приближайся, дурнопах. А то попрошу Илью Пророка тебя молнией трахнуть.

АТАМАН. Матенька!.. (Стучается лбом об пол.)

МИРИАМ. Я-то матенька... Вот что тебе батенька скажет, ироду?.. Ну, пока я добрая, кыш отсюда.

АТАМАН взвывает и бросается к выходу. Зацепляется за верёвку и падает. Мириам, естественно, тоже. Она сидит на полу, раздвинув ноги под платьем, и весело смеётся.

Какие ж вы, пане начальнику, всё ж таки кретины - это ж мамочки мои родные!

АТАМАН (очумело). Га?!? - Га!!!

Прыгает к столу, хватает обрез и передёргивает затвор. Наставляет обрез на Мириам. Та смеётся.

Ну, ща я тебя в бога мать...

МИРИАМ (спокойно). Ни-и... Слышите?

АТАМАН (озирается). Шо?

За окном выстрелы, крики, скрежет сабель и т.д.

МИРИАМ. Это наши. Это, извиняюсь, конечно, Илья Пророк скачет.

АТАМАН сует голову в окошко, принимает её обратно, несколько раз стреляет наружу.

АТАМАН. Окрутили, прижали, отрезали! Обманули Ощепенка! А ты что лыбишься, курлядь?

МИРИАМ (*вставая с полу*), Знаете-ка что, пане начальнику? - Не грубите. Будете грубить - вас таки вздёрнут на фонаре - вон там, у рынка, под каким мой папаша сапоги ваши чинил, - хотите? Ну ладно, ладно... залазьте-ка лучше в шкаф. (*Открывает вторую створку.*)

АТАМАН стреляет в окно, останавливается, что-то соображая, и залезает в шкаф,

АТАМАН. Спаси тебя Бог, дочка.

МИРИАМ (*закрывая дверцу*). Исключительно в память о папаше... царство ему небесное...

КРАСКОМ (*в дверях*). Разрешите, хозяйюшка? (*Входит.*)

Он в мятых галифе и намертво застёгнутом френче. К боку пришпилена шашка.

МИРИАМ (*подходит к столу и приостанавливается*). Милости просим, милости просим... Пожалуйста, пожалуйста, пан начальник.

КРАСКОМ. Ну, какой же я пан, голубушка, ну какой пан? Вы что ж, не видите? (*Показывает на себя руками.*) - Товарищ я. Товарищ Гусев. (*Подает ей руку.*) А вас-то как, товарищ?

МИРИАМ. Извиняюсь, руки у меня грязные. (*Берёт протянутое за обшлаг и несколько раз стряхивает.*)

КРАСКОМ. Так ведь и у меня, чай, не одеколонные! Как раз выйдет настоящее пролетарское рукопожатье. Это буржуи пусть... У них заведено, чтоб руки друг дружке лизать, они пусть и скоблятся, как чесоточные. А нам такая хворь ни к чему... Верно я говорю?

МИРИАМ. О, пан начальник, как вы правы, как правы! (*Хочет выйти из комнаты.*)

КРАСКОМ. Стой! Куда?

МИРИАМ. Как куда? На двор пойду... таки попачкаюсь, как надлежит...

КРАСКОМ. Не-надо-не-надо. В таких делах нарочитость, она всегда подозрительна - ещё подумают, что примазываешься. Пусть всё естественно проистекает... верно я говорю?

МИРИАМ. Ну, вам виднее... Воля ваша... И так что, пан начальник, может нужно чего? Могу кипяточку... что ещё? - Ещё кипяточку могу... А... - вот, водочки хотите?

КРАСКОМ. Сначала знаешь, чего попрошу - водицы, горячей - в тазик или ещё куда... ну, чтоб ноги поставить. А то, знаешь, скакаше, скакаше, конечностями страдаше... Сапоги, чёрт, жмут, заразы белогвардейские.

МИРИАМ. А? - Мигом.

МИРИАМ проворит ванночку. Краском, чертыхаясь и приговаривая «дворянское копыто» и «сопля голландская», стаскивает блестящие длинные сапоги со шпорами и, накрывая, как фокусник, портянками, ставит их аккуратно к левой ближней к зрителю ножке стола. Сидит на табуретке,

вертя на весу большими пухлыми ногами. Мириам приносит тазик.

КРАСКОМ. Пх-х-х... Мерси, товарищ...

МИРИАМ. Ой, пан начальник! Так они же ж у вас отмоются! Или ноги можно?

КРАСКОМ (*выдёргивая ноги из тазика*). А?! Что?! (*Кладёт обратно.*) Не... ноги можно... А скажите, голубушка, сейчас у вас тут какие настроения? Например, нашим приходом довольны... из беднейших слоев которые?

МИРИАМ. Так вы ж, пан начальник, едва, извиняюсь, пришли, только-только, можно сказать, ноги в тазик сунули - кто ж вас знает...

КРАСКОМ. Нас-то всякий знает... можно сказать, наше дело такое... Вот вас тут всех бы узнать... - не навредило. Ну-с, так и запишем: умонастроения мелкобуржуазные.

МИРИАМ. А это, пан начальник, хорошо или плохо, а?

КРАСКОМ. А это, красавица, с какой стороны глянуть: с одной - может статься, конечно, и хорошо, а с другой... - ну, с той, пожалуй что и неважно.

МИРИАМ. А вы, пан начальник, с какой стороны смотреть станете, извиняюсь, конечно?

КРАСКОМ. А я, рыбушка, диалектически - в плане... ну, тактической стратегии...

МИРИАМ. А-а... Ну, ясно...

КРАСКОМ твёрдой рукой наполняет стакан.

А не скажете, извиняюсь, конечно, - вот вы сюда пришли, а дальше куда?

КРАСКОМ. А мы, цыпушка, здесь сосредоточимся (*выпивает.*) Здесь хорошо.

После непродолжительного молчания.

МИРИАМ. А-а... Ну, ясно... Пан начальник, вот вы, кажется, думаете, что мы за них...

КРАСКОМ. Не-а, не думаю.

МИРИАМ. ... а мы за вас...

После непродолжительного молчания.

Пан начальник, а вот комбриг у вас случайно не товарищ Будённый?

КРАСКОМ (*вырезая из сала аккуратную пирамидку*). Не-а.

МИРИАМ. А кто?

КРАСКОМ (*засовывая пирамидку в рот*). Это, дорогой товарищ, - секрет.

МИРИАМ (*радостно*). Так мой же папаша, земля ему пухом... с дорогим товарищем Секретом вместе - ещё при царе - в тюрьме сидели, и кстати...

КРАСКОМ (*жуя*). В тюрьмах... много всяких... сидит...

МИРИАМ. А-а... ну ясно...

После непродолжительного молчания.

КРАСКОМ. Любушка, а покушать бы... ещё... не найдёшь чего... а то я свою пайку подарил... сироткам тут одним...

МИРИАМ (*вяло*). Было вчера яйцо, но кончилось, истинный Бог, кончилось.

КРАСКОМ. Ах ты, жалость какая... Ну ладно... А хлебца, знаешь, кусочек... нету?

МИРИАМ вынимает из комода небольшой кусок чёрного хлеба, накалывает на извлечённую оттуда же вилку и преподносит Краскому.

Благодарствуйте, хозяйюшка (*Жуёт.*) Милушка, водички не плеснёте ещё?.. - Стынет...

МИРИАМ подливает из чайника. Краском шлёпает ногами в тазу и ахает.

Пх-х-х... хорошо... Осторожно, осторожно!.. Хорошо... А вообще вы тут плохо что-то живёте. Ну ничего, скоро будете жить ещё лучше... А скажите-ка, птицушка, вот вы вроде как беднячка и всё такое... хорошо... - а чего ж это вы в нас из окошек стреляете? А?! Кто вас одурманивает? А?!

МИРИАМ. Я стреляю?! Боже упаси, пан начальник, - я ж и с какого конца заряжать его знать не знаю...

КРАСКОМ. Вот я и говорю: заряжал-то некто иной, в ваш бедняцкий одураченный палец всего лишь послушно нажимал собачку.

МИРИАМ. Чего нажимал?

КРАСКОМ. Собачку (*показывает указательным пальцем.*) А хлебцу не сыщете ещё - чуть-чуть?.. - А то я свою пайку подарил... сироткам тут одним...

МИРИАМ описанным уже манером удовлетворяет его просьбу.

(Поощрительно.) И ну...

МИРИАМ. Что «и ну»?

КРАСКОМ. Как что? - Фамилии, явки, пароли.

Вынимает из нагрудного кармана маленькую записную книжку и карандаш.

МИРИАМ. Шутите, пан начальник. То, верно, не с моего окошка стреляли... истинный бог, не с моего - мы ж за вас.

КРАСКОМ (*мрачно*). Со всех окошек стреляли. Ну-с - скоренько: кто даёт задания, когда он у тебя бывает, сколько тебе заплатили.

МИРИАМ. Чего ж с вами сделаешь, пан начальник... Да! да! да! - приходил... этот... - Колчак... позавчера. Мириам, говорит, взорви железную дорожку...

КРАСКОМ (*пишет*). Же-лез-ную до-рогу. Ну?

МИРИАМ. ... будь другом, Мириам! Ну, я взорвала, конечно, - мне что, жалко?

КРАСКОМ. Гражданочка, это как же - Колчак, а? Колчак - в Омске, а вы - здесь, а?

МИРИАМ. Так лаз у него (*тычет пальцем в пол*) с-под самого Омску. (*Нагибается и приподнимает крышку.*)

КРАСКОМ (*машет рукой*). Закрой же, закрой...

МИРИАМ закрывает подпол.

Так вот, гражданочка, вы меня не путайте - это я взорвал железную дорогу, а не вы.

МИРИАМ. Ну, и я.

КРАСКОМ. Но мы же не могли взорвать одновременно одну и ту же железную дорогу, ведь верно? - А второй тут нет, так? Ну, что?!

МИРИАМ. Пан начальник, таки я вам больше того скажу - здесь и одной нет. Её ж до войны ещё не построили - ну, забыли. Только станцию построили и железак наложили в степу... А потом... то, сё...

КРАСКОМ {в сердцах}. Проклятый царизм! Козушка, водички, а?

МИРИАМ плещет.

Нет, вы подумайте - всё разворовали, гниды, у-у... А мы-то с вами старались, взрывали... Знаете что?

МИРИАМ. Что?

КРАСКОМ (*засовывая книжечку и карандаш обратно в нагрудный карман*). Выходите за меня замуж.

МИРИАМ. Ой.

КРАСКОМ. Вы беднячкаб и я бедняк. Вы из окошка не стреляли...

МИРИАМ (*быстро*). А вы в окошко не стреляли?

КРАСКОМ (*быстро*). В ваше - не стрелял.

МИРИАМ. А Колчак?

КРАСКОМ. Что Колчак? Колчак - в Омске, а я - здесь.

МИРИАМ несколько пятится.

Хлебцу ещё кусочек, а? А то я тут...

МИРИАМ приносит. Краском жуёт, держа букет вилок.

Не хочешь? А может, ты всё-таки стреляла, а? Стреляла?

МИРИАМ. Я-то, конечно, хочу... вот муж мой..

КРАСКОМ. А-а, так это твой бывший муж стрелял?

МИРИАМ (*растерянно*). Почему бывший?

КРАСКОМ. Вот чего, лапушка! Я сейчас только ногами отойду, мы свадьбу сыграем, а завтра с утра и обкрутимся, - у нас в полку в канцелярии и обкрутимся, - у нас там писарь есть, товарищ Фарш - ну замечательно обкручивает, замечательно!

МИРИАМ. Как же? Сначала свадьба, потом венчаться... - как же это?

КРАСКОМ. Ну это ерунда, просто порядок такой... у нас в полку... Так что, решено?

МИРИАМ. Так муж мой...

КРАСКОМ. Разведём! В нашей канцелярии и разведём, У тебя (*тычет в сторону кровати*) пацан или девка? - Ну, всё равно усыновлю! -

МИРИАМ. Не усыновите.

КРАСКОМ. Почему ж это не усыновлю? Обязательно усыновлю! По законам военного времени!

МИРИАМ (*отстраненно*). Потому что вчера утром его убили, выскочил сдуру в огород, скакали там задами какие-то... ну, стрельнули... Хорошо - сразу...

КРАСКОМ. А я его всё равно усыновлю! Посмертно, а?!

МИРИАМ неторопливо подходит к окну и долго смотрит.

Ну, чего там?

МИРИАМ (*отстранение*). Идут.

КРАСКОМ. Кто, кто идёт?

МИРИАМ (*отстраненно*). Я знаю?

КРАСКОМ вскакивает, со звоном бросает вилки на пол, а сам, брызгая и шлёпая босыми распаренными ногами, бежит к окну.

КРАСКОМ. А!!!

Шашку - наголо и бегом к двери. У порога на мгновение замирает столбиком я - обратно, к окну.

Наши!!! Нет, не наши. А!!!

Снова подбегает к двери. За окном пулемётная очередь. Бежит обратно. Конский цокот, крики, взрывы. Бежит к двери, застывает на пороге и вдруг решительно прыгает к шкафу. Распахивает дверцы. Из шкафа синхронно вышагивают офицер с револьвером и атаман с обрезом. Быстренькая немая сценка, во время которой участники в основном прислушиваются к окну, где, не оборачиваясь, стоит Мириам.

Потом, потом!!!

Заталкивает их, несильно-то сопротивляющихся, обратно в шкаф: сам забирается следом и захлопывает дверцы изнутри. Дверцы не захлопываются, потому что наружу вылезает конец шашки. Мириам медленно отходит от окна, прилежно всовывает шашку в шкаф, притискивает

плечом дверцы и идёт садиться на табуретку.

Звуки за окном равномерно усиливаются. Одновременно с ними, именно одновременно, а не поверх, - мужской голос начинает читать стихи; на их предпоследней строчке постоянно до того момента усиливающиеся звуки из окна резко обрываются. Последняя строчка идёт в полной тишине на падающей интонации.

Гвоздь поёт, входя в дощечку;
Свет поёт, садясь на пол;
Дым поёт, идя сквозь печку;
Жук по стёклышку пошёл.

Дождь идёт по ветхим кронам;
Конь стоит по-над рекой;
Лён идёт полком зелёным;
Конь стоит по-над рекой.

Стол идёт на все четыре;
Конь стоит по-над рекой;
Стул шагает по квартире;
Конь стоит по-над рекой.

Гвоздь молчит, войдя в дощечку.
Свет издыхает, сев на пол.
Дым молчит, пройдя сквозь печку.

Жук со стёклышка сошёл.

КОНЕЦ

Ленинград, весна 1984 г.

МАЛЕНЬКИЙ ПОГРОМ В СТАНЦИОННОМ БУФЕТЕ

маленькая еврейская трагедия (1)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Авремл Дворкес, хозяин буфета на станции Дворки.

Двойра, его жена.

Шмулик, их сын.

Янкель, слуга.

Пасулько, телеграфист, Мирон, стрелочник — железнодорожный персонал.

Отец Константин, священник из соседнего села Полянки

Действие происходит в начале первого десятилетия XX века в Российской Империи, на станции Дворки, где поезд останавливается, самое большее, на четырнадцать минут.

Театр представляет комнату, длинную, узкую, расположенную вдоль авансцены. Она освещается двумя керосиновыми лампами — одна в левом углу, на буфете у самой двери. Почти на всю ширину сцены распространяется дощатый незастеленный стол, притиснутый к заднику. В заднике зашторенное окно, рядом висят ходики — семь часов. Посередине стола — вторая лампа. Из прочей обстановки — по краям сцены большое количество табуреток горками (одна на одной) и крупный фикус в кадке, где-нибудь на полу.

Одна табуретка придвинута к столу — на ней косолапо сидит Авремл Дворкес и толстыми пальцами склеивает кольцо из довольно широкой картонной полосы. Дворкес — коротенький, пузатый, с лысиной, поросшей черными перьями. Над ушами — кудлатые, тянущиеся вверх черные крылушки. Под ушами — распространенные, сильно проседевшие бакенбарды, также стремящиеся вверх. Глаза выпуклые, но продолгие, причем продольно стоящие. Зрачки вертятся вокруг самых невообразимых осей и с самой невообразимой скоростью.

Жена Дворкеса, Двойра, моет пол, по каковой причине в поле зрения зрителей пока что лишь ее задняя, но, вообще-то, несомненно, наиболее видная часть.

ДВОРКЕС. *Подкинь-ка мне немножечко ножниц, Двореле, а?— а я зубчики вырезать стану.*

ДВОЙРА (с трудом разгибается — черноволоса, броваста, лицом резка — иронически). *Зубчики?*

ДВОРКЕС. *А что? Или тебе что кажется?— зубчики не нужно? Знаешь что, Двойра, на это я тебе, кажется, скажу тогда...*

ДВОЙРА. *Авремл, а я тебе, кажется, тогда так отвечу: зубчики или незубчики, я лично себе и знать-то даже ненавижу, так что мне никак и казаться не может — зубчики или незубчики. Но как мне может казаться, Авремл — Авремл, слышишь ты еще или нет? — так это то, Авремл, что ты, Авремл, мог бы уже и отстать от женщины, наконец, если уже она моет пол...*

ДВОРКЕС (саркастически). *...наконец!*

ДВОЙРА (наклонившаяся было, быстро разгибается). *И наконец! Да, наконец! А коли жаждешь*

покорячиться сам случайно — так я не возражаю — на пол, на тряпку, на все... а я иду себе вырезать зубчики! (Возвращается к прерванной деятельности.)

ДВОРКЕС (рассудительно). А как же, Двойра, скажи — страшно это узнать интересно — станешь ты вырезать зубчики, когда в тебе... глаз кривой?!

ДВОЙРА (быстро). А в тебе нос.

ДВОРКЕС (осторожно проводя указательным пальцем по своему носовому хребту). Двойра! Я тебя умоляю! Заруби себе, если у тебя есть где: кривой нос пока что ни единому на свете созданию Божью не смог еще воспрепятствовать вырезать зубчики! (Любовно разглядывает на свету керосиновой лампы создание рук своих.)

ДВОЙРА (буквально выстреливается с полу). Авремл!!! А я говорю тебе — таки уже серьезно! — с теми зубчиками лучше отцепись от своей жены, иначе у ней разрыв сердца окажется... и, слышишь, Авремл? — я сейчас же съезжаю к маме, а у ней также окажется разрыв сердца, и...

ДВОРКЕС. А интересно было б узнать, Двореле, скажи мне это, я очень-очень тебя прошу — что же вы с моей тещей, мадам Полянкер, станете себе делать с двумя рваными сердцами и ни с одного рваного рубля денег, а?

ДВОЙРА (звучно шмякает тряпку об пол). Все! Мое терпение на тебя таки исчезло! Прощай!!! (Наклоняется и ожесточенно трет пол.)

ДВОРКЕС (после паузы). Все это страшно хорошо, но где ж тогда наши ножницы, н-н? Двойрочка, скажи мне, я тебе прошу — просит твой муж... слышишь, Двойра, нет?

Молчание.

Ну, тише, тише, что ты кричишь? Я уже иду. Я почти что их уже нашел, сейчас. Сейчас мы с тобой вырежем страшно хорошие зубчики. Да, Двойрочка?

Мадам Дворкес ожесточенно возит тряпкой по полу. Дворкес, осторожно ступая, подходит к буфету и выдвигает один за одним все его многочисленные ящички.

Ну? И где же ж они? Тебе как кажется, а?

ДВОЙРА (снизу, торжествующе). А я, знаешь, у тебя спросить хочу, Авремл, иначе... — раз если уже ты не видишь, чего есть прямо под твоим кривым носом, так у кого ж из нас глаз в таком случае кривой?

Дворкес. В буфете. Их. Нет.

ДВОЙРА. Ха-ха!

ДВОРКЕС. Я не знаю ха-ха или хи-хи, но в буфете их нет, я тебе это говорю!

ДВОЙРА. Он мне это говорит! Слушай, ты как, отстанешь сегодня или же сегодня не отстанешь, скажи сразу, чтоб я уже знала. (Отрывается от своего занятия и подходит к буфету. Оглядывает и по очереди задвигает все его ящички.) Таки да... нет...

ДВОРКЕС. А может быть, ты немножечко там понюхаешь, а, Двореле? У кого-то, я слышал, здесь нос был страшно прямой... Ты нюхай, нюхай, старайся, может, он у тебя покурносеет от усилий... Во станешь красивая! Ц-ц-ц!

ДВОЙРА. Авремл, это тебе такое наказание — Бог забрал у тебя эти ножницы, чтоб ты чрезвычайно задумался за свое отношение к семье.

ДВОРКЕС (жалобно). А зубчики?

Двойра разводит руками, дескать, как ни прискорбно, а придется без зубчиков.

Женщина! Ты отвратительно мне ведешь хозяйство! И где уже мои ножницы! У них как, ноги есть? Они что, сами ушли? (Упирает в Двойру укоряющий перст.) *Женщина! Ты их утерjala!*

ДВОЙРА. А когда я, интересно, что тебе теряла, а? Дай себе вспомнить, ротозев! Это, скорей, ты... да Янкель твой нахальнющий... их пропили!

ДВОРКЕС. Женщина! Я есть владелец питейного заведения, а никак не посетитель такового, — как же я могу что-нибудь пропить?.. а, неумная?

ДВОЙРА. А Янкель твой, он что, тоже уже владелец, н-да? То-то же, я вижу, он здесь всем и распоряжается... а ты скачешь под его дуду!

ДВОРКЕС. Короче, я сейчас вызываю свидетеля Янкеля и рассуждаю все дело по мудрости своей, как царь Соломон.

ДВОЙРА. Из тебя такой же Соломон, как из меня царица Савская... или генерал-губернаторша.

ДВОРКЕС (надменно). Женщина, это несомненно, что ты не царица Савская и даже не генерал-губернаторша. Но что же из этого проистекает. Из этого, жизничка моя, проистекает всего лишь, что я, конечно, не являюсь — как твой муж — царем Савским или генерал-губернатором... Но никто, женщина, ты слышишь это, никто, нигде, а также никогда, опираясь на твое утверждение, не смог бы доказать, что я не есть царь Соломон. (Опережая желаящую нечто ответить Двойру.) Янкель, Янкель!!!

Входит Янкель, насвистывая фрейлахс. Это рыжеватый молодой человек с пейсами, заложенными за уши, и в клетчатом картузе. В нос как будто на треть налита вода, которая и плещется на дне. Заметно хромает. Одет, как и Дворкес, в безрукавку поверх рубахи (только его рубаха поярче) и в мятые штаны.

ЯНКЕЛЬ (весело). Чего это? Изволите чего, пан Дворкес, или как-с?

ДВОРКЕС (строго). Янкель, чрезвычайно себе запомни и раз и навсегда: в еврейском доме не свистят. Свистят лишь одни лишь Иваны!

ЯНКЕЛЬ. Зablуждаетесь, пан Дворкес, Иваны совершенно не свистят, Иваны насвистывают!

ДВОРКЕС. Хм... А раз ты, Янкель, умный такой, ответь-ка мне скорей на один крошечный вопросик: скажите, реб Янкель — а у ножниц есть ноги?

ЯНКЕЛЬ (уверенно). Есть! (Показывает двумя пальцами, какие у ножниц ноги.)

ДВОЙРА. Куда ты задевал наши последние ножницы, выкрест? Отвечай или мы тебя вышвырнем и ты будешь пасти свиней у своих Иванов, раз уже ты так хорошо знаешь, свистят они — или же насвистывают!

ЯНКЕЛЬ. Мадам Дворкес, это же даже совершенно не стоит труда быть выкрестом, чтобы знать, мадам Дворкес, что свиньи — хрюкают, а вовсе не свистят или же насвистывают. (Торопливо.) А ножниц я ваших не трогал, ножницы мне ваши без интереса, мадам Дворкес!

ДВОРКЕС. Но я же должен вырезывать зубчики!!! М-м... Янкель, а у тебя есть ноги?

ЯНКЕЛЬ. Что-то вы сегодня, пан Дворкес, крупно интересуетесь ногами. К чему бы это?

ДВОРКЕС. Я тебя спрашиваю, отвечай как есть. Или как нет.

ЯНКЕЛЬ (неуверенно). Ну... есть...

ДВОРКЕС. Тогда бери их в руки...

ДВОЙРА. А вот этого у него как раз и нехваточка, на горе наше...

ДВОРКЕС. ...и беги в Полянки, к моей теще, мадам Полянкер. За ножницами. И чтоб через сорок минут здесь! Ясно?

ДВОЙРА. Какой ты умный, Авремл! Ты думаешь, тебя Бог не накажет, да? Ты думаешь, что если у этого молодого человека из хорошей семьи одна нога немножко хромает, так ты можешь уже над ним издеваться, как надо мной, да? Ты думаешь, что если я дала ножницы моей маме на несколько дней, чтобы она ногти себе постригла, так ты можешь вырывать их у нее прямо из рук? И скажи мне, умный Авремл, как ты без этого безногого и безрукого Янкеля обслужишь господ с виленского скорого, которые, может быть, захотят скушать куриную ножку или яичко в мешочек? А?!

ЯНКЕЛЬ (лживо-огорченно). Да-а, пан Дворкес, видите, никак... Хотите, я Шмулику скажу... (Торопливо выходя.) Ему нужно даже... навестить свою бабушку... (Уже из-за двери.) Пусть она его таки убедит учиться на раввина, а не на машиниста...

ДВОЙРА. И ты пошлешь ребенка в ночь из-за этих идиотских зубчиков? Одно горе с тобой... Только через мой труп! Слышишь, только через него!

ЯНКЕЛЬ (появляется, в дверях). Мадам Дворкес, если вы хотите лечь трупом, то перегоняйте скорее вашего Шмулика, и лягте... а то он уже наверно у самых Полянок... так дунул... А мы, значит, пока полчаса порепетируем...

ДВОЙРА. Ты слышишь, Авремл, как этот твой Янкель надо мной издевается? Ты его для этого себе нанял, да? Скажи же мне, Авремл, для этого? Сам уже не можешь и его нанял, да?

ЯНКЕЛЬ (преувеличенно-испуганно). Пан Дворкес, так мы с вами не договаривались! Контракт же есть! (Роется в карманах.)

Дворкес пожимает плечами. Пауза.

ДВОЙРА. Ну... я в кухню... Кто-то же должен!.. (Уходя.) Шмулик, если вернется до поезда, шлите ужинать... После мамы у него нет никакого аппетита!!! (Выходит.)

Дворкес садится на свое прежнее место, а Янкель взбирается на другой, левый конец стола и принимается болтать ногами, при этом нарочито хромая.

После непродолжительного молчания.

ЯНКЕЛЬ. Абрам Исаакович, а вот вы когда в последний раз «Критику чистого разума» читали? Скажите.

ДВОРКЕС. Да давненько, Яша, годика четыре как... Сам же знаешь, как это сейчас... — поезд, поезд... Где же здесь?.. А что?

ЯНКЕЛЬ. Да нет, ничего... Так... Я тут просто размыслил... ну, насчет императива, этого... категорического... Ну, чего сейчас-то?.. Хотя, если вы уж так сильно интересуетесь, то... **Все дело в проблеме пола!!!** Что вы себе считаете насчет проблемы пола, Абрам Исаакович? Что?!

ДВОРКЕС. Пола? Проблемы? А вот мы спросим у Двойры сейчас. Двойра!!!

ДВОЙРА (появляясь в дверях). И ну?

ДВОРКЕС. Двойра, скажи, радость моя, а что же ты себе считаешь насчет проблемы пола?

ДВОЙРА (после некоторого внутреннего сосредоточения). Я считаю... я считаю... что должно быть чисто все... а ведь натопчут, заразы... А-а... (Машет рукой, уходит.)

ДВОРКЕС. Вот, Яша, видишь? Вокс популум — не хрен собачий. А вообще-то я тебе, знаешь, прорекомендую чего... категорически... — брось-ка ты чушь эту всю — проблемы-шмомблемы — а примись-ка, знаешь, за серьезные, знаешь, экономические учения... Вот что ты считаешь насчет прибавочной стоимости?

ЯНКЕЛЬ (кричит в сторону). Мадам Дворкес, как вы считаете насчет прибавочной стоимости?

Голос Двойры (из-за стенки, лениво). А что, ты уже сильно переломился, что прибавки хочешь, а, Янкеле? Ты сперва хоть жалованье свое оправдай, котлище бездонное... Ишь, развелось их, желающих... А нет, так катись... нашелся один здесь такой... Шмендрик!

Янкель несколько обескураженно чешет в рыжей шевелюре.

ДВОРКЕС. Да ну ее... вечно она... В шашки, а? А? Разик... до виленского... (Смотрит на ходики.) Есть еще...

Янкель кивает и боком сползает со стола. Берет табуретку и подсаживается к Дворкесу, который в это время оживленно расставляет шашки.

В какой руке?

ЯНКЕЛЬ. Абрам Исаакович, вы ж в тот раз... первые ходили... Теперь я, значит.

ДВОРКЕС. Ничего не значит. Тот — не считается. Ну, в которой? Янкель (неохотно). Ну, в левой...

Дворкес вытаскивает из-под стола руки и разжимает левую ладонь.

А-а, Бог-то правду-то ви-идит! (Начинает осторожно вращать доску.)

Стук за дверью. Дворкес приподнимает голову.

Входная... Я ее запирал, за Шмуликом... Может, это посетители?

ДВОРКЕС. Янкеле, ты меня сметишь до обмирации. Ты когда же в последний раз видел здесь живого посетителя? скажи мне это, Янкель? Посетители сюда не ходят, сюда ходят поезда. А поезд мы бы услышали, — слава Богу, прямо на рельсах живем... Это, наверное, Шмулик... Вернулся... **без ножиц!!!** Ну, я ему сейчас! (Встает.)

Врывается Двойра.

ДВОЙРА (оглядываясь). Это кто?

ДВОРКЕС. Думаешь, я могу по звуку определять — кто? Сама бы отворила, раз интересно... (Янкелю.) Точно, это Шмулик. Нет, сейчас он, как из пушки, полетит назад, к мадам Полянкер... (Двойре.) Не бойся, ему не будет в этом случае слишком жестко.

ДВОЙРА. Авремл, не открывай... а вдруг это погромщики?

ДВОРКЕС (после паузы). Женщина, у тебя есть ум? Какие здесь погромщики? Здесь погромщиков-то... — телеграфист-сопля... голландская... да Мирон-стрелочник. Ну, у этого-то целая черная сотня... мал

мала меньше... вон в огороде по уши... С таким же успехом мы с Янкелем можем на них погром устроить... (Идет к дверям.) А что, ты думаешь, если это погромщики, так они и не войдут, когда я не открою? Так? (Выходит.)

Стук повторяется настойчивей.

ДВОЙРА. *Авремл, не открывай!*

ГОЛОС ДВОРКЕСА. *Сейчас, сейчас...*

Звук откидываемой щеколды. Через некоторое время входят по очереди:

Мирон — кривоногий мужичонка в латаном тулупе и сдвинутом на затылок треухе; телеграфист Пасулько — длинный, лысый, в форме своего ведомства; священник из соседнего села отец Константин — сухонький, с тремя седенькими клочками на маленькой желтой голове (один клочок — на подбородке), в чересчур свободной черной рясе. Обеими руками сжимает большой наперсный крест. Следом за ними всеми — несколько обескураженный Дворкес.

ДВОЙРА. *Эй, Мирон, ты ножищи-то свои вытираешь, а? Рехнулся, да? Твоими-то сапожищами — да по чистому... Уже совсем, что ли?..*

Мирон приостанавливается, с мгновение нерешительно топчется на месте, потом совершает звучный скрипучий шаг.

МИРОН. *Нынче это ничего, мадамочка, потому как, слава тебе, Господи, — погром!!! И так что, не обессудьте уж...*

ПАСУЛКО (выступая вперед, вперевив, тонким голосом). *Не слушайте вы, путает он все, какой погром? (Миرونу.) Ты чего это свинячишь? А? А ну иди утрись, кому говорят! (Остальным.) Не обращайтесь внимания — мужик-с... Лучше позвольте представить вам отца Константина; он ведь нарочно сюда пришел из Полянок — для вас, господин Дворкес!*

ДВОРКЕС. *Для меня? (Подозрительно.) А вы не крестить меня хотите? Если крестить, я не согласен — я воды боюсь, болезнь есть такая, может, слышали?*

ОТЕЦ КОНСТАНТИН. *Ни-ни, что вы, почтенный... Никто вас крестить не собирается, не бойтесь. Я по другому... делу.*

ДВОРКЕС. *Ну и очень прекрасно. Янкель, выпить-закусить! Двойра, что ты стоишь, ровно как статуя? — у нас посетители!*

ПАСУЛКО. *Не беспокойтесь, господин Дворкес, не обращайтесь на нас внимания, занимайтесь своими занятиями, как если нет нас... А мы — тихонько. Нам — только что скорого виленского у вас... дождаться... Не возражаете?*

Двойра обтирает стоящие у стола табуретки. Янкель выносит поднос с бутылкой и тремя рюмками и ставит на левый конец стола.

ДВОРКЕС. *Присаживайтесь, располагайтесь, чувствуйте, как дома, душевно рады... (Священнику.) А все же нельзя ли поинтересоваться, господин священник, — что же это вас в такую нашу занесло, так сказать, глушь, в хаос и запустение, если можно так выразиться?..*

ОТЕЦ КОНСТАНТИН. *Видите ли... как бы это... друг мой...*

ПАСУЛКО. *Позвольте мне, батюшка, ладно?*

ОТЕЦ КОНСТАНТИН. Ну-у...

ПАСУЛЬКО. Мирон, дверь.

Мирон выходит. Звук накидываемой щеколды. Пасулько достает из кармана большой пистолет и, держа его в руках, садится нога за ногу на одну из табуреток.

Видите ли, дорогой господин Дворкес... отец Константин сюда нарочно пришел, чтобы, так сказать, руководить, или, точнее говоря, организовать вам, господин Дворкес, ну... короче говоря... справедливое возмездие за, как всем известно, злодейское распятие Спасителя нашего, ну... этого...

ОТЕЦ КОНСТАНТИН (шепотом). Иисуса Христа...

ПАСУЛЬКО. Совершенно верно. Его. А мы с Мироном, как все, так сказать, слои туземного населения, призваны отцу Константину с его... э-э-э... коллегами... — мы их и ждем — так вот, мы с Мироном призваны им воспомоществовать в этом священном для каждого истинно русского человека предприятии... Ну вот и все. Ф-ф-ф.

ДВОЙРА (после удвоенной паузы). О горе, горе...

ДВОРКЕС. Молчи. (Его зрочки впервые прекращают вращаться.)

Мирон возвращается, грызя большой соленый огурец, прихваченный, очевидно, из кадушки в сенях, и становится у двери.

ПАСУЛЬКО (недовольно оглядываясь). Ну чего, ну чего это вы... словно загрузили, друзья? Я же вас просил, не обращайтесь на нас никакого внимания... Вот вы чем бы занялись, когда б мы не зашли? Н-н?

ЯНКЕЛЬ. Мы хотели репетировать...

ПАСУЛЬКО. Чего делать?

ЯНКЕЛЬ. Репетировать... Ну, мы театр устраиваем иногда... Ну, для себя... Вечера-то длинные... Из Библии всякие сценки.

ОТЕЦ КОНСТАНТИН. Да? Интересно, интересный обряд. И о чем же вы в этот раз хотели?

ЯНКЕЛЬ. Да это не обряд...(2) Мы так, сами по себе... Про пророка Иону... Знаете, может?

ОТЕЦ КОНСТАНТИН (покровительственно). Да уж приходилось.

ДВОРКЕС (со вновь завертевшимися зрочками). А хотите, господин священник, мы для вас...

ДВОЙРА. О Боже... Авремл, ты с ума сошел?

ДВОРКЕС. Молчи. (Священнику.) Так как, а?

Отец Константин смотрит на часы и садится к столу.

Двойра, ты будешь все изобъяснять нашим посетителям, чего они не поймут.

ДВОЙРА. Не буду я им ничего изобъяснять, провались вы все вместе...

ДВОРКЕС. Тогда начинаем, ну-ка, в стороночку, в стороночку... Эй, Мирон, убери-ка там свет, — нужно, слышишь?

Лампа у двери гаснет. Янкель и Дворкес уходят в дальний правый угол сцены. Священник и Пасулько перебираются в левый и садятся там на табуретки.

ДВОЙРА (вяло, монотонно). *Сейчас выйдет начальник корабля, они пророка Иону везут, не куда его Бог послал, а куда-то в другое место. Ну, Бог и устроил им бурю...* (Отворачивается, закрывает лицо руками и так перебрывает в ближний правый угол.)

В это время выходит Дворкес — это Иона — и ложится на пол, спиной к зрителям, чуть левее середины сцены. А на середину выходит Начальник корабля.

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ (его изображает Янкель, надевший для сей цели синусоидальную бескозырку с тусклой надписью «БЕЗСТРАШНЫЙ»).

*Рогатое, черное море
Стало пред душой,
Завинтилось воронкой большой
В бело-сером соре.
И возглас я не слышу свой —
Крови только запах из воды.
Клонятся горные сады
Сизой листвой костяной.*

*Зерцальные черные брызги
В померкших воздухах стоят.
Мачты незапные взвизги
Сердца срывают у наяд.
О, ветер кружится, кружится? —
Скрутился в конус моря диск.
И на небо небо ложится. —
И небеса катятся вниз.*

*Валов раскрошённые гребни —
Черные! — сверкают у виска.
В сердцевинах их ослепли
Литые два зрачка.
Мир нисходит внутрь.
Бледнеет в бездны вход.
Нет, никому не развернуть
Бесповоротных вод.*

*Этот запах страшный —
Колокольный запах тьмы!
Смерти вчерашней
Запах, запах катится от тьмы.
Кто бы ни пришел вослед,
И кто бы ни приплыл сюда... —
Вчера случившаяся смерть не оставляет след. —
Нет ни следа.*

Пауза.

(Бредет по сцене, скрючившись с отвратительным выражением. лица.) *Ой, тошно...* (Берется обеими руками за живот.) *Ой, не могу...* (Добредает до Ионы, почти что спотыкается об него.) *А это чего такое?! Дрыхнеть... Растолкать его, что ль... а то и как тонуть станем не заинтересуется.* (Трясет Иону за плечо.) *Э-э-э, дядя...*

ИОНА (перекатываясь на спину и приподнимаясь на обоих локтях). *А?*

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ. Дяденька, вам как, не тошно, нет?

ИОНА (равнодушно). Ну есть... мутит... а чего?

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ. А чего ж лежите, ровно труп?

ИОНА. А чего ж бы и нет, ежели я им все равно скоро стану. (Ложится и отворачивается.)

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ (покрутив пальцем себе у виска, снова трясет Иону). Э-э, дяденька... подъем!

ИОНА (та же игра, что и при первом обращении к нему). Ты как, с ума спятил, будильником себя вообразил, да?

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ (решительно). Дяденька, Бог есть?

ИОНА (после некоторой заминки встает и принимается преувеличенно-тщательно заглядывать под табуретки и стол). Ха... был, кажется... А тебе-то на что, а? А?

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ. Дяденька, а если попросить Его, ну... не тонуть чтобы...

ИОНА. И что ж... Хорошее дело. Попросите.

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ. Не-е... **вы** попросите, мы чего... мы-то просили уже...

ИОНА. Меня не послушается, такие, знаешь, дела.

Начальник корабля. Отчего ж это, дяденька?

ИОНА. А чего ж Ему... меня слушаться?.. я ж Его... не слушаюсь...

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ. А чего ж вы Его не слушаетесь, дяденька? Это ж нехорошо!

ИОНА (мрачно). У нас свои дела.

Начальник корабля пожимает плечами и отходит. Постояв несколько мгновений в стороне, снова приближается к Ионе.

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ. Дяденька... мы тут жребий бросали... ну, на морского... вышло... — вы!

ИОНА. Я? Чего ж это я?

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ. Ну... из-за вас...

ИОНА. Из-за меня? Чего ж это из-за меня?

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ (неожиданно агрессивно). А **все** из-за вас! А-а? **Все!** (Кривится, отворачивает голову и хватается за живот.) **Все-о-о из-за вас!** (Сжимает Ионино плечо и громко шепчет в Ионино ухо.) **Пятый!**

ИОНА. Кто «пятый»? Э-э! Скажи, как люди — что такое — пятый?

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ (еще более громким, сипящим шепотом). Вал... Пятый!

ИОНА. М-м-м... все еще пятый?.. (Вздыхает.) Ну ничего, не дрейфи, есть еще, время-то... Четыре еще

валика целых... А?.. Не горюй, все сладится...

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ (всплескивая руками). О боги!

ИОНА (медленно встает и говорит, глядя прямо перед собой).

Жизнь сказала: «Я ли уж не ласкова?
«Я ли уж тебя не сторожу?
«Хитростней узорочья дамасского
«Древо крови я в тебя вложу.
«Все обсыплю черной скользкой ягодой,
«А поверх — зеркальная пыльца...
«Только... Господину ты не ябедай,
«Даром не расстраивай Творца!»
— «Я пророк, ушедший от Хозяина,
«Я — еврей, ушедший от Отца...
«Как из алой мглы заря изваяна,
«Так из ней же скатаны сердца.
«Я — как шмель, гудящий озадаченно,
«В средостеньи мира, на цветке;—
«Скрипичная грудка петлей схвачена,
«Нить плывет к невидимой Руке.
«Старую разлучницу лукавую
«Я не стану с Господом мирить!..
«Не грозись наградой да расправою,
«Не колебли золотую нить!
«Ты как хочешь штопай да залатывай
«Хитросплетенья своих тенет...
«Но глаза косые — не закатывай... —
«Я не стану пить твой черный мед!»

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ. И вы не пошли?! О-ох!.. (Отворачивается — то ли он рыдает, то ли его рвет.)

ИОНА (делает шаг к Начальнику корабля, хлопает его по плечу). Да ла-а... Знаешь чего? Бросай за борт меня — и плыви, куда хошь! А? Плыдем-то куда? Н-н?

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ (неуверенно поворачивая голову). В этот... В Фарсис... плывем... и...

ИОНА. Во-во. Вот туда и дуй!

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ (совсем оборачивается и смотрит на Иону). А... может, вы... и ни при чем? Может... еще ничего?.. Знаете, мы еще погребем, покувыркаемся. Ладно?

ИОНА (полублагодарно-полубоженно). Гляди, парень, дело твое. Только сомнительно...

Начальник корабля отходит от Ионы, через несколько мгновений возвращается.

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ. Не-е... ничего не выходит, дядя. Придется, значит, тебя кидать, ты уж на нас не сердись... (Машет рукой.) А-а-а... (Отворачивается.)

ИОНА (гладит его по голове и плечам). Ну-ну, старина, ты чего? Не расстраивайся... У тебя еще куча таких будет... пассажиров... Я сейчас скоренько ухнусь, моречко и утихнет, и вы себе спокойненько пойдетинышки в свой Фарсисик... (Уходит в правый угол.)

НАЧАЛЬНИК КОРАБЛЯ (машет ему вслед и кричит). Зай гизунт, зай гизунт, зай гизунт (3).

Гаснет лампа, стоящая на столе.

ГОЛОС ПАСУЛЬКО. *Мирон, ты там смотри...*

ГОЛОС ДВОЙРЫ. *Ну, они его и выкинули. Но они не виноваты, они хорошие оказались люди, пришлось... А море сразу утихло. А его съел кит. Бог киту сказал, он его и съел. Ну, он теперь в ките.*

Чирк спички. На столе загорается лампа, сначала вовсю, после ее прикручивают до самого маленького накала. В узком желтом столбе становится Иона.

ИОНА (примерно с середины Ионина монолога, лампа начинает постепенно разгораться, и к концу его в комнате восстанавливается прежнее освещение).

*Пять концентрических сердец
Вздоханием одним вздыхало,
И цвел един, един венец
Над свертком мяса и металла;
В горящем масле ледяном,
В пространствах ночи безуханных
Повис оцепеневший дом
На ветхих цепях окаянных.*

*Лучащиеся пузыри
Беззвучно вверх и вниз ходили,
Как очи всех, поводыри
Кого без них вверху водили,
Но света не было от них
В парящих полостях дрожащих,
И дом качался на своих
Зеркальных цепях нисходящих.*

*Растенья дышащие и
Раскрашенные мхи сухие,
Ввернувшись в черные струи,
Об руки бились, как глухие;
Листалась книга черных вод,
И все сердца вздыхали снова
И замирали: пролистнет
Иль нет — единственное слово?
И, краскою сухой шурша,
С изнанки всех великолепий,—
Как на конце карандаша,—
Вращался дом на скрутке цепей.*

*В свеченьи взрезанного дня,
Который — нет еще, не минул —
Мне жить и жить еще, храня
Грозу, что я из моря вынул;
Сей дом из лезвий ледяной,
Как пламенник иного века,
Взошел над черной стороной,
Как бы зажавши человека!*

*За город, скраденный в ночи,—
Рукой раскрашенной махая,
Косись, танцуй и бормочи,
Жена неплодная, плохая;
И пей кровавое вино,
Танцуй при последней дверце!*

*Со внешним сердцем заодно
Вздыхает внутреннее сердце!
А три, оставшихся внизу,
Внизу возропцут разобщенно!
Да! Я унес от них грозу!
Навек ей встать у небосклона!*

(Отходит чуть вправо от своего места, обчищая платье.) *Тьфу, эка она меня харкнула, животная дрянь...*
(Оглядывается, приставив ко лбу козырек из правой руки.) *Ага, а вот и Ниневия. Ну, уж я им... —*
напророчествую, ежели обещался, ух! (Уходит.)

Выходит Царь Ниневийский — это Янкель в картонной короне набекрень, таки без зубчиков. Драпирован
поверх одежды простыней на манер тоги.

ЦАРЬ НИНЕВИЙСКИЙ (выходит на середину сцены и протягивает ораторским жестом руку).

*Ниневийцы! Экие, оказывается (как, кажется, о вас давно уже рассказывается, я только верить не
хотел...), все вы лодыри... и обжоры... и винопийцы!*

*Гопники, золоторотцы, гопстопники, золотари, слепые поводыри, сутенеры, шулеры и
пристанодержатели!*

*Каждый! Каждый! Каждый — позорище для нас, царя, и всех граждан, и для собственных своих, для
родных своих отца да матери, матери!*

Эх, ниневийцы...

*Оказывается, все вы — не кроткие девы, как я думал, а блуд-ники... э-э-э... злодеи... э-э-э... убийцы!
Убийцы?*

*Этакие, оказывается, сколько ни приказывается, а все ж вы убийцы, и блудники, и злодеи, — какие
злодеи! —*

*Что приятнее вас оказываются, представьте, такие вонючие известки... то есть такие известные
вонючки, как эти... э-э-э... зудеи; и, стыдно сказать, трудно, говорю, сказывается, язык аж узлом
завязывается... — халды-балды, без усов, без бороды! — ха, халдеи!*

Ух вы, ассирийцы! —

*Дрянь дрянная! рвань рваная! пьянь пьяная! дрань драная! огородные чучела, чтоб вас испучило,
кровопийцы!*

*Вы... вы... вы... — знаете кто? — совратители малолетних козлов — ме-э! И еще... нет слов!.. ваше
любимое занятие — на труп групповщина, а труп-то мужчина, а-а?*

Изо ртов ваших льется бессмысленнейшая матерщина!

...Итак, наши честнейшие и добрейшие подданные!

*Как следует из вышеизложенного времяпрепровождения вашего непопленного, очевидно (а это
обидно), — вы — адской силе еще при жизни своей грешной поголовно все являетесь отданные!*

И все же... не все же потеряно! не хнычьте растерянно — есть, есть еще время раскаяться.

А кто в чем раскается, ему это-то и отпускается (разрешенье с небес такое спускается!).

*...Приплыл тут в ките недожеванный один господин из языка, известного обрезаньем, и грозился,
друзья дорогие, вам, и — смешно признаться — нам, нам, царю грозился, я говорю, что Бог собрался
заняться морем, гнусом, трусом, гладом, козювцеконепадом, градом, хладом, огнепадом... в общем,
говоря обобщенно, — за все, что воспрещённо, наказаньем; слышите? — наказаньем!*

А звать почтеннейшего сего господина... — знаете небось, известно? — известный Иона-пророк. —

Весь — как сурок, нос — как курок, рот — как сырок, голос — как у сорок. Дней, говорит, сорок — срок!

*Значит так. — Как говорится, придется пока что покориться... — слушайте, слушайте, детки,
гласа Господня!*

*Поелику вчера было рано, завтра станет поганно, единственно, когда еще можно крикнуть «осанна» —
это сегодня. Сегодня и лишь только сегодня!*

*Ассирийцы, так — а ну, кидай на пол всяк, все как один, ваку и гуталин, и бархотки, и сапожные
щетки!*

*Затворяйте лавки да мастерские, вон все наслажденья мирские! Пока не заразные, хватйтесь за
разные предметы священнообразные... эти... как их?!.. (ой, забыл, босяк их...)— а! вспомнил! — эти...
чететки! Сделайтесь все, ровно овечки, кротки!*

*Кстати, об овечках, — и их, и их, и прочий, мясо-молочный и рабочий, крупный, средний и мелкий,
рогатый и безрогий скот, — принудьте-ка также каяться и поститься, и все им простится, и не
сможет вовек прекратиться отел, опорос и окот!*

А пока что нехай и скот пострадает, покуда Иона-пророк за тем, как мы душим порок наблюдает, и все это дело наверх докладает.

...Три дня бедняжка торчал в ките — я имею в виду, в животе, в темноте, в духоте и в вони! — Несладко было Ионе!

А потом таскался три дня еще по нашим скворешникам и нам, грешникам, всякие истины без устали проповедал, — не завтракал, не ужинал, не полдничал, не чаевничал, не ухватывал, не перехватывал, не закусывал, не перекусывал... и обеда ведать не ведал.

Дайте ж хоть денек сроку передохнуть пророку — его законный! — дайте, серьезно!

Бог говорит: кого не люблю, тому голову отрублю! — грозно говорит, грозно! очень грозно!

Грозит пальцем и, подпрыгивая, уходит. На его место выходит Иона и смотрит ему вслед, качая головой.

ПАСУЛЬКО. *А темная все же книга. Библия... Правда, батюшка? «И бе Иона во чреве кита...» А как? кого? — совершенно не ясно! А?*

ОТЕЦ КОНСТАНТИН. *Как же не стыдно, Викентий Леонтьевич?! Не богохульствуйте... хоть сейчас-то... (Дворкесу.) Играйте, играйте, господин Дворкес. Очень интересно, очень!.. А я так прямо наслаждаюсь...*

ПАСУЛЬКО (защищаясь). *Так чего? Я же ничего! Я только сказал — не ясно.*

ДВОЙРА (неожиданно оживленно). *Таки я ж объясняю — эти, которых царь выходил, так эти сразу же все чрезвычайно забоялись, и говорят: не станем больше. И исправилсь подряд — все! Ну, Богу их и стало жалко; думает: не стану Я их казнить, может, правда, исправятся? И не стал. А Ионе ж обидно! Старался же... а теперь? Говорит: так я и знал: Бог-то добрый, а я опять дурак круглый..*

ИОНА. *Танцует блудничка под скрежет и гром,
Под грозные колокола,
И часто дрожит шелковистым бедром,
Как вбитая в сердце стрела.
Но, глядь, — извернется, — и прынет наверх,
Обратно, в распрявленный лук...
...И примешь подарок, последний навек,
Из этих отравленных рук!*

(Сутуло садится на табуретку.)

Выходит Янкель и останавливается около Дворкеса.

ДВОРКЕС. *И что? И так и ломаться перед этими ниневийскими... хулиганами... до самой?.. А? Господи, ждем-то чего?*

ЯНКЕЛЬ. *А что? Хотите, чтоб поскорей всё... в тартарары... — и стар, и млад, и женщины, и дети?*

ДВОРКЕС. *Меня в данном случае интересует только один стар, и только один млад, и только одна женщина, и только один ребенок... который вот-вот воротится... если еще жив он на этом свете. Ты что-нибудь имеешь мне насчет этого... высказать? Ну?*

Янкель пожимает плечами и отходит в тень.

ДВОЙРА. *А Бог ему: неужели это огорчило тебя так сильно?.. А Иона себе решил: хоть здесь все сорок дней проторчу, а догляжу — неужто не разразит Он этот город мерзющий?.. Сидит — смотрит.*

Дворкес отирает ладонью вспотевший лоб.

Это жарко ему очень. Там тогда у них жарко было... очень...

Выходит Янкель, таща кадку с фикусом. Ставит фикус на стол около Дворкеса. Уходит.

ДВОРКЕС. Изломлено небо по молнии вкось,
А в душных колоннах дождя
Следы замечает небесная кость,
С кровавых ступенек сходя.
И красное солнце втекает наверх,
На свой ворочается круг...
...И примешь подарок, последний навек,
Из этих отравленных рук.

Возвращается Янкель.

ДВОЙРА. А Бог видит, что жарко, и вырастил дерево, ну... над Ионой, для тенечка... ну, чтоб прохладно... Иона-то рад... А Бог взял дерево да засушил.

Янкель уносит кадку.

А он в рёв... — жарко, мол.

Янкель возвращается.

ЯНКЕЛЬ. Ну?

ДВОЙРА. А Бог его спрашивает: ты что, из-за дерева расстроился, да? Из-за дерева так сильно расстроился?

ДВОРКЕС. Что «ну»?

ДВОЙРА. А он говорит, что из-за дерева... Ужасно, говорит, расстроился, аж до смерти, во как!

ЯНКЕЛЬ. А вот и «ну»! Слушайте, давайте так — сейчас закончим и все в окошко и...

ДВОРКЕС. Одновременно? А корпуленция моей... пророчицы, а? Да и...

ЯНКЕЛЬ. Ну тогда... знаете что?— к ним пойдем... ну... как бы кланяться—так же положено? Ведь так? Вы человек сильный, пузатый... вы телеграфиста придавите... я как-нибудь с этим придурком... у дверей... а она... — попка. (В той же интонации.) Слышите, хозяйка? — Ну и давай Бог ноги!..

ДВОРКЕС. Да? А он воротится, а нас тут нет?!

ЯНКЕЛЬ. Чудак вы! Да кто ж его сюда пустит? В Полянках-то уже известно!.. Все, наверняка! Это мы... в углу преем, ничего заранее не знаем... Ну что, решено?..

Дворкес разводит руками.

ДВОЙРА. А Бог ему: неужели так сильно ты огорчился за это дурацкое растение? А Иона ему: очень огорчился, даже до смерти. Тогда сказал Господь: ты сожалеешь о растении, над которым не трудился, и которого не растил, которое в одну ночь выросло, и в одну же ночь и пропало. Мне ли не пожалеть Ниневи, города великого, в котором больше ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота? (4)

Дворкес встает и они с Янкелем, кланяясь, начинают приближаться к левому углу сцены. Двойра, не кланяясь,— вслед.

ОТЕЦ КОНСТАНТИН (вскакивая и забегая за спину Пасулько). *Стойте! Стойте!.. Господин Пасулько, они*

хотят на нас напасть. Я слышал!

Зажигается свет у двери. Пасулько встает, доставая из кармана шинели пистолет. Мирон вынимает из-под полы небольшой ломик, причем из рук его падает на пол рюмка.

(Чуть более успокоенно.) Я слышал. У меня, знаете, по еврейскому ниже одиннадцати баллов и отродясь не бывало. (Радостно.) Вот и пригодилось.

ПАСУЛКО (наставляя на Дворкеса и Янкеля свой пистолет). *Чего?! Напасть?! (Машет пистолетом.)*

Дворкес и Янкель заворожено следят за пистолетным дулом.

Они?!

ДВОЙРА (тесно подходя к Дворкесу и Янкелю со спины). *А-а, герои... Цари Соломоны... обмишурились... А все ты, Янкель! Схватим сейчас все по штучке такой... симпатиченькой... пулька называется. Ты как, этого хотел получить? Так? Да, Янкеле?*

ЯНКЕЛЬ (не оборачиваясь и не отрывая взора от пистолета). *Скажите, мадам Дворкес, а вот вы — чего хотели получить, а? Может, букетик роз, или брильянт величиной с бородавку, вон, как у этого (кивает на Пасулько)... или...*

ПАСУЛКО. *Молчать!!! Батюшка, ну же! Чего это они?*

ДВОЙРА. *Дурень! К Шмулику надо было бежать, в Полянки! А теперь...*

ОТЕЦ КОНСТАНТИН (высовываясь из-за Пасулькиной спины). *Знаете, Викентий Леонтьевич, чего-то... Это они как-то не так... Мы не изучали этак... Я хоть ниже одиннадцати... но честно говоря... (Пожимает плечами.)*

МИРОН. *Ваше высокородие... разрешите?.. Я малость... ну... маракую тары-бары-то... ихие... По соседству, значит.*

ПАСУЛКО. *Ну, и чего ж они, н-н?*

МИРОН. *Беспокоются, извиняюсь, за жиденком ихим... Звать Шмулик... В Полянки он сбег... а у этих мамы там есть, и...*

ПАСУЛКО. *В Полянки?! (Смеется.) В Полянки... Эй, кто там, ну-ка, в окошко-то гляньте... в Полянки.*

Янкель забирается на табуретку и, перегнувшись через стол, пытается раздёрнуть шторы и посмотреть в окно.

Ну как? Чего видишь? А? Видишь Полянки?

ЯНКЕЛЬ. *Господи... Горит... Там горит...*

ПАСУЛКО (сентенциозно). *На этот раз, мудрецы вы наши сионские, хитрецы вы наши иерихонские, умники вы наши иерусалимские... — на нашей улице праздник! Все предусмотрено! Ясно? О! То-то же!.. Ну-с, вернемся, стало быть, к нашим мутонам...(5)*

Стук за дверью. Секундное замешательство. Отец Константин стыдливо запускает руку под рясу и вытаскивает луковицу. Щелкает крышкой, смотрит.

ОТЕЦ КОНСТАНТИН. *Не-е... для наших — рано еще. Викентий Леонтьевич, ведь рано, правда? Для*

виленского?..

ПАСУЛЬКО (не успевши съехать с сентенциозного тону). *Поезд, дорогой батюшка... — поезд, он шумит!* (Смотрит на настенные часы.) *Рано, рано...*

Стук повторяется.

Мирон! А ну — атво-о-ряй!

ДВОЙРА (вырываясь из-за спины Дворкеса, кричит). *Шмулик! Шмулик! Уходи!*

Мирон делает движение навстречу ей, загораживая дорогу ломом, как шлагбаумом. Но раньше него Двойра перехватывает и отбрасывает Пасулько. Двойра устаивает на ногах и снова рвется к двери.

Шмулик!!!

Пасулько бьет ее ручкой пистолета по голове. Она падает. Пасулько на нее заинтересованно смотрит. В это мгновение Янкель со звоном и треском проламывает окошко и выкидывается наружу. Пасулько стреляет на звук. Вспрыгивает на стол и несколько раз стреляет вслед Янкелю. Оборачивается, стоя на столе. Дворкес подходит к неподвижно лежащей Двойре и становится на колени.

ДВОРКЕС (медленно раскачиваясь, медленно говорит). *Шма... Ис-роэл...(б) (Визжит.) Шмулик! Убегай!!!*

ПАСУЛЬКО. *Ах так! (Целится.) Ну, гад... Мирон, этого лови, чего стоишь?*

Мирон выбегает, держа ломик, как дротик.

ДВОРКЕС. *Шмулик!!!*

ГОЛОС ЯНКЕЛЯ (за дверью). *Сойте, сойте!*

Входят Мирон, а за ним, обгоняя его, Янкель, нисколько не хромяя, а в джинсах и кожаном пиджаке.

ЯНКЕЛЬ. *Стоп, я говорю! Достаточно! Ну, я скажу... абсолютно никуда... Всё! О!*

Двойра и Дворкес поднимаются с пола. Пасулько слезает со стола. Все, включая Мирона с ломиком на коленях и отца Константина, садятся на табуретки. Янкель перед ними расхаживает.

И что? Вам, очевидно, чудится, что вы сильно ходите за погромщиков? Да? Вы чего отворачиваетесь, это и вас касается... даже в первую очередь.

ОТЕЦ КОНСТАНТИН. *Да я и не отворачиваюсь.*

ЯНКЕЛЬ. *Да? А мне казалось — отворачиваетесь. Так кстати, как вам, Исаак Лазаревич, кажется, а? Вы же священник! Понимаете, священник?! Чего же вы, как старая проститутка... бедрами крутите... бывшими... а? (Показывает, как отец Константин крутит бедрами.) Ха... Это-то еще что, но — Исаак Лазаревич! — под рясу!.. Ну как же, Исаак Лазаревич, под рясу вы залазите? Будто у вас рубчик за чулок заткнут! (Остальным.) А вам смешно, да? смешно? Напрасно! Очень даже напрасно! Вот вы, Эсфирь Самойловна, вы, да... вы. — Вы как падаете? Разве ж так падают? Вас же убивают! Вы ж должны **падать! Па-дать!** (Несколько раз падает и вскакивает, как мячик, приговаривая.) *Во как, во как, во как.* (Снова отцу Константину.) *Да... Так что? Остальное — ничего еще — ладно.* (Снова загорается.) *Вы — священнослужитель и извольте держаться соответственно! Ясно вам, Исаак Лазаревич, н-н?**

ОТЕЦ КОНСТАНТИН. *Так да, ясно... Но...*

ЯНКЕЛЬ. *Никаких «но»! (Пасулько.) Теперь, значит, ты, Зяма. Ты, Зяма, что, с ума прыгнул? Ты чего*

это орать начал?! Ты же интеллигентный человек, те-ле-гра-фист! Ты же идейный черносотенец, ты должен быть убийственно корректный. А ты орешь... Не-е... Работа это, да?.. Нет, все ж самодеятельность, она и есть... (Вздыхает.) А ты, Зильберштейн, а? Зильберштейн, зачем же ты изъясняешься, как лакей, а не как темный, забитый стрелочник? Ну зачем? Ведь...

Дворкес щелкает зажигалкой и закуривает.

А эт-то что такое? Осип Яковлевич! Уж от вас-то... — не ожидал. Сцена — это храм! А еврейская сцена — это еврейский храм, то есть синагога! Осип Яковлевич, вот вы стали бы курить в синагоге? А?

ДВОРКЕС (добродушно соглашается). *Не-е... Не стал бы...* (Но курить не прекращает; впрочем, Янкель его ответом совершенно удовлетворяется.)

ЯНКЕЛЬ. *Вот видите!* (Обращается ко всем, для чего крутит головой.) *Ну, значит так, товарищи... Учтите, пожалуйста, мои замечания и, главное, не забудьте самого главного — у нас погром! Погром! Не закрепощайтесь, ведите себя соответственно!.. Ясно? Согласны со мной, ну и хорошо. Итак, со второго стука в дверь.* (Кричит в сторону.) *Пожалуйста, стук за дверью.* (Забирается на стол и пригибается к окошку.)

Прочие занимают положенные позиции. Стук за дверью.

ДВОЙРА. *Шмулик!*

Пасулько бьет ее ручкой пистолета по голове. Она падает. Пасулько на нее внимательно смотрит. В это мгновение Янкель вываливается в окно с криком: «Эй, кто там, звук!» Звук проламываемого окна. Пасулько оборачивается и стреляет. Подбегает, вспрыгивает на стол и несколько раз стреляет наружу. Оборачивается, стоя на столе. Дворкес подходит к неподвижно лежащей Двойре и становится на колени.

ДВОРКЕС (медленно раскачиваясь, медленно говорит). *Шма... Ис-роэл...* (Визжит.) *Шмулик, убегай!*

ПАСУЛЬКО. *Ах так?* (Целится.) *Ну, гад... Мирон, этого лови, чего стоишь!*

Мирон, держа ломик, как дротик, выбегает.

ДВОРКЕС. *Шмулик!!!*

ПАСУЛЬКО (дергает пистолет обеими руками). *Сейчас, сейчас... Виноват, господин Дворкес, секундочку... Заклинило заразу...* (Виновато.) *Не очень я... что-то... честно ска-зать.*

ДВОРКЕС (очень вежливо). *Пожалуйста... ничего-ничего... я обожду.*

Вваливается Мирон, таща за шиворот вяло упирающегося Янкеля в его обычной одежде.

МИРОН. *Где ж ей, кривулине пархатой... Недалёко ушел, хриstopродавец.* (Толкает Янкеля и тот пришвыривается к уже сгруппировавшимся на полу Двойре и Дворкесу.)

ПАСУЛЬКО (расхаживая по столу). *Батюшка, ну как? Как скажете? Ждать станем или?.. Вообще-то говоря... (Дергает пистолет за ручку.) ...не ах я чего-то... Чего-то я забыл, как показывали они, ну... тогда, помните?*

ОТЕЦ КОНСТАНТИН (щелкая крышкой часов). *Да, кажется, скоро...* (Смотрит.) *Да-да, сию секундочку... Ну, задержатся чуть...* (Решительно.) *Подождем, а то обидятся.*

ПАСУЛЬКО (бросив взгляд на ходики, садится на стол, свесив ноги в кирзовых сапогах, нейдущих к его форме). *Задержаться не должны! Там машинист хороший, сознательный... Мироша, а кстати,*

стучался-то кто? Не видел, не паценок их?

Дворкес приподнимает голову.

МИРОН. *Да не-е, ваше высокородье, не было никого, окромя того черта хромого... Сбег, должно...*

ПАСУЛЬКО. *Ай-яй-яй, куда ж он, молоденький такой, в ночь — и ни тебе мамочки, и ни тебе папочки, и ни тебе... этой...*

МИРОН (услужливо). *Мадам Полянкер, ваше высокородье.*

ПАСУЛЬКО. *Вот-вот, благодарю, дружище, — и ни тебе этой мадам. И что же с ним станется?..*

ЯНКЕЛЬ (с полу). *Он станет революционером и всех вас кокнет, хазеры! (7)*

ДВОРКЕС (вздыхая и опуская голову). *В этом случае из него уже таки наверняка не выйдет раввина...*

ПАСУЛЬКО (игриво). *Отец Константин, вот вы, как законоучитель, как считаете, а? — какое заблуждение наипаче?*

ОТЕЦ КОНСТАНТИН (задумчиво чешет в седых кудерьках). *Да... как вам сказать, господин Пасулько?.. В народе нашем ведь как же говорится, н-н? — а вот как: хрен, говорится, редьки-то он не слаще.*

ЯНКЕЛЬ (с полу). *Нет слаще.*

МИРОН (толкает его сапогом в бок). *Цыц, паразит, не спорь с батюшкой.*

ЯНКЕЛЬ. *Слаще, слаще, слаще!*

Мирон наклоняется и хватает его за грудки.

ПАСУЛЬКО (благодарно). *Да оставь ты его... пусть... Время есть еще... пусть потявкает. Забавно даже...*

Мирон отпускает Янкеля.

Звук быстро наезжающего поезда. Сильный скрежет тормозов.

Тишина. Стук за дверью.

Мечтаешь-то о чем?! — открывай!!! Эй, Мирон! (Отцу Константину.) Слава Богу, дождались. Наши. Я ж говорил — не должны задержаться.

Мирон идет к двери. Резко поворачивается.

МИРОН. *Стоп! (Снова поворачивается к дверям, кричит.) Эй, погромщички! Перерыв! (После паузы зажигается электрический свет.) Полчаса! (Поворачивается.) Ну, а мы... (Снова идет к дверям.) Нет-нет, я передумал... Совсем свободны! До завтра! Слышите?! (Смотрит на наручные часы, поворачивается к присутствующим на сцене.) Ну что, друзья мои? Н-да... Не очень... хорошо! (Выбирает табуретку, садится.) И прежде всего — только что пройденный кусок! (Упирает кулаки, в одном из которых смятый треух, а в другом — ломик, в свои протертые и пузырящиеся коленки. Еще раз смотрит на часы. На ходиках — семь сорок.) Ага. (К находящимся на полу.) А вы чего? Верочка? Денис Антонович, Константин Иванович, вставайте... — всё, остальное завтра. Ох, как скучно все это...*

Янкель и Дворкес встают, отряхиваясь, в то время как Двойра остается лежать.

ЯНКЕЛЬ. Чего, Пал Андреич?

МИРОН (негромко смеется). Да ладно... — завтра, завтра... Только знаете что? Не переодевайтесь вы на лету... в эти... — ну, когда за режиссера... штаны эти... Как же назывались?.. ладно, не важно... Ну — так не нужно, все же неестественно... Вот я — так сказать, за режиссера — и не переодеваюсь...

Янкель хочет что-то сказать.

Все, голубчик, все! Все завтра? (Встает, подходит к Двойре, поднимает ее, целует руку, за которую поднял.) Вера Георгиевна, спасибо. (Всем остальным.) Завтра утренняя... не опаздывайте...

ВСЕ (негромко, впереводку). До свиданья, до свиданья...

Начинают медленно расходиться.

МИРОН (вслед). И не опаздывайте, слышите? Ссылок на электричку — не принимаю!.. (Смотрит, как они расходятся.) Денис! Денис! Секундочку.

Янкель возвращается, все остальные уже тихо вышли.

Знаешь что? Думал я, думал, думал-думал... — нос измени, а? И височки... постриги, хорошо?.. Я, знаешь, читал даже где-то... они вроде курносые были, что ли... или это греки? Ну иди-иди. Завтра.

Янкель кивает и выходит.

Мирон встает и несколько времени стоит посреди комнаты, крутя в руках ломик. Потом кидает его на пол, гасит обе лампы и выходит за Янкелем. Сцена остается пустой насколько возможно долго. Потом гаснет электрический свет. Совершенная тьма. Через несколько мгновений из левого угла — тихое поскребывание, топтание, какой-то лязг, потом медленно визжит дверь, кто-то входит. Чирк спички, зажигается керосиновая лампа у дверей. На пороге — Мальчик лет тринадцати, в полушубке, ушастой шапке и сапогах с калошами. Он останавливается у порога и начинает неловко расстегивать полушубок, все время при этом оглядываясь. Достает из-под тулупа ножницы, протягивает их.

МАЛЬЧИК. *От из дй ферл (8). От из ди ферл! Маме! Папе! (9) От из ди ферл! (Снимает с буфета лампу и, светя себе, начинает медленно ходить по комнате, заглядывая под стол и табуретки.)*

Лампа качается, огонь ее дрожит. Мальчик бормочет.

От из... ди ферл...

Лампа постепенно начинает гаснуть, и наконец комната погружается в полную тьму, где слышно только тихое:

От... из... ди ферл... маме... папе... от из ди... ферл...

Мальчик останавливается, и слышно, как он ставит ненужную уже лампу на пол. Мгновение полной тишины.

(Медленно.) *Шма... Исроэл... от из ди ферл... От из... ди ферл...*

Голос его сначала смешивается с дальним звуком наезжающего поезда. Поезд приближается, звук нарастает и естественно заглушает голос Мальчика. Звук все нарастает, перемежается гудками. Скрежет тормозов. Тишина.

Конец

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

(1) С точки зрения жанра «маленькая еврейская трагедия» есть то же, что «маленькая трагедия», но еврейская.

(2) Традиционный иудаизм был несочетаем с какой-либо театрализацией. Только лишь с XIV—XV вв. появилось обыкновение, очевидно, под влиянием христиан, разыгрывать домашние представления по сюжету библейской книги Есфирь, с которой связан праздник Пурим. Любопытно, что по этому же сюжету составлена и первая пьеса русского театра — «Артаксерксово действо».

(3) Будь здоров (идиш).

(4) Точная цитата, Иона, 4, ст. ст. 9—11; в ст. 9 со слов: «...очень огорчился, даже до смерти».
(Синодальный перевод, Пг., 1918.)

(5) «Мутон» означает «баран» — из французского наречия.

(6) «Шма Исроэл» — молитва, читаемая верующими евреями в предположении скорого наступления смерти или же-.у какого-либо другого крупного несчастья. Вообще-то читается не реже четырех раз в день.

(7) «Хазер» — свинья (идиш).

(8) Вот ножнички (идиш).

(9) Мама! Папа! (идиш).

ПОЛУОСТРОВ ЖИДЯТИН

I

1. КАК ПОКОЙНИК ПИТАЕТСЯ, ТАК ОН И ВЫГЛЯДИВАЕТ

— Слышь, Семеновна, такое чего расскажу... — отпадешь, старая, тут же, вот те крест... Того мальчонка знаешь, зашморканного? ну того, с пакгауза который — по три раза на дню за “Пионерской правдой” ко мне шляется... Ну да знаешь — тихенький такой!.. Так вот: считай, уже недельник его тут не было, с гаком... или того доле, и никто его не видел ... — и продавщица Верка, большим лицом белея, обширной прической желтея из сумеречной глубины ларька “Культтовары. Продукты. Керосин”, ногтем мизинца (в пику заостренным и в черву уклеенным фольговыми сердечками) протолкнула шматок зернисто-черного зельца (на торце дрожаше проткнувшийся и тут же заросший) сквозь горло трехлитровой банки из-под березового сока (наклоненное к ней с внешнего прилавка, окованного радужно-синеватой жостью). — и вообще чего-то не видать... Тебе куском или порезать? ...Не иначе как эти, пакгаузные-то жидята, закололи... — к паске ихней. и она, подпернув марлевые нарукавники, торжественно расширила на мгновенье утратившие голубизну глаза. Невидим за лысым платком и драповой спиной Семеновны, я присел на корточки и, стараясь облачками дыхания не пятнать сияющие задники ее галош, сызнава начал удавливать и ущелкивать обведенные длиннопетлистыми разводами крепления моих курносых лыжек “Карелочка”. Крепления скользили, срывались и больно били по замороженным пальцам.

* * *

По комнате катит (наполняя глаза и наполняясь краями вещей) косая голубоватая полоса, раздвоенная и удвоенная настенным зеркалом. Над моей насморочной переносицей (вогнуто блеснувшей между чуть загнутых вовнутрь толстых рогов подушки). Поверх кроватной спинки (заражая верх ее решетки никелированным блеском; но дырочки от бесповоротно свинченных шариков — черны). Сквозь островерхое бойничное окно (снизу до трети заклопненное занавесочкой — матовой, неровно и мелко вздутой). с чугунного моря, подковой облегшего все еще заснеженный берег. От стоящей у последнего закругления советских морей ордена Боевого Красного Знамени авиаматки “Повесть о настоящем человеке” (эту страшную книгу мне читала позапрошлым летом двоюродная бабушка Циля — о безногом летчике, который съел ежика). у кормы авиаматки — почти что невидимый в световом паре около луча и во внезапной черноте, когда луч минет, — маленький, как лодочка, неэскадренный миноносец “Тридцатилетие Победы”. Через месяц его переименуют в “Сорокалетие”, но это пока военная тайна; когда в окружной комендатуре на Садовой мы получали пропуска в погранзону, то давали подписку ничего такого не видеть и не слышать. Я не давал — как несовершеннолетний пацанчик, сказал дежурный по округу. За меня подписалась Лилька, она уже большая. Практически взрослая — у нее уже есть настоящие груди с сосками, как кончики маленьких копченых сосисок, и муж, Яков Маркович Перманент.

Дверь в кухню слева, понизу и поверху очеркнута светом. За дверью что-то сопит, присвистывает и охает. Потом на секунду замирает и с отшорохом сладко-болезненно чмокает: Яков Маркович Перманент слушает “голоса”. “Ничего не понимаю, Лилькин! Черт знает что такое! Ни шута оно не фурычит! Давно уже богослужение должно было начаться, по Би-Би-Си!” — говорит Яков Маркович Перманент, поднимая от хозяйского радиоприемника “Сакта” — но не оборачивая — свое красноватое лицо с тесным выпуклым лбом и суженной книзу бородкой от середины щек, такой слитной, светлой и твердой, будто ее некогда намылили и так и оставили — не сбритую, но и не ополоснутую.

— Здесь же никогда не глушат, в глуши этой запредельной — не хватало еще тут глушить! Нет, что-то случилось! Ясно как божий день, опять там что-то случилось!

Он снова сгибается — в три или больше погибелей — на екнувшей табуретке и касается надлобным зачесом желто-матерчатого, простроченного поперечными шерстинами переда “Сакты”. Борода, подгибаясь кончиком, скользит по прокуранным клавишам, маленькие пальцы с чистыми

продолговатыми ногтями ожесточенно прокрутывают то влево, то вправо запятнанную влажными полукружьями ручку настройки. По шкале с освещенными изнутри черточками, цифрами, именами иностранных и наших городов мечется стоймя красная нитка. “Тише ты, мальчика разбудишь”, — равнодушно просит Лилька в его окутанный пепельными локонами затылок, поднимает вверх смуглую, тесно осыпанную разновеликими родинками руку в обвалившемся рукаве и несколько раз быстро трется скулой о сборчатое предплечье. Чугунная форточка дровяной плиты приоткрыта, оттуда вылетают сухие длинные искры и падают, исчезая, на жестяную подложку. В гигантской кастрюле (с красными письменными буквами “п/з ПЖ” по боку) плюется и булькает борщ на неделю. Рядом, в эмалированной мисочке, взятой с собой из Ленинграда, третий раз переваривается куриный бульон для Перманента. *Как мужчина может кушать такого супа?* — горячится двоюродная бабушка Фира, когда обсуждает с Бешменчиками Лилькиного мужа: *Это же писи сиротки Хаси! Настоящий суп — это боршит! с мясом!* — *Как покойник питается, так он и выглядывает*, отвечают умные Бешменчики. Мне холодно под семью военными одеялами, в бесконечно высокой комнате, раскочанной голубоватыми полосами с моря. Я напрягаю икры и с силой вытягиваю вперед пальцы ног. Остывшая грелка лежит на животе, как царевна-лягушка.

Там, в кухне, по вспученным доскам весело шаркает (замшевыми тунгусскими тапками с меховыми шариками на высоких подъемах) Лилька, тускло звякает поварешка о худую кастрюльную латунь, фырчит и не фурчит в светлофанерном кожухе доисторическая хозяйская “Сакта”. Яков-то Маркович самоочевидно и сам уж не рад, что сюда нас заволок, в такую запредельную глушь, в пограничную зону за Выборгом, где даже не глушат, — да еще на полный срок весенних каникул. Мы ж не знали, что весной, когда спускает снег и подается лед, здесь, в глубокой России, особенно на берегу, начинает свинцово пахнуть какой-то прошлогодней дрянью: пачками газеты “Красная звезда”, за зиму слежавшимися в серые вихрастые брикеты, полуоттаявшими коровьими лепехами, прошлогодними конскими яблоками, заячьими орешками и смертью. Марта девятого числа, в субботу, он замещал у нас на последнем уроке классную и целый час не по программе рассказывал о взятии Петром Первым бывшей шведской крепости Орешек. Домой пришлось идти вместе — по щелкающему троллейбусными проводами, чмокающему в подошвах набухших бот, косо почирканному хлопчатому, на лету исчезающим снегом Невскому — молча. Но Невский ничем не пахнул, разве только слегка — автобусным выхлопом, слабо — гуталином из ассирийских будочек и прерывисто — жареным животным маслом из пирожковых, чебуречных и пышечных. Не поцеловавшись с зажмурившейся и поднявшей подбородок Лилькой, Перманент пробежал сразу в гостиную, к телевизору — в затуманенных золоченых очках, которые протирал изнутри подушечками больших пальцев, в развевающемся пальто с заискренными снегом плечами, в разваленных по молнии сапожках, оставляющих на паркете жидкие черные подковки. По первой программе — симфонический оркестр в профиль, приоткрыв рот и скосив глаз, смотрит поверх пюпитров и, двигая — кто рукой, кто щекой, — вслушивает увертюру к опере “Хованщина”, по ленинградской — он же и она же, тремя с половиной тактами позже, по третьей — вдруг — пустынные скалы, откуда, треща, вереща и сыпля пухом, пером и пометом, слитно взлетают какие-то неразличимые птицы. Диктор за кадром перхнул и вкусно, придыхающе закончил: *“...но Черноголовые хохотуны долго не живут на этих необитаемых островах”*. Все, Перманент выключил телевизор и сутуло осел на тахту: *Кранты! Значит, и Черненко Ка-У тоже ку-ку. ...В случае чего может начаться кое-чего. Погромы и помолнии... Слава Богу, уже хоть каникулы на носу. Лилькин, знаешь? — давай-ка звони дяде Якову, прямо сейчас, пока еще он на службе, — пусть в пожарном порядке заказывает нам пропуски на Жидятин*. “Каникулы на носу” — это оставалось еще две недели. Я сел в кухне к столу, взял из плетеной корзинки *скибку*, как говорит двоюродная бабушка Бася, черного хлеба по четырнадцать копеек и затер ее набело щекочущей пальцы солью, — а он там, в заслеженной гостиной, все ходил и ходил вокруг Лильки, поворачивающей за ним пушистую белую голову с гладко-блестящими меховыми бровями, такими высокими, что выше не поднимаются даже от изумления (только кожа мучительно сморщивается на круглом маленьком лбу), с полуоткрытыми губами, такими алыми, что кажутся всегда накрашены (за что ее с четвертого класса безвинно ругали на всех родительских собраниях и педсоветах), с запаздывающими волнами у косых скул (*стрижка “каскад”, челочку наверх, ушки пока закроем, три шестьдесят в кассу и рубль мастеру в фирменном салоне на Герцена*), и все что-то объяснял, объяснял своим высоким голосом, густеющим и приостанавливающимся на окончаниях фраз. Вкусное, придыхающее слово “междущарствие”... Ему лучше знать, он же преподает в выпускных классах историю и обществоведение. Если бы на каникулы приехала мама из Коми, я бы лучше остался с ней в городе. Но отчима лягнул мерин похоронной команды, и она не смогла отлучиться с *хими*. Еще три с половиной года. Марианна Яковлевна, мать Перманента,

очень интеллигентная женщина с усами, заведующая родовспоможением Снегиревской больницы, в пожарном порядке сделала ему, и мне заодно, больничный до начала каникул, а Лилька, та все одно дома и только что для стажа числится младшим лаборантом в НИИ хлебопекарной промышленности, поскольку опять провалилась в театральные институт кинематографии и готовится к следующему разу. Отчим обещал устроить ей национальное направление из Коми. Но тут давно уже и каникулы закончились, сегодня шестое уже апреля, я точно знаю, что шестое... а мы все еще здесь, так все и сидим, ждем у моря погоды — на Перманентово счастье в нашей школе объявился под конец каникул карантин по кокандскому коклюшу: к военруку Карлу Яковлевичу приехали из Салехарда племянница с дочкой, и он от них заразился, а сам ходил спать, по домашнему недостатку места, в военный кабинет — на топчан для искусственного дыхания под плакатом “Средства химического поражения”; о том по своим каналам в Горздраве прознала Марианна Яковлевна и сразу же отбила нам на Жидятин телеграмму-молнию. *Уж до пасхи-то точно, Лилькин, пасха-то практически на носу... А там — пускай все еще немножечко утрясется, кто его знает, этого Горбачева-Шморбачева, куда его клонит — все-таки Андропова человек... а мне уже, кстати, давным-давно хотелось хоть разик настоящую всенощную отстоять, по-настоящему, — как говорится, со свечкой в руке, с Евангелием в башке...* “Пасха на носу” — это еще остается недельник с гаком, в поселке еще ни одна собака яйца не красила... Но отчего-то он вернулся сегодня из церкви намного раньше обычного, стуча и отплевываясь, долго отстегивал лыжи в сених пакгауза, еще дольше разматывал желтый шарф с черными длинными кистями, обвивающий его черно— и толстосуконный бушлат (в три широких оборота: от стоячего вокруг бородки воротника — между двухрядных пуговиц с якорьками — до комсоставского ремня с потухшей пряжкой, который мне подарил позапрошлым летом дядя Яков, сын двоюродной бабушки Цици, кавторанг хозяйственной службы)?

“Спишь? — надо мной (разом затмевая зазеркальный/законовый черно-бело-голубой барабан) наклоняется бесцветный шалаш из свисших волос, щекочущих щеки. — Морсу хочешь?” Я не хочу морсу, он холодно липнет к дыханию. “Чаю?” Я не хочу и чаю, он жжет внутренность горла и воняет морской травой. Я хочу новую грелку к ногам и поскорее заснуть. Она присаживается боком на щелкнувшие с отзвоном пружины кровати и приставляет мне ко лбу и к глазам свою недосжатую ладонь, еще пышущую борщовым паром. Отдергивает — ресницы щекочутся. Если бы сегодня пополудни мой нос не заложился козявками (в глубине носоглотки густо-слякотными, кровянисто-зелеными, а ближе к выходам ноздрей зачерствевшими до черных корочек), то я бы услышал от тыла ее ладони слабоудушливый запах маминых польских духов “Быть может”, которых отчим четыре года назад привез с гастролей в городе Цыганомань Калмыкской АССР два ящика — все, что было в тамошнем парфюмерном магазине. Калмыки их не употребляют — чересчур дорогие и чересчур сладкие. В той калмыцкой Цыганомани, рассказывал отчим, не только что пить, но даже и есть нечего, простого хлеба даже нет — сплошная икра зернистая и паюсная да квоялая осетрина оковалками. и “Быть может”. Она вздыхает. Кровать вздыхает звонче. Шажками двух осторожно покалывающих пальцев — будто циркулем “козья ножка” — ищет под самым нижним одеялом грелку, от ног вверх — я с извивом передергиваюсь, грелка скатывается с живота; отыскивается. Дверь, было за нею захлопнувшись, снова с кратким скрежетом приоткрывается. Удлиняющийся треугольник кухонного света вдвигается в комнату и смешивается надо мной с голубоватым с моря. Из скрипичного футляра, неглубоко под кроватью лежащего на полу, к месту их пересечения тянется помятый угол “Каприсов” Паганини, М., “Музгиз”, 1947 г. — как у матроса-балтийца из-под бушлата забрызганный черной кровью треугольник тельняшки. Двубашенный хозяйский буфет поблескивает в застекленной середине разномерной парадной посудой. Когда нас нету дома, Раиса Яковлевна, хозяйка, приходит и пересчитывает тарелки, и блюда с синим кузнецовским клеймом на исподе, и черные петровские стопки. Их три. Они здесь всегда жили, даже при царе и белофиннах. Шепотом: “Тише, не спит же еще. Яник, кончай, — как маленький, ей-богу. Хочешь, я воды согрею, все равно на грелку надо, какая разница, сколько греть, — после ужина оботрешься. Кто их знает, когда они еще баню соберутся топить; Яшка с малым и дров-то не кололи...”

— Ничего, в Ленинграде помоемся. Автобус завтра в девять семнадцать от военморгородка, а в шестнадцать ноль-ноль мы уже отмокаем в родимой ванне, как пламенный друг народа крейсер мой бедный “Марат”! — недовольно отзывается Перманент сквозь треск и завыванье помех, но руку убирает.

— ...Ты что, прямо уже завтра назад хочешь? А я почему узнаю это только сейчас?! Что же борщ... и так дальше?... Ой, а междуцарствие?

Голос у нее делается вкрадчивый, мягкий, скандальный. Ей нравится, что еще три года назад она была ученица Язычник, что, подняв к полуциркульному классному потолку озабоченное круглое лицо и сцепив под передничком руки в свободных маминых кольцах, рассказывала кивающему из-за стола в окошко Якову Марковичу про переход количества в качество и обратно, а сейчас *как не фиг делать* может ему голову намылить. Вдруг она вскидывается раскаянно: “Ты это что, из-за мальчика, да? Что он болен? Так ему с ангиной тоже неизвестно еще, хорошо ли четыре часа в автобусе?.. А до остановки как? На лыжах, что ли, с его температурой? Или его на санках? ...А что я бабушке Циле скажу? Вещи собирать...” Про “качество и количество” я еще, правда, не все знаю, зато “отрицание отрицания” — это плюс, потому что плюс — это перечеркнутый минус.

— Тише ты, дура, тише! При чем тут здесь? Я сегодня в церкви совершенно случайно кое-что такое слышал... — ну неважно, одним словом: скоро тут может стать очень, очень неприятно. ...Вещи, какие можно, оставим пока — дядя Яков подкинет, как в Ленинград поедет. — и его голос снижается до неслышимости.

— Чуть собачья! — заявляет Лилька и в один шаг с оборотом отступает к плите.

А отчего не возвращалась еще с работы хозяйка? Я б услышал скрип лестницы, как она, переставляя со ступеньки на ступеньку матерчатые кошелки, заткнутые газетой “Красная звезда”, подымается вслед за ними, медленно и грузно, к себе на второй этаж. Она на заставе вольнонаемная повараха. Полуидиот Яша, улыбаясь, красными костяшками полусогнутых пальцев деликатно подталкивает ее снизу в поясницу и бормочет-поет: *Ах матка, ах матка, ступенька, гляди, сказал кочегар кочегару... и: Сеструхи, насыпьте братишке борща, сказал кочегар кочегару...* Наш дядя Яков Бравоживотовский, кавторанг хозяйственной службы, устроил его на полставки в гараж — катать баки с соляркой и двигать туда-сюда бронебойные ворота с выпуклыми звездами, крашенными бронзовой краской. За это они нам сдают. К себе на базу ВМФ дядя Яков не мог, потому что Яша с тридцать девятого года и, значит, жил под финской оккупацией, а в погранзону у них допуск как у жителей. На заставе ужин в восемь — значит, давно начался, а посуду ей мыть не надо: у всех пограничников собственные котелки, неизменно пахнущие солидом, и алюминиевая ложка за сапогом — в личное время они сами оттирают ее с помощью песка и снега. Если у них мальчик пропал, чего же в милицию не заявляют? Или они заявили? В зашлагбаумном поселке ее зовут Райка-Жидячиха, но она русская, это у них фамилия такая странная: “Жидята” — как “опята”. Я у них наверху еще ни разу не был — одна из трех ее старых дочек всегда дома. Две другие днями возятся в дощатой времянке сбоку от пакгауза, где у них летняя кухня и живут блеклые куры с молчаливой козой, варят там что-то, стирают или куют, а едва как стемнеет, подымаются к себе на второй этаж и больше никогда не сходят, и зеленые ставни с вырезными сердечками у них постоянно закрыты. Там, наверху, они иногда неразборчиво что-то поют; наверное, пьяные. Сейчас — нет, только иногда переходят, как слоны, с места на место, роняя мне в постель полумесяцы штукатурки. Поэтому я за оба лета так их и не выучился различать и не знаю, чей он из них сын: все три веснушчатые, белесые, в подрезанных солдатских сапогах, с толстокостыми замерзшими коленками, в негнущихся серых платьях, в вязаных кофтах, застегнутых до подбородка, и в подвернутых за уши холщовых платках. Если мне в школе скажут “жид”, я с разлета стучу по хлебалу. Как не фиг делать. Если “еврей” — тоже, потому что они это имеют в виду. На последнем развороте журнала, где список, есть столбец “национальность” — меня легко там отыскать, я самый последний, на букву “Я”. Все давно и так знают. Пуся-Пустынников из нашего класса так откровенно и сказал: *А еще еврей называется*, когда я в туалете хотел за пятьдесят копеек продать пласт жевачки, который мне подарила двоюродная бабушка Фира, потому что невестка Бешменчиков была с профсоюзной экскурсией в Польшу, а какой-то намертво причесанный третьеклассник с синевой под глазами спросил: *а она дуется?* а я ответил: *не знаю*, потому что не пробовал; тогда он застегнул ширинку и ушел к себе на урок, а Пуся-Пустынников, который сидел на подоконнике и, снимая белым кривым мизинцем табачинки с языка, курил сигарету “Астра” без фильтра, презрительно хлопнул себя пухлой ладонью по широкому белобровому лбу и так и сказал: *А еще еврей называется*. Все фoniaки так думают, что все евреи от природы умеют делать гешефты, говорит двоюродная бабушка Бася. *Дрек мит фефер они умеют делать, а не гешефты! Твой отчим, — мало ему было, клязьмеру несчастному, в оркестре Бадхена играть на треугольнике, — так он тоже решил, что он да умеет делать гешефты... Бедная, бедная Женичка...* Яков Маркович называет маму — когда я не слышу, — что она “декабристка”. Но это же, кажется, по истории СССР положительно?! Кроме того, она оставила на меня тысячу рублей, и двоюродная бабушка Фира, которая была до пенсии замдиректора по сбыту объединения “Красный пекарь”

(“Пресный какарь”, шутит Перманент) выдает Лильке по сколько-то ежемесячно на одежду, питание и досуг. Тыща рублей, *мамочки родные!* — таких денег даже сразу и не вообразишь; как выглядят “червонец” и “четвертной”, я издали знаю, но купюру больше “тройка” ни разу в руках не держал. Однажды я видел ввосьмеро сложенную пятидесятирублевую — это когда по секрету от двоюродной бабушки Цили дядя Яков показывал мне свою “зачачку” под правым погоном летнего парадного кителя.

Начинают дробно дрожать губы и плечи. Мне холодно под семью пограничными одеялами — бесшерстными, серыми, с двумя узкими черными полосами вдоль коротких концов на каждом. Четыре на семь — итого двадцать восемь полос. Вдруг мне кажется: кто-то неслышно заходит в пакагуз с улицы, не зажигает в сенях света, стоит, покачиваясь на носках неопределенным сгущением — выбирает, куда дальше: наверх, к хозяевам... прямо, к Перманенту и Лильке на кухню... или налево, сюда, ко мне. у него лицо, как у волка, черная шляпа и длинная седая борода. Я так и представлял, когда был маленький, еще в коммунальной квартире, до того, как мы обменялись с доплатой, — но там-то коридор длинный-длинный, с тремя поворотами и расширением на месте бывшей комнаты Кириницианиновых, которую не могли решить, кому отдать, и сломали; и когда мама с отчимом уходили на кухню разговаривать с соседями, а Лилька, стулом с распяленным школьным платьем отгородившись от трех сросшихся шаров уличного фонаря и свесив с раскладушки белую лягушечью ногу, спала уже — как убитая — между долгоовальным обеденным столом (всегда накрытым желто-зеленой скатертью в тканых ромбах) и моей затененной (в изголовье буфетом, а в изножье пианино) тахтой, я всегда представлял его, как он отталкивает снизу плечом кем-то (вдруг мной? — обжигающий прочирк в подложечке) неплотно захлопнутую парадную дверь, входит в треугольную прихожую, где лыжи, сундуки и барабанная установка со страшно фосфоресцирующей славянской вязью на главном барабане, потом поворачивает мимо Фишелевых, полуотдельно живущих у выхода, и, светясь глазами, неотвратно приближается на слегка цокающих когтях по бесконечно бессветному коридору с дальним отсветом кухни в самом конце — мимо всех темных дверей, подчеркнутых светом изнутри, мимо всех смутно лучащихся замочных скважин — мимо Настеньки (это не ласково, а иронически), у которой я украл стеклянный шарик с комода и был страшный скандал, — мимо сумасшедшей (чем — не понимаю) Любви Давыдовны с умирающим (от чего — не знаю) мужем Петуховым, — мимо алкоголика Мишки, который в добела стертom кожаном пальто, доставшемся ему в блокаду, и в навечно заляпанных слякотью гамашах без галош стоит сейчас внизу на Колокольной улице с проще одетыми друзьями, — мимо Рывкиных, у которых единственный на квартиру балкон-лоджия и сын Рафа играет в вокально-инструментальном ансамбле “Русичи”, и — наконец — мимо заслуженного малооперного артиста республики Винниченко (я видел, как он танцует в “Докторе Айболите” партию жирафа, выглядывая из плексигласового окошка посередине жирафьей шеи, ломко покачивающейся и сморщивающейся при прыжочках). Все ближе, ближе... — сейчас я услышу его шаги и его дыхание у самой нашей двери. Или это мама идет поглядеть, как мы с Лилькой спим? “Куда тебе грелку, к ногам?”

Подсовывает к ногам тупо обжегшую грелку сквозь прутья кровати спинки. Помедлив, обходит пространную кровать и осторожно полуложится поверх всех одеял со мною рядом — затылок уперт в железную перекладину, руки перетягивают одна на другую халатные пазухи; ноги в шерстяных рейтузах спущены от середины бедер к полу. “Э, миленький, да тебя всего колотит! Ну ничего, ничего, терпи, казак, атаманом будешь! — завтра мы уже, слава богу, с утречка домой; приедем — моментально врача вызовем, как не фиг делать. Горло-то болит?” Горло не болит. Не надо сглатывать тугие волокнистые слюни — тогда справа не болит. Я хочу посмотреть наверх и назад, на ее лицо — живое, а не в треугольном, бликами заезженном зеркале передо мною на стене, — и устанавливаю голову внутри подушки на самое темя, со сладостным напряжением шейных мышц и туго сводящихся лопаток: подушечьи углы надо мной соединяются, и я не вижу ее волос, надутых газовым светом с моря, и ее будто вырезанного из черной матовой бумаги остального безобъемного профиля: быстрого приподнятого носа, крупных приоткрытых губ и маленького заостренного подбородка. Обваливаюсь — кровать звенит и качает нас с нею, углы подушки снова расходятся. Когда я три года назад ездил в Одессу к двоюродной бабушке Басе, там, в подземном переходе на улице Советской Армии, один еврей вырезал с природы профили по пятьдесят копеек за пару — правда, сперва на листке, медленно оборачивающемся своим зигзагообразным разрезом вокруг лязгающего ножничного перекрестья, прорезался только один профиль; готовый, он разнимался на два. На четыре, если считать оборотные, отходные, метко планирующие к ногам еврея, в мусорное ведро из синей заусенчатой пластмассы. Отчим купил в порту три мешка

индийского чая (с ними его по возвращении в Ленинград и забрали в заднем дворе “генеральского гастронома” на Невском проспекте, где у него была знакомая товаровед Берта Ильинична, через пару дней умершая от страха на очной ставке в ОБХСС). Он почему-то называл их “цибиками”, и на время гощения затарил к двоюродной бабушке Басе на антресоли; та все туда одобрительно поглядывала со своего полосатого кресла под художавой пальмой, мелко сглатывала зеленоватое бессарабское вино, курила огромную сигару, не помещающуюся в ее стянутый волосатыми морщинами рот, и ругательски ругала Лилькиного мужа, Перманента, хотя никогда его не видела, поскольку за месяц до того не смогла поехать в Ленинград на свадьбу, по толщине и неподвижности. *Литвак!* говорила она, кашляя: *Литвак, тю! Те же литваки, у них же ж пополовно нито кин сейхл. Двум поросям похлебку не разнесут! Тю! А за себя пополовно думают целое я тебе дам! Шо ж ты от того голоштана кровной своей дытиночки не отчиныла, а, Эвгэния?* Мама смущенно кивала, а отчим, прищелкивая плетеными сандалетами, ходил по комнате и рассеянно улыбался Басиным антресолям. Он был тоже литвак, но это его не огорчало.

Перманент, отчаявшись насчет “голосов”, одним утробно чавкнувшим вжимом переключается на средние волны. По “Маяку” передают “Миллион, миллион, миллион алых роз”. Лилька со звоном и теплым ветром вскакивает, быстро-мелко одергивает на мне качающиеся одеяла и бежит. Позапрошлым летом, когда мы здесь первый раз были на даче, эту песню пел перед ларьком “Культтовары. Продукты. Керосин” какой-то худой мужик в майке и чем-то часто запятнанных тренировочных шароварах с вывернутыми карманами. В каждой (несоразмерно остальному телосложению долгой и толстой) руке он держал за горло по бутылке азербайджанского вина “Агдам” и пыля притопывал сапогами в известковых разводах. Его кепка съезжала от этого на глаза, и тогда он дергал назад плешивой головой, как баклан. Время от времени он останавливался, обрывал пение и говорил кому-нибудь проходящему: *В этом гамазине, бля буду, продащица — вылитая Алка Пугачева. Ну бля буду!* Затем наклонялся вовнутрь ларька и хрипло шептал: *Веронька, красулечка, Алка Пугачева! Ну сделай, роднуля, мне, мальчонке, миньета с проглотом!* и тоненько-тоненько смеялся. *Пошел на х..., старый пидор,* равнодушно отвечала из глубины ларька продащица Верка. Этот мужик по фамилии Субботин до нашего хозяйского полудиота Яши служил в автогараже погранзаставы по найму. Через недельник с гаком его арестовали, потому что на воскресном киносеансе в клубе Балтфлота он задушил с заднего ряда сидевшего между мной и хозяйским малым и что-то все время рассказывавшего Костика, сына капитана первого ранга Черезова, дяди Якова начальника по базе ВМФ. Костик высунул язык, заколотил ногами в спинку поехавшего переднего сиденья и умер, а когда *сапожники* включили свет из-за возмущенных криков сидевших перед нами матросов с “Тридцатилетия Победы”, мужик разжал на Костиковой шее свои желтые руки с ракушечными ногтями и сказал: *Христа ради, извиняй, пацанчик. Обознался, значит.* На всех пальцах у него были нататуированы синеватые перстни, оттуда, наклоняясь, росли седые волосики. с Костиком этим меня за пять минут до сеанса познакомила двоюродная бабушка Циля, вынесшая нам из кассы билеты. *с евреями сидеть не буду!* сказал Костик, но проходивший мимо капитан первого ранга Черезов отчеканил, не останавливаясь: *Ты сын русского офицера, Константин, и будешь сидеть с любым говном, с которым я тебе скажу. Пардон, Цецилия Яковлевна, такая шпана растет, понимаете.* и ушел — прижимая обеими руками боковые волосы к неуставно непокрытой голове — по направлению к ларьку. На похоронах в четыре тубы и три кларнета играли “Амурские волны”, два матроса на ремнях опустили короткий, обернутый алым сатином гроб в глинистую землю, похожую на сырую халву. Каперанг Черезов в парадной форме с кортиком выстрелил в воздух из пистолета, снял фуражку и закрыл ею — белой изогнутой тульей наружу — лицо. Дядя Яков молча откозырнул и повел меня за руку по узкой, гладкой после дождя и рябеющей после нас дорожке: между одинаковых усеченных пирамидок из светло-красного жидятинского гранита, со свежебагровыми жестяными звездами на верхушках и свежепозолоченными надписями на обращенных к выходу гранях (у калитки я оглянулся и прочитал: *Старшина первой статьи Абдулкадыров Ш.Ш. 1908—1940*). Бабушка Циля, держась, чтоб не оскользнуться, за дяди Якова китель, боком подшагивала сзади. Еще дальше — Лилька в единственном платье, какое было с собой: синее в белых зигзагах. Наверх, на голые обгорелые плечи в веснушках и родинках, она надела кожаный перманентовский пиджак; сам же Перманент ожидал за оградой, спиной к кладбищу, лицом к морю, где уже наискосок прорезался *золотой позвоночник заката*, как я в этой связи написал в грустном стихотворении, посланном, по сю пору безответно, в центральную пионерскую газету “Пионерская правда”. Яков Маркович до смерти боится мертвых. Поэтому он интересуется духовностью и любит ходить в церковь. *Надеется, в случае чего воскресят*, иронизируют Бешменчики. В Ленинграде он не может ходить, там все священники капитаны КГБ, а он *на идеологической работе*, и через два

с половиной года подходит его очередь подавать в партию, чтобы его назначили завучем, когда биологичка Ленина Федоровна выйдет на пенсию. Но здесь, в поселке за шлагбаумом, в запредельной глуши, где даже не глушат, настоятель — настоящий деревенский батюшка, простой и милый, но глубокий; к нему даже из Ленинграда ездят многие интеллигентные женщины причащаться святых таин или что-то в этом роде. Когда мы приехали на увеличенные больничным каникулы (было как раз воскресенье, семнадцатое), они толстоногой толкливой стайкой выскочили поперед нас из автобуса — в изумрудных пальто с полуседыми лисьими воротниками, в черно-красных павловопосадских платках, свободно повязанных вокруг шаровидных причесок, — и, подворачиваясь, побежали по твердому снегу к церкви, маленькой, квадратной, с одной-единственной обколупанной луковкой. Отец Георгий уже стоял в дверях, набросив на рясу стеганый желтый полушубок, помахивал из-под него рукой и, добродушно улыбаясь, говорил кому-то вовнутрь церкви: *Глянь, Семеновна, а вон и епархия пархатая моя притаранилась во благовремение. Ну, стало-ть, перекурим — и начнем благословясь...*

“Миллион, миллион, миллион алых роз...” Лилька, задевая предметы, кружится в кухне по тесным проходам: между застеленным расцарапанной клеенкой столом и длинной железной плитой с рыжими потеками, между полуторным диваном в цветочек (где спал я до ангины, а сегодня они будут) и застеленным расцарапанной клеенкой столом, между застеленным расцарапанной клеенкой столом и посудным шкафом из вздутой побеленной фанеры... — подпевает, подпрыгивает, взмахивает руками и халатными полами, ее полукруглые побеленные волосы летят. Перманент глядит на нее от поющей “Сакты” — неодобрительно, но безотрывно. Продольно-продолговатые, прозрачно-выпуклые глаза за стеклышками затененных очков неподвижны, рот приоткрылся и показал наружу волнисто-напряженный кончик узкого языка. *Права Баська, настоящий литвак, ну что ты будешь тут делать*, говорит двоюродная бабушка Фира: *с ними же, с теми литваками недоделанными, всегда так: все нормальные люди им какие-то слишком простые и какие-то слишком шумные. — Как покойник питается, так он и выглядывает*, невпопад отвечают Бешменчики. Песня закончилась. Лилька громко падает спиной на диван, задирая кверху велосипедные ноги в серых рифленых рейтузах и спадающих тунгусских тапочках с меховыми шариками. Начинается передача “Страна скорбит по Константину Устиновичу Черненко”. “Тише, тише ты... Ученица Язычник, тихо!” — вскрикивает Яков Маркович и весь обращается в бородатое ухо. Он умеет читать между строк и слышать между слов. Ему надо все знать, потому что он хочет стать настоящим писателем, как Валентин Пикуль, и по библиотечным дням ходит в Публичную библиотеку собирать материалы к книге о Надежде Константиновне Крупской для серии “Пламенные революционеры”, под рабочим названием “Надежда умирает последней”. у Марианны Яковлевны есть в Москве, в Политиздате, рука — сослуживец Перманента-старшего, *земля ему пухом*, по фронтовой газете “За Родину, за Сталина!” (на последнем слове голос Марианны Яковлевны понижается до неслышимости, как у двоюродной бабушки Фирмы на слове “еврей”). Лилька на диване осторожно опускает расставленные ноги. Ее лицо на мгновение сделалось сухим и усталым — серым, почти мертвым, как на следующий день после свадьбы, когда она пришла к нам с проспекта Мориса Тореза, где они поселились пока у Марианны Яковлевны, — и исчезла. Мама с отчимом бегали по квартире, перекликаясь и тяжело скрипя паркетом, но первый нашел ее я: пошел в *санузел* и — уже сидя на горшке, с уже неостановимым журчанием — бесцельно глянул в окно. — Под окном же, в сумеречном свете со двора, она лежала в ванне вот с таким вот лицом, до подбородка укрытая пышной, серой, едва колыхаемой ее дыханием плесенью. Пластмассовую рыбку из-под пенного средства “Будузан” производства ГДР она держала мордой вниз в по локоть вывешенной за край ванны руке. с рыбки кусками капало на кафель. Я фрагментарно дописал, но боялся подняться. Она же не поворачивала ко мне головы в пластиковой розовой шапочке до бровей, усеянной мелкими декоративными бантиками, какие делают в Тбилиси подпольные частники из левого полихлорвинила; мама с отчимом в глубине квартиры умолкли, вдруг сделалось слышно, как мельчайшие радужно-фиолетовые ячейки, пощелкивая и попукивая, будто тихий дождик, безостановочно лопаются вокруг ее развернутых толстых коленок и расплывшихся в огромные бархатно-бурые круги сосков. ...Дверь в кухню размахивается; с треском захлопывается; я замечаю, что больше не забну. Жар от плиты, весь вечер собиравшийся в смежной с кухней стенке и на моей стороне только даром накалявший паутинно-волнистое зеркало и незастекленную серо-черно-желтую картину “Панорама Гельсингфорса. Приложение к журналу “Нива” на 1913 год”, отрывается наконец от стеной плоскости и начинает распускаться по всей комнате, где от того не сделалось светлей, но все, что в ней есть, уточнило внезапно свои очертания и как бы уменьшилось: буфет, стул с клубками одежды, тумбочка с узкой граненой вазой (где, слегка наклонясь, стоит мохнатая, как шмель,

камышина), ослепительные спинки кровати, черно-бело-голубое окно с берегом, морем и авиаматкой “Повесть о настоящем человеке”, мои руки, которые я вынул из-под седьмого одеяла и крест-накрест положил поверх первого. Все от меня как будто отделилось: кажется, сейчас я увижу свое лицо со стороны, с высоты — отдельное, уменьшенное, незнакомое. Какие-то стали звучать в голове слова отдельно от значения: я повторяю, сперва беззвучно, затем беззвучным шепотом слово “галоши” и уже не знаю сразу, что оно значит, приходится вспоминать — чем дальше, тем дольше. Нет, *что* оно значит, я знаю, но что оно это *значит* — с ходу не могу понять и поверить. Это оттого, что я нерусский, русский язык мне не настоящий родной. Он у меня не в крови, а в мозгу. “Галоши” или “колоши”?

— До следующего пленума все равно ничего не выяснится, — говорит Яков Маркович “Сакте”. — Как бы междущарствие, понимаешь... Что это, слышала, нет? с той стороны в окно стучали? Не ходи, не ходи туда, подожди... показалось, наверное... — Они долго молчат.

Вверху зеркала — над занавеской, в верхней, треугольной части окна — что-то разведенно-черное, горбатое, ступенчатое быстро катится по снежному пляжу наискосок слева. Значит, от заставы — она от пакгауза справа, за маскировочным лесом, если прямо смотреть на море. Я, кажется, уже почти что вижу, кто это: это, должно быть, наш хозяйский полудиот Яша, старательно наклоняясь и как всегда рывками вывертывая на сторону колени, бежит и толкает на таком бегу финские санки со своей матерью, многократно обернутой шальями Раисой Яковлевной — и со всеми ее заткнутыми “Красной звездой” кошелками. Господи, наконец-то, сколько ж можно! А может, их малой уже и сам собой отыскался, сидит там на корточках, упершись подошвами в полозья, а руками сзади держась за ее голенища? Или его поймала в Выборге военная милиция и вернула по месту прописки. Русские дети часто сбегают, потом многие находят. Иногда их убивают, вырезают сердце, печень и почки и продают в Америку и в Финляндию. Но это никакие не евреи; глупости, что это делают евреи, — Бешменчики объясняли: такое все выдумывают бескультурные люди, алкоголики, хулиганы, черносотенцы. Они сами не понимают, чего говорят.

2. МУЖЧИНЫ ПИСАЮТ СТОЯ

Шпион хотел просочиться в Финляндию сквозь петровскую канализацию. Сорок пять лет назад его забросили в СССР, и теперь он уходил на пенсию. Ефрейтор Макарычев с восточноевропейской овчаркой Куусиненом учуяли его сверху во дворе пакгауза и начали предупредительно стрелять в землю. Приподнимая решетчатую крышку подгибающимся хендехохом, шпион высунулся из люка, куда стекается дождь и Лилька сливает помои. Он без помощи рук всходил по зазеленелой лесенке, лязгал железными зубами и всем телом икал. От одежды его и волос клочками отделялся пар. с переда штанов капало черное. От самого Выборга он шел под землей — без света, по колено в ржавой воде и в костной гнили, питаюсь только печеньем “Юбилейное” и лимонадом “Буратино”. Ефрейтор Макарычев подковырнул его в грудь дулом автомата АКМ и спросил: “Ну что, обосцался, гаденыш?” Овчарка наклонила голову, засмеялась. и *ты что же, Язычник, намекаешь, будто был очевидцем описанной сцены? Я вот как позвоню сестрице твоей, артистке погорелого театра. Наврал — получишь двойку, а не дай бог правда — кол. Сочинение “Как я провел летние каникулы” — не место для извращенных фантазий, а уж тем более для разбалтывания государственных тайн. Не говоря уже о нелитературных выражениях. Наша классная — дура, я же не давал подписки. Давала Лилька, она уже большая, практически взрослая, у нее есть настоящие груди и муж, Яков Маркович Перманент. Если хочет, пускай ей ставит кол.*

* * *

Нет, все-таки это никак не могут быть *они*. В зеркальных бликах и в противоходном перемещении корабельных лучей мало что на отсвечивающем снегу видно, но слишком уж быстро катятся финские сани (если это, конечно, сани, а не тень самолета, заходящего в засвеченное море на посадку) — наверное, с мотором или на оленней тяге, как у Деда Мороза. Даже хозяйский полудиот Яша, на полуострове Жидятин самый сильный и неустанный человек, который — сжав до слезоточения глаза и надув индевеющие небритостью щеки — приподымает в обнимку узкую, темно-малиновую, редкоперепончатую бочку с соляжкой, и тот бы их до такой скорости в жизни не раскатил. Скорей всего, это просто патруль: бежит по побережью дежурной походкой; только вот, интересно, пограничный это патруль или флотский? Пограничные ловят нарушителей границы

в обе стороны, а флотские — матросов третьего года службы, сплывающих после отбоя в самовол. Матросы третьего года ховают свои резиновые десантные лодочки в левом маскировочном лесу, прикрывающем базу ВМФ с тыла, пережидают прожекторный луч внутри еще с финской войны расколотых скал и бегут-бегут-бегут — подхватив полы маскхалатов и закусив ленточки бескозырок, бегут-бегут, пригибаясь и проваливаясь в слабеющем насте *по самое здрасьте*, — через иссиня-белое поле бегут сюда, в глубь полуострова, и дальше — дальше на материк. Опасаясь Жидят, мимо пакгауза они проскользают едва слышными тенями, а там уже совсем легко, *проще, чем в бане писать* — сперва на коньках по грязному, волосатому перламутру еще неотмерзших болот, а потом цепочкой по одному — периметром вдоль “колючки”, за которой, свистящей полосой темнее ночи, мчит курьерский поезд Москва—Хельсинки. Запорошенного постового в пирамидальной плащ-накидке (стоящего, как погасшая елка, у шлагбаума на выезде с погранзоны) они подкупают тельняшками и таким способом проникают в поселок. Там сегодня в клубе Балтфлота на последнем сеансе для гражданских “В джазе только девушки”. Самовольные матросы переодеваются у знакомых девушек в гражданские платья и — покачиваясь и подворачиваясь на заостренных ногах — нагло под ручку гуляют с ними в кино по ослепительно освещенной фонарем улице имени XXIV съезда. Хотя отличников боевой и политической подготовки туда и так водят по воскресным и праздничным дням, после помывки, — с песней “Врагу не сдастся наш бедный “Марат”” или что-то в этом роде. у погранцов, у тех на заставе свой собственный красный уголок, там по субботам крутят “В джазе только девушек”. и сегодня, наверно, тоже крутили, после ужина. Каперанга Черезова сын, покойный Костик, рассказывал за секунду до того, как его удушили, что пять лет назад в показательном пушсовхозе “Первомайский”, в двух автобусных остановках на юго-восток по Выборгскому шоссе, показывали “Чапаева”. и совершенно случайно это оказалась копия для Политбюро, где Чапаев не тонет, а выплывает. Л. И. Брежнев ездил тогда мыться с Урхо Калеви Кекконеном в финской бане и на обратном пути потерял в Первомайском шесть платиновых бобин. Через день спохватились, приехали из Выборга на черной “Волге” и все забрали. ...Если патруль флотский, значит, они уже возвращаются с обхода к себе на базу ВМФ (поглядишь в окно, — там то, что движется, движется от правого маскировочного леса к левому; а глянешь в настенное зеркало — наоборот). Если пограничный — значит, только что сменились и выступили на охрану священного северо-западного рубежа нашей Родины. Когда патрули на маршруте пересекаются, случается “махалово”. Побеждают, конечно же, пограничники — у них есть собака Куусинен, обгрызающая ленточки с бескозырок.

Мне хочется встать с кровати и что-нибудь сделать, такая мной внезапная овладела бодрость. Но встать страшно — внутри ног и рук стало так легко, и так кислотовато-безвкусно, и так еще немного щекотно, как будто меня с четырех концов налили минеральной водой “Полюстрово”, чьи темно-зеленые, пыльные на пологих оплечьях бутылки (*имя же им — легион*) стоят в слегка заржавленных, плоских и мелкозубчатых касочках по всем нижним стеллажам ларька “Культтовары. Продукты. Керосин”, и эта полуболотная вода во мне беззвучно и неощутимо лопается своими тесными пузырьками (перебегающими, прилегая, по изнанке кожи) и все тяжелеет и тяжелеет и сбегается с четырех сторон к низу живота, которого одну секунду назад еще никакого не существовало. Там, в кухне, начали ужинать. Лилька, мучительно вымыкивая последние остатки алых роз из только что пышного, а теперь на мгновение почти костлявого горла, пылесосно всосавшегося передней кожей в шею над въемом ключиц (у женщин ведь нет кадыка и их замшевые горла, нежно перерезанные поперечными морщинками, обычно дрожат и колеблются как хотят), переправляет от плиты судорожно подныривающую в воздухе перманентовскую миску с серповидным нагаром на днище и с двумя алыми перекрещенными вишенками по боку, приземляет ее на стол, нежданно однозвучно и твердо, и тут же принимается ожесточенно трясти мягкими ладонями перед своим лицом (они изнутри — что изморозью — беспорядочно расчерканы короткими неглубокими линиями, которых не смогла еще прочесть ни одна цыганка на Финляндском вокзале). При этом она старается обдуть их горячим дыханием из сложенного “курью жопкой” рта — *рота*, как говорит хозяйка, Раиса Яковлевна, — но промахивается по взмахивающим. А Перманент, одним махом использовав всю скользкость ягодиц, переворачивается на екнувшей табуретке и с глубоким до сиплого вздохом берет за алюминиевую ложку со слепо выбитыми вдоль черенка буквами “п/з ПЖ”. В самой глубине хлебательной впадины там проделана круглая дырочка, так что ему приходится лечь грудью на стол, нижней губой подстелить закругленно вывернутый наружу край миски и молниеносными тычками перехлупывать в себя свою, как говорит двоюродная бабушка Фира, *пешаахэс*. Бульон, волнуясь и теснясь, прожурчивает через дырочку на вздрагивающую сизо-пупырчатую мякоть страховочной губы, но перетряхом с краев ложки запрыскивает и обе обочины гладкой бородки.

Поэтому Яков Маркович пропускает ее поминутно сквозь кулак, а ладонь затем под столешницей вытирает о лощеную штанину отчимовских домашних “техасов”. Из другой руки он то и дело роняет со звонким стуком ложку на клеенку и после того несколько раз ожесточенно растирает большой палец об указательный. Почему русские люди умеют брать горячее и не обжигаться? — например, полуидиот Яша тычком ладони гасит лужицу мазута, самовозгоревшуюся на цементном полу гаража, а три его сестры у себя в летней кухне голыми руками переворачивают на дымящейся наковальне ножи, подковы и гвозди, и даже ихний малой, уж на что белобрысый пацанчик типа “глиста” или “сопля голландская”, но тоже туда же — запросто наслюнявленным пальцем вынимает уголек из плиты, чтобы прикурить от него свою сыпкую гнутую “беломорину”; а мы, евреи, все почему-то никак не обучимся!.. Лилька неподвижно расширенным рыжим глазом смотрит, как в ее борще золото всплывает из пурпура, и, мерцая, окружает тускнеющими по расширению кольцами белые и лиловые неравногранные звезды. Пар, подымаясь к ее лицу, возводит горе благоухание имбиря, кориандра и базилика. Я бы, может, даже и сбежал бы сейчас *по-маленькому*, но как же я через них в сени? — они как раз кушают, а я как погляжу на них, проходя, и во мне испарится все хотение писать! и кажется: еще чье-то присутствие чувствую я в жидятинском доме, чужое — не наше и не их: не то кто-то неизвестно кто уже здесь, не то, того гляди, явится, и что-то неизвестно что будет. Или нет. Я тихонечко сижу, свеся ноги с кровати — законный свет, как бензожатка из телепередачи “Сельский час”, колесит, оборачиваясь вокруг себя, по комнате, убирает черный хлеб темноты, сразу же вырастающий за его спиной снова; по полу дует; я с силой поджимаю пальцы в опустошающихся с носка махровых полосатых носках. Раздвоенный блеск оглаживает снаружи синюю, в этот момент смертельно белеющую резину моих сапожек (“в третьей позиции” под закиданным клубками одежды стулом), но внутри у них сырая зернистая темень *всегда*. А что, если я во дворе напорюсь на хозяев? — в случае, если они вдруг как раз явятся? *Явятся, если не удавятся...* Наш, то есть их, двор — в сущности, это весь полуостров между двух маскировочных лесов и отсюда до берега — потому что забора вокруг пакгауза нету: Главное Политическое Управление не разрешает. Туалет, построенный, как все деревенские туалеты, в виде колоссального скворечника (до мельчайших деталей соответствуя прообразу, лишь только передняя плаха с круглым отверстием летка убрана вовнутрь и плашмя положена над выгребной ямой), стоит метрах в ста от пакгауза посреди чиста поля входом к нам — дверь с вырезанным в ней сердечком полусвисла на одной нижней петле, а на скошенной назад крыше укреплено к морю лицом круглое металлическое зеркало — вспомогательный ориентир маневрирующим на рейде кораблям. Полуидиот Яша хочет засадить воображаемый двор вишневым садом, если Главное Политуправление разрешит, и даже обозначил уже границы тремя отдельно стоящими деревьями и нерегулярными кустиками. Деревья пока не выросли, заснеженные саженцы торчат из вспухлостей наста, будто полуседые волоски из бородавок. Но они ж не думают в самом деле, что это мы с Перманентом и Лилькой их малого украли?! Смешно, в самом деле, на кой он нам сдался? *...Врагу не сдается наш вещий “Олег”, сказал кочегар кочегару...*

“Ты чего это сел? Тебе лучше, да? Хочешь чего-нибудь? Может, тебе борщу насыпать?” Это она прошлым летом подслушала у местных и теперь сама так говорит, как бы для стебу: *насыпать*. Правильно надо: *наложить борщу... или борща?* Она подходит ближе, локтями и сдвоенно-стесненно выкатившейся за-над вырез халата мерцающей грудью опирается на изножную спинку кровати, ухватывает себя под волосами за уши и, вручную поднимая и поворачивая голову, рассеянно взглядывает поверх моей до рогатости всклокоченной макушки — в море, в поле, в окно. у кого глаза круглые, у тех они в случае чего сужаются. “...Нет? Ну захочешь — скажешь... Кстати, давно уже тебе стричься надо... Выздоровеешь, сразу пойдем к Маргарите...” и она быстро выходит, на ходу выдергивая из себя халат, вработанный миндалевидными ягодицами глубоко внутрь. Собственно, я даже хочу борща. Или борщу. Но писать, кажется, больше.

В Ленинграде у нас в квартире в сортире висит на вбитом в дверь гвоздике толстый эстонский пупс, спустивший штаны. Двоюродная бабушка Фира мне рассказала по секрету, что это моя единственная память о папе. Едва я только что родился, как он нас с Лилькой и мамой бесчувственно бросил, женился на гойке и уехал с ней в Израиль. и все свое унес с собой, за исключением этого пупса, потому что малолетняя Лилька намертво заперлась в санузле и безостановочно там рыдала, время от времени спуская воду. Перманент говорит, что лично бы он не смог существовать в этом Израиле, во-первых, потому что там жарко, а он человек европейской культуры, а во-вторых, потому что там все евреи — и милиционеры евреи, и сантехники евреи, и даже премьер-министр еврей. Не знаю, чем уж ему это так мешает — у нас тоже много евреев,

например, Муслим Магомаев — еврей, и академик Капица, который ведет телепередачу “Очевидное — невероятное”, то же самое, — как рассказывали Бешменчики, когда я у них и у двоюродной бабушки Фиры встречал Новый год в Доме ветеранов хлебулочной промышленности. у нас, конечно, по большей части не жарко. Когда Израиль на нас нападет и еврейские корабли придут в Финский залив, неужели в самом деле папа будет стрелять в дядю Якова или в меня, если я к тому времени вырасту и сделаюсь офицером флота? Он бы мог подумать об этом, когда уезжал. Жена министра легкого и пищевого машиностроения РСФСР тоже а *идише*. Дома я часто гляжу на складчато-розовые пластмассовые попины пупса и думаю, какой же я, в сущности, несчастный мальчик. Почти никто на всем белом свете не знает, что я не только какаю, но и писаю сидя. А иначе никак не выходит — у меня выходит двумя струйками, которые, слегка расходясь по выходе, снова потом сходятся и опять расходятся и тем создают зону разбрызга, а Лилька потом ругается, что я якобы не смотрю, куда писаю. А я смотрю. ...Если долго сидеть, на коленях от локтей остаются морщинистые красные пятнышки. *Мужчины писают стоя*, сказал мичман Цыпун, дяди Якова правая рука по хозяйственной части на базе ВМФ, когда дядя Яков от него категорически потребовал, чтобы в офицерских гальюнах царили флотская чистота, райское сияние и полное благорастворение воздушей к адмиральской инспекции. Но мичман Цыпун — самый хитрожопый мичман в целом Балтийском флоте, хитрый, как три китайца; говорят, он на самом-то деле никакой не украинец из Казахстана, за пять кругосветок пожелтевший от тропической лихорадки и круглосуточно от врожденной хитрости прищуренный (левый глаз прищурен больше, и косая широкая бровь над ним выше и гуще), а самый настоящий тайный китаец по имени Пун Цы, быть может даже, — китайский шпион. Так он велел матросу второго года службы Кицлеру, с малого сторожевого корабля “Полномочный” откомандированному в распоряжение береговой хоз- и политчасти на предмет лозунгов и стенных газет (а также во избежание поголовной — и ниже — татуировки личного состава неравнолапыми якорьками и небывальными трехгрудыми русалками с изгибистым кольчужным хвостиком): нарисовать на регулярных расстояниях друг от друга во всех унитазах и по всему мочесборному желобу злобное безлобое лицо президента Рейгана — вполборота размером с пятак — и герметично заклеить его кружочками, выпиленными из самого тонкого оргстекла. Офицеры и приравненный к ним вольнонаемный персонал стали дружно целиться, кто “под яблочко”, кто “по центру”, и адмиральская инспекция прошла *на ять*. *Жили-были три китайца — Як, Як-цыдрак и Як-цыдрак-цыдрак-цыдрони...* Но потом Рейгана пришлось смыть, чтобы не осложнять международную обстановку.

Может, это пара волков — там, у берега? Чего ж не воют?

...Или пьяницы из поселка окружают пакгауз, чтобы сделать нам с Перманентом и Лилькой со всех сторон *погром*? Смешно, честное слово, смешно даже! — *по дороге на Берлин вьется белый пух перин*, поет в хоре старых большевиков Куйбышевского района Перманентова мамаша, усатая Марианна Яковлевна, заведующая родовспоможением Снегиревской больницы. Но сама-то она не старая еще большевичка, ей партстажа недостает лет еще эдак одиннадцать с гаком; просто им там было меццо-сопрано нужно, а у нее есть хорошее. *Что-то в комнате светлей стало — это сыночка вошла!* во всю его полноту возглашает она восходящим речитативом, когда по Седьмым ноября и Девятым мая Яков Маркович приводит нас к ней на проспект Мориса Тореза празднично обедать, и она, раскачивая в противотакт своему торопливому шарканью стекшие из-под скул щеки и кривоватую сиренево-седую башню на голове, на лязг его ключей выплывает в прихожую, что увешана застекленными фотографиями урожденных уродцев, двухголовых и хвостатых (почти все с размашистыми автографами снизу вверх наискосок). *Ты, кажется, деточка, еще пополнила немножко*, ласково говорит она Лильке. — *Великая любительница сводничать и разводничать, кусок змеи, одним словом*, называет ее двоюродная бабушка Циля, служившая с ней во время финской войны в одном походном лазарете. Всегда бывает рыба в кляре и к чаю торт “Сюрприз”, вафельный с бледно-желтой присыпкой. Глянуть бы с той стороны, сзади: нет ли и там кого подозрительного? — но в обоих этажах пакгауза на материк выходит одно-единственное окошко: у нас из кухни, а в нем все равно сейчас темно, *как у негра в жопе*, как бы сказал дядя Яков, научившийся этому выражению у мичмана Пун Цы; — только две зашлагбаумные шестизатяжки вдалеке за болотом сдержанно светятся редкими окнами да в смутном шарике мигает фонарь, что к позапрошлым ноябрьским установлен на улице имени XXIV съезда. А Перманент с Лилькой в окно и не глядят — подхлюпывая и подсвистывая, хлеблют себе свои супешники — бледно-желтый с медузными пузырьками и интенсивно-красный со сметанными бельмами — из обжигающих дырявых ложек. “Да никого там нету, боже ты мой!!! Или, возможно, патруль... или шпион... —

выдыхает Перманент между сглотами, по всей длине передергивающими его вытянутую к ложке острогорлую шею. — Какая ж ты, Язычник, дерганая сегодня, как нерусская, ей-Богу. Да не будет ничего, не бойсь. В наше время такого ничего не бывает — тут везде армия, милиция, все на свете!” (Это он намекает на нашего школьного военрука, подполковника в отставке Карла Яковлевича Носика, который так кипит, когда кто-нибудь на строевой подготовке сбивает шаг или же не укладывается в зачетное время с разборкой и сборкой автомата Калашникова по норме ГТО: *Вы что, как нерусские, все на свете?!*) — “А чего же мы тогда в Ленинград наманежились, как нерусские, ни свет ни заря? — ядовито спрашивает Лилька, поджимая левый угол рта, густо измазанного красным. — Или сыночка по мамочке соскучилась?” — “На всякий случай”, — твердо отвечает Перманент.

Если в течение через полчаса они не закончат есть, я как пить дать опишусь. Вот будет Лильке подарочек на мое день-рождение — *стыд и позор, тринадцать лет стукнуло, а пишется, как маленький! Хочешь, деточка, я тебе чудного доктора дам, из Свердловской больницы — он у Людмилы Сенчиной камни выводил, с большим успехом! А она сама знаешь с кем...* ...Завтра приедем — в почтовом ящике от мамы из Коми телеграмма с зайчиком: “**поздравляем сынулю днем рождения расти большой умный горячо целуем мама папаяша**”. у Лильки в серванте под простынями и полотенцами с осени еще лежат для меня фирменные джинсы “Врангель” или даже “Леви Страус” со всеми лейбочками, с медным zipperом и с двойной прострочкой на задних карманах в виде “дубль-ве” (если это “Врангель”) или в виде простого латинского “вэ” (если это, не сглазить бы, “Левис”). Папа из Израила вдруг ни с того ни с сего взял и прислал их прошлой осенью двоюродной бабушке Басе для передачи мне. Один негро-финн иудейского вероисповедания, совершавший круиз на теплоходе “Максим Горький”, согласился их свезти до Одессы. Проходя мимо Хайфы, у него слетела на прогулочной палубе черная широкополая шляпа, и он за ней следом прыгнул в Средиземное море, потому что это была очень ценная шляпа, подаренная ему лично любавичским цадилом Шнеерсоном, а папа с борта своего ракетно-сторожевого катера “Иона-пророк-Алеф-бис” негро-финна и шляпу выудил и, согласно международной конвенции о спасении на водах, возвратил на советский лайнер. Болик и Лелик, двоюродной бабушки Баси сыновья, ездили той же осенью в Ленинград на заочную сессию в Холодильном институте и заодно захватили посылочку. Но я об этом ничего не знаю — и никогда не узнаю. Лилька скажет, что это от бабушки Баси и всех одесских родственников. Носить их можно будет только в театр и в гости; ничего, уже скоро Девятое мая, мы пойдем к Марианне Яковлевне кушать рыбу в кляре. Перманент, конечно же, подарит книгу “Как жили наши предки славяне” тысяча девятьсот пятьдесят шестого года издания, он уже ее принес с Мориса Тореза и надписал учительским красивым почерком снизу вверх наискосок, красными чернилами. ...Но если мы завтра *ни свет ни заря* уезжаем, как же тогда я получу настоящий капитанский бинокль от дяди Якова?! Или он потом довезет, когда снова поедет в Ленинград в командировку за гвоздями, горбыльком и штакетником? *Потом* может и забыть, у него ж голова не Дом Советов, если верить двоюродной бабушке Циле, которой виднее; придется ждать до летних каникул... Я снова укладываюсь на постель и двигаю по ней ногами, будто плыву на спине. ...А что, интересно, подарит сама Лилька? Она засмеялась, сделала вверх-вниз ресницами мимо меня, и сказала, что все, что захочу. А если я луну с неба захочу?!.. Одежда взбиваются, вздымаются, наматываются на ноги, не пускают плыть. Не хочу я больше зырить в это их окно уродское — ни так, ни обратно, через пыльно-волнистое настенное зеркало. Чего я там, в самом деле, не видел? — сортира? авианосца? маскировочных лесов? — слава богу, у нас тут, в погранзоне “Полуостров Жидятин”, ничего не меняется, все остается как есть. За этим следят Вооруженные Силы и Военно-Морской Флот. и пограничные войска, конечно, которые, однако же, относятся к Министерству не Обороны, а Внутренних Дел, вместе с пожарниками и милицией. Но им на это лучше даже не намекать — обижаются, как девочки. Позапрошлым летом я тут действительно еще ничего толком не знал и вообще думал, что за капитан-лейтенантом следует капитан-капитан, и это про него поется в песне: *капитан-капитан, улыбнитесь, ведь улыбка это флаг корабля*. Теперь-то я все знаю — и порядок службы, и кто за кем следует, и что к чему относится, и где что спрятано, в смысле замаскировано, и все военные корабли по именам, и пограничных собак. Но это все без исключения государственные военные тайны, а мы давали подписку о неразглашении. Я-то, кстати, как раз не давал, как *несовершеннолетний пацанчик*, да я уж ничего не разглашу, это ясно *как божий день* — даже за *милion*. Даже за *милion терзаний*... Интересно, а меня сейчас никто не слышит случайно, как я тут думаю? Вдруг они там, в Америке или в Финляндии, насобачились подслушивать мысли? Тогда им и шпионов уже никаких не надо — подключился к головным волнам несчастного большого ребенка, который не может заснуть из-за ангины и подряд все думает, — и нате вам, пожалуйста,

пожалуйста бриться: из прибора безостановочно выползает узкая желтая лента, наподобие телеграфной, и, изворачиваясь-перепутываясь, заполняет шуршащими кольцами всю ихнюю шпионскую контору. Но если б они такое сделали, наши тогда бы тоже изобрели им назло какие-нибудь глушители или отражатели и расставили бы их вдоль всех государственных границ — тогда никаких бы мыслей от нас за кордон не уходило. Вот была бы у меня своя такая машинка, которая распечатывает мысли, — тогда бы я все записывал, что себе думаю перед сном и когда долго сижу в туалете (*Что ты вообще себе думаешь?* часто спрашивают меня двоюродные бабушки, особенно Фира, когда им кажется, что я, например, мало занимался на скрипке и вообще *раздрызанный* и что у меня, как утверждает перманентовский кусок змеи, Марианна Яковлевна, какая-то якобы *подвижная психика*); затем бы я вычеркивал государственные секреты и нелитературные выражения — и в результате у меня получались бы целые книги, как “Капитанская дочка”, “Цусима” или “Повесть о настоящем человеке”, и притом безо всякой этой писанины, которая так отталкивает в домашних заданиях; от нее же и у настоящих писателей пальцы — большой и указательный (с продолговатыми ямками на подушечках) и средний (с засиненной чернилами бесчувственной мозолькой слева над ногтем) — несомненно, под вечер немеют и ноют; мою бы книгу напечатали в журнале “Новый мир”, и я бы стал самым молодой член Союза писателей.

Нет, все-таки надо сходить, как говорят Жидята, *до ветру*, не то дело погано кончится. Одеться... обуться... через кухню (“куда-куда... туда!”)... через сени, громыхая об уложенные вдоль стен дровяные чурочки, о мятые ведра с глазастой картошкой и о дробно звякающие ящики с распрямленными гвоздями и ржавыми подковами... еще метров сто по двору на несмазанных лыжах... у левого крыла пакгауза — маленькая баня, сложенная из отвалившихся от пакгаузной кладки темно-красных голландских кирпичиков (Петр Первый привез их сюда *назло надменному соседу* в двух трофейных галерах и заложил собственноручное основание *запасному магазину*, который тогда стоял прямо на берегу; море потом, как видите, отступило, рассказывает заставский замполит старший лейтенант Чутьчев, когда приводит очередное пополнение на историко-революционную экскурсию). А у правого крыла — дощатая летняя кухня. ...В Ленинграде, наверно, все уже потихоньку начинает таять, течь, плавиться — обнажать и смывать накопившийся за зиму мусор. Летний сад и все другие сады замыкают амбарными замками на оттайку/просушку, улицы пустынные, просторные, черные и дымятся свежей влажностью, которую вдохнуть — счастье; последние горки желтого и сиреневого в черных точках и прожилках снега лежат по обочинам, дожидаясь последних снегоуборочных машин, а здесь, на финской границе, — русская зима, белым-бело во все пределы, снег и лед; костный, звонкий, проникающий холод, как ни оденешься и как ни обуйся. А что, если там, в сортире, в смрадной темноте, кто-нибудь *есть*? Сидит невидимым орлом, сверкая глазами, и как зарычит, когда я со страшным прерывистым скрежетом потяну на себя перекошенную дверку. ...Могла бы под кровать ночной горшок, или бидон какой больному брату подставить, или что-нибудь типа того, не в антикварную же скрипку мне *отливать*; только и думает, что о своем борще, что хорошо бы, дескать, туда еще маслинки докинуть, но где ж ее тут достанешь, в такой-то глуши запредельной: у Верки в “Культтоварах” нету, одни гадкие — гладкие и зеленые, как сопли, — афганские оливки, а из Ленинграда взять не догадались, в панике после Черненкоиной смерти! *Богатые пьют кофе-гляссе, бедные ходят ссать на шоссе*, сказал бы мичман Цыпун, научившийся этому выражению от срочнослужащего кожного художника Яшки Кицлера. ...А вдруг я оттого, что писаю сидя, постепенно сделаюсь женщиной?! Внезапно мне становится под ложечкой жарко, между лопаток пробегают одна за одной несколько длинных потно-ледяных мурашек, и я сызнова сажусь на кровати по-турецки, как узбек. Писька у меня постепенно втянется внутрь, и на ее месте окажется дырочка. Или же сама писька останется, но под нею постепенно прорежется женская щелка, как у многих уродцев у Марианны Яковлевны на фотографиях? Я хочу проверить, не началось ли уже это, но сейчас же выдергиваю из трусов руку в пещеристой горячей мокрости. Дверь распахивается, вгоняя в комнату кухонный свет и борщовый пар. “Ну как дела, Паганини? Лучше?” — Перманент трусцой пробегает к моему изголовью, чтобы позаглядывать поверх занавески, подпрыгивая сбоку на цыпочках. Я вижу в зеркале его пляшущий взрытый затылок. Вдруг он прекращает прыгать и решительно рвет занавескин угол. Из рамы вылетает правая нижняя кнопка и наводит множество звону в остеклении буфета. Перманент прижимается к оконной раме щекой, его согнутая спина и круглый отставленный задик надолго замирают — он смотрит из-за угла вдаль. А в дверном проеме молча стоит Лилька — упершись бедром, слегка согнув в колене дальнюю от косяка ногу, ближнюю же выпрямив до уходящей в пол кривости; каждая из рук поскребывает противоположную подмышку. Не знаю, что она там делает своим невидимым в контражуре лицом, полукругленным и перечеркнутым белыми лучающимися волосами (*В контражуре! Опять злоупотребляешь*

иностранными словами, Язычник! Русский язык мы портим! — то есть ты портишь. За это — только тройка...) — наверно, она там одними глазами — сузившимися, побледневшими — улыбается в спину Якову Марковичу: он ей нравится. “Ничего, старичок, все будет тип-топ, мы с тобой еще набомбим фирмы, вагон и маленькую тележку набомбим!” — наконец выпутывается из занавески узкое, узкобородое, блестящее узкими очками лицо. *Король Дроздобород* какой-то. и он поспешно выходит. Лилька с хрустом затискивает за ним дверь (сам он всегда оставляет все двери настежь, даже в уборную — такое у него свойство) — и сразу же встревоженное шу-шу-шу на кухне, еще и к столу не сели. Нет, вряд ли поселковые пойдут Жидятам помогать на нас нападать, хотя бы те их и попросили. Не любят они Жидят и называют их за глаза “чухна белоглазая” и “белофинские паразиты”, потому что после Великой Отечественной войны поселок (которого еще не было, так как прежняя белофинская деревня сгорела от прямой наводки с моря) заселили сплошь *хохлами* с Украины и *скобарями* из *Пскопской области*, кроме одной довоенной семьи, Субботиных, которые позже — значительно позже — вернулись из эвакуации, а может, и не из эвакуации; Жидята же здесь всегда были, и ту войну, и эту, и сразу после, и *несмотря ни на все* старую Жидячиху, когда она была еще молодая, взяли работать на заставу и отдали ей в бессрочную аренду пакгауз, через который перелетело. Нас они, правда, тоже не любят — *ленинградцев и москвичей вся Россия ненавидит*, объяснял ефрейтор Макарычев, когда в ходе великой мерилиновской махаловки медленно вмазывал Яшку Кицлера в новый, еще черный и парно-крупитчатый асфальт у клуба Балтфлота, — но, естественно, не до такой степени. Мне, например, сегодня утром поселковые пацаны ничего не сказали, когда я по поручению Якова Марковича прикатил на Выборгское шоссе *побомбить фирму*, как он это называет, — то есть нафарцевать у финских туристов парочку библий. Сам он не может — он на идеологической работе, и вообще это детское дело, подлавливать хельсинкский автобус на стоянке и разыскивать в придорожных прилесках разбредшихся по нужде *фиников*. Интересно, что мужчины, как правило, становятся перед березками, а женщины присаживаются за елочки. Поселковый пацан, фарца малолетняя, учил меня Перманент, остороженько подходит сзади, изо всей силы хлопает мужского финика по плечу (женских лучше не трогать, а то они вздрагивают, напускают себе в сапоги и невероятно сердятся) и с криком *пурукуми*, что по-фински означает *жевачка*, моментально отскакивает, чтобы не быть пораженным поворачивающейся струей — рассыпающейся, позолоченной сквозь ветви солнцем. Но я должен делать не так. Поскольку *как бы междуцарствие* и контроль временно ослаб, я должен прямо подойти к автобусу со стороны шоссе и тихо сказать в каждое окно: *Ай вонт э холи байбл ин рашен*. Если откуда-нибудь выкинут библию или что-нибудь еще, я должен сказать *фенкью вери мач* и закинуть в это окошко значок. Тогда это будет не фарцовка, а дружба между народами. *Зачем вам, Яков Маркович?* спросил я: *у вас же уже есть одна библия, которую мы в позапрошлом году взяли почитать у двоюродной бабушки Фиры — дореволюционного издания и сзади наперед, на правых страницах еврейские буквы, а на левых по-русски*. Он ничего не отвечал, только подмигивал из-за золотого очка и сыпал мне в руку колючую горсть октябратских звездочек. — *Еще один гешефтмахер нашелся*, с содроганием сказала Лилька: *Я с тобой в Коми не поеду, не рассчитывай, у меня ребенок на руках и квартира*. Он засмеялся, сглатывая, и высказался в том смысле, что две библии — это уже ей югославские сапоги. *Не поеду, не поеду, и так и знай! Ищи себе других декабристок! А ты его не смей слушаться! Не в школе! Понял?* Я разложил по карманам октябратские значки с золотисто-пушистым Володей Ульяновым, под слегка потечной эмалью заключенным в пятиконечную звездочку, и заторопился, чтобы не опоздать к автобусу, а потом еще до закрытия ларька успеть в поселок (по субботам раньше): купить “Пионерскую правду”, если завезли. *Когда был Ленин маленький с кудрявой головой, он тоже бегал в валенках по горке снеговой...* Разлетелся, разбежался, размахался палками — вот и наглотался горячим горлом холодного воздуха. Может, пацаны, фарца малолетняя, меня и не заметили, поэтому ничего не сказали; — когда я подошел к шоссе, хельсинкский автобус уже как раз сворачивал на стоянку, и они все разбегались по исходным позициям; только их белые головы и тускло-малиновые курточки, которые из финского нейлона шьют цыганки в показательном пушсовхозе “Первомайский”, мелькали за деревьями. и я был в такой же — продавщица Верка одну оставила двоюродной бабушке Циле за червонец сверху по блату. Все дети и подростки в районе их носят, только хозяйский малой еще ходит, как *сын полка*, в желтом пограничном полушубке, но он, никто не знает почему, никогда не фарцует. Может, его пацаны не пускают? За такой полушубок плюс ремень со звездой, сказал Яков Маркович, финики дают журнал “Плейбой” с голыми женщинами, или пять банок финского пива, или полблока фирменных сигарет. Пуся-Пустынников из нашего класса тоже ходит фарцевать, к гостинице “Европейская”, и меня с собой приглашал, но я не согласился (*Зассал, трухлявый*, удрученно заметил Пуся) — там милиционеров как собак нерезаных, и все в штатском. В смысле, не

в американском, а в гражданском. То есть переодетые. Ему-то что, он все равно на учете в детской комнате милиции и пойдет в ПТУ, а потом в колонию и в тюрьму, а я должен быть как еврей особенно осторожный.

Снова залокотала “Сакта”, разыскивая “голоса”. Теперь будут долго-долго пить чай, с бутербродами с колбасой “деликатесной” из мяса степных животных и с грузинским сыром сулугуни. *Не ешь колбасы “деликатесной”, учили меня Бешменчики: козленочком станешь. Ешь сыр сулугуни, если больше нечего.* Это они, конечно, в переносном смысле, на самом деле от колбасы “деликатесной”, серо-розовой со слюдяными звездками и мраморными полумесяцами, ничего такого не делается, ест же ее полудиот Яша целыми батонами, и ничего ему не делается, только щеки начинают сально просверкивать сквозь редкую белую небритость, лоб морщится под зачесанными с висков к середине светло-пепельными прядями, а глаза в углах увлажняются и краснеют. Он ест ее всегда по воскресеньям, судорожно-прямо воссев на груди темно-красных голландских кирпичей у входа в летнюю кухню; поперек расставленных коленей — резальная машинка с надписью красной масляной краской “п/з ПЖ” вдоль лезвия падающего ножа. В каждом тончайшем колбасном кружке, сложивши его вдвое и вчетверо, он сперва проедает улыбающиеся и печальные рожицы, как на Театре Комедии в Елисеевском гастрономе, разноугольные звездочки, клеверные трех- и четырехлистники и другие элементы орнамента, а затем, запрокинув голову в растопыренную ушанку, с высоты прямой руки роняет подготовленные таким образом кружки “деликатесной” к себе в бескадыкое горло. И, жуя, поет: *Ах матка, ах сука, давай колбасы, сказал кочегар кочегару...* Яков Маркович подозревает, что предубеждение против степных животных у Бешменчиков от *местечковых суеверий*. Тут, я думаю, он прав; уж скорее с полуболотного “Полюстрова” сделаешься козленком или чем похуже — я от него всегда икаю и меня начинает пучить. Местечко, откуда суеверия, сейчас называется “поселок городского типа Язычно Красноказачьего района Днепропетровской области”, бабушка Циля показывала мне его в клубе Балтфлота на карте СССР, выложенной народными умельцами из желудей и шишек. Бешменчики, и наш с Лилькой покойный дедушка с маминой стороны, и все восемь двоюродных бабушек, из которых осталось три — Бася, Фира и Циля, а также при культе личности незаконно репрессированный папин отец, председатель Комитета еврейской бедноты, однофамилец и дальний родственник (*Аз ох’н вэй родственник! Чтоб у меня было столько горя, какой он родственник! Капцан, голь-шмоль перекатная, в двадцать третьем году приходил нас разъевреивать, а мердэр, до сих пор сердится бабушка Фира*) — все они в свое время переехали оттуда в большие города, такие, как Ленинград, Одесса, Томск и Якутск, *работать и учиться*. При царе наш прапрадедушка был в этом поселке городского типа знаменитый человек, начальник всех евреев, все его знали, от Львова и до Невеля, — он был Нафтали-Бер бен Яков, *молчаливый языченский цадик*. Все думали, он немой и парализованный, а его мысли сам пророк Илья записывает ночами под немую диктовку и на рассвете раскидывает листки по двору, но когда в 1905 году его усадили в тележку, запряженную мерином по кличке Вильгельмина (которого через восемнадцать лет вместе с тележкой реквизирует в пользу Комевбеда дедушка с папиной стороны), чтобы срочно вывезти из Язычно в Екатеринослав и тем спасти от подученных реакционными черносотенцами революционных крестьян, он, улыбаясь, сказал на древнееврейском языке: *Тпру-у, приехали*, махнул рукой и умер. В этот день ему как раз исполнилось сто четыре года. *Нафтали-Бер заговорил на смертном одре*, передавали друг другу евреи от Либавы до Дербента и гадали, что означают его последние слова. Но никто так и не догадался — быть может, кроме Ильи-пророка. Смешное имя “Нафтали-Бер”, как “нафталин”. Древнееврейский — это не такой язык, как простой еврейский, на каком бабушка Фира разговаривает с Бешменчиками, чтоб я их не понял. Там такие же буквы, как в журнале “Советиш Геймланд”, и тоже сзади наперед, но слова совсем другие. Вообще, все это, мне кажется, как-то у них излишне запутано. Раз в троллейбусе я подслушал разговор двух русских мужиков — с работы, но не особенно *датых*; тогда как раз израильская военщина что-то наделала, кажется, на кого-то напала или чего-то такое. *Видал, Серый, еврею-то какие боевые, оказывается. Кто б мог подумать! Так и метут этих, чучмеков сраных, по кочкам*, сказал один мужик, постукивая по третьей, международной странице газеты “Ленинградская правда” согнутым указательным пальцем в сетке угольно зачерненных трещинок. *Ой, не сечешь, Толян, сонно отозвался второй из-под кепки: То ж не эти евреи, не наши. То — древние! А как же папа с его гойкой?! Они что, тоже уже древние?! Перманент на это только посмеивается и непонятно говорит: Да.*

Перманент посмеивается и непонятно говорит: “Да”. — “Ну как знаешь”, — обиженно отвечает Лилька. Если в окошко — они точно услышат, как струя стучит и плещет о зачерствелый снег. Даже

с “Сактой”, передающей “Полевую почту “Юности””: “ДЛЯ ЕФРЕЙТОРА-ПОГРАНИЧНИКА, ОТЛИЧНИКА БОЕВОЙ и ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ВИТАЛИЯ МАКАРЫЧЕВА ГАЛЯ КОЛОМИЙЦЕВА ИЗ ЧИМКЕНТА ПРОСИТ ПЕРЕДАТЬ ПЕСНЮ КОМПОЗИТОРА РАЙМОНДА ПАУЛСА НА СТИХИ ПОЭТА АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО “МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ”. ПОЕТ ПЕВИЦА АЛЛА ПУГАЧЕВА”.

Разве если чуть погромче сделают. Я выгибаю поясницу, вжимаю одну в другую ноги наверху и напрягаюсь вокруг. А если в вазу с камышиной, то еще неизвестно, сколько в нее помещается, в толстостенную, узкую — не перельется ли через край, на половицы или, того хуже, на напольный редковязанный коврик из чередующихся тускло-зеленых и блекло-синих концентрических овалов? В письке по нарастающей становится невыносимо — почти больно и одновременно как-то остро-щекотно... не знаю как... Я переворачиваюсь на живот и с силой вжимаюсь в кровать, которая подается вниз и не дает упора — не смогу сейчас больше удерживаться, конец! *Держись, братишка... Моряк не плачет, никогда не плачет, есть у него другие интересы ...* Но тут — слава те, господи! — за окном, над морем, в черноте пограничных небес зарождается тройной полый звук, нарастает, сливается, наполняется гудом, превращается в грохот. с орденоносной авиаматки “Повесть о настоящем человеке” стартует звено самолетов-перехватчиков под командой капитана третьего ранга Амбарцумяна. Наверно, какой-то неопознанный летающий объект вторгся в воздушное пространство нашей Родины. Я вскакиваю на еще пуще прогнувшейся и вдогонку взлетевшей кровати, толчком распахиваю окно и вспрыгиваю на перекладину затрясшейся изголовной спинки. Занавеска вся почти отцепилась, на одной лишь верхней левой кнопке вывисает наружу. Металлический холод заткнул мне дыхание, налегает на грудь, примораживает к кроватным трубкам пятки и голени, а к круглым бронзовым ручкам оконных рам — сырые ладони; ослепляет. Ф-ф-ф-ф-у... *слаа-те-носссподи!* Кажется, снежное поле мелко вздрагивает, как будто картинка справа налево передергивается. Море — черное — неподвижно. В сахарном поле шевелится свет, но живого там никого. Ни тени, кроме как от сортира. Пусто. Грохот начинает отдаляться, таять, стихать. Повезло: секундой раньше — и я бы не успел закончить: струя слишком долго разворачивала, пробрызгивала глухо слипшуюся крайнюю плоть. Вместе с тишиной я опрокидываюсь на спину, створки окна звучно захлопываются, прилетев за руками. А занавеска осталась на улице — вьется, расправляясь и скручиваясь, стучится о стекла, мокрая. Пружины кровати подбрасывают меня снова и снова, со стихающим отзвоном слабеюще скрежеща. Тишина, только в потолке тяжело скрипучие, медленные шаги жидятинских сестер. Чего они там делают? “Э-э, ты чего там делаешь? — из кухни, поверх роз и внутристаканного звяканья ложечек, кричит Лилька. — Нормально все?” Ничего... все нормально... — я счастлив.

3. СИСЬКИ МЕРИЛИН, ИЛИ ЦЫГАНСКИЙ ШОКОЛАД

...Географии опять нет, потому что ее вообще нет. Ее заменяет завуч Ленина Федоровна, у которой перед торжественным собранием, посвященным шестидесятилетнему Великому Октябрьской революции, в хоре старых большевиков Куйбышевского района каждый божий день спевка, так что биологии тоже никакой нет и надолго, а от физкультуры у меня было освобождение после ежеосенней ангины, еще две целых недели. Пуся, правда, звал *побомбить малехо* у гостиницы “Европейская” *фирму*, но я пошел другим путем — по щелкающему троллейбусными проводами, чмокающему в подошвах набухших бот, косо почирканному хлопчатому, на лету исчезающим снегом Невскому — в невыносимо натопленный, потно и винно припахивающий вчерашним последним сеансом кинотеатр “Колизей”. “В джазе только девушки”, в зале только мальчики, человек шесть. Мерилин робко пляшет в вагонном проходе, с игрушечной гитарой, втиснутой под нечеловеческие груди, с плоской фляжкой, ненадежно заткнутой за чулочную сбрую над коленкой. Мне душно в расстегнутом мокроволосом пальто. Я смеюсь, чтобы не заплакать. Мне неловко перед собой и остальными пятью, хоть те и дремлют глубоко внизу, в первых рядах амфитеатра (между коленей стиснуты кулаки, в кулаках — шерстистые кепки, трубочкой свернутые); иногда вскидываются и опадают наждачными подбородками, упертыми в воротца ключиц, — с неравномерным зубовным подщелком. Мерилин, ты давно умерла и похоронена, похоронена и сгнила, сгнила и рассыпалась. Когда ты, сводя чашечки плечей, наклоняешься к нам несгибаемым верхом туловища, я слышу кондитерский запах смерти с экрана. Я люблю тебя, Мерилин, — твои сиськи, твои толстые, кроткие ноги, пергидрольную белизну твоих волос и святые парикмахерские глаза — все твое, отмеченное проклятием полубессмертия на растресканном полотне. Я люблю это горячо.

* * *

Ну до чего ж *та еще дура* Лилька перетопила, сил просто нет — того гляди, на смежной с кухней стенке треснет и осыпется зеркало, заполненное законным мельканием, а заржавая рамка “Панорамы Гельсингфорса” (вспомнил! — *литографія акад. Солнцева, бесплатное приложение подписчикам “Нивы” на 1913 годъ!*) напрочь распаяется в крестовинах, и штриховая серо-черно-желтая картина — извиваясь и шурша — выскользнет-выскользнет-выскользнет на пол. А вдруг дровяных калабашек, что сложены вдоль прохода в сенях, не хватит на остаток ночной протопки? — новых-то Яшка с малым пока не кололи! Нет, судя по всему, не зря двоюродная бабушка Фира горячо шепчет, высывая из-за букинистической пальмы в оплетенном горшке свою круглую голову, розовато-белую на просветах между мельчайшими плотными завитками прически — голову, как бы равномерно обложенную тонким слоем холодной вермишели — не зря она шепчет, что *дурынде этой легкомысленной двум порослям похлебку не разнести, а тоже туда же, замуж побежала! Тю!..* Мне жарко и колко поверх скомканных пограничных одеял. Кожа на ладонях отдельно горит. Губы шелушатся. Горло слева не сглотнуть. Глаза высохли и стали слишком малы для саднящих, для опухнувших век. *Ничего, научится еще, не боги горшки обжигают*, замечают рассудительные Бешменчики: *Ребеночек родится, кин айн нуре ништ, всему научится; как все, так и она. — Как же, родится! Я вас умоляю, шейне майсе нур а курце! Что от такого... воблика... может вообще родиться?! Одни Аборты Яковличи какие-нибудь!* окончательно воспаляется бабушка Фира и хочет добавить еще что-то, о чем потом пожалеет, но остальные посетители телевизионной комнаты на втором этаже Дома ветеранов хлебулочной промышленности поочередно оборачиваются к пальме и с оборотом последнего хором шикают — начинается информационная программа “Время”, уже и заставка пошла на взволнованных позывных. у наших-то Жидят, надо полагать, вообще телевизора нет, даже черно-белого — никакой антенны на крыше пакгауза я не видел, когда прошлым летом туда лазил, для каникулярного задания по биологии “Птицы и звери Ленинградской области” смотреть на летучих мышей, которые как нарочно куда-то все улетучились. и как они только так живут, *без ничего*, — и не скучно им в этой запредельной глуши, где даже нет летучих мышей, без ничего жить? Или это Яков Маркович пошутил насчет летучих мышей и они в этих широтах не летучие? Говорят, здесь видно финское телевидение — там показывают “В джазе только девушек” на финском языке; ну так что ж с того, Жидята-то наши его с самых белофинских времен должны знать — тихой ночью между взлетами с авиаматки бывает слышно, как хозяйка Раиса Яковлевна перебазаривается у себя наверху с дочками на каком-то скачуще-тягучем *кюлле-мюлле*, чтоб в случае чего мы ни в коем случае ничего не допоняли; — по-каковски бы, как не по-фински!? Лильке-то с Перманентом здесь без телевизора хоть по-волчьи вой, да не с кем, но Лилька с Перманентом в этом вряд ли когда сознаются — *культурным людям не бывает скучно*, любит повторять Марианна Яковлевна, чья интеллигентность доходит до того, что она баклажаны называет “армянскими огурцами”. Яков Маркович, тот хоть в церковь каждый день на лыжах бегаёт и, опасаясь междуцарствия, ловит последние известия по радио, а Лилька, бедная, сидит куча кучей на кухне, сосет барбариски и читает книгу “Моя жизнь в искусстве”, в позапрошлом году принесенную для подготовки к вступительным экзаменам с Мориса Тореза. ...Двоюродные бабушки называют баклажаны просто “синенькие”.

— Не спит же еще, Яник, ты что? — роняя останки бутерброда в стакан и вокруг, радостно-возмущенно шипит Лилька и где-то под столом пытается выковырнуть из своего халата маленькую перманентовскую ступню в лыжном носке с почерневшей пяткой.

Что, если я не дождусь до Ленинграда и умру здесь от ангины, *как Хаим, никем не замечаем?* Лилька войдет ни свет ни заря будить к отъезду, а я лежу навзничь, в застывшем каплями смертном поту — синенький, задохшийся, рот полуоткрыт, как у полуидиота Яши. Она скажет: *слава богу, пропотел наконец-то*, и тут до нее дойдет, и она сядет на пол — держась за кровать, в сложноволокнистых рассветных потемках белея головой и ногами. Но я этого уже не увижу. Меня с силой передергивает от отсутствия в будущем мире, от того, что там все есть как есть, только меня нет как не было. В глазах — газированными пузырьками — слезы. Я сильно вздыхаю сильно раскрытым ртом, разорвав в его углах щекотные, склизкие нити. Волосы болят, хоть не могут; с рикошетом к затылку стреляет в правом виске. и все, что я *думаю*, тоже исчезнет незаписанное, и мне никогда не сделаться самым молодым писателем, даже если изобретут такую машинку, не говоря уже, что никогда никого не отпилить, не отпялить и не отпидулить. Так и останусь *мальчиком невинным*. Пусе-Пустынникову известно, что только если от лобка до пупка проросла полоса волосиков, то, значит, ты уже созрел. Это называется “лестницей на яблоньку” или “блядской дорожкой”. у меня еще такой нет. у него наверняка тоже — он гладкий, вздутый,

розовокожий; у таких оволосение позднее и скудное. Ни у кого в нашем классе нет, кроме как у Исмаила Мухамедзянова с минусовым, что у скворечника, затылком и широкофюзеляжным лицом, сложенным из крупных приплюснутых шишек. Он нам эту лестницу или дорожку показывал (хотя его никто не просил) на чердаке дома номер четыре по Поварскому переулку, где мы после уроков играли в “трясучку” и “орлянку”, — действительно, пяток каких-то тараканьих ножек прилип к его желтоватому животу с выдавленным и неровно засохшим чирьем над пуповой котловиной и с нечетко четвертованным оттиском пуговицы под. Пуся позвенел в ладонном гнездышке выигранными у нас серебром и желудью, звучно обсосал снизу доверху внутренность своего пышного горла и харкнул навесом в середину чьего-то заволновавшегося на бельевой бечевке пододеяльника, в самый центр ромбовидного выреза. и прибавил, что этого, дескать, еще недостаточно: следовало бы еще проверить, достает ли оттянутая вниз пиписька до жопной дырочки — как он выразился, до *срачка*. Если достает, вот тогда точно да, *пожалуйста бритесь*. Побагровевшие в процессе показа скульпные Исмаилкины шишки сызнова стали пятнисто обесцвечиваться, он боком отшагнул за косую балку, куда от узкого окошка в крыше не достигал медленно вращающийся пылевой конус, и, затискивая кулаками рубашку под ремень, так отнесся к нам, что достает не достает, в настоящий момент времени это неважно, потому как все равно — *пионеры не е...ся*. Вот когда нас примут в комсомол, тогда, конечно, да, — пожалуйста бритесь! А если Пусю за все его художества не примут в комсомол, как постоянно грозитя классная? — что ж ему тогда, навечно *целочкой* оставаться, так что ли? ...Знаменитый дореволюционный ученый профессор Мечников, который открыл девственную плеву, был тоже еврей... *Татары коней через ж... е...*, холодно сказал Пуся. Исмаил Мухамедзянов бросился на него из-за балки, но запал носком ботинка в выбоину чердачного настила и с множественно-глухим стуком упал. Древесная труха (пополам с растертым нашими подошвами голубиным пометом) облаком обстала его рыжую плоскостопную голову. Из ноздрей извилились две кровавые дорожки. *Нам, татарам, одна хрен*, сказал Пуся, *что водка, что пулемет, лишь бы с ног шибало*. Исмаилка Мухамедзянов оглядывался по сторонам и медленно обводил прыщеватым с исподу, обызвествленно-сиреневым языком верхнюю губу, при намокании обнаруживающую в разных местах разрозненные короткие пра-усики. Он никогда нам всем этого не забудет.

Обеими руками я ухватываюсь сзади над головой за спинку кровати — она хорошо холодит, но все ее трубки и прутья скоро согреваются и как бы превращаются в продление горящих ладоней. К чему бы прислониться лбом и щеками? ...Интересно, у хозяйского малого выросла уже эта *блядская дорожка от лобка до пупка* или еще нет? Подобные блондинистые шкилеты бывают ранневолосатые. Яков Маркович прошлым летом предлагал Райке Жидячихе: *почему бы ребятам вместе не помыться, чего ж даром-то пар тратить?* Хозяйка приостановилась (не остановилась, а как бы вполборота застыла в шаге — древнеегипетский барельеф из Эрмитажа с цинковым тазиком пестро-крупитчатого куриного корма у низом выпяченного живота; поверх множества юбок — серая шаль редкой и толстой вязки), помолчала, неподвижно глядя сквозь Перманента на съезжающий к авианосцу свежесвежеванный закат, затем издала неопределенный звук — что-то между сплевом и свистом — и пошла себе дальше по своей древнеегипетской надобности. Вот за это их и не любят в поселке, — *ломаются, как пятикопеечные пряники, фон-бароны засратые! Шибко много об себе понимают!* Конечно, ни в какую баню я бы с ним все равно не пошел — в баню! еще чего не хватало! — да меня бы и Лилька не пустила, она меня только двоюродным бабушкам доверяет мыть, да и то потом — потерев наслюнявленным указательным пальцем сзади по шее и под лопатками, проверив, шероховаты ли локти, и раздвинув на свету все восемь ножных междупальчий, где обычно заседают такие черные, легко сворачивающиеся в шарик чешуйки, — саркастически хмыкает. В совсем общей бане, с людьми, я все же один раз почти что мылся: отчима тогда сажали *по чайному делу*, и бедная мама сутки напролет *моталась, как заведенная*. Или *как заводная?* После и вместо работы она бегала к адвокатам и от следователя по фамилии Чайкофский (и по служебному прозвищу Жидовский Рассадник, так как он вел еще *кофейное дело* Гурфинкеля и Гарфункеля), искала по учреждениям кого замазать (чтобы отчима отмазать — никого не нашла) и по продуктовым магазинам твердокопченую колбасу для передач (то же самое), и вообще чуть ли не поселилась в приемном помещении Крестов — в *предбаннике допра*, как это по-довоенному называется у Бешменчиков; спасибо хоть, ночевать доходила домой. В общем, *ни вздохнуть, ни пернуть!* — так она говорила устало, по приходе сев на кухне к столу, прикрыв милые, близорукие глаза синевато-паутинными веками и протянув ко мне для расстегивания обе узкие ноги в заляпанных слякотью замшевых югославских сапожках с запинаящейся молнией. Двоюродная бабушка Фира, временно переселенная из Дома ветеранов хлебобулочной промышленности,

будить меня в школу и кормить еще соглашалась, но мыть отказывалась категорически (*Этот ребенок, вы еще с ним наплачетесь, до ста двадцати. Ты ему да, он тебе нет, ты ему черное, он тебе белое, все аф цулохес, настоящий цулохешник, до ста двадцати!*), а свеженеобращные Лилька с Перманентом жили тогда за трескучей китайской ширмой на Мориса Тореза, так что в Некрасовские бани неподалеку от Мальцевского рынка (Бешменчики говорят наоборот) по маминой просьбе свел меня наш балтфлотский снабженец дядя Яков Бравоживотовский, поднаехавший как раз с Жидятина за гвоздями, горбыльком и штaketником. Я плакал и не хотел в мыльную, не говоря уже о парной, прикрывался шайкой из синевато-радужной жести и боялся красных полужидких мужчин с прилипшими к костистым плечам листьями. *Ты, брат, не просто сачок, ты даже не сак! — ты, брат, целый Сак Исакак!* восклицал дядя Яков, почесывая длинный морщинистый и путано-волосатый мешочек, где, как в бильярдной лузе, тесно и косо лежали его яйца. В результате он махнул на меня рукой с расплывшимся неравнолапым якорем пониже сгиба и ушел париться, звякая о кафель привязанным к лодыжке номерком от одежного ящика, будто он не моряк, а кавалерист, — а я остался в переодевалке с шайкой, прислоненной к сраму. Мама и набежавшая с Мориса Тореза Лилька полночи потом на дядю Якова (он же тем временем со всасывающим свистом *давил в гостиной четыреста восемьдесят* на вислом брезенте гостевой раскладушки) ругательски, но приглушенно ругались и в четыре руки перемывали мое сонное недомытое тело. *с тела вода, с мальчика худоба*, сказала мама и почему-то заплакала. Вот поэтому дядя Яков, сколько его ни упрасивал поддержанный двоюродной бабушкой Цилей Перманент, никогда не берет меня к себе на базу ВМФ мыться — говорит, что такой плаксивый жидовский ребенок, как я, опозорит его перед всем офицерским корпусом. Бабушка Циля считает, что у них там, в офицерской бане, происходит *полнейший Содом и Гоморра, пьяное безобразие и моральное разложение, сплошной упадок Римской Империи*, и что *из-за этого* он меня не берет, а не почему-нибудь. Лилька только улыбается и походя щекочется.

Как должны быть счастливы те, у кого день-рождение приходится на последнее воскресенье июля, на День Военно-Морского Флота! Прибрежные скалы начищены до медного сияния, осока наточена до окончательного блеска, камыши умыты и расчесаны на косо́й пробор, корабли опутаны флажками и фонариками наподобие новогодних елок, оркестр в парадной форме стоит день-деньской на плацу военморгородка и безостановочно бацает “На сопках Маньчжурии”, “Амурские волны” и “День Победы порохом пропах” — *песню про пах*, как шутит дядя Яков. Матросы в хрустящей одежде сходят на берег и — *открывши сто Америк*, чеканя шаг, поворачивая напряженные лица направо — маршируют мимо пакгауза (во дворе никого, один только Яшка хозяйский: сидит перед летней кухней в ушанке и ватнике, несмотря на июльское солнце, и в летних очках, смотря на июльское солнце — запрокинутый, ловит ртом фигурно проеденные кружки “деликатесной”; перед сортиром ходит, потупясь, курица; пузырясь, мокнет белье в тазике у входных дверей; на подоконнике кухни лениво передувается стрельчатым полушарием Лилькина книжка “Моя жизнь в искусстве”, туда-сюда-обратно). А дальше — “по команде вольно”: болотом, оскользаясь на новенькой, химически пахнущей свежееоскальпированным деревом гати — в своих бескозырьках и белых рубашках с прямоугольными отложными воротничками (у старослужащих на брюках надставлен размашистый клеш), схожие все как один с моей фотокарточкой пятилетнего возраста, сделанной в фирменном детском фотоателье на улице Некрасова, — сегодня для них в клубе Балтфлота праздничным сеансом “В джазе только девушки”. А после сеанса — махаловка с погранцами, уже поджидающими у выхода; они всегда махаются, как встретятся, поскольку никак не могут согласиться друг с другом в вопросе про Мэрилин Монро, кто она: “королек” или “сиповка”. Моряки стеной стоят за первое, пограничники — за второе, и получается *стенка на стенку*. у всех срочнослужащих (кроме на судах вахтенных и заступивших в караул на кордоне) этим вечером полная свобода до отбоя — офицеры не только что с нашей заставы, но и с четырех застав, то есть со всего погранотряда, приглашены по окончании торжественного митинга на базе ВМФ в финскую баню, а сверхсрочный контингент — старшины, прапоры и мичман, — спервоначала гуляет медленно вдоль моря с толстыми женами, одетыми в платья из разноцветного гонконгского шелка, которым тайно торгует китаец Цыпун (из-за валунов завистливо смотрят цыганки, поверх множества пестрых юбок у них — редкие веревочные шали), а как стемнеет, идут на плац — степенно вальсировать в мелькающей темноте. Без секунды полночь сутулый мичман Пун Цы, оставшийся вне бани за старшего по званию и давно уже стоящий на пирсе к берегу спиной, задумчиво встряхивая бедрами, резко обернется, поднимет над своею слегка скособоленной головой правую руку с пистолетом системы Макарова (левая — еще копается в тугоухой флотской ширинке) и на краю внезапной тишины оглушительно прошепчет замолкшему оркестру

и остановившимся парам: *Я депутат Балтики — я в нее ссал!* и — фейерверк. ...А чего такое бывает в ночь с шестого на седьмое апреля, сегодня?! Практически ничего, *гурништ мит ништ*, как выражаются двоюродные бабушки Циля, Фира и Бася, Бешменчики, Муслим Магомаев, изобретатель девственной плевы профессор Мечников и даже дядя Яков Бравоживотовский, хоть он и русский офицер, интендант второго ранга, военный интеллигент, — словом, все евреи, за исключением литваков, у которых бы получалось *горнит мит нит*, что без плотной и мягкой, хорошо облегаящей язык буквы “ш” совершенно не звучит; поэтому они молчат.

“Нет, Лилькин, как-то у меня сегодня на сердце неспокойно: уже апрель, а идеологического пленума нет как нет, консерваторы в Политбюро проталкивают Романова, а тут еще эти, аборигены сиволапые: устроят еще нам, не дай Бог, какое-нибудь тут дело Бейлиса-Шмейлиса, а заодно, может, еще и Дрейфуса-Шмейфуса — ...твоим дяде Якову с бабушкой Цилей!” Его ладонь, лежавшая на белом Лилькином животе, вдоль нижней выпятившейся складки (большой палец с удлинненным полированным ногтем заложен в крутой заворот пупка), ползком высвобождается из-под резинки рифленых рейтуз и с нажимом переносится к лоснящемуся узковыпуклому лбу. Марианна Яковлевна с петербургским акцентом рассказывала Бешменчикам про этот лоб еще на свадебном банкете в ресторане “Москва” на углу Невского и Владимирского проспектов, над кафетерием “Сайгон”, напротив Соловьевского гастронома: *у нашего Янечки с раннего ешче детства замечался такой п'тливый ум, такой п'тливый ум... — вы не поверите, товаришчи: он ешче в пятом классе все мои спеціальные книжки от корочки до корочки прочел, мы с мужем думали даже, быть ему знаменитым геникологом. Но гуманитарный уклон победил — это в Марика... Ну, не в деньгах с'частье...* Лилька с сочувственно-серьезным лицом подхлопывает пару раз глазами вверх, потом съезжает (в два вывинчивающих вращения таза) со вздрагивающих перманентовских коленей. Переваливаясь с бедра на бедро, подтаскивает кверху рейтузы, застегивает на халате три нижние пуговицы спереди, с хлопчатым треском одергивается и — назад, к стакану в броненосном подстаканнике с гербами и бляхами, допивать остывший чаечек и заедать его мелко-звездчато обкусанным бутербродом с сулугуни. Перманент же не оставляет одной рукой продольно натирать себе лоб, другую — поперечно задергивать на “техасах” заевшую молнию и при этом вглядываться в заоконную электрическую продресь. “Весь вопрос в том, какую позицию займет Громыко!” Снова шаги наверху; заглушенный женский голос — это наверняка одна из сестер: то ли поет чего-то, то ли ругается.

Великую мерилиновскую махаловку прошлого лета я наблюдал с бетонной крыши “Культтоваров. Продуктов. Керосина”, совместно с местными, аборигенскими, пацанами и пацанками; их атаман Вовка Субботин — коломенская верста с физиономией вяземского пряника — брал по пятнарику с рыла за вход, точнее, за всход по приставной лесенке, принесенной им из родительского сарая. Взрослые поселчане располагались на ящиках внизу; — женщины (особенно же выходная продавщица Верка, которая по этому случаю *причепурилась, как шалава*) болели за моряков, а мужчины симпатизировали пограничникам. Священник отец Георгий в свеженаглаженной встопорщенной рясе помахивал рукой в дверях церкви и, добродушно улыбаясь, говорил кому-то вовнутрь: *Глянь, Семеновна, какие орлы, а? чудо-богатыри-то какие, спаси их Господь и сохрани на суше и на море!* Пустырь между церковью и ларьком заняли полукружьем мужские цыгане, все от мала до велика в одинаковых бурых пиджаках в косую полоску и в огромных морщинистых сапогах, ослепительно начищенных самодельной ваксой. Целый их табор, словленный в семьдесят пятом или шестом году на Выборгском горвокзале, был тогда оброен во вторую шестиэтажку зашлагбаумного поселка, с целью поголовного перевода на оседлость, но через пару лет, после того, как они, оснастив телеги полозьями и оклеив копыта коней наждачной бумагой, попытались по льду залива заблудиться в Финляндию, их переместили подальше от госграницы, в показательный пушсовхоз “Первомайский”. Цыган устроили работать в обдирные цеха, а цыганок — на малое подсобное предприятие по пошиву прозодежды. Все в поселке сперва изумлялись, что их за такие дела отправили не в Коми АССР, а в “Первомайский”, но потом пришли к заключению, что власти испугались ЮНЕСКО, в которое цыгане, как известно, чуть что, сразу пишут жалобы, выставляясь обиженным нацменьшинством. В погранзону они тем не менее регулярно приходят по выходным и праздничным дням, хотя пропусков их, конечно, и лишили, — продают офицерским и сверхсрочным женам меха и кожи, *мягкую рухлядь*, как исторически говорит Перманент, и подковывают трех своих пожилых лошадей (каурюю, просто бурюю и бурюю в сивых от старости яблоках) у трех пожилых сестер Жидята за летней кухней. За треху. Когда бело-сине-черное смешалось перед колоннадой клуба Балтфлота с защитно-зеленым и все восклубилось позолочено-серым, цыганские мужики разом хлопнули себя по голенищам кожаными кнутиками, а мужские

цыганята перекатили из одной щеки в другую колоссальные куски твердокаменной массы, которая *ломом* продается в ларьке “Культтовары. Продукты. Керосин” и называется обиходно “цыганский шоколад”. Победили, конечно же, моряки, потому что все пограничные собаки были в наряде или, положив, как львы, морду на лапы, отсыпались в своих огороженных колючей проволокой будочках, но Яшке Кицлеру досталось-таки от ярого во гневе Макарычева *будь здоров не кашляй*. Здоровее, наевшись свежего асфальту, Кицлер не сделался, но и не откинул, как ожидалось в публике, копыта, коньки и салазки, а, догнав уходящего ефрейтора, с криком *моряк ребенка не обидит!* заехал ему по спине пряжкой намотанного на запястье ремня. Макарычев удивленно обернулся, но оборзевший Яшка уже обогнул его и бежал далеко впереди по улице имени XXIV съезда, без следа растворяясь в начинающихся сразу же за фонарем ясных июльских сумерках. Ефрейтор рванул было вослед, но поехал подошвой по одному из нескольких уже несколько зачерствевших конских яблок (они выпали, зеленые, двумя часами раньше из-под фонтанно вздутного хвоста одной очень старой цыганской лошади по имени Вильгельмина Семеновна), едва-едва что удержался на ногах и остановился, взмахивая и расшаркиваясь, как птичка. Вокруг лежали вповалку тела его заставских товарищей, на телах сидели верхом победоносные балтийцы и казали козу офингаленным погранцовским глазам. Пыль медленно оседала, переслоенная с закатом. *Велика Россия, а наступить некуда!* сказал Макарычев, уравновесясь, и плюнул. Позже они с Кицлером через парламентаров сошлись на том, что под макарычевской левой лопаткой по следу от пряжки будет бесплатно нататуирован якорь (первый в кицлеровской практике равнолапый) и тем окончательно скреплено перемирие.

А, может, мало этого какие-нибудь цыгане украли? Почему никто не думает на цыган? — цыгане часто воруют детей, всем такое известно: воспитывают их у себя в своих цыганских идеалах, а потом посылают на улицу гадать и побираться. На Финляндском вокзале (Пуся-Пустынников, тренируя словарный запас для *зоны и химии*, называет его по фене *Финбаном*), от выхода из метро “Площадь Ленина” до Выборгской электрички, Лилька всегда держит меня влажно и цепко за руку, чтоб не украли цыганки, — они там по перрону так и шастают, болтая внутри полурасстегнутых кофт длинными темно-желтыми грудями, на которых гроздьями висят прикусившиеся цыганские, а может, и ворованные младенцы. Лилька почти бежит вдоль поезда, почти не сгибая колен, будто занимается “спортивной ходьбой” — бедра, наподобие маятника, быстро перемещаются из стороны в сторону; голова с полукруглым красным ртом откинута назад, на середине беловолосого облачка, там, где черное начало корней — плоская круглая шапка с закинутой наверх светло-зеленой сеточкой. Я отстаю с ее рукой, оглядываюсь. Сзади подпрыгивает Перманент с чемоданами, стучащими о перрон. Конечно, курьерский поезд Москва—Хельсинки довез бы нас до Жидятина раза в два скорее любых электричек, но он поблизости от запретзон не останавливается, поскольку возит шпионов и диверсантов. Да и билеты дороги. Когда мы с мамой и отчимом ездили плацкартным в Одессу к двоюродной бабушке Басе, я все время думал, почему у поезда изнутри звук дробный, а снаружи сплошной и почему он, в какую бы сторону ни ехать, всегда едет в одну и ту же сторону. Это одна из вещей, какие я решу и опишу, когда вырасту. Еще я напишу по книжке про жизнь каждой из двоюродных бабушек — и живых, и которые уже умерли, и отдельно — про родную бабушку Эсю, мамину маму, которую в сорок восьмом или девятом году алкоголики-хулиганы-черносотенцы выкинули из двадцать восьмого трамвая на углу Невского и Владимирского проспектов, рядом с Соловьевским гастрономом, напротив ресторана “Москва” — двоюродная бабушка Фира водила меня по секрету от мамы и отчима смотреть на место, где раскололась Эсина голова; теперь я всегда боюсь на него наступить, когда прохожу мимо. Надо будет только дать им всем другие имена и отчества, какие-нибудь русские, потому что Бешменчики говорят, что про евреев нельзя печатать книжки без особого разрешения ЦК КПСС, иначе могут получиться погромы.

II

1. И БУДЕТ у НАС КРОВЬ ЗНАМЕНИЕМ НА ДОМАХ

Мискин кисленький краешек постукал дробно по зубам, те в корнях беззвучно и пустотело зазвенели, миска же отодвинулась — наконец-то разгородила дыханье. Следом, с запоздалым каченьем и чмоком, на донце у ней отхлынула мшистая жижа —

холодный маковый суп. Баба Рая, оставивши миску на табурет у изголовья, отёрла мне шероховатым запястьем подбородок и губы, приподняла под шею с подушки и зашептала, будто широко, беззвучно и душно засвистала рот в рот: “Проснёшься, князьенка, всё вспомни. Первым же долгом вспомни всё, как было, как есть: где ты? кто ты? где у тебя что? — верх, низ, право, лево. Где Рим, где Ерусалим. Чтобы было, как было. А пока не вспомнил — очей, однако, не размыкай, целиком сначала в уме найдись. Великий нынешний день ото всех прочих отдельный, — пока не нашёл себя всего до последней щёпотки, никуда, гляди, не гляди. и не думай даже, князьенка! не то до скончанья века не найдёшься, будешь вон как Яша наш — по крайний срок потерянный”. Отпустила падать затылком в подушку, наложила бескозырку на подпрыгивающее лицо — до верхней губы, чтоб во сне не задохся, и ушла за простыни.

Ну вот я проснулся на койке, лежу навзничь (посмел бы разомкнуть веки, не увидел бы всё одно острого чердачного потолка: его высота теряется в его темноте). На лице у меня сидит ещё Яшина эта бескозырка бесхвостая, затхло-сладко пахнет залубенелым суконцем, с исподу сырая и сырная от пролитых во сне слёз. Койка изножьем припёрта под среднее западное окошко — сквозь жидкое сено матраса пружинные перевязки подкалывают спину, затылок заваливается за изголовье — слегка. Чердак весь вдоль, поперёк и угловым ходом разгорожён простынями, они там в сумерках должны смутно белеться, а поверх приналегли темно-кривые девкины чулочкины и растопыренные рубахи. Куда только было гвоздь вогнать, где что деревянное — хоть стреха, хоть стояк, хоть верёя дверная, — туда девки и наколотили, а потом опутали всё от гвоздя к гвоздю военно-полевой связью, полторы катушки извели хорошей, финской. Высотою по плечо, по бабы-Раино. Чердак пройти из конца в конец, от трапезного места у печи до выхода на лестницу, и чтоб без подныра под простынные завеси — с ума съедешь, потеряешься. Один только Яша знает все входы и выходы, проходы и завороты. Все его кричат, коли не помнят куда. А без простыней тех и того хуже — перережешься, того гляди, в полусвете об шелушённую телефонную проволоку. Где у бабы Раи плечо, у меня уже горло.

В пяти полотняных отсеках (из приоконных шести) поставлены тут у нас зелёные такие лежаночки — рейчатые, будто из забора сколочены. Их подволок с берега Яша и сам теперь где-то на одной скрючился боком — сожмурился весь и уши заткнул: жалеет меня. В шестом приоконном, под средним окном западным, — моя железная койка, под семью одеялами на ней лежу я, колени расставил и поднял, как кузнец какой. В остальных же несчётных отсеках — одёжные кули на газетах подстеленных, и с мелким прикладом коробка друг на дружке, и прочая ненужная домашняя снасть. Через все простыни, чулки и рубахи доплывает ко мне холодный тонкий чад, сырой, дотлевают — так и тянет прожжённым насквозь камнем, протлелым насквозь деревом, плоским известковым хлебом. Под простынями куда хотят ходят наклонясь бледные куры, за ними шагает петушок Авенирко, хранит их от крыс. Коза, бедная, та во дворе во времянке зимует, до чердака ей не вскарабкаться на четырёх ногах, лестница уж больно крута. Невысока: восемь ступенек до чердака, ещё одна — с чердака выход на крышу, а последняя так просто — пустой приступочкой лишней: всего, значит, десять; но крута, отвесная почти, козе на четырёх ногах не взойти. Баба Рая и та с трудом взлезает, когда ночью с работы и подоила козу. Но сегодня кашеварить она не ходила, сидит с утра в самом дальнем от входа углу, за двенадцатым поперечным рядом простынным, на патронном перевёрнутом ящике — у той из броненосного листового железа сваренной печки, откуда чад. Рядом на корточках девки, все в простынных белых накидках, в самодельных великодённых хламидах, но куколи отброшены за спину: трут песком миски-сковородки, скрежещут, шуршат, сухо поплёскивают, мычат неслышно чего полголосом не слишком-то в лад. Но я знаю, чего мычат, которую песню — ту великодённую. Тут же возле, на шестидюймовом гвозде над высоким креслом пустым, над престольным местом из морённой морем сосны, покачивается дореволюционный фонарь “летучая мышь”, пожужживает с отстрёкотом динамой ручной. Пока временно всё так оборудовано — мы ж тут, кроме Яши, не навсегда живём на пакгаузном чердаке. Самое крайнее, только до русской паски, когда съедут снизу ленинградские дачники. Внизу, под полом, дачники те сейчас глухо друг на дружку кричат, перебегают из кухни в комнату и из комнаты в кухню топоча, а то начнут громыхать в сенях об ящики лыжами. Шли бы лучше поискали по округе своего малого, а то он, в посёлке говорят, потерялся у них: с недельник никто его

не видал ни здесь, и ни там, и нигде — недельник уже с гаком. Не врут коли поселковые, будто пацан у них потерялся, — поэтому, значит, и не съезжают: надеются, вдруг найдётся. Стулья у них бесперестанно скрипят, двери бухают и радио не выключается никогда. Городские русские люди, они привыкли шуметь, такое их свойство.

Наш верх, их низ (но только до русской паски их, потом вновь наш) — а вместе получается пакгауз. Пакгауз поставлен кесарем Пётрой на Жидячем Носу (по-русски “погранзапретзона полуостров Жидятин”) у самого Алатырского моря, шведскими пленными сложен из красного голландского кирпича и дан по скончанье века нам. у бабы Раи на то есть бумага с гербом в жестянке из-под “папирос Жуков”, от самого Жукова получена, от балтфлотского главного адмирала, и другая ещё — от хозуправления штаба Ленинградского военного округа. На жестянке нарисован турок в обширных шароварах полустёртого цвета, на голове у него перевернутое алое ведёрко с кисточкой, над кисточкой висят колечки рваного дыма, одно за одно зацеплены, а усы как у сомика. у кого усы, тот сволочь.

Хорошо, теперь где у нас Рим? Он у нас от пакгауза на зюд-зюд-ост, от меня же, как я лежу, об левую руку. Это у язычников город великий, зовётся от них также Питер-Город, Ленин-Город и просто: город; ехать туда можно — сухим путём дуговым (в рейсовом автобусе или по железной дороге), а то хоть и морским прямым ближним, если на целебные бабы-Раины собачьи носки выменять у Цыпуна новую минную карту, а отмели-то мы и сами знаем какие, по нашему здешнему житью искони. Да хоть бы и ближним, — ближним тоже не ближний свет, да и делать там нечего. В лето за той зимой, как нас Красная Армия и Краснознаменный Балтийский Флот назад своевали, баба Рая ещё молодая была, ещё Яшу титькала, так тогда её и старуху Субботину (не старую старуху, а среднюю, Семёновну горбатую, и других здешних, кого теперь никого не осталось) возили туда на броненосце “Двадцатилетие пролетарской революции” как освобождённое христьянство от белофиннского гнёта с музыкой, и музыку эту Яша запомнил: *Товарищ, я вахту не в силах сдержать, сказал кочегар кочегару..* . Река у них, говорит баба Рая, от поперечной широты на низ не течёт, только пошевеливается по себе стоймя, от близкого солнца пошла искрой накось, а под искрой — с рудным отливом темна и напухла от донного стеснения к середке. На дне же, особенно под перепонными мостами, видимо-невидимо голокостых шкилетов — людских, так и зверских; шкилеты те по пояс завалены каменным и железным хламьём, а сверх пояса волнуются, касаются и цепляются. В улицах стоят лишь одни церкви с колоннами и острями у них, пивные сады и срамные бани, а на местах на площадных расставлены всякого размера и вида христы — меловые, железные и из американского золота, а также и иные бешменчики, на конях и без, а которые голые. Самый же страшный — зелёный, вздутый, сердитый — двумя жеребиными ногами скачет по острому камню, зовёт рукою за море на закат. с нашей крыши, с заднего её восточного ската, ясным утренником видно в командирский бинокль: виснут над городом тем отдалённым дымы гурьбой — белые, чёрные и пегие, и каждый упирается в исподнее небо, в недалёкую небесную твердь, и уходит коленом куда ветер дышит: то из поганских курилен всходят куренья и стекаются в чересполосое плоское облако — с отёкшего восточного боку розоватое, а по кромке нестерпимо сверкает.

Так, где у нас теперь Ерусалим, город старый? Он — стоять к морю передом, к пакгаузу задом — об правую руку, на норд-норд-вест; от хананеян белоголовых зовётся Хельсинки, оно же Гельсинки или Гельсинский Форт; Сивер-звезда над ним когда горит, когда мерцает, когда укрывается. Сегодня бы её увидеть можно, сегодня нарочно приотворены на ладонь правые створки в западных окнах чердачных (а восточных и во всём пакгаузе нет, кроме снизу кухонного, — восточных кесарь Пётра не прокладывал окон); но я же не разлепил ещё век, и на мокрое лицо мне налегла бескозырочка Яшина: я ещё весь целиком не сыскался. Пуску нам туда больше нет — там сидят чухонские хананейские люди, они же мимо нас в русскую землю ездят, а к ним в землю нельзя. *Где чухонец прошёл, там жиду делать нечего*, шутил начпогранзаставы, капитан татарин Юмашев, пока (уже месяца четыре тому) не потерялся в запретном лесомассиве. Когда в русском царстве сделалась некогда смута и они своего кесаря смертью казнили, были у них мятежи и междуусобья с крови пролитьем, а также большая махаловка, тогда вот

отчинили себя те чухонские люди из-под русской руки и стали жить сами, своим уделом. В набольшие города назвали Ерусалим, больше-то у них и не было, кликать же его велят только по-своему: Гельсинками и никак иначе. Из иных народов живут там у них лишь одни басурманские люди-татары: испокон века в дворниках служат, но и держат от себя мясницкие лавки: режут на колбасу лошадей. Похабство какое — коня есть! Баба Рая, пацанка ещё была, ходила туда новые бумаги на пакгауз справлять, как старые, от кесаря Пётры, через отчиненье ихнее вышли из силы, но про то она ничего не рассказывает, как ходила. Что вдруг? — или такая была страсть? То было во время октябрьской революции и гражданской войны, с окрестных усадеб барские собаки сбежавшие — длинные, голые — стаями сбились и ели в лесу людей. Ехать до Ерусалим-города недалёко бы, на катере береговой охраны рукой бы даже подать (если знать все банки, как мы их знаем по нашему здешнему житью искони, и где лежат морёные варяжские корабли и висят подводные бомбы цепные, а есть доподтуда проход и иной...) — но ездить заказано накрепко от власть предержащих, да покуда и незачем. Баба Рая говорит, от нашего, от жидовского, никакого там ничего не осталось: Мойсееву Гору язычники при первом ещё Николае-кесаре в яму срыли и восставили из той ямы римскую церковь с колоннами и остриями и с круглой золотой шапкой; трогать её финны боятся, не дерзают дразнить русскую силу, так и стоит. Но Ерусалима от нас не увидишь за лесами, за скалами, за изворотом взморья, за береговой мгой и за косым солнечным отблеском от воды — и с верхов не увидишь, даже и в ясный утренник, даже и в командирский бинокль, даже и с самого пакгаузной крыши конька.

Впереди, куда я ногами (если их вытянуть, через собачьи носки знобно студит голландская кладка), широко раскинулось Алатырское море. Оно кипит шесть дней кряду ледяным кипятком, катит на берег волна за волной заплетённые мохнатой водорослью волны, а в день в седьмой утихает, покоится. Сейчас вот с берега ни гуду не слышно, ни малого какого плеску, только жиличкино буркотанье подбивается с-под полу: видать, молится своим бешменчикам, это у них такие мелкие домашние христы типа чемоданных чертенят, с собой возят. Если поднять слабую половицу под койкой, они их чуть что, через второе слово на третье поминают: *бешменчики то, бешменчики сё*, а так, кроме нижнего буркотанья, — тихо: чередной уже, значит, настал день, седьмой: Полуночное море, океан Ханаанский, лежит не шелохается, и все корабли на нём и под ним, а рыбы там так и так нет, иногда вот нанесёт невесть откуда мёртвых угрей несметно — и невесть куда смочет. Мы их не едим, поганая они снедь, полузмеи морские, бесчешуйчатые. А дальше за тем Алатырским морем широким, раскинутым — и нету ничего, одна пустая вода, в неё же загибается небесная твердь, нижнее исподнее небо с Мойсеевой Дорогой на нём, от христьянских язычников *Млеющий Путь*, или же, с военморбазы мичман Цыпун говорит, *Чумазый Шлях* называемой. и как только не скатываются крайние звёзды за край — не знаю, крепко-накрепко, видать, приколочены: Сам Бил, не как девки наши потукивают от локтя с бабьим изворотцем, а с Плеча Бил, одним Забахом; — так там до самого края ничьей нету земли, или, может оказаться, чья-то земля есть, но её баба Рая не знает, или знает, может, знает, но мне сказать рано, чья, не то раньше срока состарюсь. Может, когда-нибудь теперь скоро скажет, как минет этот великий и особенный день.

За пакгаузом сзади, за глухим пакгаузным тылом, сразу же за колодцем начинается долгое болото кишкой: трухлявая буреев подо льдом прошлогодняя гать, а с того конца налажена загорудная жерда на колёсике, по-русски “шлагбаум”. у жерды спит в полосатой будке сторожевой солдат, к тому наряжённый, за солдатом (минут ещё тихим шагом шесть по грунтовой дороге) — посёлок городского типа: два дома шлакоблочных углом, клуб Балтфлота с колоннами, церковь со вдовым, но непьющим Егором-попом во имя св. Апостолов Пётры и Павлы, а посередке фонарь электрический — матовый шарик на крашеной серебряной краской ноге. Об то место Жидятиня деревня была раньше, дворов так под сорок, на той деревне жила наша родня, также и бывшая родня перевёрнутая, и другие ещё люди русского, чухонского и всякого племени неродные. Из них уже нет никого, и семени их не осталось, кроме как тех Субботиных — когда нас Красная Армия и Балтийский Флот обратный раз своевали, кого убило, кого в финскую землю увело, кого в сибирскую землю побросило, на их же место прислали всякого люду, не знаю какого, с Руси. Забобонского. Говорят они речью, не знаю какой, —

мы её с серёдки на половинку разбираем: слова есть похожие, а склад весь не тот, как у нас. Забобонская речь, одно слово, русская. Они нас с бабой Раей и девками всех ненавидят, и Яшу тоже, невесть чего про нас говорят и заглазно евреями дразнят, чёрным русским словом. Это они так нашу нацию и веру бранят, одно слово, скобари — такое у них свойство. Пацанам поселковым я за это с ходу вламываю. Вырасту и взрослым тоже вломлю.

— Баба Рая, а кроме нас ещё есть на свете жиды?

— Ещё Субботины те были, да при Николае-кесаре обратно в русскую веру перевернулись, в забобонскую.

— При котором это Николае? При Николае Кровавом?

— Спи, князьенка, спи, радость... Мы на этом свете одни жиды, никаких больше нету. ...При Николае том Палкине, при каком же ещё!

Всё, можно глаза уже отворять? всё я вспомнил, что, и где, и как оно до того было? Забыл что — стану, как Яша, по крайний срок потерянный: *На палубу вышел, сознания уж нет, в глазах его всё помутилось...* Под бескозырочкой сжимается-разжимается распропёстрая духота с искрами и золотыми кругами, а сама бескозырочка с носа на рот съехала. Вот как задохнусь я тут у них в великий в особенный день, — что будут делать?! Поправить же бескозырку никак — обе руки у меня от кисти до локтя примотаны индпакетным бинтом к коечной раме, чтобы я, дескать, не сделал себе во сне никакого вреда. Что ли, покричать бабу Раю? — да ей и не отойти сейчас от плиты: она сушит там одно кожаное колечко, я его срезал сегодня с мужеского уда себе, в знак рождения и завета. Не перевернёшь вовремя, колечко и прогорит, стлеет — тогда всё пропало, второго-то не нарастёт, не ноготь. Яшино вон колечко прогорело, пропало.

От простого мотанья головой не делается ничего той бескозырке — глубоко сползла, за подбородок зацепилась, засела накрепко. А если её поддунуть сильно, и подщёлкнуть языком в ободок, и колотить при том, как дятел, о плоскую армейскую подушку затылком? Нет, не выходит ничего, не спадает суконная дура, перекосилась только слегка, но хоть какая-то щёлочка приоткрылась, и можно вдохнуть сквозной холод от приотворённых окон. Внизу-то уже не болит, совершенно не болит, будто ничего и не было — от бабы-Раинной мази, от подорожного масла с маковой вытяжкой, всё там как обледелено внутри. Под ложечкой — щемит, это да, но это щемит просто с голоду: с самого рассвета во рте... в роте, вот уж доподлинно, одна только маковая росинка и была из снотворной той миски, а баба Рая с девками, те уж восьмой день не евши сидят, и как только сносят, бедные? Теперь и я буду с ними опощаться голодом — перед жидовской паской восемь дней кряду: сегодняшнего утра я у нас родился в лоно Аврама, Исака и Якова и первый в жизни раз на невидимых коленях сидел у пророка Ильи — на престольном том месте под фонарём “летучая мышь”. и в предпоследний, коли на моём веку не стрясётся ничего такого особого дальше. Потом и Илья исчез, как не бывало, мало ли у него забот! — но к полуночи, к великому разговенью, воротится, придёт по Мойсеевой небесной Дороге обратно: есть у него ещё одна нужная служба назначена на Жидячьем Носу. Баба Рая сказала: *Благословень приходящий!* и окровенила об меня пяток рыжих перьев от петуха Авенирки из хвоста, и тоже запоспешила, пока не засохло: дверные вереи мазать и оконные ставни. Так надо, чтоб я не умер. Но и простыни, где она между пробегала, в красных остались помазках — всё теперь наново стирать, не отдашь же в моей крови замазанные простыни холостым офицерам русским по пятаку штука стирка, две копейки глажка. Пока баба Рая пела и говорила, и девки ходили туда и обратно (левая рука машет, правая полуопущенным козырьком приставлена к бровкам), пока я садился на кресло, оттягивал и разом резал, по-над коньком пакагузной крыши кувыркались меньшие ангелы, толклись у спуска на лестницу, плескали и били крылами — бело-золотыми папоротьями — об десятую ступеньку, об пустую приступочку, с какой никуда — лишь на конёк да подшагнуть на исподнее небо. Потом и они улетели. Оттянул, резанул, больно было до слёз, потом от холодильной мази утихло, а теперь

обратно стреляет легонько, потягивает, как заусенец, и всё там набухло под индпакетным бинтом, будто тяжёлый, мокрый лёд. Хорошо хоть, не вздрочилось со сна, даже думать не хочется, чего бы там было, какая бы вновь сделалась мука. Спасибо хоть, покуда выручает заговорённый мак бабы-Раин.

Где-то за простынями глухо, глухим раскатом всохатывает Яша: вспомнил, не иначе, что смешное из своей любимой кинокартины. “Любители итальянской оперы, — жатым вздрагивающим голосом говорит Яша. — Любители итальянской оперы! Бум! Бум!”; лежанкины рейки трещат и стонут от его подсакиваний, голое белое лицо криво морщится, всё в светящихся каплях. “Эй, матка, пойду-ка я завтра в кино, сказал кочегар кочегару!” — “Нет!” — сразу откликается баба Рая. Потом, погодя, добавляет: “В посёлке ты даже не думай ходить, механик тобой недоволен. ...Тшш, ирод, малого прежде часу разбудишь!..” Яша покорно и горестно молкнет. Всё врут они в посёлке, будто Яша наш якобы совсем идиот! — нет же, он половину всего понимает и половину всего может делать. и то оттого только всего половину, что недостерпел, всего только половину всего вспомнил в особенный тот день, как ему тринадцать лет подходило, — где он, кто он, где у него что, где Рим, где Ерусалим: значит, он только наполовину идиот. Вспомнил бы тогда всё, как есть, как было (*чтобы всё было, как было*), тогда бы он был первенец в доме, тогда бы он был жених, а не я, и тогда бы он самый главный жидовский принц был, а теперь буду я — а куда денешься, кроме-то всё одно никого нет больше. А за “идиота” я Вовке тому Субботину ещё вломлю кренделей, подкараулю где-нибудь без евоной шоблы, и мало не будет! Вот они шасть на шоссе, жевачку фарцевать под двухэтажным хананейским автобусом, а я его за Веркиным за ларьком как раз повстречаю, козла.

Интересно, отложит мне продавщица Верка “Пионерскую правду” от той и от этой недели или же отдаст тому жиличкину пацану? Ему-то зачем? и чего он туда всё бегаёт? — а мне надо: я жду знаменья. Не наврала Семёновна субботинская на заутрене, что он у них потерялся, так Верка точно оставит, куда ей её девать, не слать же обратно в “Союзпечать” лишь бы мне назло. Яша думает, Верка похожа на русскую актрису Душечку Ковальчик из художественной кинокартины, а я думаю, на Душечку ту больше из них похожа нижняя наша жиличка, римского того пацана мамка. Верка, она собой рыжая и дебелистая, и между передних зубов у неё щербатый зазор, откуда растёт какая-то мясная трава, а эта — блондинка с чёрным пробором. Пацан жиличкин на жиличку с лица не походит, он в папану своего ушёл — приставь мысленно золотые очёчки и бородёнку дощечкой, и вылитый выйдет папаня Яков Маркович, квартирант-забобонец. Оттого папаня его больше и любит — всё хлопочет вокруг, учит его, ненаглядного первенца, всякой жизненной пользе и бесперестанно заботные советы даёт. Мамка же только хохочет большими зубами да иногда шлёпнет его походя по затылку, и вся ласка. Яков Маркович тот, как приедет к нам на Жидятин, сейчас же бежит в церковь — на крылосе подпевать и разговаривать о божественном; наверно, он там у себя в Ленин-Городе на попу учится. Петропавловский батюшка о. Петропавловский наклоняется к нему всеми волосами, к махонькому, горбошеему, мельню кивает, ласково покхекивает и натирает между ладоней ножку наперсного креста. Отпускает — крест заверчивается в кокон, серебряная цепка заплетается до самого отца-Егорова горла, под длинную прозрачную бороду, потом раскручивается назад — сперва быстро-быстро, потом быстро, потом медленно-медленно. Потом останавливается, слегка только качается туда-сюда вместе с обратно проявленным из кокона наперсником, а тот ещё поворачивается. Поп Егор сызнова берётся за крестовую ножку, всё начинается сызнова. Потом Яков Маркович пристёгивает лыжи “Советская Карелия” и, подпрыгивая, уходит или, если лето, садится на полуночный велосипед “Старт-Шоссе” с рогами, как у барана, и уезжает к пакгаузу, к своей жене — блондинке с чёрным пробором, и ко шмыговатому сыночку-язычнику с двойным хохолком на макушке; сказывали, он у них якобы с недельник как с гаком пропал, но я необрезанцам поселковым не верю — дозволит баба Рая с койки слезать, подниму особую половицу над кухней и гляну, есть он там или его нету. Разве, может, цыгане украли?.. Двухметровый поп Егор в пограничном полушубке внакидку долго ещё стоит на крыльце — суставчатую пятнистую шею вытянул из тесной стоечки рясы, бородой же рисует перед собою разного размера круги и обеими ладонями крест-накрест счищает с плечей что-то невидимое. Яков Маркович останавливается

у шлагбаума и против устава караульной службы заводит длинный разговор с постовым.

Опять девки запели и заходили перед печкой — гуськом-гуськом гусиным шажком туда-сюда и обратно, но не слишком-то в ногу, особенно при развороте через левое плечо, но ничего, ладно, *сойдёт для сельской местности*, как говорит замполит погранзаставский старший лейтенант Чучьев, когда перед принятием присяги или каким другим войсковым праздником проверяет строевую подготовку личного состава части. Ветер от девкиной ходьбы мелко покачивает и пузырит простыни, запоздалый и ослабелый, он доходит до моего лица, приносит паутинный шар тёплого духа под бескозырку — то ещё один протвиль с пресными калитками испёкся, подошёл; они его там встречают ходьбою и пеньем. Вкус великодённого хлеба хрущат и пресен, но дух его — жирён и округл. От того духа сжимается крест-накрест живот и под язык подбегают жидкие слюны, но до великой полночи ещё далеко, долго ещё надо ждать той полночи. Об полночь воротится Илья-пророк с вином и брашном в пакгауз — с неисчерпаемым котелком каши манной, медвяной, изюмленной, и можно будет сесть вокруг моей койки, и морённую морем доску наложить столешницей на меня, и хорошо разговеться на паску. и вина дадут ради такого дня треснуть: плеснут багрового азербайджанского “Агдама”, сладкого, гнилого (или розового полынного вина, молдавского вермуту) из енды полувёдерной чёрного морщинистого серебра и споят надо мной великодённую: “Раздвинулось море широко, лишь волны бушуют вдали, ведеть Мойсей насъ далеко отъ египетской грешной земли...” Раньше была другая великодённая, слова другие и напев иной, да в последнюю войну забылась; теперь эта поётся. Хорошо Яше, он всё время колбасу ест и горя не знает. Это та половина, какой он не знает, но зато он поёт ладнее всех — девкам, тем медведь на ухо наступил, а у бабы Раи от кашеварного и стирального чада да от папирос “Север”, от пронзительных по четырнадцать копеек коробка, навсегда расселось горло. и ещё у неё всякая песня слегка сбивается на “Миллион алых роз” в исполнении заслуженной артистки РСФСР Пугачёвой.

“Адонаю, Адонаю, — хрипло бормочет баба Рая за простынями. — Ты Одинъ Богъ, Ты Одинъ Есть, Ты Одинъ Святъ, спасибо, что Вывель насъ изъ земли грешной отъ фараона злаго. Спасибо за хлебъ пресный, а солить его всегда есть чемъ... Спасибо за домъ этотъ крепкий, за убежище на краю...” В её пухлых под чёрствой кожей руках подрагивает чугунный протвиль, позванивает, побрякивает о плиту, а девки с полуприкрытыми глазами всё ходят туда-сюда-обратно гуськом гусиным шажком и поют тихо-натихо без слов, как ноют.

Дом-то ещё да, крепкий, пакгауз кирпичный, — оно доподлинно верно. Хотя сами те кирпичи, пусть голландские, но уже кое-где и переложить бы их надо: какие треснули, какие выпали, а какие только мохом и держатся. Хорошо ещё, замуравленные они у нас: в последнюю войну броненосец “Двадцатипятилетие пролетарской революции” три дня кряду палил Жидятину деревню прямой наводкой поверх пакгауза, выпаливал оттуда третью лыжную бригаду белокарельских стрелков, — такой стоял тогда по-над пакгаузом жар вперемешку с песчаной пылью, что кирпичики те и закалились тогда, застеклелись и замуравились. А где, наоборот, порастрескались (там мурава моховая выросла, муравейная). Ещё бы крышу надо постлатъ новой толью, хотя бы передний, западный скат, а то протекать начала, зараза, — как подастся на крыше лёд, так с пол-чердака и напрудит, да через съёмные те половицы сырость понатечёт и наниз; но дачников-язычников там уже не окажется, они будут съехавшие к себе в Рим-город до июля: свернули манатки и бешменчиков своих увезли, а мы подставим вёдрышки — одно в кухне, одно в сенцах, одно в спальне — и таково обойдёмся. Балки б ещё перебрать, балки-то аховые, труха балки — где в сердце погнили, а где и древоточцем поедены, древесным муравеем жорным: обрухнем, того гляди, всем чердаком на голову дачникам нашим; жалко, хороший чердак, совсем ещё новый, послевоенный — строил его русский начальник, военюрист первого ранга Яков Борисыч Фридлянд, первый самый начОСО базы Балтфлота в Жидячьей Губе; тогда баба Рая (молодая ещё была, Яше только восьмой годок шёл) ходила просила его нас оставить в пакгаузе жить. Он сперва покочевряжился, потом разрешил и даже матросов послал, чтобы ремонт исполнили и отделили пакгаузный верх под чердак. *А то снаружи огромный какой домина, а места внутри всего ничего — одна высота.* Ещё велел в задней стене проделать окошечко

снизу, теперь у нас там зимняя кухня, с видом на материк. А в подпол входы — из-под лестницы и наружный — забрали чтобы решётками, наказал, и чтобы замкнули амбарным замком, и запечатали кесарской великой печатью: напухший земной круг под двумя витыми оглобельками. Спуск из горницы спальни замуровали матросы навовсе, а поверх цемента наклали в ёлочку палубных половиц с подбитого хананейского крейсера “Вяйнямёйнен”; на том месте стоит у нас железная с шишечками кровать, прадедом Яковом с Питер-Города привезённая, с трёхсотлетия Романова Дома; на той кровати сейчас, но только до русской паски, не дольше, нижняя жиличка спит с Яков-Марковичем еёным, а обыдённо мы там с бабой Раей ночуем — ногами навстречу, головами вразвод. Девки зимой в кухне, поперёк раскладной тахты, а ноги на подставных табуреточках, летом же им там у плиты жарко — они во времянке спят с курами, на помосте под наковальной. Яша, тот вообще до света по чердаку бродит — да он и глаз никогда не смыкает. Вот рухнет чердак — где нам простыни офицерские сушить? где Яша будет бродить напевая? а нам где жить, как дачники понаедут? и где мы тогда свою веру будем шабашить? А мебели наши, а посуда древняя, дорогая? а на пакгауз документы в турецкой жестянке в тайной стенной полости за буфетом? Всё прахом пойдёт, всё, что товарищ Фридлянд, военюрист балтфлотский, нам тут разрешил и построил! Баба Рая говорит, начальник тот добрый был, даром что необрезанец христьянский, но скоро его отставили, и полтора лет не прослужил тут у нас на Жидятине, на Жидячем Носу. Девки рожались, как раз он дембелизовался верховным указом и уехал по месту призыва в свою Тьмутаракань — по-русски, в “закрытый порт Севастополь”, на Руси самый дальний конец южный, к чёрному Турецкому морю. Его там поставили в Нахимовское училище имени Нахимова по забобонам главным философом, от мамки отобранных деток-нахимовцев суетумудрию военно-морскому научать. Он и бабу нашу Раю звал с собой жить к тёплому морю, плакал даже, до того звал, и слал потом открытки с зайчиками и киноартистом Кторовым, и телеграммы в семьдесят слов, но, само собой, не поехала она на чужую сторону — от Ерусалима далёко, и пакгауз жалко бросать исконный, только что задарма отремонтированный; уже и хозяйство почти что наладилось: с военморбазы электрический ток подвели, а с погранзаставы совсем ещё хорошие печки подвыкинули из бронебойного листового железа, старые финские: Яша их подобрал, подпаял и установил на чердаке и на кухне — живи не хочю! Да и как уедешь? — тут же под восточной стеной все поколенья наши лежат, а на кладбище поселковом пустые только могилы под крестами для виду, мы их на поминальный день моем и яички над ними едим. Праматери же наши все здесь, и многие праотцы также, — здесь, в самом начале бездонной топи, под пакгауза восточной стеной: та стена вся глухая, кроме новодельного окошечка с кухни. Когда пекутся у нас на великий день пресные хлебы, выходят праматери и праотцы из-под сорока разгневших гатей на горячий дух известковый и виснут над протвином сернистыми дымками, вдыхают. Как их бросишь? — а с собой не возмёшь! Скорей они тебя с собой заберут, коль под великий день верей дверные да притолоки оконные не помечены кровным родством — заберут качаться стоячей тенью в болоте, до самого того дня, как воротимся в Ерусалим, старый город жидовский — и живые, и мёртвые. Или это для ангелов знаменье, какие над крышею плещут? Ну неважно: он бы, Фридлянд Яков Борисыч, всё равно бы в нашу веру и нацию ни за какие коврижки не перешёл бы, у него своя была, русская. А у нас своя. Его всё равно через годик-другой в Тьмутаракани расстрелянем казнили, к бабе Рае тогда подъезжал с Выборга секретный человек в малиновых околышах, расспрашивал всё о нем да и обмолвился ненароком: казнили. *Вы, говорил, Раиса Яковлевна, вполне наш человек, простая русская женщина, мы вам доверяем, у вас почти всё семейство погибло от рук белофинских диверсантов, а вот гражданин покойный Фридлянд, не хотел ли он взорвать броненосец “Тридцатилетие пролетарской революции”, не слышали случайно? — а чего ж тогда тот переломился ни с того ни с сего на Гельсинском рейде по всем теоретическим шпациям? а, кстати, не просился он к вам в подпол запечатанный, а оттуда подземельными трубами до самых Гельсинок ход, а то и далее, до шведской Стекольной, ещё кесарь Пётра клал, — не просился, нет? а не восхвалял ли с глазу на глаз чего вражьего — песен каких, киноартистов или оружейных вещей?* Трудная у них служба, у воинских людей христьянских, под позором и смертью ходят и коли войны ни с кем нет.

“ВОИН, ПОМНИ! АНТИФРИЗ — ЯД!” — чёрными извивистыми буквами написано на

рубероидной стенке погранзаставского гаража. Рубероидом-то и нашу крышу обкласть бы тоже невредно, с него дождик ладно стекает. Погран-та-застава, чей рубероид, хоть и стоит на самом берегу почти, в том амбаре, где прежние с Жидятиной деревни люди держали лодьи свои через зиму, а потом карельских стрелков казарма была, но хранит она только сухопутный державы римской рубеж, одну только лишь сушу, а моря почти не касается — Алатырское всё море от Рима до Ерусалима и обратно бережётся единственно флотом: поверху — авианосцем “Повесть о настоящем человеке”, откуда возносятся самолёты и восстаются крестовые лучи: попадёт в перекрестье пролётная чайка, перевернётся и падёт кверху пальцами; посередке — минными тральщиками, сторожевыми катерами торпедными, прочими боевыми плавсредствами; но также бережётся и по самому низу: там у них порасставлены всюду железные мережки на дне, и навешены ржавые бомбы цепные, и ходят неслышно подлодки, но то не с нашей базы подлодки, не с Жидятинской, она у нас маленькая, — а есть на Гельсинском рейде подводная скала с чугунными воротами в самом основанье, изнутри полая вся, водолазами выдолбленная, — в ней та подлодная база и есть, а наверх они никогда оттуда не всходят, такой у них с хананейским народом договор заключенный: по низу как хочешь ходи, а чуть всплыл — всё, пропал: позволено тебя полонить и всякий из тебя волен ремни резать на площади перед бывшей русскою церковью — финским ножом, и ничего ему за это не сделается. ...Яд не яд, а Пашка тот усатый, Субботин-убийца, который опять сейчас на зоне, выпивал его и не умер, здоровьем только ослаб и стал временно нетрудоспособен к телесному усилью, оттого его с гаража и погнали и наняли нашего Яшу, вот он там с прошлого года за семьдесят три рубля помесечно плюс котловое довольствие и вкальвает — катает туда-сюда бочки с соляжкой и когда кому надо приподымает мотосани военные за заднюю ось. *Яшка-Домкрат*, зовёт его весёлый замполит Чучьев. Обмундирования же и семидесяти же копеек в месяц взамен табачного довольствия он не получает как вольнонаёмный, а не военнослужащий. Зато он может кровь сдавать в Красном Кресте-Полумесяце на отсос за двадцать пять рублей денег и стакан крепкого сладкого “Агдама”-вина выпить, у него группа крови нолевая, для всех людей подходящая, а ему не подходит ничья. Через то нас Субботины пуще всех ненавидят и при любом заглазном случае оговаривают *евреями*, чёрным русским словом, а с них безьянничает и прочий поселковый народ, и мелкая их пацанва также. Только что они о нас знают, новосельные люди? — мы свою веру ото всех бережём, шабашим укромно, и ходим для отводу глаз к попу Егору в церковь, и в клуб Балтфлота на русское кино, и всё такое, а во всех бумагах казённых у нас так и значится: “национальность — русская”. Фамилия же та наша — Жидята — случайная, от Жидятина полуострова отведена; как мы здесь живём искони, потому нас так и назвал первый Лександра-кесарь: *Жидята*. От кесаря того приходил в шёлковых лентах и белых чужих волосах такой старчик один — нарочно давать народу фамилии русские: Жидята там, Субботины, Замысловатые... Безродные ещё была фамилия, были и иные, но с истечением времён позабылись. В основном, типа как Сообразительные и Беззаветные, баба Рая говорит; тому строгому старчику нравились фамилии, как у миноносок. А с посёлка скобари, сборный по сосенке люд, не умеющий отличить правой руки от левой, ничего об том всё не знают, да и знать не могут — так просто твякают, тьягом за Субботинами, а те Субботины — из-за гаража с котловым довольствием и ещё из-за разного другого по древнему счёту — вечно умышляют на наше злосчастье. *Бог не фраер, правду видит!* яростно кричал перед пакгаузом Пашка Субботин и кидал наземь кепку. *Бог не Яшка, видит, кому тяжко!* шипела и плакала у него за спиной старуха Семёновна и мелко закрепщивала кривую грудину. *Убить вора, блядина сына, а тело в лес собакам кинуть*, сухо сказала баба Рая сбоку у подзорной луковки в ставне.

Всё, уже не поют, а я и недослышал, как перестали. Девки там сели на корточки отпыхаться: наверно, из-под разошедшихся хламид бледно-раздвоенно блестят их колени, под куколями едва видны затенённые носопыры. Баба Рая Яшу кличет, а он нейдёт. Круг света над престольным местом, должно быть, дрожит, умалается, тускнет. “Динаму на лампе иди накачай, сказал кочегар кочегару...” — Яша не отзывается из глубины простыней. “Механик тобой недоволен”, — сипло кричит баба Рая. Но Яша не откликается: обиделся, раз не пускают в кино, поди его теперь в потёмках, в сырых закоулках чердачных сыщи. Баба Рая шумно вздыхает: “Грехи наши тяжкие...” А какие у ней грехи? Или у Яши? Или у девок? Сердце моё выпукло шпокает в шее и вогнуто

чокает в забинтованном уде: неужто там разогрелась — тает и разжижается — холодильная бабы-Раина мазь? у койки моей собрались-кряхтят курочки, зябко поджимают то одну, то другую лапу — но что-то среди них не слышать петуха Авенирки походки с подцоком, не слетел ли он, пёстренький, на улицу через приотворённое какое окно? — ох, не застудился бы на последнем льду... на дряблом апрельском лёде!

***

— Еврея, Агриппина Семёновна, по виду обязательно можно легко отличить — они все большие, толстые, с большими носами. Моются чаще людей и всё такое. и говорят как бы не по-нашему.

— Не по-русску? — Семёновна горбатая подняла и повернула лицо от половой тряпки, но тереть половицу не перестала. Смотрела, извернувшись, снизу, а сдвоенные руки ходили под ней взад-вперёд отдельно. Голова двухметрового попа Егора терялась в потолочных сумерках церкви, чёрное же ведёрко на той голове потерялось в тех сумерках совершенно; казалось: длинный золотой крест — парчовая кокарда — висит над нею в ничём, совсем в пустоте. Определённо видны были только белые выкаченные глаза, их слюдяное сверкание, да встопорщенные усовые кисточки отчётливо чернелись поверх вспухлых щёк.

— Как бы по-русски, но особо. Во-первых, с акцентом. Многие буквы они не так говорят, как мы, например, “рэ”, “сэ” и “мягкий знак”. Да вы мойте, мойте, не торопитесь, Агриппина Семёновна, время у нас, как говорится, ещё вагон до открытия и маленькая тележка — добрый ещё час до заутрени. Мы ещё с Божьей помощью ещё и отчаяться успеем, мне вчера раба Божья Вера-ларёшная свеженьких саечек подкинула с изюмом. Во храм не ходит, а батюшку на великий пост балует, это ей зачтётся и всё такое... .. Во-вторых же, сама речь у него не простая — не наша, не сердечная, а как бы с ехидцей, с задней мыслию, с под...стёбцем как бы, прости Господи. Но так-то они хорошо говорят по-русски, для конспирации. Почти незаметно.

Семёновна понимающе кивнула под себя.

Вот она домоет на крылосе, выкрутит в ведро тряпку и длинно плеснёт с порога на зачерствелый сугроб; там зашипит, задымится, а у отца Егора в задней горнице, где он переоблокается в служебное платье, как раз закипит-поспеет электрический самовар. Они уйдут туда пить чай № 36 со вчерашней сайкой и беседовать о последних известьях, а я приподыму снизу тихонечко скользкую доску, третью от аналая, и неслышно высунусь на локтях из-под пола. Там уже будет буквально рукой подать до отца-Егорова жёлтой жестью обитого рундучка с забобонскими книгами. Только бы успеть обернуться, пока начнётся заутрени. и только бы не промахнуться, как прошлым летом.

— А в третьих, по пятницам, как стемнеет, еврей надевает на себя всю свою самую лучшую одежду и садится кушать.

2. А ВОДЫ НАМ БУДУТ СТЕНОЮ ПО ПРАВУЮ И ПО ЛЕВУЮ СТОРОНУ

Девки посидели, встали. Руки сцепили и — бочком-бочком по промозглым простынным проходам: бабы-Раиным мановеньем Яшу искать. Завесы качаются, курицы вспархивают с отчаянным квохтаньем из-под сочных сапог, бегут на цопких цыпочках, в простынях бьются, хотят улететь. Вот до меня не курицы, а девки дошли, расцепились руками, наклонились, наперебой дышат; я же, не будь дурачок, прикинулся под бескозыркой как если бы сплю — ну нет тут у меня никакого Яши, ну что ты будешь тут делать, нету! рожу я его вам, что ли?! Постояли так, подошвами почавкали, хламидами пошуршали, подышали на меня прожжённым насквозь камнем, протлелым насквозь деревом, плоским известковым хлебом, разогнулись — и дальше пошли; нет хотя бы догадаться поправить мне на лице бескозырочку; вот как задохнусь я тут у них в великий в особенный день —

будут знать!

Что было, что есть? — Ну, это просто: тыщу лет назад жили в Испании, недалёко от Египета, король Франко с королевой Езавелью. Франко-король был сначала жид, а потом перевернулся в христьянскую веру, в забобонскую, его Езавель-королева перевернула, не то, говорит, больше на яблоко не дам. Он без того не мог и перевернулся. А та ему: — и всех жидов своих переверни, не то на яблоко не дам. — Он велел всем жидам перевернуться. Одни перевернулись, другие не захотели, тогда у них началась в Испании гражданская война, и король Франко стал всех ловить, которые к нему в забобоны не пошли, и отводить к Езавели в инквизицию — она у них там выедала сердце. и всех так убивала, кроме пацанчика одного лет так трёхнадесяти, а именем жиденёнок Захарка — и не простого пацанчика, но он поколенья от самого Мойсея числил, от того Мойсея, что народ ещё до того из Египета вывел, где было то же самое, только раньше. Захарку добрые люди спасли, русские новгородские корабельщики, спрятали у себя на корабле под тюки с мягкой испанской рухлядью и увезли в Новгород: они его усыновили. А король Франко решил: больше в Испании жидов нету, я сам теперь бог, Иисус Христос и бешменчик, и мне всё можно. и стал делать разное похабство: поженился вдобавок к Езавели на трёх своих дочерях, они ему давали на яблоко. Потом Бог его убил, он умер. А мы с девками, с бабой Раей и с Яшей прямо от тех корабельщиков поколенья числим — их Захарка-жиденёнок жидовской вере научил и принял в жидовский народ, в лоно Авраама, Исаака и Якова. и ещё Субботинных тоже, Замысловатых, Еретищинных, Промышленных и Поганкиных, новгородских тоже торговых людей, но те при Николае-кесаре обратно все перевернулись в русскую веру, в языческую, а нашу Захаркину напрочь откинули и почитай всё об ней позабыли. А мы свою веру содержим издревле и всегда её укромно в тайне шабашим, а что при Николае-кесаре перевернулись якобы в забобоны и ходим к попу Егору в церковь и в клуб Балтфлота на русское кино про Душечку Ковальчик — так это для отвода глаз, *во спасение живота*, говорит баба Рая, *во отведение великия угрозы*. Не то бы нас тот Палкин-кесарь, Николай первый этого имени, угнал бы жить, кто постарше, в глубокое сибирское поселенье, на край земли — на станцию Зима, где всегда зима и кровавый снег соскальзает с небесного ската — ко злым татарам, к немирным коняядцам бабайским. А деток бы наших всё одно поотнял, и поразрознил, и объязычил, и по разным училищам Суворовским да Нахимовским в воспитанье пороздал — наблошнять там их в забобонских науках пирожками да батожками для навечной потом службы в православном русском воинстве. ...А может, его первомайские наши цыгане приукрали, малого того жиличкиного, если вообще? Той осенью — у нас тогда как раз пропали из школы учительницы Казимира Витаусовна по физкультуре и Людмила Прокофьевна по русскому, истории и алгебре и спасибо никогда больше не нашлись — Субботинных Вовка, гусь гундосый, рассказывал всей своей шобле на ящиках за Веркиным ларьком: это-де цыгане всяческих людей воруют, особенно детей и баб, усыпляют их маковым настоем на самодельном свекольном вине, увозят в кочевых телегах к посередине запретного лесомассива потаённому месту, зовётся же оно: Раклодром, а иными: Цыганская Падь, и волхвуют там над ними с заклинаньями таинственными и песнями типа “ай на-нэ-нанэ, дуги-дуги-да”. Ворованные бабы и дети просыпаются под теми телегами, как с бодуна, во всё старое цыганское одеты и ни шиша не помнят — кто они, что они, каких они; думают, так цыганами несчастными и родились. *Где цыган прошёл, там жиду делать нечего*. Потому-де фараоново племя на свете не искореняется. Баба Рая на это считает: вряд ли.

Зато школы нет и не будет, покуда не пришлют с России новых учительок или не отыщутся старые, Казимира Витаусовна по физкультуре и Людмила Прокофьевна по русскому, истории и алгебре. Как потерялись они обе разом, тогда сразу через недельник прикатили с Выбор-города в газике Виктор Иваныч милитон оперуполномоченный весь в портупее с чужого живота и округлая, как облако, штатская тётенька по фамилии Облоно или как-то так типа того. Собрали родительское собрание в клубе Балтфлота и всем школьнообязанным по закону о всеобщем среднем образовании велели пока что в учёбу ходить в Первомайский совхоз. *Сказано, нога завязана, ходи не хромай*, сказал к закругленью повестки худой фараон, злоехидная моща милицейская: *Шутка, граждане! Ферштейн?* Та первомайская школа, она длинная-длинная, жёлтая с белыми колоннами, а помещается в бывшем помещицком доме Иван-Иваныча Энгельстрёма-барона, из тех

шведских пленных, что строили кесарю Пётре пакгауз, а потом остались в русской службе служить; вместе с евоным батюшкой, со старым Иван-Иванычем-барином-бароном, перед первой ещё германской войной нашего жидятинского прадеда Якова возили на паровой генерал-губернаторской яхте до самого престольного города Рима, до кесарских самых палат — шествовать там под крылатым столпом перед почётной трибуной, представлять Великого Финляндского княжества сословья и народности к трёхсотлетию Романова Дома. Прадед ходил пешком, в облакированных для сохрана лаптях из Кунст-Камеры обутый, за вольных хлебопашцев великоросского исповеданья, а старый Энгельстрём-барин с сабелькой наголо скакал на Ласточке, на соловой кобыле — за финляндское дворянство, за военнопленных шведов и за всех землевладельческих люторан. Лопари ещё там были в собачьих сапожках, ижора, да весь, да корела всякая и иные хананейские лыжные племена в пуху и меху. Про то есть у бабы Раи в сенях, в тайной полости за одним особо процарапнутым голландским кирпичиком съёмным, великая книга мрамористой зелёной кардонкой обложена, называется “Нива на 1913 г.”, по ней она меня учит, пока школы нет и не будет, тайному жидовскому письму со всякими запретными ижицами, фитами да ятями, *но чтобы писать таково не смел, даже для себя, даже не думал чтобы, не то загремим по этапу с Яшей и девками на край земли, где всегда зима...* Ничего, на крайний случай у нас есть одно ненаходное место посередине запретного лесомассива, на том Похвальном на карту ненанесенном озере: с воздуха его под наклонёнными скалами и деревьями не видно, а тропы к нему буреломом завалены и костью зверским, от самых ещё ото дней октябрьской революции и гражданской войны; мы туда, кроме как Яша, и сами почти что не ходим. Вот учинится какая беда — гражданская война, октябрьская революция или годков через пять меня в русскую армию забрить-забрать захотят, в православное красное войско — там мы с бабой Раей и Яшей и с девками схоронимся, перегодим... ..Внутри первомайской энгельстрёмовской школы — тишина, темнота, паркеты, багровой мастикой умащённые, натёрты полотёршами-зэчками с соседской жензоны по шефскому договору до скользкости льдинной; по почти не освещённым тёмно-блестящим коридорам изредка пробегают на цыпочках, оскользаются мелкие цыганята — дёрганые, но медленные тени: похоже как под водой, в просвеченной светилами и кораблями сердцевине широкого Алатырского моря. Ходить-то с тех пор так все и ходят, как сказано-нога-завязана, по Выборскому шоссе до первомайской центральной усадьбы, но пока что допёхаешь, уроки-то все и окончились, уже из электрической машины, в учительской стоит, прозвенел последний звонок на голос нашей великодённой песни или похожий: *Прощайте, товарищи, с Богом. Ура!* В той машине под хрустальным кожухом бесконечно-медленно обращается мелкодырчатый мелкозубчатый круг из латуни, из жёлтого железа латынского; её старый энгельстрёмовский барин перед первой германской войной выписал с Гельсинок за сумасшедшие деньги: подглядел одну такую на генерал-губернаторской яхте, не яхта была, а целый особняк плавучий, — пока их с прадедом Яковым туда-обратно возили и на убой кормили холодными фазанами, типа наших куриц, но самоцветного пера, и поили до онеменья крымским шипучим вином “Советское шампанское”, а машина знай себе сама по себе играла, играла... а он слушал, слушал и тут же за столом продал прадеду Якову заручно клин земли от пакгауза до моря — в пятый, обещался, что в самый последний раз: Лютором и всеми бешменчиками клялся, больше-де никогда не будет звать адвоката Гуревича отсуживать ту землю назад, и — прямо с яхты выписал забобонскую эту машину беспроводным телеграфом: обеденное время отбивать, ну и под музыку для всяких беснований всенощных, для люторанских радений — для плясок хороводных и парных вокруг энгельстрёмовских ослепительно начищенных мелом панцирных пращуров с мечами и копьями; пращуров потом свезли в Ленин-город, в старый кесарский дворец, на всеобщий позор и во съединенье идольской силы, а машину ту по утрам заводит и наводит финский татарин Хидиятулла Муслимайнен, тамошний школьный дворник. Придёшь туда, покуришь за колоннами, спишешь с доски заданье домашнее ну да и иди себе прямо с Богом обратно. *Не хромай.* и дворник Хидиятулла прячет в две лобовые морщины восемь сырых воспинок, шаркает по двору кривой плоской метлой: *Шайтан! Пшла, пшла вон!* Меньшие до пятого класса цыганята, каких ещё не берут в дальнее кочевье с цыганскими мужиками, а берут только с цыганскими бабами и младенцами христарадничать милостыню и торговать петушками на щепочке, из сгущённой крови-руды вылиты, на Выборском горвокзале, они поселковым через то завидуют смертною завистью

и кидаются им в спину пригоршнями придорожного праха и сухими лошажьими яблоками, зимой же — твёрдым снегом и ледяной теребенью. Но в меня целить избегают — такое им заказано строго-настроено от самого цыганского атамана Виталика Скоробьенко: ему с нами ссориться никак не с руки, он к нашим девкам лошадей водит: перековывать в летней кухне по трёхе за двенадцать копыт. ...Ну всё, сыскали наконец девки Яшу, где-то об него спотыкнулись в каком-то отсеке; он хотя не отмахивается, чтобы не пришибить, но цепляется всеми руками-ногами за лежанкины рейки, пукает возмущённо и нераздельно ворчит, а они его тянут-потянут, тянут-потянут — крутить динаму у бабы Раи на фонаре.

Отлить захочешь, князьенька, — два раза петухом крикни, велела баба Рая уходя: А я тебе урыльный горшок поднесу. Не бойся, посикать — это ты более-не-менее можешь.

Это я более-не-менее могу, это само собой. А коли от какой капли горячей расплавится там на низу глухой маковый холод и размороженный уд пронзится в индпакетных бинтах по обрезу отталыми молниями, тогда что?!..

“Порвали тельняшку, паршивки, вы мне! и слёзы у многих блеснули!” — крикнул Яша, и возня на миг затихла. Яша больше всего на свете любит матросскую обмундировку и вообще всё морское, флотское, мореманское — следом, конечно, за варёной колбасой по два двадцать и воскресным кино в клубе Балтфлота про Душечку Ковальчик. Тяжёлая картина, он всегда на ней плачет. “И слёзы у многих блеснули! и слёзы у многих блеснули! и слёзы у многих блеснули!” — никак заело его, как в энгельстрёмовской той музыкальной машине бывает... нет, тьфу-тьфу-тьфу, проскочил вроде, икает теперь гулко между вздохами, бедный. Любимую эту тельняшку подарил ему старый мичман Цыпун, завхоз-хохол с военно-морской базы, чья как раз жена тоже пропала, Казимира Витаусовна размужняя по физкультуре. Тому Цыпуну баба Рая вяжет носки из собачьей шерсти, целебные от ревматизма, мозолей и ножного вспотенья. Без таких бы носков Цыпуну в наших широтах до пенсии не дослужиться, обезножел бы, сам сказал, наклонил набок голову и весь сожмурился глазами и лбом. Как у него перестали потеть от носков... носок ноги и отпали пятидесятилетние струпья, он было даже захотел взять Яшу к себе на базу ВМФ разнорабочим, но особый отдел не утвердил, а почему нет — *кавторанги мичманам не докладываются, нэ журыс, Якльна! нэ-плач-нэ-рыдай, хлопче!* и сожмурился ещё пуще. Тогда-то он и подарил списанную свою тельняшку Яше в утешенье носить. Зимнюю, с рукавами. Вечную — ни единой дырочки, кроме как заштопанной под левой лопаткой с войны. Поднизом висит у Яши крыжечка круглая от сыра “Виола”, мягкого, финского, плавленного — примотана тремя рыжими волосиками к цепке от крестильного креста, крест же под ней. Глаза бы мои не глядели на ту парсунку: косо висит, ликом набок — Яша её сверху не посередке прогвоздил, а маленько левее — только бы не дырявить душечкиной облачной причёски. Таких крыжечек есть у него на проволочном кольце битком набитая целая связка, он её прячет в потайном чулане между сенями и восточной стеной, сам, однако, другого в тот чулан хода не знает — не из сенцов, а со двора, ветхим шведским подкопом через колодец. Сыр “Виола” бывает у продавщицы Верки в ларьке под ноябрьские праздники одна упаковка по десять баночек на руки, а колбасу финскую “с солями” баба Рая и под Новый год не берёт — ещё неизвестно, какие там у них такие накладены соли, да и поганская она колбаса, конская, на вкус сладко приторная — делается басурманскими конеядцами, гельсинскими злыми магометами, из мороженой жеребятины, а может, из чего ещё и похуже. Той колбасой и тем сыром и ещё всяческим съестным и одёжным платит хананейская власть русским кесарям отступную удельную дань и проходную подать — за Ерусалим-город да за право безобстрельного плаванья по ближнему Алатырскому морю мимо базы ВМФ и неходячей авианоски “Повесть о настоящем человеке”. Несчётно было раз хотел наш Яша поступить на тот корабль в матросы или хотя бы юнгой наняться, но ничего у него так и не вышло похожего — несчётно раз он, от бабы Раи скравшись, пережидал под левым Фараоновым Кремнем пограничный наряд, как они, по морской самой кромочке, прохрустят кирзачами туда или сюда, и, чуть ветер овчарке от нюха, вбегал в чём был в воду и брёл-брёл-брёл по закатной красно-золотой полосе к сизо-серебряной чёрточке авианосца: голова в чёрной бескозырке отвёрнута от ослепительных заходных лучей, какие светло-золочёными ступенями сходят с горящего продольного облака на правом

краю неба, руки разводят-разгребают тёмно-золочёную воду сперва перед животом, потом перед грудью, потом перед подбородком; а потом сырость морская начинает заплывать Яше в ноздри и он останавливается, чихая и подпрыгивая. До “Повести” ещё не меньше полуверсты, а плавать без ног он не умеет, значит, надо идти домой, в пакгауз. “Опять? — спрашивает баба Рая, — Опять двадцать пять? Механик тобой недоволен!” Яша молчит и капает на пол. “Описался, глянь, как малое дитя, механик тобой недоволен! Механик тобой очень недоволен!!!” Неужто и бабу Раю теперь заклинило — того сейчас неможно никак, в великий такой, в особенный день: кто за неё всё скажет? Нет, слава-те-Господи — никого не заклинило, всё идёт своим чередом: Яша стоит у плиты, икает, всхлипывает, снизу двумя ногами переступает через вислые треники с мокрым седлом и через длинные трусы из седого сатина, сверху двумя руками качает у “летучей мыши” динаму. Динама скрипит, фонарь на гвозде вихляется и машет тенями, баба Рая Яшу корит, вокруг девки в подоткнутых хламидах ползают раком, елозят по полу тряпкой одной на троих. “Мыла не устала — помыла не узнала”, — сухо роняет им баба Рая, между укоризнами Яше. С-под низа, от ленинградских дачников с кухни, что-то знакомо-неразборчивое играет радиола — не их радиола, а наша, её Яша нашёл за ларьком Веркиным и отремонтировал от бабы Раи украдкой. Всё хорошо, всё путём, всё *на ять*. “Икота-икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого”, — говорит баба Рая, умягчившись сердцем. Девки помыли-уже-не-узнали и теперь хороводно обёртывают Яшу заскоружлой офицерскою простыней, он дрожит и отворачивается, крыжечка у него на грудях подпрыгивает, брякает о крестик... Узнал я ту песню, узнал: “МИЛЛИОН, МИЛЛИОН, МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ...” — глухо подбивается с нижней кухни. А по-каковски поётся, того мы с бабой Раей не знаем — и слова многие вроде как не очень понятные, и весь склад темноватый — вроде как и не наш, и не их...

Вдруг ни с того ни с сего, оказалось, дрожу и я, подо всеми одеялами как лебяною ватой обложен (только в бинтах индпакетных не рассосётся никак немой горячий холод). Но мне не холодно, и мне не горячо. Мне ото всех людей отдельно и ото всех звуков тихо — как в коконе. Я вжимаю с силой веки: из просветлевшей темноты россыпью врассыпную разбегаются искры. А вдруг он у них и на самом деле запропал, тот дачников малой, тот русский малахольный пацанчик? у нас на Жидячем Носу всё время иногда все пропадают — учительницы, мелкие дети, беспризорные старушки, пограничные собаки — а думают всё время на нас, на Жидят. Этой зимой, как запропали командир погранзаставы капитан Юмашев с завучем Равилёй Бархударовной по физике, химии и биологии, подъезжал к бабе Рае в навислых ремнях оперуполномоченный из Выборга, с Выбор-города самого, расспрашивал всё: что, и как, и куда, а почём баба-то Рая знает — она ж только жёлтый суп-горох на личный состав варит, и броневой кашу с тушёной, и компот из сухофруктов — слюни у меня стали во рту разом многоводней и слаже, и горло их сглотнуло само. Ну разве ещё носки кому когда свяжет собачьи, целебные — а из чего, спрашивается, теперь ей вязать их, с кого шерсти начешешь, когда все пушистые собаки с погранзаставы сбежали, кроме одной, старой, блохастой и недавно чёсанной? Ещё она, конечно, берёт на дом офицерские простыни — по пятаку штука стирка, две копейки глажка — а больше ничего такого не делает! *Оно же Советской властью не воспрещается, носки вязать да от людей стирать? — Это вы, гражданочка... так... — Жидята Раиса Яковлевна, русская, с тыща девятьсот тринадцатого года рождения, прописана по... стоп, где штамп прописки?! — ага, это у нас оборонная тайна, яшенько, яшенько... незамужем... — это вы, Раиса Яковлевна, политически правильно говорите: это всё Советской властью как бы не запрещается. Но по законодательству запрещено! Ферштейн?* А кто такой этот Ферштейн и чего он его через слово на слово поминает, того и я не знаю, да и баба Рая то же самое, хоть она мудрая сердцем женщина, умеющая прясть. Может, это его самого такая фамилия, а может, так его личный бешменчик зовётся, карманный такой складной истуканчик, и он его всегда с собой держит — в кобуре, за сапогом или же в планшетке набедренной... — кто их разберёт, кесарских служилых людей, какие у них тайные обряды и домашние обыкновенья, это у них по ихней вере что-то своё, нам туда мешаться неместно. Пускай делают чего хотят, лишь бы нас не трогали... у них своё, а у нас своё... *Запрещено, конечно, социалистической законностью, но вы вяжите пока что, гражданка Жидята, вы себе стирайте пока на здоровье; потом, смотря по международной обстановке, разберёмся. Ферштейн?* Причём сам не в свои сани лезет — армейские люди, когда по

уголовному делу, не ментовским подведомственны, но военной милиции; и брать их в розыск губернский гевальдигер должен, а не простой УВД. Начзаставы же того с завучем Равилей Бархударовной не иначе как завели цыгане в Цыганскую Падь, на свой Раклодром ненаходный, и голыми-босыми бросили на погибель. Больше-то некому. Юмашев-капитан у Виталика Скоробьенко хотел под Новый Год откупить бурого в яблоках мерина, предлагал через бабу Раю пятнадцать рублей. К нему, мол, вся казанская и уфимская родня ожидается на новогодний сабантуй, полагается съесть лошадь. А разве же цыган продаст коня на конину за пятнадцать рублей? — цыган на коня молится, даже на такого сивого, сопливого и кривого. Кони — ихние цыганские бешменчики. Тогда Скоробьенко Виталик забил с Юмашевым стрелку, в двадцать три ноль-ноль за шлагбаумом, в пришоссейном леске — ему-де как ненадёжному цыгану в запретзону допуска нету. *Но за пятнаху, скажи, Яковлевна, шурум-буруму своему косоглазому, кота он может купить и съесть сырым с усами вместе. А об коня меньше чем с полтинника и базарить не станем!* Конечно, баба Рая ничего такого милиционеру Ферштейну не доложила — не наше это дело: мешаться в дела народов земли. Мы тут живём у Иерусалима под боком, дожидаемся знаменья. Нам ничему худому учиниться не вместно: не останется на земле нас — не придёт избавленья и не исполнится завет.

Что-то они там зашебуршились, зашушукали, забегали сызнава — опять, что ли, опресноки, калитки великодённые, подошли, испеклись? Нет, волны хлебной, сырогорячей нету на меня, плита не гремит и протвинь не брякает, одним только веет простынным колыханьем холодным. Да и шаркают где-то поближе. “Раздвинулось море широко, лишь волны бушуют вдали, ведёт Мойсей насъ далеко отъ египетской грешной земли, — надтреснуто, стараясь потоньше, заводит баба Рая. — Не слышно ни криковъ, ни песенъ, лишь Красное море волною шумить. А берегъ суровый и тесенъ, — какъ вспомнишь, такъ сердце болитъ”. Баба Рая идёт по большому проходу с длинной можжевеловой веткой, вполколена приседает, вполпояса наклоняется, а между шагов, приседаний и наклонов шлёпает с лёгоньким таким оттягом простыни по правую и по левую сторону. За ней — гуськом-гуськом гусиным шажком подбираются девки в хламидах, делают всё то же самое, только слова не поют. Яша даёт от плиты голос, помогает бабе Рае не сбиться с напева. Дошли до выхода на лестницу — постояли, помахали вокруг можжевелами и обратно повернули, к Яше. Теперь девки впереди, а баба Рая следом, хлещется. Это Разделение Вод. “За нами полки фараона спешать, какъ туча на насъ надвигаясь, какъ тысячи змеевъ намъ въ спину шипять, отъ злобы своей содрогаясь”. На будущий год пойду уже я говорить и петь заместо бабы Раи по большому проходу — тогда уже я буду главный принц и мужик; буду, только если всё сейчас до последней щёпотки вспомню, где у меня что, кто я, где я... и всякую страсть перестерплю, какая ни случится. и не размежу век и не выгляну из-под проклятой бескозырки, прежде как всё перестерпел и всё вспомнил. На будущий год, если только... “Адонаю, Адонаю, — бормочет себе под нос баба Рая: она уже снова ведёт девок к лестнице. — Ты Одинъ Богъ, Ты Одинъ Есть, Ты Одинъ Святъ, спасибо, что воды Разделилъ и насъ посуху Пустилъ, а злаго того фараона волнами Накрылъ со всемъ его войскомъ...” и так дванадесать раз туда-сюда-и-обратно. Раньше, баба Рая говорила, прадеды выходили за два часа до полуночи на берег, заходили до середины голени в море и хлестались ветвями по правую и по левую сторону. Теперь нам такого нельзя — береговую полосу от правого Фараонова Кремня до левого ежечасно обходит со стражей пёсьей пограничный наряд, а по ближнему морю, по Жидячьей Губе, бесперестанно снуют сторожевые катера и светят кружные и скрещённые светы с авианосца “Повесть о настоящем человеке”. Какую песню прадеды пели и какие точно говорили слова, того нам не передано, за наши грехи, говорит баба Рая. А какие у неё грехи?.. Или у Яши?.. Или у девок?.. В последнюю войну, едва как отогнали хананейские люди русское войско до Пьетари — по-ихнему, значит, до самого Рима, — воротился из Гельсинок меньшей Энгельстрём-барин на лыжах, со взводом карельских стрелков. Внизу на кухне уселся, за спиной двое с автоматами, но сам цивилизный; сидит, сковыривает полированной острой палочкой зазелень и ржавчину с шерстяных белых гетров и вежливо так говорит: *Никогда я, милейший Яков Яковлич, мужичью нашему досужему не верил, будто вы якобы жид. В церковь вы ходите, волосами блондин, с носу курносенький, цвет глаз у вас голубоватый с продырью, и всё ваше семейство такое — самые наитипичнейшие русские Иваны. Вейнелейсы ? — Вейнелейсы, вейнелейсы!* — кивают у него за спиной

автоматчики, толстые усы оттаяли и качаются, капают. *Мы, да будет вам известно, Яков Якович, дорогой вы мой, чудесный старик, мы как раз жидов и не бьём, нам того маршал Маннергейм не велит, ибо мы не какие-нибудь там немецко-фашистские черносотенцы и хамы. Мы — освободительная армия многострадальной Суоми и освобождаем нашу священную землю от российских колонизаторов. А где, кстати говоря, контрактик тот старый, что вы с батюшкой моим в тринадцатом году заключали? Не знаете? Ну ничего страшного, я тут сам пока огляжусь, не буду вас задерживать...* Баба же Рая с трёхгодовалым Яшей схоронялись в безоконной каморке за кухней, размером со стоячий гроб (туда только из Яшиного чуланчика, где у него крыжечки виольные и иное добро, переходик есть внутренний: через поворотный камень и боковым протиском), потому их тогда вместе с прадедом, прабабкой и рыжим Яшкой-заикой, бабы-Раиным братцем-погодком, не застрелили у задней пакгаузной стенки и не сбагрили в ближнюю топь. А турецкая та жестянка с бумагами была у бабы Раи в каморке с собой, ничего Энгельстрём-барин-сын не нашёл, даром только порасщепил все поставцы да лари, печки по камушку поразметал, перины с подушками повспорол и пращуровы рукописные книги все поперервал и поразбрасывал; великодённая же прежняя песня как раз в тех таинственных книгах и была: слова, новгородскими буквами написанные на старом жидовском языке, и напев испанский, крюковой. Он бы с досады и весь пакгауз пожёг, вместе с бабой Раей и Яшей, да пакгауза ему, видать, жалко стало — то ли он после войны тут полагал учинить люторанскую кирку, то ли вертеп гостиничный с рулеткой и дамской прислугой для торговых гостей, до Гельсинок и обратно мимоезжих, то ли ещё похабство какое промышленное. Жечь, короче, не стал, свистнул с болота стрелков к построенью, набул лыжи, накинул маскировочный балахон и пошёл себе на зюд-зюд-ост по своему воинскому стрелецкому делу. и никогда уже назад не являлся.

— Баб, а если бы тогда у пращуров расступилось бы море? — что тогда?

— Ничего тогда, пошли бы как были в Ерусалим-город прямо по тому росступу, а за ними бы и весь народ воскрес и пошёл.

— А мы что же? Как же мы тут на чердаке в простынях? Мы ж тут и не заметим ничего, коли вдруг...

— Спи, князенька, спи, радость. Всё заметишь, не бойся. Час будет, будет знак. Знак будет — и пойдём. А по морю ли, по суху, или какими подземельями — того нам сейчас неведомо, то не в нашей лежит Руке. Спи, чадо, ты это увидишь...

Если спать и видеть сон, но во сне знать, что спишь и сон видишь, то спишь ты или нет на самом деле? и что тогда видишь — сон или что такое? Сейчас будто как всплыло: снилось под маковым бабы-Раиным отваром (но пока снилось, я знал: это снится; нет, не знал — надеялся): прихожу к Верке-продащице в ларёк, Яше колбасы купить по два двадцать кило, триста грамм, порезать и спросить, нет ли новой “Пионерской правды”-газеты — но не с улицы прихожу, не суюсь головой сквозь окошко, а вхожу со двора, где ящички, задним ходом вовнутрь. В ларьке сумерки, холод, мгlistый свет клубом всасывается сквозь окошко и весь поглощается Веркой: Верка в нём пышная, как в тесном несветящемся коконе. *Сейчас, милок, в подсобке гляну* — и уходит: вытерла о передник руки; приспустила над прилавком железную ставню — но не до конца, а на кулак оставила щель; галошами по цементному полу чирк-чирк, по сгусткам керосиновой слякоти шлёп-шлёп, по рваным кардонкам шурк-шурк; вышла, вынесла с собою почти что весь свет; чмокнула-лязгнула дверь — затворилась. Я в ларьке один, тихо, хмуро; в эмалированном поддоне стоит на прилавке — с моей стороны — кус пёстро-чёрного холодца, низкий прямоугольный вырез, а на нём, как на основании, пирамидой составлены пятнистые пряники, вышиною до потолка или где там и на чём они у ней кончаются... в темноте верхней не видать, но я знаю: завершьё — пустая бутылка “Агдама” на трёх мятых спинках последнего слоя. Я цап за холодец, выкогтил полную пригоршню склизкого, вяло-упругого из торца, — но никак не оторву от куска: волоконцами тянется, дрожит-волнуется и уже сквозь пальцы течёт, вот-вот вытечет весь:

останутся сейчас одни только влажные жилки в горсти да роговые обрезки внутри тусклых алатырных капель. Потянул посильней — всё задрожало, подалось, наклонилось, а я отпрянул на длину завязлой руки; пряники стучат деревянно по прилавку и по полу, над ними медленно летит, медленно вокруг себя обращается завершенная склянка, а тут и Верка с газетой вошла. В дверях за ней высится Егор-поп, у него замаранный чем-то передник поверх рясы и вздутые нарукавники из разрозненной марли, стоит смотрит. Стыдно... Ты что ж это, ирод? голосит Верка: *Вконец обледенел?! —* а поп тот стоит улыбается, тычет ей через плечо скребком, какими цыгане на пушферме отскребают бухтарму от мездры у пушных крыс голохвостых. А что в газете написано, куда поп тычет, того я не вижу — так её Верка держит: от меня; а тот ещё свет со двора застилает. Но я знаю: там, на первой странице — ...Нет, не знаю; или знаю, но сказать не умею. Или знал, но не вспомнить никак. Только не вспомнить бы... Только бы баба Рая не узнала, что я в забобонскую ту газетку глядел — мы газет не читаем, мы ими только скарб оборачиваем да харч и на фотокартинки, какие сверху, глядим — можем. Скляночка агдамная долгая так и не упала, навсегда осталась поворачиваться под потолком. Замкнуть бы, кажется, уши от бабы-Раина пенья, и хоженья, и хлестанья можжевельного, от девкиного топота да от Яшиного скулежа, от незапного взыва дозорных аэропланов на взлёте (да они и так заглушают всё), и очутишься вновь где был, у Верки-рыжей в ларьке, и можно будет исхитриться как-нибудь доглядеть, что там у ней стоит в “Пионерской правде” в разделе “На поверку, горнисты!”, что там такое важное значится на отвёрнутой от меня разноцветной странице. Но замкнуть уши никак — обе руки от кисти до локтя примотаны у меня индпакетным бинтом к коечной раме. Можно только пальцами беззвучно настучивать по узкой железке в лад мерному ударенью крови об глаза, об горло, об сердце, об уд: “А берегь суровый и тесень, — какъ вспомнишь, такъ сердце болить... А берегь суровый и тесень, — какъ вспомнишь, такъ сердце болить... А берегь суровый и тесень, — какъ вспомнишь, такъ сердце болить...”

Как сошлось тогда за жидами море, войско всё фараоново накрылось волнами и поголовно утопло. Одна только малая толика, головной отряд человек в сорок, выплыла и выползла на тот берег, мокрые. Обсушились и поодаль пошли за жидовским народом — куда они, туда и они. В Испанию — в Испанию. В Россию — в Россию. Но поодаль. Из тех вот египетских загорелых людей и сделались потом цыгане, фараоново бездомное племя. Себя они, на тайном своём языке, римляне кличут, чужие же все народы дразнят: раклу. Но ни в каком Риме им впуску и осёдлости нету — ни в первом Риме старом, том, что кесарь Пётра на воздухе выковал за домом дом, за церковью церковь, за истуканом истукан и весь разом поставил с ладони на побережную топь, и ни в другом, новом. Ново-Рим тот недавно у русских людей выстроился где-то далёко в Сибири: когда были мятежи и междуусобья с пролитьем крови, а также большая махаловка, и они своего кесаря смертью казнили, и с ним заодно весь остаток Романова Дома, тогда вот и было стольное место унесено в российскую глубину, подальше от чухонской границы и от вечной Пётриной мести. Там в Сибири из белого и красного камня поставился у них новый Рим-город великий на горках крутых, ещё больше, ещё страшней прежнего — но и в нём, новом, египетским выходцам впуску и осёдлости нет тоже. Только в Первомайском совхозе. Бабы и девки у тех людей круглый год ходят на Выборском горвоксале гадать по ладони, но правды никому не гадают — правда написана на правой руке, они же смотрят нарочно на левую, так им издревле заповедано от ихних богов; малые дети при тех бабах из-под пёстрых юбок бегают, милостыню нищенствуют, а где чего и стырят; мужики же цыганские наняты в обдирном цехе в совхозе: свежуют там пушных крыс да кроликов шапочных и отскребают бухтарму от мездры, но чуть весна, все на бюллетень и уходят с левой шкуркой в Россию — примерно так: от Юрьева дня весеннего до осеннего Юрьева дня. Вот как русская паска минет, явится к нам в летнюю кухню Скоробьенко Виталик, ихний цыганский вождь и барон, — лошадей по новой ковать, чёрные ножи вострить на нашем хорошем довоенном круге, пятак лезвийё. Они чуть что, в ножи, такое у них свойство. По цыганскому закону всякий человек им добыча, кроме нас, жидов. Даже пацанятам своим не велят в нас кидаться пригоршнями придорожного праха и сухими лошажьими яблоками, зимой же — твёрдым снегом и ледяной теребенью. Знают, чем это кончается.

